ХРОНИКА МОЕЙ ЖИЗНИ.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО САВВЫ,

Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго

(† ОКТ. 1896 г.).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

(1819—1850 гг.).

Сергіевъ Посадъ
Моск. губ.
2-я ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
1898.

8К
594

Оттиски изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1897 и 1898 годъ.

Печатать дозволяется. Сергіевъ посадъ. Марта 20 дня 1898 года.
Ректоръ Академіи, *Архимандритъ Арсеній*.

Сам Архиепископ Тверь и Кашинский.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
230
91

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Автобіографическія записки въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго († 13 окт. 1896 г.), подъ заглавіемъ: „**Хроника моей жизни**“ (1819—1896), имѣютъ высокій и разносторонній интересъ. Онъ началъ свое общественное служеніе въ то время, когда въ Россіи подготовлялись великія реформы и когда общественная мысль была возбуждена ожиданіями преобразованій во всѣхъ сферахъ государственной, а въ значительной мѣрѣ и церковной жизни. Проходя должности Синодальнаго ризничаго, ректора Московской духовной семинаріи и затѣмъ академіи, наконецъ въ санѣ викарія Московской епархіи, почившій архипастырь стоялъ подъ непосредственнымъ руководствомъ знаменитаго Московскаго первосвятителя, митрополита Филарета, имѣлъ возможность близко ознакомиться со многими выдающимися дѣятелями и выработать себѣ правильный взглядъ на совершавшіяся тогда событія. Обладая высокимъ умомъ и рѣдкою наблюдательностію, онъ въ эту эпоху реформъ и броженія умовъ заносилъ на страницы своей Хроники впечатлѣнія высокой исторической важности. Впослѣдствіи въ санѣ епископа Полоцкаго (1866—1874), Харьковскаго (1874—1879) и Тверскаго (1879—1896),

и въ званіи временно присутствовавшаго въ Святѣйшемъ Синодѣ члена (1883—1885) онъ имѣлъ возможность еще болѣе расширить кругъ своихъ наблюденій и занести на страницы своей Хроники сообщенія, имѣющія значеніе историческихъ документовъ, какъ напр. письма современниковъ и т. под. Талантливый наблюдатель, высокій художникъ слова, православный богословъ и въ то же время благодушный и спокойный человѣкъ, онъ въ своей Хроникѣ обнимаетъ исторію большей половины истекающаго столѣтія и освѣщаетъ ее тѣмъ правильнымъ и яснымъ свѣтомъ, который можетъ исходить изъ сердца лишь истиннаго христіанина.

1819 г.

Отъ чрева матере моея Ты еси мой покровитель... Не отвержи мене и во время старости: внегда оскудѣвати крѣпости моей, не остави мене. (Псал. 70, 6. 9).

Я родился 15-го марта 1819 года. Родители мои были Михаилъ Сергѣевичъ и Стефанида Ивановна. 1819 г.

Отецъ мой былъ сынъ діакона Крестовоздвиженской церкви села Палеха, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской епархіи, Сергія Никитича; родился 20-го сентября 1783 года. Оставшись въ малолѣтствѣ круглымъ сиротою, онъ воспитывался въ домѣ священника и благочиннаго тогоже села Палеха Ивана Ефимовича Дмитревскаго (уроженца Вологодской епархіи), женатаго на сестрѣ дѣда его, Никиты Ѳеодоровича, Ириніи Ѳеодоровнѣ. 11-ти или 12-ти лѣтъ онъ, обучившись грамотѣ, опредѣленъ былъ къ той же Крестовоздвиженской церкви, при которой былъ его отецъ, на должность пономаря и вскорѣ посвященъ былъ въ стихарь.

Мать моя, Стефанида Ивановна, родилась въ 1788 году, была дочь также діакона села Горицъ, Шуйскаго уѣзда, Суздальской (нынѣ Владимірской) епархіи, Ивана Ивановича. Дѣдъ ея, также Иванъ Ивановичъ, былъ дьячкомъ въ селѣ Горицахъ, а прадѣдъ о. Іоаннъ въ томъ же селѣ былъ священникомъ. Овдовѣвши, онъ поступилъ въ число братіи въ Николо-Шартомскій монастырь, находящійся отъ Горицъ въ 4-хъ верстахъ. Здѣсь, принявши монашество съ именемъ Іоасафа, онъ возведенъ былъ въ 1780 году въ санъ игумена, но въ ночь на 29 число августа 1786 года, неиз-

1819 г. вѣстно кѣмъ, былъ убитъ въ монастырѣ, какъ замѣчено въ старинномъ монастырскомъ синодикѣ [1]).

Какъ у моего родителя была только одна сестра Аграфена Сергѣевна, бывшая въ замужествѣ за священникомъ въ селѣ Богородскомъ, Шуйскаго уѣзда, о. Александромъ: такъ и у матери моей былъ только одинъ братъ Петръ Ивановичъ, который былъ сначала дьячкомъ при Горицкой Богородицкой церкви, а потомъ при той же церкви діакономъ.

Отецъ мой, какъ мнѣ его описывали, былъ невысокаго роста, съ русыми волосами и красивымъ лицомъ; при живомъ и веселомъ характерѣ, отличался любознательностію и пользовался добрымъ расположеніемъ прихожанъ и родныхъ, коихъ какъ въ Палехѣ, такъ и въ Горицахъ было очень много. Кромѣ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей по церкви, онъ занимался домашнимъ столярнымъ ремесломъ, — вставкою въ оконныя рамы стеколъ и даже художествомъ—иконописью. Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII столѣтія палеховцы заимствовали искусство иконописанія отъ иконописцевъ г. Шуи—главнаго тогдашняго центра старинной Суздальской иконописи [2]). У меня и теперь цѣлъ образъ Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости —произведеніе кисти моего родителя. Впрочемъ, на этомъ образѣ ему принадлежитъ только доличное, т. е. платье, а лица писаны другимъ, болѣе искуснымъ, мастеромъ. Въ Суздальской, а равно и въ Палеховской иконописи существовало слѣдующее раздѣленіе труда: одинъ левкаситъ, т. е. грунтуетъ алебастромъ, смѣшаннымъ съ простымъ клеемъ, доски, другой по заготовленному на доскѣ рисунку пишетъ лица, третій—доличное (платье), четвертый подписываетъ, пятый накладываетъ серебро, шестый окрашиваетъ поля (края образа) и послѣдній олифитъ [3]).

У родителей моихъ было 12 дочерей и ни одного сына: поэтому, естественно, отцу моему чрезвычайно хотѣлось имѣть наслѣдника—сына, и Господь внялъ его пламенному

---

[1]) См. Описаніе г. Шуи и его окрестностей, Вл. Борисова. М. 1851 г. стр. 206.

[2]) Описаніе г. Шуи, В. Борисова, М. 1851 г. стр. 76.

[3]) Ежегодникъ Влад. Статистич. Комитета, т. 1, вып. 1, столб. 229—230, Владиміръ, 1876 г.

желанію: но ему не дано было утѣшенія видѣть появленіе 1819 г.
на свѣтъ желаннаго сына.

Въ январѣ 1819 года Михаилъ Сергѣевичъ былъ въ Горицахъ у своей тещи Анны Васильевны въ гостяхъ. Возвращаясь оттуда домой, онъ сильно простудился и, послѣ кратковременной болѣзни, 25-го числа того же января скончался на 36-мъ году отъ рожденія, оставивъ беременную жену съ тремя дочерьми.

Мать моя, Стефанида Ивановна, вскорѣ послѣ кончины своего мужа, оставила Палехъ и переселилась съ дочерьми на свою родину въ село Горицы, гдѣ у ней оставались еще въ живыхъ мать Анна Васильевна и младшій братъ. На первый разъ она помѣстилась у брата своего, діакона Петра Ивановича, въ особомъ небольшомъ флигелѣ на дворѣ, и здѣсь-то 15 числа марта 1819 года разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ перваго и послѣдняго сына, котораго во святомъ крещеніи нарекли Іоанномъ въ честь преподобнаго Іоанна списателя лѣствицы, коего память совершается Церковію 30-го марта. Воспріемниками при моемъ крещебыли: означенный діаконъ—Петръ Ивановичъ и старшая его дочь дѣвица Елизавета Петровна, которая вскорѣ послѣ того скончалась. Итакъ, мнѣ суждено было, по волѣ Божіей, родиться не подъ родительскимъ кровомъ, а въ чужомъ, хотя и родственномъ домѣ. Не было ли это предзнаменованіемъ моей страннической жизни, моего постояннаго перехожденія изъ мѣста въ мѣсто, изъ града въ градъ?!.

Младенчество мое, какъ мнѣ сказывала старшая сестра, сопровождалось болѣзнями и лишеніями. На первомъ же году жизни я страдалъ отъ кроваваго поноса и былъ въ крайней опасности жизни. Отъ этой болѣзни меня лечили краснымъ виномъ съ растопленнымъ сургучемъ и поили водою съ какого-то цѣлебнаго камешка, хранившагося у какой-то благочестивой, а, можетъ быть, суевѣрной старушки, извѣстной подъ именемъ „Малинки“. Какъ бы то ни было, но *хранящій младенцы* Господь сохранилъ мою слабую жизнь и хранитъ ее, по своему неизреченному милосердію, до сего дня. Для моего питанія требовалось молоко, но у матери моей своей коровы еще не было, а просить молока у брата своего, у котораго была корова, она, вѣроятно, стѣснялась: такъ какъ у него было свое немало-

1822 г. численное семейство. Къ моему счастію нашлась въ сосѣдствѣ одна добрая и сострадательная крестьянка, Ѳеодора Михайловна Чайкина, которая, тайно отъ родныхъ моей матери, каждый день доставляла для меня свѣжее молоко. Я помню хорошо эту благодѣтельную мою кормилицу; но ея давно уже нѣтъ въ живыхъ. Упокой, Господи, ея добрую душу.

Кромѣ небольшого домика, въ которомъ я родился, у моего дяди и отца крестнаго рядомъ былъ другой старинный домъ изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, на „подклѣтѣ“, т. е. дву-этажный; внизу, спереди была жилая изба и вмѣстѣ кухня, а сзади кладовая; вверху напереди свѣтлая просторная комната съ старинною кафельною печью и лежанкой, а сзади чрезъ сѣни другая такая же комната, но холодная, безъ печи.

1822 г.

Моей матери предоставлена была просфорническая должность при Горицкой церкви и дано было небольшое мѣсто для постройки дома рядомъ съ большимъ домомъ ея брата. Скоро ли построенъ былъ домъ моей матерью, я не знаю, но въ январѣ 1822 года, когда мнѣ не было еще трехъ лѣтъ отъ роду и когда въ первый разъ пробудилось мое сознаніе, я помню, что мы жили уже въ своемъ домѣ. Домъ этотъ небольшой деревянный, о трехъ окнахъ; сзади, чрезъ сѣни, сдѣлана была пристройка, раздѣленная на двѣ половины; въ одной была холодная свѣтелка о двухъ окнахъ, а въ другой—темный чуланъ; при домѣ—небольшой дворикъ и маленькій огородъ.

У матери моей, кромѣ меня, было три дочери: Марія, Прасковья и Анна. Всѣ онѣ своими трудами пріобрѣтали себѣ насущное пропитаніе: зимой занимались ткацьемъ бумажной красной пестряди, такъ называемой „александрійки“, производство которой тогда въ нашемъ краѣ составляло исключительное почти женское ремесло; а лѣтомъ нанимались иногда у дяди, діакона, а иногда у священника, также родственника, жать хлѣбъ. Старшая сестра моя Марія Михайловна, которая осталась по смерти родителя 17-ти лѣтъ, выдана была въ замужество еще при жизни нашей матери. Это было 25 января 1822 года, когда мнѣ было, какъ выше

замѣчено, менѣе трехъ лѣтъ. Свадьба моей сестры была 1822 г
первымъ событіемъ въ моей жизни, сохранившимся въ моей памяти. Какъ теперь помню, — это было вечеромъ, при огнѣ: сижу я на голбцѣ подлѣ печи и вижу: за столомъ въ переднемъ углу, подъ образами, сидятъ женихъ и невѣста, подлѣ нихъ нѣсколько человѣкъ гостей, между прочимъ нашъ дядя Петръ Ивановичъ; матушка высыпала на столъ предъ женихомъ и невѣстою нѣсколько серебряныхъ рублей, обѣщанныхъ, разумѣется, въ приданое за невѣстой. Было ли какое нибудь угощеніе, не помню; помню только, что когда всѣ встали изъ за стола, меня позвали и заставили расплетать у невѣсты косу. Когда я не могъ скоро сладить съ этимъ, необычнымъ для меня, дѣломъ, дядя Петръ Ивановичъ взялъ у меня изъ рукъ косу и тотчасъ расплелъ. Затѣмъ всѣ изъ дому ушли, безъ сомнѣнія, въ церковь для совершенія брака, а меня оставили одного со старою крестьянскою дѣвицей *кривою* Парасковьей, которая и послѣ нерѣдко бывала у насъ въ домѣ для разныхъ услугъ.

Зять мой Василій Александровичъ Левашевъ, сынъ священника села Вознесенья, Ковровскаго уѣзда. По увольненіи изъ Владимірскаго духовнаго уѣзднаго училища, былъ опредѣленъ на пономарскую должность къ Успенской единовѣрческой церкви, вновь открытой при сосѣднемъ съ Горицами селѣ Дуниловѣ на мѣстѣ упраздненной Воробьевской пустыни. Въ этой-то единовѣрческой церкви, отстоящей отъ нашего дома немного болѣе версты, и совершенъ былъ бракъ моей сестры съ пономаремъ Левашевымъ. Такимъ образомъ наше семейство сократилось.

Послѣ сего всѣ заботы и попеченія моей матери сосредоточены были преимущественно на мнѣ, какъ на младшемъ и единственномъ сынѣ.

Дѣтство мое подъ материнскимъ кровомъ текло мирно и беззаботно. Въ лѣтнюю пору я предавался на улицѣ, съ немногими сверстниками своими, обыкновеннымъ дѣтскимъ забавамъ—бѣганью по лужайкамъ, игрѣ въ бабки и др.; а зимой большую часть дня проводилъ дома, занимаясь постройкой изъ бабокъ церкви; наряжаясь въ ризы, дѣлая ихъ изъ большихъ платковъ; привѣшивая на печи къ шесту коклюшки, которыя сестры мои употребляли при плетеніи

1825 г. кружевъ, и ударяя этими коклюшками о шестъ, какъ бы производя на колокольнѣ звонъ [1]). Вообще, у меня съ самаго дѣтства была особенная привязанность къ церковнымъ предметамъ: видно, что благолѣпіе приходскаго храма и строгая чинность богослуженія производили на меня глубокое впечатлѣніе. А съ тѣхъ поръ какъ я началъ себя помнить, я неопустительно бывалъ при воскресныхъ и праздничныхъ богослуженіяхъ, которыя на моей родинѣ совершались въ точности по уставу, со всѣми положенными чтеніями изъ толковаго Евангелія, Четіей-Миней и отеческихъ писаній, такъ что всенощная, напримѣръ, служба подъ великіе праздники продолжалось часа четыре и болѣе. И какъ въ зимнее время утреннее богослуженіе начиналось часа въ три по полуночи, а иногда и ранѣе: то, когда мнѣ было уже лѣтъ шесть или семь отъ роду, меня непремѣнно будили къ утрени.

1825 г.

Въ декабрѣ 1825 года, когда мнѣ было уже болѣе 6-ти лѣтъ отъ роду, гуляя разъ въ сумерки на улицѣ и катаясь на санкахъ или на лубянкѣ (изъ льда) съ горы, я неожиданно пораженъ былъ ударомъ большого, въ 600 пудовъ, колокола на колокольнѣ Покровской церкви сосѣдняго села Дупилова, а чрезъ нѣсколько минутъ повели меня въ свою Горицкую церковь. Здѣсь собралось духовенство всѣхъ церквей обоихъ селъ по случаю восшествія на престолъ Императора Константина Павловича. Заставили и меня поднять руку вверхъ съ обычнымъ перстосложеніемъ для крестнаго знаменія, когда читана была присяга, а за тѣмъ и цѣловать Евангеліе. Тоже самое повторилось чрезъ нѣсколько дней, когда полученъ былъ новый манифестъ о восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича.

Среди неграмотнаго семейства (мать и сестры мои—всѣ были неграмотны), очень рано во мнѣ пробудилось сильное стремленіе къ обученію грамотѣ; въ особенности мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе научиться писать. Вѣроятно, къ этому поощрялъ меня примѣръ двухъ сыновей моего

---

[1]) О св. *Антоніи* патр. Константинопольскомъ, жившемъ въ первой половинѣ IX в., пишутъ, что въ немъ, когда онъ былъ еще младенцемъ, было замѣчено стремленіе къ священнымъ дѣйствіямъ и пр. (См. Вѣчный Календарь *Е. А. Тихомирова*, т. 1, М. 1879 г., подъ 12 ч. февр., стр. 133).

дяди, которые старше меня были лѣтами и уже учились въ школѣ. Въ нашемъ домѣ была единственная книга—календарь, не помню, какого года прошедшаго столѣтія, съ пробѣльными въ ней листами. Не умѣя еще читать, я исписалъ всѣ эти листы разными чертами и каракулями; и такъ какъ въ домѣ не было ни чернилъ, ни перьевъ, то младшая сестра моя Анна, вмѣсто чернилъ приготовляла мнѣ изъ лазори, добываемой съ химическаго завода, растворъ, а вмѣсто пера, очинивала лучинку. Лѣтъ шести я началъ неотступно просить мать, чтобы она купила мнѣ азбуку; но такъ какъ этой книги въ селѣ пріобрѣсть было нельзя, а нужно было посылать за нею въ городъ: то, пока это происходило, я приступилъ къ своей теткѣ Татьянѣ Ивановнѣ, женѣ моего дяди, діакона, чтобы она выучила меня читать, хотя сама она была безграмотная. Но какъ она, вѣроятно, слышала, какъ ея дѣти громко твердили по книжкѣ буквы и склады, сама заучила ихъ на память, то эту премудрость не отказалась передать мнѣ; съ ея словъ я выучилъ на память названія буквъ и начальные склады ихъ. Но когда дѣло дошло до словъ подъ титлами: ангелъ, ангельскій и проч., то моя добрая учительница сама стала въ тупикъ. 1826 г.

1826 г.

Между тѣмъ, мнѣ наконецъ куплена была азбука и съ нею я отданъ былъ сосѣду нашему, дьячку Михаилу Васильевичу Бѣлоцвѣтову, въ книжное ученіе. Дѣло было такъ. 1 декабря 1826 года, въ день св. пророка Наума, матушка повела меня въ церковь къ обѣднѣ и послѣ обѣдни, поставивши довольно большую свѣчу, помнится въ пятиалтынный, предъ иконописными святцами, просила священника отслужить молебенъ пророку Науму, чтобы онъ наставилъ меня на умъ — на разумъ, а дьячку Михаилу Васильевичу сказала, чтобы онъ не снималъ съ подсвѣчника свѣчи, пока она вся не сгоритъ предъ образомъ [1]). Въ слѣдъ за тѣмъ она отвела меня въ домъ учителя, или, какъ говорили у насъ тогда, мастера, и съ этого благословеннаго дня начался курсъ моего ученія.

[1]) Объ обычаѣ совершать предъ начатіемъ ученія молебенъ пророку Науму — см. въ *Чт. М. Общ. Ист. и Др. Рос.* 1861 г. кн. IV. Еще въ *Мѣсяцесловѣ*, изд. архим. Димитріемъ, подъ 1-мъ ч. декабря.

1827 г. Когда привели меня къ Михаилу Васильевичу учиться, у него были уже три ученика изъ крестьянскихъ мальчиковъ, сверстниковъ или немного старшихъ меня по лѣтамъ. Одинъ изъ нихъ, помню, былъ Ефимъ Широковъ, другой Кузьма Бурсиковъ—оба богатыхъ отцовъ дѣти; третій, или вмѣстѣ со мною, или нѣсколько позднѣе поступившій, былъ Михаилъ Чайкинъ, сынъ помянутой выше благодѣтельной крестьянки Ѳедоры Михайловны; впрочемъ у него былъ живъ отецъ, добрый и честный крестьянинъ Иванъ Никитинъ.

Ученье наше шло такимъ образомъ. Книжки наши лежали не на столѣ, а на лавкѣ; мы же сами сидѣли предъ лавкою на низенькихъ стуликахъ. Между нами сидѣлъ на такомъ же стуликѣ и самъ мастеръ, занимаясь сапожнымъ мастерствомъ. Мы всѣ читаемъ вслухъ, и онъ, бывало, не пропуститъ ни одной ошибки не только въ словахъ, но и въ удареніяхъ и даже въ знакахъ препинанія, безъ должнаго исправленія и замѣчанія. Вообще, Михайла Васильичъ былъ великій мастеръ своего дѣла. Онъ былъ человѣкъ съ нѣкоторымъ даже образованіемъ; учился въ семинаріи и простирался до поэзіи; любилъ на досугѣ читать книги и входилъ даже, по праздничнымъ днямъ, въ словопренія съ раскольниками, которыхъ въ сосѣднемъ селѣ Дуниловѣ было много, и притомъ разныхъ сектъ.

1827 г.

Мое ученіе подъ руководствомъ Михайла Васильевича было очень непродолжительно. Начавши 1 декабря 1826 года со второй половины азбуки, гдѣ содержатся всѣ славянскія слова, которыя обыкновенно печатаются сокращенно — подъ титлами, гдѣ затѣмъ показаны славянскія цифры, означаемыя буквами алфавита и гдѣ, наконецъ, изъяснены строчные и надстрочные знаки препинанія и ударенія, въ родѣ слѣдующихъ: оксія, варія, камора, краткая, звательца, титла, слово-титло, апострофы, кавыка, ерокъ, запятая и проч., я скоро прошелъ часословъ, а къ веснѣ слѣдующаго 1827 года окончилъ и Псалтирь. Затѣмъ мнѣ слѣдовало приступить къ упражненію въ искусствѣ чистописанія: но я не знаю, по какимъ соображеніямъ, вѣроятно, экономическимъ, меня не оставили уже у

Михайла Васильевича, который писалъ очень красиво, 1827 г.
а перевели къ зятю Василію Александровичу на Пустыньку, какъ обыкновенно называли уединенную мѣстность, гдѣ находилась помянутая выше единовѣрческая церковь, при которой зять мой былъ пономаремъ. У зятя, въ продолженіи двухъ — трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, я оказалъ довольно порядочные успѣхи въ чистописаніи. Между тѣмъ, приближалось время поступить мнѣ въ школу.

Но прежде, чѣмъ оставить родной кровъ, я изложу здѣсь краткія свѣдѣнія о моей родинѣ и ея окрестностяхъ.

Село Горицы, гдѣ я родился, находится отъ уѣзднаго города Шуи въ разстояніи 17-ти верстъ по почтовому Костромскому тракту; расположено на правомъ берегу рѣки Тезы. Названіе свое получило отъ гористаго мѣстоположенія. Мѣстность очень красивая. Дома моей матушки и ея брата занимали въ селѣ едва ли не самое лучшее мѣстоположеніе. Они стояли особнякомъ. Мимо нашего дома съ лѣвой стороны проходила изъ села Иванова большая купеческая дорога въ Нижній Новгородъ; а съ правой стороны дома моего дяди лежалъ довольно глубокій оврагъ, отдѣлявшій оный отъ обширной поляны. Съ восточной стороны, предъ окнами, подъ горой протекала рѣка, а за ней раскинуто версты на двѣ большое село Дунилово.

Вблизи нашего дома, къ сѣверу, надъ рѣкою, на высокой горѣ красуются два каменныхъ храма, обнесенные обширною каменною оградою. Изъ двухъ церквей одна зимняя, теплая, а другая лѣтняя, холодная.

Холодная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, сооруженная въ 1762 году усердіемъ богатыхъ крестьянъ села Горицъ, Цыганова и Холщевникова, высокая, обширная и очень благолѣпная. Стѣны ея по мѣстамъ украшены были священными изображеніями, преимущественно апокалипсическаго содержанія. Мѣстныя иконы въ иконостасѣ всѣ почти въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ, предъ ними въ подсвѣчникахъ и лампадахъ стоятъ очень массивныя свѣчи. Между этими иконами съ особеннымъ благоговѣніемъ чтится храмовая икона Рождества Божіей Матери, сохранившаяся отъ прежней деревянной церкви и написанная, по усердію храмоздателей этой церкви, окольничаго Василья Васильевича и брата его Ивана Коробьиныхъ,

1827 г. около 1624 года съ подлинника, находящагося въ Переславскомъ (Залѣсскомъ) Горицкомъ монастырѣ. Священныя утвари и ризница при этой церкви вполнѣ соотвѣтствуютъ благолѣпію храма. На утрени, въ день Пасхи, священникъ и діаконъ, по древнему обычаю, на каждой пѣсни канона, предъ кажденіемъ по церкви, перемѣняли облаченія, изъ коихъ одно было лучше другаго: это, при блистательномъ освѣщеніи храма и при громогласномъ торжественномъ пѣніи, усугубляло духовный восторгъ молящихся и особенно восторгало наши дѣтскія сердца. Нѣкоторыя ризы и стихари имѣли на себѣ жемчужныя даже украшенія, а одна риза изъ желтаго неразрѣзнаго бархата извѣстна была подъ именемъ Питиримовской. По всей вѣроятности, это—приношеніе преосвященнаго Питирима, епископа Нижегородскаго († 8 мая 1738 года), который по рожденію своему принадлежалъ къ Владимірской епархіи [1]), и можетъ быть, родина его была село Горицы.

Къ этой же церкви пристроена довольно высокая каменная колокольня, на которой большой колоколъ вѣсомъ въ 300 пудовъ; второй колоколъ въ 150 пудовъ извѣстенъ подъ названіемъ Цыганова, такъ какъ пожертвованъ крестьяниномъ Цыгановымъ, однимъ изъ храмоздателей.

Другая, теплая церковь во имя Вознесенія Господня, менѣе благолѣпна, чѣмъ первая; но за то тѣмъ ощутительнѣе и радостнѣе былъ переходъ изъ зимней церкви въ лѣтнюю, въ концѣ утрени, въ Великую Субботу. На моей родинѣ издревле неизмѣнно соблюдался обычай, чтобъ, какъ бы рано ни была Пасха, въ Великую Субботу, въ концѣ утрени, плащаница переносилась изъ теплой церкви въ холодную, и тамъ уже продолжалась пасхальная служба. Какъ въ рай, бывало, входишь въ лѣтнюю, свѣтлую и просторную церковь изъ зимней, мрачной и закопченой церкви. Не смотря на то, что полъ въ лѣтней церкви чугунный, а на ногахъ легкая обувь и на плечахъ какой нибудь нанковый сюртучекъ или халатецъ, я не помню, чтобы когда нибудь я подвергался простудѣ: такъ горячо было въ дѣтствѣ религіозное чувство!

---

[1]) См. *Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Росс. церкви*, П. Строева. Спб. 1877 г., стр. 686.

Въ храмовой праздникъ Вознесенія Господня служба совершалась обыкновенно въ зимней церкви, и въ этотъ день ежегодно бывалъ вокругъ всего села торжественный крестный ходъ, въ которомъ принимало участіе духовенство всѣхъ церквей села Дунилова, исключая, разумѣется, единовѣрческой, и приносилась изъ этихъ церквей главнѣйшая святыня. Есть преданіе, что этотъ крестный ходъ, въ древнія времена, совершался на близь лежащую, съ западной стороны Горицъ, возвышенность, именуемую донынѣ Вознесенскою горою. Говорятъ, что на этой горѣ существовалъ когда-то Вознесенскій женскій монастырь. Съ горы этой во всѣ стороны открывается обширный видъ. 1827 г.

Село Горицы въ половинѣ XVI столѣтія принадлежало потомкамъ удѣльныхъ князей Суздальскихъ, братьямъ Димитрію и Василію Горбатымъ, которые здѣсь и проживали [1]). Ихъ дворецъ, коего мѣсто и до сихъ поръ сохраняется въ памяти народной, находился на помянутой мною выше полянѣ, надъ рѣкою Тезой. Тамъ видны еще и теперь ямы, гдѣ были княжескіе погреба. Въ нашествіе Литовцевъ село это потерпѣло разореніе [2]). Въ народѣ сохранилась память о Литовцахъ подъ именемъ пановъ. Въ позднѣйшее же время Горицы часто терпѣли отъ пожаровъ. Такъ, на моей уже памяти, въ 1823 году 16 сентября сгорѣло тамъ 120 дворовъ. Но послѣ этого пожара явилось въ семъ селѣ очень много большихъ и красивыхъ домовъ, такъ какъ около этого времени еще значительно процвѣтала мѣстная промышленность крестьянъ — скорняжная, состоявшая въ выдѣлкѣ звѣриныхъ шкуръ, преимущественно заячьихъ. Между крестьянами было нѣсколько купцевъ, которые вели значительную торговлю произведеніями мѣстной промышленности. Народонаселеніе Горицъ простиралось до 900 душъ обоего пола.

При незначительномъ количествѣ приходскихъ душъ (менѣе 500 душъ мужскаго пола, съ двумя деревнями), причтъ Горицкой церкви состоялъ изъ четырехъ членовъ: священника, діакона, дьячка и пономаря, и сверхъ сего была просфорня.

---

1) Описаніе г. Шуи, В. Борисова, стр. 182.

2) Тамъ же, стр. 183.

1827 г. Въ моемъ дѣтствѣ священникомъ Горицкой церкви былъ о. Матвѣй, двоюродный дядя моей матери. Видный и благообразный собою, онъ не имѣлъ школьнаго образованія и изъ причетниковъ возведенъ въ 1792 году въ санъ священства и былъ даже благочиннымъ. Имѣлъ пріятный голосъ и въ служеніи былъ очень благолѣпенъ. Жена его Анна Степановна была грамотная и очень любила читать и пѣть въ церкви; случалось не рѣдко, что она одна на клиросѣ отправляла вмѣсто дьячка раннюю обѣдню; а при отпѣваніи покойниковъ, она, бывало, никому не дастъ читать 17-ю каоизму; ходила иногда съ причтомъ и въ домы прихожанъ, для отправленія молебновъ. Помню какъ теперь: мы были въ одномъ богатомъ домѣ, для совершенія водосвятнаго молебна (брали по домамъ и насъ дѣтей, для полученія копѣечныхъ подаяній). Мнѣ довелось стоять у зеркала, и я не рѣдко заглядывалъ въ него. Анна Степановна, стоя сзади меня и примѣтивши мое неблагочиніе, дернула меня довольно сильно за ухо, и тѣмъ дала понять, чтобъ я не засматривался въ зеркало. Къ несчастію, эта почтенная старица страдала по временамъ недугомъ пьянства, и уходя изъ дома, приходила иногда по ночамъ къ намъ и настойчиво требовала отъ матушки водки, оставаясь въ нашемъ домѣ до утра. У о. Матвѣя была единственная дочь Александра Матвѣевна, которая была въ замужествѣ за священникомъ Покровской церкви села Дунилова, Василіемъ Васильевичемъ Саиоровскимъ, по которой въ живыхъ я уже не помню. У него же въ домѣ жила какая-то родственница, кажется, двоюродная сестра, дѣвица Ольга Алексѣевна, которой родной братъ Александръ Алексѣевичъ Горицкій былъ уѣзднымъ стряпчимъ въ г. Муромѣ.

Діаконъ Петръ Ивановичъ, рукоположенный въ діакона въ 1809 году, родной братъ моей матери и мой отецъ крестный. Довольно высокаго роста, темнорусый съ короткими волосами на головѣ, но съ довольно большою бородою и длинными усами; съ громкимъ голосомъ и съ живымъ характеромъ; отличный знатокъ церковнаго устава и весьма ревностный по службѣ; школьнаго образованія не получилъ, но былъ довольно начитанъ: Четьи-Минеи святителя Димитрія Ростовскаго едва не зналъ наизусть; безпорядковъ и шуму въ церкви терпѣть не могъ. Когда кто либо разговаривалъ

въ церкви, ему стоило только на амвонѣ поворотить голову 1827 г.
и шевельнуть усомъ, чтобы прекратить всякій безпорядокъ; въ особенности боялись его женщины. Строгъ былъ онъ и въ семействѣ; а семейство его было не малочисленно: кромѣ жены, Татьяны Ивановны, было два сына и четыре дочери. У него же проживала и мать его Анна Васильевна. Сыновья—Иванъ и Михаилъ—оба были старше меня; но Михаилъ, проучившись два или три года въ духовномъ училищѣ, скончался, а Иванъ окончилъ въ 1832 году курсъ семинаріи. Дочери были: Марія, Пелагея, Олимпіада и Елисавета. При такомъ значительномъ семействѣ, церковныхъ доходовъ, для содержанія его, было конечно недостаточно. Поэтому надлежало изыскивать къ сему другіе источники. По временамъ Петръ Ивановичъ занимался, посредствомъ найма, обработкою принадлежащаго ему участка церковной земли; но главнымъ и постояннымъ его занятіемъ была торговля оконными рамами, фонарями и хрустальною посудой; а жена его торговала красною нестрядью, которую приготовляли дочери и посторонніе женщины. При этихъ занятіяхъ, матеріальное благосостояніе семейства моего дяди было весьма удовлетворительно. По этому у нихъ въ домѣ давно уже заведенъ былъ самоваръ, и они почти ежедневно пили чай, тогда какъ у моей матери и въ поминѣ объ этомъ не было. Бывало, въ большіе годовые праздники, какъ напр. въ Пасху и въ Рождество, мою матушку приглашали на чай къ дядѣ, а она брала съ собою и меня: и какъ было радостно и весело на душѣ быть въ такіе торжественные праздники, въ свѣтлой, чистой комнатѣ, гдѣ все дышало изобиліемъ и довольствомъ! Но разъ вотъ что случилось со мною. Въ горницѣ, въ которой обыкновенно мы пили чай, были стѣнные часы съ кукушкой. Когда я въ первый разъ услышалъ пронзительные звуки этой кукушки, я такъ былъ испуганъ этою неожиданностію, что со слезами бросился бѣжать вонъ изъ горницы, и послѣ бой часовъ каждый разъ производилъ на меня самое непріятное впечатлѣніе.

Дьячекъ Михайла Васильевичъ Бѣлоцвѣтовъ опредѣленъ былъ на мѣсто въ 1819 году. Онъ былъ нашъ ближайшій сосѣдъ; его домъ былъ позади нашего. Былъ онъ двоеженецъ и такъ строго соблюдалъ церковное правило относи-

1827 г. тельно двоеженцевъ, что никогда не позволялъ себѣ проходить въ алтарѣ по горнему мѣсту мимо престола. Онъ голосъ имѣлъ не сильный, но пріятный тенористый; ноту церковную зналъ очень твердо и умѣлъ пѣть даже столповымъ, старинным напѣвомъ. Въ воскресные и праздничные дни собиралось на клиросахъ много грамотныхъ прихожанъ, которые и пѣли и читали вмѣсто причетниковъ: но подъ великіе праздники они требовали, чтобы первыя двѣ или четыре вечернихъ стихиры Михайла Васильевичъ пѣлъ по нотамъ, которыхъ они сами не разумѣли. Стихиры же въ Великій постъ, на преждеосвященныхъ литургіяхъ, онъ пѣлъ, большею частію, столповымъ напѣвомъ. Читалъ онъ не спѣшно и выговаривалъ каждое слово отчетливо, чего требовалъ и отъ другихъ. Когда я окончилъ у него ученіе грамоты, онъ заставлялъ меня въ церкви читать часы и шестопсалміе, и если я произносилъ какое нибудь слово противъ ударенія, или останавливался не на знакахъ препинанія, онъ пальцемъ ударялъ меня въ спину или въ шею. Въ послѣдствіи времени, когда я учился уже въ школѣ, и въ каникулярное время приходя въ церковь, становился по обыкновенію на клиросъ, Михайла Васильевичъ требовалъ отъ меня, чтобы я пѣлъ непремѣнно альтомъ, котораго у меня не было; и онъ былъ всегда недоволенъ, когда я пѣлъ въ одинъ съ нимъ тонъ: это было впрочемъ въ будничные только дни. Въ праздники пѣлъ, какъ я выше сказалъ, цѣлый хоръ прихожанъ.

Пономарь Андрей Андреевичъ Стразовъ, также съ 1819 года. Онъ былъ совсѣмъ другихъ качествъ: и читалъ не твердо, и пѣлъ не совсѣмъ исправно, а ноты и вовсе не разумѣлъ. Подъ великіе праздники, когда на правомъ клиросѣ пѣлъ стихиры по постному обиходу Михайла Васильевичъ, на лѣвый клиросъ выходили пѣть или о. Матвѣй, или мой дядя, діаконъ, а иногда и оба вмѣстѣ. За то Андрей Андреичъ былъ весьма услужливый человѣкъ: нужно ли, бывало, о. Матвѣю ѣхать по благочинію для обзора церквей,—онъ у него исправляетъ должность кучера; надобно ли везти въ училище или въ семинарію внука о. Матвѣя и сына о. діакона,—Андрей Андреичъ готовъ къ ихъ услугамъ. У Андрея Андреича было два сына и нѣсколько дочерей. Старшій изъ сыновей Яковъ былъ мой почти

сверстникъ, только годомъ или двумя моложе меня. Съ 1827г.
нимъ мы на перерывъ старались прислуживать священнику въ алтарѣ:—приготовить кадило, подать теплоту, вынесть изъ алтаря предъ евангеліемъ на маломъ входѣ свѣчу — это было наше дѣло, особенно въ будничные дни; въ праздники насъ до этого не всегда допускали. Но играми на улицѣ мы съ Яковомъ вмѣстѣ почти никогда не занимались, потому что онъ жилъ за церковію на другой улицѣ отъ меня, и у него былъ свой кружокъ друзей и сверстниковъ.

Просфорнею при Горицкой церкви лѣтъ десять была моя матушка Стефанида Ивановна. Эта должность доставляла ей порядочныя средства къ жизни. Я не знаю, получала ли она какое либо опредѣленное вознагражденіе за труды; но я хорошо помню, что она въ воскресные и праздничные дни ходила по церкви за старостою съ тарелкою для сбора приношеній; ходила съ причтомъ по домамъ во время Пасхи, осенью ходила по гумнамъ, во время молотьбы, съ мѣшкомъ для сбора такъ называемой нови, иногда брала съ собою и меня. Нѣкоторыя лепты доставлялъ и я ей. Когда, бывало, служитъ кто либо въ церкви молебенъ или паннихиду, послѣ вознагражденія причта, давали и намъ съ пономаревымъ сыномъ Яковомъ особо по грошу, а иногда и по пятаку. Но разъ служилъ молебенъ предъ образомъ Рождества Богородицы пріѣхавшій изъ Мурома къ о. Матвѣю гость, помянутый выше стряпчій Александръ Алексѣевичъ: онъ пожаловалъ мнѣ серебряную монету, кажется, пятиалтынный. Это привело меня въ крайнее удивленіе и восторгъ. И всѣ, такимъ образомъ получаемыя мною лепты я спѣшилъ отдавать своей матери; развѣ иногда утаишь копѣйку или двѣ на покупку для игры бабокъ.

Противъ Гориць, на лѣвомъ берегу рѣки Тезы, находится торговое село Дунилово. Оно вдвое больше Гориць и по числу дворовъ и по народонаселенію. Въ старину оно называлось „дворцовымъ“ селомъ. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, во время моего дѣтства, село это отличалось хорошими постройками; дома были, большею частію, высокіе на подклѣтахъ, украшены на конькахъ и окнахъ рѣзьбою. Домами этими любовался въ 1815 году покойный Московскій владыка Филаретъ, когда онъ, бывши

1827 г. ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи и архимандритомъ, ревизовалъ семинаріи Ярославскую, Костромскую и Владимірскую [1]). Проѣзжая изъ Костромы во Владиміръ, онъ останавливался для ночлега въ Дуниловѣ. „Рано утромъ, — разсказывалъ мнѣ самъ владыка, когда я былъ уже Московскимъ викаріемъ, — смотрю я изъ своей квартиры въ окно и вижу большіе красивые дома на подклѣтахъ, съ дворовъ выходятъ рослые мужчины въ красныхъ рубашкахъ съ ведрами на плечахъ; шли на рѣку за водой". Въ послѣднее время Дунилово, вслѣдствіе частыхъ и сильныхъ пожаровъ, значительно упало во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ Дуниловѣ было, при трехъ отдѣльныхъ приходахъ, 8 церквей, — всѣ каменныя, кромѣ одной теплой, единовѣрческой.

Церковь Благовѣщенская о пяти главахъ, византійско-русской архитектуры, весьма обширная, освящена въ 1675 году. Иконостасъ въ ней сдѣланъ по повелѣнію царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной, первой супруги Петра 1-го. Церковь расположена на высокомъ и крутомъ берегу Тезы. Въ XVII столѣтіи при этой церкви былъ женскій монастырь, упраздненный въ 1764 году; но игуменскія кельи деревянныя, обширныя, оставались до 1831 года, когда онѣ были истреблены пожаромъ.

При Благовѣщенской церкви на колокольнѣ были устроены, такъ называемые, русскіе часы, коихъ счетъ днемъ начинался отъ восхожденія солнца, а ночью отъ захожденія его.

Въ составѣ причта Благовѣщенской церкви было три священника, два діакона и шесть причетниковъ.

Къ Благовѣщенской церкви приписана была Крестовоздвиженская церковь, находящаяся среди села, на торговой площади. Она передѣлана была въ 1828 году изъ каменной древней часовни, воздвигнутой по случаю мороваго повѣтрія, свирѣпствовавшаго здѣсь въ 1654 году. Въ этой церкви находятся два большихъ деревянныхъ креста; изъ нихъ одинъ сооруженъ, какъ видно изъ подписи, бояриномъ Ѳеодоромъ Абрамовичемъ

---

[1]) О ревизіи Владим. семинаріи архим. Филаретомъ см. въ *Душеп. Чт.* 1870 г. и въ *Влад. Еп. Вѣдом.* 1873 г. № 9.

Лопухинымъ, которому Дунилово пожаловано было въ 1685 году въ отчину царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами; а другой устроенъ въ память избавленія въ 1830 году отъ холеры.

Церковь Покровская сооружена усердіемъ помянутаго сейчасъ боярина Лопухина. При ней другая теплая церковь, построенная въ 1743 году. Въ этой церкви весьма замѣчательна по древности чудотворная рѣзная икона святителя Николая Можайскаго, во весь ростъ. Къ сей иконѣ жители Дунилова и окрестныхъ мѣстъ имѣютъ особенное усердіе и благоговѣніе.

На колокольнѣ Покровской церкви большой колоколъ вѣсомъ, какъ было сказано выше, въ 600 пудовъ. Онъ вылитъ усердіемъ мѣстныхъ жителей въ память изгнанія изъ Россіи, въ 1812 году, французовъ. На немъ вылиты слѣдующіе стихи:

„Въ сей грозный годъ Галлъ дерзновенный,
„Собравъ враговъ отъ всей вселенной,
„Россію тщился разорить и т. д.

На Покровской колокольнѣ такъ же, какъ и на Благовѣщенской, имѣются часы, но другаго устройства, такъ называемые нѣмецкіе. Они бьютъ не только часы, но и четверти съ минутами. Этотъ бой разныхъ часовъ на двухъ колокольняхъ не рѣдко сбивалъ насъ съ толку.

Часы ежедневно заводилъ, если не на обѣихъ колокольняхъ, то на Покровской, одинъ очень смышленый и грамотный крестьянинъ, Исаакъ Андреевъ Колесниковъ. Онъ отличался такою любознательностію, что, въ свободное отъ своихъ житейскихъ занятій время, неусыпно занимался чтеніемъ духовно-нравственныхъ книгъ и, между прочимъ, полемическихъ сочиненій противъ раскола. Обогащенный разными свѣдѣніями, хотя безъ особеннаго критическаго такта, онъ съ самоувѣренностію вступалъ въ полемическую борьбу съ мѣстными раскольническими начетчиками. Любилъ онъ вести бесѣды и съ нами—школьниками и съ приходскими священниками.

Къ Покровской церкви принадлежала церковь кладбищенская во имя Преображенія Господня, за селомъ. Она освящена въ 1832 году. Я былъ при освященіи этой церкви. Торжественный обрядъ освященія храма, видѣнный мною въ первый разъ, произвелъ на меня глубокое впе-

1827 г. чатлѣніе. Въ моей памяти сохранилось при семъ еще слѣдующее знаменательное зрѣлище. Я видѣлъ возлѣ новоосвященнаго храма, можно сказать, цѣлыя горы нарѣзанныхъ ломтями булокъ и калачей, и нѣсколько чановъ съ квасомъ. По совершеніи литургіи, эти яства и это питіе окроплены были св. водою и раздавались богомольцамъ, которые съ благоговѣніемъ ихъ принимали и вкушали. Не напоминаетъ ли этотъ благочестивый обычай о Давидѣ, когда онъ, по перенесеніи изъ дома Аведдара Геоянина въ Іерусалимъ ковчега завѣта и по поставленіи его въ скиніи, принесъ предъ Господомъ всесожженіе и жертвы мирныя и раздалъ всему народу, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, по одному хлѣбу, и по куску жаренаго мяса, и по одной лепешкѣ (въ славянскомъ текстѣ: *по сковрадному млину* (каждому) 2 кн. Царствъ 6, 17—19)?

Причтъ Покровской церкви составляли два священника, діаконъ и четыре причетника.

Успенская единовѣрческая церковь каменная, построенная въ 1818 году усердіемъ Московской купчихи Евфиміи Егоровны Каретниковой, но освященная въ 30-хъ годахъ архимандритомъ Высоковскаго единовѣрческаго монастыря, Костромской епархіи, Зосимою († 1840 г.). Я хорошо помню этого сановитаго старца; съ нимъ пріѣзжало нѣсколько человѣкъ братіи, изъ коихъ болѣе прочихъ сохранились въ моей памяти суровый старикъ, іеромонахъ Боголѣпъ и очень молодой и красивый іеродіаконъ (имя его забылъ). Церковь довольно обширная, высокая и свѣтлая, по стѣнамъ и въ куполѣ расписанная живописью, которую производилъ извѣстный въ то время своимъ искусствомъ мастеръ, крестьянинъ села Тейкова, Медвѣдевъ. Расписаніе производилось не одинъ годъ и сопровождалось нѣкоторыми курьезами. Такъ, во время производства работъ, часто посѣщали церковь попечитель ея Семенъ Ивановичъ Балинъ, наемный уставщикъ крестьянинъ Харлампій Матвѣевъ и одинъ прихожанинъ Андрей, слѣпой физически и столь же слѣпой ревнитель мнимой старины; и какъ всѣ эти посѣтители не рѣдко дѣлали замѣчанія мастеровымъ, болѣе чѣмъ неумѣстныя: то мастеровые, въ наказаніе за это, всѣхъ ихъ помѣстили въ аду, при изображеніи картины страшнаго суда.

Пока строилась и украшалась каменная церковь Успен-

ская, богослуженіе совершалось въ другой деревянной цер- 1827 г
кви, во имя Покрова Пресв. Богородицы,—когда построенной, не знаю. Въ этой-то церкви мнѣ не рѣдко случалось бывать при богослуженіяхъ, когда я въ дѣтствѣ по временамъ гостилъ у своей сестры Маріи Михайловны, бывшей въ замужествѣ, какъ выше было сказано, за пономаремъ этой церкви. Мнѣ очень памятно, какъ помянутый выше попечитель, старикъ Балинъ подходилъ ко мнѣ и допрашивалъ, какимъ крестомъ я молюсь, и какъ нѣкоторыя ревнивыя старухи воспрещали мнѣ въ одно съ ними время творить поклоны.

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится единовѣрческая церковь, существовала мужская Успенская пустынь, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Воробьевой. Она основана въ XVII вѣкѣ бояриномъ Лопухинымъ и въ 1764-мъ году [1]) упразднена, а утварь перенесена была въ Дуниловскую Благовѣщенскую церковь.

При Успенской единовѣрческой церкви по штату положены священникъ, діаконъ, причетникъ, и сверхъ штата былъ вольнонаемный уставщикъ.

Изъ многочисленнаго Дуниловскаго духовенства многіе, если не большая часть семействъ, доводились намъ въ болѣе или менѣе близкихъ родственныхъ отношеніяхъ. Такъ, у моей бабушки Анны Васильевны было двѣ родныхъ сестры, изъ коихъ одна, Стефанида Васильевна, была въ замужествѣ за священникомъ единовѣрческой церкви о. Козьмою Васильевичемъ, а другая за причетникомъ Покровской церкви Алексѣемъ Васильевичемъ.

У Стефаниды Васильевны было три дочери, изъ коихъ двѣ были въ замужествѣ въ Костромской епархіи, а третья, болѣзненная, умерла дѣвицею.

У Татьяны Васильевны было три сына: Платонъ, Козьма

---

[1]) За годъ до упраздненія пустыни, именно въ 1763 г., присланъ былъ на имя послѣдняго строителя ея Никодима, изъ Суздальской Д. Консисторіи указъ съ прописаніемъ указа Св. Сунода отъ 23 апрѣля того же 1763 года, послѣдовавшаго на имя епископа Суздальскаго Геннадія, о тяжкомъ преступничествѣ и Ея Императорскаго Величества Высочайшей особы оскорбленіи Ростовскимъ митрополитомъ Арсеніемъ (Мацѣевичемъ). Интересный документъ этотъ напечатанъ въ *Ежегодникѣ Влад. губернск. статист. комитета* т. 1, вып. 1, стр. 304 и слѣд. Владиміръ, 1876 г.

1827 г. и Петръ. Петръ съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ Казани у дяди своего, священника, въ послѣдствіи протоіерея, Іакова Ивановича Семенова, магистра 2-го курса Московской Д. Академіи, и тамъ, окончивши курсъ семинаріи, получилъ священническое мѣсто. Я разъ только видѣлъ его, когда онъ, по окончаніи курса семинаріи, пріѣзжалъ на родину повидаться съ матерью и братьями.

Другіе два сына были причетниками при Покровской церкви въ Дупиловѣ. Ихъ почему-то, не знаю, называли лапчатыми.

Старшій изъ нихъ Платонъ Алексѣевичъ велъ себя, кажется, довольно благопристойно: но младшій Козьма—съ грѣхомъ пополамъ. Между прочимъ, у этого послѣдняго была страсть къ кулачнымъ боямъ, которые въ нашихъ селахъ зимой, по праздничнымъ днямъ, составляли любимое народное упражненіе. Козьма Алексѣевичъ отличался при томъ очень крѣпкими физическими силами. Отъ его кулаковъ доводилось многимъ терпѣть сильные удары; но однажды и онъ самъ былъ избитъ до полу-смерти. Жизнь его окончилась печальнымъ образомъ: разъ онъ, вѣроятно, выпивши, спалъ въ избѣ на полатяхъ, а жена куда-то отлучилась. Слѣзая съ полатей, онъ упалъ на полъ и тутъ-же духъ вонъ... Явилась врачебная полиція и признала нужнымъ анатомировать умершаго. Я былъ свидѣтелемъ этой, потрясающей душу, операціи. Послѣ несчастно погибшаго Козьмы Алексѣевича остался единственный сынъ Александръ, годомъ старше меня.

При Покровской же церкви оба священника и діаконъ были намъ въ родствѣ.

Старшій священникъ Васил. Вас. Сапоровскій былъ женатъ на дочери, какъ замѣчено было уже выше, Горицкаго священника о. Матвѣя, Александрѣ Матвѣевнѣ, которая была троюродною сестрою моей матушки. Онъ жилъ въ домѣ своего тестя, въ разстояніи отъ Покровской церкви около версты. О. Василій Сапоровскій — личность очень замѣчательная. Онъ изъ лучшихъ студентовъ семинаріи; окончилъ курсъ въ 1808 году; былъ пѣвчимъ и музыкантомъ въ архіерейскомъ оркестрѣ, пѣлъ басомъ и игралъ на фаготѣ; писалъ стихи; любилъ заниматься литературой, и при чтеніи журналовъ или газетъ писалъ на ученыя и ли-

тературныя статьи критическія замѣчанія; и велъ обширную 1827 г.
переписку съ своими товарищами и друзьями, между коими первое мѣсто занималъ Боголюбскій архимандритъ Аркадій Ѳедоровъ, въ послѣдствіи архіепископъ Пермскій и за тѣмъ Олонецкій, скончавшійся 8 мая 1870 года въ схимѣ, въ Александро-Свирскомъ монастырѣ. Ему онъ писалъ иногда обширныя посланія въ стихахъ [1]). Такъ какъ въ Дуниловѣ было не мало раскольниковъ, то о. Василій съ ревностію занимался изученіемъ раскольнической литературы. Все, что только извѣстно было тогда въ печати по части русскаго раскола, имъ было прочитано; и онъ не безъ успѣха велъ борьбу съ туземными раскольниками. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательный юристъ; ему были поручаемы епархіальнымъ начальствомъ слѣдствія по дѣламъ наиболѣе важнымъ и серьезнымъ. Сверхъ сего, онъ былъ любитель медицины; имѣлъ у себя небольшую аптечку, и къ нему съ довѣріемъ обращались прихожане въ своихъ недугахъ и болѣзняхъ. Такимъ образомъ онъ былъ врачъ не только душъ, но и тѣлесъ. О. Василій не очень долго былъ въ супружествѣ, и имѣлъ единственнаго сына Якова, который однакожъ не наслѣдовалъ дарованій своего родителя и, что особенно странно, не получилъ даже, когда былъ отданъ учиться въ школу, и фамиліи своего отца. Ему дана была фамилія: Горицкій, — очевидно, отъ села, въ которомъ онъ родился. Этотъ бездарный и притомъ болѣзненный юноша не простерся далѣе средняго отдѣленія семинаріи: злая чахотка прекратила дни его жизни. Другъ о. Василія, преосвященный Аркадій, многократно убѣждалъ его, какъ бездѣтнаго вдовца, оставить міръ и принять монашество: но всѣ убѣжденія оставались тщетными.

Младшій священникъ Покровской церкви Василій Михайловичъ Пришлецовъ былъ женатъ на Аннисьѣ Васильевнѣ, дочери своего предшественника, священника Василія Игнатьевича. Этотъ Василій Игнатьевичъ былъ дѣдъ моей матери, но въ какой степени, не знаю. Онъ жилъ девяносто лѣтъ, если не больше; и многіе послѣдніе годы онъ

---

[1]) Такъ, онъ послалъ 3 іюля 1829 г. въ Оренбургъ, куда въ февралѣ того же года Аркадій назначенъ былъ въ епископа, привѣтственное посланіе въ стихахъ на 12-ти страницахъ.

1827 г. неподвижно лежалъ на одрѣ болѣзни, такъ что отъ лежанія, какъ мнѣ сказывали, прогнили нѣкоторыя части его тѣла. Я помню только уже его кончину и былъ съ своею матерью при его отпѣваніи. Служба была, безъ сомнѣнія, очень продолжительна; но такъ какъ она для меня была новою, невиданною, то я выстоялъ ее безъ особеннаго отягощенія. О. Василій Пришлецовъ не имѣлъ, подобно о. Сапоровскому, большой учености; онъ, кажется, и не окончилъ даже курса въ семинаріи: но онъ отличался особенною скромностію, кротостію и благодушіемъ. Дѣтей у него не было, но онъ воспитывалъ какого-то родственника сироту Ѳеодора, который окончилъ курсъ во Владимірской семинаріи и почему-то поступилъ на службу въ Томскую епархію.

Діаконъ Иванъ Васильевичъ Зефировъ, сынъ, помянутаго выше, священника Василія Игнатьевича. Отличался необыкновеннымъ здоровьемъ, но голосъ имѣлъ какой-то гугнивый, весьма непріятный для слуха; тѣмъ не менѣе прихожане терпѣли его, какъ доморощеннаго, и даже уважали его какъ человѣка, исправнаго по службѣ, трезваго по поведенію и притомъ очень зажиточнаго. У него было только двое дѣтей—сынъ Василій и дочь Анна. Сынъ его былъ не много моложе меня.

При Благовѣщенской церкви были родственники, хотя и не близкіе,—старшій священникъ о. Трофимъ и діаконъ Василій Прокофьевичъ Соловьевъ—тотъ и другой были въ родствѣ съ нами по своимъ женамъ.

О. Трофимъ—ученый, честный и суровый старецъ. Онъ пользовался въ своемъ кругу большимъ уваженіемъ и былъ даже нѣсколько лѣтъ благочиннымъ. Въ семействѣ своемъ былъ грозенъ. У него былъ сынъ и двѣ или три дочери. Сынъ его Игнатій былъ юноша не бойкихъ дарованій, и отецъ, при его воспитаніи, не щадилъ своего жезла. Старшая дочь его, Анисья Трофимовна, была за помянутымъ выше діакономъ Покровской церкви Иваномъ Васильевичемъ; а младшую онъ пристроилъ на свое мѣсто, выдавъ за студента семинаріи Ивана Петровича Минервина. Когда о. Трофимъ былъ свободенъ отъ череды служенія при своей приходской церкви, и особенно, когда онъ былъ за штатомъ, онъ часто служилъ у насъ въ Горицахъ, по пригла-

шенію о. Матвѣя, раннія обѣдни, получая за свой трудъ 1827 г.
не болѣе пятіалтыннаго или даугривеннаго.

Діаконъ Василій Прокофьевичъ и жена его Александра Васильевна были люди очень добрые и простые. Ихъ семейство состояло изъ трехъ сыновей и одной дочери. Старшій сынъ Алексѣй мой почти сверстникъ и со мной вмѣстѣ учился въ училищѣ и семинаріи.

При такомъ обширномъ родствѣ, жизнь въ Горицахъ не могла быть, конечно, скучною. Впрочемъ, въ домѣ моей матери, кромѣ зятя Левашева, я почти никого не видалъ; но у дяди Петра Ивановича не рѣдко бывали гости, и въ значительномъ числѣ. Храмовые праздники и дни именинъ праздновались довольно шумно и весело. Угощеніе было, разумѣется, весьма изобильное: но предосудительнаго на этихъ пиршествахъ ничего не допускалось. Главную забаву гостей составляло пѣніе, но пѣніе церковное: пѣли, напр., догматики, или какія нибудь канты духовнаго содержанія. Главнымъ зачинщикомъ и руководителемъ пѣнія былъ всегда о. Василій Сапоровскій, какъ бывшій пѣвчій и музыкантъ. Нѣкоторые гости, преимущественно молодыя женщины, играли иногда въ карты, въ дурачки или въ свои козыри. Любимою же игрою моего дяди и о. Сапоровскаго была игра въ шашки.

До осмилѣтняго возраста я далѣе Дунилова нигдѣ почти не бывалъ. Разъ только зять и сестра, поѣхавши на Никольскую ярмарку въ сосѣднее село Пупки, отстоящее отъ Горицъ верстахъ въ четырехъ, взяли меня съ собою и тамъ купили мнѣ, не помню, какую-то игрушку. Тутъ же, въ первый разъ, увидѣлъ я монастырь Николо-Шартомскій, о которомъ упомянуто было выше.

Сообщу здѣсь краткія свѣдѣнія объ этой древней обители.

Обитель эта исторически извѣстна съ 1425 года. Названіе Шартомской она получила отъ рѣки Шартомы (нынѣ Шатма), впадающей близъ монастыря въ рѣку Тезу. Кѣмъ первоначально основанъ былъ монастырь, неизвѣстно; извѣстно только, что въ XVI вѣкѣ онъ былъ родовымъ кладбищемъ князей Горбатыхъ-Суздальскихъ [1]). Въ немъ съ

---

[1]) *Собраніе историческихъ свѣдѣній о монастырях*, А. Ратшина. М. 1852 г, стр. 32.

1827 г. 1425 года по 1767 годъ настоятелями были архимандриты, затѣмъ уже игумены, а съ 1830 года строители. Между игуменами въ 1780—86 значится Іоасафъ — мой прапрадѣдъ, о которомъ упомянуто было выше [1]).

Въ монастырѣ четыре каменныя церкви. Главная изъ нихъ во имя святителя Николая, обширная и величественная, освящена 27 апрѣля 1651 года.

Между священными утварями монастырскими значится рукописное евангеліе, принадлежавшее архіепископу Суздальскому Арсенію Элассонскому, ученому греку († 1630 г.). А въ числѣ старинныхъ граматъ и бумагъ хранится собственноручное письмо святителя Воронежскаго Митрофана [2]).

Насталъ, наконецъ, срокъ записывать меня въ приходское духовное училище, которое находилось въ уѣздномъ городѣ Шуѣ. Пока я находился дома, мнѣ не стригли волосъ, а только подстригали кругомъ, какъ это обыкновенно было у крестьянскихъ дѣтей. Теперь нужно было меня остричь, какъ требовалось школьными порядками. Матушка послала меня къ о. Василію Сапоровскому просить, чтобы онъ меня остригъ, а мнѣ приказала остриженные волосы принесть ей,—что я, конечно, и исполнилъ. Волосы мои были бѣлые и мягкіе, какъ ленъ. Матушка до конца своей жизни хранила ихъ у себя.

Во второй половинѣ іюля 1827 года матушка повела меня въ г. Шую. День былъ жаркій. Отойдя нѣсколько верстъ, я началъ чувствовать усталость. Къ счастію, насъ догналъ на дорогѣ знакомый матушкѣ крестьянинъ, который также ѣхалъ въ Шую и котораго она упросила посадить меня на телѣгу и подвезть. Добрый крестьянинъ, спасибо, не отказалъ въ ея просьбѣ; меня посадили въ его телѣгу. Но тутъ оказалась другая для меня бѣда: пока лошадь шла шагомъ, матушка не очень далеко отставала отъ насъ и была у меня на глазахъ; но какъ скоро лошадь начинала бѣжать рысью, матушка скрывалась отъ

---

[1]) *Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Р. Ц.*, П. Строева. С-Пб. 1877 г., стр. 681—83.

[2]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Николо-Шарт. монастырѣ см. въ книгѣ: *Описаніе г. Шуи*, В. Борисова, стр. 191—206.

моихъ глазъ, и я, опасаясь какъ за нее, такъ и за себя, 1827 г.
начиналъ плакать. Наконецъ, такъ или иначе, мы достигли цѣли своего путешествія и, прибывши въ Шую, остановились у родственника своего, діакона кладбищенской Троицкой церкви Григорія Михайловича Дроздова. На другой день матушка повела меня къ смотрителю училища на экзаменъ. Тотъ заставилъ меня читать сначала по славянски: я прочиталъ бойко; за тѣмъ далъ мнѣ читать, не помню, какую книжку гражданской печати. Я, хотя и могъ довольно хорошо разбирать и гражданскую печать, но не такъ свободно, какъ славянскую; поэтому я, вѣроятно, не разсчитывая на успѣхъ, сконфузился и не могъ слова выговорить, какъ ни ободрялъ меня смотритель. Нужно было при этомъ назначить мнѣ фамилію. Но такъ какъ у моего родителя никакой фамиліи не было, то матушка просила дать мнѣ фамилію моего двоюроднаго брата—Тихомировъ. А отъ кого эта фамилія заимствована была для моего брата, я и теперь не знаю. Отецъ его такъ же, какъ и мой, былъ безфамильный. Скоро затѣмъ мы возвратились домой.

Приближался сентябрь. Нужно было снова въ Шую, но уже не на короткій срокъ. За день или за два до отъѣзда, матушка повела меня ко всѣмъ роднымъ прощаться. Родные, при прощаньи, награждали меня — кто гривенникомъ, кто пятіалтыннымъ, а сестры мои, въ день отъѣзда моего, напутствовали меня горькими слезами, какъ будто отпускали въ рекруты: но я съ спокойнымъ и даже веселымъ духомъ стремился въ школу.

Привезши въ Шую, матушка снова водила меня къ смотрителю и при этомъ принесла ему въ даръ десятокъ очень крупныхъ яблоковъ. Въ Шуѣ меня помѣстили на ту же квартиру, на которой жилъ мой двоюродный братъ Иванъ Тихомировъ, за годъ передъ тѣмъ переведенный во Владимірскую семинарію. Съ нимъ вмѣстѣ квартировали и вмѣстѣ перешли во Владиміръ три брата Соловьевы—Михаилъ, Алексѣй и Николай. Изъ нихъ Алексѣй—впослѣдствіи извѣстный Агаѳангелъ архіепископъ Волынскій († 8-го марта 1876 г.).

Прежде чѣмъ говорить о моемъ начальномъ образованіи въ школѣ, я не излишнимъ считаю познакомить чита-

1827 г. теля съ исторіею и характеромъ г. Шуи и Шуйскаго духовнаго училища.

Названіе города Шуи произошло, по всей вѣроятности, отъ положенія его на лѣвомъ (по славянски — шуемъ) берегу рѣки Тезы. Первоначальное основаніе этого города нѣкоторые историки, какъ наприм. Болтинъ, относятъ къ самымъ древнимъ временамъ Россіи [1]). Мѣстоположеніе города очень красиво. Онъ расположенъ на берегу Тезы, постепенно возвышающемся отъ запада къ востоку, и высшій пунктъ этой возвышенности изстари называется „крутихой". Въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, Шуя одинъ изъ замѣчательныхъ уѣздныхъ городовъ Владимірской губерніи. Главную промышленность Шуйскихъ гражданъ составляла торговля англійскою и русскою бумажною, красною и бѣлою, пряжей и производимыми изъ этой пряжи ситцевыми издѣліями. Годовые торговые обороты простирались въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія на сумму до 3-хъ милліоновъ рублей. Болѣе извѣстныя купеческія фамиліи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ были: Посылины, Киселевы, Корниловы, Носовы и др.

Богатое Шуйское купечество всегда отличалось ревностію о благолѣпіи храмовъ Божіихъ и благотворительностію бѣднымъ.

Въ Шуѣ не очень много церквей, но всѣ онѣ отличаются особеннымъ благолѣпіемъ и снабжены богатыми утварями и ризничными принадлежностями. Всѣхъ церквей въ 1827 году было пять: Воскресенская (соборная), Крестовоздвиженская, Спасская, Покровская и Троицкая (кладбищенская). Впрочемъ, судя по незначительному количеству кореннаго городскаго населенія, церквей приходскихъ было достаточно. Жителей городскихъ обоего пола считалось не болѣе 4000: но при этомъ вдвое больше было пришлаго народу — фабричныхъ мастеровыхъ, и разнаго рода рабочихъ.

Скажу нѣсколько словъ о первыхъ двухъ церквахъ, какъ болѣе примѣчательныхъ по своему богатству.

Воскресенскій соборный храмъ [2]), въ настоящемъ его

[1]) *Описаніе г. Шуи*, В. Борисова, стр. 2.

[2]) Свѣдѣнія о семъ храмѣ заимствованы изъ книги *Описаніе Шуйскаго Воскресенскаго собора*, П. И. Гундобина. М. 1862.

видѣ, существуетъ съ 1799 года. Въ немъ три престола. 1827 г.
Главный престолъ во имя Шуйской — Смоленской иконы Б. Матери, которая составляетъ главную досточтимую святыню храма. О написаніи этой иконы сохраняется слѣдующее сказаніе: „во время свирѣпствовавшей въ 1654 году въ городѣ Шуѣ моровой язвы, благочестивые жители города разсудили написать икону Смоленскія Божія Матери; для чего призвали извѣстнаго имъ по своему благочестію зографа Герасима Тихонова. Тихоновъ съ усердіемъ и благоговѣніемъ приступилъ къ этому дѣлу. Сдѣлавъ первоначально очеркъ иконы, въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно изображается, онъ увидѣлъ на другой день собственное свое начертаніе измѣненнымъ и не похожимъ на подлинникъ; правая нога и прочее положеніе младенца Іисуса оказались не въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ начерталъ. Считая такое измѣненіе дѣломъ своей ошибки, онъ исправилъ это; но и на третій день съ недоумѣніемъ и страхомъ увидѣлъ въ такомъ же видѣ св. икону и, не дерзая уже болѣе исправлять ея начертаніе, счелъ это чудомъ и явнымъ дѣйствіемъ невидимой силы Божіей и донесъ объ этомъ начальству и гражданамъ. Тихонову оставалось окончить икону такъ, какъ она начерталась сама; а начертаніе это имѣетъ такой видъ: вмѣсто обѣихъ простертыхъ ногъ, какъ на иконѣ Смоленскія Одигитріи, правая ступень Бого-младенца стоитъ на колѣнѣ лѣвой ноги, придерживаемая Его лѣвою рукою; а правая рука Его, держа свитокъ — символъ судебъ всего міра, поставлена локтемъ на правомъ колѣнѣ, такъ что свитокъ находится противъ Его лика. Такимъ образомъ это самоначертаніе св. иконы было первымъ отъ нея чудомъ; затѣмъ, когда она внесена была въ церковь, послѣдовало второе чудо — просіялъ отъ нея необыкновенный свѣтъ. Третьимъ чудомъ было избавленіе гражданъ отъ моровой язвы. Впослѣдствіи явлено было отъ святой иконы, въ разное время, болѣе 100 чудесъ, описаніе коихъ хранится въ соборной библіотекѣ.

На эту чудотворную икону Богоматери усердіемъ благочестивыхъ гражданъ сдѣлано двѣ драгоцѣнныя ризы: одна серебряная вызолоченная, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, пожертвована купцомъ В. М. Киселевымъ; другая жемчужная, украшенная брилліантами, алма-

1827 г. замн, изумрудами и другими драгоцѣнными камнями, цѣнность коей простирается до 40 тысячъ рублей серебромъ. Риза эта устроена усердіемъ разныхъ доброхотныхъ дателей.

Въ соборномъ храмѣ, кромѣ этихъ драгоцѣнностей, заключается много другихъ весьма цѣнныхъ предметовъ, какъ-то: въ главномъ алтарѣ облаченіе на престолѣ серебряное чеканной работы, вѣсомъ около 5-ти пудовъ, цѣною до $6^1/_2$ тыс. рублей серебромъ; царскія врата также серебряныя вызолоченныя, вѣсомъ 2 п. 15 ф.; въ иконостасѣ на всѣхъ мѣстныхъ иконахъ ризы серебряныя вызолоченыя; священныя утвари: напрестольные кресты, евангелія, священно-служебные сосуды, дарохранительницы—всѣ серебряныя золоченыя и въ большомъ количествѣ, напр. крестовъ 13-ть, евангелій 11-ть и пр. Священническихъ и діаконскихъ облаченій — бархатныхъ, глазетныхъ и дорогихъ парчевыхъ болѣе 60-ти паръ. Всѣ богатства соборнаго храма цѣнятъ не менѣе какъ въ 200 тыс. рублей серебромъ.

При соборѣ имѣется особая теплая церковь во имя святителя Николая съ придѣломъ въ честь святителя Митрофана Воронежскаго: но она ни размѣромъ, ни украшеніями не соотвѣтствуетъ главному храму.

Въ двадцати саженяхъ отъ главнаго соборнаго храма возвышается огромная каменная колокольня, вышиною съ шпицемъ около 50-ти саженей. Постройка ея начата еще въ 1810 году, а окончена въ 1832 году. Первоначально строилъ ее архитекторъ италіанецъ Маричелли; но въ 1819 году колокольня, доведенная имъ до третьяго яруса, почти вся разрушилась. Послѣ того постройку ея окончилъ, подъ руководствомъ губернскаго архитектора Петрова, крестьянинъ Владимірскаго уѣзда, Михайла Саватѣевъ. Я былъ очевидцемъ водруженія креста на колокольнѣ. Главнымъ попечителемъ о сооруженіи колокольни былъ соборный староста, почтенный купецъ Димитрій Васильевичъ Корниловъ. Постройка этого громаднаго сооруженія стоила, какъ говорили, 500 тысячъ рублей ассигнаціями (около 150-ти тысячъ рублей серебромъ).

При соборѣ по штату положены были протоіерей, два священника, два діакона, четыре причетника и два звонаря.

Настоятелемъ собора въ 1827 г. былъ протіерей Алек- 1827 г.
сѣй Никитичъ Никитскій — личность весьма примѣчательная [1]). Онъ сынъ бѣднаго сельскаго причетника; родился въ 1746 году; слѣдовательно въ 1827 году ему было болѣе 80-ти лѣтъ. Первоначальное образованіе получилъ въ Суздальской семинаріи. Отсюда изъ философскаго класса, какъ даровитый ученикъ, онъ посланъ былъ, для полученія высшаго образованія, въ Московскую славяно-греколатинскую академію. Тамъ, въ свободные отъ академическихъ уроковъ часы, онъ слушалъ лекціи по математикѣ, исторіи, географіи и французскому языку въ Университетѣ. Получивъ такое восокое и многостороннее образованіе, Алексѣй Никитичъ возвратился въ свою родную Суздальскую епархію, и здѣсь 22 октября 1776 года рукоположенъ былъ преосвященнымъ Тихономъ (Якубовскимъ), епископомъ Суздальскимъ († 1786 г.) во священника къ Шуйскому Воскресенскому собору, а чрезъ два года возведенъ былъ въ санъ протоіерея. Божественную службу совершалъ онъ съ великимъ благоговѣніемъ, по монастырскому уставу, безъ всякихъ сокращеній. Въ воскресные и праздничные дни не рѣдко сказывалъ, и притомъ изъ всего городскаго духовенства только онъ одинъ, проповѣди. Его, какъ извѣстнаго проповѣдника, неоднократно вызывали, по распоряженію начальства, для сказыванія проповѣдей, въ епархіальный городъ. Онъ неутомимо занимался чтеніемъ, преимущественно, отеческихъ писаній на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Мнѣ случалось не разъ видать, что онъ и въ кухню, къ обѣду, не рѣдко приходилъ съ фоліантомъ въ рукахъ. Но при всѣхъ высокихъ его умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, онъ не чуждъ былъ слабости, которая унижала и губила его физическія силы. Я разумѣю нетрезвость. Моя квартира была прямо противъ его дома, и я часто слыхалъ, какъ онъ во время запоя, кричалъ и ругалъ непристойными словами свою дочь, священническую вдову Авдотью Алексѣевну, изъ бани, куда она запирала его на нѣсколько дней для истрезвленія.

---

[1]) Біографическій очеркъ протоіерея А. Н. Никитскаго, сост. свящ. Евл. Правдинымъ, помѣщенъ въ *Влад. Еп. Вѣд.* 1877 г. № 13, стр. 680—685.

1827 г. Совершенную противоположность, въ этомъ отношеніи, составлялъ другой соборный священникъ, Петръ Ивановичъ Яковлевскій. Трезвый, честный, скромный, благоговѣйный мужъ былъ этотъ почтенный іерей. Къ сожалѣнію, онъ не очень долго жилъ. Послѣ его смерти осталось три сына, изъ коихъ два младшихъ, Николай и Александръ, по фамиліи Минервины, вмѣстѣ со мною учились въ училищѣ и семинаріи.

Третій соборный священникъ, также Петръ Ивановичъ Пѣвницкій, красивый собою, съ черными волосами на головѣ и бородѣ, съ строгимъ львинымъ взоромъ и съ твердымъ до жестокости характеромъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ съ тѣмъ учителемъ, а впослѣдствіи и инспекторомъ училища.

Изъ двухъ соборныхъ діаконовъ, старшій, Кедровъ, красавецъ собою, съ такими же черными, какъ о. Пѣвницкій, волосами, могучій физическими силами и съ сильнымъ баситымъ голосомъ, который, впрочемъ, впослѣдствіи, отъ нетрезвой жизни, значительно ослабѣлъ.

Другой соборный діаконъ Чихачевъ, не высокаго роста, съ пріятною, симпатическою физіономіею, обладалъ не сильнымъ, но благозвучнымъ голосомъ; былъ знатокъ нотъ и управлялъ небольшимъ соборнымъ хоромъ.

Изъ соборныхъ причетниковъ особенно памятенъ для меня Михайла Иванычъ. Старикъ честный, отличный знатокъ церковнаго устава и простого церковнаго пѣнія, даже столповаго; голосъ имѣлъ баситый, сильный, но не обработанный.

Ближайшая изъ приходскихъ церквей къ собору, по разстоянію, и по благолѣпію, есть Крестовоздвиженская. Церковь не обширная, но блистающая золотомъ. Сооруженная въ концѣ XVII в. и въ 1693 году освященная, она только лишь въ началѣ текущаго столѣтія приведена въ настоящее блистательное положеніе, благодаря необыкновенному усердію двухъ благочестивыхъ купеческихъ семействъ—Киселевыхъ и Посылиныхъ.

Вотъ краткія свѣдѣнія объ этихъ ревнителяхъ благолѣпія дому Божія.

Василій Максимовичъ Киселевъ изъ крестьянъ села Кохмы, верстахъ въ 20-ти отъ Шуи. Долго онъ занимался какою-то

мелочной торговлей; но въ 1801 году [1]), переселившись въ 1827 г
г. Шую, онъ открылъ торговлю бумажною пряжей, которая
въ большомъ количествѣ требовалась для существующихъ
какъ въ городѣ, такъ и во всемъ уѣздѣ мануфактурныхъ
заведеній. Годовые обороты торговли постепенно доведены
были имъ до огромныхъ размѣровъ. Пряжу получалъ изъ
Англіи почти одинъ онъ въ цѣлой Россіи. Въ двадцатыхъ
годахъ онъ слылъ уже большимъ милліонеромъ: но не смотря
на такое богатство, онъ не позволялъ себѣ никакой почти
роскоши. Я помню, что онъ въ воскресные дни приходилъ
въ церковь въ нанковомъ или демикотоновомъ сѣромъ сюр-
тукѣ. Характера былъ суроваго и властолюбиваго. Онъ
скончался отъ холеры 22 іюля 1831 года. У него былъ
единственный сынъ Діомидъ Васильевичъ, черезъ 5 дней
(27 числа) скончавшійся послѣ него и оставившій послѣ себя
двоихъ сыновей—Ивана 20-ти и Димитрія 13-ти лѣтъ.

Семейство Посылиныхъ состояло изъ трехъ братьевъ и
двухъ сестеръ. Братья: Степанъ, Алексѣй и Никаноръ
Ивановичи, а сестры: Марья и Татьяна Ивановны, Посы-
лины въ одно почти время съ Киселевымъ выѣхали въ
Шую изъ села Горицъ—съ моей родины, и завели здѣсь
бумаго-прядильную и ситцевую фабрику въ обширныхъ раз-
мѣрахъ. Торговлю они вели не только въ Россіи, но и за
предѣлами ея—въ Персіи; и, не помню хорошо, кто-то
изъ трехъ братьевъ имѣлъ отъ Шаха персидскаго орденъ
Льва и Солнца. Семейство Посылиныхъ отличалось при-
мѣрнымъ благочестіемъ. Въ мое время, когда я учился въ
Шуѣ, у трехъ братьевъ были не только дѣти, но и внуки.
Бывало, въ праздничный день, всѣ они придутъ въ при-
ходскую церковь и станутъ у столба за правымъ клиро-
сомъ въ стройномъ порядкѣ—старшіе позади, а младшіе
впереди; стоятъ въ храмѣ Божіемъ чинно и благоговѣйно.
Старшій изъ братьевъ любилъ читать иногда при богослу-
женіи.

Разъ, я помню, читалъ онъ за всенощной шестопсалміе

---

[1]) По другимъ извѣстіямъ, въ 1795 г. (см. *Влад. Еп. Вѣд.* за 1850 г. № 23, стр. 694). О капиталѣ и торговыхъ оборотахъ купцевъ Киселевыхъ см. въ *Ежегодникѣ Владим. губ. статист. комитета*, т. III, 1880 г. стр. 29 и сл.

1827 г. съ такимъ умиленіемъ, что у меня, ребенка невольно изъ глазъ текли слезы.

И эти-то два богатыя и благочестивыя семейства, движимыя любовію и усердіемъ къ своему приходскому храму, который до начала нынѣшняго столѣтія не отличался особеннымъ благолѣпіемъ, приступили къ обновленію и украшенію его. И вотъ въ какомъ видѣ явился этотъ храмъ къ сентябрю 1823 года, когда онъ вновь былъ освященъ преосвященнымъ Парѳеніемъ, епископомъ Владимірскимъ. Иконостасъ съ большими колоннами и весьма искусною мелкою работой сплошь вызолоченъ червоннымъ золотомъ на полиментъ. За рѣзьбу иконостаса заплачено около 60-ти тысячъ рублей ассигнаціями (17 тысячъ рублей серебромъ); за позолоту 110 тысячъ рублей (33 тысячи рублей серебромъ);—итого около 170-ти тысячъ рублей. 30 тысячъ рублей ассигнаціями пожертвованы купцами Посылиными; остальные 140 тысячъ употребилъ изъ своихъ суммъ Киселевъ.

Стѣны алтаря и церкви расписаны въ лучшемъ видѣ мастеромъ, крестьяниномъ села Тейкова Тимоѳеемъ Медвѣдевымъ за 13-ть тысячъ рублей ассигнаціями.

Престолъ въ главномъ алтарѣ бронзовый, чрезъ огонь вызолоченный, на бѣломъ мраморномъ основаніи, устроенъ В. М. Киселевымъ на сумму 12,500 рублей. Вокругъ престола сдѣланъ футляръ изъ цѣльныхъ шлифованныхъ стеколъ, въ бронзовыхъ позлащенныхъ рамахъ.

Ковчегъ серебряный вызолоченный, у коего куполъ поддерживается 12-ю колоннами. Заплачено за него купцами Посылиными 22,500 р.

Евангеліе въ серебряныхъ вызолоченныхъ доскахъ самаго большого формата пріобрѣтено Киселевымъ за 10,400 р.

Сосуды съ принадлежностями, вѣсомъ 14 ф. 72 зол., цѣною въ 3,750 р. пожертвованы А. И. Посылинымъ.

Въ этомъ же родѣ и прочія священныя утвари.

Иконы не только въ главномъ иконостасѣ, но и по стѣнамъ всѣ покрыты серебряными золочеными ризами, а нѣкоторыя украшены, сверхъ сего, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Между святыми иконами заслуживаетъ особеннаго вниманія образъ Успенія Божіей Матери, древняго греческаго письма, на кедровой доскѣ, съ слѣдующею внизу греческою подписью: *Λήψις τοῦ δοῦλου τοῦ Θεοῦ Νικο-*

λάν Σοκαρᾶ καὶ τῆς μητρὸς αὐτοῦ Ἄννης, αφξς, μαίου, ἰνδ. ιδ', т. е. 1827 г.
„Моленіе раба Божія Николая Сокара и матери его Анны, 1566 года маія, инд. 14". Икона въ великолѣпной кіотѣ, но безъ ризы; пріобрѣтена В. М. Киселевымъ, на моей памяти, въ Москвѣ отъ какого-то иностранца за 15 тысячъ рублей серебромъ, какъ говорили тогда.

Священническихъ и діаконскихъ облаченій въ Крестовоздвиженской церкви количествомъ меньше, чѣмъ въ соборѣ, но изяществомъ и цѣнностію они превосходнѣе. Многія изъ этихъ облаченій украшены жемчугомъ и дорогими камнями.

Богатство Крестовоздвиженскаго храма, какъ и соборнаго, оцѣнивалось въ 700 тысячъ рублей ассигнаціями (200 тысячъ рублей серебромъ) [1].

При Крестовоздвиженской церкви было два причта, а при прочихъ приходскихъ церквахъ по одному.

Сообщу за тѣмъ предварительныя свѣдѣнія о духовномъ училищѣ.

Оно открыто въ 1816 году, 24-го сентября. Открытіе происходило въ присутствіи преосвященнаго Ксенофонта, епископа Владимірскаго и инспектора Владимірской семинаріи, архимандрита Іосифа.

Домъ для училища каменный, одноэтажный, пожертвованъ былъ купцами Посовыми. Прочіе значительные граждане, приглашенные на торжество открытія училища, сдѣлали денежныя приношенія. Училище находилось вблизи соборной колокольни на базарной площади. Когда я поступилъ въ училище, всѣ четыре класса помѣщались внизу; но года черезъ два, надъ каменнымъ зданіемъ надстроенъ былъ деревянный мезонинъ съ балкономъ. Туда переведено было высшее отдѣленіе уѣзднаго училища.

Первымъ смотрителемъ Шуйскаго духовнаго училища былъ протоіерей Василій Ивановичъ Смирновъ, человѣкъ почтенный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, какъ духовенства, такъ и гражданъ. Гдѣ онъ самъ получилъ высшее

---

[1]) Свѣдѣнія о Крестовоздвиженской церкви заимствованы изъ двухъ брошюръ одинаковаго почти содержанія, изъ коихъ одна—произведеніе протоіерея этой церкви В. И. Смирнова, М. 1839 г., а другая—купца П. Гундобина, Владиміръ, 1860 г.

1827 г. образованіе, я хорошо не знаю; вѣроятно въ Лаврской Троицкой семинаріи: но извѣстно, что онъ былъ преподавателемъ во Владимірской семинаріи. Сдѣлавшись смотрителемъ Шуйскаго училища, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ былъ настоятелемъ церкви села Васильевскаго, въ 18-ти верстахъ отъ г. Шуи; жилъ онъ постоянно въ Шуѣ, а въ Васильевское, для служенія, ѣздилъ только по праздникамъ. Въ Васильевскомъ, кромѣ него, было еще три священника. Въ должности смотрителя о. протоіерей Смирновъ оставался до 1829 года. Къ нему-то приводила меня матушка на первоначальное испытаніе.

Инспекторомъ, при моемъ поступленіи въ училище, былъ священникъ Троицкой церкви Иванъ Алексѣевичъ Субботинъ [1]). Не высокаго роста, сухощавый, съ кудрявыми, русыми волосами, лишенный одного глаза, но чрезвычайно дальнозоркій, глубоко-религіозный и строгихъ правилъ жизни; отличный латинистъ и вообще основательно образованный человѣкъ. Онъ переведенъ въ Шую изъ Переславскаго духовнаго училища, гдѣ былъ учителемъ. Въ отношеніи къ старшимъ и неблагонравнымъ ученикамъ былъ очень строгъ, но къ намъ, ученикамъ перваго класса, былъ отечески—снисходителенъ.

Квартира, на которой я былъ помѣщенъ, считалась одною изъ лучшихъ городскихъ ученическихъ квартиръ, какъ по близости къ училищу и церкви (вблизи собора), такъ и по нравственному надзору. Хозяйка квартиры — Александра Ивановна Болотова, дѣвица лѣтъ 60-ти, весьма набожная и строгихъ нравственныхъ правилъ. Грамоты не знала, но совершала весьма продолжительныя молитвы каждую ночь. Зимой, въ воскресные и праздничные дни, какъ бы рано заутреня въ соборѣ ни начиналась, она по первому удару колокола сама встанетъ и насъ всѣхъ разбудитъ, и отнюдь никому не позволитъ остаться дома — всѣхъ непремѣнно отправитъ въ церковь, а лѣтомъ бывали такіе случаи: найдетъ ночью гроза съ молніею и громомъ; Александра Ивановна непремѣнно разбудитъ насъ и, зажегши предъ иконами свѣчку, заставитъ молиться Богу и читать какой-нибудь

---

[1]) При открытіи училища онъ читалъ сочиненную имъ оду, которая напечатана во *Влад. Еп. Вѣд.* 1884 г. № 5, стр. 141.

акаѳисть. Родители, поставляя къ ней на квартиру дѣтей, 1827 г.
вручали ей небольшую ременную плетку о двухъ хвостахъ, чтобы она усмиряла ею рѣзвыхъ и непослушныхъ. Бывало, у печи на гвоздѣ всегда видишь нѣсколько такихъ орудій казни, и они не оставались безъ употребленія. Вручила ли Александрѣ Ивановнѣ плеть моя матушка, не знаю: но я не помню, чтобы мнѣ случалось когда нибудь подвергаться наказанію. Правда, на первой или на второй недѣлѣ моего поступленія на квартиру, я, при игрѣ съ товарищами въ бабки, разбилъ въ окнѣ сѣней у задней избы стекло: но этотъ ненамѣренный дѣтскій проступокъ, кажется, на первый разъ былъ мнѣ прощенъ; а послѣ уже ничего подобнаго со мною не случалось. Александра Ивановна ко мнѣ, какъ сиротѣ и хорошему ученику, всегда была добра и особенно внимательна. Бывало, каждую почти субботу она имѣла обыкновеніе печь блины; и когда мы собираемся итти въ школу, она на ухо шепчетъ, чтобы я или остался на нѣкоторое время дома, или, прослушавшись въ школѣ у авдитора, поскорѣе вернулся на квартиру, гдѣ меня ожидали горячіе блины. На квартирѣ же насъ всегда было не больше 7 или 8 человѣкъ; да больше нельзя было и помѣстить, потому что мы занимали одну только комнату, въ которой при томъ помѣщалась и сама хозяйка, да и не одна, а съ своей вдовою невѣсткой, женой умершаго брата ея. При избѣ, чрезъ сѣни, была еще комната, но холодная. Въ ней хранились наши сундучки съ бѣльемъ и другими пожитками. У каждаго изъ насъ была своя постель, т. е. войлокъ, обшитый холстомъ и подушка; были ли у кого нибудь одѣяла, не помню: но, кажется, не было; одѣвались своимъ платьемъ. Спали всѣ на полу, и каждый самъ для себя приготовлялъ и убиралъ свою постель. Столъ у насъ былъ общій свой, но капуста для щей, квасъ и соль были хозяйскіе; сверхъ сего еженедѣльная баня и мытье бѣлья также отъ хозяйки,—и за все это мы платили, сколько бы вы думали?—по 15 рублей ассигнаціями (4 р. 43 коп. серебромъ) въ годъ. Судя по нынѣшнему времени, это баснословная дешевизна.

Невѣстка Александры Ивановны, о которой я упомянулъ, Аграфена Петровна была личность иныхъ качествъ и иныхъ правилъ. Ея занятіемъ была торговля пряниками, орѣхами

1827 г. и другими лакомствами. Предметы ея торговли составляли для насъ не малое искушеніе. Бывало, въ той самой избѣ, въ которой жили мы, она калила на печи свои орѣхи: нужно было обладать большою силою воли, чтобы не допустить себя до нарушенія 8-й заповѣди Божіей и не прикоснуться рукою къ разсыпаннымъ на глазахъ орѣшкамъ. Свободенъ былъ для насъ доступъ и туда, гдѣ хранились хозяйскіе пряники и другія сласти.

Въ одномъ съ нами домѣ, чрезъ стѣну, жилъ племянникъ Александры Ивановны, купецъ Яковъ Егорычъ Болотовъ. Жена его Аграфена Аѳанасьевна не отличалась благоповеденіемъ; по временамъ сильно предавалась нетрезвости. Не чуждъ былъ и онъ этой слабости. Послѣдствіемъ сего не рѣдко бывали семейныя сцены самыя безобразныя и возмутительныя: иногда въ полночь, вдругъ слышимъ за стѣной шумъ, брань, рыданія и стоны; и это продолжалось, съ большими или меньшими промежутками, во все время моего ученія въ школѣ....

Довольно. Пора наконецъ приступить къ повѣствованію о моемъ школьномъ образованіи.

Ученіе началось, безъ сомнѣнія, молебствіемъ, хотя этого я хорошо не помню. Когда мы собрались въ классъ, насъ— новобранцевъ разсадили на скамьяхъ за однимъ длиннымъ столомъ по мѣстамъ. Я не знаю, кто и почему меня посадилъ на первое мѣсто. Можетъ быть, я ранѣе другихъ явился съ матерью къ смотрителю и былъ первымъ записанъ у него въ списокъ.

Учителемъ былъ у насъ священникъ Крестовоздвиженской церкви Яковъ Ивановичъ Орловъ, дальній мнѣ родственникъ, хотя объ этомъ родствѣ, въ то время, ни онъ, вѣроятно, ни я понятія не имѣли. Предметами ученія были: славянское, русское и латинское чтеніе, чистописаніе, начальныя правила ариѳметики и нотное пѣніе. Послѣднее всегда было послѣ обѣда. Поэтому на мнѣ, какъ на цензорѣ, лежала обязанность предъ классомъ итти на домъ къ учителю и спрашивать, пожалуетъ ли онъ въ классъ или нѣтъ. А такъ какъ въ эти часы онъ всегда отдыхалъ и иногда, послѣ исправленія мірскихъ требъ, спалъ очень крѣпкимъ сномъ, то домашніе не всегда рѣшались и могли его разбудить; а если и пробуждали, то онъ не всегда чувствовалъ себя распо-

ложеннымъ итти въ класъ и предоставлялъ намъ однимъ упражняться въ пѣніи. Какъ бы то ни было, но когда мы преодолѣли нотную азбуку со всѣми мудреными ея варіаціями и приступили къ разучиванію предначинательнаго вечерняго псалма: *Благослови душе моя Господи*, сначала „по солямъ", какъ у насъ тогда говорили, а потомъ по тексту, — къ намъ въ классъ явился, не помню съ кѣмъ, соборный діаконъ Чихачевъ для набора въ соборный хоръ пѣвчихъ; для сего онъ началъ испытывать голоса всѣхъ учениковъ, начиная съ меня. Когда я началъ пѣть означенный псаломъ своимъ натуральнымъ, необработаннымъ голосомъ, экзаменаторы, расхохотавшись, отошли отъ меня, и я былъ сконфуженъ. 1827 г.

Прошла первая учебная треть. Предъ святками были, по тогдашнему уставу духовныхъ училищъ, экзамены, къ которымъ учители должны были составлять разрядные списки учениковъ. Я не помню, хорошо ли, худо ли училъ насъ о. Іаковъ: но у меня до сихъ поръ сохранился въ памяти одинъ его урокъ. Въ день нашего экзамена предъ Рождествомъ, Яковъ Иванычъ пришелъ въ классъ ранѣе обыкновеннаго и, давши мнѣ въ руки свернутый въ трубку разрядный списокъ, строго приказалъ никому его не показывать, а самъ вышелъ въ сѣни, для бесѣды съ другими учителями, въ ожиданіи прибытія смотрителя. Между тѣмъ, приступилъ ко мнѣ оставленный въ первомъ классѣ на повторительный курсъ, на пятый или уже на шестой годъ, ученикъ Петръ Соколовъ — четырнадцати или пятнадцати лѣтъ дѣтина, по выраженію Духовнаго Регламента, непобѣдимой злобы, — приступилъ и настойчиво требовалъ, чтобъ я показалъ ему списокъ; но какъ я не могъ исполнить его нахальнаго требованія, то онъ вырвалъ у меня списокъ и, показывая его другимъ ученикамъ, измялъ и запачкалъ. Вдругъ входитъ учитель и, увидѣвши, что списокъ запачканъ, не произведя никакого изслѣдованія, — да и некогда было производить его, потому что шелъ уже смотритель, — далъ мнѣ такую пощечину, которая и до сихъ поръ отзывается въ моихъ ушахъ.

Кстати объ ученикѣ Соколовѣ. Въ то время, когда я учился въ училищѣ, училищное начальство, по какимъ, не знаю, разсчетамъ и побужденіямъ, оказывало чрезмѣрное и,

1827 г. по моему мнѣнію, не умѣстное снисхожденіе къ лѣнивымъ и не способнымъ ученикамъ, держа ихъ по пяти, шести и, болѣе лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ. Эти лѣнтяи и, большею частію, негодяи оказывали на своихъ младшихъ товарищей по классу самое зловредное вліяніе.

Насталъ наконецъ вожделѣнный день отпуска, и я съ восторгомъ полетѣлъ домой для свиданія съ доброй матерью и любящими меня сестрами. Впрочемъ, сердобольная мать моя, отдавши меня въ школу, почти каждую недѣлю посѣщала меня, принося съ собою сдобные пирожки и лепешки. Но разъ великую причинилъ я ей скорбь. — Вскорѣ, по поступленіи моемъ въ училище, мнѣ приключилась болѣзнь — желтуха (Icterus). Узнавши объ этомъ, матушка, разумѣется, поспѣшила ко мнѣ: но какъ помочь бѣдѣ, чѣмъ лѣчить мою болѣзнь? — Не знаю кто то ей сказалъ, что въ этой болѣзни помогаетъ можжучный квасъ, и полезно смотрѣть на живую щуку. Квасъ былъ немедленно приготовленъ; купили живую щуку и, положивши ее въ глубокое блюдо съ водой, заставили меня на нее смотрѣть [1]). Не знаю, отъ того или отъ другого изъ этихъ двухъ средствъ, но моя болѣзнь, къ великому утѣшенію матери, скоро миновала и больше уже не возвращалась.

Въ праздникъ Рождества Христова причтъ Горицкой церкви изстари ходилъ, для славленья по домамъ, въ полномъ своемъ составѣ; брали и насъ съ сыномъ пономаря. Въ первый день праздника всегда соблюдался такой обычай: послѣ утрени, которая въ этотъ день начиналась въ 11 часовъ предъ полуночью и продолжалась часа четыре и даже болѣе, — шли въ извѣстный домъ, въ которомъ священникъ, возложивъ на себя епитрахиль, бралъ въ руки крестъ и, пропѣвши въ этомъ домѣ положенныя пѣснопѣнія, отправлялись всѣ съ открытыми головами, какъ бы ни былъ великъ морозъ, въ слѣдующій домъ, и такимъ образомъ обошедши всю, такъ называемую, кривую улицу, состоящую изъ 20 или 30 дворовъ, возвращались домой; а за тѣмъ на разсвѣтѣ, часовъ въ 8 утра, ударяли въ колоколъ къ

---

[1]) Эти простыя средства противъ желтухи допускаются и медициною. См напр., сочиненіе доктора *Андреевскаго:* „Школа здоровья", М. 1879 г. ч. II, стр. 283. 285.

литургіи. Послѣ литургіи шли на слѣдующую улицу и обходили дома такимъ же порядкомъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ предлагаемо было угощеніе чаемъ или закуской. Хожденіе по домамъ въ селѣ продолжалось не болѣе двухъ дней; на третій день отправлялись въ деревни, коихъ въ Горицкомъ приходѣ было только двѣ и не въ дальнемъ отъ села разстояніи: но туда насъ дѣтей никогда не брали. Отъ хожденія по домамъ мнѣ доставалось рубля два мѣдью, и этотъ доходъ я сполна отдавалъ своей матери. 1827 г.

1828 г.

7-го января 1828 года скончалась моя бабушка Анна Васильевна, жившая у своего сына, діакона Петра Иваныча. Она часто болѣла и прежде, но выздоравливала. Однажды, помню,—это было лѣтомъ,—ее соборовали масломъ; у ней была какая-то особенная болѣзнь: лице опухло и глаза закрыты были вѣками. Однакожъ она оправилась послѣ этой болѣзни.

Покойная бабушка, разумѣется, любила наше семейство; но она боялась обнаруживать эту любовь изъ опасенія гнѣва своей невѣстки, жены ея сына.

Татьяна Ивановна,—такъ звали ея невѣстку,—почему-то не жаловала мою мать.

Бабушка Анна Васильевна имѣла обыкновеніе носить при себѣ мѣдныя деньги, вѣроятно, для подаянія нищимъ. Однажды, лѣтомъ, гуляя на улицѣ, я забѣжалъ на дворъ дяди, а бабушка сидѣла въ сѣняхъ на порогѣ. Подозвавши меня къ себѣ, она вынула изъ кармана нѣсколько мѣдныхъ денегъ и, давши мнѣ въ руку, велѣла скорѣе уйти со двора, чтобы ея домашніе не замѣтили этого. Денегъ у меня въ рукѣ оказалось, какъ теперь помню, тринадцать копѣекъ.

Я былъ очевидцемъ кончины бабушки, но при погребеніи ея меня уже не было; меня отвезли въ Шую учиться. Но недолго пришлось учиться; недѣли чрезъ три или четыре насъ снова распустили по домамъ на сырную недѣлю: впрочемъ, на первой недѣлѣ поста, для говѣнія, велѣно было возвращаться назадъ. Для исповѣди послали насъ, учениковъ 1-го и 2-го класса приходскаго училища, къ за-

1828 г. штатному священнику Троицкой церкви о. Михаилу. Исповѣдь наша ограничилась только тѣмъ, что о. Михаилъ велѣлъ всѣмъ намъ пасть на полъ, и прочитавши надъ нами разрѣшительную молитву, отпустилъ насъ домой. Этого и можно было ожидать отъ о. Михаила, который не отличался ни образованіемъ, ни трезвостію. Его достоинство состояло только въ сильномъ голосѣ-октавѣ, которую мы слышали по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ соборѣ, куда онъ часто приходилъ и становился на правомъ клиросѣ.

Когда мы послѣ мнимой исповѣди, большою толпой, возвращались домой, нашъ путь лежалъ мимо одной фабрики. Фабричные мальчишки, вѣроятно, въ этотъ часъ свободные отъ работы, внезапно напали на насъ, какъ злые амаликитяне на израильтянъ въ пустынѣ. Мы, маленькіе мальчики, бросились бѣжать и спаслись отъ побоевъ бѣгствомъ; но старшіе между нами по лѣтамъ и болѣе крѣпкіе силами, въ родѣ помянутаго выше Петра Соколова, не сробѣли и вступили съ фабричными варварами въ битву. Но на чьей сторонѣ осталась побѣда, не знаю. Такъ мало было за нами нравственнаго надзора!...

Скоро промелькнулъ великій постъ. На страстную седьмицу и Пасху мы опять въ родительскихъ домахъ. Каждый день я въ церкви за службой, а службы у насъ, особенно на страстной недѣлѣ, весьма продолжительны. Въ первые три дня прочитываются священникомъ всѣ четыре евангелиста. О томъ, какъ встрѣчался у насъ свѣтлый день Пасхи, я говорилъ уже выше. Здѣсь разскажу, какъ совершалось у насъ хожденіе по домамъ со святынею. Между утреней и обѣдней не было хожденія, какъ это обыкновенно водилось въ праздники Рождества Христова. Послѣ литургіи, которая обыкновенно въ этотъ день начиналась и оканчивалась очень рано, причтъ расходился на короткое время по домамъ для отдохновенія и обѣда. Затѣмъ, собравшись опять въ церковь, священникъ возлагалъ на себя епитрахиль и ризу и бралъ въ руки напрестольный крестъ, діаконъ облачался въ стихарь и бралъ евангеліе, дьячекъ образъ Воскресенія Христова, пономарь братскую кружку (на Рождествѣ прихожане давали каждому члену порознь, а на Пасхѣ—всѣмъ вмѣстѣ); сверхъ сего, два крестьяни-

на, которые обыкновенно прислуживали въ церкви и помо- 1828 г.
гали пономарю по праздникамъ звонить на колокольнѣ, несли впереди запрестольные—крестъ и икону Богоматери, и назывались богоносцами. Съ такою процессіею отправлялись изъ церкви, при пѣніи тропаря: *Христосъ воскресе*, въ приходскіе дома, и въ каждомъ домѣ совершался пасхальный молебенъ съ пѣніемъ пасхальныхъ ирмосовъ и съ чтеніемъ воскреснаго евангелія: *Единіи надесяте ученицы*. Въ каждомъ домѣ, сверхъ денежной дачи, на столѣ приготовленъ былъ хлѣбъ и блюдо съ крашеными яицами. Хлѣбъ обращался въ общую пользу причта; а яица каждый бралъ изъ блюда своею рукою—священникъ не менѣе двухъ яицъ, а прочіе по одному. Съ причтомъ ходила по домамъ и моя мать, какъ просвирня, а при ней и я съ корзиною, или съ чѣмъ случилось, для собиранія яицъ.

Свѣтлая недѣля въ нашихъ селахъ проходила чрезвычайно весело: съ утра до вечера неумолкаемый звонъ на шести колокольняхъ въ такіе большіе колокола, о которыхъ я упоминалъ выше; толпы разряженныхъ крестьянъ и въ особенности крестьянокъ разгуливаютъ по высокимъ горамъ и холмамъ около церквей и на поляхъ; любуются широкимъ разливомъ рѣки между двумя большими селами. Вся недѣля праздновалась какъ одинъ день.

Послѣ Пасхи опять въ Шую; но здѣсь лѣтомъ стало для насъ гораздо веселѣе, чѣмъ было зимой. Наши игры и дѣтскія забавы не ограничивались уже хозяйскимъ дворомъ. Бывало, въ субботу послѣ обѣда, когда классовъ не было, и въ воскресенье старшіе ученики пойдутъ за городъ въ лѣсъ или на рѣку ловить рыбу: возьмутъ и насъ собою: какое удовольствіе, какая радость быть на чистомъ, вольномъ воздухѣ! Но эта радость обращалась иногда и въ плачь. Узнаетъ начальство о нашей самовольной отлучкѣ за городъ: старшихъ высѣчетъ розгами, да и намъ пригрозитъ.

За то, когда наставалъ благословенный май, мы пользовались уже всякаго рода увеселеніями и прогулками за городъ законнымъ порядкомъ. 1-го мая, собравшись въ школу, кричимъ бывало цѣлымъ хоромъ: „ай, ай—пришелъ мѣсяцъ май, май“. Въ наше время, май мѣсяцъ почти на половину проходилъ въ такъ называемыхъ рекреаціяхъ:

1828 г. бывало до десяти и даже болѣе этихъ рекреацій. А рекреаціи эти совершались такимъ образомъ. Въ извѣстный день (1-го числа, если не былъ праздничный день, рекреація была уже неотложно, не взирая ни на какую погоду)—рано утромъ всѣ ученики, собравшись въ училище, отправляются массою, подъ предводительствомъ старшихъ, къ квартирѣ смотрителя и начинаютъ пѣть сначала умѣреннымъ тономъ: „Reverendissime Pater Rector, recreationem humillime rogamus“ (т. е. „достопочтеннѣйшій отецъ Ректоръ, смиреннѣйше просимъ рекреаціи“). Если смотритель послѣ этого возглашенія не подходилъ къ окну, то пѣніе повторялось, но уже болѣе возвышеннымъ тономъ; если же и послѣ этого ученики не видѣли смотрителя въ окнѣ: начинали снова повторять означенныя слова во все, какъ говорится, горло, такъ что крикъ двухъсотъ или болѣе голосовъ (а между ними были и очень сильные) раздавался едва не по всему городу. Тогда смотритель или высылалъ сторожа съ метлой гнать отъ дома назойливыхъ просителей, или открывая окно, съ благосклонною улыбкою давалъ рекреацію. Въ послѣднемъ случаѣ ученики въ восторгѣ прокричавъ: gratias agimus (благодаримъ), какъ дождь разсыпались по всѣмъ направленіямъ къ своимъ квартирамъ. При смотрителѣ Василіѣ Ивановичѣ Смирновѣ бывали и такіе курьезы. Онъ былъ весьма благообразенъ и сановитъ, но на головѣ имѣлъ большую лысину. Для рекреацій обыкновенно старались избирать дни ясные и теплые: но у нашей братіи — школьниковъ не всегда доставало терпѣнія дожидаться ясныхъ дней и теплой погоды. Идемъ, бывало, къ Василію Ивановичу просить рекреацію, а небо пасмурное. Василій Ивановичъ выйдетъ на крыльцо и, показывая на небо, благодушно скажетъ намъ: „развѣ не видите, ребята, какая на небѣ пасмурная погода?“. Нѣтъ, Василій Иванычъ, кричатъ ему въ отвѣтъ, — отъ Васильевскаго-то залысилось, залысилось (а Васильевское село къ востоку отъ Шуи). Добрѣйшій Василій Ивановичъ разсмѣется и дастъ рекреацію.

День рекреаціи проходилъ у насъ обыкновенно въ такомъ порядкѣ. Съ утра до двухъ часовъ по полудни играли во всевозможныя игры, преимущественно въ бабки, на квартирахъ, или на улицахъ въ городѣ; а въ два часа

отправлялись за городъ, въ какую либо рощу, по указанію 1828 г.
начальства,—чаще всего ходили въ березовую рощу, за село Мельничное, версты двѣ или три отъ города. Туда за нами тянулись изъ города цѣлые обозы торговцевъ съ калачами, пряниками, орѣхами, съ моченою грушей и съ грушевымъ квасомъ. Въ рощѣ ученики устрояли качели, играли въ мячь, въ бабки, въ горѣлки, хоромъ пѣли пѣсни, однимъ словомъ, удовольствіямъ и забавамъ не было конца. Часа въ четыре появлялись туда наши власти и учителя съ своими семействами, приглашали съ собою и нѣкоторыхъ, болѣе значительныхъ гражданъ. Начальство и гости упражнялись въ игрѣ въ маршалки (кегли), пили чай и при томъ съ нѣкоторымъ приложеніемъ: въ то время была въ большомъ употребленіи французская водка—кизлярка: о ромѣ, кажется, еще не имѣли понятія; за тѣмъ десертъ, а къ вечеру закуска. Необходимою принадлежностію почти каждой рекреаціи были сценическія представленія на открытомъ воздухѣ, среди обширной лужайки; при этомъ изъ учениковъ дѣлалась кругомъ сцены живая ограда. Играли, почти каждый годъ, комедію Фонъ-Визина: „Недоросль“ и нѣкоторыя другія, коихъ названія хорошо не знаю. Заранѣе, конечно, изъ учениковъ избирали подходящіе къ той или другой роли типы. Помню, въ роль дровосѣка не разъ избирался одинъ ученикъ огромнаго роста, кривой и рябой. Наряжали его въ крестьянскій костюмъ; вмѣсто сапоговъ онъ долженъ былъ обуваться въ лапти, но для его огромныхъ ногъ нигдѣ въ городѣ лаптей найти не могли. Поэтому когда надѣвалъ онъ лапти, какіе случались,—его пяты далеко выдвигались изъ-за лаптей. Эта картина больше комедіи возбуждала всеобщій смѣхъ.

Послѣ цѣлодневныхъ подвиговъ въ разнообразныхъ играхъ мы не безъ труда возвращались изъ рощи домой, иногда довольно позднимъ вечеромъ, и скорѣе бросались въ постель, забывая и объ ужинѣ.

На другой день сонъ нашъ, естественно, былъ продолжительнѣе обыкновеннаго и мы иногда опаздывали приходить въ классъ, но съ насъ за это уже не взыскивали, да и взыскивать было не кому, потому что наставники еще позднѣе насъ являлись къ своей должности.

Такъ проходилъ май. Въ іюнѣ мы занимались ученіемъ

1828 г. съ удвоеннымъ уже усердіемъ, хотя субботнія и праздничныя прогулки за городъ не прекращались не смотря на запрещенія начальства. Въ первыхъ числахъ іюля, среди несносной жары и духоты, начинались годичныя испытанія; около 14-го числа былъ ежегодно публичный экзаменъ. Къ этому торжественному акту были у насъ не малыя приготовленія. Дня за два или за три посылали учениковъ, освободившихся отъ частныхъ экзаменовъ, въ поле за цвѣтами и въ лѣсъ за древесными листьями, преимущественно кленовыми. Въ каждомъ почти курсѣ было по одному или по два ученика, свѣдущихъ нѣсколько въ рисованіи и декоративномъ искусствѣ. Эти-то доморощенные художники и принимали на себя заботу приготовить къ публичному экзамену довольно большую залу, гдѣ, какъ выше было сказано, помѣщалось высшее отдѣленіе училища. Изъ кленовыхъ листьевъ дѣлали они гирлянды и украшали ими каѳедру, двери и окна въ залѣ, а изъ цвѣтовъ выкладывали на полу предъ каѳедрою коверъ съ разными эмблематическими фигурами въ родѣ утренней зари и съ латинскою подписью: aurora musis amica.

Публичные экзамены происходили всегда послѣ обѣда. Часа въ четыре собиралась училищная корпорація и приглашенная по билетамъ высшая городская публика. При входѣ смотрителя въ залу пѣвчіе пѣли: *Царю небесный.* За тѣмъ кто-нибудь изъ учителей говорилъ привѣтственную рѣчь; далѣе производилось испытаніе избранныхъ лишь учениковъ всѣхъ классовъ по разнымъ предметамъ; между испытаніемъ, для развлеченія и увеселенія публики, пѣли концертъ, въ которомъ всегда участвовалъ съ своимъ сильнымъ басомъ соборный діаконъ Кедровъ; въ заключеніе читались разрядные списки учениковъ и раздавались награды— похвальные листы. Это — свидѣтельство о поведеніи и успѣхахъ того или другого ученика, подписанное смотрителемъ съ приложеніемъ училищной печати и написанное на четверткѣ (это для младшихъ классовъ), или на полулистѣ (для старшихъ) съ разрисованными полями и съ такимъ же вѣнкомъ вверху, гдѣ изображалась птичка, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Получить въ торжественномъ собраніи такую лестную награду составляло для насъ, лучшихъ учениковъ, верхъ блаженства. Я каждый годъ получалъ такія

награды и принося ихъ домой, доставлялъ не малое удо- 1828 г.
вольствіе матери и сестрамъ. Всѣ, полученныя мною похвальные листы долгое время хранились и украшали стѣны горницы нашего дома и затѣмъ куда-то утратились.

По окончаніи всего, пѣвчіе пѣли: *Достойно есть....* и учениковъ отпускали по квартирамъ, а начальство и гости оставались еще въ залѣ и продолжали, долго продолжали испытаніе—разныхъ бутылочекъ, хранившихся до того въ библіотечной комнатѣ. Въ то же время испытываемо было и усердіе почтенныхъ гостей, большею частію богатыхъ купцовъ, къ поддержанію благосостоянія юнаго духовнаго вертограда. Предлагался имъ листъ бумаги, не знаю расписанный или нѣтъ; только я слыхалъ, что на этомъ листѣ, подъ вліяніемъ добрыхъ впечатлѣній, оказывались довольно порядочныя цифры. Но на какіе именно предметы употреблялись эти доброхотныя приношенія, я въ точности не знаю.

На слѣдующій день, въ соборѣ совершался благодарственный молебенъ въ присутствіи всѣхъ наставниковъ и учениковъ, а затѣмъ въ классахъ намъ раздавали увольнительные билеты. Пообѣдавши на скорую руку, мы спѣшили домой, разумѣется, пѣшкомъ,—и чрезъ три-четыре часа я былъ уже въ объятіяхъ своей матери и сестеръ.

Какъ проведена была мною первая вакація послѣ школьныхъ занятій, теперь припомнить не могу, но по всей вѣроятности очень весело и спокойно.

Здѣсь скажу нѣсколько словъ о привитіи мнѣ оспы, которая до поступленія моего въ училище не была привита. Оспу прививала мнѣ и другимъ моимъ сверстникамъ жена подлѣкаря (фамиліи не помню). Когда, чрезъ нѣсколько дней, оспа у меня назрѣла, меня повела та же особа въ домъ исправника, для взятія съ моей руки оспенной лимфы, для привитія оной кому-то изъ дѣтей почтеннаго уѣзднаго сановника. За это самопожертвованіе меня наградили пятакомъ мѣди и фунтомъ или двумя крыжовника.

Въ сентябрѣ мы опять собрались въ школу. Переведенные изъ перваго класса во второй, мы встрѣтили здѣсь и новаго наставника, и нѣкоторые новые предметы.

Наставникомъ во второмъ классѣ былъ студентъ семинаріи Константинъ Николаевичъ Цвѣтковъ. Высокаго роста, съ рыжеватыми волосами, онъ женатъ былъ на какой-то

1828 г. воспитанницѣ секретаря Владимірской духовной консисторіи, Павла Андреевича, по фамиліи, если не ошибаюсь, Протопопова. Она, помню, маленькаго роста, красивая собою, получившая полубарское воспитаніе и, вѣроятно, не безъ хорошаго приданаго: онъ великанъ, не очень красивый собою, хоть и очень умный и добрый, къ тому же, можетъ быть, сынъ бѣднаго сельскаго причетника. При такихъ противоположностяхъ, очевидно, не могло быть полной гармоніи между женою и мужемъ. Отъ того и до насъ—дѣтей доходили уже не добрые слухи о семейной жизни нашего любимаго наставника. Не долго, впрочемъ, Константинъ Николаевичъ оставался учителемъ, при скудномъ содержаніи въ 375 рублей ассигнаціями въ годъ. По протекціи консисторскаго секретаря, пользовавшагося особеннымъ вниманіемъ преосвященнаго Парѳенія, онъ скоро получилъ священническое мѣсто при Крестовоздвиженской церкви богатаго села Иванова. Однако же семейныя отношенія его, при улучшеніи его матеріальнаго быта, не измѣнились къ лучшему. Капризы и прихоти жены съ одной стороны, и обиліе матеріальныхъ средствъ съ другой, постепенно развили въ немъ наклонность къ излишнему употребленію крѣпкихъ напитковъ до того, что онъ удаленъ былъ отъ мѣста и съ запрещеніемъ священнослуженія низведенъ былъ въ причетники. Въ этомъ горькомъ положеніи я видѣлъ его въ 1840 году, когда я окончилъ уже курсъ семинаріи. У него было нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ коихъ два сына окончили курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи и послѣ съ честію занимали въ сѣверной столицѣ протоіерейскія мѣста.

Но возвратимся назадъ.

Во второмъ классѣ, сверхъ прежнихъ предметовъ—чтенія, чистописанія, ариѳметики и нотнаго пѣнія, намъ стали преподавать краткій катихизисъ митрополита Платона, русскую и латинскую грамматику и греческое чтеніе. Скажу нѣчто курьезное о нотномъ пѣніи. Наше училище, какъ сказано было выше, находилось среди базарной площади. По вторникамъ въ Шуѣ были еженедѣльные базары. Въ лѣтнее время, окна въ нашихъ классахъ, разумѣется, были открыты. Во вторникъ, послѣ обѣда, у насъ всегда былъ классъ нотнаго пѣнія. Когда, бывало, затянемъ въ трид-

цать или сорокъ голосовъ какой-нибудь догматикъ или ирмосъ, 1828 г
деревенскія бабы со всѣхъ ногъ бѣгутъ къ нашимъ окнамъ посмотрѣть, что тутъ дѣлается; и когда услышатъ, что мы поемъ что-то церковное и божественное, а не мірскія пѣсни, приходятъ въ умиленіе и начинаютъ класть на окна—кто калачикъ, кто крендель, а иная копѣечку или грошикъ. Кому доставались въ руки эти усердныя приношенія, не помню; по всей вѣроятности,—такимъ забіякамъ, какъ помянутый мною Петръ Соколовъ, потому что и во второмъ классѣ былъ между нами подобный Соколову лѣнтяй,—по фамиліи Веселовскій. Иногда же чрезъ отверстыя окна привлекалось вниманіе проходящихъ мимо училища неистовыми криками и плачемъ учениковъ, подвергавшихся за лѣность или шалость сѣченію розгами.

Изъ моей домашней жизни, во время ученія моего во второмъ приходскомъ классѣ, живо сохранилось въ моей памяти слѣдующее обстоятельство. Намъ, въ лѣтнія жары, дозволено было купаться въ рѣкѣ, но не иначе, какъ подъ наблюденіемъ наставниковъ. Для сего, въ опредѣленный часъ, мы должны были собираться въ квартиру учителя и и всѣ вмѣстѣ итти на рѣку. Разъ Константинъ Николаевичъ повелъ насъ купаться въ Тезѣ. Когда онъ и мы раздѣлись, и вошли въ рѣку, онъ взялъ меня, какъ любимаго ученика, на руки и пошелъ со мною въ глубь рѣки. Можетъ быть, онъ хотѣлъ научить меня плавать; но мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ меня утопить: я закричалъ изо всей мочи и вцѣпился ему въ лицо ногтями, забывши о томъ, что онъ мой учитель. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что онъ долженъ былъ возвратиться со мною къ берегу, и я съ тѣхъ поръ полно купаться съ учителемъ.

Кстати о купаньѣ. Не научившись еще плавать, я вздумалъ разъ, во время вакаціи, дома пойти на рѣку одинъ и выкупаться. Не зная мѣстности, я вошелъ въ воду и тотчасъ же, по отлогому песчаному дну рѣки, съ ужасомъ очутился подъ водою и, обратившись лицомъ къ берегу, началъ барахтаться руками, но не могъ сдѣлать по песчаному дну рѣки ни одного шага впередъ. Тутъ-то я почувствовалъ бѣду. Между тѣмъ, вдругъ какая-то непостижимая сила выдвинула меня сзади изъ воды и я очутился у берега. Озираясь кругомъ, я не замѣтилъ около себя никого,

1828 г. Выйдя поскорѣе на берегъ, я одѣлся и побѣжалъ домой, и никогда никому объ этомъ не говорилъ, опасаясь упрековъ, а пожалуй, и наказанія. Между тѣмъ, въ этомъ событіи, я не могу не признать и не исповѣдать надъ собою дивнаго дѣйствія охраняющей меня десницы Божественнаго Промысла.

Въ первыхъ числахъ іюля у насъ совершилось очень важное событіе: насъ посѣтилъ ректоръ семинаріи, архимандритъ Павелъ. Полный и очень благовидный собою, онъ тѣмъ болѣе произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, что я до того времени архимандритовъ не видалъ. Пріѣзжалъ онъ въ Шую для освященія Троицкой Кладбищенской церкви, сооруженной и благоукрашенной усердіемъ коммерціи совѣтника Ст. Ив. Посылина.

Второй годъ ученія почти незамѣтно прошелъ для меня. Насъ перевели въ іюлѣ въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища. Переходъ этотъ былъ довольно ощутителенъ для насъ. Въ низшемъ отдѣленіи и время занятій въ классѣ было продолжительнѣе (вмѣсто трехъ часовъ мы должны были высиживать до обѣда уже четыре часа), и предметы занятій были многочисленнѣе и труднѣе, и вмѣсто одного у насъ было уже два наставника.

Но едва лишь мы собрались въ школу въ сентябрѣ, послѣдовало слѣдующее событіе. Скончался учитель 1-го приходскаго класса Василій Ивановичъ Назаретскій, поступившій въ 1828 году на мѣсто священника Іакова Ивановича Орлова, который почему-то, выпустивши нашъ курсъ изъ своего класса, и самъ долженъ былъ удалиться изъ училища. Равно также и Константинъ Николаевичъ Цвѣтковъ, простившись съ нами предъ вакаціей, оставилъ учительство и принялъ священство, а его мѣсто занялъ студентъ Василій Алексѣевичъ Осовецкій (фамилія—отъ села Осовецъ, Покровскаго уѣзда), съ живою, поэтической натурой, и при высокомъ ростѣ съ необыкновенно малою головой.

Учитель Назаретскій — сынъ священника подгороднаго села Юрчакова. Ему не долго суждено было проходить педагогическое поприще. Чахотка, кажется, наслѣдственная въ его семействѣ, скоро свела его въ могилу. Онъ умеръ въ концѣ сентября или началѣ октября 1829 года въ домѣ

своего родителя. Училищное начальство распорядилось воз- 1829 г.
дать умершему наставнику подобающія почести. Между прочимъ, сочинены были помянутымъ сейчасъ учителемъ Осовецкимъ стихи, которые предположено было произнесть предъ выносомъ изъ дома гроба съ тѣломъ усопшаго. Но кому произносить эти стихи? Жребій палъ на меня. И вотъ эти стихи:

„Учитель добрый, дорогой!
Куда изъ отческаго крова
Спѣшишь, не молвя намъ ни слова?
Помедли съ нами здѣсь, постой,
Скажи, куда путь направляешь:
Иль ты сиротъ насъ оставляешь?
Постой, задай еще урокъ;
Или прости, коль смертный рокъ
Велитъ насъ всѣхъ тебѣ оставить;
Нельзя намъ дней тебѣ прибавить!
Землѣ земное возврати,
А духъ твой къ Богу да летитъ!“.

Но кстати, здѣсь же, послѣ печальнаго случая, я разскажу о событіи радостномъ, послѣдовавшемъ въ началѣ того же 1829 года, о которомъ я въ своемъ мѣстѣ забылъ упомянуть. Во время рождественскихъ праздниковъ сосватана была замужъ моя двоюродная сестра, старшая изъ дочерей моего дяди, Марья Петровна. Бракъ назначено было совершить 7-го января. Женихъ, сынъ бѣднаго дьячка села Аѳанасьевскаго, Иванъ Николаевичъ Успенскій, окончившій въ 1828 году курсъ семинаріи съ званіемъ студента.

Онъ назначенъ былъ на діаконское мѣсто въ одинъ изъ лучшихъ приходовъ Владимірской епархіи, именно въ село Хотимль, Ковровскаго уѣзда, отстоящее отъ Гориць въ 45-ти верстахъ. За два или за три дня до брака шелъ мимо оконъ нашего дома женихъ, въ сопровожденіи своего отца-старца и о. Василія Сапоровскаго, у котораго въ домѣ они и остановились,—въ домъ невѣсты. На женихѣ былъ какой-то сѣрый, съ сѣрымъ же мерлушчатымъ воротникомъ, тулупъ, но и тотъ не свой, а сына о. Василія Сапоровскаго. Сестры мои, устремившись смотрѣть, съ свойственнымъ молодымъ дѣвушкамъ любопытствомъ, въ окна, сейчасъ же примѣтили,

1829 г. что у жениха глаза не совсѣмъ въ порядкѣ—близорукъ или подслѣпъ. Въ назначенный день совершенъ былъ бракъ въ Горицкой церкви. Я былъ свидѣтелемъ этого брака. Какъ была наряжена невѣста, я не помню; но женихъ былъ въ лучшемъ нарчевомъ стихарѣ. Послѣ вѣнца обычный брачный пиръ. Моя матушка на этомъ пирѣ почему-то не могла, или не захотѣла быть, а меня отпустила; и я сидѣлъ за столомъ на ряду съ другими почетными гостями.

Обращаюсь за симъ къ дальнѣйшему повѣствованію о моемъ ученіи въ школѣ.

Наставниками въ низшемъ отдѣленіи были: по латинскому языку и соединеннымъ съ нимъ предметамъ, священникъ Іаковъ Ивановичъ Холуйскій, а по греческому — соборный священникъ Петръ Ивановичъ Пѣвницкій, о которомъ было уже упомянуто.

О. Пѣвницкій, свѣдущій въ своихъ предметахъ, отличался молчаливостью и строгостью въ своемъ обращеніи съ учениками. Онъ не рѣдко повторялъ: кто не знаетъ глагола *τύπτω* (бью)—(это образецъ для спряженія глаголовъ, помѣщенный въ тогдашней греческой грамматикѣ), — того *τύψω* (прибью), т. е. высѣку розгами.

Въ низшемъ отдѣленіи, равно какъ и въ высшемъ, курсъ полагался двухгодичный: но мнѣ пришлось просидѣть въ низшемъ отдѣленіи три года, такъ какъ я попалъ сюда не въ курсовый годъ. Поэтому всѣ поступившіе ученики назывались, въ теченіи года, „младшими“ учениками, и имъ преподавались предметы особо.

Предметы же преподаванія были слѣдующіе: русская и славянская грамматика, ариѳметика, пространный катихизисъ, церковный уставъ, латинская и греческая грамматика и церковное обиходное пѣніе.

Кѣмъ были составлены наши учебники, намъ не было извѣстно и мы объ этомъ даже не любопытствовали. Намъ извѣстно было только о катихизисѣ, что онъ написанъ былъ Московскимъ митрополитомъ Платономъ. Впрочемъ, мы не долго его твердили; намъ въ 1829-мъ году прислали для изученія новый катихизисъ, составленный Московскимъ же митрополитомъ Филаретомъ и напечатанный въ 1827 году славянскими буквами. У меня и теперь сохраняется экземпляръ этого изданія, которое впослѣдствіи (въ 1839 г.) исправлено и

значительно дополнено нѣкоторыми новыми трактатами, какъ 1830 г.
напримѣръ о священномъ преданіи и евангельскихъ блаженствахъ. Изученіе Филаретова катихизиса намъ показалось легче и пріятнѣе, чѣмъ Платонова: послѣдній написанъ былъ довольно тяжелымъ слогомъ.

Осенью 1829-го года смотритель училища, протоіерей В. И. Смирновъ оставилъ училищную службу; его мѣсто занялъ Переславскій смотритель училища, священникъ Василій Яковлевичъ Цвѣтковъ, женатый на внучкѣ Шуйскаго соборнаго протоіерея Никитскаго. О. Василій Цвѣтковъ окончилъ курсъ въ 1820 году въ Московской Духовной академіи съ званіемъ кандидата. Не высокаго роста, но очень полный собою, онъ отличался необыкновенною добротою, доходившею иногда до слабости. Жена его Евлампія Матвѣевна, дочь помянутой выше дочери протоіерея Никитскаго Авдотьи Алексѣевны, красавица и необыкновенно кроткая женщина, лѣтъ чрезъ пять затѣмъ скончавшаяся. У нихъ было дѣтей только двое: старшая—дочь Александра и сынъ Владиміръ, родившійся уже въ Шуѣ.

1830-й годъ былъ роковымъ годомъ въ моей жизни. 14-го марта, въ пятницу на четвертой недѣлѣ великаго поста, скончалась моя мать Стефанида Ивановна, вслѣдствіе продолжительной, восьмимѣсячной болѣзни. А ея болѣзнь была послѣдствіемъ ея чрезмѣрной материнской любви ко мнѣ. Матушка почти каждую недѣлю, какъ было уже замѣчено, посѣщала меня въ Шуѣ. 7-го іюля 1839 года она, по обычаю, пришла ко мнѣ и переночевавши на моей квартирѣ, на другой день,—это былъ вторникъ—базарный день въ городѣ,—должна была отправиться домой. Спутницей ей на этотъ разъ была тетка—Татьяна Васильевна—вдова, о которой мною было уже упомянуто. День былъ очень жаркій. Обѣ онѣ верхнее свое платье и даже обувь отдали знакомому крестьянину свезти домой, а сами пошли пѣшкомъ босыя.

Вдругъ среди пути застигаетъ ихъ грозная туча съ градомъ, на нѣсколько верстъ покрывшимъ землю; и онѣ, бѣдныя, промокшія до костей, должны были, босыя, итти по землѣ, покрытой градомъ. Старушка—Татьяна Васильевна была крѣпкаго здоровья и безъ особыхъ послѣдствій пере-

1830 г. несла это опасное путешествіе; но моя мать, не отличавшаяся крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, не вынесла такого путешествія, слегла въ постель и болѣе уже не вставала съ одра болѣзни. Дня за два до ея смерти меня вызвали изъ Шуи, и я былъ свидѣтелемъ ея мирной, тихой кончины. 14-го марта, въ день празднованія Ѳеодоровской иконы Божіей Матери, мы съ зятемъ ходили къ утрени въ церковь помолиться о болящей, но наша усердная молитва не отвратила роковаго часа ея смерти.

Послѣ утрени къ постели умирающей собрались ближайшіе родные, въ томъ числѣ и ея братъ, а мой отецъ крестный, діаконъ Петръ Ивановичъ. Матушка спросила старинную икону святителя Николая Можайскаго, и благословивши меня ею, обратилась къ Петру Ивановичу, съ слѣдующими, до сихъ поръ звучащими въ моихъ ушахъ словами: „Батюшка братецъ, не оставь моего Иванушку“... И это были ея послѣднія слова на землѣ. Тутъ же она закрыла глаза, и ея душа мирно оставила ея изнуренное столь продолжительною болѣзнію тѣло. За тѣмъ, естественно, послѣдовалъ горькій плачъ трехъ, совершенно осиротѣвшихъ существъ, оставшихся безъ всякихъ почти средствъ къ жизни. На другой день кончины матушки, 15-го числа мнѣ исполнилось лишь 11 лѣтъ отъ рожденія,—и съ 12-тилѣтняго возраста я началъ вести совершенно странническую жизнь.

Пока тѣло усопшей находилось еще въ домѣ, мнѣ не вѣрилось, что мать моя умерла: но когда вынесли ее изъ дому, совершали надъ нею отпѣваніе и опускали гробъ въ могилу, я почувствовалъ тяжесть лишенія столь дорогаго для меня сокровища и предался неутѣшному плачу.

На другой или на третій день послѣ погребенія, я долженъ былъ опять возвратиться въ школу. Но чрезъ двѣ недѣли насъ отпустили по домамъ на страстную и свѣтлую седмицы. Вмѣстѣ съ товарищами и я отправился домой, разумѣется, пѣшкомъ. Путь изъ Шуи въ Горицы лежалъ чрезъ Дунилово. Изъ Дунилова, вмѣсто того, чтобъ итти въ Горицы чрезъ мостъ, я, для сокращенія пути, вздумалъ пройти отъ Покровской церкви прямо къ нашему дому чрезъ рѣку по льду. Къ счастію, кто-то увидѣлъ меня изъ род-

ныхъ и громко закричалъ мнѣ съ противоположнаго берега 1830 г.
рѣки, чтобъ я не шелъ по льду и возвратился бы назадъ. Не будь этого предостереженія, я непремѣнно утонулъ бы въ рѣкѣ, такъ какъ по срединѣ рѣки былъ слишкомъ уже тонокъ ледъ и всякое сообщеніе чрезъ рѣку было прекращено. Нельзя посему не видѣть и въ этомъ обстоятельствѣ явнаго дѣйствія Божественнаго о мнѣ Промысла.

Прихожу домой. Сестра встрѣтила меня съ радостными слезами: но я не встрѣтилъ уже въ домѣ того, что встрѣчалъ прежде—женскихъ ласкъ матери. Домъ показался мнѣ какою-то холодною и мрачною пустыней. Не такъ радостенъ былъ для меня на этотъ разъ и свѣтлый праздникъ Христовъ.

Миновали праздники и—я опять въ Шуѣ.

Сестры мои не долго оставались въ своемъ домѣ; старшая сестра Прасковья въ іюнѣ того же года вышла за мужъ, въ Хотимльскій приходъ, за крестьянина деревни Погорѣлки Павла Ефимовича Лыкова, а младшая Анна перешла жить на Пустыньку къ старшей сестрѣ Марьѣ Михайловнѣ. Въ домѣ же, который по наслѣдству принадлежалъ мнѣ, поселился нашъ двоюродный дядя, упомянутый выше дьячекъ Покровской, въ Дуниловѣ, церкви Платонъ Алексѣевичъ, который по случаю пожара лишился своего дома и который за тѣмъ купилъ мой домъ за 150 рублей ассигнаціями (43 р. сер.) и перенесъ на мѣсто своего сгорѣвшаго дома. Деньги же за мой домъ, вносимыя имъ по частямъ, хранились сначала у благочиннаго, а потомъ переданы были на храненіе моему дядѣ Петру Иванычу, какъ опекуну. Кромѣ дома, мнѣ достался послѣ матушки въ наслѣдство ея жемчужный кокошникъ, въ который она наряжалась въ великіе праздники и въ которомъ ходила по церкви съ тарелкой, для сбора подаяній; а послѣ родителя сохранились для меня двѣ одежды: овчинный тулупъ и сюртукъ, или, по тогдашнему названію, сибирка изъ толстаго синяго сукна. Мнѣ же принадлежало нѣсколько оловянныхъ блюдъ и тарелокъ: но кромѣ дома и тулупа, всѣ прочія вещи я отдалъ въ распоряженіе старшей сестры, которая замѣнила для меня мать и которой я обязанъ дальнѣйшимъ воспитаніемъ.

Въ іюнѣ 1830 года вторично посѣтилъ г. Шую быв-

1830 г. шій ректоръ Владимірской семинаріи Павелъ, но уже не въ званіи архимандрита, а въ санѣ епископа. 26-го мая, въ день Святаго Духа онъ былъ рукоположенъ, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, во епископа Костромскаго Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, бывшимъ его начальникомъ и наставникомъ по Петербургской Духовной академіи; при этомъ была сказана знаменитымъ рукоположителемъ рѣчь, которая почему-то не была однакожъ помѣщена въ изданіи словъ и рѣчей митрополита Филарета, 1848-года, но напечатана въ новомъ изданіи сочиненій Филарета, 1877 года, т. III, стр. 442. Путь изъ Владиміра въ Кострому новорукоположенному епископу лежалъ чрезъ Шую, и Шуя съ торжественнымъ звономъ встрѣтила и проводила знатнаго путешественника. Гдѣ останавливался преосвященный Павелъ и долго ли здѣсь пребывалъ, хорошо не помню: но помню, что онъ посѣщалъ наши классы, и мы встрѣчали его пѣніемъ: „εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“. Въ бытность свою на каѳедрѣ Костромской, онъ многихъ изъ окончившихъ во Владимірской семинаріи курсъ, какъ лично ему извѣстныхъ, опредѣлялъ на священническія мѣста во ввѣренной ему епархіи, къ немалому, конечно, огорченію туземцевъ. Въ сентябрѣ 1836 года преосв. Павелъ переведенъ былъ въ Черниговъ, а отсюда, въ апрѣлѣ 1859 года, уволенъ былъ на покой въ Переславскій Даниловъ монастырь, гдѣ онъ былъ настоятелемъ въ бытность свою ректоромъ Владимірской семинаріи и гдѣ 27-го ноября 1861 года мирно скончался [1]). При проѣздѣ его изъ Чернигова въ Переславль чрезъ Москву, мнѣ суждено было еще разъ видѣть его и даже послужить ему: я, бывши тогда еще на должности синодальнаго ризничаго, показывалъ ему древности патріаршей ризницы, и затѣмъ сопровождалъ его въ Императорскій дворецъ; и такъ какъ онъ, при своей тучности и дряхлости, съ трудомъ могъ подниматься по лѣстницамъ, то я долженъ былъ почти на своихъ рукахъ взносить его на верхъ.

О преосвященномъ Павлѣ, какъ ректорѣ семинаріи, сохраняется во Владимірѣ двоякая память.

Вотъ что, на примѣръ, пишетъ о немъ, со словъ другихъ,

---

[1]) „Воспоминаніе о преосв. Павлѣ, архіеписк. Черниговскомъ“, свящ. А. Свирѣлина, въ *Странникѣ* 1863 г., декабрь, стр. 83.

авторъ исторіи Владимірской семинаріи, Кс. Надеждинъ на 1830 г.
страницѣ 128 и сл.:

„Ректоръ Павелъ, окончившій курсъ въ 1814 году въ С.-Петербургской Дух. академіи (и вступившій въ должность ректора въ 1819 г.) былъ особенно преданъ семинаріи; помогалъ бѣднымъ ученикамъ въ ихъ содержаніи, ежемѣсячно жертвовалъ на больницу семинарскую отъ 5-ти до 15-ти рублей. Ученики часто обращались къ нему за совѣтомъ; и онъ, хорошо зная каждаго изъ нихъ характеръ, никогда не отказывался дать имъ добрый совѣтъ. Замѣчательно, разсказывалъ намъ о немъ прот. Я. В. Миловскій, что мы его любили и очень боялись, не смотря на то, что онъ никогда не прибѣгалъ къ наказаніямъ, никогда ученики не слыхали отъ него бранныхъ словъ: вотъ если ударитъ бывало пальцемъ по столу, ну-бѣда,—весь классъ смущался духомъ.... Имѣя очень добрый и мягкій характеръ, онъ снисходилъ до того, что защищалъ учениковъ предъ очень строгимъ инспекторомъ (Алявдинымъ); ободрялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, когда инспекторъ слишкомъ усиливалъ свои строгости: „Не печалься,—говорилъ онъ обиженному инспекторомъ ученику: вотъ я поговорю съ нимъ; я вѣдь знаю, что ты мальчикъ хорошій“.

А вотъ другой отзывъ о ректорѣ Павлѣ его современника и непосредственнаго его ученика:

„Архимандритъ Павелъ былъ добрѣйшій человѣкъ, какого можно только встрѣтить. Въ 12-ть лѣтъ едва ли онъ сдѣлалъ кому какую-либо непріятность. Высокій ростомъ, пріятной наружности, тихій, ласковый, подъ часъ очень веселый, онъ былъ необычайно тученъ; жизнь велъ умѣренную и тучность его была болѣзненная. По пятницамъ онъ постоянно ѣздилъ въ баню, стоявшую въ семинарскомъ саду, — и въ субботу, опасаясь простуды послѣ бани, въ классъ на свой урокъ никогда не жаловалъ: пришлетъ ученикамъ какую-либо духовную книжку для прочтенія, тѣмъ дѣло по субботамъ и кончалось. Ученики его отдѣленія, опираясь на чрезмѣрную доброту его, пошаливали. Двѣнадцатилѣтнее управленіе семинаріей архимандрита Павла положило особый отпечатокъ какъ на наставниковъ, такъ и на воспитанниковъ. Не будь такихъ зоркихъ и строгихъ инспекторовъ, доброта ректора могла-бы допустить

1830 г. безпорядки значительнѣе тѣхъ, какіе существовали. Звонокъ Богородицкой колокольни не служилъ сигналомъ для начала лекцій: нѣкоторые наставники приходили въ классы, когда какъ придется; ректоръ, кромѣ времени экзаменовъ, не заглядывалъ въ другія отдѣленія; всѣмъ было льготно, всѣ жили на распашку. Съ выбытіемъ Павла, при новомъ начальникѣ, многое измѣнилось“ [1]).

Возвратимся назадъ.

По случаю появленія въ предѣлахъ Владимірской губерніи губительной болѣзни—холеры, насъ отпустили на вакацію раньше обыкновеннаго,—кажется, 8-го іюля.

Подходя къ Дунилову, я разсуждалъ самъ съ собою, куда мнѣ напередъ итти: въ Горицы ли къ дядѣ и отцу крестному, или на Пустыньку къ сестрѣ — Маріѣ Михайловнѣ?—Я рѣшилъ итти на первый разъ прежде въ Горицы, куда сильно влекла меня любовь къ родинѣ: но я встрѣтилъ здѣсь не очень ласковый пріемъ. Жена дяди, Татьяна Ивановна, не отличавшаяся вообще нѣжнымъ сердцемъ, смотрѣла на меня не очень благопріятно, по той, какъ мнѣ думалось всегда, причинѣ, что я—сирота учился лучше ея сына и всегда приходилъ домой съ наградами, которыя каждый разъ возбуждали въ ней неудовольствія. Но я, пробывши дня два-три въ Горицахъ, спѣшилъ потомъ на Пустыньку, гдѣ сестра и зять встрѣчали меня съ любовію, но гдѣ стѣсняла и тяготила меня ихъ семейная скудость и почти нищета. Впрочемъ, на воскресные и праздничные дни я всегда возвращался въ Горицы, куда привлекалъ меня родной благолѣпный храмъ и съ дѣтства знакомое общество молящихся. Такимъ образомъ, во все время вакаціи, я велъ скитальческую жизнь, и это продолжалось до самого окончанія мною курса семинаріи; только впослѣдствіи я имѣлъ уже больше мѣстъ для своего пристанища.

Чтобы не быть въ тягость другимъ и не быть тунеядцемъ, я старался и почти обязанъ былъ зарабатывать для себя насущный хлѣбъ тѣми или другими трудами. Въ Горицахъ я помогалъ двоюроднымъ сестрамъ, занимавшимся тканьемъ красной пестряди, въ ихъ ремеслѣ, приготовленіемъ для нихъ цѣвокъ и т. под.; на Пустынькѣ я раздѣлялъ съ зя-

---

[1]) *Владим. Епарх. Вѣдом.* 1875 года № 12. Стр. 589 и слѣд.

темъ и сестрой ихъ земледѣльческіе труды: жалъ хлѣбъ, 1830 г.
возилъ съ поля на гумно снопы, молотилъ и пр.—Но эти труды и занятія наводили на меня истинную тоску, хотя я долженъ былъ скрывать ее. Мои душевныя стремленія всѣ направлены были къ чтенію книгъ и списываніе стиховъ и литературныхъ статей. По приходѣ на каникулы домой, первымъ моимъ дѣломъ было приготовить свѣжія чернила,— для чего я всегда приносилъ съ собою чернильные орѣшки и купоросъ. Но однажды вотъ что случилось. Положилъ я въ чернильницу толченыхъ орѣшковъ, налилъ воды и, крѣпко закупоривши пробкой чернильницу, поставилъ ее въ только что истопленную печь въ кухнѣ,—это было въ Горицахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ вынулъ я изъ печи чернильницу, и только лишь началъ ее раскупоривать, какъ пробка взлетѣла къ потолку и всѣ чернила брызнули мнѣ въ лицо. Какъ остались цѣлы мои глаза, я уже не понимаю.—Послѣ этого я сталъ, конечно, осторожнѣе.

Въ первыхъ числахъ августа оканчивался срокъ нашихъ каникулъ, и я началъ уже помышлять о возвращеніи въ школу. Вдругъ получается отъ благочиннаго повѣстка, чтобы мы оставались дома, пока насъ не потребуютъ. Какъ ни тягостно было мое положеніе у родныхъ, но я обрадовался этой отсрочкѣ, потому что имѣлъ возможность провести среди родныхъ два храмовыхъ праздника—Рождества Пресв. Богородицы и Покрова. Первый праздникъ былъ въ Горицахъ, а вторый—въ Дуниловѣ.

Холера въ нашихъ селахъ дѣйствовала довольно сильно. Жертвами ея сдѣлались нѣкоторые и изъ моихъ родныхъ, какъ напримѣръ, помянутая выше бабушка моя Татьяна Васильевна и ея невѣстка, жена Платона Алексѣича, который купилъ мой домъ. Но что замѣчательно! Изъ дѣтей никто не умиралъ отъ холеры. Причиной этого явленія можно полагать, какъ мнѣ кажется, спокойное и беззаботное состояніе дѣтскаго духа; между тѣмъ какъ душевное разстройство и упадокъ духа возрастныхъ служили одною изъ причинъ усиленія смертности. Къ нашему дѣтскому удовольствію, въ ту осень былъ обильный урожай грибовъ, и мы каждый день раза по два и по три ходили за ними въ лѣсъ, который со всѣхъ почти сторонъ окружалъ тогда наши села.

1830 г. Въ половинѣ августа, именно на праздникъ Успенія Божіей Матери, зять и сестра моя, Марья Михайловна поѣхали въ Хотимль повидаться съ недавно вышедшею въ замужество второю сестрою нашею Прасковьею Михайловною и съ другими тамошними родными, какъ-то: двоюродною сестрой Марьею Петровной, бывшею тамъ въ замужествѣ за діакономъ и троюродною сестрой, женой причетника Макара Трофимыча. Взяли и меня съ собою. Въ Хотимлѣ на первый разъ мнѣ было очень весело; тамъ я встрѣтилъ между дѣтьми двухклирнаго причта много сверстниковъ себѣ по лѣтамъ; и такъ какъ Успеньевъ день былъ храмовый праздникъ въ Хотимлѣ, то на этотъ праздникъ всегда много пріѣзжало гостей изъ разныхъ селъ съ дѣтьми, между которыми также не мало оказывалось мнѣ сверстниковъ. Въ послѣдствіи, я почти каждый годъ бывалъ на этомъ праздникѣ въ Хотимлѣ, у своей двоюродной сестры Марьи Петровны, которая принимала меня очень радушно, а еще болѣе расположенія и ласки оказывалъ мнѣ мужъ ея Иванъ Николаевичъ Успенскій, который былъ сначала діакономъ, а потомъ тутъ же священникомъ. Онъ скончался 27-го марта 1883 года.

Скажу здѣсь кстати нѣсколько словъ о селѣ Хотимлѣ, о характерѣ народонаселенія Хотимльскаго прихода и о моемъ тамъ времяпрепровожденіи.

Хотимль—село Ковровскаго уѣзда, въ сорока верстахъ отъ уѣзднаго города, не большое по населенію (въ немъ не болѣе 200 душъ обоего пола), но красивое по мѣстоположенію; оно расположено на самомъ берегу рѣки Тезы, по которой здѣсь ходятъ не большія барки съ дровами и другими хозяйственными предметами. Въ особенности красивую мѣстность занимаютъ два каменныхъ храма—лѣтній и зимній, обнесенные обширною каменною оградой и башнями. Они стоятъ на довольно высокомъ холмѣ надъ рѣкою, отдѣленномъ отъ села глубокимъ оврагомъ, а съ другой, противоположной стороны, окопанномъ рвомъ. Лѣтній храмъ, во имя Успенія Божіей Матери, освященный въ 1829 году, огромныхъ размѣровъ и весьма благолѣпный. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоятъ приходскіе храмы и при нихъ кладбище, въ древности былъ мужскій Успенскій монастырь. Подробныхъ свѣдѣній о существованіи этого монастыря не

имѣется; сохранилась только челобитная строителя этого 1830 г.
монастыря Андреяна съ братіею на чернаго священника Ермогена, поданная 24-го мая 1613-го года въ Шуйскую земскую избу на имя Государя и Великаго князя Михаила Ѳеодоровича. Въ этой челобитной строитель Андреянъ жаловался на какого-то пришлаго чернаго священника Ермогена, который, имѣя у себя будто бы грамату отъ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, но граматы этой не показывая, насильственно вторгся въ обитель, началъ служить, отобравши у строителя церковные ключи; жилъ самъ не по монастырскому чину, а его, строителя, „лаялъ всякою неподобною бранью и взводилъ на него всякія неподобныя дѣла татебныя и душегубныя, и билъ его, сжегъ келью съ комнатою и вотчиною владѣлъ и всякою угодою насильствомъ“ и пр. [1]).

Хотимльскій приходъ весь состоялъ изъ такъ называемыхъ офсней [2]), или ходебщиковъ. Офени, торгуя разными мелочными, а иные и довольно цѣнными, товарами, каждогодно, съ своими подвижными лавочками-коробьями, отправлялись изъ своихъ деревень во всѣ концы Россіи и разсѣевались отъ самыхъ южныхъ ея губерній до самыхъ отдаленныхъ областей Сибири. Между офенями, въ прежнее время, было не мало очень богатыхъ торговцевъ. Странствуя всю осень и зиму по городамъ и селамъ Россіи, лѣтомъ—въ маѣ или іюнѣ они возвращались для полевыхъ работъ домой, и здѣсь оставались до храмоваго праздника—Успеньева дня. Послѣ праздника, предъ отправленіемъ въ путь, офени обыкновенно приглашали приходское духовенство для совершенія молебствій въ домахъ. Въ каждомъ домѣ совершался молебенъ и читалось нѣсколько акаѳистовъ, смотря по усердію и состоянію хозяина. Въ домахъ богатыхъ торговцевъ читалось отъ 10-ти до 15-ти акаѳистовъ, и за каждый акаѳистъ полагалась особая плата. Съ

[1]) *Старинные акты*, собр. Вл. Борисовымъ, № 8, М. 1853 г.

[2]) Названіе: „офени“ одни производятъ отъ торговцевъ-венгровъ, приходившихъ изстари въ Россію для торговли изъ города Офена; или отъ грековъ, переселявшихся въ Россію изъ Аѳинъ. (См. *Труды Владим. Статистич. Комитета*, вып. X, стр. 80, Владиміръ, 1874 г.). Объ офеняхъ, статья К. Тихонравова, въ *Влад. Губ. Вѣдом.* 1855 г., № 15. Здѣсь приложенъ и словарь искусственнаго офенскаго языка.

1830 г. причтомъ ходили по домамъ и дѣти; брали и меня; и мнѣ не рѣдко приходилось читать вмѣсто священника или діакона акаѳисты. Но трудъ этотъ не оставался безъ должнаго вознагражденія. Такимъ образомъ хожденіе по приходу продолжалось недѣлю и болѣе. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ деревняхъ молебствія продолжались дня по два и по три. Послѣ трудовъ предлагалось обыкновенно обильное угощеніе, въ которомъ участвовали и жены членовъ причта.

Кромѣ того подъ праздникъ Успенія Божіей Матери, мнѣ случалось ѣздить съ священникомъ, свободнымъ отъ череды, въ домы помѣщиковъ, для совершенія всенощной службы, и за это получалъ я вознагражденія по гривеннику и пятиалтынному.

Въ будніе дни я раздѣлялъ обычные труды своихъ родныхъ.

Возвращусь назадъ и продолжу рѣчь о холерѣ.

Изъ числа Шуйскихъ гражданъ холерою похищены были два именитыхъ купца: Василій Максимовичъ и сынъ его Діомидъ Васильевичъ—Киселевы. Смерть приключилась имъ въ Дуниловѣ, куда они оба вмѣстѣ пріѣхали, по своимъ коммерческимъ дѣламъ, въ пятничный день, на еженедѣльный базаръ. Это было для Шуи событіемъ великой важности. Какъ происходило погребеніе этихъ своего рода магнатовъ, я не помню. Наслѣдниками милліоннаго состоянія Василія Максимовича остались два внука, сыновья Діомида Васильевича, Иванъ и Димитрій Діомидовичи. Ивану Діомидовичу было около 20-ти лѣтъ, а Димитрій тремя или четырьмя годами моложе его. Иванъ Діомидовичъ, принявъ въ свои руки коммерческія дѣла своего дѣда и отца, не только не разстроилъ ихъ, но и значительно расширилъ. Владѣя, совмѣстно съ братомъ, богатымъ наслѣдіемъ своего предка, онъ много дѣлалъ добра не только для города, но и для всего Шуйскаго уѣзда. Много лѣтъ онъ былъ градскимъ головою и на свои средства выстлалъ камнемъ городскія улицы, устроилъ на площадяхъ фонтаны, имѣлъ, кромѣ городской, собственную пожарную команду и съ нею всюду первый являлся на пожары, содержалъ на свои средства при приходской Крестовоздвиженской церкви пѣвческій хоръ и т. д. Но вѣнцомъ его благодѣяній для города была превосходная больница съ домовою при ней церковію и осо-

бымъ причтомъ. Устройство этой больницы съ вѣковымъ ся обезпеченіемъ стоило, какъ мнѣ сказывали, не менѣе милліона рублей ассигнаціями. Что касается до уѣзда, то всѣ, какъ Шуйскіе, такъ и окрестные мануфактуристы получали для своихъ фабрикъ единственно изъ рукъ Киселева хлопчатую бумагу пряденую и пользовались неограниченнымъ кредитомъ. Иванъ Діомидовичъ, хотя самъ и не получилъ высокаго образованія, но сочувствуя всему доброму и полезному, основалъ у себя библіотеку, ежегодно пополнявшуюся всякаго рода литературными произведеніями. И эта библіотека была открыта для всѣхъ желавшихъ ею пользоваться; изъ ней брали для чтенія книги всѣ почти помѣщики Шуйскаго уѣзда, большею частію, люди не богатые. 1830 г.

Но по мѣрѣ расширенія торговыхъ оборотовъ, годъ отъ году возрастала у Киселевыхъ и роскошь. Домъ не очень обширный, но блиставшій всякаго рода украшеніями; прислуги при домѣ до 300 человѣкъ; лошади и экипажи самые дорогіе; оранжереи и птичники съ разнообразными птицами; ежедневные почти пиры, балы и всякаго рода увеселенія. Однимъ словомъ, въ роскоши Киселевы не уступали иному владѣтельному нѣмецкому князю или герцогу. Мнѣ сказывали, что они получали чистаго годоваго дохода до милліона рублей и проживали до 700 т. рублей; хотѣли бы проживать болѣе, но не умѣли уже.

Вслѣдъ за Киселевыми умеръ въ Дуниловѣ попечитель единовѣрческой церкви купецъ С. И. Балинъ. Съ его смертію въ моей памяти соединяется слѣдующій случай. Ему ввѣренъ былъ прихожанами извѣстный капиталъ для выдачи ежегоднаго жалованья причту. Между тѣмъ, онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не выдавалъ жалованье, не смотря на частыя ему напоминанія. Наконецъ, когда постигла его болѣзнь и ему угрожала неизбѣжная смерть, онъ рѣшился разстаться съ ввѣреннымъ ему сокровищемъ. Призвавъ причтъ, онъ выдалъ ему въ разъ за нѣсколько лѣтъ жалованье. Какъ теперь помню, зять мой Василій Александровичъ (Левашевъ) принесъ домой въ платкѣ цѣлую груду серебряныхъ рублей. Меня заставили пересчитывать, и я насчиталъ 120 рублей. Такого богатства никогда въ домѣ моего зятя не было.

1830 г. Въ концѣ октября насъ потребовали наконецъ чрезъ благочинныхъ въ школу для продолженія ученія.

Я остался въ низшемъ отдѣленіи еще на два года. Правда, мнѣ предлагали чрезъ годъ перейти въ высшее отдѣленіе,—чему бывали примѣры въ прежнее время: но я, имѣя въ виду именно эти примѣры, предпочелъ лучше остаться въ низшемъ отдѣленіи еще на два года, чѣмъ безплодно изнурять себя, быть можетъ, непосильными занятіями въ высшемъ классѣ.

Итакъ, съ ноября начались наши школьныя занятія. Предметы ученія были тѣ же, какъ и на первомъ году, т. е. мы продолжали изучать тѣ же грамматики, тотъ же пространный катихизисъ и проч. Новое для насъ было только то, что мы начали упражняться уже въ переводахъ съ латинскаго и греческаго языка на русскій и наоборотъ. Для перевода съ греческаго у насъ была прежняя христоматія *Каченовскаго*; но для перевода съ латинскаго намъ прислали новую христоматію, составленную и изданную ректоромъ Московской Дух. академіи, архимандритомъ *Поликарпомъ* († 19 января 1837 года). И такъ какъ для цѣлаго класса присланъ былъ одинъ только экземпляръ этой книги, то мы должны были ее списывать.

Перваго рода упражненія, т. е. переводы съ латинскаго и греческаго языковъ, назывались у насъ *версіями* (versio), а послѣднія *оккупаціями* (occupatio). Учителя, прочитавши наши оккупаціи или версіи и указавши въ нихъ ошибки, подписывали подъ ними похвалы или порицанія не цифрами, какъ это нынѣ принято, а словами и притомъ, судя по тому, на какомъ языкѣ было написано упражненіе, на такомъ писалась и аттестація.

Вотъ образцы этихъ аттестацій:

По латыни:	По гречески:	По русски:
Excellentissime,	*Ἐξαιρέτως*,	превосходно.
Praestantissime,	*Βέλτιστα*,	прекрасно.
Eximie,	*Κάλλιστα*,	отлично.
Optime,	*Λίαν καλῶς*,	очень хорошо.
Belle,	— —	изрядно.
Laudabiliter,	*Ἐπαινετῶς*,	похвально.
Bene,	*Καλῶς*,	хорошо.

Satis bene,	*Ικανῶς καλῶς*,	довольно хорошо.	1830 г.
Non male,	*Οὐ κακῶς*,	не худо.	
Male,	*Κακῶς*,	худо.	
Pessime,	*Κάκιστα*,	очень худо.	

Такъ какъ въ низшемъ отдѣленіи, кромѣ насъ — младшихъ, человѣкъ 25-ти или 30-ти, оставлено было изъ старшихъ на повторительный курсъ человѣкъ 10—15, и какъ эти послѣдніе заняли первыя мѣста: то намъ, по заведенному изстари обычаю, предоставлено было право оспаривать эти мѣста посредствомъ оккупацій, или задачъ. Въ этомъ случаѣ младшій ученикъ указываетъ учителю на того или другаго изъ старшихъ учениковъ и на своей тетради подписываетъ: „Contendo de loco cum discipulo N .... т. е. „спорю о мѣстѣ съ ученикомъ *такимъ-то*“. При этомъ конкурренты строго наблюдаютъ одинъ за другимъ, чтобы ни тотъ, ни другой не воспользовался при переводѣ съ русскаго языка на латинскій или греческій постороннею помощію. Когда, по разсмотрѣніи оккупацій спорящихъ учениковъ, учитель найдетъ, что оккупація младшаго ученика лучше старшаго, т. е. съ меньшимъ числомъ погрѣшностей противъ правилъ этимологіи и синтаксиса, онъ сажаетъ младшаго на мѣсто старшаго, не лишая, впрочемъ, сего послѣдняго права оспаривать, въ свою очередь, мѣсто у его соперника. Но если оккупація претендента окажется хуже старшаго ученика, то этотъ имѣлъ право высѣчь розгами своего соперника за посягательство на свою честь. Я на первый разъ велъ борьбу изъ-за мѣста, какъ теперь помню, съ ученикомъ Иваномъ Воскресенскимъ, который занималъ первый или второй номеръ въ спискѣ, и одержалъ надъ нимъ побѣду.

Незамѣтно приблизились святки. Я не могъ утерпѣть, чтобы не побывать на родинѣ и не встрѣтить праздникъ Христовъ въ своемъ родномъ храмѣ. По прежнему обычаю, дядя Петръ Иванычъ взялъ меня съ собою по приходу славить Христа и собирать гроши, которые для меня, какъ для круглаго сироты, были очень благопотребны. Впрочемъ, когда скончалась моя мать, мнѣ вмѣсто 15-ти рублей, назначили изъ казны и выдавали чрезъ училищное начальство въ руки жалованья по 60-ти рублей въ годъ; и этой суммы

1831 г. для моего содержанія не только было достаточно, но даже были отъ нея иногда остатки по 10—15-ти рублей.

Независимо отъ хожденія по своему Горицкому приходу, съ этого года меня началъ брать съ собою по деревнямъ очень ко мнѣ расположенный о. Василій Сапоровскій. У нихъ, въ Покровскомъ приходѣ, было въ обычаѣ ѣздить, для славленья, по деревнямъ въ одиночку. И вотъ добрый о. Василій, для развлеченія, бралъ съ собою меня, когда отправлялся въ деревни. Бывало, пока ѣдемъ по полю отъ одной деревни до другой, онъ задаетъ мнѣ разные примѣры для перевода съ русскаго на латинскій языкъ, или на оборотъ, и утѣшается моими правильными переводами. Въ деревняхъ, за славленье, давали намъ гдѣ деньгами, а гдѣ и льномъ. Такъ какъ ленъ былъ мнѣ не нуженъ, то онъ бралъ его у меня, а мнѣ давалъ деньги. Такимъ образомъ я возвращался домой изъ этихъ поѣздокъ не съ пустыми карманами.

Насталъ 1831-годъ. Въ іюнѣ, или въ августѣ этого года выдана была въ замужество моя послѣдняя сестра —Анна Михайловна въ село Кохму за крестьянина Ив. Ив. Чужинина. На меня палъ жребій перевозить, вмѣстѣ съ однимъ изъ родственниковъ жениха, имущество (приданое) сестры изъ Дунилова въ Кохму, и за тѣмъ я былъ въ числѣ почетныхъ гостей на брачномъ пиру.

Кохма въ 20-ти верстахъ отъ Горицъ—село очень значительное и по населенію (болѣе 1000 душъ обоего пола), и по благосостоянію жителей; въ немъ есть не мало мануфактурныхъ фабрикъ и зажиточныхъ купцовъ. Церковь приходская одна—очень обширная и благолѣпная, но при ней въ прежнее время было четыре причта, такъ какъ въ приходѣ, кромѣ села, состояло много деревень. При такомъ количествѣ членовъ причта, не мало было у нихъ и дѣтей, изъ коихъ нѣкоторые были моими сверстниками и товарищами по школѣ; между прочимъ, у старшаго священника о. І. Н. Сперанскаго, который долгое время былъ благочиннымъ, было четыре сына, отъ природы одаренные хорошими голосами и впослѣдствіи всѣ бывшіе пѣвчими въ архіерейскомъ хорѣ; сынъ втораго священника о. Николая, Александръ Николаевичъ Соколовъ, который однимъ курсомъ былъ меня старше, нынѣ одинъ изъ почетнѣйшихъ протоіе-

реевъ въ Петербургѣ, настоятель Владимірской церкви и 1831 г.
благочинный; его младшій братъ Аѳанасій поступилъ вмѣстѣ со мною въ училище и на первомъ же году умеръ.

Въ Кохмѣ, пока я учился въ училищѣ и семинаріи, мнѣ случалось очень часто бывать въ каникулярное время.

Въ 1832 году, незадолго до перехода нашего въ высшее отдѣленіе, у насъ произошла перемѣна одного учителя. Инспекторъ и учитель греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи, священникъ И. А. Субботинъ, не знаю почему, оставилъ въ 1832 году училищную службу; его мѣсто занялъ нашъ учитель греческаго языка священникъ П. И. Пѣвницкій; на мѣсто Пѣвницкаго къ намъ перевели учителя 2-го класса В. А. Осовецкаго, а на мѣсто сего послѣдняго опредѣленъ былъ студентъ семинаріи Ив. Петр. Вѣнецкій.

1831-й годъ былъ годъ неурожайный; въ слѣдствіе сего цѣна на хлѣбъ съ пятиалтыннаго возрасла до полтинника (1 р. 75 к.) — цѣна не бывалая. Многіе изъ учениковъ, особенно дѣти причетниковъ, бѣдствовали и едва не претерпѣвали голодъ. На помощь этому бѣдствію явился одинъ изъ богатыхъ Шуйскихъ купцевъ (онъ, кажется, скрылъ свое имя). Онъ открылъ бѣднымъ ученикамъ даровой доступъ въ одну мучную лавку, изъ которой, по запискамъ отъ инспектора училища, выдавали каждому по пуду, помнится на мѣсяцъ или на два, а инымъ, болѣе надежнымъ ученикамъ, вмѣсто муки, выдавали деньгами; помню, я получилъ отъ инспектора серебряный полтинникъ.

Кстати о благотворительности Шуйскаго купечества.

Нѣкоторые изъ богатыхъ Шуйскихъ купцевъ имѣли добрый обычай еженедѣльно, въ извѣстные дни, преимущественно воскресные, раздавать нищимъ милостыню деньгами или разными вещественными предметами. Это происходило такимъ образомъ. Въ извѣстный часъ, всѣхъ собравшихся къ дому того или другаго богача, впускали на дворъ и запирали ворота. За тѣмъ выходилъ самъ хозяинъ или прикащикъ и становился у калитки съ деньгами или вещами, въ родѣ, наприм., валяныхъ сапоговъ (въ зимнее время), шерстяныхъ чулокъ и варежекъ. Нищіе поочередно подходили къ раздаятелю и получивъ такую или иную милостыню, выходили со двора въ калитку; и эта раздача, смотря по количеству нищихъ, продолжалась иногда по нѣсколько

1831. г часовъ. Василій Максимычъ Киселевъ часто самъ раздавалъ милостыню, и всегда денежную; и такъ какъ онъ характера былъ довольно грубаго и суроваго, то дастъ, бывало, нищему въ руку пятакъ и въ затылокъ толчекъ. Между нищими бывали и бѣдные ученики духовнаго училища. Но для этихъ послѣднихъ существовала въ Шуѣ особаго рода благотворительность. Нѣкоторые благочестивые купцы устрояли для нихъ разъ въ годъ, въ опредѣленные или неопредѣленные дни, обѣды изъ трехъ или четырехъ блюдъ. Не далеко отъ училища жилъ купецъ П. А. Волковъ; у него каждый годъ, вскорѣ послѣ Пасхи, устроялся для всѣхъ учениковъ на широкомъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ, обѣдъ. Необходимою принадлежностью этого обѣда было то, чтобы какъ предъ обѣдомъ, такъ и послѣ обѣда ученики громогласно пѣли извѣстныя церковныя пѣснопѣнія. Въ заключеніе обѣда каждому ученику давалось въ руки по пятаку мѣди. Однажды мы обѣдали въ домѣ (это было зимой) купца Корнилова; но тамъ послѣ обѣда, вмѣсто денегъ, намъ раздали по нѣскольку аршинъ полосатой затрапезной матеріи для халатовъ. А одинъ подгородный помѣщикъ (изъ чиновниковъ) Ив. Арт. Соколовъ послѣ обѣда награждалъ насъ синею писчею бумагою и гусиными перьями (о стальныхъ перьяхъ тогда и въ поминѣ еще не было).

Скажу здѣсь о себѣ нѣчто не доброе. Между товарищами моими по школѣ, какъ старшими, такъ и младшими даже, было не мало курящихъ и особенно нюхающихъ табакъ. Примѣръ обыкновенно заразителенъ. У меня не было расположенія къ куренію табака; самый запахъ его возбуждалъ во мнѣ отвращеніе: по къ нюханію табака добрые товарищи стали было меня пріучать; не помню, кто-то подарилъ мнѣ даже табакерку съ табакомъ. Прошло не болѣе, я думаю, недѣли или двѣ, какъ объ этомъ провѣдала моя добрая и радѣтельная обо мнѣ хозяйка Александра Ивановна. Вѣроятно, она имѣла обыкновеніе по ночамъ осматривать наши карманы въ жилетахъ, чтобы видѣть, не скрывается ли въ нихъ чего-нибудь подозрительнаго. Нашедши при этихъ поискахъ въ моемъ карманѣ табакерку, она взяла ее, и на другой день, когда я всталъ съ постели, она, показывая мнѣ табакерку, держала ко мнѣ та-

кую грозную рѣчь: „что это такое у тебя завелось, — что 1831 г.
это ты вздумалъ дѣлать?—Вотъ пріѣдетъ во вторникъ твой крестный, вотъ я ему покажу это: онъ дастъ тебѣ нюхать табакъ“.

Этотъ упрекъ доброй Александры Ивановны и эта угроза жалобою на меня дядѣ и крестному такъ сильно подѣйствовали на меня, что я рѣшительно пересталъ нюхать табакъ и никогда болѣе не начиналъ.

Александра Ивановна знала, чѣмъ пригрозить мнѣ. Дѣйствительно, я никого такъ не боялся, какъ своего дяди и отца крестнаго Петра Иваныча, хотя онъ ни разу пальцемъ до меня не дотрогивался. Онъ имѣлъ на меня какое-то особенное нравственное вліяніе. Табаку онъ терпѣть не могъ, хотя его сынъ, окончившій въ это время курсъ семинаріи, тайкомъ позволялъ себѣ это удовольствіе.

Скажу здѣсь мимоходомъ и о томъ, зачѣмъ по вторникамъ ѣздилъ въ Шую мой почтенный дядюшка. Въ Шуѣ по вторникамъ, какъ уже было замѣчено выше, были еженедѣльные базары, а мой дядюшка, какъ было также мною сказано, занимался торговлею. По этому онъ пріѣзжалъ почти каждый вторникъ въ городъ и производилъ торговлю оконными рамами и фонарями. Иногда и онъ заходилъ къ намъ на квартиру, а чаще я провѣдывалъ его на базарѣ. Иногда, бывало, приду къ нему: онъ пошлетъ меня на рѣку поить лошадь; или пойдетъ самъ, а меня оставитъ при своемъ товарѣ. Иногда давалъ онъ мнѣ за эти труды по мѣдному пятаку.

При счастливой памяти, мнѣ не много требовалось времени для приготовленія уроковъ къ классу; поэтому не мало оставалось у меня свободнаго времени. Чѣмъ же наполнялось это время? Частію чтеніемъ книгъ, большею частію, сказокъ, за неимѣніемъ другихъ, лучшихъ произведеній литературы, частію списываніемъ стиховъ, пѣсенъ и другихъ статей. У меня до сихъ поръ сохранилась тетрадь въ три съ половиною листа синей бумаги, вѣроятно, полученной мною отъ помянутаго выше помѣщика Соколова. На этой тетради очень тщательно переписанъ мною—„Catalogus vocabulorum usitatiorum vernacule redditorum, т. е. списокъ словъ употребительнѣйшихъ съ россійскимъ переводомъ“.

Этотъ списокъ раздѣленъ на 25 главъ.

1831 г. Въ первой главѣ содержатся слова (vocabula) „о Божествѣ и до закона касающихся вещахъ“; во второй — „о вселенной, частяхъ свѣта и вѣтрахъ“ и т. д. Въ послѣдней главѣ—„о числительныхъ именахъ“. Подлинникъ, съ котораго я списывалъ, большею частію, по ночамъ, когда всѣ ложились спать,—принадлежалъ товарищу моему Александру Минервину, сыну помянутаго выше соборнаго священника, о. Петра Яковлевскаго.

Приближалось время перехода въ высшее отдѣленіе. Разныя тетрадки и записки по учебнымъ предметамъ низшаго отдѣленія, тщательно мною веденныя, оказывались болѣе не нужными для меня. Зная объ этомъ, жена инспектора, Авдотья Ивановна пожелала пріобрѣсть отъ меня эти записки для своего сына Павла Пѣвницкаго, который шелъ ниже меня курсомъ. Я не могъ, конечно, отказать въ требованіи своей начальницѣ. Она взяла мои записки и заплатила за нихъ 50 копѣекъ серебромъ.

Около 1832 года дядя мой — Петръ Иванычъ выстроилъ новый деревянный домъ на мѣстѣ своего стараго и моего, проданнаго, дома. Домъ довольно просторный и очень красивый съ двумя комнатами — залою и гостинной впереди и, чрезъ корридоръ, съ кухнею назади, а на верху мезонинъ съ окнами, обращенными къ рѣкѣ и къ селу Дунилову. Лѣтомъ я очень любилъ уединяться въ этотъ мезонинъ для наслажденія красивыми видами природы и для чтенія какой-нибудь книжки. Чтеніемъ книгъ на глазахъ у тетки Татьяны Ивановны я не могъ заниматься спокойно: какъ неграмотная и не понимавшая ни пользы, ни удовольствія отъ чтенія книгъ, она почти съ отвращеніемъ смотрѣла на мои книжныя занятія, хотя, въ зимніе вечера, подъ воскресные и праздничные дни, когда дядя заставлялъ меня вслухъ читать Четіи-минеи святаго Димитрія Ростовскаго, не безъ удовольствія слушала мое чтеніе и она.

17-го іюня, въ недѣлю всѣхъ святыхъ, скончался Горицкій священникъ, о. Матвѣй. Кончина этого почтеннаго старца сопровождалась особенными обстоятельствами. Въ недѣлю всѣхъ святыхъ ежегодно совершался и, безъ сомнѣнія, донынѣ совершается изъ Покровской церкви, вокругъ Дунилова, крестный ходъ, въ которомъ участвуетъ обыкновенно все Дуниловское и Горицкое духовенство. О. Мат-

вѣй совершилъ въ своей приходской церкви литургію и, 1832 г.
неразоблачаясь, отправился съ иконами въ Дунилово для участія въ крестномъ ходу. Дошедши до Крестовоздвиженской церкви, которая находится въ срединѣ села, и куда собралось духовенство съ иконами изъ прочихъ церквей, о. Матвѣй, чувствуя, при своихъ преклонныхъ лѣтахъ (ему было около 70-ти лѣтъ, если не больше) утомленіе, остался въ этой церкви, а прочіе отправились въ ходъ. Когда крестный ходъ возвратился къ Крестовоздвиженской церкви, о. Матвѣй, вышелъ на площадь предъ храмомъ и, какъ старшій между священниками, долженъ былъ читать Евангеліе на молебнѣ въ честь св. Николая. Лишь только онъ произнесъ послѣднія слова Евангелія: „да будетъ едино стадо и единъ пастырь“, какъ упалъ на землю и предалъ Богу душу. Не трудно представить, какое впечатлѣніе произведено было на духовенство и молящійся народъ этимъ внезапнымъ происшествіемъ. Поднятое съ земли тѣло честно перенесено было въ домъ и за тѣмъ, по совершеніи въ свое время чина погребенія, предано землѣ въ томъ самомъ облаченіи, въ какомъ блаженно почившій совершалъ послѣднюю Божественную литургію въ храмѣ. О. Матвѣй своимъ благолѣпнымъ служеніемъ, своимъ честнымъ поведеніемъ, своимъ благодушіемъ и кроткимъ обращеніемъ съ прихожанами надолго оставилъ по себѣ въ ихъ сердцахъ самую лучшую, признательную память.

Я не былъ очевидцемъ поразительной кончины досточтимаго о. Матвѣя; я былъ въ это время въ Шуѣ: но мнѣ въ тотъ же день сдѣлались извѣстными обстоятельства его кончины изъ устъ моей тетки Татьяны Ивановны, пріѣхавшей въ Шую для закупки провизіи и напитковъ на поминовенную трапезу.

Мѣсто о. Матвѣя занялъ его зять, извѣстный о. Василій Сапоровскій.

Въ сентябрѣ 1832 г. я былъ уже ученикомъ высшаго отдѣленія и назначенъ былъ цензоромъ класса и квартирнымъ старшимъ. Обязанность цензора состояла въ наблюденіи за порядкомъ въ классѣ, а должность старшаго заключалась въ посѣщеніи ученическихъ квартиръ съ цѣлію наблюденія за благоповеденіемъ учениковъ и исправнымъ приготовленіемъ заданныхъ уроковъ, — о чемъ и дѣлались

1832 г. старшимъ отмѣтки въ квартирномъ журналѣ; въ случаѣ же какихъ либо важныхъ безпорядковъ, старшій обязанъ былъ доносить о нихъ инспектору немедленно.

Къ прежнимъ учебнымъ предметамъ въ высшемъ отдѣленіи присоединились новые, какъ-то: священная исторія и географія. Кѣмъ была составлена исторія, не знаю; но географія была К. Арсеньева. Она съ нашего курса замѣнила прежнюю, неизвѣстно кѣмъ составленную. Для переводовъ съ латинскаго языка на русскій былъ у насъ Корнелій Непотъ, а съ греческаго та же хрестоматія Каченовскаго. Въ часы послѣ-обѣденные мы упражнялись обыкновенно въ переводахъ съ русскаго на латинскій и греческій языкъ, и только одинъ классъ назначенъ былъ для нотнаго пѣнія.

Латинскій языкъ, катихизисъ и свящ. исторію преподавалъ намъ смотритель Василій Яковлевичъ Цвѣтковъ, а греческій языкъ и прочіе предметы инспекторъ П. П. Пѣвницкій.

Должно сказать по правдѣ, что преподаваніе у насъ, въ высшемъ отдѣленіи, шло очень неудовлетворительно. Да иначе и быть не могло: поелику оба наши преподаватели были вмѣстѣ съ тѣмъ и приходскими священниками при Воскресенскомъ соборѣ; а о. Цвѣтковъ, сверхъ того, отправлялъ службу и исполнялъ требы и за своего дѣда по женѣ, престарѣлаго протоіерея Никитскаго. Слѣдствіемъ сего было то, что смотритель или во все не приходилъ въ классъ, или приходилъ на самое короткое время. Инспекторъ чаще являлся къ намъ, но не всегда въ должномъ видѣ; особенно въ послѣобѣденные часы онъ приходилъ иногда въ классъ прямо изъ-за обильной трапезы въ домѣ какого-либо богатаго купца въ сильно-возбужденномъ состояніи, и въ этихъ случаяхъ онъ былъ для насъ особенно страшенъ: за малѣйшій проступокъ, или ошибку въ письменной задачѣ онъ подвергалъ насъ сильнымъ истязаніямъ.

Я сказалъ, что смотритель В. Я. Цвѣтковъ почти вовсе не ходилъ въ классъ: чѣмъ же, спрашивается, занимались въ его отсутствіе ученики?—Кулачными боями, или игрою въ карты. Но однажды вотъ что случилось. Нѣкоторые ученики, сидѣвшіе около двери, близъ которой было окно въ корридоръ, играли по обычаю въ карты. Смотритель, ко-

тораго на этотъ разъ не ожидали въ классъ, поднимается 1832 г.
по лѣстницѣ и въ коридорное окно видитъ у учениковъ въ рукахъ карты. Быстро вошедши въ классъ, спрашиваетъ: кто игралъ въ карты? Но ученики, успѣвши бросить карты въ небольшое отверстіе у печи, спокойно отвѣчаютъ: никто не игралъ. Какъ ни былъ добръ и благодушенъ почтенный Василій Яковлевичъ, но онъ сильно раздраженъ былъ явнымъ запирательствомъ учениковъ. Началъ было онъ обыскивать учениковъ, но ничего не нашелъ. Что дѣлать? Послалъ за инспекторомъ и когда тотъ пришелъ, объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Инспекторъ началъ было съ того же, что тщетно испыталъ уже смотритель, т. е. обыскалъ всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго, и ничего не нашелъ. Въ сильной досадѣ озираясь кругомъ, обратилъ вниманіе на отверстіе у печи. Запустивши туда руку, вынимаетъ карты и громогласно, подобно Архимеду, кричитъ: *εὕρηκα, εὕρηκα* (нашелъ, нашелъ)! Кто, спрашиваетъ, игралъ въ карты? Поелику виноватымъ никто себя не призналъ, то рѣшено было на другой день всѣхъ пересѣчь розгами. Но я избѣжалъ этой казни. Когда она производилась, я былъ въ это время у смотрителя и занимался перепискою какихъ-то бумагъ (я у него служилъ вмѣсто письмоводителя). Вспомнивши о производящейся въ классѣ экзекуціи, добрѣйшій Василій Яковлевичъ говоритъ мнѣ: „что Тихомировъ,—счастливъ, что теперь сидишь здѣсь, а то и тебѣ бы не миновать розогъ“.

Но при другомъ, еще болѣе важномъ случаѣ, пришлось и мнѣ на ряду съ другими подвергнуться наказанію. Разъ смотритель прислалъ къ намъ въ классъ, вмѣсто себя, учителя 1-го класса (забылъ его фамилію). Ученики шумятъ и не слушаютъ учителя. Учитель, разсердившись, говоритъ наконецъ: „если не перестанете шумѣть, я уйду изъ класса“.

Кто-то изъ учениковъ довольно громко сказалъ: „и хорошо сдѣлаете“. Учитель ушелъ и принесъ смотрителю жалобу. Разбирательство этой жалобы опять поручено было инспектору; и какъ виновнаго разыскать не могли, то опять присудили всѣхъ къ наказанію, начиная съ меня, какъ цензора класса. Но это было первое и послѣднее наказаніе розгами, какое я испыталъ въ продолженіи семилѣтняго ученія въ школѣ. Угрожало мнѣ еще разъ подобное наказаніе: но, по счастію, угроза эта не была приведена въ исполненіе. Это

1832 г. было такъ. На мнѣ, какъ на квартирномъ старшемъ, лежала обязанность, сколько можно, чаще посѣщать квартиры. Но въ темные осенніе и зимніе вечера ходить одному, по грязнымъ или занесеннымъ снѣгомъ улицамъ и переулкамъ было весьма неудобно и небезопасно, по крайней мѣрѣ, отъ нападенія злыхъ собакъ; а при томъ жаль было напрасно и безплодно терять время. Между тѣмъ, каждый разъ старшій долженъ своеручно отмѣтить въ квартирной тетради, когда онъ былъ и все ли нашелъ въ порядкѣ. Затрудняясь, съ одной стороны, часто посѣщать квартиры, а съ другой, не желая показаться въ глазахъ начальства неисправнымъ, я дѣлалъ иногда такъ, что пришедши на ту или другую квартиру, расписывался въ тетради за нѣсколько дней въ разъ. Однажды, въ воскресенье вечеромъ, пришелъ я на квартиру въ домъ соборнаго діакона Кедрова и началъ дѣлать по обычаю росписки, какъ вдругъ входитъ грозный инспекторъ и застаетъ меня на мѣстѣ преступленія. Пришедши въ ярость, онъ тутъ же выдралъ меня за волосы и пригрозилъ на завтрашній день жестоко наказать розгами. Но, побывавши за тѣмъ у гостепріимнаго хозяина дома, и вѣроятно, выпивши лишнюю чару усыпительнаго нектара, забылъ о моей виновности, и я остался безъ наказанія.

У смотрителя Цвѣткова было въ недѣлю два послѣобѣденныхъ класса, когда онъ долженъ былъ давать намъ письменныя упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. На этихъ классахъ онъ никогда почти не бывалъ; но дѣло ограничивалось только тѣмъ, что онъ приказывалъ мнѣ каждый разъ приходить предъ классомъ къ нему на домъ, и онъ послѣ своего, разумѣется, сытнаго обѣда, сядетъ, бывало, въ халатѣ, по турецки, т. е. поджавши ножки, на диванъ и начнетъ мнѣ диктовать по латинской книгѣ (большою частію Лактанція) русскій переводъ; пока я пишу сказанныя имъ слова, онъ успѣетъ уже задремать и мнѣ нужно было его каждый разъ пробуждать. Но пока онъ дремлетъ, я чрезъ столъ смотрю въ раскрытую предъ нимъ книгу и на память заучиваю латинскій текстъ. Написавши, съ большими промежутками времени, задачу, я отправлялся въ классъ и диктовалъ ее своимъ товарищамъ. Послѣ того, какъ я заучилъ на память латинскій текстъ,

перевесть данную задачу съ русскаго языка на латинскій 1832 г.
для меня ничего уже не стоило. И между тѣмъ, какъ у товарищей моихъ задача была переведена съ большимъ или меньшимъ числомъ ошибокъ, моя задача всегда была безошибочна.

Нѣчто подобное было и съ греческими упражненіями. Инспекторъ извлекалъ для насъ задачи изъ богословской греческой хрестоматіи. У одного изъ моихъ товарищей оказалась эта книга. И вотъ, бывало, мы непремѣнно отыщемъ тѣ строки, которыя инспекторъ переводилъ на русскій языкъ и потомъ съ русскаго языка заставлялъ насъ перелагать на греческій. Съ помощію книги, намъ не трудно было дѣлать этотъ переводъ. Инспекторъ удивлялся нашимъ успѣхамъ и сначала не понималъ, откуда у насъ такая эллинская премудрость. Наконецъ кто-то ему донесъ, что у насъ въ рукахъ имѣется та самая книга, которою онъ пользовался для своихъ задачъ. Книгу онъ отобралъ, и мы остались, какъ раки на мели.

Едва лишь я переступилъ порогъ высшаго отдѣленія училища, какъ удостоенъ былъ чести педагога и руководителя для другихъ младшихъ меня. Нашъ новый мѣстный благочинный, священникъ села Васильевскаго о. Григорій Вишняковъ, переведенный изъ Суздальскаго уѣзда на мѣсто протоіерея В. И. Смирнова, перемѣщеннаго къ Шуйской Крестовоздвиженской церкви,—привезъ въ Шую учиться своего сына Симеона. Незнакомый еще ни съ кѣмъ въ городѣ, онъ обратился къ смотрителю съ просьбой указать ему получше квартиру и благонадежнаго ученика, которому бы онъ могъ поручить своего сына. Смотритель не могъ указать о. Вишнякову лучшей квартиры, какъ нашу и, видно, не нашелъ болѣе надежнаго ученика—руководителя для его сына, кромѣ меня. Итакъ о. благочинный, очень видный собою и солидный, является къ намъ на квартиру, проситъ Александру Ивановну принять на свое попеченіе его сына, а меня убѣждаетъ быть для него руководителемъ, по указанію о. смотрителя. Я убоялся такой чести и не охотно принималъ на себя обязанность педагога, но, съ другой стороны, не смѣлъ и отказать въ настойчивомъ требованіи о. благочиннаго. Питомецъ мой оказался мальчикъ добрый и способный. Почтенный отецъ его, пріѣзжая время отъ

1833 г. времени въ Шую, навѣдывался о немъ и, довольный моимъ надзоромъ, угощалъ иногда меня сбитнемъ съ пирогами, которые привозилъ для сына изъ дому. Впослѣдствіи, мой питомецъ Семенъ Григорьевичъ Вишняковъ опередилъ меня. Когда я въ 1846 году пріѣхалъ въ Московскую академію учиться, онъ переходилъ уже на старшій курсъ, и окончивши въ 1848 году курсъ академіи съ званіемъ магистра, опредѣленъ былъ на должность профессора въ Виѳанскую семинарію, а оттуда перешелъ въ Москву на священническое мѣсто, гдѣ и скончался въ санѣ протоіерея 5 іюня 1892 года.

Помянутый сейчасъ протоіерей В. И. Смирновъ, въ бытность свою нашимъ благочиннымъ, принялъ отъ покупщика моего дома часть денегъ, именно 50 рублей и, вѣроятно, забылъ передать ихъ преемнику своему, о. Григорію Вишнякову. Дядя и опекунъ мой Петръ Иванычъ, опасаясь, какъ бы деньги эти не пропали, пріѣхавши разъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Шую, купилъ штофъ французской водки на мой счетъ, и взявши меня, повелъ съ собою къ о. протоіерею Смирнову просить у него принадлежащія мнѣ деньги. Почтенный о. протоіерей, благосклонно принявши наше винное приношеніе, немедленно выдалъ намъ подъ росписку деньги.

Осенью 1833 года пріѣхалъ въ Шую, по случаю, кажется, закладки новой каменной церкви въ Спасскомъ приходѣ, ректоръ Владимірской семинаріи, архимандритъ Неофитъ. Само собою разумѣется, что онъ посѣтилъ и наше училище. Когда онъ вошелъ въ высшее отдѣленіе, ученики хоромъ пропѣли: „Salutamus“ (т. е. привѣтствуемъ). За тѣмъ я произнесъ латинскую рѣчь, сочиненную учителемъ низшаго отдѣленія, священникомъ Я. И. Холуйскимъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ заключалась эта рѣчь:

„Non ita natura laetatur instante vere, quam maxima ob Tuum nobis jucundissimum adventum pectora nostra afficiuntur laetitia. Tunc enim temporis calor solis mortuas seminum radices resuscitat: nunc vero benevola Tua praesentia in animas nostras, quae se laturas esse nonnunquam fructus promittunt, vehementem impetum ad ulterius promovendas ac excolendas litteras inspirat. Wenias igitur, musarum Pro-

tector optime! venias, ut revivificentur corda nostra, quae 1833 г.
ad excipienda salutaria Tua instituta, semper promta sunt".

То есть: „Не столько радуется природа при наступленіи весны, сколько наши сердца восхищаются сильнѣйшимъ восторгомъ при Твоемъ пріятнѣйшемъ для насъ пришествіи. Ибо тамъ теплота солнечная оживотворяетъ помертвѣвшіе корни сѣмянъ: здѣсь благосклонное Твое присутствіе вдыхаетъ въ наши души, обѣщающія принесть нѣкогда плоды, сильное стремленіе къ продолженію и изученію наукъ. Гряди убо, благостнѣйшій Покровитель музъ, гряди, да наши сердца, всегда готовыя къ принятію Твоихъ спасительныхъ наставленій, оживотворятся."

Долго ли пробылъ въ нашемъ классѣ высокопочтенный посѣтитель и что онъ дѣлалъ, не помню; помню только, что онъ напутствованъ былъ другою рѣчью—греческою, составленною инспекторомъ Пѣвницкимъ и произнесенною моимъ товарищемъ Иваномъ Аменицкимъ. Къ сожалѣнію, я не могу передать здѣсь содержаніе это рѣчи; но въ моей памяти сохранились только послѣднія слова оной: *φυτὰ νεόφυτα* (новопасажденныя лѣторасли), удачно примѣненныя къ имени посѣтителя: Неофитъ.

Въ 1833 году производилась, по распоряженію Правительства, народная перепись. Мнѣ поручено было смотрителемъ переписать ревизскую сказку для дѣдушки, соборнаго протоіерея А. Н. Никитскаго. Когда я принесъ переписанную мною сказку и вручилъ самому о. протоіерею, этотъ 87-ми-лѣтній ученѣйшій старецъ обласкалъ меня и вступилъ со мною въ разговоръ. О чемъ была рѣчь, я теперь уже не помню, но въ моей памяти врѣзались слѣдующія слова старца: „вотъ, Тихомировъ, какъ я учился въ Москвѣ: и въ академіи, и въ университетѣ я окончилъ курсъ первымъ студентомъ. Учись и ты такъ".

Въ то же время смотритель о. Василій Цвѣтковъ поручалъ мнѣ переписать составленную имъ для его прихожанки, богатой купчихи Болотовой, ревизскую сказку; и когда я переписалъ, онъ велѣлъ мнѣ отнести ее къ Болотовой. За этотъ трудъ она дала мнѣ нѣсколько аршинъ ситца для сорочки.

Въ 1833 году я взятъ былъ въ пѣвческій хоръ купца Киселева и пѣлъ теноромъ, хотя голосъ у меня былъ не

1834 г. очень завидный. Эта новая профессія доставляла мнѣ нѣкоторыя выгоды: я получалъ и одежду и небольшое денежное жалованье; сверхъ того имѣлъ доступъ въ богатые купеческіе дома, гдѣ видѣлъ всякаго рода роскошь, и слѣдовательно болѣе или менѣе изощрялъ свой эстетическій вкусъ. Но, съ другой стороны, не мало видѣлъ и худыхъ примѣровъ.

Въ началѣ 1834 года одинъ молодой, лѣтъ 15-ти еврей расположился принять христіанскую вѣру. Епархіальное начальство поручило нашему смотрителю, хорошо знавшему еврейскій языкъ, приготовить этого еврея и окрестить. О. смотритель, занимаясь съ евреемъ катихизическими бесѣдами, мнѣ поручилъ научить его славянскому чтенію. Юноша—еврей, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, приходилъ къ намъ въ классъ и, садясь рядомъ со мною, читалъ подъ моимъ руководствомъ славянскую псалтирь. Въ день Благовѣщенія совершено было надъ нимъ торжественное крещеніе въ соборной церкви, и о. Василіемъ сказана была при этомъ случаѣ рѣчь, которую я переписывалъ на бѣло. Воспріемниками при крещеніи были богатые люди, которые доставили своему крестнику возможность заниматься торговыми дѣлами. Но я своего ученика послѣ крещенія не встрѣчалъ уже ни разу. Подобнаго событія въ Шуѣ я не только не видалъ прежде, но и не слыхалъ никогда.

Страстную и свѣтлую недѣли, равно какъ и предшествовавшіе рождественскіе праздники, я проводилъ въ Шуѣ по обязанности пѣвчаго. Но я не испыталъ здѣсь въ эти великіе и торжественные праздники тѣхъ радостныхъ чувствъ, какія каждый разъ испытывалъ на своей родинѣ, въ своемъ родномъ храмѣ. На сырную недѣлю отправлялся я на родину, тамъ провелъ и первую недѣлю поста. На это время намъ былъ данъ инспекторомъ урокъ, велѣно было перевесть съ греческаго языка на русскій слово св. Іоанна Златоуста на память св. мученика Варлаама. Этимъ важнымъ дѣломъ я, помню, занимался на Пустынькѣ, у сестры Марьи Михайловны, въ тѣсной и холодной избѣ, гдѣ и куры бродили, куда по утру и корову вводили для доенія.... Для облегченія себя въ учено-филологическомъ трудѣ, я пользовался славянскимъ переводомъ того же слова, помѣщеннымъ въ Четьей-минеи св. Димитрія Ростовскаго; а эту

книгу зять принесъ мнѣ изъ библіотеки Покровской Дуни- 1834 г.
ловской церкви.

Вскорѣ послѣ св. недѣли послѣдовала кончина супруги нашего смотрителя, В. Я. Цвѣткова, Евлампіи Матвѣевны. Какъ теперь помню, меня заставили стоять въ церкви при гробѣ почившей и держать на рукахъ малютку сына ея— Владиміра.

Приближалось время окончанія училищнаго курса. Вдругъ между нами распространяется слухъ о пріѣздѣ изъ Владиміра какого-то ревизора, о чемъ прежде въ Шуѣ и понятія не имѣли. Наконецъ узнаемъ, что для производства ревизіи ѣдетъ инспекторъ семинаріи, магистръ, іеромонахъ Израиль. Смотритель Василій Яковлевичъ, получивъ извѣстіе о приближеніи къ городу ревизора, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу на парѣ отличныхъ лошадей купца Посылина, въ фаэтонѣ. И вотъ, чрезъ нѣсколько часовъ, мы видимъ изъ оконъ своей квартиры ѣдущаго съ смотрителемъ грознаго ревизора. Ревизоръ остановился въ домѣ смотрителя.

На другой день ревизоръ, въ сопровожденіи смотрителя, пожаловалъ въ наше высшее отдѣленіе. Мы увидѣли предъ собою молодого іеромонаха съ магистерскимъ крестомъ на золотой цѣпочкѣ, невысокаго роста съ свѣтлорусыми волосами на головѣ и бородѣ, съ живыми глазами и громкимъ тенористымъ голосомъ. По прочтеніи молитвы и по пропѣтіи обычнаго въ то время: Salutamus, ревизоръ сѣлъ въ кресло, пригласивъ сѣсть и смотрителя, но учителей не удостоилъ этой чести: они стояли, прислонившись къ партамъ. Съ чего начался устный экзаменъ, не помню; но помню, что въ тотъ же самый день, или на слѣдующій ревизоръ далъ намъ письменную задачу для перевода съ русскаго языка на латинскій, разсчитывая, разумѣется, по этому письменному опыту составить вѣрное понятіе о степени нашихъ успѣховъ въ знаніи латинскаго языка. Но его разсчетъ не могъ быть вѣренъ. Ревизоръ поручилъ учителю низшаго отдѣленія, священнику Я. И. Холуйскому принимать отъ насъ написанныя задачи, между тѣмъ самъ занимался производствомъ устныхъ испытаній. Я скорѣе прочихъ написалъ задачу и подалъ ее о. Холуйскому. Онъ, прочитавши мою задачу и увидѣвши, что она написана удовлетворительно, взялъ ее въ лѣвую руку и, стоя у

1834 г. парты лицемъ къ ревизору, поднялъ ее нѣсколько выше своего лѣваго плеча и далъ знакъ нѣкоторымъ близъ сидѣвшимъ ученикамъ, чтобъ они смотрѣли въ мою тетрадь и сами списывали и товарищамъ передавали. Такимъ образомъ у всѣхъ почти учениковъ задача вышла весьма удовлетворительная. И эта хитрость о. Холуйскаго осталась незамѣченною ревизоромъ.

Сколько дней продолжались частныя испытанія, хорошо не помню; помню только, что ревизоръ послѣ обѣда, по причинѣ іюльскихъ жаровъ, приходилъ къ намъ въ классъ не ранѣе 4-хъ часовъ и оставался часовъ до 8-ми.

Наконецъ назначенъ былъ день для публичнаго экзамена. Приготовленія къ этому торжественному дню были тѣ же самыя, какія мною описаны выше: но публики на этотъ разъ было больше, чѣмъ въ прежніе годы. На публичный экзаменъ прибылъ и старецъ—соборный протоіерей Никитскій, которому о. ревизоръ предоставилъ занять первенствующее мѣсто. Былъ на этомъ торжествѣ и одинъ изъ упомянутыхъ мною выше братьевъ Соловьевыхъ, студентъ Московской д. академіи Михаилъ Михайловичъ. Ему, не помню, кто—ревизоръ, или смотритель, предложилъ испытать меня въ знаніи греческаго языка, и онъ заставилъ меня переводить первые стихи изъ Евангелія отъ Іоанна. Важную особенность настоящаго публичнаго экзамена составляло то, что намъ, лучшимъ ученикамъ, вмѣсто прежнихъ похвальныхъ листовъ, дали въ награду книги. Я получилъ даже двѣ книги, съ подписью ревизора и смотрителя: Латино-русскій лексиконъ Целларія и еще какую-то книжку. Эта двойная награда мнѣ дана за успѣхи въ наукахъ и, можетъ быть, за безмездные труды по письмоводству. Съ ревизоромъ пріѣзжалъ въ Шую письмоводитель семинарскаго правленія Руновъ; но онъ не могъ одинъ справиться съ оффиціальною перепискою, такъ какъ кромѣ другихъ бумагъ, нужно было для каждаго переведеннаго въ семинарію ученика написать свидѣтельство. Поэтому я назначенъ былъ ему въ помощь.

Кстати о письмоводительствѣ. Выше было уже говорено, что я у смотрителя Василія Яковлевича года два или три исправлялъ должность письмоводителя. При этомъ онъ не разъ мнѣ говаривалъ: „вотъ, Тихомировъ, смотри, учись

какъ надобно писать оффиціальныя бумаги; со временемъ, 1834 г
можетъ быть, и ты будешь смотрителемъ училища". Это предсказаніе добраго и благорасположеннаго ко мнѣ о. смотрителя, который впрочемъ, какъ имѣвшій ученую академическую степень, подписывался исправляющимъ должность ректора училища, — впослѣдствіи, какъ увидимъ, исполнилось надо мною и даже съ избыткомъ.

Итакъ, съ Божіею помощію, я благополучно совершилъ семилѣтнее поприще начальнаго ученія. За тѣмъ мнѣ предстояло вступить на путь высшаго семинарскаго образованія.

Вакацію проводилъ я частію на родинѣ, частію въ другихъ мѣстахъ, какъ-то, въ селахъ — Кохмѣ и Хотимлѣ. Какъ ни весело было отдыхать послѣ семилѣтнихъ трудовъ; но тѣмъ не менѣе я былъ сильно озабоченъ мыслію о томъ, что ожидало меня впереди. Какіе труды, какія занятія предстояли мнѣ въ семинаріи, я не имѣлъ о томъ яснаго представленія. Къ счастію моему, во время вакаціи гостилъ на Пустынькѣ у моего двоюроднаго дѣдушки, о. Козьмы, его родный внукъ, Николай Алексѣичъ (фамилію его забылъ)—ученикъ Костромской семинаріи, переведенный изъ низшаго отдѣленія въ среднее. Прогуливаясь съ нимъ по полю, я полюбопытствовалъ спросить его, чѣмъ онъ занимался въ низшемъ отдѣленіи семинаріи. Главнымъ занятіемъ нашимъ, отвѣчалъ онъ мнѣ,—„были сочиненія". Что такое сочиненія, какъ это сочиняютъ,—спросилъ я опять?—„А вотъ какъ, отвѣчалъ онъ: дадутъ намъ тему—два, три слова, а мы напишемъ изъ нихъ нѣсколько страницъ". Я рѣшительно не могъ понять, какъ это изъ двухъ-трехъ словъ можетъ выйти нѣсколько страницъ. Такъ слабо развиты были наши понятія, такъ мало мы были приготовлены къ семинаріи!...

Въ Кохмѣ я встрѣтился съ помянутымъ выше священническимъ сыномъ Александромъ Николаевичемъ Соколовымъ, который также перешелъ въ среднее отдѣленіе семинаріи. Я и къ нему обратился съ такимъ же вопросомъ и просилъ его совѣтовъ и наставленій касательно предстоящимъ мнѣ занятій. Онъ посовѣтывалъ мнѣ читать, какъ можно, больше книгъ, и тутъ же вручилъ мнѣ, для чтенія, случившуюся у него книжку: „повѣсть о Францылѣ Венціанѣ".

Во второй половинѣ августа, двоюродный братъ мой,

1834 г. Иванъ Петровичъ Тихомировъ, окончившій курсъ семинаріи въ 1832 году съ званіемъ студента, опредѣленъ былъ къ Хотимльской церкви діакономъ на мѣсто своего зятя И. Н. Успенскаго, который при той же церкви получилъ священническое мѣсто. Онъ женился на дочери священника Ильинскаго погоста, близь Шуи, о. Михаила Соловьева, Аннѣ Михайловнѣ. Бракъ совершенъ былъ въ послѣднихъ числахъ августа въ церкви Ильинскаго погоста [1]). Я былъ участникомъ брачнаго пиршества, происходившаго въ небольшомъ каменномъ домикѣ о. Михаила. Здѣсь я познакомился съ младшимъ изъ сыновей его Николаемъ Михайловичемъ, который перешелъ въ высшее отдѣленіе семинаріи; старшіе его братья Михаилъ и Алексѣй (впослѣдствіи Агаѳангелъ) не присутствовали на бракѣ; они были въ академіи, въ Троицкой Сергіевой лаврѣ.

Здѣсь не могу я не остановиться на примѣчательной личности родителя невѣсты, о. Михаила Николаевича Соловьева.

Михаилъ Николаевичъ родился 1-го ноября 1777 года въ погостѣ Іоакиманскомъ, въ 7-ми верстахъ отъ г. Шуи. Родитель его Николай Никифоровичъ былъ діакономъ въ этомъ погостѣ. Мать его Анастасія Алексѣевна была весьма набожна и благочестива. Каждый годъ ходила она на богомолье съ юнымъ Михаиломъ въ сосѣдній погостъ Ильинскій (Телешево тожъ), и здѣсь, сидя съ нимъ на берегу р. Тезы и любуясь красивымъ мѣстоположеніемъ погоста, говаривала сыну: „Миша, какъ здѣсь хорошо! О еслибы ты въ этомъ селѣ былъ священникомъ!“.

Въ 1788 году Михаилъ поступилъ въ Суздальскую семинарію. При отличныхъ дарованіяхъ, онъ подавалъ о себѣ родителямъ добрую надежду. Но Богу угодно было преждевременно прекратить его учебное поприще. Скончался его отецъ, и онъ, по настоянію матери-вдовы, долженъ былъ выйти изъ риторическаго класса семинаріи, чтобы занять мѣсто родителя, для поддержанія осиротѣлаго семейства. Получивъ санъ діакона 12-го іюля 1793 года, онъ съ усердіемъ исполнялъ свои обязанности въ церкви и приходѣ, а

---

[1]) Лѣтопись объ Ильинской церкви пог. Ильинскаго-Телешева напечатана во *Влад. Еп. Вѣд.* 1881 г. №№ 10 и слѣд.

дома часто предавался уединенной молитвѣ. Хотѣлъ бы онъ, 1834 г.
по возбужденной въ немъ любознательности, продолжать свое образованіе посредствомъ чтенія книгъ; но въ его домѣ, по смерти родителя, оказалось только двѣ книги: Часовникъ и Псалтирь. Къ счастію своему, онъ нашелъ въ домѣ прихожанина Іоакиманской церкви, помѣщика Каблукова, самую лучшую изъ книгъ—Библію. Съ пламеннымъ усердіемъ онъ началъ читать ее, оставляя въ сторонѣ домашнія занятія. Но поелику въ писаніяхъ, особенно пророческихъ, онъ встрѣчалъ нѣкоторыя, неудобопонятныя для него мѣста, то старался доставать, между прочимъ и покупкою, отеческія творенія, заключающія въ себѣ толкованія на священное Писаніе. Сосѣдніе помѣщики, слыша о такой любознательности діакона, столь рѣдкой между духовенствомъ того времени, съ любопытствомъ входили съ нимъ въ бесѣду и удивлялись его здравымъ сужденіямъ и обширной начитанности. Въ апрѣлѣ 1799 года діаконъ Соловьевъ, по желанію прихожанъ, былъ рукоположенъ во священника къ церкви Ильинскаго погоста—къ той самой церкви, при которой желала ему быть его благочестивая мать.

Здѣсь о. Михаилъ еще съ большею ревностію сталъ продолжать свое самообразованіе. Уволенный отъ должности, за лишеніемъ зрѣнія, учитель риторики и всеобщей исторіи въ Суздальской семинаріи Д. Р. Тихомировъ, поселился въ погостѣ Ильинскомъ. О. Михаилъ не преминулъ воспользоваться столь благопріятнымъ обстоятельствомъ. Онъ сблизился съ слѣпцемъ-учителемъ и пожелалъ быть его ученикомъ; подъ его руководствомъ, онъ изучилъ риторику, всеобщую исторію и отчасти философію. По смерти своего руководителя, послѣдовавшей въ октябрѣ 1812 года, о. Михаилъ продолжалъ неутомимо читать книги, преимущественно духовно-нравственнаго содержанія, которыя онъ пріобрѣталъ частію на церковныя деньги, а частію на свои собственныя, скудныя средства.

Проводя честную и благочестивую жизнь, онъ имѣлъ весьма сильное и благотворное вліяніе на свою паству. Было въ его приходѣ нѣсколько душъ раскольниковъ: своими разумными бесѣдами и кроткимъ съ ними обращеніемъ онъ всѣхъ ихъ обратилъ къ Церкви.

У отца Михаила было семь человѣкъ дѣтей: три сына и

1834 г. четыре дочери. Онъ далъ всѣмъ имъ доброе христіанское воспитаніе. Изъ сыновей двое старшихъ-Михаилъ и Алексѣй (въ монашествѣ Агаѳангелъ) получили академическое образованіе, а младшій Николай окончилъ курсъ семинаріи съ званіемъ студента и занялъ родительское мѣсто. Дочери всѣ выданы были въ замужество: одна за священника, а прочія за діаконовъ. Младшая дочь Анна Михайловна, выданная въ замужество за моего двоюроднаго брата, получила образованіе въ Арзамасской Алексіевской общинѣ и умѣла даже играть на гусляхъ.

О. Михаилъ, съ юныхъ лѣтъ проникнутый религіознымъ настроеніемъ, дважды путешествовалъ въ Кіевъ, для поклоненія тамошнимъ святымъ. Въ первый разъ онъ ѣздилъ туда съ семействомъ помянутаго выше помѣщика Каблукова въ маѣ—іюнѣ 1822 года. Какъ человѣкъ въ высшей степени любознательный, онъ на все, что встрѣчалось ему на пути и въ самомъ Кіевѣ достопримѣчательнаго, обращалъ вниманіе и все записывалъ. Во второй разъ онъ путешествовалъ въ Кіевъ въ 1835 году послѣ того, какъ устроилъ послѣднюю свою дочь Анну. На этотъ разъ спутникомъ ему былъ сосѣдній помѣщикъ И. А. Соколовъ. О. Михаилъ и во время этого путешествія велъ краткій дневникъ, который мнѣ довелось впослѣдствіи переписывать, по порученію старшаго сына его Михайла Михайловича. Но изъ втораго путешествія своего онъ уже не возвратился домой. Прибывъ въ Кіевъ 26 мая, въ день св. Троицы, онъ въ ту же ночь сдѣлался боленъ лихорадкою и—чрезъ недѣлю его не стало. Онъ скончался въ Михайловскомъ монастырѣ, въ покояхъ своего земляка, преосвященнаго Владиміра (Алявдина), викарія Кіевской митрополіи, который и совершилъ надъ нимъ чинъ погребенія. Вѣчная ему память [1])!

Я зналъ покойнаго о. Михаила еще прежде, чѣмъ совершилось бракосочетаніе его дочери съ моимъ двоюроднымъ братомъ. Бывало, въ Шуѣ, во вторничный день онъ

[1]) Изложенныя мною здѣсь свѣдѣнія объ о. Михаилѣ заимствованы изъ его біографіи, составленной младшимъ сыномъ его, священникомъ Н. М. Соловьевымъ и напечатанной въ *Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1865 г., по распоряженію преосв. Агаѳангела, бывшаго тогда епископомъ Вятскимъ.

идетъ по базару въ своемъ суконномъ полукафтаньѣ (безъ рясы) кармазиннаго — краснаго цвѣта, и всѣ отдаютъ ему поклонъ, какъ человѣку, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ. При многочисленномъ семействѣ и при небольшомъ приходѣ онъ не обладалъ богатыми средствами, и потому соблюдалъ во всемъ крайнюю расчетливость. Когда его дѣти обучались въ Шуйскомъ училищѣ, онъ придетъ, бывало, къ нимъ на квартиру и дастъ на троихъ пять копѣекъ, примолвивши при этомъ: „Алеша, Миша, Николаша — вотъ вамъ пять копѣекъ, да смотрите—не лакомьтесь“. 1834 г.

Но я слишкомъ уже уклонился отъ своего главнаго предмета. Возвращусь назадъ.

Послѣ пиршества въ домѣ о. Михаила, родителя невѣсты, мы отправились въ тотъ же день для продолженія брачнаго пиршества, въ домъ родителей жениха, въ село Горицы, отстоящее отъ Ильинскаго погоста верстахъ въ 20-ти. Меня отправили на особой подводѣ, впередъ съ имуществомъ невѣсты. Въ Горицахъ пиршество продолжалось дня два или три. Семейная радость была неописанная; съ утра до ночи гости пили, ѣли и веселились; не умолкало и пѣніе, особенно часто повторялось: *многая лѣта*, такъ что у меня, въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ звучали эти слова въ ушахъ.

И вотъ, прямо съ этого веселаго пиршества, я долженъ былъ отправиться въ дальній путь—въ древній градъ Владиміръ, куда призывали меня новыя учебныя обязанности. Меня повезъ туда на своемъ конѣ, въ простой русской телѣгѣ, зять мой, Василій Александрычъ.

Путь нашъ ко Владиміру лежалъ чрезъ большое село Лежнево, мимо Золотниковской пустыни, чрезъ городъ Суздаль и нѣкоторыя другія села.

Скажу нѣсколько словъ о каждой изъ этихъ мѣстностей.

Село Лежнево, Ковровскаго уѣзда, расположено по обоимъ берегамъ р. Ухтомы и есть одно изъ древнѣйшихъ селеній. Въ XVI ст. оно отписано было за племянницею Ивана Грознаго княжною Старицкою Марьею Владиміровною, когда она была выдана за Датскаго принца Магнуса, котораго Грозный наименовалъ „королемъ Ливонскимъ“. Эта королева основала въ Лежневѣ Знаменско-Рождественскій женскій монастырь; монастырь этотъ въ 1764 году упразд-

1834 г. ненъ и обращенъ въ приходскую церковь. При проѣздѣ моемъ чрезъ село Лежнево въ первый разъ, я увидѣлъ въ немъ четыре каменныя церкви съ высокою (въ 33 сажени) колокольнею. По штату, при этомъ приходѣ состояло тогда четыре священника и соотвѣтствующее сему число прочихъ членовъ причта. Старшій священникъ (впослѣдствіи протоіерей и благочинный) Левъ Ив. Полисадовъ, по своему нравственному характеру, соотвѣтствовалъ своему имени: онъ отличался строгимъ образомъ жизни и владычественнымъ характеромъ. Предъ нимъ всѣ подчиненные трепетали, хотя онъ никому ничего худаго не сдѣлалъ. Вотъ какъ характеризуетъ его одинъ изъ подчиненныхъ ему діаконовъ: „Росту о. протоіереи (это было уже въ 1856 году) былъ выше средняго, сутуловатъ; не тученъ, но и не худощавъ былъ; брови сросшіяся, очень густыя, нависшія много на глаза; борода большая, волнистая; волосы короткіе на головѣ. — Всѣ съ большою похвалою отзывались объ его служеніи вообще, и объ его порядкахъ по храму въ особенности. Онъ требовалъ отъ діаконовъ не спѣшнаго произношенія прошеній на эктеніяхъ. Шестопсалміе всегда читалось посреди храма, а также и каѳизмы. Любилъ онъ столповое пѣніе, партесное же не очень уважалъ. По его распоряженію, дьячки и попомари безусловно покорялись діакону. Сказыванія проповѣдей почему-то онъ не уважалъ, не смотря на то, что самъ былъ мастеръ и писать и сказывать (онъ былъ изъ лучшихъ студентовъ семинаріи). Онъ говаривалъ: „служба церковная—лучшая проповѣдь“.

„Домашняя жизнь о. Полисадова мало кому была извѣстна: онъ жилъ воистину затворникомъ [1]). Онъ велъ самую регулярную жизнь: въ 4 часа вставалъ, въ половинѣ 12-то обѣдалъ, въ 8 ужиналъ, а въ 9 ложился спать. Водки онъ не пилъ никогда; употреблялъ только по полърюмки сотерна: но къ старости, по совѣту знатоковъ, онъ употреблялъ предъ обѣдомъ и ужиномъ по мальнькой рюмкѣ коньяку. Боли зубовъ онъ не вѣрилъ, потому что они у

---

[1]) О. Полисадовъ съ молодыхъ лѣтъ овдовѣлъ и имѣлъ одну только дочь, которую выдалъ въ замужество за священника, но которая вскорѣ потомъ умерла.

него никогда не болѣли и сохранились до смерти, хотя онъ 1834 г.
былъ большой охотникъ до орѣховъ“ [1]).

Я разъ только видѣлъ о. Полисадова въ 1842 году, когда былъ уже священникомъ. Онъ былъ товарищемъ по семинаріи и другомъ моему тестю В. В. Царевскому, и когда я, проѣзжая чрезъ Лежнево на родину, посѣтилъ его, онъ принялъ меня весьма радушно и оставилъ у себя ночевать.

Золотниковская пустынь расположена на берегу рѣчки Золотнички. Основана въ 1624 году. Въ ней въ 1663 году принялъ иночество св. Митрофанъ, впослѣдствіи епископъ Воронежскій. Пустынь эта не отличалась въ послѣднее время особеннымъ благоустройствомъ, по причинѣ скудости средствъ, и ей предстояло, кажется, упраздненіе: но въ шестидесятыхъ годахъ она поддержана и приведена въ приличный видъ тщаніемъ и усердіемъ богатаго купца села Иванова, Шодчина.

Суздаль—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русской земли, при рѣчкѣ Каменкѣ. Въ немъ основана была епископія въ 990 году св. великимъ княземъ Владиміромъ и первымъ епископомъ былъ Ѳеодоръ, родомъ грекъ. Епископія Суздальская, въ теченіи осми вѣковъ, нѣсколько разъ закрывалась и возстановлялась. Въ послѣдній разъ она закрыта была въ 1789 году и болѣе уже не возстановлялась. Съ этого времени Суздаль, въ качествѣ уѣзднаго города, принадлежитъ къ Владимірской епархіи.

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Суздалѣ, при народонаселеніи около 7-ми тысячъ душъ обоего пола, было четыре монастыря—2 мужскихъ и 2 женскихъ и 25 церквей.

Въ Суздалѣ существуетъ болѣе 20-ти фабрикъ и заводовъ: но главную промышленность гражданъ составляетъ торговля вишнями, хмѣлемъ, огурцами, лукомъ и другими огородными овощами.

Проѣхавши отъ Суздаля чрезъ села Павловское, Борисовское и Красное, къ вечеру 1-го числа сентября мы пріѣхали во Владиміръ и остановились на постоялосъ дворѣ.

Владиміръ на первый разъ поразилъ меня красотою

[1]) *Влад. Еп. Вѣд* 1877 г. № 17.

1834 г. своего мѣстоположенія и множествомъ древнихъ храмовъ. Главная часть города (кремль) расположена на высокой и крутой горѣ надъ рѣкою Клязьмой. Видъ отсюда за рѣку чрезвычайно обширный, а изъ-за рѣки на городъ необыкновенно красивый, напоминающій древній Кіевъ.

Во Владимірѣ на Клязьмѣ два монастыря—мужскій и женскій, два собора—каѳедральный Успенскій и Димитріевскій, 17 приходскихъ церквей и 6 безприходныхъ, при городскомъ населеніи около тринадцати тысячъ душъ обоего пола [1]).

Скажу нѣсколько словъ о болѣе примѣчательныхъ храмахъ.

Мужскій Рождественскій монастырь основанъ въ 1191 году великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ. До времени Іоанна Грознаго онъ считался первымъ въ спискѣ великороссійскихъ обителей. При возстановленіи епархіи во Владимірѣ въ 1744 году Рождественскій монастырь обращенъ въ архіерейскій домъ.

Соборная монастырская церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы сооружена помянутымъ великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ. Въ ней 1263 года 23 ноября погребенъ былъ благовѣрный великій князь Владимірскій, Александръ Ярославичъ Невскій и его мощи почивали здѣсь до 1723 года, а въ этомъ году, по повелѣнію Петра 1-го, перенесены были въ С.-Петербургъ и положены во вновь устроенномъ тогда Свято-Троицкомъ монастырѣ (Александро—Невская Лавра).

Въ оградѣ Рождественскаго монастыря построенъ былъ около 1750 года архіерейскій домъ каменный двухъ-этажный, преосвященнымъ Платономъ Петрунькевичемъ († 1757 года). Тѣмъ же преосвященнымъ построенъ былъ другой двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ помѣщалась часть открытой имъ въ 1750 году семинаріи. Впослѣдствіи этотъ корпусъ занятъ былъ начальствующими лицами и монашествующими наставниками семинаріи, а также семинарскимъ правленіемъ съ библіотекою; семинарія же вся помѣщена была въ упраздненномъ Богородицкомъ женскомъ монастырѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ архіерейскаго дома.

Женскій Успенскій (второклассный) монастырь основанъ

---

[1]) Въ 1884 г. было уже 18,000 душъ.

тѣмъ же великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, по 1834 г.
желанію его благочестивой супруги Маріи, въ іюлѣ 1200 года. Здѣсь почиваютъ мощи св. мученика Аврамія, убіеннаго въ 1229 году въ Болгаріи, куда онъ отправился по торговымъ дѣламъ.

Каѳедральный Успенскій соборъ. Онъ сооруженъ весь изъ бѣлаго камня въ 1158—1160 году св. великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Украшенія сего храма и драгоцѣнныя утвари составляли, по свидѣтельству лѣтописей, предметъ удивленія не только для русскихъ, но и для иностранцевъ. Но въ послѣдующіе вѣка, знаменитый храмъ этотъ, отъ разныхъ обстоятельствъ, частію отъ пожаровъ, а болѣе всего отъ нашествія татаръ, лишился своихъ богатыхъ украшеній, такъ что въ 1768 году Императрица Екатерина II, въ проѣздъ свой чрезъ Владиміръ, посѣтивъ соборный храмъ и замѣтивъ ветхость и упадокъ древней святыни, повелѣла отпустить на поправки 14 тысячъ рублей. Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 2-го іюня 1768 года на имя епископа Владимірскаго Павла († 1769 года) рекомендовалось „древность соборнаго храма сохранить и поддержать наилучшимъ образомъ“; но преемникъ Павла, преосвященный Іеронимъ не исполнилъ вточности царской воли. Въ соборномъ храмѣ, не смотря на разные перевороты, сохранились до этого времени въ иконостасѣ древнія иконы весьма искуснаго письма. По распоряженію преосвященнаго Іеронима, иконы эти были проданы въ село Васильевское, Шуйскаго уѣзда, гдѣ онѣ, реставрированныя въ 1856 году извѣстнымъ московскимъ художникомъ Подклюшниковымъ, составляютъ великое украшеніе главнаго Троицкаго храма. Вмѣсто древнихъ иконъ написаны новыя, въ новомъ италіанскомъ стилѣ; равно какъ и иконостасъ, украшенный по зеленому фону позолоченою рѣзьбою и колоннами всѣхъ орденовъ, при всей величественности своей, не соотвѣтствуетъ характеру древней архитектуры храма. Въ 1882—84 годахъ открыты были подъ позднѣйшею штукатуркою древнія фрески XII столѣтія на стѣнахъ и сводахъ знаменитаго храма [1]).

---

[1]) См. *Влад. Еп. Вѣд.* 1884 г., №№ 4, 16 и 22.

1834 г. Досточтимую святыню Успенскаго собора составляютъ:

1) Владимірская икона Божіей Матери. Икона эта одинаковой мѣры съ подлинною, находящеюся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, написана св. Петромъ, митрополитомъ Московскимъ, когда онъ былъ настоятелемъ въ Ратскомъ монастырѣ (Волынской епархіи).

2) Нетлѣнныя мощи св. благовѣрныхъ князей: Георгія Всеволодовича († 1238 г.), Андрея Юрьевича Боголюбскаго († 1175 г.) и Глѣба Андреевича († 1175 года).

Къ достопамятностямъ соборнаго храма относится картина, на коей изображено крещеніе Кіевлянъ при свят. великомъ князѣ Владимірѣ, на полотнѣ въ длину 7 аршинъ, въ ширину $4^1/_2$. Написана въ 1813 году итальянцемъ Гончи, на память исцѣленія его во Владимірѣ отъ тяжкой болѣзни, приключившейся ему въ 1812 году во время бѣгства изъ Москвы отъ французовъ [1]).

Димитріевскій соборъ построенъ около 1193—1197 г. великимъ княземъ Всеволодомъ Георгіевичемъ III (во святомъ крещеніи Димитріемъ). Соборъ этотъ весь сложенъ изъ бѣлаго камня безъ желѣзныхъ связей и имѣетъ видъ четвероугольный. На внѣшнихъ сторонахъ храма изсѣчены изъ бѣлаго же камня фигуры человѣческія, а также разныхъ птицъ, звѣрей, растеній и проч.

Существуетъ подробное описаніе этого замѣчательнаго собора съ рисунками, въ листъ, изданное въ 1849 году, въ Москвѣ, графомъ С. Г. Строгановымъ (№ 916).

Изъ приходскихъ Владимірскихъ церквей замѣчательны слѣдующія:

Георгіевская, построенная въ 1152 году великимъ княземъ Георгіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ въ честь своего ангела. При ней съ 1153 года былъ женскій монастырь, впослѣдствіи, неизвѣстно когда, упраздненный.

Ризположенская, на Золотыхъ воротахъ. Церковь эта построена была въ одно время съ Золотыми воротами, въ 1164 году, великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Но отъ того времени какъ въ храмѣ, такъ и въ самыхъ воротахъ не много осталось древняго, кромѣ наименованія во-

---

[1]) См. объ этомъ разсказъ графа Ростопчина въ *Русск. Архивѣ* 1886 г., ч. II, стр. 397.

ротъ Золотыми. Владимірскія Золотыя ворота устроены, 1834 г.
безъ сомнѣнія, по образцу Кіевскихъ, такъ же какъ эти послѣдніе по образцу Цареградскихъ, сооруженныхъ императоромъ Ѳеодосіемъ Великимъ.

Спасопреображенская церковь построена въ одномъ году съ Ризположенскою и тѣмъ же великимъ княземъ Боголюбскимъ. При этой церкви былъ мужскій монастырь, называвшійся Спасскимъ - Златовратскимъ; упраздненъ въ 1764 году.

Богородицкая, во имя Успенія Пресв. Богородицы. Сооружена въ 1649 году. При ней былъ дѣвичій монастырь, упраздненный въ 1750 году. Монастырскія зданія употреблены были для помѣщенія низшихъ классовъ вновь открытой тогда епископомъ Платономъ Петрунькевичемъ, какъ выше было сказано, семинаріи. Впослѣдствіи, на обширномъ монастырскомъ дворѣ, построенъ былъ, въ 1808 году, стараніемъ преосвященнаго Ксенофонта, каменный двухъ-этажный корпусъ, куда переведены были изъ Рождественскаго монастыря высшіе классы семинаріи. Здѣсь-то и мнѣ суждено было проходить поприще семинарскаго ученія.

Послѣ указанія достопримѣчательныхъ храмовъ епархіальнаго города Владиміра, сообщу краткія свѣдѣнія о незабвенномъ для меня архипастырѣ, преосвященнѣйшемъ Парѳеніѣ, архіепископѣ Владимірскомъ и Суздальскомъ [1]).

Преосвященный Парѳеній (въ мірѣ Павелъ Васильевичъ Чертковъ), сынъ діакона Московской Іоанно-Предтечевской, что на Лубянкѣ, церкви, родился 10 августа 1782 году (слѣдовательно $4^1/_2$ мѣсяцами ранѣе въ Бозѣ почившаго Московскаго митрополита Филарета). По окончаніи въ 1803 году ученія въ Московской Славяно-греко-латинской академіи, онъ здѣсь же оставленъ былъ на должности учителя низшаго грамматическаго класса; затѣмъ переведенъ былъ на должность учителя поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ катихизаторомъ; въ сентябрѣ 1808 года перемѣщенъ на должность учителя высшаго краснорѣчія и всеобщей исторіи. Въ 1810 году принялъ монашество. Въ слѣдующемъ году онъ утвержденъ былъ въ должности префекта и учи-

[1]) Во *Влад. Еп. Вѣд.* 1881 г. № 11 и сл. напечатанъ біограф. очеркъ архіепископа Парѳенія.

1834 г. теля философіи, а вслѣдъ затѣмъ возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1814 году назначенъ былъ ректоромъ Спасо-Виѳанской семинаріи, а въ 1817 году переведенъ на ту же должность въ Московскую семинарію, съ назначеніемъ въ настоятеля ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря. Отсюда въ іюнѣ 1819 году перемѣщенъ былъ въ первоклассный ставропигіальный Донской монастырь и опредѣленъ членомъ Московской св. Сунода конторы.

Въ бытность свою настоятелемъ Донскаго монастыря, Парѳеній познакомился съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ, который предъ тѣмъ былъ губернаторомъ во Владимірѣ. Вотъ что пишетъ о Парѳеніи князь Долгоруковъ въ своемъ сочиненіи: „Капище моего сердца“ (М. 1872 г., стр. 313): „архимандритъ Донскаго монастыря (Парѳеній) умный и чувствительнѣйшій человѣкъ. Я его началъ знать еще простымъ монахомъ; проповѣди его наполнены душевнаго витійства“.

Не долго однакожъ суждено было архимандриту Парѳенію оставаться въ Донскомъ монастырѣ. Сначала предполагали назначить его на Тамбовскую епархію: но это назначеніе было отклонено присутствовавшимъ въ Сунодѣ преосвящ. Симеономъ, архіепископомъ Тверскимъ, который желалъ поберечь его здоровье. Но въ іюлѣ 1821 года послѣдовало назначеніе архимандрита Парѳенія на Владимірскую каѳедру на мѣсто преосвященнаго Ксенофонта, переведеннаго въ Каменецъ—Подольскъ. 21-го августа совершена была его хиротонія во епископа въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ сверстникомъ его по лѣтамъ, новымъ архіепископомъ Московскимъ Филаретомъ съ тремя другими, пребывавшими въ Москвѣ, архіепископами и однимъ епископомъ. Была ли при этомъ произнесена первенствующимъ рукоположителемъ рѣчь, неизвѣстно.

По прибытіи во Владиміръ, преосвященный Парѳеній нашелъ ввѣренную ему епархію во всѣхъ отношеніяхъ крайне разстроенною, какъ онъ самъ писалъ объ этомъ 4 мая 1843 года оберъ-прокурору св. Сунода графу Н. А. Протасову. Архіерейскій домъ былъ въ крайне неустроенномъ состояніи—безъ доходовъ и безъ имуществъ. Внутреннее устройство епархіи требовало еще большихъ попеченій.

Мнѣ было пять или шесть лѣтъ, когда я въ первый разъ

увидѣлъ преосвященнаго Парѳенія въ своей Горицкой церкви, при поѣздкѣ его по епархіи. Какъ теперь помню, онъ былъ въ шелковой рясѣ пепельнаго цвѣта, съ небольшою круглою панагіей. Наши села-Дунилово и Горицы преосвященный называлъ „семибратовщиной“ по причинѣ не малаго числа раскольниковъ разныхъ сектъ. 1834 г.

1832 года 24 іюля, въ день свят. мучениковъ Бориса и Глѣба, я въ первый разъ видѣлъ архіерейское служеніе въ Шуйской Крестовоздвиженской церкви и былъ пораженъ величіемъ этого служенія, тѣмъ болѣе, что преосвященный Парѳеній въ служеніи былъ весьма благоговѣенъ, хотя наружный видъ его и не отличался особенною сановитостію.

25 декабря 1833 года преосвященный Парѳеній былъ возведенъ въ санъ архіепископа. По этому случаю былъ совершенъ во всѣхъ церквахъ епархіи благодарственный молебенъ. Для меня этотъ случай очень памятенъ, потому что я былъ уже въ это время пѣвчимъ въ Киселевскомъ хорѣ.

Изъ переписки [1]) преосвященнаго Парѳенія съ покойнымъ митрополитомъ Новгородскимъ Серафимомъ, начавшейся съ декабря 1821 года и продолжавшейся до 1842 года, видно, что онъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, страдалъ многоразличными, тяжкими недугами, требовавшими постояннаго врачеванія. Оттого онъ не всегда, въ воскресные и праздничные дни, могъ совершать богослуженіе; и если служилъ, то въ своей, очень небольшой домовой церкви, куда для насъ—школьниковъ доступъ былъ весьма затруднителенъ. Поэтому я, въ продолженіи семинарскаго курса, очень рѣдко видѣлъ архіерейское служеніе. Обрядовъ же въ недѣлю православія и въ великій четвертокъ, при преосвященномъ Парѳеніи, во Владимірѣ никогда не совершалось.

Въ слѣдъ за симъ, прежде чѣмъ начну повѣсть о моемъ ученіи въ семинаріи, сообщу краткія свѣдѣнія о начальствующихъ лицахъ семинаріи—ректорѣ и инспекторѣ.

Ректоромъ, при моемъ поступленіи въ семинарію, былъ архимандритъ Неофитъ (въ мірѣ Николай Соснинъ). Поступивъ въ 1816 году изъ студентовъ Ярославской семинаріи въ Московскую дух. академію, Соснинъ окончилъ курсъ

[1]) Переписка эта напечатана въ *Владим. Епарх. Вѣд.* 1878—79 г.

1834 г. въ 1820 году со степенью кандидата. Въ 1822 году принялъ священство и вскорѣ затѣмъ овдовѣвши, постриженъ былъ въ монашество въ 1825 году. Въ 1826 году назначенъ былъ ректоромъ въ Архангельскую семинарію, а оттуда въ 1830 году переведенъ былъ во Владимірскую семинарію на мѣсто архимандрита Павла. По наружному виду, Неофитъ представлялъ совершенную почти противоположность Павлу. Тогда какъ этотъ послѣдній былъ высокаго роста, очень полный и красивый собою, первый, т. е. Неофитъ, небольшаго роста, худощавый, нѣсколько рябоватый, съ длиннымъ острымъ носомъ.. По относительно внутреннихъ достоинствъ и административныхъ качествъ Неофитъ едва ли не былъ выше Павла. Вотъ какъ изображаетъ отца Неофита одинъ изъ его учениковъ, протоіерей Сила Архангельскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о Владимірской семинаріи [1]): „Рѣчь наставника (о. Неофита) была тихая, медленная, основательная и ясная... Всегда ровный, ласковый, скромный даже въ замѣчаніяхъ и выговорахъ, Неофитъ съ каждымъ днемъ привязывалъ насъ къ себѣ.... Онъ любилъ въ проповѣди краснорѣчіе, патетизмъ, и самъ былъ хорошій мастеръ говорить. Для поощренія учениковъ всѣхъ отдѣленій семинаріи къ лучшимъ сочиненіямъ, онъ установилъ, такъ называемыя, собранія... Съ ректорствомъ Неофита многое дурное, усвоенное до него, брошено: вощиха исчезла, кулачный бой прекращенъ.... Жаль было рекреацій; но за то сумма, расходованная экономомъ на угощеніе начальства, шла на болѣе полезное употребленіе“.... Таковъ былъ о. Неофитъ до 1832 года, когда авторъ „Воспоминаній“ окончилъ курсъ семинаріи. Въ послѣдующее за тѣмъ время взглядъ на Неофита, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ, измѣнился, такъ что, когда онъ въ концѣ 1836 года оставлялъ Владиміръ и отправлялся въ Петербургъ для посвященія въ епископа Старицкаго, викарія Тверской епархіи, на него сочинена была однимъ изъ его учениковъ довольно злая эпиграмма.

Инспекторомъ семинаріи былъ помянутый мною выше ревизоръ Шуйскаго училища іеромонахъ Израиль, до монашества Яковъ Ивановичъ Лукинъ, родомъ изъ Орловской

---

[1]) „Воспоминанія“ эти напечатаны во *Влад. Еп. Вѣд.* 1875 г. №№ 10—14.

епархіи. По окончаніи курса въ Кіевской дух. академіи, въ 1825 году, вторымъ магистромъ, онъ былъ профессоромъ въ Бѣлгородской семинаріи (Курской епархіи) и тамъ въ 1831 году принялъ монашество. Въ началѣ 1834 года назначенъ былъ на должность инспектора во Владимірскую семинарію. Преосвященный Парѳеній въ письмѣ къ Новгородскому митрополиту Серафиму отъ 15-го апрѣля 1834 года писалъ: „явился къ должности изъ Курска инспекторъ на мѣсто инспектора (Агапита), взятаго въ Виѳанскую семинарію. И новый, кажется, хорошъ; а тотъ рабъ Божій— воистину Израильтянинъ; младенецъ по чувствамъ, въ новой духовной жизни". Инспекторъ Израиль былъ вмѣстѣ съ тѣмъ профессоромъ богословскихъ наукъ во второмъ, вновь открытомъ, отдѣленіи богословскаго класса. При своихъ отличныхъ дарованіяхъ и счастливомъ дарѣ слова, онъ естественно затмилъ ректора и привлекъ къ себѣ вниманіе и расположеніе учениковъ. Къ сожалѣнію, онъ не долго оставался въ Владимірской семинаріи: въ 1835 году его назначили ректоромъ въ Калужскую семинарію. 1834 г.

Справедливость требуетъ упомянуть здѣсь о предшественникѣ о. Израиля по инспекторской должности — о. архимандритѣ Агапитѣ, котораго преосвящ. Парѳеній, какъ мы видѣли, называлъ рабомъ Божіимъ — истиннымъ Израильтяниномъ. О. Агапитъ (Введенскій) магистръ VI курса Московской дух. академіи, оставилъ по себѣ добрую память во Владимірской семинаріи, какъ исправный и свѣдущій преподаватель философскихъ наукъ, хотя и не отличавшійся краснорѣчивымъ словомъ, какъ ревностный и неусыпный блюститель за нравственностію и благоповеденіемъ учениковъ, и въ особенности какъ попечительный отецъ о бѣдныхъ и сирыхъ ученикахъ. По его именно иниціативѣ, не задолго до моего поступленія въ семинарію, устроено было для сиротъ и вообще бѣдныхъ учениковъ общежитіе—(бурса). Управляя богатымъ Боголюбовскимъ монастыремъ, онъ пожертвовалъ на это благодѣтельное учрежденіе, какъ отъ монастыря, такъ и изъ своихъ собственныхъ средствъ, значительную сумму. Вообще, отличительную черту нравственнаго характера о. Агапита всегда составляло безкорыстіе и расположеніе къ христіанской благотворительности.

По пріѣздѣ во Владиміръ, я тотчасъ же подалъ въ семи-

1834 г. нарское правленіе прошеніе о принятіи меня, какъ круглаго сироты, въ бурсу на полное казенное содержаніе; но пока разсматривалась моя просьба на ряду съ множествомъ другихъ подобныхъ просьбъ, я долженъ былъ жить на квартирѣ. Не помню, почему, но, вѣроятно, по приглашенію помянутаго мною выше сына о. Михаила Соловьева, Николая Михайловича, съ которымъ я познакомился на свадьбѣ его сестры, я поселился на одной съ нимъ квартирѣ, въ домѣ священника Сергіевской церкви, о. Іоанна Тумскаго.

О. Тумскій имѣлъ академическое образованіе; онъ окончилъ курсъ въ 1822 году въ Московской дух. академіи съ степенью кандидата и былъ нѣсколько лѣтъ наставникомъ въ Архангельской семинаріи вмѣстѣ съ архимандритомъ Неофитомъ, который, какъ выше было сказано, былъ тамъ ректоромъ и оттуда переведенъ во Владиміръ. Близкія отношенія, начавшіяся между о. Неофитомъ и Тумскимъ въ Архангельскѣ, продолжались и во Владимірѣ. Отецъ Неофитъ время отъ времени посѣщалъ о. Тумскаго.

У Тумскаго былъ братъ двумя курсами старше его по академіи, Александръ, въ монашествѣ Амфилохіи, извѣстный своею печальною судьбою. По окончаніи въ 1818 году курса въ Московской дух. академіи съ степенью кандидата, онъ оставленъ былъ при академіи баккалавромъ еврейскаго и греческаго языковъ. Въ сентябрѣ 1822 года былъ переведенъ въ Кострому на должность инспектора семинаріи; затѣмъ въ той же семинаріи былъ ректоромъ. Но здѣсь случилось съ нимъ тяжкое искушеніе. Всегда отличавшійся скромностію и цѣломудріемъ, онъ впалъ въ плотскій грѣхъ (имѣлъ у себя, какъ называли, дѣвицу въ образѣ келейника), и вслѣдствіе сего не только удаленъ отъ должности, но и заключенъ былъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Отсюда на нѣкоторое время онъ переведенъ былъ въ Переславскій Даниловъ монастырь, гдѣ я видѣлъ его въ 1848 или 1849 году; но за тѣмъ снова возвращенъ въ Суздаль, гдѣ и скончался. Во *Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* за 1876 годъ (№ 1) помѣщены два письма къ о. Амфилохію отъ двухъ его сверстниковъ по образованію въ академіи и семинаріи; одно отъ 4 іюля 1829 года писанное профессоромъ Московской духовной академіи, священникомъ Ѳ. А. Голубинскимъ, а другое отъ 21 іюля

1839 года, писанное инспекторомъ Владимірскаго дух. училища, священникомъ Гр. М. Чижовымъ. Въ томъ и другомъ письмѣ выражается искреннее сочувствіе къ горькому положенію несчастнаго о. Амфилохія. 1834 г.

Когда собрались переведенные изъ училищъ въ семинарію ученики, начались пріемные экзамены: но мы, ученики Шуйскаго училища, какъ уже истязанные ревизоромъ, были свободны отъ новаго испытанія. По окончаніи пріемныхъ экзаменовъ, насъ распредѣлили по тремъ отдѣленіямъ. Наше Шуйское училище, почти въ полномъ составѣ учениковъ, назначено было во 2-е отдѣленіе риторическаго класса. Изъ поступившихъ со мною въ семинарію учениковъ Шуйскаго училища въ моей памяти сохраняются слѣдующія имена и фамиліи: Константинъ Пальминъ, Сергѣй Красовскій, Василій Былинскій, Авимъ Доброхотовъ и проч...

Преподавателями въ нашемъ отдѣленіи были: Яковъ Ильичъ Владыкинъ — по классу риторики, Гр. Евфим. Вознесенскій—всеобщей и русской исторіи, Павелъ Абрам. Прудентовъ—греческаго языка; французскій языкъ, на который я записался, преподавалъ намъ лекторъ — ученикъ богословія, подъ руководствомъ профессора Н. Прок. Левитскаго.

Я. И. Владыкинъ былъ мой землякъ; его родина въ томъ же Шуйскомъ уѣздѣ, гдѣ и моя. Поэтому, когда онъ въ первый разъ пришелъ къ намъ въ классъ, онъ прежде всего спросилъ, гдѣ ученики Шуйскаго училища и кто первый ученикъ. Я всталъ. Онъ велѣлъ мнѣ прочитать и перевесть § 1 латинской риторики Бургія. Я прочиталъ и перевелъ слова: „Omnis eloquentiae imum fundamentum est periodus, et caetera“... И съ этого началось мое изученіе перваго предмета семинарской мудрости. Изученіе риторики происходило у насъ частію по печатному латинскому учебнику Бургія, подъ заглавіемъ Elementa Oratoria et caet., частію по запискамъ наставника. По мѣрѣ изученія риторическихъ правилъ, насъ стали упражнять въ сочиненіяхъ. Послѣ упражненія въ подборѣ синонимовъ и эпитетовъ, намъ дано было, наконецъ, для составленія простаго періода, предложеніе: „Богъ всемогущъ и правосуденъ“.—Это поставило меня въ такое затрудненіе, что я не зналъ, что дѣлать. Къ счастію, въ это время пріѣхалъ

1834 г. во Владиміръ, для посвященія въ діакона, мой двоюродный братъ И. П. Тихомировъ и остановился на нашей квартирѣ. Я обратился къ нему съ слезною просьбою, чтобы онъ научилъ меня сочинить простой періодъ. Но онъ поступилъ гораздо проще: самъ написалъ на данное предложеніе періодъ и далъ мнѣ переписать. Вотъ какое было печальное начало моего авторства. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ больше и больше я старался углубляться въ риторическую мудрость и мало по малу началъ самостоятельно составлять всякаго рода періоды, а за тѣмъ и хріи.

Всеобщая исторія преподавалась намъ очень неудовлетворительно. Наставникъ Г. Е. Вознесенскій не отличался особеннымъ даромъ слова и не имѣлъ подъ руками достаточныхъ пособій для основательнаго изученія преподаваемаго имъ предмета. Единственными пособіями для него служили — старинный переводъ съ французскаго Всеобщей исторіи аббата Милота [1]) и Руководство къ познанію всеобщей политической исторіи И. Кайданова [2]). Учебною же книгою для насъ служила Краткая всеобщая исторія І. Шрекка [3]). Что касается до Русской гражданской исторіи, то мы ее проходили по какой-то очень маленькой книжкѣ, да и той не успѣли пройти до конца.

На изученіе греческаго и французскаго языковъ не обращалось почти никакого вниманія.

Къ концу курса намъ преподаны были правила поэзіи или стихотворчества, и насъ заставляли самихъ писать стихи. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей писали, и очень изрядные, риемованные стихи. Я не имѣлъ этого дара. Мнѣ удалось написать только два стихотворенія, и притомъ, такъ называемыми, бѣлыми стихами, т. е. безъ риемъ. Одно стихотвореніе, помню, было написано на тему: „Потопъ“. За то во мнѣ возбуждена была сильная охота къ чтенію и заучиванію наизусть стихотворныхъ произведеній извѣстныхъ тогда русскихъ поэтовъ, какъ-то: Державина, Жуковскаго, Баратынскаго, Пушкина, Рылѣева,

---

[1]) Исторія аббата Милота не разъ была издаваема въ Россіи; см. *Роспись книгамъ библіотеки* А. Смирдина. СПБ. 1828 г. №№ 3008—3011.

[2]) Тамъ же, № 3012.

[3]) Тамъ же, №№ 3013—3018.

Козлова, Ѳ. Глинки, Байрона (въ русскомъ переводѣ) и 1834 г
др. У меня и теперь сохраняется нѣсколько рукописныхъ сборниковъ разныхъ стихотвореній.

Не мало также прочитано и сдѣлано было мною выписокъ изъ сочиненій прозаическихъ разныхъ авторовъ. Хранятся у меня и эти выписки.

Не долго пришлось мнѣ жить на квартирѣ: въ концѣ сентября (1834 г.) я принятъ былъ въ бурсу на казенное содержаніе и помѣщенъ въ 4-мъ номерѣ. Инспекторъ о. Израиль поручилъ меня особому попеченію комнатнаго старшаго.

Бурса помѣщалась за рѣчкою Лыбедью, въ довольно большомъ деревянномъ, съ антресолями, домѣ. При немъ былъ еще одинъ небольшой деревянный флигель. При домѣ довольно обширный садъ съ липовою тѣнистою аллеею и нѣсколькими фруктовыми деревьями. Въ бурсѣ насъ было около 120 человѣкъ. Содержаніе пищею было довольно удовлетворительно. Одежда лѣтняя: нанковый сѣренькій сюртучекъ съ такими же брюками и жилетомъ и нанковый же голубой халатъ; зимняя: овчинный тулупъ, покрытый такою же, какъ на халатѣ, нанкою; сапоговъ выдавалось пары двѣ съ половиною; о калошахъ не было тогда и въ поминѣ. Бѣлья носильнаго и постельнаго выдавалось довольно достаточно. На полное годовое содержаніе каждаго воспитанника отпускалось изъ казны, какъ я слыхалъ, не болѣе 30 р. серебромъ.

Жизнь наша въ бурсѣ располагалась, разумѣется, по звонкамъ; но такъ какъ не было надъ нами ближайшаго начальственнаго надзора, то и не было строгаго соблюденія узаконенныхъ порядковъ, по крайней мѣрѣ, относительно учебныхъ занятій. Должно замѣтить, что на ряду съ лѣнивыми и бездарными учениками было въ каждомъ классѣ не мало учениковъ даровитыхъ и весьма прилежныхъ, съ любовію занимавшихся науками. Поэтому, одни изъ этихъ послѣднихъ любили заниматься чтеніемъ книгъ или сочиненіями долго съ вечера, иногда далеко за полночь; другіе имѣли привычку очень рано вставать съ тѣми же научными цѣлями. Я принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Бывало, для того, чтобы написать какой-нибудь періодъ или хрію, я вставалъ съ постели часа въ два-три по полуночи. Къ сожалѣнію,

1834 г. опыты этихъ полуночныхъ произведеній моего юношескаго пера не сохранились у меня; я отдалъ ихъ, по переходѣ въ среднее отдѣленіе, одному изъ знакомыхъ учениковъ, младшему меня по курсу, для образца, и обратно не получилъ.

На ученикахъ словесности, по заведенному изстари обычаю, лежала повинность облегчать письменные труды старшихъ учениковъ—богослововъ. Не миновала и меня эта повинность, тѣмъ болѣе, что я писалъ лучше многихъ моихъ сверстниковъ. Но я служилъ переписчикомъ не только для старшихъ учениковъ, но и для наставниковъ. Такъ, на мнѣ лежала обязанность переписывать каждый разъ проповѣди моего главнаго наставника Я. И. Владыкина, хотя онъ не имѣлъ тогда священнаго сана. Въ то время всѣмъ преподавателямъ семинаріи, не имѣвшимъ гражданскихъ чиновъ, назначались очередныя проповѣди для произношенія въ каѳедральномъ соборѣ, или вообще, при архіерейскомъ служеніи, въ праздничные и высокоторжественные дни; и эти проповѣди выслушивались съ особеннымъ вниманіемъ, какъ произведенія людей умныхъ и образованныхъ. Очень жаль, что въ настоящее время преподаватели духовныхъ семинарій освобождены отъ исполненія этой важной и священной обязанности.

Проповѣди Я. И. Владыкина всегда встрѣчали отъ преосвященнаго Парѳенія самый одобрительный отзывъ. И не удивительно: онъ былъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ наставниковъ семинаріи, хотя и не имѣлъ степени магистра. Но о немъ извѣстно, что онъ, бывши студентомъ младшаго курса въ Московской духовной академіи (въ 1826—28 г.), занималъ въ спискѣ едва ли не первое мѣсто. Между тѣмъ, по переходѣ на старшій курсъ, онъ, не переставая заниматься науками, не хотѣлъ, по своему характеру, подчиняться дисциплинарнымъ академическимъ порядкамъ. Слѣдствіемъ сего было то, что онъ былъ вынесенъ изъ перваго разряда во второй и окончилъ курсъ въ 1830 году со степенью кандидата. Сознавши впослѣдствіи свою ошибку, онъ былъ очень недоволенъ своею судьбою, особенно при видѣ своихъ товарищей по образованію, низшихъ его по умственнымъ дарованіямъ, но опередившихъ его по службѣ.

Яковъ Ильичъ очень внимательно занимался составленіемъ

своихъ проповѣдей и весьма дорожилъ ими. Онъ никогда 1834 г.
не давалъ мнѣ своихъ черновыхъ листовъ для переписки на бѣло въ бурсѣ; но всегда призывалъ меня къ себѣ въ квартиру и диктовалъ мнѣ, держа въ то же время въ зубахъ трубку съ табакомъ, къ немалому для меня соблазну. Онъ имѣлъ обыкновеніе почти каждый годъ перечитывать свои проповѣди и писать о нихъ одобрительные или неодобрительные отзывы. Къ сожалѣнію, кажется, ни одна изъ его проповѣдей нигдѣ и никогда не была напечатана.

Кромѣ Владыкина, я служилъ своимъ каллиграфическимъ искусствомъ и для другого своего наставника Г. Е. Вознесенскаго. Разъ я переписывалъ для него какую-то не большую диссертацію, которую онъ сочинилъ для своего родственника или друга-студента какого-то высшаго учебнаго заведенія въ Петербургѣ. Въ другой разъ переписывалъ краткую миѳологію, составленную имъ для дочери священника Ильинской церкви, въ домѣ коего онъ квартировалъ. Знаніе миѳологіи, при тогдашнемъ воспитаніи, имѣло важное значеніе.

Въ первой половинѣ октября (1834 года) во Владимірѣ совершилось очень важное событіе. Городъ осчастливленъ былъ посѣщеніемъ Государя Императора Николая Павловича. Его Величество прибылъ во Владиміръ 11-го числа вечеромъ, а 12-го утромъ посѣтилъ каѳедральный Успенскій соборъ. Я, вмѣстѣ съ товарищами, поспѣшилъ насладиться, въ первый разъ въ жизни, лицезрѣніемъ Царя; но—увы! вмѣсто Царя я засмотрѣлся на губернатора, украшеннаго Аннинскою лентою, воображая, что это именно Государь, между тѣмъ какъ Государь былъ въ простой генеральской шинели; а губернаторомъ въ то время былъ у насъ С. Т. Ланской, впослѣдствіи сенаторъ. Къ моему счастію, на другой день, 13-го числа, послѣ литургіи въ церкви Богоугодныхъ заведеній, Государь снова изволилъ посѣтить соборъ, и тутъ-то я уже вполнѣ насладился лицезрѣніемъ Великаго Самодержца. Вотъ какъ преосвящ. Парѳеній описывалъ это событіе въ письмѣ къ митрополиту Новгородскому Серафиму отъ 2 ноября 1834 года: „И горькіе Владимірцы, наконецъ, имѣли счастіе видѣть на стогнахъ своихъ Всероссійскаго Самодержца. Изволилъ слушать Божественную литургію 13-го октября въ день рожденія Великаго князя Михаила

1834 г. Николаевича и въ приказѣ Оберъ-Прокурора пожаловалъ священнику съ діакономъ и на пѣвчихъ архіерейскихъ 500 рублей. Въ соборѣ, гдѣ св. мощи и много другихъ гробницъ великокняжескихъ и ихъ фамилій, много любопытствовалъ, и, кажется, моими объясненіями остался доволенъ; при сопровожденіи мною изъ собора послѣднее его слово было: „благодарю васъ“ [1]).

Во Владимірѣ оказались у меня родственники, хотя и не близкіе: губернскій землемѣръ Михаилъ Аверкіевичъ Аверкіевъ и архіерейскій иподіаконъ Андрей Григорьевичъ Дроздовъ. Послѣдній мнѣ съ дѣтства еще извѣстенъ: онъ сынъ діакона Шуйской Троицкой церкви; его мать Прасковья Матвѣевна доводилась мнѣ, кажется, троюродною сестрой, и всегда была къ нашему семейству весьма расположена.

Но первый, т. е. М. А. Аверкіевъ, мнѣ не былъ лично извѣстенъ, хотя онъ приходился мнѣ двоюродный или троюродный дядя по Палеховскому родству. Съ нимъ познакомила меня моя родная тетка, сестра моего отца, Аграфена Сергѣевна. Онъ пригласилъ меня бывать у него въ воскресные и праздничные дни по вечерамъ, и я съ удовольствіемъ, разумѣется, воспользовался его приглашеніемъ. Онъ не былъ женатъ, но у него былъ порядочный кругъ родныхъ во Владимірѣ; всѣ они по праздничнымъ днямъ вечеромъ собирались къ нему для карточной забавы. Въ этотъ-то чиновничій кругъ вступилъ и я, и здѣсь началъ знакомиться съ приличіями свѣтской жизни, хотя и не очень высокой.

Незамѣтно прошла первая, самая трудная для меня учебная треть. Предъ Рождественскими праздниками, кромѣ частныхъ экзаменовъ, были у насъ въ залѣ богословскаго класса, какъ болѣе другихъ просторной, общія собранія наставниковъ и учениковъ, недавно заведенныя ректоромъ Неофитомъ. На этихъ собраніяхъ лучшіе ученики старшихъ классовъ читали съ каѳедры свои сочиненія, одобренныя къ произнесенію ректоромъ, а ученики низшаго отдѣленія читали предъ каѳедрою наизусть латинскія рѣчи и русскія стихотворенія. Мнѣ на первый разъ довелось читать въ

---

[1]) *Влад. Еп. Вѣд.* 1878 г. № 21, стр. 621—622.

собраніи латинскую рѣчь Цицерона: Quousque tandem Ca- 1835 г.
tilina abuteris patientiâ nostrâ et caet... Подобныя чтенія служили не малымъ поощреніемъ для учениковъ къ занятіямъ въ сочиненіяхъ.

На праздникъ Рождества Христова я по необходимости долженъ былъ остаться во Владимірѣ, такъ какъ пѣшкомъ итти на родину, болѣе 100 верстъ, въ холодную пору, было неудобно, а нанимать подводу не было средствъ. Въ воскресные и праздничные дни къ богослуженію мы ходили обыкновенно въ ближайшую приходскую церковь—Воскресенскую, гдѣ болѣе способные изъ насъ читали и пѣли на клиросахъ.

Въ бурсѣ же за тѣмъ провелъ я сырную недѣлю и Пасху.

Въ праздничные дни и вообще въ часы, свободные отъ занятій, не возбранялось ученикамъ семинаріи, заниматься музыкою и пѣніемъ. Нѣкоторые изъ учениковъ хорошо играли на гусляхъ, на скрипкѣ, флейтѣ и кларнетѣ. Я помню хорошихъ игроковъ на гусляхъ Астудина и Никольскаго (впослѣдствіи поступившаго въ монашество въ Московскій Покровскій монастырь, съ именемъ Пимена). Пытался было и я учиться играть на гусляхъ, но недостало терпѣнія. Вообще ни къ музыкѣ, ни къ поэзіи у меня не было призванія.

Между учениками бурсы не мало было съ хорошими и сильными голосами; поэтому не рѣдко можно было слышать въ нашихъ стѣнахъ веселое и громкое пѣніе. Изрѣдка, по вечерамъ, тайкомъ происходили у насъ и сценическія представленія. Но все это было только въ первые два года моего пребыванія въ бурсѣ; съ выходомъ изъ семинаріи старшихъ учениковъ, всѣ эти болѣе или менѣе благородныя увеселенія стали мало по малу исчезать и замѣняться другими, болѣе грубыми забавами, какъ-то: игрою въ карты, въ шашки, а лѣтомъ въ кегли и городки. Бывали нерѣдко и случаи нетрезвости.

Наступилъ май. Въ семинаріи, такъ же какъ и въ училищахъ, продолжались еще въ наше время, такъ называемыя рекреаціи, хотя онѣ происходили далеко уже не въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ были при прежнемъ ректорѣ, архимандритѣ Павлѣ. Теперь не было уже того хожденія

1835 г. цѣлою тысячною толпой на архіерейскій дворъ и громогласнаго пѣнія на латинскомъ діалектѣ, коимъ привѣтствовали Владыку, когда онъ появлялся у окна своихъ покоевъ, просили у него рекреаціи и за тѣмъ благодарили: но въ извѣстный день, избранный семинарскимъ начальствомъ приходилъ въ классы инспекторъ и объявлялъ намъ о рекреаціи, иногда для насъ совершенно неожиданно. Бывали въ этотъ день прогулки и за городъ, въ Марьину рощу; но тамъ не было уже такихъ собраній гостей, какія бывали въ прежнія времена; при насъ не было ни разу посѣщенія рощи ни преосвященнымъ, ни губернаторомъ; даже не всегда пріѣзжалъ и ректоръ. Являлись только нѣкоторые изъ молодыхъ наставниковъ и развѣ еще иногда инспекторъ для наблюденія за порядкомъ. О томъ, какъ происходили рекреаціи во Владимірской семинаріи въ прежнее время, подробныя свѣдѣнія заключаются въ „Воспоминаніяхъ П. С. А.“, помѣщенныхъ во *Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* за 1875 годъ (№ 12, стр. 590—596).

21-го мая во Владимірѣ ежегодно совершается великое церковное торжество. Въ этотъ день приносится въ городъ изъ Боголюбова монастыря древняя чудотворная икона Боголюбской Божіей Матери. Къ этому времени стекаются десятки тысячъ богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ. Для срѣтенія этой святыни выходитъ обыкновенно архіерей со всѣмъ градскимъ духовенствомъ изъ каѳедральнаго собора и останавливается у Сергіевской церкви, что противъ семинаріи. Здѣсь совершается краткое молебствіе, и за тѣмъ шествіе направляется къ каѳедральному собору. По совершеніи на другой день въ соборѣ торжественной литургіи, икону переносятъ, согласно предварительно составленному росписанію, поочередно во всѣ градскія церкви и монастыри, и это продолжается до 16-го числа іюня,—между тѣмъ, во время пребыванія этой святыни въ городѣ, съ нею, въ три воскресные дня, обходятъ вокругъ всего города. Въ каждой церкви, гдѣ пребываетъ икона, совершается праздничное богослуженіе и ученики семинаріи, посвященные въ стихарь, говорятъ проповѣди.

Крестный ходъ съ иконою Боголюбской Божіей Матери учрежденъ, по ходатайству Владимірскихъ гражданъ, въ

1772 году въ память избавленія города отъ чумы, зане- 1835 г.
сенной сюда въ 1771 г. изъ Москвы.

Боголюбовъ монастырь, которому принадлежитъ эта достопочтимая святыня, основанъ въ 1158 году великимъ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась ему ночью Божія Матерь. Отъ Владиміра онъ отстоитъ верстахъ въ десяти.

Около 15-го числа іюля, по окончаніи частныхъ испытаній, ежегодно былъ публичный экзаменъ. Къ этому экзамену всегда были такія-же приготовленія въ семинаріи, какъ и описанныя мною выше въ Шуйскомъ училищѣ, т. е. заготовлялись древесныя листья и разнаго рода цвѣты, и ими украшалась обширная богословская зала, только съ большимъ, разумѣется, вкусомъ и изяществомъ,—и сверхъ сего, по стѣнамъ, развѣшивались царскіе портреты, не знаю, откуда приносимые. Въ назначенный часъ собиралась въ залъ избранная городская публика, начиная съ губернатора. Когда входилъ въ нее архипастырь, встрѣченный у параднаго крыльца семинарскою корпораціей, два хора пѣвчихъ — архіерейскій и семинарскій пѣли: *Царю небесный*. Одинъ изъ учениковъ богословія произносилъ предъ публикою привѣтственную рѣчь. За тѣмъ производилось испытаніе учениковъ, заранѣе назначенныхъ, по разнымъ предметамъ. Испытаніе прерывалось пѣніемъ концертовъ. Послѣ испытанія раздавались архіереемъ лучшимъ ученикамъ награды книгами. Мнѣ досталась наперый разъ книга: „Правила пінтическія *А. Байбакова*“ [1]). За тѣмъ другимъ ученикомъ богословія произносилась благодарственная рѣчь. Торжественный актъ заканчивался пѣніемъ: *Достойно есть*.—За тѣмъ почетные посѣтители приглашались къ ректору на чай и закуску.

Послѣ частныхъ испытаній и публичнаго экзамена, 8 человѣкъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія назначены были въ академіи—Петербургскую и Кіевскую — по четыре въ ту и другую.

На другой день публичнаго экзамена, послѣ благодарственнаго молебна, отправляемаго обыкновенно ректоромъ, насъ отпускали въ домы родителей и родственниковъ.

[1]) Книга эта, съ 1774 по 1826 годъ выдержала 10 изданій. См. Роспись книгъ библіотеки *А. Смирдина*, № 6067.

1835 г. Какъ проведена была мною на родинѣ первая семинарская вакація, хорошо не помню. Разумѣется, все время прошло въ переселеніяхъ съ одного мѣста на другое, отъ отъ однихъ родныхъ къ другимъ.

Возвратившись въ первыхъ числахъ сентября во Владиміръ, я продолжалъ съ усердіемъ заниматься исполненіемъ своихъ школьныхъ обязанностей и съ особенною любовію чтеніемъ книгъ и выписками изъ нихъ. Къ нашему великому счастію, около этого времени открыта была во Владимірѣ Публичная Библіотека, куда не возбранено былъ доступъ и для насъ — школьниковъ. Бѣда только та, что часы, въ которые открыта была библіотека, совпадали съ нашими учебными часами. Сидишь, бывало, въ классѣ, а мыслію и сердцемъ стремишься къ библіотекѣ, чтобъ почитать тамъ новую какую-либо книжку или новый журналъ. Искушеніе это такъ иногда было сильно, что, не смотря на опасеніе подвергнуться штрафу, оставляешь классъ, особенно по какому-нибудь второстепенному предмету въ родѣ гражданской исторіи или греческаго языка, и бѣжишь въ библіотеку, остерегаясь только, чтобы дорогою не попасть на глаза ректору или инспектору.

Кстати объ инспекторѣ. Въ октябрѣ 1835-го года покровитель мой о. Израиль назначенъ былъ ректоромъ въ Калужскую семинарію съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Вотъ что писалъ по этому поводу преосвященный Парѳеній Новгородскому митрополиту Серафиму отъ 1-го ноября: „Изъ Владиміра взяли инспектора въ Калугу въ ректоры; стоитъ того. Даютъ намъ, какъ говорятъ, магистра іеромонаха—владимірца. Дай Богъ, чтобъ былъ не просто хорошъ, а очень хорошъ. По огромности семинаріи (болѣе 700 учениковъ), да и потому, что ректоръ Владимірской семинаріи, очень долго и отлично служащій, глядитъ или въ Питеръ на чреду или въ архіереи, и инспекторъ могъ-бы заступить его мѣсто и поддержать порядокъ въ семинаріи“ [1]).

Достигшій до преосвященнаго слухъ относительно преемника о. Израиля оправдался. На его мѣсто къ намъ прислали только лишь окончившаго курсъ въ Петербургской академіи со степенью магистра іеромонаха Митрофана

[1]) *Влад. Еп. Вѣд.* 1878 г. № 22, стр. 641.

(Добронадеждина), родомъ изъ Владимірской епархіи. Моло- 1836 г.
дой, очень красивый собою, съ свѣтлымъ умомъ и съ добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ, онъ появленіемъ своимъ произвелъ на насъ самое благопріятное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, онъ не очень долго былъ у насъ инспекторомъ; чрезъ три-четыре года его постигла самая горькая участь,— о чемъ рѣчь будетъ впереди.

Наступилъ обычной чередой 1836 годъ.

Съ ревностію занимаясь науками, я старался избѣгать всякихъ лишнихъ знакомствъ и никому не навязывался съ своею дружбой; между тѣмъ, моей дружбы многіе изъ товарищей какъ въ бурсѣ, такъ и внѣ ея, заискивали. Нѣкоторымъ изъ этихъ искателей, какъ правившимся мнѣ своимъ умомъ и добрыми качествами, я отвѣчалъ взаимною дружбою и довѣріемъ; прочихъ старался только не огорчать своею холодностію и невниманіемъ. Между прочимъ, завелъ со мною знакомство ученикъ 1-го низшаго отдѣленія Александръ Рождественскій, сынъ эконома архіерейскаго дома, игумена Космина монастыря Амвросія (изъ вдовыхъ священниковъ). Рождественскій жилъ въ архіерейскомъ монастырѣ и не рѣдко приглашалъ меня къ себѣ пить чай; давалъ мнѣ изъ библіотеки своего отца, для чтенія, книги. Однажды онъ далъ мнѣ въ отличномъ сафьяновомъ переплетѣ книгу: „Освобожденный Іерусалимъ“, *Тасса* въ русскомъ переводѣ“ [1]). Только лишь я пришелъ съ этой книгой въ бурсу и положилъ ее передъ собою на столѣ, чробы, выучивши заданный урокъ, сейчасъ-же приняться за ея чтеніе, какъ вдругъ пріѣзжаетъ ректоръ семинаріи и не одинъ, а съ ректоромъ Владимірскаго училища, протоіереемъ И. П. Остроумовымъ — магистромъ, отличавшимся необыкновено быстрымъ взглядомъ и пылкимъ характеромъ. Ректоръ семинаріи прошелъ чрезъ нашу комнату, не замѣтивъ или не обративъ вниманія мою книгу: но о. Остроумовъ, шедшій позади его, увидавъ эту книгу и быстро развернувъ ее, закричалъ во все горло: „о. ректоръ, посмотрите, какія

---

[1]) Поэма эта извѣстна въ переводахъ на русскій языкъ трехъ переводчиковъ—М. Попова, А. С. Шишкова и С. Москательникова. См. Роспись книгъ библіотеки *Смирдина* №№ 6736—38. Въ моихъ рукахъ былъ, вѣроятно, переводъ послѣдняго.

1836 г. книги читаютъ ваши ученики". Ректоръ, возвратившись на этотъ крикъ изъ сосѣдней комнаты и посмотрѣвши мою книгу, не сдѣлалъ никакого замѣчанія: по всей вѣроятности, онъ видѣлъ ее также, какъ и я, въ первый разъ въ жизни и не зналъ ея содержанія. Но, по русской пословицѣ, что запрещено, то подслащено; и потому я тѣмъ съ большимъ любопытствомъ началъ, въ тотъ-же вечеръ, читать осужденную протоіереемъ Остроумовымъ книгу.

Игумена Амвросія — отца моего товарища Рождественскаго я лично не зналъ и никогда его не видалъ: онъ, по порученію преосвященнаго, постоянно жилъ въ Москвѣ, ведя тяжебный процессъ съ арендаторомъ принадлежащаго Владимірскому архіерейскому дому подворья, называемаго Суздальскимъ и находящагося на Софійской улицѣ, смежной съ Кузнецкимъ мостомъ.

Косминъ монастырь, коимъ заочно управлялъ игуменъ Амвросій, находился въ 40 верстахъ отъ Владиміра близъ большой Юрьевской дороги. Онъ основанъ въ 1494 году препод. Космою, уроженцемъ Владимірскимъ, коего мощи почиваютъ здѣсь подъ спудомъ. Монастырь этотъ, кромѣ своей древности, замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ около 10-ти лѣтъ (1666—1675 г.) настоятельствовалъ, въ санѣ игумена, св. Митрофанъ, впослѣдствіи первый епископъ Воронежскій. Съ его собственноручною подписью (1666 года) сохраняется донынѣ въ монастырѣ напрестольное Евангеліе [1]).

На сырной недѣлѣ 1836 года товарищъ и пріятель мой Рождественскій вздумалъ ѣхать въ Косминъ монастырь. Можетъ быть, отецъ поручилъ ему посмотрѣть, какъ братія ввѣренной ему обители проводятъ дни сырной недѣли и удостовѣриться въ цѣлости бутылокъ съ разными наливками, во множествѣ хранившихся въ монастырскомъ подвалѣ. Рождественскій пригласилъ и меня съ собою. Я радъ былъ подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотрѣть древнюю, но убогую обитель. Мы пробыли тамъ не болѣе сутокъ.

Кромѣ Рождественскаго, я имѣлъ болѣе тѣсную дружбу, которая потомъ никогда не прекращалась, съ слѣдующими товарищами: Михаиломъ Граменицкимъ, Иваномъ Валединскимъ и Василіемъ Богородскимъ.

Въ мартѣ 1836 года мнѣ исполнилось 17-ть лѣтъ. Въ

[1]) *Влад. Епарх. Вѣдом.* 1870 г. № 5, стр. 206 и сл.

это время во мнѣ начало пробуждаться чувство приличія 1836 г.
въ отношеніи къ одеждѣ, тѣмъ болѣе, что наше казенное платье было очень непрочно и не изящно. Выданный мнѣ, при поступленіи моемъ въ бурсу, нанковый сюртукъ съ брюками чрезъ полтора года такъ затерся, не смотря на мою бережливость, что мнѣ совѣстно было въ немъ показаться, не говоря уже о церкви, въ домъ моего родственника, помянутаго выше земляка Аверкіева; между тѣмъ какъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ сверстниковъ—бурсаковъ я видѣлъ даже суконные сюртуки. Имѣя въ виду принадлежавшій мнѣ и хранившійся у моего опекуна и дяди Петра Ивановича небольшой капиталъ, я рѣшился попросить у него не много денегъ для пріобрѣтенія сколько-нибудь приличнаго платья. Объ этомъ я написалъ ему 20-го марта и письмо послалъ съ однимъ изъ земляковъ—товарищей, отправлявшихся на Пасху домой. Просьба моя была удовлетворена; но вотъ при семъ какое получилъ я назидательное наставленіе отъ своего отца крестнаго въ письмѣ отъ 5-го апрѣля:

Любезднѣйшій сынъ крестный
Иванъ Михайловичъ!

За пріятное письмо ваше отъ 20-го марта, въ которомъ вы привѣтствуете насъ съ высокоторжественнымъ праздникомъ Христова воскресенія, приносимъ чувствительную благодарность и такъ же васъ поздравляемъ. Желаемъ душевно, чтобы вы, празднуя обновленіе христіанскаго рода и природы, купно получили новыя силы къ преуспѣянію на стези добродѣтели и мудрости. Сожалѣемъ, что вы сами не пожаловали въ такое прекрасное время тѣмъ болѣе, что сотоварищи ваши многіе пришли. Здѣсь, повидавшись, о всемъ бы лично переговорили и обсудили. Вы между тѣмъ пишете о присылкѣ денегъ на одежду, мы согласно вашему желанію при семъ посылаемъ 15-ть рублей по нынѣшнему курсу, но притомъ располагаемъ и то, что многонько тратите денегъ. Конечно, нужна одежда, но вы не забудьте, что сирота; не осудятъ умные, что не можете равняться съ сынами богачей. Старайтесь украшать себя скромностію, отличаться простотою и благоразумнымъ съ другими обращеніемъ. Золотая утварь безобразнаго не

1836 г. сдѣлаетъ красавцемъ. Старая пословица: береги денежку на черный день. У васъ хотя и есть деньги, но что это за богатство?..... Извини, что такъ строго пишемъ; это отъ любви и сожалѣнія о тебѣ.....

Скажемъ о себѣ, что мы доколѣ благополучны, чего и вамъ усердно желаемъ..... Да Господа ради берегитесь отъ хмѣльныхъ напитковъ. Они губятъ насъ на будущую жизнь; берегитесь худыхъ товарищей, вѣдая, что бесѣды злыя губятъ обычаи благія. Поручая васъ водительству и покровительству Божію съ отеческою любовію, остаюсь искренно любящій отецъ крестный діаконъ Петръ Ивановъ".

Письмо писано рукою о. Сапоровскаго, но подписано собственноручно дядею Петромъ Иванычемъ. Это первое, полученное мною въ жизни, письмо произвело на меня сильное и непріятное впечатлѣніе.....

Получивъ 15-ть рублей по курсу, т. е. съ какимъ-то, не помню, лажемъ, я поспѣшилъ купить матеріи на сюртукъ и брюки; выбралъ на сюртукъ какую-то полушерстяную съ зеленымъ отливомъ матерію, а на брюки, помнится, сѣраго цвѣта. Портной не замедлилъ сдѣлать мнѣ платье; оно вышло довольно красивое, но-увы! не долго пришлось мнѣ любоваться его красотою. Прошло не болѣе недѣли или двухъ, какъ мой блестящій сюртукъ, частію отъ дождя, а частію отъ яркихъ солнечныхъ лучей, совершенно почти полинялъ, и я опять остался безъ платья.

Въ маѣ тѣ же рекреаціи и тоже церковное торжество по случаю срѣтенія иконы Боголюбской Божіей Матери. Во второй половинѣ іюня и въ первой іюля частные экзамены, около 15-го числа торжественный актъ съ тѣми-же аттрибутами, какъ и въ прошедшемъ году. На этомъ актѣ я получилъ въ даръ другой экземпляръ тѣхъ-же пінтическихъ правилъ *Байбакова*. На другой день намъ объявлены разрядные списки: я переведенъ въ числѣ первыхъ учениковъ въ среднее отдѣленіе. За тѣмъ отпускъ по домамъ.

Во время вакаціи я познакомился въ Горицахъ съ купеческимъ сыномъ, Владиміромъ Александровичемъ Борисовымъ. Борисовъ—личность, въ своемъ родѣ, очень примѣчательная. Сообщу здѣсь о немъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія. Онъ родился въ 1809 году въ селѣ Нижнемъ-Ландехѣ, Гороховскаго уѣзда; по смерти отца, въ 1811

году, мать его, уроженка села Горицъ, изъ купеческаго дома Барановыхъ, переѣхала съ своимъ семействомъ на свою родину. Десяти лѣтъ его отдали учиться грамотѣ причетнику, у коего онъ успѣлъ выучить только азбуку. Въ 1820 году въ селѣ Дуниловѣ открыто было приходское училище, куда его перевели для дальнѣйшаго образованія. Здѣсь онъ изучилъ Часословъ и Псалтирь и научился писать,—тѣмъ и окончилось его образованіе. „Къ счастію,— буду продолжать далѣе словами самого Борисова,—въ это время я отыскалъ у себя въ домѣ краткую старинную географію, отъ которой былъ въ восторгѣ и никогда съ ней не разставался; потомъ нашелъ нѣкоторыя и другія книги и въ 6-ти частяхъ собраніе путешествій *Циммермана*, отъ чего и получилъ охоту къ чтенію, а братъ мой старшій Петръ привезъ изъ Москвы и подарилъ мнѣ пространную всеобщую географію, только что тогда вышедшую, составленную *Кряжовымъ* (См. Росписаніе книгамъ *Смирдина* № 3592)..... Этими книгами я для себя открылъ, казалось, новый невѣдомый міръ и сталъ читать путешествія, особливо любилъ изъ нихъ: „Путешествіе въ Хиву капитана Муравьева“ и „Плѣнъ Головина въ Японіи“. Послѣ легкаго чтенія сталъ пріучать себя къ болѣе серьезному, для каковой цѣли выписывалъ въ 1826 и 1827 годахъ Московскія Вѣдомости, въ которыхъ печатались тогда протоколы Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, — что и возбудило во мнѣ первую охоту къ занятію древностями... „Въ 1832 году познакомился я съ извѣстнымъ Нерехотскимъ историкомъ и археологомъ, священникомъ М. Я. Діевымъ [1]). Съ этого времени началъ я уже вести нѣкоторыя замѣтки о Шуйскихъ древностяхъ... Статьи же собственнаго сочиненія началъ я печатать съ 1837 года, сначала въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду и Москвитянинѣ.... Въ письменныхъ занятіяхъ много обязанъ я наставленіями и поправками бывшему учителю Шуйскаго уѣзднаго училища В. А. Бѣляеву, съ которымъ познакомился въ Шуѣ въ 1838 году, куда я переѣхалъ жить изъ Горицъ въ 1836 году“. 1836 г.

[1]) О священникѣ (впослѣдствіи протоіереѣ) Діевѣ см. Дополнительный томъ „Собранія мнѣній и отзывовъ“ митроп. *Филарета*, № 118, стр. 426 и сл.

1836 г. Съ 1838 года начали издаваться Владимірскія губернскія вѣдомости: В. А. Борисовъ, въ продолженіи 23 лѣтъ, до самой смерти, послѣдовавшей въ 1862 году января 13 дня, — былъ ревностнѣйшимъ сотрудникомъ этой газеты. Онъ былъ притомъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ [1]).

Съ этимъ-то самоучкою—археологомъ я познакомился во время каникулъ 1836-го года. Онъ былъ прихожаниномъ Дуниловской единовѣрческой церкви, при которой былъ мой зять попомаремъ. Зная, что у него въ это время была уже порядочная библіотека, я обратился къ нему чрезъ своего зятя съ просьбою дать мнѣ, для чтенія, какую-нибудь интересную книгу. Онъ прислалъ мнѣ на первый разъ исторію поэзіи, *Шевырева*, не болѣе какъ за годъ предъ тѣмъ изданную (т. е. въ 1835 году) и пожелалъ, между тѣмъ, со мною лично познакомиться. Я былъ у него нѣсколько разъ и съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ о литературныхъ новостяхъ.

9-го августа, совсѣмъ неожиданно получилъ я въ домѣ своего дяди письмо изъ Москвы отъ своего пріятеля А. Рождественскаго. Вотъ что писалъ онъ мнѣ отъ 5-го числа:

„Любезнѣйшій мой другъ

Иванъ Михайловичъ!

Видно, дружечикъ, ты на меня что-нибудь сильно разгнѣвался; ибо я и по сіе время не вижу отъ васъ ни одной строчки. Хотѣлъ было я вамъ съ симъ подателемъ послать гостинчикъ; но право не знаю, живы-ли вы или нѣтъ; хотя живы, но какъ не видя отъ васъ ни малѣйшаго ко мнѣ писанія, не знаю гдѣ вы обитаете вакаціальное время, ибо у васъ родни не мало: Богъ васъ знаетъ, гдѣ васъ наизусть искать; а я право еще въ святодухи не попалъ, чтобы наизусть васъ искать. Вотъ другъ посмотри на сей хартіи и кремль нашей матушки бѣлокаменной Москвы [1]). Теперь я скажу вамъ новость: колоколъ, хранящійся въ кремлѣ слишкомъ цѣлое столѣтіе, въ коемъ вѣсу 12,000 пудовъ, вытащили наружу и теперь еще не только для

---

[1]) *Ежегодникъ Влад. губ. Статист. комитета* т. 1, вып. 1, 5—7,— 1876 г.

[2]) Видъ кремля, помѣщенный вверху этого листа, я отрѣзалъ и подарилъ своей двоюродной сестрѣ.

Москвы, но и для всей Россіи большая краса, даже и для 1836 г.
другихъ народовъ служитъ величайшимъ удивленіемъ.

Теперь я на конвертѣ имѣю право вамъ написать: *ученику философіи*; ибо списки въ Коммиссію представлены, и я третьяго дня ѣздилъ въ лавру и ихъ видѣлъ.

Прощай другъ! болѣе писать некогда, податель торопитъ. За симъ пожелавъ вамъ добраго здравія и всякаго благополучія, остаюсь покорный слуга вашъ Александръ Рождественскій. Августа 5-го дня 1836-го года. Москва.

Въ ожиданіи отъ васъ отвѣта.

Яковъ Ильичъ [1]) гоститъ у насъ уже другую недѣлю и съ женой".

Рождественскій жилъ въ это время въ Москвѣ у своего отца, игумена Амвросія.

Въ первыхъ числахъ сентября я былъ уже во Владимірѣ и готовился слушать уроки по философіи, математикѣ, физикѣ и проч.

Въ среднемъ отдѣленіи нашей семинаріи было также, какъ и въ низшемъ, три параллельныхъ класса. Мы изъ 2-го класса низшаго отдѣленія, въ полномъ составѣ, перешли во 2-й классъ средняго отдѣленія.

Преподавателями у насъ были: по философіи Максимъ Терентьевичъ Лебедевъ, по математикѣ и физикѣ—Михаила Михайловичъ Соловьевъ, по французскому языку—Михаила Якимычъ Смирновъ.

М. Т. Лебедевъ окончилъ въ 1825-мъ году курсъ въ Петербургской дух. академіи подъ № 8 въ первомъ разрядѣ, но вышелъ изъ академіи съ званіемъ старшаго кандидата съ правомъ однакожъ на полученіе степени магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что и всѣ прочіе перворазрядные воспитанники этого курса, въ томъ числѣ и Новгородскій митрополитъ Исидоръ († 1892 г.), оставили академію съ такими-же правами. Какая была этому причина, мнѣ не случилось ни отъ кого слышать.

Профессоръ Лебедевъ слылъ у насъ серьезнымъ мыслителемъ, но, къ сожалѣнію, не обладалъ свободнымъ даромъ слова; притомъ голосъ имѣлъ тихій и выговоръ нѣсколько гугнивый, такъ что на самомъ близкомъ разстояніи съ

---

[1]) Владыкинъ.

1836 г. трудомъ можно было его слышать. Поэтому его преподаваніе не приносило для насъ большой пользы, тѣмъ болѣе, что онъ не всегда своевременно приходилъ въ классъ и былъ къ ученикамъ излишне снисходителенъ.

Оффиціальнымъ учебникомъ по предмету философіи у насъ продолжала еще быть система *Баумейстера*, но на практикѣ она стала уже выходить изъ употребленія. Еще въ 1834 году преосвященный Парфеній спрашивалъ Новгородскаго владыку Серафима: „Что проекты на проекты Устава для духовныхъ училищъ?... А дряхлаго Баумейстера не смѣняютъ вышеопытные? А сухій Бургій не на пенсіи“? и проч.... [1]).

Намъ профессоръ давалъ, для изученія, составленныя имъ самимъ, вѣроятно по руководству академическихъ лекцій, записки на латинскомъ языкѣ. У меня сохранились эти записки, тщательно мною переписанныя. Вотъ ихъ содержаніе: Послѣ краткаго введенія въ философію—

I. Philosophia Theoretica:
   A. Logica:—a) Pura; b) Applicata.
   B. Metaphysica: a) Ontologia; b) Metaphysica naturae sensibilis; c) Metaphysica naturae intelligibilis: α) Metaphysica Psychologia; β) Psychologia empyrica; γ) Cosmologia rationalis; δ) Theologia metaphysica seu rationalis.

II. Philosophia practica seu moralis:
   A. Philosophia practica universalis.
   B. Ethica moralis.
   C. Iurisprudentia rationalis seu jus naturae.

Сверхъ сего, у меня сохранились записки по исторіи философіи, на русскомъ языкѣ. Кѣмъ онѣ были составлены, нашимъ-ли профессоромъ, или другимъ кѣмъ-нибудь, не помню.

Но такъ какъ всѣ эти записки довольно кратки, а объясненія профессора Лебедева были не внятны, то я всегда имѣлъ подъ руками печатныя, болѣе или менѣе пространныя, руководства по всѣмъ отдѣламъ философіи. Такъ, у меня были подъ руками: 1) Введеніе въ науку философіи, *Ѳ. Сидонскаго* (Спб. 1833 г.); 2) Новый курсъ фило-

[1]) *Влад. Еп. Вѣд.* 1878 г. № 21, стр. 624.

софіи, *Жерузе* (Спб. 1836 г.); 3) Система логики Фр. *Бахмана* (перев. съ нѣмецкаго Сидонскимъ) въ 2-хъ частяхъ (Спб. 1831—32 год.); 4) Психическая Антропологія, *Готтл. Шульце*, перев. съ нѣмецк. *Сидонскимъ*, въ 2-хъ книгахъ (Спб. 1834—36 г); 5) Обозрѣніе исторіи философіи, *Фр. Аста*, перев. съ нѣмецкаго, Спб. 1831 г.; 6) Исторія философіи, архимандр. *Гавріила*, Казань: 7) Исторія философскихъ системъ, *А. Галича*, (Спб. 1818—19 г.), и 8) Очеркъ исторіи философіи по Рейнгольду, *Ѳ. Надежина*, Спб. 1837 года. 1836 г.

Для домашняго чтенія ученикамъ обязаны были, въ наше время, главные наставники брать изъ фундаментальной семинарской библіотеки книги подъ свою отвѣтственность, въ случаѣ ихъ утраты. Нашъ почтенный профессоръ Максимъ Терентьевичъ былъ семейный человѣкъ и жалованья въ годъ получалъ не болѣе 600 рублей ассигнаціями (171 р. 43 коп. серебромъ); поэтому онъ остерегался брать изъ библіотеки цѣнныя книги, а старался выбирать, какія подешевле и постарѣе. Мнѣ, напр., досталась изъ его рукъ маленькая по формату книжка, едва-ли не 17-го столѣтія, на латинскомъ діалектѣ подъ заглавіемъ: „Ius canonicum“. Такъ какъ эта книга показалась мнѣ не очень интересною, то я положилъ ее въ ящикъ и крѣпко тамъ заперъ, чтобы она не утратилась, а чрезъ годъ или два возвратилъ ее по принадлежности въ цѣлости и сохранности. О собственныхъ же ученическихъ библіотекахъ въ наше время не было и помину.

Послѣ классныхъ уроковъ, которые для способныхъ учениковъ не были обременительны, главное занятіе наше составляли собственныя сочиненія. На эти письменные труды всего болѣе обращало вниманіе и начальство. Темы для сочиненій давалъ намъ только главный профессоръ. Темы эти были какъ русскія, такъ и латинскія. Вотъ на какія темы довелось мнѣ писать, въ продолженіи двухъ лѣтъ философскаго курса.

1) Русскія:

1. „Любовь къ истинѣ должна одушевлять философа на поприщѣ умозрѣнія“.

1836 г. Сочиненіе, написанное на эту тему, заслужило такой отзывъ наставника: „Похвально“.

2. „О томъ, сколь важно и необходимо въ наукѣ употребленіе силлогистическихъ выводовъ“.

На этомъ сочиненіи подписано: „Резонно“.

3. „При какихъ условіяхъ возможно раскрытіе характера нравственно—добраго?“.

Подъ этимъ сочиненіемъ профессоръ подписалъ: „Весьма хорошо“. А на верху первой страницы рукою ректора семинаріи написано: „Одобряется къ произнесенію на собраніи. 1838 года. Февр. 7 дня“.

4. „Исторія рода человѣческаго есть памятникъ особеннаго Божественнаго промысла о человѣкѣ“.

На этомъ сочиненіи написано: „Достохвально“. Но, по желанію профессора, на эту-же тему я долженъ былъ написать другое, болѣе пространное сочиненіе, на которомъ онъ написалъ: „превосходно“.

5. „Какое сильнѣйшее доказательство безсмертія души?“

Подписано: „Резонно“.

II) Латинскія:

6. „Multa legenda, sed cum judicio“.

На этомъ сочиненіи сдѣланъ такой отзывъ: „Plus quam bene“. Сочиненіе это также было читано мною съ каѳедры въ собраніи.

7. Weri nominis philosophia praeservat hominem ab incredulitate“.

Такая-же аттестація, какъ и на предыдущемъ сочиненіи.

8. Perturbationes animi (affectus) praeter sensationes voluptatis aut aegritudinis, an etiam quosdam appetitus vel aversationes sensitivas adiunctas sibi habent

Подписано: „Sat mentis et diligentiae“.

9. „Unde patet, revera adesse discrimen actionis moraliter bonas et malas?“

Подписано: „Lavdabillime“.

10. „Quomodo fides in existentiam Dei potest ali et confirmari in homine?“ 1836 г.

Подписано: „Perquam bene“.

11. Quibusnam rationibus incitantur homines ad vitam civilem colendam?“.

Аттестація: „Optime“.

Не смотря на такіе одобрительные отзывы о моихъ философскихъ сочиненіяхъ, я не могу читать ихъ теперь безъ улыбки и не могу не видѣть въ нихъ страженія тѣхъ мыслей и тѣхъ оборотовъ рѣчи, какіе усвоены были мною, не всегда, конечно, съ яснымъ и отчетливымъ пониманіемъ, при чтеніи книгъ и журнальныхъ статей философскаго содержанія.

Преподавателемъ математики и физики былъ, какъ я уже сказалъ, М. М. Соловьевъ. Когда мы перешли въ среднее отдѣленіе, онъ только лишь окончилъ въ Московской духовной академіи курсъ съ званіемъ кандидата и едва-ли достаточно былъ подготовленъ къ преподаванію назначенныхъ ему предметовъ. По крайней мѣрѣ, на первый разъ онъ не иначе могъ разрѣшать алгебраическія и геометрическія задачи, какъ съ помощію печатнаго учебника, да и то не безъ ошибокъ. Понятно, что такое преподаваніе не могло расположить учениковъ къ внимательному слушанію уроковъ. Почтенный преподаватель убѣждалъ насъ къ занятію математикой примѣромъ самого Іисуса Христа, который въ дѣтствѣ занимаясь, подъ руководствомъ праведнаго Іосифа, древодѣліемъ, не могъ де не знать математики. Но и этотъ доводъ не имѣлъ успѣха. Съ большимъ вниманіемъ и интересомъ мы слушали уроки по физикѣ; особенно памятны для меня чтенія объ электричествѣ, потому что эти чтенія подкрѣпляемы были опытами. Въ нашей семинаріи, въ то время былъ очень жалкій физическій кабинетъ. Въ немъ была однакожъ старая, испорченная электрическая машина, которую Михайла Михайловичъ съумѣлъ самъ какъ-то исправить, и не разъ приносилъ ее къ намъ въ классъ. На публичномъ экзаменѣ послѣдняго, 1838 года, М. Михайловичъ заинтересовалъ публику своимъ предметомъ. Онъ начертилъ на бумагѣ, въ довольно большомъ размѣрѣ, рисунокъ паровой машины, съ обозначеніемъ буквами и цифрами состав-

1836 г. ныхъ ея частей, и мы предъ публикою объясняли значеніе и взаимное отношеніе этихъ частей.

Тому же Михаилу Михайловичу поручено было изъясненіе Священнаго Писанія: по онъ, въ теченіе двухлѣтняго курса, далъ намъ краткія записки на Евангелія только первыхъ двухъ или трехъ Евангелистовъ.

Французскій языкъ преподавалъ намъ, какъ сказано уже, М. Я. Смирновъ—одинъ изъ послѣднихъ кандидатовъ VII-го курса Московской духовной академіи (1830 года). Если принять въ разсужденіе количество учениковъ (насъ было болѣе 100 человѣкъ) и краткость времени, назначеннаго для этого предмета, а именно, не болѣе двухъ послѣобѣденныхъ классовъ въ недѣлю; если притомъ взять во вниманіе очень ограниченныя свѣдѣнія въ предметѣ самого наставника: то не трудно понять, какіе успѣхи могли мы имѣть въ изученіи французскаго языка.

Въ ноябрѣ 1836 года послѣдовала у насъ перемѣна ректора. Еще въ 1834 году преосвященный Парфеній писалъ митрополиту Серафиму о ректорѣ архимандритѣ Неофитѣ: „Владимірской семинаріи ректоръ уже лѣтъ десять ректоромъ; пора ему во владыки! — нрава кроткаго, жизни благочестивой, правилъ честныхъ, къ дѣлу усерденъ, православный“. И вотъ, можетъ быть, вслѣдствіе этой рекомендаціи, архимандритъ Неофитъ назначенъ былъ епископомъ Старицкимъ, викаріемъ Тверской епархіи. Отъ 1 ноября 1836 года Парфеній снова писалъ Серафиму о Неофитѣ: „Полагаю, что ко дню вашего ангела (8 числа), явится Владимірскій выходецъ — ректоръ, назначенный Тверскимъ викаріемъ; не оставьте его вашею благосклонностію“.

Преемникомъ Неофита на должность ректора семинаріи назначенъ былъ родной братъ его, смотритель Астраханскаго духовнаго училища, игуменъ Поликарпъ. О. Поликарпъ былъ священникомъ Ростовскаго уѣзда, Ярославской епархіи и академическаго образованія не получилъ. Назначеніе его на должность ректора семинаріи удивило всѣхъ, начиная съ преосвященнаго Парфенія, который въ томъ же письмѣ отъ 1 ноября писалъ митрополиту Серафиму: „Рѣдкій случай, что братъ его (т. е. архимандрита Неофита) родной заступаетъ, какъ бы по наслѣдству, его ректорство. Не знаю, не будетъ ли онъ слабъ и малосиленъ для Вла-

димірской семинаріи и съумѣетъ ли управляться съ 900 учениковъ и 21 преподавателемъ изъ магистровъ и кандидатовъ, не учась въ академіи, будучи безъ ученой должности 11 лѣтъ священникомъ, не бывъ преподавателемъ ни риторики, ни философіи, ни богословіи, какъ бывало въ нашихъ школахъ. Не имѣя вѣса, трудно будетъ поддержать порядокъ, не имѣя ученыхъ свѣдѣній—поддержать ученую часть, а надобно строить огромный корпусъ для семинаріи. Его бы послать въ какую-нибудь небольшую семинарію“ [1]). 1836 г

Неожиданное назначеніе о. Поликарпа на должность ректора семинаріи объяснили слѣдующимъ образомъ. Онъ былъ родной племянникъ извѣстнаго архимандрита Ростовскаго Яковлевскаго монастыря, Иннокентія; а о. Иннокентій пользовался особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ знаменитой графини А. А. Орловой-Чесменской. Вотъ по этимъ-то связямъ и отношеніямъ и состоялось назначеніе о. Поликарпа на непосильную для него должность ректора семинаріи, которую, однако-жъ, онъ занималъ около 10 лѣтъ. Во Владиміръ онъ пріѣхалъ въ санѣ игумена, и я былъ очевидцемъ возведенія его въ санъ архимандрита, въ домовой архіерейской церкви. Какъ теперь вижу, какъ преосвященный Парѳеній, при врученіи ему жезла, читалъ по книгѣ довольно длинное поученіе.

О. Поликарпъ, какъ не получившій академическаго образованія, не могъ преподавать, разумѣется, никакого предмета: но ему тѣмъ не менѣе, какъ ректору семинаріи, назначаемы были на высокоторжественные дни проповѣди.

Въ послѣднихъ числахъ ноября мимоѣздомъ изъ Кіева въ Кострому, пріѣхалъ во Владиміръ бывшій Кіевскій викарій преосвященный *Владиміръ* (Алявдинъ), переведенный въ сентябрѣ на Костромскую каѳедру. Онъ посѣтилъ и нашу семинарію, въ которой былъ нѣкогда инспекторомъ. Въ наше отдѣленіе взошелъ онъ, въ сопровожденіи инспектора Митрофана, когда у насъ былъ урокъ по математикѣ. Когда преосвященный спросилъ наставника, какъ его фамилія: тотъ отвѣтилъ:—„Соловьевъ“.—„Не сынъ ли вы священника Соловьева, который въ 1835 году умеръ у меня въ Кіевѣ

---

[1]) *Влад. Еп. Вѣд.* 1878 г. № 22, стр. 645.

1836 г. и котораго я отпѣвалъ?“ — „Точно такъ, ваше преосвященство“.

Преосвященный Владиміръ былъ приглашенъ преосвящ. Парѳеніемъ вмѣстѣ съ нимъ служить въ праздникъ святителя Николая (6 декабря), въ высокоторжественный день тезоименитства Государя Императора Николая Павловича. Служеніе происходило въ большой крестовой церкви. Владимірцы едва ли видѣли когда-нибудь служеніе двухъ архіереевъ вмѣстѣ. Я былъ очевидцемъ такого необычайнаго зрѣлища.

Преосвящ. Владиміръ, въ мірѣ Василій Осодоровичъ Алявдинъ, уроженецъ г. Владиміра, воспитанникъ 1-го курса Московской дух. академіи. По окончаніи академическаго образованія въ 1818 году, со степенью магистра, онъ назначенъ былъ инспекторомъ сначала въ Пензенскую семинарію, гдѣ онъ нашелъ губернаторомъ родственника своего, знаменитаго М. М. Сперанскаго; оттуда въ концѣ 1820 года переведенъ былъ на ту-же должность во Владимірскую семинарію, гдѣ и оставался до 1829-го года [1]). Какъ магистръ, Алявдинъ высоко цѣнилъ свои ученыя достоинства. Когда я учился въ семинаріи, слышалъ о немъ разсказъ слѣдующаго содержанія. Въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ открылась настоятельская вакансія. Алявдинъ подалъ преосвященному Парѳенію прошеніе объ опредѣленіи его на эту вакансію и даже настойчиво требовалъ удовлетворенія своей просьбы: но преосвященный отказалъ въ его просьбѣ и предпочелъ ему заслуженнаго протоіерея Павла Ставровскаго. Алявдинъ, обидѣвшись этимъ отказомъ, подалъ въ слѣдъ за тѣмъ прошеніе о поступленіи его въ монашество и при этомъ будто-бы сказалъ: „такъ я же самъ буду не хуже его (т. е. Парѳенія) архіереемъ“. И вотъ его предсказаніе исполнилось.

Объ Алявдинѣ, какъ инспекторѣ семинаріи, сохраняется во Владимірѣ не очень добрая память. Вотъ что пишутъ о немъ: „По словамъ учениковъ его, наставникъ онъ былъ хорошій, образованный, даровитый; но, какъ инспекторъ,

---

[1]) См. Ист. Моск. д. акад. *С. Смирнова*, М. 1879 г., стр. 416 и слѣд.

былъ человѣкъ довольно жестокій, мстительный и подозри- 1837 г.
тельный“ [1]).

Начало 1837-го года ничѣмъ особеннымъ для меня не было ознаменовано.

Приближалась Пасха. Любовь къ родинѣ влекла меня въ родные Горицы, но я не рѣшился на путешествіе, не имѣя подъ руками средствъ для проѣзда. На этотъ разъ я ограничился только выраженіемъ своего желанія побывать на родинѣ въ письмѣ къ своему дядѣ Петру Ивановичу. Въ этомъ же письмѣ я просилъ своего благопопечительнаго опекуна прислать мнѣ рублей пять на нужды мои. И вотъ какой отвѣтъ отъ 25-го апрѣля полученъ былъ мною на это письмо:

„Христосъ воскресе! Любезнѣйшій сынъ крестный, Иванъ Михайловичъ!

За пріятное и почтенное письмо твое приношу чувствительнѣйшую благодарность, а равно и за привѣтствіе съ высокоторжественнымъ праздникомъ..... Деньги пять рублей посылаю и прошу поберечь оные и по пустому не тратить, а по полученіи увѣдомь хоть по почтѣ. Деньги посылаются съ Алексѣемъ Соловьевымъ. Пустынскіе родные твои здоровы и свидѣтельствуютъ почитаніе. Такъ-же и наше семейство: Татьяна Ивановна, Пелагея Петровна и Елизавета кланяются; за симъ съ отеческою любовію остаюсь крестный твой отецъ села Горицъ діаконъ Петръ Ивановъ кланяюсь“....

Письмо это, какъ и прошлогоднее, писано было рукою о. Василія Сапоровскаго, но съ собственноручною подписью Петра Ивановича.

Время отъ Пасхи до каникулъ прошло обычнымъ порядкомъ. Вакацію проводилъ я на родинѣ въ обычныхъ странствованіяхъ съ одного мѣста на другое. Единственное удовольствіе составляло для меня въ это время чтеніе и перечитываніе выписокъ изъ разныхъ книгъ, мною прочитанныхъ въ школѣ, и изрѣдка собесѣдованіе съ почтеннымъ о. Василіемъ Сапоровскимъ, который питалъ ко мнѣ особенную любовь, какъ къ любознательному юношѣ, и когда я прощался съ нимъ, при возвращеніи во Владиміръ, онъ обязалъ меня писать къ нему о Владимірскихъ новостяхъ. Я съ

[1]) *Владим. Епарх. Вѣдом.* 1875 г. № 12, стран. 583.—„Исторія Влад. дух. семинаріи“, *Кс. Надеждина*, Владиміръ, 1875 г., стр. 129.

1838 г. удовольствіемъ, разумѣется, принялъ на себя это пріятное обязательство и не замедлилъ приступить къ его исполненію.

21-го декабря я привѣтствовалъ, въ первый разъ, своего почтеннаго дядюшку о. Василія Сапоровскаго съ праздникомъ Рождества Христова, и при этомъ сообщилъ ему не мало Владимірскихъ новостей, касавшихся преимущественно семинарской сферы. Въ какихъ выраженіяхъ написано было мною первое письмо, не помню—чернового списка у меня не сохранилось: но изъ отвѣта на это письмо о. Василія можно видѣть, о чемъ я писалъ ему. Вотъ его отвѣтъ отъ 15-го января 1838-го года:

„Любезнѣйшій племянникъ
Иванъ Михайловичъ!

Почтенное и много удовольственное письмо ваше отъ 21-го декабря прошедшаго года — получилъ въ праздникъ Рождества Христова. Въ немъ прочиталъ я искреннее ко мнѣ расположеніе, видны ваши благородныя чувства и талантъ, съ которымъ можно брести на высокую гору Аполлона. Теките и постигнете. Разсказы ваши о повѣстяхъ Владимірскихъ любопытны и занимательны. Новый профессоръ богословія баккалавръ іеромонахъ Рафаилъ, по выраженію вашему, мужъ ученѣйшій что—то есть загадочное—феноменъ новаго просвѣщеннаго міра нынѣшняго. Нынѣ-то надобно быть мудру, яко змія и цѣломудренну, яко голубицѣ. Старайтеся просвѣщаться такимъ свѣтомъ, который и во тьмѣ свѣтитъ и который бы тьма не объяла. Нашъ Высокопреосвященнѣйшій счастливъ такими ученѣйшими мужами и достоинъ похвалы и уваженія за то, что умѣетъ счастливить ихъ и выводить на дѣло и на дѣланіе до вечера. Профессоръ Надеждинъ не братъ ли Надеждину, издателю „Молвы“? [1]) Не онъ ли съ профессоромъ Михайломъ Михайловичемъ Соловьевымъ проѣзжали мимо моего дома? Какъ жалѣю, что не посѣтили меня. Михаилу Михайловичу, кажется, грѣшно и не посѣтить! При сихъ напоминаніяхъ нельзя не порадоваться или не позавидовать вамъ. Въ семинаріи вашей сколько ученыхъ и учености! Какъ не быть умному ученику, какъ не учиться охотно. Бывало у насъ и — радъ бы учиться да не у кого, и

[1]) „Телескопа?

радъ бы читать, да нечего. Нынѣ журналы и журналисты 1838 г.
съ вами. Вотъ и Раевичъ—студентъ Дерптскаго университета — новое свѣтило или комета. Дай Богъ явиться мірови и блеснуть. Жалко того, что сіи блестящіе метеоры скоро упадутъ съ высоты звѣздной на землю. Поприще литературное столько многотрудно, особенно молодому питомцу безъ руководства и пособія сильныхъ, какъ ледовитый океанъ. Я зналъ поэта Куликовскаго — стихи его чисты, увлекательны; но они скоро положили его во гробъ и кромѣ друзей никто о немъ не вспомянетъ. Но оставимъ всѣ такія критическія сцены... Gutta cavat (lapidem) non vi, sed saepe cadendo.

Время поговорить, даже и кстати о почтенномъ Владимірѣ Петровичѣ. О немъ много я слышалъ, но лично не зналъ. Его покойный братъ протоіерей Ивановскій былъ мнѣ другъ. Вотъ какъ время, случаи или лучше Провидѣніе водитъ насъ на пути странствія земнаго. Господь, яко премудрый, знаетъ, гдѣ насъ поставить, знаетъ доколѣ и длить нашу жизнь, знаетъ какъ и руководствовать при стезяхъ соблазновъ и коварствѣ властей и міродержителей тьмы вѣка сего. Одно насъ губитъ, что идемъ часто инымъ путемъ,—это иначе зовется своеволіе. Не отношу такого разсужденія къ умершему, да и не смѣю по латинской пословицѣ: „De mortuis nil, nisi bene“. Берегу васъ легкокрылыхъ витязей. И что же говорить? Онъ содержалъ поприще своей жизни какъ должно и можетъ быть сколько должно—скончался вмалѣ, исполнивъ лѣта долга. Онъ услужилъ любомудрію и вамъ учащимся; за то и владыка и ученики почтили его славнымъ погребеніемъ. Стихи Пѣхотина и меня порадовали, наиболѣе потому, что имѣлъ къ покойнику признательное состраданіе и любовь, выразилъ, хотя не ясно, странническую и страдальческую жизнь его.....

Прошу писать почаще—и не пенять, что не скоро отвѣчаю,—а увѣряю, что на каждое письмо хоть строку настрочу. Пожелавъ вамъ успѣховъ въ просвѣщеніи, остаюсь любящій старопечатный іерей Василій Сапоровскій“.

Объясню содержаніе письма.

Іеромонахъ Рафаилъ, о которомъ я сообщалъ о. Сапоровскому и о которомъ онъ упоминаетъ въ своемъ

1838 г. письмѣ, окончилъ въ 1827 году въ Кіевской дух. академіи курсъ первымъ магистромъ; до монашества назывался Степанъ Димитріевичъ Шипулинскій, родомъ изъ Черниговской епархіи. По окончаніи курса, оставленъ былъ при академіи баккалавромъ по каѳедрѣ церковнаго краснорѣчія. Въ 1830-мъ году, вслѣдствіе умопомѣшательства [1]), посланъ былъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь въ заточеніе. Объ немъ упоминаетъ уже въ своемъ письмѣ отъ 13-го апрѣля 1831 года къ митрополиту Серафиму преосвященный Владимірскій [2]). А въ 1836 году тотъ же преосвященный ходатайствовалъ уже предъ Новгородскимъ владыкою объ освобожденіи изъ заточенія о. Рафаила [3]). Ходатайство сострадательнаго архипастыря было уважено, и ученый баккалавръ переведенъ былъ изъ Суздальскаго монастыря во Владимірскій архіерейскій домъ. Здѣсь, чтобъ онъ не оставался въ праздности, ему поручено было сначала чтеніе богословскихъ ученическихъ сочиненій, а за тѣмъ на мѣсто выбывшаго изъ Владиміра ректора семинаріи, архимандрита Неофита, онъ назначенъ былъ въ 1837 году профессоромъ богословскихъ наукъ въ 3-мъ высшемъ отдѣленіи.

Профессоръ Надеждинъ. Ѳеодоръ Михайловичъ Надеждинъ, по окончаніи курса въ С.-Петербургской дух. академіи въ 1837 году, назначенъ былъ профессоромъ философіи во Владимірскую семинарію на мѣсто Я. В. Миловскаго, перешедшаго на службу въ губернскую гимназію въ званіи законоучителя. Надеждинъ, молодой магистръ, былъ очень солидный и основательный преподаватель, одинъ изъ лучшихъ въ свое время наставниковъ семинаріи. Надеждину— издателю „Молвы“ нашъ Владимірскій Надеждинъ не доводился, кажется, ни въ какомъ родствѣ.

Владиміръ Петровичъ Целебровскій. Магистръ IV курса (1824 года) Московской дух. академіи; преподавалъ греческій языкъ и отличался проповѣдничествомъ. Вотъ какъ характеризуетъ его одинъ изъ его учениковъ: „Сухоща-

---

[1]) „Исторія Кіевск. дух. академіи“, *В. Аскоченскаго*, СПБ. 1863 г. стр. 117. Письмо Моск. митр. Филарета къ архіеп. Парѳенію (№ XXVI).

[2]) *Влад. Еп.Вѣд.* 1878 г. № 13, стр. 417.

[3]) Тамъ же № 22, стр. 644.

вый, нескладный, всегда серьезный, онъ слылъ въ средѣ 1838 г.
наставниковъ дорогимъ умницей; его проповѣди преосвященный Парѳеній трактовалъ, какъ умнѣйшія изъ всѣхъ. Какъ преподаватель, онъ ревностенъ былъ къ своей обязанности, и, хотя греческій языкъ не имѣлъ видимаго значенія, на него смотрѣли вскользь, но, уважая глубоко наставника, мы по возможности занимались этимъ предметомъ“ [1]).

И этотъ глубоко уважаемый наставникъ былъ подверженъ меланхоліи въ такой степени, что подъ ея вліяніемъ онъ рѣшился оскопить себя. Вслѣдствіе сего, онъ долго находился въ семинарской больницѣ такъ, что я почти не видалъ его ни разу при жизни. Наконецъ въ исходѣ 1837 года онъ умеръ, и я былъ при его погребеніи [2]).

По случаю смерти профессора Целебровскаго написаны были ученикомъ высшаго отдѣленія Алексѣемъ Пѣхотинымъ стихи, которые такъ понравились о. Сапоровскому. Къ сожалѣнію я не оставилъ у себя списка съ этихъ стиховъ; но у меня сохранились другіе стихи Пѣхотина, подъ заглавіемъ; „Аендорская волшебница“, произнесенные имъ 9-го апрѣля 1837 года въ общемъ собраніи съ каѳедры. Вообще, Пѣхотинъ отличался замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ. По окончаніи семинарскаго курса, онъ поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ Московскій университетъ.

Къ Пасхѣ писалъ я о. Василію Сапоровскому поздравительное письмо и вотъ что получилъ отъ него въ отвѣтъ отъ 10-го апрѣля:

„Удовольственное и весьма интересное письмо ваше получилъ во второй день праздника св. Пасхи. На привѣтствіе ваше съ свѣтлымъ праздникомъ восклицаю: воистину воскресе!.....

Напрасно вы извиняетесь, что я буду оскорбляться вашими разсказами или письмами. Пріятенъ лепетъ едва начинающаго говорить младенца особенно для любящихъ родителей и попечителей; какъ же не порадоваться, не восхититься чувствами, размышленіями — свѣтлыми пе-

---

1) *Владим. Епарх. Вѣдомости* 1875 г. № 13, стр. 638.

2) О Целебровскомъ писалъ преосвящ. Парѳенію М.М. Филаретъ (письмо XXII).

1838 г. реливами пламеннаго юноши, обѣщающаго пріятную надежду въ будущемъ,—юноши любомудра.....

Чудо, совершившееся надъ ученикомъ гимназіи, достойно замѣчанія, но едва-ли повѣрятъ, что оное происшествіе истинно. Нынѣшніе фанатики и сами такъ ухищрены, такъ лукавы, что могуть преображаться и во ангела свѣтла: такъ при томъ недовѣрчивы и люди, что не только сему страшному диву, но и аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ не повѣрятъ. Конечно какъ бы не вѣрить,—когда Богъ и нынѣ той же, каковъ былъ и будетъ во вѣки,—такъ же и нынѣ поругаемъ быть не восхощетъ,—по крайней мѣрѣ мы имамы вѣру, а между тѣмъ подождемъ и окончанія сей чудной исторіи. Не менѣе занимательна и слѣпая стихотворка. Давно сказано, что слѣпцовъ умудряетъ Господь. Нѣтъ-ли въ семъ дѣлѣ хитростей священника? Наша братія такъ же затѣйливы и стараго поколѣнія, а новаго и еще затѣйливѣе. Впрочемъ и то похвально, хоть слѣпые станутъ учить зрячихъ—много спячихъ умниковъ въ духовенствѣ. Свѣтскіе литераторы завалили кучами книгъ всѣ библіотеки, такъ что сору и вздору не выскребешь до конца міра,—пищи духовной рѣдко попадается въ руки намъ грѣшнымъ, и духовные писаки пустились искать философскаго камня. Обѣщали преосв. митрополита проповѣди—да и доселѣ не видимъ. Время поговорить и о своихъ дѣлахъ. Новостей у меня нѣтъ на примѣтѣ. Происшествія встрѣчались болѣе плачевныя, нежели радостныя. Погребли мы свата Ксенофонта Матвѣича, на предпослѣдней недѣлѣ великаго поста добрую Катерину Борисовну—жену Калашникова: при сихъ случаяхъ говорилъ я рѣчи въ утѣшеніе сѣтующихъ; имъ оныя очень понравились, но къ вамъ не посылаю, а посылаю стихи, написанные въ скорости почтеннѣйшему учителю моему Василію Ивановичу Смирнову. Были мы на слѣдствіи съ нимъ и, читая въ газетахъ баснотворцу Крылову гимнъ, далъ я слово въ шуткахъ и написалъ подражаніе на именины. Вы не ищите въ немъ ни мудрости,—ни таланта:—сельская балалайка не Петербургская муза; мнѣ вздумалось, что и мы умѣемъ чувствовать, какъ и бояре,—чтимъ и должны чтить учителей и благодѣтелей. Стихи не кажите“.....

Стихи, написанные о. Сапоровскимъ ко дню ангела Шуйскаго протоіерея Василія Ивановича Смирнова (быв-

шаго смотрителя духовнаго училища) въ подражаніе гимну 1838 г.
князя Вяземскаго въ честь баснописца Крылова [1]), слѣдующаго содержанія:

День счастливый, день прекрасный
Наступаетъ и у насъ;
Клиръ почтенный, клиръ согласный
Посѣтитъ за утро васъ;
Не на свадьбу золотую,
Не жену смотрѣть младую:
Съ вами радость раздѣлить.....
Новый даръ Богъ посылаетъ,
Онъ вамъ жизнь еще продлитъ
На земли благословляетъ.....
Болѣе живи годовъ,
Ты нашъ дѣдушка Смирновъ!
Съ музою и ты роднился
И наперсникомъ у ней
Долго такъ же находился.
Развелся своей семьей;
И семья дѣтьми богата
Дѣти славныя-жъ ребята! [2])
Дѣти всѣ умны въ отца,
Ихъ горятъ къ тебѣ сердца.
Кроткій мужъ, достопочтенный!
Гимнъ Московскій, гимнъ священный
Вамъ воспѣть дерзнулъ одинъ
Изъ сыновъ послѣдній сынъ:
Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ,
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!
Намъ не только что пристойно
Мудрецомъ васъ величать;
Но и должно и достойно

[1]) 50-ти лѣтній юбилей *И. А. Крылова*, по поводу коего сочинены стихи Вяземскаго „къ Дѣдушкѣ Крылову“, — описанъ въ книгѣ: „Литературныя воспоминанія“ *И. И. Панаева*, СПБ. 1876 г., стр. 112—114.

[2]) Іереи, протоіереи, архіереи и архіепископы—его бывшіе ученики — азъ уже послѣдній старовѣръ.

1838 г.

Благодѣтелемъ назвать.
Ты былъ ректоромъ духовнымъ
И поэтомъ очень скромнымъ;
Завсегда преподавалъ
Ты спасительны уроки;
Вѣры догматы высоки
Богомудро толковалъ.
Ты не рѣдко утѣшался
Простотой дѣтей своихъ
И тѣмъ лучше умудрялся
Истреблять пороки въ нихъ.
Ловкаго не зналъ обмана,
Не кололъ изъ подъ пера...
(Петръ какъ быть хвалилъ Ивана,
Также и Иванъ Петра).
Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ,
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!
Музы храмъ тобой оставленъ,
Хоть и жалко, жалко ей.....
Ты къ Ѳемидѣ въ храмъ поставленъ
Чтобъ дѣла судить дѣтей.
Ты и здѣсь умомъ блистаешь, —
Добродушіе являешь
И къ строптивымъ иногда;
Ты идешь стезей прямою
И невинность съ простотою
Не стѣсняешь никогда.
Ты не любишь воздаяній,
Кто достоинъ наказаній,
Тотъ заслуживаетъ месть:
Злоба, зависть, хитра лесть
Можетъ быть и постилаютъ
Часто сѣти—и пытаютъ
Какъ-нибудь въ нихъ заманить:
Но не могутъ уловить.
Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ,

Здравствуй, съ дѣтками своими, 1838 г.
Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!
Царь и церковь наградили
Такъ же ваши и труды.
Вы того достойны были.....
Вы умножите плоды
Добрыхъ дѣлъ, жизнь продолжая.
Слава—какъ труба златая
Ихъ потомству передастъ;
Вамъ потомство долгъ отдастъ.
Господа молю вселенной,
Чтобъ въ вѣкъ мирный, вожделѣнный
Здравымъ васъ всегда хранилъ
И еще бы наградилъ.....
Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!

На сіе отвѣтомъ было:

Пріятно дѣдушкѣ отъ дѣтокъ поздравленье:
Еще-бъ пріятнѣе ихъ лично посѣщенье“!

Скажу здѣсь нѣсколько словъ о моихъ занятіяхъ частными уроками въ дворянскомъ домѣ. Еще въ октябрѣ 1837 года я рекомендованъ былъ для преподаванія уроковъ дѣтямъ Шуйскаго помѣщика Семена Аркадьевича Лазарева-Станищева, проживавшаго съ семействомъ во Владимірѣ и занимавшаго какую-то должность по учрежденію Приказа Общественнаго призрѣнія. Я преподавалъ тремъ дочерямъ его законъ Божій, русскую грамматику, ариѳметику, географію и русскую гражданскую исторію. Въ вознагражденіе за эти труды назначено мнѣ было по 10 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Къ сожалѣнію, эти уроки продолжались не болѣе 6 мѣсяцевъ: семейство Станищевыхъ на лѣто уѣхало въ деревню, въ 8 верстахъ отъ Шуи, и болѣе уже во Владиміръ не возвращалось. Получивъ за 6 мѣсяцевъ 60 рублей, я сдѣлалъ для себя на эти деньги суконную пару — сюртукъ и брюки, и былъ очень счастливъ. Но кромѣ матеріальной выгоды, я получилъ отъ своихъ занятій и нѣкоторую духовную пользу: повторилъ, съ большимъ

1838 г. уже пониманіемъ, тѣ предметы, которые я изучалъ почти механически въ училищѣ и сверхъ сего имѣлъ поводъ прочитать почти всю исторію Карамзина. Итакъ справедливо древнее римское изреченіе: *docendo discimus.*

Когда я былъ въ среднемъ отдѣленіи семинаріи, во мнѣ возбудилось сильное желаніе получить высшее академическое образованіе. Вслѣдствіе сего, я предварительно началъ запасаться академическими записками по философіи и богословію. По философіи у меня списаны были записки, частію на латинскомъ, частію на русскомъ языкѣ, знаменитаго въ то время профессора философіи въ Московской духовной академіи, *Ѳ. А. Голубинскаго*, содержащія въ себѣ умозрительную и опытную Психологію [1]). По предмету Богословія у меня сохранились отъ того времени лекціи еще болѣе знаменитаго ректора Кіевской духовн. академіи, архимандрита *Иннокентія (Борисова)* „о Религіи естественной и откровенной“ [2]).

Въ половинѣ іюля 1838 года, послѣ частныхъ испытаній и публичнаго экзамена, на которомъ я награжденъ былъ, по обыкновенію, книгою, насъ перевели изъ средняго отдѣленія въ высшее.

Когда я пришелъ на каникулы въ Горицы, меня приняли тамъ уже съ большимъ вниманіемъ, нежели прежде; сама тетка Татьяна Ивановна измѣнила свой прежній суровый тонъ обращенія со мною на болѣе ласковый и привѣтливый. А о. Василій Сапоровскій каждый разъ, когда я посѣщалъ его, принималъ меня съ самымъ искреннимъ радушіемъ и любилъ бесѣдовать со мною объ ученыхъ и литературныхъ новостяхъ.

По возвращеніи съ каникулъ, мы съ обновленными силами предались изученію богословскихъ предметовъ.

Преподавателями у насъ, во 2-мъ отдѣленіи, были:

1. По классу богословія — іеромонахъ Діонисій (до мо-

---

[1]) Чтенія по Умозрительной Психологіи профессора *Голубинскаго*, съ нѣкоторыми измѣненіями противъ моей рукописи, изданы бывшимъ студентомъ академіи XIV курса, послѣ Московскимъ протоіереемъ *Вл. Гр. Назаревскимъ* († 1881). М. 1871 г.

[2]) Напечатаны и эти лекціи въ полномъ собраніи сочиненій преосв. Иннокентія, архіеписк. Херсонскаго, т. X, Спб. 1875 г. и т. XI, 1877 г.

нашества Димитрій Аннинскій) кандидатъ VIII курса (1832 г.) 1838 г.
Московской академіи.

2. По классу Библейской и церковной исторіи, а также еврейскаго языка магистръ той же академіи и того же курса — Іосифъ Яковлевичъ Смирновъ.

3. По классу Свящ. Писанія — Василій Емельянычъ Богородскій — кандидатъ XIII курса (1839 г.) С.-Петербургской академіи.

4. По классу греческаго языка—Аѳанасій Николаевичъ Яковлевскій—кандидатъ VIII курса Московской духовной академіи.

О. Діонисій, преподаватель Богословія, съ усердіемъ изучалъ свой предметъ, но не владѣя въ достаточной степени даромъ слова, старался этотъ недостатокъ въ преподаваніи восполнить обширными записками съ разными къ нимъ примѣчаніями. Составляемыя имъ на русскомъ (а не на латинскомъ уже) языкѣ записки мы должны были для себя переписывать. Вотъ содержаніе этихъ записокъ, озаглавленныхъ: „Начертаніе системы христіанскаго Богословія по духу Православной Греко-россійской церкви".

Послѣ довольно пространнаго общаго введенія въ курсъ наукъ богословскихъ, изложено:

А. Первый отдѣлъ системы христіанскаго Богословія, заключающій въ себѣ предъуготовительныя науки Богословія: 1) Исагогику, 2) Герменевтику и 3) Археологію.

Примѣчаніе. Обѣщанная въ заглавіи Археологія намъ не была преподана.

Б. Второй отдѣлъ, заключающій въ себѣ составительныя науки Богословія: 1) Богословіе общее, основное; 2) Богословіе созерцательное — догматическое,—въ немъ:

а) Богословіе отрѣшенное, или о Богѣ самомъ въ Себѣ.

б) Богословіе относительное, т. е. о Богѣ и дѣйствіяхъ Его въ отношеніи къ бытіямъ конечнымъ.

в) Богословіе дѣятельное—практическое; въ немъ:
1) Богословіе дѣятельное основное и
2) Богословіе дѣятельное—прикладное.

г) Богословіе частное—отрицательное или случайное (противъ раскольниковъ).

Не довольствуясь обширными записками по Богословію своего наставника, о. Діонисія, я списалъ для себя за-

1838 г. писки по догматическому и обличительному Богословію, составленныя бывшимъ ученымъ баккалавромъ Кіевской академіи, іеромонахомъ Рафаиломъ.

О. Діонисій, въ дополненіе и объясненіе своихъ уроковъ, имѣлъ обыкновеніе приносить съ собою въ классъ книги или духовные журналы и даже свѣтскія газеты, въ коихъ заключались статьи догматическаго, или вообще богословскаго содержанія, и заставлялъ меня читать ихъ въ слухъ цѣлаго класса. У меня сохранилась въ рукописи одна изъ читанныхъ мною въ классѣ статей, напечатанная въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1839 или 1840 года. Это—рѣчь ординарнаго профессора университета св. Владиміра, *Θедорова* [1]), читанная имъ на актѣ 15-го іюля 1837 года, подъ заглавіемъ: „О мнимомъ противорѣчіи между истинами, явствующими изъ познанія неба видимаго—вещественнаго, и истинами, въ которыхъ открывается человѣку небо невидимое—духовное“.

Въ высшемъ отдѣленіи, также какъ и въ среднемъ, темы для сочиненій давалъ намъ преподаватель главнаго предмета, т. е. о. Діонисій. Сочиненія писались на русскомъ и латинскомъ языкѣ. У меня сохранились сочиненія, писанныя мною на слѣдующія темы:

1) Русскія:

1) „О крещеніи христіанскихъ младенцевъ“.
   На сочиненіи, писанномъ на эту тему, наставникомъ подписано: „Очень похвально“. А на первой страницѣ сверху рукою ректора архимандрита Поликарпа написано: „Смотрѣно. 1839 г. ноября 5 дня“.
2) „О безсиліи человѣка грѣшника въ дѣлѣ своего спасенія“.
   На этомъ сочиненіи подписано: „Обстоятельно, очень хорошо“.
3) „Чѣмъ и какъ христіанину укрѣплять и утѣшать себя въ злоключеніяхъ жизни?“
   Подписано: „Весьма хорошо“.
4) Размышленіе на слова: „Иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ, сего Сынъ человѣческій постыдится.

---

[1]) Θедоровъ, Вас. Θедор., скончался 24 марта 1855 года.

егда пріидетъ во славѣ Своей, и Отчей, и святыхъ 1838 г.
ангелъ". Луки IX, 26.

Подписано: „Весьма хорошо".

5) Экспромптъ на слова: „Нынѣ пребываютъ: вѣра, надежда, любы, три сія: больши же сихъ любы. 1 Кор. XIII, 13".

Подписано: „Очень хорошо".

II) Латинскія:

6) Salus aeterna hominum extra Ecclesiam christianam acquiri non potest".

Подписано: „Bene",

7) Quid sibi vult imago Dei, secundum quam primus homo creatus esse dicitur".

Подписано: „Satis bene".

8) „De immortalitate animae humanae".

Сочиненіе это оставлено, не знаю, почему, безъ всякой подписи. Видно, не было читано наставникомъ.

Кромѣ такъ называемыхъ разсужденій, мы обязаны были писать, особенно на второмъ году курса, поученія и проповѣди. Намъ не была преподаваема Гомилетика; мы не знали никакихъ теоретическихъ правилъ для составленія проповѣдей; отъ насъ требовали только предварительно расположенія или плана проповѣди. Поэтому можно сказать, что мы самоучкой писали проповѣди. Написанныя нами и одобренныя наставникомъ проповѣди ректоръ посылалъ насъ произносить въ той или другой изъ градскихъ церквей.

У меня сохранилось 8 семинарскихъ проповѣдей, изъ коихъ одна написана и произнесена была въ 1839 году, а прочія въ 1840 году.

Въ свободное отъ обязательныхъ, классныхъ занятій, время не мало прочитано было мною книгъ и статей въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ. У меня сохранились въ спискахъ цѣлые трактаты и обширныя статьи богословскаго содержанія, какъ напр. трактатъ „О бытіи Божіемъ", изъ *Христіанскаго Чтенія* 1824 года; выписки изъ догматическаго ученія св. Григорія Богослова, помѣщен. въ *Христіанскомъ Чтеніи* 1838 года; „О мірѣ и его Со-

1838 г. здателѣ“—изъ *Библ. для чтенія* 1838 года и многія другія.

Библейскую и Церковную исторію мы изучали по печатнымъ руководствамъ архимандритовъ: *Филарета Дроздова* и *Иннокентія Смирнова*. Устныхъ объясненій отъ профессора І. Я. Смирнова мы слышали очень мало. Впрочемъ, онъ не долго и преподавалъ намъ эти предметы, среди курса онъ оставилъ семинарскую службу и поступилъ въ Москву на службу въ Опекунскій совѣтъ. Тамъ впослѣдствіи не разъ я встрѣчался съ нимъ.

По классу Св. Писанія намъ даны были преподавателемъ В. Е. Богородскимъ не очень пространныя записки только на двѣ, если не ошибаюсь, книги Н. Завѣта, а именно: на Евангеліе отъ Іоанна и на посланіе Ап. Павла къ Евреямъ. Какъ Богородскій только лишь въ 1839 году окончилъ курсъ академіи, то естественно, что онъ не могъ быть еще удовлетворительнымъ наставникомъ.

Что и какъ преподавалъ намъ въ высшемъ отдѣленіи изъ греческаго языка учитель А. П. Яковлевскій, хорошо не помню. Почтенный наставникъ предметъ свой зналъ, можетъ быть, и основательно, но преподаваніе его было слишкомъ не увлекательно: даромъ слова онъ почти вовсе не обладалъ. Въ особенности онъ обнаружилъ предъ нами свою безталантность, когда временно, послѣ выхода изъ семинаріи профессора Смирнова, ему поручено было преподаваніе Церковной исторіи.

Еврейскій языкъ у насъ не пользовался особеннымъ вниманіемъ; однакожъ я успѣлъ усвоить начатки этого священнаго языка подъ руководствомъ профессора Смирнова.

Между тѣмъ въ 1838 году, по ходатайству Владимірскаго епархіальнаго начальства, разрѣшено было Св. Синодомъ построить въ селѣ Ивановѣ единовѣрческую церковь, вторую уже послѣ Дуниловской. Къ этой новоустроенной церкви, по приглашенію прихожанъ, перешелъ изъ Дунилова мой зять, пономарь В. А. Левашевъ, обладавшій хорошимъ баситымъ голосомъ и умѣвшій твердо пѣть по старинной крюковой нотѣ, не говоря уже объ отчетливомъ знаніи церковнаго устава и всѣхъ обычаевъ и порядковъ единовѣрческой общины. Съ этого времени для меня открылось новое мѣсто убѣжища.

Въ декабрѣ писалъ я въ Горицы къ о. Василію Сапо-

ровскому и по обычаю привѣтствовалъ его съ праздникомъ Рождества Христова и новымъ (1839-мъ) годомъ, сообщая ему при этомъ о Владимірскихъ новостяхъ. 1839 г.

Въ отвѣтъ на это онъ писалъ мнѣ отъ 8-го января 1839 года:

„За привѣтствіе ваше со всерадостнымъ днемъ Рождества Христова, равно и съ преддверіемъ уже грядущаго новаго года, приношу чувствительнѣйшую благодарность. Слава всеблагому Богу! Мы встрѣтили съ радостію и благоговѣйнѣйшими чувствіями торжествовали праздникъ пришествія въ міръ Искупителя міра. Праздновали и Его Божественное и спасительное въ міръ Богоявленіе. Истинно, христіанинъ много имѣетъ причинъ къ веселію въ сіи благознаменитые дни праздниковъ. Но древній змій,—прельстившій первыхъ человѣковъ, змій лукавый,—не убоявшійся искушать Самого Искупителя міра—Господа своего—сластолюбіемъ:—„да каменія сія хлѣбы будутъ“;—славолюбіемъ:—„аще сынъ еси Божій, верзися долу“;—богатолюбіемъ: „сія вся тебѣ дамъ, аще, падъ, поклонишимися“;—повторяю: сей человѣкоубійца искони посреди нашего веселія во дни праздниковъ сихъ священныхъ, какъ бы невольно христіанъ увлекаетъ къ своимъ увеселеніямъ, такъ что мы празднуемъ не въ безквасіи чистоты, но въ квасѣ ветсѣ—въ козлогласованіи и піанствѣ.

Новый годъ! и его срѣтили—торжествовали съ колокольнымъ звономъ: но мы: тѣже—или лучше?—чѣмъ старѣемъ, тѣмъ дурѣемъ (по латынѣ страшусь писать, ибо все нынѣ русское). Мы мечтали, что на своихъ крыльяхъ эфирныхъ новый годъ принесетъ намъ—новые успѣхи; но онъ доставилъ намъ новыя заботы, новыя метрическія формы и въ Шую — новаго повытчика — хотя и добраго, но уже консисторскаго... Стращаютъ насъ и становыми—Благочинными. Однако—кто уразумѣ умъ Господень? Покоримся благому Провидѣнію...

Весьма сожалѣю о смерти почтеннаго мужа Степана Григорьевича. Онъ не только мнѣ былъ товарищъ, но другъ. Мы съ нимъ и пѣвали и пивали по тогдашнему заведенію;—я также игрывалъ съ нимъ на худомъ фаготѣ и держалъ перваго баса въ архіерейскомъ хорѣ. О Михайлѣ Михайловичѣ и о другихъ перемѣнахъ въ семи-

1839 г. наріи случившихся за краткостію времени и недосугахъ не буду разсуждать. Ежели земледѣлецъ располагаетъ—какое сѣмя и на какой землѣ посѣять: то ужели Господь не предположилъ кому гдѣ удобнѣе принести плодъ изъ профессоровъ? Теперь дѣло доходитъ и до Владыкина, вашего, можно сказать, собесѣдника и друга. Ума его не испытывалъ, витійства не зналъ: но сердце его глубоко и (не осмѣливаюсь сказать) лукаво и... Онъ меня почелъ за невѣжу,—но о мнѣ скажутъ, можетъ быть, и въ Виоаніи, что я не такихъ правилъ. Впрочемъ вы совѣты его пріимите и послѣдуйте его совѣтамъ, не упускайте исполнить предложеній его, ежели предложены будутъ Академію... Вы позавидовали сельскому однопріходному священнику, какъ бобыль,—безпахотному. Есть-ли что неспокойнѣе,—несчастнѣе быть между крестьянами невѣждами—пасти козловъ пастырю благоразумному, добросовѣстному? Здѣсь найдете вы болѣе безпокойства, нежели спокойства. Кромѣ службы безпрестанной, различныхъ требъ (это пусть и во всякомъ званіи бываетъ) одно дурачество глупцовъ вамъ наскучитъ, а причетъ деревенскій всегда мерзкій, умучитъ совѣсть вашу. Сей родъ ни чимъ не успокоивается токмо молитвою и постомъ. И что здѣсь за выгоды? Послѣдняя копѣйка добывается, какъ говорится, горломъ—нищенскимъ образомъ. Въ Моусеовѣ законѣ писано: да не заградиши устенъ вола молотяща, и апостолъ Павелъ оправдывается: аще духовное сѣяхомъ, велико-ли, аще тѣлесная пожнемъ: но тѣ времена очень далеки—тогда не было раздѣлу—все было общее; а нынѣ сколько въ людяхъ лживыхъ пророковъ, лживыхъ учителей?—Стали человѣцы самолюбцы, величавы, хульницы, продерзатели, о господствѣ не радящіе и проч. Посему изъ сего Содома лучше изыти и итти спасать свою душу въ горѣ Сигоръ.

Наконецъ и о тѣхъ наставленіяхъ должно подумать, которые Самъ, Премудрость Божія, изрекъ ученикамъ своимъ: никто же поставляетъ свѣтильника подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ мірови,—паки: скрывый талантъ—и только талантъ единъ, уже есть рабъ неключимый, непотребный; что сказать о томъ рабѣ, который имѣетъ десять талантовъ и зарываетъ въ землю? Природа, благодѣтельная мать, наградила васъ изобильными дарами и

качествами; не только г. Владыкинъ—простое око можетъ 1839 г.
замѣтить оные: то для чего-же дремать и не усовершать дарованія, особенно тогда, когда на то есть и время и благопріятные случаи. Вы можете быть наставникомъ другихъ, итти въ свѣтъ и видѣть свѣтъ—можете тамъ принести болѣе пользы отечеству, нежели въ простомъ селѣ священникомъ. Бѣлое духовенство и потому не столь выгодно, что, лишась супруги, а иногда съ многочисленнымъ семействомъ бѣдствуетъ—влачитъ жизнь кое-какъ. Вотъ я и самъ изживаю вѣкъ не какъ человѣкъ—мучуся одинокій...

У досуга и еще попишу о семъ. Теперь, пожелавъ вамъ новыхъ успѣховъ и преуспѣянія на поприщѣ наукъ, остаюсь искренно любящій и почитающій села Горицъ священникъ Василій Сапоровскій".

Такъ какъ у меня черноваго письма къ о. Василію не сохранилось, то я предложу здѣсь изъясненіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, указываемыхъ въ его отвѣтномъ ко мнѣ письмѣ.

Степанъ Григорьичъ (Знаменскій), о которомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ о. Сапоровскій, былъ священникомъ при Владимірскомъ каѳедральномъ соборѣ и инспекторомъ духовнаго училища. Вотъ какъ описываетъ о. Степана одинъ изъ его учениковъ, когда онъ былъ (въ 1819 г.) еще учителемъ 2-го класса приходскаго училища: „во второмъ классѣ приходскаго училища,—такъ пишетъ П. С. А.,—учителемъ былъ священникъ З(наменскій). Поступивъ во второй классъ, мы жалѣли Аэдоницкаго (учителя перваго класса), потому что З(наменскій) казался суровѣе его; мы сначала боялись новаго учителя, но время и привычка ослабили страхъ. О. З(наменскій) не былъ жестокъ; плотный, сутуловатый, всегда почти серьезный, онъ къ дѣлу обученія оказался внимательнѣе, чѣмъ Аэдоницкій: что нужно, объяснялъ и выправлялъ; съ незнавшими урока поступалъ хотя и построже, чѣмъ Аэдоницкій, но розги все-таки не были ежедневнымъ явленіемъ, а когда и употреблялись, то въ самомъ умѣренномъ количествѣ. З(наменскій) наказывалъ безъ малѣйшаго гнѣва, спокойно велитъ дать пятокъ ударовъ розгой,—и садись мирно на скамью; онъ не былъ злопамятенъ: на другой же день снова спроситъ тебя,—и если урокъ выучилъ, похвалитъ.

1839 г. Мы, узнавши его покороче въ теченіе первой учебной трети, полюбили такъ же, какъ и Аэдоницкаго. З(наменскій) былъ мастеръ пѣть, любилъ пѣніе, и голосъ имѣлъ свободный и довольно сильный. Нотная азбука подъ его руководствомъ потеряла для насъ значеніе іероглифа. На послѣобѣденныхъ классахъ онъ прилежно упражнялся съ нами, обучая пѣнію; съ нимъ мы прошли всю премудрость азбуки и припялись за обиходъ, разучивая первоначально воскресныя стихиры и Богородичны на Господи воззвахъ. Сперва разучилъ одинѣ ноты безъ словъ, а потомъ уже съ словами. Любо слушать, бывало, какъ З(наменскій) одушевленный, начнетъ пѣть „Всемірную славу“, и мы всѣмъ классомъ подпѣваемъ ему; два часа пройдутъ, — мы и не видимъ, желали-бы еще пѣть—до самой ночи: такъ онъ заохотилъ насъ къ занятію пѣніемъ“ [1]).

Смерть о. Степану приключилась вслѣдствіе простуды, которую онъ получилъ при встрѣчѣ на семинарскомъ дворѣ съ ректоромъ семинаріи, съ которымъ долженъ былъ довольно долго разговаривать, стоя съ открытой головой въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

О Михаилѣ Михаиловичѣ Соловьевѣ сообщилъ я о. Василію Сапоровскому извѣстіе, что онъ оставляетъ Владимірскую семинарію и переходитъ въ Пензенскую епархію на смотрительскую должность. Переходъ этотъ былъ слѣдствіемъ вступленія М. Михаиловича въ бракъ съ мѣщанскою дочерью,—на что, въ то время, смотрѣло у насъ начальство очень не благосклонно.

О моемъ бывшемъ наставникѣ и покровителѣ Я. И. Владыкинѣ я писалъ, что онъ также оставилъ нашу семинарію и, по протекціи ректора Московской академіи, архимандрита Филарета (Гумилевскаго)— товарища его по академическому воспитанію, переведенъ въ Виѳанскую семинарію на классъ философіи. Прощаясь со мною Я. И—чъ сказалъ: „когда, Ванюша (онъ такъ называлъ меня), окончишь курсъ, возми на плечи сумку, а въ руки палку, и приходи ко мнѣ—будешь въ академіи“. Сообщая объ этомъ Сапоровскому, я просилъ у него совѣта и, вѣроятно, выражалъ мысли о прелестяхъ жизни сельскаго священника.

---

[1]) *Влад. Еп. Вѣд.* 1875 г. № 10. стр. 491.

Но прежде чѣмъ давать мнѣ совѣты, о. Василій выразилъ 1839 г.
свое негодованіе на моего благодѣтеля. Къ этому поводомъ было слѣдующее обстоятельство. На Ѳоминой недѣлѣ 1838-го года о. Василій нарочито пріѣхалъ во Владиміръ, чтобы похлопотать о переходѣ изъ низшаго отдѣленія въ среднее своего племянника, малоспособнаго и при томъ лѣниваго. Племянникъ его былъ въ отдѣленіи Владыкина. О. Василій, зная о моихъ близкихъ отношеніяхъ къ Владыкину, убѣдилъ меня сходить вмѣстѣ съ нимъ къ нему и попросить о его племянникѣ. Я, разумѣется, не отказался. Владыкинъ сначала принялъ насъ благосклонно; но когда о. Василій вздумалъ, на моихъ глазахъ, давать ему въ руку десятирублевую бумажку, онъ такъ разсердился, что едва не вытолкалъ дарителя въ шею. Будь это безъ меня: можетъ быть, онъ, и не отвергъ бы даянія. Впрочемъ, не знаю какими судьбами, но племянникъ о. Сапоровскаго былъ переведенъ въ среднее отдѣленіе.

Приближалась Пасха. Я рѣшился отправиться на праздникъ въ Иваново поздравить зятя и сестру Марью Михайловну съ новосельемъ. Я съ нѣкоторыми товарищами пошелъ пѣшкомъ. Пасха была ранняя 26-го марта. Въ поляхъ было множество снѣга, который однако началъ уже таять; по дорогѣ, въ долинахъ между горъ, образовались почти рѣки. Обойти ихъ было нельзя, и мы должны были итти въ одномъ мѣстѣ, не менѣе версты, водою выше колѣнъ. Но пришедши на ночлегъ, высушили мокрую обувь и платье, на другой день пошли далѣе, какъ ни въ чемъ не бывало: такъ была крѣпка еще молодая натура. У сестры на новосельѣ я провелъ праздникъ весело и пріятно.

Въ Горицы же я послалъ поздравительныя письма.

О. Василій писалъ мнѣ въ отвѣтъ отъ 1-го апрѣля:

„Особеннымъ долгомъ поставляю привѣтствовать васъ съ прошедшимъ почти уже свѣтлымъ праздникомъ воскресенія Христова, равно и съ прошедшимъ же днемъ ангела вашего. При семъ сугубомъ обновленіи временъ и благодатномъ прилично пожелать вамъ обновленія духовнаго или воскресенія отъ мертвыхъ дѣлъ (кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ) и новаго преуспѣянія на поприщѣ наукъ и нравственности.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность за

1839 г. огромный конвертъ и пріятное письмо ваше. Оно много принесло удовольствія по содержанію предметовъ трогательныхъ, чувствительныхъ, поучительныхъ — тѣмъ болѣе, что эти предметы очень близки моему сердцу.

Но ваши сироты заслуживаютъ сострадания и сожалѣнія. Что-же намъ дѣлать въ такія печальныя минуты?

Упованіе возлагать на Того, который питаетъ птенцовъ врановыхъ и безъ власти Коего и власъ главы нашей не гибнетъ.

Теперь кстати и о вашемъ прежнемъ намѣреніи [1]). Вотъ и Хотимльское мѣсто завидно, а что оное значитъ? Побольше будто доходовъ, а то и пашутъ и орютъ, собираютъ дрова,—всякую всячину, какъ пиціе—пропаки, а мужики и зазнаи и краснобаи, офени... а женщины, какъ фуры (фуріи). Умному, чувствительному, съ добрымъ сердцемъ пастырю истинное наказаніе такъ поступать и обращаться. Такъ привыкла деревенщина съ деревнями свататься. Но ежели еще достанется въ удѣлъ медвѣжій уголъ-староникольщина или еще похуже, то и пой вѣкъ безконечную пѣсню: ей да оралъ мужикъ при дорогѣ... Не сказки слова мои, но истинная правда. Пусть заступаютъ такія мѣста тѣ, кто лишенъ отъ природы дарованій или лиходѣй фортуна не откроетъ случаевъ къ образованію. Вы природою награждены — а случаи открыты; — этотъ зовъ есть благодѣяніе Божіе и можетъ быть Богъ поставитъ Васъ тамъ, гдѣ свѣтъ вашъ долженъ просвѣтиться, гдѣ болѣе и церкви и отечеству можете принести пользы. Изъ академіи можете итти и узкимъ путемъ и пространнымъ—надѣть и клобукъ и сюртукъ и долгополую рясу. Что былъ Прохорычъ, а нынѣ протіерей и ключарь въ Пермскомъ соборѣ? Что былъ Флегонтъ нашъ Талантовъ? а нынѣ въ Казани при наперсномъ крестѣ. Вотъ нашъ братъ, яко олово погруженъ въ водѣ зельнѣ. Бранятъ и за то, что живемъ уединенно и скромно. Правда, я такъ нынѣ охладѣваю къ отличіямъ, что и помысловъ не имѣю о томъ никакихъ! Монастырь меня что-то страшитъ, потому что не дадутъ тамъ покою, а навяжутъ такое дѣло, которое заставитъ работать чужой мамонѣ,— нагонитъ за-

[1]) Быть священникомъ въ селѣ.

боть до пропасти, забудешь о молитвѣ и о спасеніи— 1839 г.
особенно съ братіей православной. И вамъ такъ скоро рѣшаться не совѣтую, хотя-бы и выпадали случаи. Но можно послѣ подумать и потолковать о семъ. Извините, пишу просто, откровенно и безъ вычуръ. Устали шатавшись за яицами; теперь первый день на свободѣ, за то гости навѣщаютъ. Итакъ, пожелавъ вамъ добраго здоровья и въ ожиданіи продолженія писемъ, остаюсь искренно-любящій села Горицъ старопечатный попъ Василій Сапоровскій".

Письмо это требуетъ нѣкотораго изъясненія.

Сироты, о которыхъ идетъ рѣчь въ письмѣ,—это дѣти умершаго наставника семинаріи, священника Егора Даниловича Борисоглѣбскаго. О. Борисоглѣбскій окончилъ курсъ въ Московской академіи въ 1830 году, съ званіемъ кандидата, и преподавалъ сначала риторику, а потомъ философію. 1-го октября, въ день праздника Покрова Пресвятой Богородицы, 1838 года, возвращаясь съ своими молодыми товарищами изъ гостей отъ священника Вознесенской церкви, онъ бѣжалъ въ высокую и крутую гору въ перегонку съ кѣмъ-то изъ этихъ товарищей, и взбѣжавши на гору упалъ и едва не умеръ тутъ же. Съ этого дня открылась у него какая-то внутренняя болѣзнь, которая приковала его на долго къ постели. Болѣзнь продолжалась во всю зиму; наконецъ, въ половинѣ великаго поста 1839 года свела его въ могилу. Чинъ погребенія совершался въ семинарской Богородицкой церкви. Не помню, кто изъ наставниковъ говорилъ надгробную проповѣдь и кто изъ учениковъ произносилъ стихи: но живо помню, какъ молодая вдова Елисавета Ивановна (урожденная Флоринская), оставшаяся съ тремя малолѣтними дѣтьми, рыдала и терзалась при гробѣ столь преждевременно умершаго мужа. Картина была поразительная...

Прохорычъ, о которомъ упоминаетъ о. Сапоровскій,— это Гавріилъ Погостовскій—изъ студентовъ Владимірской семинаріи—первый кандидатъ IX курса (1834 года) Московской академіи. Погостовскій извѣстенъ былъ по семинаріи о. Василію, такъ какъ съ нимъ квартировалъ его сынъ Яковъ Горицкій.

Флегонтъ Тихонычъ Талантовъ — кандидатъ II курса

1839 г. (1820 года) Московской академіи, урожденецъ села Дунилова; потому о. Василій (Сапоровскій) и называлъ его нашъ.

По переходѣ въ высшее отдѣленіе, лучшихъ учениковъ обыкновенно послѣ Пасхи посвящали въ стихарь для произношенія проповѣдей въ приходскихъ церквахъ, во время пребыванія во Владимірѣ чудотворной иконы Боголюбской Божіей Матери съ 21-го мая по 16-е іюня. Я не помню, въ какой день посвященъ я былъ въ стихарь, но хорошо помню, что первую проповѣдь мнѣ пришлось произносить въ Борисоглѣбской церкви, въ присутствіи губернатора Ивана Эммануиловича Кугуты, такъ какъ это приходская церковь Владимірскихъ губернаторовъ. Проповѣдь была изъ текста: *И прошедши вся двери, ста предъ царемъ* (Есо. V, 1). Мой первый опытъ проповѣдничества былъ удаченъ: и содержаніе проповѣди и произношеніе ея было одобрено губернаторомъ. Онъ это лично выразилъ мнѣ послѣ обѣдни. Кугута—грекъ, сынъ извѣстнаго совоспитанника Великаго князя Константина Павловича.

Въ первыхъ числахъ іюля разнесся слухъ между нами о пріѣздѣ изъ академіи ревизора. 8-го числа, часа въ два по полудни, дѣйствительно, прибылъ во Владиміръ ректоръ Московской академіи, архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій † 1866-го года), а въ четыре часа мы собраны были уже въ семинарію, и онъ немедленно приступилъ къ испытанію учениковъ высшаго отдѣленія по предмету Библейской и Церковной исторіи. Угрюмый видъ ревизора произвелъ на насъ подавляющее впечатлѣніе. При экзаменѣ, онъ по всѣмъ предметамъ много дѣлалъ ученикамъ возраженій, которыя ставили ихъ иногда въ тупикъ: въ этомъ случаѣ за учениковъ долженъ былъ отвѣчать наставникъ. Для насъ было очень интересно видѣть, какъ будетъ вести полемику съ ревизоромъ профессоръ Богословія, бывшій Кіевскій баккалавръ, іеромонахъ Рафаилъ. Я былъ свидѣтелемъ этой полемики. Не помню, по какому вопросу завязался между ревизоромъ и профессоромъ жаркій споръ. Рафаилъ, послѣ долгаго словопренія, разгорячившись (а онъ былъ чрезвычайно пылкаго характера), сказалъ наконецъ: „да объ этомъ нигдѣ не говорится у отцевъ церкви“. Ревизоръ, въ свою очередь разсердив-

шись, сказалъ на это въ отвѣтъ: „да ты еще не всѣхъ 1839 г
отцовъ-то прочиталъ“. На этомъ и прекратилась бурная полемика между двумя учеными борцами. Рафаилъ послѣ сильно негодовалъ на ревизора за такой его отвѣтъ.

13-го іюля былъ у насъ, какъ всегда, публичный экзаменъ. Присутствовалъ-ли на немъ ревизоръ или нѣтъ, не помню: но достовѣрно то, что Преосвященнаго на ономъ не было. Съ 1-го іюля и по августъ онъ путешествовалъ по епархіи, между прочимъ, въ селѣ Симѣ, Юрьевскаго уѣзда, хлопоталъ, какъ самъ онъ извѣщалъ Новгородскаго владыку Серафима, объ отправленіи тѣла князя Багратіона на поле Бородинское [1]).

Къ публичному испытанію велѣно было и моему товарищу Павлу Приклонскому приготовить благодарственную рѣчь. Такъ какъ Приклонскій въ спискѣ нашего отдѣленія стоялъ выше меня, то я и предоставилъ ему эту честь, а самъ и не думалъ о составленіи рѣчи. Между тѣмъ, за день до экзамена, о. Діонисій призываетъ меня и спрашиваетъ, приготовилъ-ли я рѣчь. „Нѣтъ“, отвѣчалъ я.—Почему?—„Потому что, вѣроятно, приготовилъ Приклонскій“. О. Діонисій, разсердившись на меня, хотя онъ никогда не былъ склоненъ къ гнѣву, строго приказалъ мнѣ итти и сейчасъ-же приготовить рѣчь. Дѣлать было нечего, надобно было исполнить волю любимаго и досточтимаго наставника. Написавши наскоро нѣсколько строкъ, я представилъ ихъ о. Діонисію. Онъ исправилъ мое писаніе и, переписавши на бѣло своею рукою, вручилъ мнѣ для произнесенія предъ публикой. Вотъ эта рѣчь:

„Почтеннѣйшіе посѣтители!
и вы попечительнѣйшіе отцы, наставники!

Нуженъ, необходимъ теплотворный свѣтъ весенняго солнца для молодыхъ, нѣжныхъ растеній; онъ живитъ и осѣменяетъ ихъ къ обильному плодоношенію въ свое время. Теперь и у насъ — въ этомъ юномъ, живомъ вертоградѣ цвѣтущая весна; младые умы наши только что раскрыли нѣжные цвѣтки своихъ познаній. Менѣе ли поэтому нужны, менѣе ли необходимы и намъ живительные лучи свѣта для

---

[1]) *Влад. Епарх. Вѣд.* 1879 г. № 2, стр. 51. *Прибавл. къ Владим. Губернск. Вѣд.* 1839 г. № 28.

1839 г. принесенія зрѣлыхъ плодовъ ученія? Такъ! но какіе это лучи? Что это за свѣтъ? Это одобрительные взоры вашего свѣтлаго собранія, п. п.! и теплотворная, отеческая заботливость попечительнѣйшихъ начальниковъ нашихъ. О, мы знаемъ, мы чувствуемъ, какъ все это живительно для юнаго воспитанника! Вашъ одобрительный взоръ, ваше заботливое вниманіе вливаютъ въ сердца наши благородную смѣлость для успѣшнаго прохожденія предначатаго поприща наукъ, вдыхаютъ свѣтлыя надежды пожать благословенные плоды засѣяннаго въ душахъ нашихъ. Чѣмъ возблагодаримъ васъ? Чѣмъ отвѣтимъ на ваши благородныя желанія возбудить въ насъ ревность къ продолженію ученія? Усерднымъ стараніемъ — соотвѣтствовать вашимъ благожеланіямъ".

Въ этомъ году, изъ Владимірской семинаріи велѣно было Коммиссіею Дух. Училищъ послать трехъ воспитанниковъ въ духовныя академіи — Петербургскую и Кіевскую. Въ Петербургскую посланъ былъ мой помянутый выше товарищъ Приклонскій, а въ Кіевскую по одному изъ прочихъ отдѣленій, а именно: изъ 1-го отдѣленія Владиміръ Владиславлевъ, и изъ 3-го— Павелъ Сокольскій. Но изъ нашего 2-го отдѣленія въ то-же время отправленъ былъ, по особому экстренному распоряженію высшаго начальства, одинъ ученикъ, именно Григорій Алякринскій въ Московскую академію въ необычное время, среди академическаго курса.

Спрашивается: что это значитъ? Это значитъ, что Алякринскій былъ двоюродный внукъ графа М. М. Сперанскаго, скончавшагося 11 февраля 1839 года. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода графъ Протасовъ, желая почтить память великаго государственнаго мужа, и узнавши, что во Владимірской семинаріи воспитываются два сына родной его племянницы, Александръ и Григорій Алякринскіе, предложилъ Св. Синоду опредѣлить ихъ на казенный счетъ въ высшія учебныя заведенія, по ихъ собственному избранію. Въ слѣдствіе сего, изъ братьевъ Александръ Алякринскій поступилъ въ Московскую медицинскую академію, а младшій Григорій въ Московскую же дух. академію.

Отправившись домой на вакацію, я большую часть времени провелъ у старшей сестры въ Ивановѣ и достаточно

ознакомился съ этимъ знаменитымъ центромъ мануфактурной промышленности. Къ сожалѣнію, не задолго до нашихъ канікулъ, а именно 13-го мая, Иваново опустошено было страшнымъ пожаромъ, истребившимъ до 416 домовъ съ 61 фабрикою; убытокъ, причиненный этимъ пожаромъ, простирался свыше милліона рублей серебромъ. 1839 г.

Сообщу здѣсь краткія историко-статистическія свѣдѣнія о селѣ Ивановѣ.

Иваново находится отъ города Шуи въ 30-ти верстахъ. Первоначальная исторія его восходитъ къ половинѣ XVI вѣка. Въ 1561 году оно, какъ богатое имѣніе, пожаловано было царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ его шурьямъ, князьямъ Темрюковичамъ-Черкасскимъ и оставалось въ ихъ родѣ до 1711 года. Въ этомъ году оно поступило въ приданое единственной дочери канцлера, князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, выданной въ замужество за графа Петра Борисовича Шереметева и до послѣдняго времени оставалось въ родѣ Шереметевыхъ. Въ 1871 году богатое село это, вмѣстѣ съ находившеюся при немъ Вознесенскою слободою, переименовано въ безъуѣздный городъ Иваново-Вознесенскъ.

Въ старину жители села Иванова славились своими холстами, сукнами, а также шерстобитствомъ и плотничествомъ. Но съ 1751 года возникла тамъ ситцевая и миткалевая фабрикація. Фабрикація эта, постепенно расширяясь, въ половинѣ текущаго столѣтія достигла огромныхъ размѣровъ, такъ что ситцевыхъ произведеній продавалось въ годъ на сумму свыше 8-ми милліоновъ рублей серебромъ.

Коренное населеніе Иванова въ сороковыхъ годахъ простиралось до 5-ти тыс. душъ обоего пола; но при этомъ живущихъ на многочисленныхъ фабрикахъ и заводахъ рабочихъ было не менѣе 20-ти тысячъ душъ.

Въ Ивановѣ, при многочисленномъ населеніи, въ то время было только двѣ приходскихъ церкви [1]), но съ тремя штатами клира при каждой. Сверхъ лѣтнихъ холодныхъ церквей, въ томъ и другомъ приходѣ имѣются зимнія теплыя церкви—всѣ каменныя. Храмы, въ особенности лѣтніе, обширны и

[1]) Въ настоящее время 6 приходскихъ церквей, не считая единовѣрческой и кладбищенской.

1839 г. весьма благолѣпны; преизобилуютъ дорогими утварями и ризничными принадлежностями. Въ 1871 году, при преобразованіи села Иванова въ городъ, одна изъ приходскихъ церквей — Покровская, при которой до 1754 года существовалъ мужскій монастырь, переименована въ соборъ [1]).

Когда я гостилъ въ Ивановѣ у сестры, я чаще посѣщалъ въ воскресные и праздничные дни приходскую Крестовоздвиженскую церковь и съ здѣшнимъ клиромъ былъ больше знакомъ, нежели съ Покровскимъ. Между священниками Крестовоздвиженской церкви священникъ о. Іаковъ Васильичъ Виноградовъ доводился мнѣ даже въ какомъ-то родствѣ.

Во время каникулъ я былъ, разумѣется, и въ Горицахъ; не преминулъ быть на праздникѣ Успенія Божіей Матери и въ Хотимлѣ.

Здѣсь увидѣлся я въ первый разъ съ родственникомъ своимъ, Вязниковскимъ городовымъ врачемъ Ил. Ив. Палеховскимъ. Онъ спросилъ меня, куда я намѣренъ поступить по окончаніи курса семинаріи. Когда я въ отвѣтъ сказалъ ему, что въ духовную академію или во священника, онъ совѣтовалъ мнѣ поступить въ университетъ на юридическій факультетъ. Когда я потомъ сообщилъ объ этомъ старшей сестрѣ своей М. М., она мнѣ съ особеннымъ чувствомъ замѣтила: „ахъ, батюшки, какъ это можно; да кто-же за насъ будетъ Богу-то молиться? Нѣтъ ужъ ты поди лучше во священники, а въ университетъ не ходи“. Но у меня и самого не было ни малѣйшаго расположенія къ свѣтской жизни.

Въ послѣднихъ числахъ августа поспѣшилъ я, конечно, возвратиться во Владиміръ къ своимъ любимымъ занятіямъ науками.

Въ сентябрѣ послѣдовала у насъ перемѣна инспектора. Умный и кроткій о. Митрофанъ подвергся тяжкому иску-

---

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы мною большею частію изъ книги: „Описаніе г. Шуи и его окрестностей“, *Вл. Борисова*, М. 1854 г. стр. 144—153. По статист. свѣдѣніямъ за 1879 г., фабрикъ и заводовъ въ Ив.—Вознесенскѣ было 49; ситца выработывалось до 3.230,000 кусковъ на сумму до 25 мил. рублей (*Моск. Вѣд.* 1880 г. № 32). О современномъ состояніи г. Ив.-Вознесенска свѣдѣнія заключаются въ книгѣ *Я. П. Гарелина*: „Городъ Иваново Вознесенскъ“, Шуя, 1885 г.

шенію. Владиміръ — мѣсто его семинарскаго образованія, 1839 г.
во время коего онъ имѣлъ здѣсь недобрыя связи и знакомства. Возвратившись снова сюда послѣ четырехлѣтняго воспитанія въ Петербургской академіи, онъ, не смотря на свой монашескій санъ, возобновилъ прежнія знакомства и связи, которыя его погубили безвозвратно. Разъ поздно ночью, возвращаясь изъ дому одного изъ своихъ недобрыхъ друзей въ нетрезвомъ видѣ, онъ взятъ былъ въ полицію. О такомъ скандалѣ Преосвященный не могъ, разумѣется, не довести до свѣдѣнія высшаго начальства. Вслѣдствіе сего, несчастнаго о. Митрофана удалили вовсе отъ семинаріи и послали въ число братства въ Переславскій Даниловъ монастырь, состоявшій подъ управленіемъ ректора семинаріи архимандрита Поликарпа. Но и здѣсь онъ не долго оставался; его перевели почему-то въ Южскую Дороѳееву пустынь, Ярославской епархіи, гдѣ онъ погибъ наконецъ самымъ бѣдственнымъ образомъ. Не помню, кто мнѣ разсказывалъ, что о. Митрофанъ, отлучившись разъ, въ зимнее время, изъ пустыни, болѣе въ нее не возвращался, и только уже весною найденъ былъ на полѣ или въ лѣсу, съ выклеванными глазами. Къ чему-же, — невольно спросишь, — служитъ наша высокая ученость безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ?! Какъ справедливо послѣ сего изреченіе, не помню, какого философа: „Qui proficit in litteris, sed deficit in moribus, plus deficit, quam proficit“ [1]).

Инспекторскую должность Митрофана занялъ опальный профессоръ Богословія, іеромонахъ Рафаилъ, а на профессорскую присланъ былъ окончившій курсъ въ этомъ-же 1839 году въ Кіевской академіи, со степенью магистра, іеромонахъ Евѳимій (Бѣликовъ).

О совершившейся съ инспекторомъ Митрофаномъ катастрофѣ преосвященный Парѳеній писалъ митрополиту Серафиму отъ 4-го ноября: „семинарія многолюдная, но ректоромъ старой печати доволенъ. Новопечатнаго инспектора

---

[1]) Объ инспекторѣ Митрофанѣ см. во *Влад. Епарх. Вѣдомостяхъ* 1880 г. стр. 427 и слѣд. (Письма архіеп. Парѳенія къ моск. митр. Филарету). Письмо м. Филарета къ архіеп. Парѳенію отъ 1-го января 1839 г. № XXV въ *Правосл. Обозрѣніи* за 1872 годъ.

1839 г. невоздержнаго и неустроеннаго спустилъ. Заступившій его мѣсто баккалавръ Кіевскій—Рафаилъ, за норовъ свой попавшій въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь и тамъ обсидѣвшійся, кажется, надеженъ“ [1]).

Около того же времени явился къ намъ на мѣсто профессора Церковно-библейской исторіи и еврейскаго языка, І. Я. Смирнова кандидатъ XIII курса (1839 года) Петербургской академіи Алексѣй Ивановичъ Недешевъ, сынъ протоіерея и законоучителя Смольнаго монастыря въ Петербургѣ—урожденца Владимірской епархіи [2]). Молодой, красивый собою, съ изящными манерами, Алексѣй Ивановичъ явился къ намъ въ классъ въ модномъ фракѣ и въ шубѣ на какомъ-то, не виданномъ у насъ, дорогомъ мѣху. Небрежно сбросивъ съ себя шубу, онъ остался во фракѣ и началъ, ходя по классу взадъ и впередъ, что-то намъ проповѣдывать; но какъ наша классная комната, хотя очень не большая, была недостаточно натоплена, а можетъ быть и вовсе не была топлена и какъ въ поученіи юнаго наставника не возгарался еще огнь, то нашъ петербуржецъ ежился—ежился, наконецъ, попросивши у насъ извиненія, поспѣшилъ завернуться въ свою теплую шубу и продолжалъ ораторствовать, сидя уже за своимъ преподавательскимъ столомъ. Съ порученнымъ ему предметомъ онъ былъ, какъ видно, очень мало знакомъ; но намъ пріятно было слышать его живую, веселую болтовню; у насъ вовсе почти не было наставниковъ съ живымъ, свободнымъ словомъ. Нашъ молодой наставникъ, вмѣсто серьезнаго преподаванія предмета, занималъ насъ забавными анекдотами. Онъ разсказывалъ, напримѣръ, намъ, что онъ видѣлъ въ Ревельской лютеранской киркѣ картину, на которой изображено путешествіе Іакова въ Месопотамію: Іаковъ представленъ сидящимъ въ коляскѣ, запряженной парою лошадей цугомъ. Единственнымъ памятникомъ преподаванія Церковной исторіи г. Недешевымъ сохранились у меня на двухъ или трехъ листахъ записки объ отдѣленіи Западной церкви отъ Восточной.

---

[1]) *Влад. Еп. Вѣдомости* 1879 г. № 2, стр. 51.

[2]) О протоіереѣ Іоаннѣ Недешевѣ—см. въ *Русск. Арх.* 1881 г., т. II, тр. 450.

Что касается до еврейскаго языка, который суждено было 1839 г.
преподавать г. Недешеву, то онъ не зналъ по этому предмету, какъ говорится, ни аза въ глаза. Мы, по крайней мѣрѣ, научились уже у прежняго профессора читать и писать по еврейски, и даже умѣли дѣлать разборъ грамматическій, знали довольно твердо формы глаголовъ: онъ читать даже не умѣлъ. Бывало, придетъ къ намъ въ классъ съ нѣмецкою Библіею, и когда кто-нибудь изъ насъ, прочитавши по еврейской Библіи какой-нибудь стихъ, начинаетъ повторять готовый уже переводъ протоіерея Павскаго, онъ не обинуясь говорилъ иногда: „что это, господа, по нѣмецки-то не такъ нужно перевесть“. Диковинныя дѣла творились въ наши блаженныя времена!... Но г. Недешевъ, не разумѣя еврейскаго языка, владѣлъ нѣмецкимъ такъ же свободно, какъ и русскимъ: поелику родился и воспитался среди нѣмцевъ, въ Ревелѣ, гдѣ отецъ его былъ сначала на службѣ.

Не долго однакожъ оставался у насъ этотъ милый учитель-полунѣмецъ; онъ мелькнулъ предъ нашими глазами, какъ метеоръ: чрезъ мѣсяцъ или два его уже не стало: онъ улетѣлъ назадъ, въ сѣверную столицу, не помню, на какую должность.

Его мѣсто занялъ у насъ товарищъ его по академіи и также кандидатъ Александръ Аѳанасьевичъ Кохомскій— сынъ архіерейскаго ризничаго во Владимірѣ, о. Аѳанасія, который много лѣтъ занималъ эту должность, не состоя ни при какой городской церкви: за нимъ числилось священническое мѣсто при церкви села Лежнева, о которомъ у меня была выше рѣчь.

Кохомскій составлялъ совершенный почти контрастъ съ Недешевымъ. Высокаго роста, плечистый, съ грубоватыми манерами и съ сильнымъ басистымъ голосомъ, онъ производилъ на нервы какое-то раздражающее впечатлѣніе, хотя былъ характера простого и очень добраго. На его долю выпало преподавать намъ Исторію русской церкви. Вытвердитъ, бывало, на память какой-нибудь разсказъ по печатному руководству и, ходя по классу, читаетъ своимъ басистымъ, отрывистымъ голосомъ, какъ будто дрова рубитъ. Не знаю, почему, ему-же поручено было преподавать намъ уроки по Свящ. Писанію В. Завѣта. Желая, вѣроятно,

1840 г. блеснуть предъ нами своею ученостію, онъ предложилъ намъ самимъ указать ему ту или другую книгу В. Завѣта для объясненія, и когда я предложилъ ему книгу пророка Іезекіиля: то онъ, подошедши ко мнѣ и положивъ свои могучія руки на мои плечи, съ наивностію сказалъ: „нѣтъ, Иванъ Михайловичъ, эту книгу я не въ состояніи объяснить, укажите другую".

Не долго оставался при семинаріи и г. Кохомскій. Онъ принялъ священный санъ и опредѣленъ былъ къ Спасской города Шуи церкви.

А. А. Кохомскій оставилъ по себѣ въ нашей семинаріи память тѣмъ, что онъ первый вывезъ изъ Петербурга литографированный экземпляръ русскаго перевода учительныхъ и пророческихъ книгъ В. Завѣта, сдѣланнаго протоіереемъ Павскимъ и надѣлавшаго въ свое время столько шума. Съ этого экземпляра тотчасъ же сдѣлано было наставниками и учениками семинаріи нѣсколько списковъ. Имѣлъ и я у себя полный списокъ этого перевода.

Предполагая отправиться на Рождественскіе праздники на родину и желая показать тамъ предъ родными и Горицкими прихожанами свое ораторское искусство, я заблаговременно приготовилъ проповѣдь на новый (1840 г.) годъ и представилъ на разсмотрѣніе о. Діонисія. Тотъ одобрилъ ее къ произнесенію. При семъ имѣлъ я въ виду примѣръ своего двоюроднаго брата Ивана Петровича, который, бывши въ богословскомъ классѣ, пришелъ разъ домой также съ проповѣдью на день Казанской Божіей Матери (8-го іюля). Но между тѣмъ, какъ его проповѣдь еще въ домѣ, какъ я помню, выслушана была съ умиленіемъ его родителями, а въ церкви она привела въ восторгъ его нѣжную матушку, моя проповѣдь не имѣла такого успѣха и даже мнѣ не очень охотно дозволили произнесть ее. Такова сила пристрастія и зависти!..

Такъ начался для меня новый, послѣдній годъ моего школьнаго образованія и воспитанія.

По возвращеніи съ родины, я продолжалъ заниматься науками обычнымъ порядкомъ. Но исполняя свои школьныя обязанности, я не отказывался облегчать труды и другихъ. Въ такихъ отношеніяхъ я былъ къ сыну Муромскаго игумена Варлаама († 1844 года), ученику средняго отдѣленія

Ильѣ Вигилянскому, немощному тѣломъ и не крѣпкому духомъ. Въ свою очередь, и онъ не оставался предъ мною въ долгу: за духовную помощь онъ воздалъ мнѣ вещественною мздою. 1840 г.

Страстную и свѣтлую недѣли провелъ я во Владимірѣ. За тѣмъ незамѣтно прошла для насъ послѣдняя, правду сказать, не легкая треть; нужно было къ окончательнымъ испытаніямъ повторить все, что было пройдено въ теченіи двухъ лѣтъ.

Наконецъ насталъ день торжественнаго акта. На немъ присутствовали и преосвященный архіепископъ Парѳеній, и почтенный губернаторъ Кугута—грекъ и прочая Владимірская знать. Съ цѣлію доставить удовольствіе губернатору—греку начальство распорядилось прочитать на актѣ что-либо по гречески. Преподаватель греческаго языка въ нашемъ 2-мъ отдѣленіи, Ас. Ник. Яковлевскій [1]) избралъ изъ лирическихъ пѣснопѣній Св. Григорія Богослова гимнъ Богу и перевелъ его на русскій языкъ мѣрною стихотворною рѣчью, а мнѣ поручено было выучить наизусть какъ греческій текстъ, такъ и русскій переводъ, и произнесть съ каѳедры. Этотъ сюрпризъ доставилъ И. Эм. Кугутѣ великое удовольствіе. Вотъ какъ читается этотъ гимнъ:

Σὲ τὸν ἄφθιτον μοναρχὴν	Тебя, вѣчный Вседержитель,
Δὸς ἀνυμνεῖν, δὸς ἀείδειν,	Дай воспѣть, дай восхвалить мнѣ.
Τὸν ἄνακτα, τὸν δεσπότην	О! Господь и Царь всевышній!
Δι' ὃν ὕμνος, δι' ὃν αἶνος	Отъ котораго хвала, пѣснь;
Δι' ὃν Ἀγγέλων χορεία.	Отъ котораго ликъ Ангельскъ;
Δι' ὃν αἰῶνες ἄπαυστοι,	Отъ котораго всѣ вѣки;
Δι' ὃν ἥλιος προλάμπει,	Отъ котораго свѣтъ солнца,
Δι' ὃν ὁ δρόμος σελήνης,	Отъ котораго луны бѣгъ;
Δι' ὃν ἄστρων μέγα κάλλος	Отъ котораго краса звѣздъ;
Δι' ὃν ἄνθρωπος ὁ σεμνὸς	Отъ котораго честь твари—
Ἔλαχε νοεῖν τὸ θεῖον,	Человѣкъ съ душой разумной

[1]) А. Н. Яковлевскій ум. 16 апр. 1881 г. на 77 г. жизни. См. некрологъ его въ № 11 *Влад. Еп. Вѣд.* за 1881 г.

1840 г.

Λογικὸν ζῶον ὑπάρχων.	Боговѣденья пріялъ даръ.
Σὺ γάρ ἔκτισας τά πάντα	Ибо Ты, все Ты содѣлалъ:
Παρέχων τάξιν ἑκάστῳ,	Ты порядокъ всѣмъ вещамъ далъ,
Συνέχων τε τῇ προνοίᾳ.	И содержитъ все Твой Промыслъ.
Λόγον εἶπας, πέλεν ἔργον.	Ты рекъ слово, — и свершилось!
Ὁ Λόγος σου Θεὸς υἱός,	Твое Слово Сынъ и Богъ есть,
Ὁμοούσιος γάρ ἐστιν,	Равносущный, равночестный
Ὁμότιμος τῷ τεκόντι·	Со Отцемъ Своимъ; Единый
Ὃς ἐφήρμωσε τά πάντα,	Тотъ, Который все устроилъ,
Ἵνα πάντων βασιλεύσῃ.	Да и царствуетъ надъ всѣмъ Онъ.
Περιλαμβάνων δέ πάντα	Все объемлетъ же и держитъ,
Ἅγιον πνεῦμα τό θεῖον	Промышляетъ, сохраняетъ.
Προνοούμενον φυλάττει.	Святый Духъ, равно Божественъ.
Τριάδα ζῶσαν ἐρῶ σέ,	Къ Тебѣ убо, Трисіянна
Ἕνα καὶ μόνον μονάρχην,	Жизнь!... Единъ Единовластный!
Φύσιν ἄτρεπτον, ἄναρχον,	Неизмѣнный, Самосущій!
Φύσιν οὐσίας ἄφραστον	Въ существѣ неизреченный!
Σοφίας νοῦν ἀνέφικτον,	Умъ премудрый, непостижный!
Κράτος οὐρανῶν ἄπταιστον	Небесамъ даяй ходъ стройный!
Ἄτερ ἀρχῆς, ἀπέραντον,	Безначальный, безконечный!
Ἀκατασκόπητον αὐγήν,	Свѣтъ незримый, но все видящъ
Ἐφορῶσαν δὲ τὰ πάντα,	Совершенно и всѣ знающъ
Βάθος οὐδὲν ἀγνοοῦσαν.	Глубины земли и моря!
Ἀπὸ γῆς μέχρις ἀβύσσου.	Къ Тебѣ убо воззову я:
Πάτερ, ἵλεως γένου μοι.	Отче! милостивъ мнѣ буди;
Διὰ παντὸς θεραπεύειν	Даждь, да имени святому
Τό σέβασμα τοῦτο, δός μοι.	Твоему служу я вѣчно;

Τὰ δ' ἁμαρτήματα ῥίψον,	Отыми мои грѣхи всѣ,	1840 г.
Τὸ συνειδὸς ἐκκαθαίρων	И очисти мою совѣсть	
Ἀπὸ πάσης κακονοίας.	Отъ всѣхъ мыслей нечестивыхъ.	
Ἵνα δοξάσω τὸ θεῖον	Да Тебя, о Боже, славлю	
Οσίας χείρας ἐπαίρων.	Воздѣвъ руки преподобны;	
Ἵνα Χριστὸν εὐλογήσω	И Христа благословляю	
Γόνυ κάμπτων ἱκετεύσω	Преклонивъ, молю, колѣна	
Τότε προσλαβεῖν με δοῦλον,	Чтобъ пріялъ меня раба Онъ,	
Ὅτ' ἂν ἔλθῃ βασιλεύων.	Когда такъ, какъ Царь, пріидетъ...	
Πάτερ, ἔλεως γένου μοι·	Отче! милостивъ мнѣ буди:	
Ἔλεον καὶ χάριν εὕρω.	Да обрящу благодать я.	
Ὅτι δόξα καὶ χάρις σοι	Тебѣ слава, благодарность	
Ἄχρι αἰῶνος ἀμέτρου.	Въ нескончаемые вѣки [1]).	

Мнѣ же суждено было и заключить торжественный актъ благодарственною рѣчью. Вотъ ея содержаніе:

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

По словамъ древняго, вѣнценоснаго Наблюдателя премудраго порядка вещей въ природѣ, всему назначено свое время подъ небесемъ. *Время*, говоритъ онъ, *садити и время исторгати сажденное* (Еккл. Ш, 2).

Было время, когда и въ этомъ юномъ, живомъ вертоградѣ насаждали первоначальныя сѣмена плодотворнаго ученія. Потомъ долго, очень долго возрастали онѣ, при тщательномъ наблюденіи заботливыхъ дѣлателей—наставниковъ, подъ Твоимъ, попечительнѣйшій Архипастырь, непосредственнымъ вліяніемъ. Наконецъ приспѣла жатва. Се очи Твои, мудрый Архипастырь, зрѣли плоды долговременнаго ученія, какіе каждый изъ сихъ юныхъ воспитанниковъ принесъ по роду своему, соотвѣтственно талантамъ, врученнымъ отъ верховнаго Раздаятеля всяческихъ. Не смѣемъ думать, чтобъ это были плоды зрѣлые, знаніе полное, совершенное: но для добраго нѣжнаго отца прія-

---

[1]) Гимнъ этотъ, въ иномъ переводѣ, напечатанъ въ книгѣ: „Историч. обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой церкви", *Филарета*, архіепископа Черниговскаго, Спб. 1860 г. стр. 93 и сл.

1840 г. тенъ, восхитителенъ и безсмысленный лепетъ младенца—дитяти.

Прими же и Ты, добрый, попечительнѣйшій Отецъ нашъ, прими благосклонно скудные плоды ученія сихъ юныхъ чадъ Твоихъ! Прими милостивно и посѣти благоволеніемъ своимъ духовный виноградъ сей, который и насажденъ и вырощенъ подъ Твоею высокою, священною десницею! И, если наблюдательный взоръ Твой обрѣлъ хотя малѣйшій плодъ, освяти его въ насъ Своимъ Архипастырскимъ благословеніемъ".

Въ награду за это я получилъ изъ рукъ Архипастыря большую, пребольшую книгу, въ 4 д. листа, подъ заглавіемъ: „Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе на литургію", *Дмитревскаго*. М. 1816 г.

Предъ окончаніемъ курса, требовались, по распоряженію начальства, изъ Владимірской семинаріи, на казенный счетъ, четыре воспитанника въ Московскую дух. академію. Но какъ у насъ было три богословскихъ отдѣленія, то семинарское начальство распорядилось избрать изъ каждаго отдѣленія по два лучшихъ воспитанника и подвергнуть ихъ особому испытанію. Въ числѣ избранныхъ оказался и я. Но, по несчастію, къ назначенному для испытанія дню, я не могъ явиться въ семинарское правленіе по причинѣ сильной боли въ горлѣ, такъ что я не могъ вовсе говорить. Послѣ, когда болѣзнь моя миновала, о. ректоръ Поликарпъ предлагалъ мнѣ держать особый экзаменъ, но я, видя въ своей болѣзни какъ-бы особое указаніе Промысла Божія, отказался отъ предложенія. Товарищъ мой по классу Михаилъ Граменицкій отрекся вовсе отъ поступленія въ академію. Такимъ образомъ въ академію назначены слѣдуслѣдующіе студенты: Василій Русиновъ, Сергѣй Красовскій, Флавій Скабовскій и Василій Гурьевъ. Но изъ нихъ ни одинъ не вышелъ изъ академіи съ степенью магистра.

Какая-же, спрашивается, дальнѣйшая судьба ожидала насъ съ Граменицкимъ?—Намъ обоимъ обѣщали на первый разъ предоставить лекторскія должности по французскому и нѣмецкому языкамъ при семинаріи, съ жалованьемъ по 120 рублей ассигнаціями въ годъ. Мы съ благодарностію, конечно, приняли это милостивое обѣщаніе.

На другой или на третій день послѣ публичнаго экза-

мена намъ выдали изъ семинарскаго правленія аттестаты 1840 г.
объ успѣхахъ и поведеніи. Въ моемъ аттестатѣ означены были по всѣмъ предметамъ самые лестные отзывы. Получивъ такой аттестатъ, я былъ въ неописанномъ восторгѣ.

За тѣмъ я отправился на родину, разумѣется, пѣшкомъ. Мы шли вдвоемъ съ товарищемъ Гавріломъ Добровольскимъ. За Суздалемъ насъ настигла архіерейская карета, въ которой ѣхалъ преосвящ. Парѳеній съ архимандритомъ Іеронимомъ (о которомъ впослѣдствіи будетъ рѣчь) по направленію къ г. Шуѣ. Поровнявшись съ нами, карета остановилась и мы должны были къ ней подойти. Владыка, чрезъ отверстое окно кареты, благословилъ насъ и спросивши наши фамиліи, благоволилъ дать намъ—одному двугривенный, а другому пятналтынный, Это намъ—сиротамъ (Добровольскій также сирота и жилъ со мною въ бурсѣ) пригодилось на дорогу. На эти деньги мы могли провести цѣлые сутки въ дорогѣ.

Послѣдняя вакація постѣ напряженныхъ, утомительныхъ трудовъ и послѣ счастливаго окончанія шестилѣтняго семинарскаго ученія, прошла для меня весело и быстро, среди постоянныхъ переселеній съ одного мѣста на другое. По окончаніи каникулъ, я, взявши у своего опекуна послѣдніе десять рублей, отправился во Владиміръ въ пріятной надеждѣ на полученіе обѣщанной мнѣ должности лектора французскаго языка. Но каково было мое разочарованіе, когда я, пріѣхавши во Владиміръ, узналъ, что лекторскихъ должностей при семинаріи болѣе не существуетъ, что онѣ, по распоряженію высшаго начальства, совсѣмъ упразднены.

Что-же мнѣ, горькому сиротѣ, съ единственными десятью рублями въ карманѣ, оставалось дѣлать? Двери въ бурсу для меня были уже закрыты, я долженъ былъ остановиться на наемной квартирѣ, имѣть свой столъ и прочее содержаніе. До сихъ поръ, пользуясь всегда казеннымъ содержаніемъ и имѣя въ запасѣ небольшія собственныя средства, я не испытывалъ ни въ чемъ особенной нужды, а теперь—я долженъ былъ встрѣтиться съ нищетою лицомъ къ лицу.

Ничего болѣе не оставалось мнѣ дѣлать, какъ искать или частные уроки, или священническое мѣсто: но проходитъ недѣля, и двѣ, и три, а у меня ни уроковъ, ни мѣста въ виду не имѣется. Правда, мнѣ еще предъ вакаціей

1840 г. предлагали священническое мѣсто въ селѣ Абакумовѣ, Покровскаго уѣзда, и даже показывали невѣсту, но мнѣ почему-то не хотѣлось еще тогда выходить на мѣсто. Между тѣмъ, этимъ мѣстомъ и этой невѣстой поспѣшилъ воспользоваться мой товарищъ и другъ Граменицкій, счастливо избавившійся отъ знаменитой невѣсты, которую ему навязывали,—родной племянницы преосвященнаго Парсенія.

Разскажу здѣсь, какъ это было. Предъ окончаніемъ нашего курса, привезли къ Преосвященному изъ Москвы его родные свою дочь — невѣсту съ надеждою пристроить ее въ Владимірской епархіи къ какому-нибудь мѣсту. Преосвященный обратился къ семинарскому начальству съ требованіемъ избрать и указать для его племянницы изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ достойнаго жениха. Выборъ палъ на Граменицкаго. Его представили Преосвященному, а тотъ велѣлъ показать его невѣстѣ. Но Граменицкій послѣ перваго свиданія съ невѣстою, испуганный и разстроенный приходитъ въ бурсу и обращается ко мнѣ за совѣтомъ, что ему дѣлать и какъ избавиться отъ предстоящей бѣды. Невѣста показалась ему слишкомъ бойкою и рѣзвою, а онъ юноша тихій, скромный, застѣнчивый — однимъ словомъ выходецъ изъ темныхъ Муромскихъ лѣсовъ, сынъ бѣднѣйшаго дьячка села Лыкина Муромскаго уѣзда. Я далъ ему дружескій совѣтъ отказаться отъ невѣсты, если она ему не нравится, и убѣдилъ его итти къ инспектору о. Рафаилу и откровенно объясниться съ нимъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Семинарское начальство доложило Преосвященному о нежеланіи Граменицкаго жениться на его племянницѣ. Тогда Владыка поручилъ тому-же начальству предложить желающимъ изъ учениковъ взять въ замужество означенную невѣсту, съ предоставленіемъ жениху священническаго мѣста въ селѣ. Нашелся охотникъ—нашъ по классу товарищъ, ученикъ 2-го разряда, Петръ Доброхотовъ—юноша красивый собою, не бойкихъ дарованій, но обладавшій необычайною памятью, способною усвоивать цѣлыя главы еврейскаго текста Библіи, безъ отчетливаго пониманія смысла онаго. Доброхотовъ согласился жениться на архіерейской племянницѣ, но съ условіемъ, что бы его внесли въ первый разрядъ и выпустили изъ семинаріи съ званіемъ студента. Условіе принято; Доброхотовъ женился и посвященъ въ іерея.

Между тѣмъ, вскорѣ между мужемъ и женою произошелъ 1840 г
разладъ; жена, какъ племянница архіерейская, кичилась предъ мужемъ—пролетаріемъ, укоряла его, что онъ только по ея милости студентъ; мужъ, не желая сносить такихъ укоровъ, вдался въ нетрезвость и въ скоромъ времени совсѣмъ погибъ [1]).

Возвращаюсь къ своему бѣдственному положенію.

Скучая бездѣйствіемъ и не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, я рѣшился было возвратиться назадъ въ семинарію съ тѣмъ, чтобы чрезъ годъ поступить въ академію, и непремѣнно Кіевскую, куда влекли меня и тамошняя святыня, и благодатный южный климатъ. Въ воскресенье, 29-го сентября, сходилъ я къ ранней обѣднѣ, а послѣ поздней литургіи рѣшилъ итти къ своему доброму и почтенному наставнику, о. Діонисію и объяснить ему свое намѣреніе; между тѣмъ отправился на рынокъ купить что-то для себя. Здѣсь неожиданно встрѣтился со мною мой бывшій по Шуйскому училищу питомецъ, ученикъ средняго отдѣленія Семенъ Вишняковъ—сынъ нашего Благочиннаго. Обрадовавшись этой встрѣчѣ, Вишняковъ съ живостію говоритъ мнѣ: „Иванъ Михайловичъ! на дняхъ былъ у меня батюшка и говорилъ мнѣ, что онъ рекомендовалъ васъ на уроки въ домъ помѣщика Каблукова; васъ ищутъ тамъ— спѣшите". Съ восторгомъ принялъ я эту нечаянную вѣсть и, забывши объ академіи, на другой же день, часа въ четыре утра, пустился, разумѣется, пѣшкомъ въ стоверстный путь. Безъ устали прошелъ верстъ шестьдесятъ и остановился на ночлегъ въ селѣ Вознесеньѣ, Ковровскаго уѣзда, у брата моего зятя—причетника. Не мало здѣсь удивились моему неожиданному приходу; спрашиваютъ, куда и зачѣмъ я иду. Когда я объяснилъ цѣль моего стремленія, мнѣ говорятъ: „да ка-

---

[1]) Счастливѣе былъ бракъ другого, старшаго насъ на три курса, студента Мих. Овчининскаго, женатаго на другой племянницѣ пр. Пареенія въ 1833 г. (см. его письмо къ зятю, священнику Смиренскому во *Влад. Еп. Вѣд.* 1880 г. № 23, стр. 717). Въ письмѣ отъ 4-го янв. 1844 г. пр. Пареній, между прочимъ, писалъ свящ. Овчининскому: „Изъявите мое поздравленіе и благожеланіе свояку вашему священнику Петру Ивановичу съ супругою. Благодарю васъ за пріятную вѣсть, что онъ устроился въ образѣ жизни, и живетъ сообразно сану. Да благоноспѣшитъ ему Господь въ преподобѣжденіи искушеній плоти и даруетъ преуспѣяніе во святынѣ и благочестіи" (*Влад. Епарх. Вѣдом.* 1881 г., № 8, стр. 224).

1840 г. жется, учительское мѣсто въ домѣ Каблукова уже занято; туда недавно отправился вашъ товарищъ, Авимъ Мих. Доброхотовъ, жившій также на урокахъ у помѣщицы въ сосѣдней съ селомъ Вознесеньемъ деревнѣ". Словами этими, какъ холодной водой, меня обдали. Но я не хотѣлъ этому вѣрить и отправился въ указанную деревню, чтобы удостовѣриться въ справедливости сказаннаго мнѣ. Оказалось, къ моему прискорбію, что Доброхотовъ, товарищъ мой, тутъ дѣйствительно жилъ и ушелъ, но куда, неизвѣстно. Я продолжалъ свой путь и пришедши въ село Якиманское, въ приходѣ коего живетъ помѣщикъ Каблуковъ, узналъ отъ причетника, что дѣйствительно меня искали, нарочно посылали за мною въ Горицы; но нигдѣ не отыскавши меня, разсудили пригласить моего товарища Доброхотова. Я отправился въ деревню, чтобы повидаться, по крайней мѣрѣ, съ своимъ товарищемъ и объясниться съ помѣщикомъ. Доброхотовъ, при свиданіи со мною, жаловался на излишнюю притязательность со стороны барина и на лѣность своего ученика—избалованнаго барченка. Помѣщикъ, которому о мнѣ доложили, принялъ меня ласково и выразилъ крайнее сожалѣніе, что не могли меня отыскать.

Возвратившись къ Якиманскому причетнику, оказавшемуся моимъ товарищемъ по Шуйскому училищу, я приглашенъ былъ имъ на ночлегъ, такъ какъ это было вечеромъ. Тутъ я началъ разсуждать, что мнѣ остается дѣлать: итти къ роднымъ совѣстно, да и не благонадежно; въ Горицахъ не будутъ рады, а въ Ивановѣ родные сами не изобилуютъ средствами къ жизни. Къ счастію, я вспомнилъ, что гдѣ-то не вдалекѣ отъ Шуи живетъ помѣщикъ Лазаревъ-Станищевъ, у котораго я назадъ тому года два, училъ во Владимірѣ дѣтей. Оказалось, что деревня Иваньково, принадлежащая этому помѣщику, находится отъ села Якиманскаго верстахъ въ 10—12-ти. На другой день, вставши утромъ, я поспѣшилъ отправиться въ Иваньково какъ бы въ обѣтованную землю; путь своей я держалъ не по большой дорогѣ, гдѣ пришлось бы сдѣлать нѣсколько лишнихъ верстъ, а прямо, по полямъ и лугамъ, и едва не прошелъ мимо вожделѣнной цѣли: но оглянувшись нечаянно, увидѣлъ новый барскій домъ и, подошедши къ нему, узналъ, что это именно домъ помѣщика Лазарева-Станищева. Вошедши въ

людскую избу, наскоро переодѣлся, нарядившись въ ту самую суконную пару, которую я сдѣлалъ на деньги, заработанныя уроками у этого-же барина. Когда доложили о мнѣ барину, онъ съ радостію принялъ меня какъ близкаго роднаго; чрезвычайно обрадовались мнѣ и дѣти его. Когда въ бесѣдѣ рѣчь зашла о томъ, кто учитъ дѣтей, оказалось, что учитъ діаконъ сосѣдняго села Дроздова, мой сверстникъ по училищу, исключенный изъ высшаго отдѣленія Шуйскаго училища. Его учительствомъ были очень недовольны, но замѣнить его было не кѣмъ. Когда я предложилъ барину свои услуги, онъ съ изумленіемъ спросилъ меня: „неужели это возможно“?—За тѣмъ я пришелъ къ вамъ, былъ мой отвѣтъ. Семейная при семъ радость была неописанна. Итакъ, рѣшено, что я остаюсь въ домѣ моихъ старыхъ знакомыхъ въ качествѣ домашняго учителя. На меня возложена обязаность учить разнымъ наукамъ четверыхъ дѣтей—трехъ дѣвочекъ и одного мальчика; уроки должны продолжаться по четыре часа до обѣда и по два послѣ обѣда. Жалованья назначено мнѣ по 10-ти рублей ассигнаціями (около 3-хъ рублей 15-ти копѣекъ серебромъ) въ мѣсяцъ. 1840 г.

Такимъ образомъ съ первыхъ чиселъ октября 1840-го года началась для меня новая жизнь. Мнѣ назначили въ мезонинѣ особую чистенькую комнатку съ двумя окнами, обращенными къ березовой рощѣ. Семейство помѣщика состояло изъ шести душъ дѣтей, но жены въ живыхъ уже не было; онъ былъ вдовъ. Семенъ Аркадьевичъ Лазаревъ-Станицевъ—отставной морякъ въ лейтенантскомъ чинѣ, пожилыхъ лѣтъ, но крѣпкаго здоровья; не имѣлъ многосторонняго образованія, но съ крѣпкимъ здравымъ смысломъ и умомъ, изощреннымъ математикою—существенною наукою офицера моряка. У него была порядочная библіотека, всегда открытая для меня. Въ ней, между прочимъ, была и Исторія Карамзина, необходимая для меня при преподаваніи Русской исторіи; оттуда бралъ я и читалъ „Записки морскаго офицера“, *Вл. Броневскаго*, въ 4-хъ частяхъ (Спб. 1818—19 г.), „Руководство къ благочестивой жизни“ *Франциска де Саль*, епископа Женевскаго (М. 1818—1819 г.) и другія. Эти книги читалъ я, въ свободное отъ уроковъ часы, въ своей комнатѣ; но меня не рѣдко приглашали по

1840 г. вечерамъ читать книги въ семейномъ кругу. Такъ, напр., я долго читалъ повѣсть: „Семейство Холмскихъ“, *Бѣгичева* (М. 1841 г.) [1]). Кромѣ чтенія, приглашали меня принимать участіе и въ семейныхъ удовольствіяхъ, какъ-то: въ карточной игрѣ, разумѣется, безъ денегъ, на счетъ Шереметева, какъ обыкновенно называли тогда такую игру; тутъ изучилъ я модную тогда игру въ бостонъ; заставляли было меня участвовать въ танцахъ, но я всегда уклонялся отъ этого, непріятнаго для меня, удовольствія; музыку, не слишкомъ веселую, слушать я любилъ, но только издали—изъ своей комнаты. Но чаще всего мы съ Семеномъ Аркадьевичемъ занимались игрою въ шашки, и онъ всегда очень сердился, когда я обыгрывалъ его.

Верстахъ въ двухъ отъ деревни была приходская церковь въ селѣ Китовѣ. Мы, въ каждое воскресенье и въ каждый праздникъ, ѣздили туда къ обѣднѣ, и баринъ читалъ апостолъ, а я говорилъ поученія, большею частію по печатной книгѣ, а иногда сочинялъ и свои. Послѣ обѣдни почти всегда заходили на пирогъ въ домъ тамошней помѣщицы Жуковой,—родной племянницы Лазарева-Станищева; а къ обѣду, или на вечеръ, она пріѣзжала въ Ивaньково съ мужемъ, отставнымъ капитаномъ.

Матеріальныя средства моего барина были очень ограниченны, и онъ велъ жизнь очень простую, безъ всякой роскоши, а это мнѣ и нравилось. Въ средѣ такого не богатаго семейства я чувствовалъ себя совершенно свободно, и ко мнѣ всѣ относились какъ къ близкому родному.

Но какъ ни спокойно мнѣ было въ этомъ добромъ семействѣ, а я все-таки былъ озабоченъ мыслію о дальнѣйшемъ, болѣе прочномъ устройствѣ своей судьбы. Поэтому я писалъ во Владиміръ къ одному изъ своихъ товарищей, Гавріилу Добровольскому, который помѣстился на время въ архіерейскомъ Рождественскомъ монастырѣ въ качествѣ послушника, и просилъ его извѣщать меня о праздныхъ священническихъ мѣстахъ. И вотъ что онъ писалъ мнѣ въ отвѣтъ отъ пятаго ноября:

---

[1]) Бѣгичевъ Д. Н., Воронежскій губернаторъ. О немъ и о его повѣсти см. въ *Историч. Вѣстн.* 1887 г., іюль, стр. 37—42.

„Возлюбленному о Христѣ брату и другу 1840 г.
Ивану Михайловичу
радоватися.

Всепокорнѣйше васъ благодарю за ваше о мнѣ памятованіе и дружеское отношеніе, въ чемъ прошу не оставить и впредь. Извините, что я такъ долго послѣ вашего письма молчалъ; что дѣлать? на болѣзнь не пойдешь въ судъ; да, другъ, сильно былъ нездоровъ, а поэтому къ вамъ и не писалъ ни строчки и Михаилу Дмитріевичу адреса вашего не сказалъ, потому что его, какъ онъ посвящался, по случаю болѣзни своей, не видалъ. До посвященія видѣлъ и съ супругою у владыки, когда приходили его благодарить; жена хорошая, хоть куда. Новостей никакихъ нѣтъ, мѣстъ также нѣтъ. Прошу васъ не оставить меня въ своихъ молитвахъ. Прощайте!

Съ искреннимъ расположеніемъ сердца пребыть честь имѣю послушникъ архіерейскаго дома многогрѣшный Гавріилъ".

Между тѣмъ, дядя и опекунъ мой Петръ Иванычъ вызвалъ меня къ 12-му числу въ Шую, которая отъ Иванькова въ 9-ти верстахъ, и объявилъ мнѣ, что открылась священническая вакансія въ Холуйской слободѣ и что если я пожелаю поступить туда со взятіемъ невѣсты-сироты, дочь его Марья Петровна, жена Хотимльскаго священника П. Н. Успенскаго, можетъ меня порекомендовать. Разумѣется, съ великою радостію принялъ я такое предложеніе и въ тотъ же день поспѣшилъ написать въ Хотимль къ своимъ роднымъ. Вотъ что было мною писано:

„Почтеннѣйшій братецъ
Иванъ Николаевичъ!
Любезная сестрица
Марья Петровна!

Не могу должнымъ образомъ возблагодарить васъ и за прежніе многократные опыты вашего ко мнѣ расположенія и вниманія. Но настоящая заботливость, какую вы изъявляете въ устроеніи моей послѣдней участи, обязываетъ меня быть благодарнымъ къ вамъ во всю жизнь. Легко представить, съ какимъ восхищеніемъ получилъ я извѣстіе о возможности поступить на Холуйское мѣсто.

1841 г. И какъ эта возможность можетъ быть приведена въ дѣйствительность только вашимъ содѣйствіемъ; поэтому сами можете представить, какое великое благодѣяніе окажете мнѣ, если благоволите употребить возможныя съ вашей стороны мѣры. Итакъ, позвольте попросить васъ оказать мнѣ это единственно-важное благодѣяніе, которое можетъ устроить счастіе всей моей жизни.

Любезный братецъ и сестрица! Если уже благоволите принять участіе въ окончательномъ рѣшеніи моей судьбы; то потрудитесь узнать, какъ водится, отъ кого слѣдуетъ условія и выгоды поступленія на означенное мѣсто, и обо всемъ этомъ покорнѣйше прошу увѣдомить меня. Но я надѣюсь даже лично увидѣться съ вами; я слышалъ, что вы, сестрица, будете на праздникъ Введенія въ Горицахъ, а сюда батюшка крестный можетъ вызвать меня изъ деревни такимъ же образомъ, какъ и теперь въ Шую.

Остаюсь въ сладостной надеждѣ — получить отъ васъ какую-либо интересную для меня вѣсточку — почитающій васъ братъ студентъ Ив. Тихомировъ.

Любезнѣйшему братцу Ивану Петровичу и сестрицѣ Аннѣ Михайловнѣ свидѣтельствую мое почитаніе.

Батюшка крестный посылаетъ вамъ свое родительское благословеніе".

Но увы! моя надежда оказалась тщетною. У семейства, оставшагося послѣ умершаго Холуйскаго священника, заранѣе уже имѣлся въ виду женихъ, мой товарищъ Александръ Ровнинъ, который и опредѣленъ былъ на вакантное мѣсто, а я остался въ Иваньковѣ въ чаяніи иного мѣста или должности.

Рождественскіе праздники мирно провелъ я въ деревнѣ. Тамъ же встрѣтилъ и новый 1841 годъ.

Помянутый выше товарищъ и совоспитанникъ Гавріилъ Добровольскій письмомъ отъ 3-го февраля убѣдительно просилъ меня пріѣхать къ нему на родину, въ село Кохму, гдѣ была и моя младшая сестра за мужемъ, чтобъ проститься съ нимъ навсегда, предъ отправленіемъ его въ отдаленную Сибирь во священника. Была ли мною исполнена эта дружеская просьба, не помню: но знаю, что Добровольскій дѣйствительно отправился въ Иркутскъ, вслѣдствіе требованія тамошняго епархіальнаго начальства по

поводу недостатка кандидатовъ на священническія мѣста. 1841 г
Въ одно время съ Добровольскимъ отправлены были туда, по распоряженію начальства, еще девять человѣкъ нашихъ товарищей, въ томъ числѣ мой ближайшій землякъ, урожденецъ села Дунилова, Василій Былинскій

Съ мая мѣсяца 1841 года началась и около тридцати лѣтъ непрерывно продолжалась наша взаимная переписка съ ближайшимъ изъ моихъ друзей и совоспитанниковъ по семинаріи, Михаиломъ Дмитріевичемъ Граменицкимъ, о которомъ не задолго предъ симъ была у меня рѣчь. Вотъ что онъ писалъ мнѣ на первый разъ отъ 20-го мая:

„Искренній, незабвенный другъ,—другъ вѣрный въ дружествѣ Иванъ Михайловичъ!

Да сохранитъ васъ Господь Богъ на многія лѣта и да исполнитъ ваши желанія и намѣренія (ибо не можетъ быть, чтобы вы въ настоящемъ состояніи чего-либо не желали особеннаго,—по крайней мѣрѣ я такъ думаю). Давно, другъ, очень давно не было между нами не только личнаго свиданія, но даже и письменной переписки. Наше намѣреніе было не таково. Помните-ли, во время многократныхъ прогулокъ по бурсацкому саду,—во время бездѣйственнаго (хотя не всегда) сидѣнія въ классѣ,—помните-ли наши взаимныя обѣщанія не прерывать дружества, не лишать другъ друга увѣдомленій о себѣ? Теперь дѣлается иначе. Прошу я у васъ съ своей стороны великодушнѣйшаго извиненія въ молчаніи,—но нѣсколько и оправдываюсь: во-первыхъ, не знаю мѣста вашего настоящаго пребыванія; во-вторыхъ, если бы и зналъ, нѣтъ случая переслать письма: ибо неизвѣстно есть-ли до васъ почта,—и теперь посылаю на авось, съ вѣрою и надеждою на друзей,—въ третьихъ, наконецъ, откроюсь по дружески, чистосердечно, обязавшись женою, домомъ и другими куплями житейскими, не всегда бывалъ свободенъ во время открывавшагося случая какимъ-нибудь образомъ переслать къ вамъ письмо. (Это послѣ объясню). Вы вѣрно обо мнѣ думали и думаете, что съ перемѣною образа жизни, я измѣнился и въ дружественныхъ чувствахъ. Нѣтъ, другъ,—пусть явился у меня новый другъ—жена; но не думайте, чтобы чувства любви и дружества къ вамъ погасли въ моемъ сердцѣ.

Что-же сказать вамъ о себѣ? Такъ, я женился! Сколько

1841 г. у насъ было прежде дружественныхъ мечтаній, сколько ожиданій, сколько питательныхъ надеждъ,—вы это помните, и теперь ими питаетеся;—но я.....

Великая, другъ, тайна—супружество,—теперь-то я вполнѣ понялъ слова Св. Писанія, какимъ образомъ человѣкъ, оставивши отца и мать, прилѣпляется къ женѣ своей,—и какъ нельзя разлучить человѣку то, что сочеталъ Богъ. Въ свое время и вы узнаете и повѣрите. Благодарю Бога, за дарованіе мнѣ Ангела въ жизни,—добрую помощницу и собесѣдницу. Вы мнѣ были и есть искреннѣйшимъ,—вѣрнѣйшимъ и всегда любезнѣйшимъ другомъ;—много мы ввѣряли другъ другу завѣтныхъ тайнъ,—но, другъ, простите, скажу откровенно,—все-таки не было такой свободности въ обращеніи, такой искренней признательности—такой довѣренности, какая можетъ быть у мужа съ женою. Не вѣрю, и вы не представляйте, что любовь къ женѣ заключается въ одной нечистой похоти. Пѣть другъ,—она мила потому,—что сердобольная сострадательница, благая совѣтовательница, откровенная ввѣрительница своихъ мыслей и намѣреній,—по крайней мѣрѣ я такъ чувствую.....

Я думалъ прежде, что по выходѣ на мѣсто,—постоянно я буду празденъ. Напротивъ, теперь-то и начались заботы,—но уже не такого рода, какъ въ семинаріи,—не проповѣдь, не разсужденіе, не лекція, не экзаменъ,—жена, домъ и должность постоянно заставляютъ заботиться, а чрезъ годокъ можетъ будетъ еще заботка..... не стану объяснять въ частности заботу о каждомъ предметѣ,—скажу только, назначена была мнѣ проповѣдь въ день Пятидесятницы, назначена за четыре мѣсяца, я не нашелъ свободнаго времени сочинить ее, пригналъ къ послѣднему вечеру,—можете изъ этого судить о праздномъ времени. Послѣ Пасхи былъ въ Москвѣ, посмотрѣлъ на бѣлокаменную. Много любопытнаго, поразительнаго, особенно въ соборахъ...

Сильно желаю знать о вашемъ здравіи, о вашихъ намѣреніяхъ и о настоящемъ положеніи. Милый другъ, часто мы мечтая касательно будущаго устроенія судьбы своей,—часто ошибаемся въ своихъ предположеніяхъ. Какъ искреннему и любезнѣйшему другу желаю вамъ счастія и успѣха въ вашихъ намѣреніяхъ,—желаю, чтобы Богъ вполнѣ исполнилъ, если вы чего желаете. Но желая, вмѣстѣ прошу васъ

самихъ быть откровенными во всякомъ случаѣ,— не довѣ- 1841 г
рять всякому слуху, надобно вѣрнѣе узнать самимъ о приходѣ и проч. Нашъ Абакумовскій приходъ, какъ я нахожу, отчасти не соотвѣтствуетъ своей славѣ. По крайней мѣрѣ, я благодарю Бога за добрую помощницу, вѣрнаго въ жизни друга, участницу во всѣхъ мысляхъ и намѣреніяхъ.

Въ ожиданіи отъ васъ отвѣта касательно вашихъ плановъ для образа жизни и прочаго остаюсь чистосердечно, постоянно любящій и желающій любить васъ другъ и доброжелатель вашъ с. А. Богомолецъ М. Граменицкій.

Прошу извиненія, что несвязно, нерадиво написано,— ожидаютъ съ иконами мужики въ приходъ. Прошу еще не злоупотребить моею откровенностію. Супруга моя вамъ кланяется. Незабвенный, прощайте!“

Что я писалъ въ отвѣтъ своему другу, не помню. У меня, къ сожалѣнію, не сохранилось черновыхъ писемъ, да по всей вѣроятности, ихъ не было.

Въ слѣдъ за тѣмъ, получилъ я письмо отъ другаго товарища своего и также совоспитанника по бурсѣ, Ѳеодора Гаврилыча Бѣляева. Отъ 7-го іюня онъ извѣщалъ меня изъ Владиміра:

„Здравствуйте,
Любезнѣйшій Иванъ Михайловичъ!

Вѣрно хорошо жить вамъ на настоящемъ мѣстѣ. Такъ много протекло времени—и вы не только не являетесь сами въ нашу столицу, даже и не хотите почтить ее и письмомъ. Хотя бы кое-какъ сдѣлали это. Смотрите, доселѣ никто не знаетъ адреса для письма къ вамъ. Я пускаюсь теперь на авось: давно бы хотѣлъ писать, не разъ собирался и все отлагалъ до будущаго извѣстія отъ васъ. Теперь пишу по нуждѣ. Вотъ въ чемъ дѣло. У насъ опрастывается учительская вакансія во 2-мъ приходскомъ классѣ. Благовѣщенскаго требуютъ въ полкъ. Кандидатовъ на его мѣсто не видно, кромѣ васъ и Смирнова Александра. Послѣдній даже сомнительный. Архіерей сердитъ на него за пасхальное время. Къ тому же и семинарская жизнь его извѣстна Владыкѣ. Не диво, что его и не будутъ представлять на это мѣсто. Остается поспѣшить вамъ. Если есть расположеніе къ ученой жизни (какъ говорятъ):

1841 г. такъ не медлите. Я притязаній на это мѣсто не изъявлялъ и не буду хлопотать. Жду себѣ другаго рѣшенія. До свиданія. Ѳ. Бѣляевъ.

Прошу извинить за письмо. Тороплюсь ужасно.

Касательно Благовѣщенскаго не дано еще знать изъ Консисторіи Правленію семинаріи.

Сапоровскій вамъ кланяется".

Получивъ 11-го числа такую радостную вѣсть, я объявилъ ее своему барину. Онъ и все его семейство изъявили при семъ искреннее сожалѣніе о предстоящей со мною разлукѣ, хотя и не могли не понимать моего неопредѣленнаго положенія среди ихъ семейства. Но Семенъ Аркадьевичъ, желая избавить меня отъ лишнихъ путевыхъ издержекъ, предложилъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать во Владиміръ, такъ какъ и ему предстояла надобность туда отправиться. Конечно, я охотно принялъ такое благосклонное предложеніе; но проходитъ и день, и два и три, а мой баринъ и не думаетъ еще собираться въ путь. Я напоминаю ему: онъ убѣждаетъ меня помедлить еще день или два, такъ какъ его поѣздка зависѣла отъ какого-то богатаго крестьянина, который покупалъ у него рекрута и который вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ ѣхать во Владиміръ для сдачи этого рекрута. Прошла недѣля, а мы все еще сидимъ дома. Наконецъ, я потерялъ терпѣніе и сказалъ, что болѣе ждать не намѣренъ и попросилъ дать мнѣ подводу до Иванова. Просьба моя была исполнена; я пріѣхалъ въ Иваново къ сестрѣ и возвѣстилъ ей о предстоящемъ мнѣ счастіи—быть учителемъ Владимірскаго духовнаго училища. Разумѣется, она не могла не сочувствовать моему столь великому счастію. Переночевавши у ней одну ночь, я на другой-же день поспѣшилъ отправиться въ путь. До Суздаля, 70 верстъ, доѣхалъ я съ Суздальскимъ огуречникомъ, пріѣзжавшимъ въ Иваново на базаръ съ своими продуктами, за 70-ть копѣекъ ассигнаціями. Далѣе, до Владиміра, такой благопріятной окказіи не встрѣтилось, и я долженъ былъ 33 версты измѣрять пѣшкомъ. День жаркій, а сапоги были у меня тѣсные; чувствую, что на ногахъ у меня образуются мозоли: но надежда, по выраженію какого-то поэта, кроткая посланница небесъ, притупляетъ во мнѣ всякое чувство боли. Вотъ уже пройдено болѣе половины пути, вотъ

близко уже и Красное село; спускаюсь въ долину Сухо- 1841 г.
дола и вижу съ противоположной горы спускается экипажъ. Сидѣвшій въ экипажѣ новорукоположенный священникъ, мой товарищъ Ксенофонтъ Виноградовъ, увидѣвъ меня, быстро соскочилъ съ повозки и подбѣгая ко мнѣ, съ укоризною кричитъ: „ахъ ты, несчастный! Вѣдь только сегодня сошла отъ архіерея резолюція съ назначеніемъ на учительскую должность Якова Смирнова; больше недѣли никого не назначали, въ ожиданіи тебя“..... Можно вообразить при семъ мое разочарованіе!.. Однако-жъ, какое-то тайное чувство не дозволяло мнѣ вполнѣ довѣрять словамъ моего товарища; меня все еще не оставляла какая-то случайная надежда получить то, къ чему стремился... Но часа черезъ два прихожу наконецъ въ бурсу къ родственному мнѣ экономому семинаріи, о. Алексѣю Палеховскому, и тутъ-то уже окончательно убѣждаюсь въ разрушеніи всѣхъ моихъ надеждъ...

На другой день утромъ поспѣшилъ я повидаться съ добрымъ товарищемъ Бѣляевымъ, извѣстившимъ меня объ учительской вакансіи. Онъ жилъ въ семинарской больницѣ и занималъ должность смотрителя оной. При свиданіи онъ объявилъ мнѣ, что онъ оставляетъ свою должность и намѣренъ волонтеромъ отправиться въ Петербургскую духовную академію; поэтому онъ совѣтовалъ мнѣ просить семинарское начальство объ опредѣленіи меня на его мѣсто въ больницу. Я воспользовался его добрымъ совѣтомъ и отправился къ о. ректору. Тотъ прежде всего выразилъ сожалѣніе, что онъ не зналъ, гдѣ я находился при открытіи учительской вакансіи: но когда я завелъ рѣчь о предоставленіи мнѣ должности смотрителя, онъ выразилъ сомнѣніе, такъ какъ предположено-де было, по удаленіи Бѣляева, упразднить эту должность: однако-жъ онъ, по неотступной моей просьбѣ, обѣщалъ, хотя на время, оставить за мною смотрительскую должность. Я успокоился нѣсколько.

Между тѣмъ, въ послѣднихъ числахъ іюня я получилъ изъ Абакумова отъ своего друга, о. Граменицкаго письмо слѣдующаго содержанія:

„Приношу мою чувствительную благодарность за пріятнѣйшее ваше извѣстіе, которое я получилъ 22-го дня сего іюня. Сколько пріятныхъ чувствованій, сколько сладостно-

1841 г. пріятныхъ и грустно-томныхъ воспоминаній произвело во мнѣ письмо ваше! Читая его, наслаждался я восхитительною бесѣдою съ прежнимъ своимъ искреннимъ, милымъ, вѣрнымъ другомъ, видѣлъ въ немъ вашу ко мнѣ дружескую приверженность и расположеніе, — могло-ли это быть непріятно? Съ другой стороны, воображая, что протекло и не возвратится уже время взаимныхъ нашихъ мечтаній и собесѣдованій, въ немалую приводимъ былъ печаль и уныніе, досадовалъ на время, которое такъ скоро лишило насъ наслажденія дружествомъ. Сильно желалъ-бы видѣться съ вами во время пребыванія вашего во Владимірѣ, но не зналъ вашего намѣренія прежде. Не задолго предъ симъ былъ я во Владимірѣ. Не утрудился бы побывать еще, но лошадь очень набила плечи, такъ что нельзя надѣть хомута. Требуете, другъ, моего совѣта касательно поступленія вами во священника. И мнѣ тоже прежде состояніе священника казалось спокойнымъ и продовольственнымъ во всемъ (если такъ можно сказать); но на самомъ дѣлѣ мало спокойствія. Не знаю, какъ въ другихъ, а у насъ въ приходѣ требы три, четыре каждодневно, деревни дальнія, да пусть-бы хоть давали подводы,—а то, по большой части, все пѣшеходомъ,— а если, случится, и пріѣдутъ, то телѣга— то не ѣдетъ,— лошадь-то не везетъ,—слѣзешь и принужденъ пѣшкомъ, а каждую копѣйку отъ мужика достаемъ все горломъ, благороднымъ же образомъ не получишь ничего. Теперь мнѣ со вступленія на мѣсто пришло, кажется, сотъ пятокъ, а спросите, много-ли въ карманѣ? Едва-ли можно насчитать рублей 20-ть. Между тѣмъ какъ хлѣбъ ржаной свой. Вотъ, другъ мой, спокойствіе и выгоды священнической жизни! Мы прежде мечтаемъ такъ мило, такъ усладительно, — а послѣ въ самой дѣйствительности все окажется въ превратномъ видѣ. Сверхъ этого, будучи священникомъ, какую нужно имѣть всегда чистоту, готовность и силы къ пренесенію сего ига. На каждомъ шагу препинаніе, вездѣ грѣхъ и пагуба души угрожаетъ священнику,—только и живемъ надѣясь на Божіе безпредѣльное милосердіе; теперь вполнѣ понялъ я смыслъ словъ св. Златоуста: „не мню быти спасаемыхъ, но многихъ погибаемыхъ, священниковъ“! Не надѣюсь, другъ, я на свои силы вполнѣ, совершенно, въ точности исполнить всю важность своего сана,—помолитесь

о мнѣ Богу, что-бы благодать Его облегчила для меня иго сіе! Вы же, другъ, не малодушествуйте, видя мою слабость; можетъ быть, вы имѣете большую крѣпость силъ духовныхъ, большую терпимость; можетъ быть, вся представляющаяся мнѣ тяжесть, для согрѣтаго благочестіемъ сердца вашего, будетъ удовольствіемъ, веселіемъ и радостію. Рѣшительно вамъ присовѣтовать ничего не могу, я еще въ сей жизни такъ неопытенъ, такъ малосвѣдущъ—постоянно для самого меня встрѣчается все новое; когда пройдутъ лѣта юности,—можетъ быть, это состояніе сдѣлается пріятнѣе. Только скажу, милый, если намѣрены будете выходить во священника, ищите мѣста въ городѣ или образованномъ хорошемъ селѣ. Съ грубыми мужиками жить несносно". 1841 г.

Въ іюлѣ я опредѣленъ былъ на должность смотрителя семинарской больницы. Обязанности мои состояли въ наблюденіи за порядкомъ въ больницѣ, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи; мнѣ ежемѣсячно выдавалась экономомъ семинаріи на расходы небольшая сумма, въ которой я долженъ былъ давать ему отчетъ. Но мои отчеты не всегда заслуживали одобреніе эконома—моего родича. Однажды я представилъ ему счетъ издержанныхъ мною денегъ по случаю погребенія умершаго ученика. Въ этомъ счетѣ значилось въ расходѣ 4 рубля съ копѣйками, ассигнаціями. Взглянувши въ этотъ счетъ, онъ сильно выбранилъ меня, сказавъ: „развѣ можно представлять такіе счеты?"—„А какіе же", — возразилъ я ему? — Да тутъ нужно было записать въ расходъ, по крайней мѣрѣ, 15-ть рублей". — Предоставляю уже это вамъ, — былъ мой отвѣтъ.—Изъ этого я понялъ, что значитъ быть экономомъ семинаріи.

По должности смотрителя больницы сколько,—думали-бы вы,—получалъ я жалованья? Два рубля серебромъ въ мѣсяцъ.—Правда, при этомъ я имѣлъ, кромѣ квартиры, казенный столъ.

Но Ѳ. Г. Бѣляевъ, сверхъ должности смотрителя, передалъ мнѣ свои уроки, которые онъ имѣлъ въ разныхъ домахъ и которые мнѣ доставляли болѣе тридцати рублей ассигнаціями (около 10-ти рублей серебромъ) въ мѣсяцъ.

Уроки я имѣлъ у врача семинарской-же больницы, Митрофана Ивановича Алякринскаго и въ двухъ домахъ дво-

1841 г. рянскихъ, коихъ фамилій не помню. Помню только, что въ одномъ домѣ заставили меня преподавать мальчику, между прочимъ, нѣмецкій языкъ, котораго я вовсе не зналъ. Но невѣдѣніемъ иностраннаго языка такъ же, какъ невѣдѣніемъ закона, я не могъ оправдываться. Дѣлать нечего, началъ съ ребенкомъ самъ изучать съ азовъ нѣмецкій языкъ, по извѣстному изреченію: docendo discimus.

5-го августа Бѣляевъ извѣщалъ меня коротенькой запиской, что онъ отправляется въ Петербургъ со студентомъ Саратовской семинаріи (Л. Я. Снѣжницкимъ) и поручалъ мнѣ переслать въ Муромъ къ брату своему (Ивану Гавриловичу— учителю духовнаго училища) Библію, Баумейстера и калоши.

А 31-го того-же мѣсяца писалъ мнѣ о. Граменицкій въ отвѣтъ на мое письмо:

„Въ первыхъ числахъ сего августа получилъ отъ пришедшихъ къ обѣднѣ письмо ваше. Чувствительно благодарю за увѣдомленіе. Очень пріятно, очень весело читать ваше извѣщеніе. Радуюсь, что вы пріобрѣли для себя, хотя не вѣчное прибѣжище—мѣстечко въ больницѣ, радуюсь также, что еще имѣете побочныя пособія къ своему содержанію. Еще желалъ-бы знать короче о вашемъ положеніи, и вы это обѣщали мнѣ сообщить чрезъ подателя вашего письма Ѳеодора Гавриловича; но онъ вѣрно изъ списка друзей меня хочетъ исключить, проѣхалъ Липней безъ оглядки, а какъ-бы, по мнѣ, не заѣхать къ бывалому знакомцу? Богъ съ нимъ! Разумѣется ему такъ, какъ предназначенному быть жителемъ большой столицы, съ нашимъ братомъ знакомиться низко.

Я, другъ, лѣто проводилъ въ работѣ, отчасти позапасся хлѣбомъ; теперь хлопочу о пивѣ; въ первыхъ числахъ сентября буду заваривать; не подумайте, что наше пиво походитъ на сумасбродную, безполезную брагу; нѣтъ, оно не многимъ уступитъ въ дѣйствіи горѣлкѣ, это я испыталъ на себѣ въ прошедшую осень. Дѣлать нечего, у насъ въ деревнѣ не городъ, не увидишь скачущихъ по большой дорогѣ дворянъ или другихъ франтиковъ, скучно, испьешь пивца, и повеселѣе, поѣдутъ въ воображеніи на тройкахъ и двойкахъ. Слава Богу, я познакомился съ живущими у насъ въ приходѣ господами, а чрезъ нихъ и съ другими,— чуть соскучилось—можно найти развлеченіе въ домѣ любаго.

Нашъ діаконъ въ предпослѣднихъ числахъ вакаціи бы- 1841 г.
валъ у васъ въ больницѣ, желалъ вамъ сообщить вѣсть обо мнѣ и отъ васъ доставить мнѣ, но вы покоились въ объятіяхъ морфея, онъ васъ потревожить не осмѣлился. Прошу васъ, любезнѣйшій другъ, сообщать мнѣ новости имѣющія случиться во Владимірѣ, не поставьте для себя въ трудъ, чѣмъ много обяжете любящаго васъ друга-Граменицкаго".

10—12-го сентября писалъ мнѣ изъ Петербурга Ѳ. Гавр. Бѣляевъ въ качествѣ уже студента академіи:

„Почти цѣлый мѣсяцъ и моего житья-бытья въ Питерѣ. Какъ длиненъ, скученъ, тяжелъ былъ для каждаго изъ насъ этотъ мѣсяцъ! Въ продолженіи его, каждый долженъ побывать у стола предъ членами Конференціи не менѣе десяти разъ. Замучили требованіями отчетовъ за семинарскую жизнь. Ни одного предмета по аттестатамъ не оставили безъ вниманія. И всѣ давали отвѣты во всемъ самому ректору; баккалавры со всѣхъ сторонъ нападали съ возраженіями. Ужасъ, какъ тяжело было стоять противъ сильныхъ ихъ напоровъ. Рады, рады были мы, когда дождались сочиненій. Съ этой впрочемъ стороны труда положено не много. Испытательныхъ задачекъ было только двѣ. Если угодно, пожалуй скажу тебѣ и предложенія. Вотъ онѣ:

Quo modo hominum malorum res prosperae et bonorum res adversae cum Dei justitia conciliari possunt — и *не мните яко пріидохъ вовргци миръ на землю: не пріидохъ вовргци миръ, но мечъ*, —соглашали съ текстомъ: *миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ*. Теперь дѣла испытательныя кончены. Даже составлены и списки. Остается только узнать №. Впрочемъ, несомнѣнно то, что принятъ я дѣйствительнымъ студентомъ. Это главное. Нынѣшняго числа читали уже и лекціи у насъ. На первый разъ привелось мнѣ слушать баккалавра словесности, профессора математики и баккалавра французскаго языка. Ну, любезный, на первый разъ очень интересно было сидѣть въ классѣ. Особенно профессоръ математики[1]) такъ хорошо объяснилъ введеніе въ эту науку.... Завтра броситъ пыли въ глаза профессоръ философіи Карповъ[2]). Взгляды у

[1]) Д. И. Ростиславовъ († 18 февр. 1877 г.).

[2]) Василій Николаевичъ († 3 дек. 1867 г.).

1841 г. него на предметъ свой почти оригинальные. Впрочемъ, говорю я это только по слухамъ. Самому еще не удавалось доселѣ назидаться отъ него.

Въ Петербургѣ житье бы должно быть веселое, есть на что позѣвать, всюду можно видѣть развлеченіе: но для студентовъ академіи подъ часъ какъ скучна бываетъ жизнь столичная, жить при кучѣ удовольствій и ни одного не поймать изъ нихъ въ цѣлую недѣлю — не досадно-ли? А для насъ Питеръ именно-таки всегда почти не существуетъ на цѣлую недѣлю. Здѣсь свобода студенческая такъ ограничена. Кромѣ праздничныхъ дней не позволяютъ отлучаться въ городъ. И въ дни праздничные увольняютъ съ оговоркою: не часто-ли отлучаетесь. Такое житье инымъ не нравится, особенно кто привыкъ къ вольной жизни. Я, съ своей стороны, нисколько не скучаю. Съ удовольствіемъ можно проводить время и внутри академіи. Народъ молодой постоянно здѣсь острить. Только бодрствуй, слушай и смѣйся. Уснешь—разбудятъ. И—академія сама въ себѣ вещь очень хорошая. Столъ здѣсь несравненно лучше Московской академіи; чистота въ комнатахъ—какая только возможна; прислуга достаточная—гвардейцы молодцы—парень къ парню. Скоро даже заведутъ у насъ казенный чай съ булками, — непремѣнно установятъ форму для платья университантскую, только съ пуговицами бѣлыми—съ орлами. Защиплемъ!... Много только возложатъ на насъ трудныхъ обязанностей съ этою формою. Тогда забудешь глядѣть по сторонамъ на Невскомъ; какъ разъ затащатъ на гауптвахту, если не отдашь чести, кому нужно будетъ. Впрочемъ, бодрѣе будемъ. Я нисколько не тужу, что продалъ свою свободу на четыре года. Если-бы этого не случилось: конечно хуже-бы было — присловица, доказанная опытомъ священника. Помнишь?

Доколѣ до свиданія, конечно, письменнаго. Пиши, братъ.

Твой студентъ СПБ. духовной академіи Ѳ. Бѣляевъ.

О. Эконому мое почтеніе.

Въ слѣдствіе строгаго осмотра одежи, нашитой намъ въ семинаріяхъ отъ здѣшняго Правленія сдѣлано отношеніе къ графу объ томъ, что форма для платья соблюдена только въ четырехъ семинаріяхъ. Правленіямъ, несоблюдшимъ формы, слышно, будетъ выговоръ и—строгій“..

Вслѣдъ за тѣмъ отъ 30-го числа Бѣляевъ пишетъ снова: 1841 г.

„Думаю, ты получилъ уже письмо мое отъ Приклонскаго и вѣрно скоро отвѣтишь мнѣ на него. Въ добавокъ къ Владимірскимъ новостямъ прошу тебя узнать отъ Сапоровскаго, гдѣ пріютился Гаврило Павлинычъ. Если онъ знаетъ и адресъ къ нему, прошу тебя передать его мнѣ. Давно уже собираюсь я послать письмо къ Павлинычу—и все отлагаю дѣло это за неизвѣстностію о мѣстопребываніи его. Ну, любезный, по сказкамъ Иркутскаго священника, теперешняго моего товарища, сибиряки-Владимірцы будутъ очень счастливы. Послѣднее мѣсто въ Иркутской губерніи доставляетъ священнику разнаго товару на 700 рублей, за исключеніемъ того, что утрачивается на продовольствіе своего семейства. Не хвалитъ лишь земляковъ нашихъ за то, что они не оженились въ своей епархіи. Въ Иркутскѣ очень дороги невѣсты. Былинскій хоть и бѣдную взялъ: но она ему знакомая, да и тамъ не нашелъ-бы себѣ невѣсты съ богатымъ приданымъ. Земляки наши попались священнику за 400 верстъ до Иркутска.

Со мною новаго доколѣ ничего не послѣдовало. Хожу въ классъ, слушаю на несноснаго Винклера строгую критику г. Карпова; съ нынѣшняго дня долженъ буду писать свою критику на предварительныя понятія въ смыслѣ философіи Винклера. Тяжела, тяжела наша философія. Заучивай отъ слова до слова лекціи Винклера—и въ то-же время отвергай его мнѣніе. Двойной трудъ. О, еслибы возвратились къ намъ времена Карповскія!“....

9-го октября писалъ мнѣ изъ Абакумова другъ мой о. Граменицкій:

„Не могъ пропустить удобнаго случая, чтобъ не дать вамъ о себѣ извѣстія и вмѣстѣ не засвидѣтельствовать вамъ, постоянно обитающаго въ моемъ сердцѣ, глубочайшаго почтенія. Осмѣливаюсь сдѣлать, другъ, вамъ предложеніе: неугодно-ли будетъ къ прежнему нашему взаимному дружеству присоединить связь родственную? Какъ же это? Мой дядинька Симскій благочинный Василій Петровичъ Приклонскій скончался; если будутъ вамъ предлагать взять его дочь,—ошибка, кажется, быть не должна; но можетъ быть они, пріѣхавъ во Владиміръ, и не сдѣлаютъ вамъ предложенія; сходите къ Андрею Гр.—онъ будетъ сватомъ.

1841 г. Очень, очень желательно мнѣ имѣть прежняго своего друга родственникомъ. Хотя я предлагаю вамъ, но мѣсто и невѣсту знаю только по слуху, смотрите сами. Худаго не слышно; по одобряютъ всѣ и мѣсто и качества физическія и нравственныя невѣсты. Я живу, слава Богу, живъ-благополученъ. Сейчасъ насладился разговоромъ о васъ, радуюсь вашему благополучію. Прошу и молю васъ другъ еще,—не оставьте, — сходите къ Поліевкту Гавриловичу Былинскому, попросите у него письма отъ В. Гавр. и перешлите мнѣ прочитать объ Иркутскихъ обыкновеніяхъ,— очень скоро возвращу вамъ съ благодарностію, — пожалуйста".

Мнѣ дѣйствительно предлагали поступить въ село Симу, Юрьевскаго уѣзда, на мѣсто умершаго священника Приклонскаго, со взятіемъ его дочери, но я отказался. Въ это время у меня снова возродилась мысль о поступленіи въ академію, и я приступилъ уже къ осуществленію этой мысли, началъ перечитывать имѣвшіяся у меня академическія записки; обратился за философскими книгами къ М. П. Алякринскому, у котораго я обучалъ воспитанника: тотъ далъ мнѣ на первый разъ сочиненіе *Окена* „о свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента", въ русскомъ переводѣ *Д. Велланскаго* (Спб. 1816 г.). Но сочиненіе это написано такимъ высокопарнымъ языкомъ, что въ немъ я не могъ почти ничего понять.

Около половины октября умеръ въ Муромѣ соборный священникъ Василій Васильевичъ Царевскій, оставивъ беременную жену и 9 человѣкъ дѣтей. Я не зналъ объ этомъ, но приходитъ ко мнѣ товарищъ Н. К. Смирновъ и спрашиваетъ меня, буду ли я проситься на это мѣсто. Имѣя въ виду, съ одной стороны, мысль о поступленіи въ академію, а съ другой, разсуждая, что соборное священническое мѣсто едва ли можетъ быть предоставлено молодому студенту, только лишь окончившему курсъ семинаріи, я далъ отрицательный отвѣтъ. Ему только это и нужно было знать. Не смотря на то, что онъ гораздо ниже меня стоялъ въ спискѣ, онъ не убоялся искать этого мѣста и разсчитывалъ на успѣхъ, надѣясь на протекцію своего отца крестнаго, Муромскаго городничаго Козьмы Семеновича Макова. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября неожиданно является ко 1841 г.
мнѣ въ больницу учитель Владимірскаго духовнаго училища Алексѣй Михайловичъ Ушаковъ (кандидатъ V курса — 1826 г.—Московской духовной академіи) и говоритъ: „Иванъ Михайловичъ, я пришелъ къ тебѣ сватомъ". — „Доброе дѣло,—отвѣчаю я,—но куда же хотите меня сватать"?— „Въ Муромъ, къ собору, на мѣсто умершаго священника Царевскаго". — О, нѣтъ! я боюсь и проситься туда". — „Нѣтъ, пожалуйста, не отказывайся; повидайся, по крайней мѣрѣ, съ вдовой, которая пріѣхала во Владиміръ и которой рекомендовали тебя, какъ благонадежнаго жениха, а она поручила мнѣ, какъ родственнику, пригласить тебя; она остановилась у Павла Абрамыча Прудентова—(учителя семинаріи, женатаго на родной племянницѣ вдовы Царевской) и чрезъ день, или два пришлетъ за тобой".

Дѣйствительно вскорѣ присылаютъ за мной и приглашаютъ въ квартиру П. А. Прудентова. Прихожу и вижу предъ собой среднихъ лѣтъ вдову, довольно красивую и съ умнымъ выраженіемъ лица. Имя ея Прасковья Степановна; съ ней вмѣстѣ пріѣхала старшая сестра ея Надежда Степановна Аменицкая, теща Прудентова и также вдова. У нихъ во Владимірѣ былъ братъ Павелъ Степановичъ Харизоменовъ—старшій столоначальникъ Консисторіи. Сейчасъ же завели со мною рѣчь о главномъ предметѣ, ради котораго меня позвали. На сдѣланное мнѣ предложеніе я отвѣчалъ уклончиво; меня стали упрашивать, по крайней мѣрѣ, явиться съ ними, на другой день къ Преосвященному, который имъ дозволилъ искать къ сиротѣ достойнаго жениха; при этомъ вручили мнѣ роспись приданаго за невѣстой на двухъ или трехъ страницахъ. Ничего не понимая въ этихъ дѣлахъ, я отправился съ росписью къ о. ректору Поликарпу. Тотъ, поелику самъ былъ семейнымъ человѣкомъ, разсмотрѣвши роспись, нашелъ ее недостаточною; въ ней не значилось ни самовара, ни чайныхъ принадлежностей: поэтому онъ велѣлъ, чтобы все это внесено было въ роспись.

На другой день, часовъ въ 8-мь утра, собрались въ передней архіерейской двѣ сестры-вдовы—Царевская и Аменицкая, братъ ихъ Харизоменовъ и я. Доложили о насъ

1841 г. Владыкѣ; онъ не замедлилъ позвать всѣхъ насъ въ залу. Первый вопросъ Архипастыря обращенъ былъ ко мнѣ:

— „Вѣдь ты сирота?

„Сирота, Владыко святый“.

— „Ты сирота, невѣста сирота, соборъ безприходный, а надо купить тебѣ домъ: на какія же средства будешь покупать?

Я обрадовался, что встрѣтилось препятствіе и говорю Владыкѣ:

„Преосвященнѣйшій Владыко, я имѣю пока кусокъ хлѣба, и потому не имѣю надобности спѣшить выходить на мѣсто“.

Владыка началъ разсматривать списокъ окончившихъ курсъ семинаріи и сталъ разсуждать самъ собою: Смирновъ, за котораго ходатайствуетъ Маковъ, сынъ также не богатаго отца (инспектора Суздальскаго дух. училища), и потому также не въ состояніи пріобрѣсть дома, да къ тому же онъ ниже Тихомирова въ спискѣ. За тѣмъ, какъ бы пробудившись отъ своего размышленія, онъ обращается къ столоначальнику Харизоменову съ вопросомъ: „да, кажется, въ Муромскомъ училищѣ есть праздное учительское мѣсто“?— „Точно такъ, Владыко святый; учитель перваго класса отправился въ Томскую епархію на священническое мѣсто“.— „А сколько учителю 1-го класса жалованья,—продолжаетъ Владыка?—„Триста рублей (ассигнаціями)“.—„Ну, вотъ и хорошо.—Ты,—обращается ко мнѣ Владыка,—будешь учителемъ и будешь получать за это по 300 р. въ годъ; изъ нихъ 100 рублей отдавай сиротамъ.—А ты, баба,—обращается къ вдовѣ Царевской,—отдай ему (т. е. мнѣ) третью часть дома“.

Я началъ было опять уклоняться отъ Муромскаго мѣста, но Преосвященный мнѣ говоритъ: „эту мысль (т. е. объ учительствѣ) самъ Богъ мнѣ внушилъ; поди, послушайся меня, хорошо будетъ“.

Не смѣя болѣе прекекать архипастырской волѣ, я дерзнулъ попросить позволенія предварительно посмотрѣть невѣсту.

„Ну, что-же ты, баба, — обратился онъ къ моей будущей тещѣ; — не привезла сюда дѣвку-то; онъ здѣсь и посмотрѣлъ-бы ее, а то шутка-ли ѣхать за сто двадцать

верстъ?“—Впрочемъ, мнѣ дано было дозволеніе отправиться 1841 г
въ Муромъ.

Но я, какъ приговоренный къ смерти, вышелъ изъ архіерейскихъ покоевъ и бросился къ ректору просить защиты и ходатайства предъ Преосвященнымъ объ освобожденіи меня отъ Муромскаго мѣста. Но добрый о. ректоръ, выслушавши мой разсказъ объ обстоятельствахъ дѣла, далъ мнѣ совѣтъ отправиться въ Муромъ, и если мнѣ не понравится невѣста, сказать ему: тогда онъ употребитъ всѣ усилія къ освобожденію меня отъ нежеланнаго мѣста и не любой невѣсты.

На другой или на третій день отправился я въ Муромъ, въ сопутствіи двухъ вдовицъ. По пріѣздѣ туда, остановился въ домѣ роднаго брата вдовы Царевской, соборнаго же священника Василія Степановича Харизоменова. Смотрю въ окно и вижу соборъ старинной архитектуры XVI столѣтія, стоитъ на высокой, крутой горѣ надъ рѣкою Окой. Слава Богу, первое впечатлѣніе очень доброе. — Что, — думаю,—будетъ дальше?—Изъ другаго окна вижу рядомъ домъ моей невѣсты, новый, довольно красивый и просторный: и это произвело пріятное на меня впечатлѣніе. Чрезъ часъ приглашаютъ меня въ домъ невѣсты. Вхожу. Въ залѣ встрѣчаетъ меня вся семья—мать и 9-ть человѣкъ дѣтей, шесть дочерей и три сына. Имя старшей дочери, моей невѣсты, Анна Васильевна. Тутъ-же были и нѣкоторые изъ ближайшихъ родственниковъ. У меня въ Муромѣ не было никого знакомыхъ, кромѣ стряпчаго А. А. Горицкаго; но онъ меня не зналъ, и мы съ нимъ познакомились уже впослѣдствіи. Такимъ образомъ не съ кѣмъ было мнѣ посовѣтоваться. Я долженъ былъ самъ рѣшить свою судьбу. Прошло дня два, и я, ознакомившись нѣсколько съ невѣстой и семействомъ, и предавъ себя и свою судьбу въ волю Божію, рѣшился сдѣлать роковой шагъ въ жизни.

Возвратившись чрезъ нѣсколько дней во Владиміръ, я подалъ прошеніе Преосвященному объ опредѣленіи меня на должность учителя Муромскаго училища и о предоставленіи мнѣ празднаго священническаго мѣста при Муромскомъ Богородицкомъ соборѣ. По этому прошенію послѣдовалъ запросъ семинарскому Правленію, могу-ли я совмѣстить учительскую должность со священническою. На этотъ запросъ

1841 г. данъ былъ ректоромъ о. Паликарпомъ отъ 18-го ноября слѣдующій отзывъ:

„Студентъ Ив. Тихомировъ, по окончаніи семинарскаго курса, опредѣленъ былъ 12-го іюля сего года смотрителемъ семинарской больницы, каковую должность проходилъ съ отличною ревностію, при поведеніи примѣрно хорошемъ, исправляя иногда, по порученію Правленія, должность наставника по классу греческаго языка за болѣзнію котораго-либо изъ гг. наставниковъ онаго. Къ наставнической должности онъ, Тихомировъ, весьма способенъ и къ совмѣщенію должности учительской при Муромскихъ училищахъ, въ случаѣ потребности, съ должностію священническою никакого препятствія не имѣется".

Между тѣмъ, я поспѣшилъ увѣдомить свою будущую тещу о благополучномъ возвращеніи во Владиміръ и объ обстоятельствахъ моего дѣла. И вотъ что получилъ отъ нея въ отвѣтъ отъ двадцать девятаго ноября:

„Любезнѣйшій Иванъ Михайловичъ!

Пріятное ваше письмо мы получили 22-го числа по утру въ 10-ть часовъ. Читаемъ его каждый день, ибо въ немъ очень много намъ пріятнаго и любезнаго, какъ въ отношеніи меня, такъ и въ отношеніи моего семейства.

Семейство, слава Богу, здорово, чего и вамъ желаютъ,— всѣ они васъ ждутъ, не знаютъ какъ провести скорѣе постъ и дождаться вашего пріѣзда; всѣ деньки считаютъ (какъ говорится) по пальчикамъ, и дай Богъ, чтобы эта несносная зима прошла и наступила вѣчная весна, пріѣхавшая съ вами. Особенностей у насъ никакихъ покамѣстъ нѣтъ, всё по старому. Пожелавъ вамъ добраго здоровья и скораго прибытія къ намъ, остаюсь любящая васъ Прасковья Царевская".

Подавши просьбу Преосвященному, я долженъ былъ приготовиться къ испытанію въ знаніи догматовъ вѣры православной. Самимъ Владыкою составлены были краткія записки по Догматикѣ, состоящія изъ однихъ почти опредѣленій и сухихъ положеній, подкрѣпленныхъ текстами Св. Писанія. Эти записки, переходившія изъ рукъ въ руки, мы обязаны были твердо знать наизусть. Такъ какъ во Владимірской епархіи, при огромномъ количествѣ приход-

ских церквей (около 1050), всегда много было ставлен- 1841 г.
никовъ, то Преосвященный никогда не производилъ испытаній по одиночкѣ, а человѣкъ по пяти или по десяти въ разъ. Насъ, кандидатовъ священства, собралось въ одинъ разъ 10-ть человѣкъ и 11-й съ нами былъ исключенный изъ средняго отдѣленія кандидатомъ на діаконское мѣсто, который подвергался испытанію въ знаніи Пространнаго Катихизиса. Когда мы всѣ собрались къ Преосвященному, онъ приказалъ намъ къ слѣдующему дню приготовить извѣстный трактатъ. Намъ велѣно было явиться въ пять часовъ по полудни. Владыка, вышедши въ залу, приказывалъ намъ становиться въ рядъ по старшинству и начиналъ спрашивать съ низшихъ. Если кто-либо отвѣчалъ на вопросъ неудовлетворительно, онъ обращался къ слѣдующему; если и этотъ не удовлетворялъ вопрошающаго, долженъ былъ отвѣтить слѣдующій и такъ далѣе. Если никто изъ насъ не отвѣтитъ на предложенный вопросъ, — что однажды и случилось: то Владыка отсылалъ насъ и приказывалъ къ слѣдующему дню повторять тотъ же трактатъ. Такимъ образомъ, наше испытаніе, или, вѣрнѣе, истязаніе продолжалось недѣли полторы. Мои отвѣты такъ понравились архипастырю, что онъ говорилъ ректору: „у меня такого студента еще не бывало“,—и приказалъ ему имѣть меня въ виду, въ случаѣ имѣющей открыться учительской вакансіи въ высшемъ классѣ.

По окончаніи экзамена, на моемъ прошеніи дана была преосвященнѣйшимъ Парѳеніемъ 11-го декабря такая резолюція: „Студенту Тихомирову, оказавшемуся въ истинахъ богословскихъ и пѣніи довольно свѣдущимъ, чинить производство во священника, согласно съ прошеніемъ и условіемъ, съ назначеніемъ вмѣстѣ и учителемъ приходскаго Муромскаго училища, такъ какъ къ совмѣщенію обѣихъ должностей—и по весьма хорошимъ свѣдѣніямъ, и примѣрно хорошему поведенію и дознанной отличной ревности—признается, по свидѣтельству о. ректора семинаріи, весьма способнымъ,—о чемъ и сообщить въ семинарское Правленіе“.

14-го декабря писалъ мнѣ, въ отвѣтъ на мое письмо, Абакумовскій другъ мой М. Д. Граменицкій:

„Благодарю, другъ, что сверхъ ожиданія удовлетворили мое жадное любопытство о вашихъ обстоятельствахъ. Точно,

1841 г. и прежде слышалъ я о вашемъ намѣреніи поступить въ Муромъ, слышалъ даже, что вы отправились туда для смотрѣнія и избранія себѣ подружія;—но не зналъ, какія слѣдствія были вашей поѣздки. Теперь-же вижу, что вы чрезъ нѣсколько недѣль вступите въ новую жизнь супружества и священства. Радуюсь — счастливымъ вашимъ обстоятельствамъ. Радуюсь тѣмъ болѣе, — что въ короткѣ знакомъ мнѣ Муромъ; въ томъ самомъ соборѣ, къ угодникамъ котораго я летаю мыслію повседневно, суждено быть служителемъ Божественныхъ таинъ искреннему—ближайшему моему другу.

Питаюсь надеждою, что вы, будучи іереемъ Господнимъ, помянете когда-либо у гроба благовѣрныхъ Муромскихъ князей въ своихъ молитвахъ и мое недостоинство!

Да! жалко милый другъ, что мы, живя нѣсколько времени не такъ въ дальнемъ между собою разстояніи, не могли избрать случая къ своему свиданію; а все виновата въ этомъ надежда на будущее.

Итакъ, неужели намъ суждено болѣе не видѣться? Не можетъ быть! Прошу васъ не медля увѣдомить меня, когда пріѣдете за благодатію во Владиміръ;—я, имѣя давнее намѣреніе ѣхать на родину,—эту дорогу приспособлю къ сему времени. Тутъ повидимся, поговоримъ, сообщимъ взаимныя чувствованія и проч. и проч.

Жалко, что я живши въ Муромѣ не зналъ вашей будущей супруги. Отца Василія я зналъ очень коротко, — вѣрно и ваша супруга достойна васъ, — если наслѣдуетъ свойства покойнаго родителя. Моя Сашинька, такъ же, какъ и я, желаетъ вамъ всѣхъ отъ Бога милостей и счастія. Доколѣ довольно! Надѣюсь, что разстояніе отъ Мурома до Липни это 200 или 170 верстъ, не можетъ поставить границы нашимъ взаимнымъ сообщеніямъ.

Не ошибаюсь“!

Получивши изъ Консисторіи билетъ на вступленіе въ бракъ, я отправился на родину для приглашенія родственниковъ на свадьбу, которая назначена была вскорѣ послѣ крещенія.

29-го декабря писалъ мнѣ изъ Петербурга студентъ академіи Ѳ. Г. Бѣляевъ:

„Съ новымъ годомъ поздравляю тебя. Отъ души желаю

тебѣ обрѣсть новое счастіе на новомъ поприщѣ твоей 1841 г
жизни!

Я не много виноватъ передъ тобой. Такъ долго промедлилъ отвѣтомъ на твое письмо. Ты сердишься? И—полно, братъ, вѣдь проступокъ съ моей стороны совершенно неумышленный. Смотри, я и самъ себѣ не дамъ отчета, почему такъ долго не писалъ къ тебѣ. Шутъ знаетъ, не то, чтобы дѣла заставляли меня отлагать бесѣду съ тобою, и не лѣнь писать пустяшныя епистолейки была тому причиной: а такъ, что-то въ родѣ *не хочется*. Признаться не находилъ и особенныхъ новостей для письма; а безъ новостей что за удовольствіе и посылать и получать письма. Кромѣ вздору и теперь даже не могу ничего сказать тебѣ. Самая однообразная жизнь академическая. Если что-нибудь встрѣчалъ я особеннаго въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ въ академіи: такъ это во время испытаній предъ святками.

Интересно было слушать горячіе споры между профессорами; забавно, даже лестно было каждому высказывать мудрость Божественнаго Винклера... Но сознайся, вѣдь тебѣ нынѣ не по сердцу подобные пустяки? Ты, злодѣй, отложилъ уже попеченіе объ академіи. Дѣло, братъ, дѣло. Мало пользы убить четыре года въ академіи изъ самой цвѣтущей жизни, особенно при такой скудости мѣстъ. То ли дѣло покоиться въ объятіяхъ возлюбленной Анны Васильевны! Наслаждайся, другъ, своимъ счастіемъ: оно теперь вполнѣ разцвѣтаетъ для тебя. Академическая жизнь, повѣрь, скоро наскучила бы и тебѣ. И при удачномъ теченіи дѣлъ академическихъ, какъ мало ясныхъ дней въ моей жизни! Будущее отдалено: — мечтать и жить имъ и безнадежно и вредно. Въ настоящемъ все монахи. А жить въ сообществѣ съ монахами—большая находка!!

Не знаю, что тебѣ еще сказать. Развѣ вкратцѣ о здѣшнихъ святкахъ? Да, здѣшніе святки служатъ наградою для студентовъ за цѣлую треть затворнической жизни. Прелесть, какъ хороши здѣсь вечера. Ужъ подлинно по русски, на славу пируютъ здѣсь даже духовные. Ну что, каковы твои святки? *Должно* быть *занимательны*... Надѣюсь, въ свободное время опишешь все, и старое и новое. Чуръ не секретничать".

На канунѣ новаго года теща моя, Прасковья Степановна,

1842 г. разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго назвала въ память своего покойнаго мужа Василіемъ. Такимъ образомъ этотъ ребенокъ имѣлъ одинаковую со мною судьбу, какъ-бы потому впослѣдствіи мнѣ пришлось о немъ заботиться больше, чѣмъ о прочихъ его братьяхъ.

12-го января совершенъ былъ бракъ въ соборной церкви. На свадьбѣ были мои родственники: о. Василій Сапоровскій, дядя и о. крестный діаконъ Петръ Ивапычъ, зять Василій Александровичъ Левашевъ, сестра Анна Михайловна и, кажется, молодой діаконъ Ивановской единовѣрческой церкви О. С. Виноградовъ, женатый на моей племянницѣ, дочери старшей сестры моей Маріи Михайловны. Брачный пиръ былъ самый скромный, однимъ словомъ, сиротскій.

Чрезъ два или три дня послѣ брака, я отправился во Владиміръ для посвященія. 18-го числа рукоположенъ былъ преосвященнымъ Парееніемъ въ діакона, а 25-го числа, въ день святаго Григорія Богослова, сподобился принять благодать священства въ домовой архіерейской церкви.

На расходы по производству въ священника мнѣ обѣщано было 30-ть рублей, но я получилъ только 25-ть рублей; впрочемъ, этихъ денегъ, при протекціи родственника, консисторскаго столопачальника, было для меня достаточно. Онъ самъ мнѣ назначилъ, кому сколько дать; между прочимъ, секретарю Консисторіи велѣлъ отнести двѣ бутылки рому, и тотъ благосклонно принялъ отъ меня это приношеніе. Квартиру и столъ во все время пребыванія моего во Владимірѣ, имѣлъ я у помянутаго выше родственника моей тещи, священника П. А. Прудентова.

По рукоположеніи, цѣлую недѣлю служилъ я въ большой, крестовой церкви и за тѣмъ, получивъ изъ рукъ моего незабвеннаго рукоположителя ставленную грамоту, отправился въ Муромъ, къ мѣсту моего новаго служенія.

1-го февраля вечеромъ пріѣхалъ я въ Муромъ, и 2-го, въ день праздника Срѣтенія Господня, сподобился совершить соборнѣ съ настоятелемъ собора, протоіереемъ Михаиломъ Григорьевичемъ Троепольскимъ, божественную литургію.

За тѣмъ вступилъ я въ должность учителя перваго класса приходскаго училища.

Считаю умѣстнымъ предварительно познакомить здѣсь 1842 г.
читателя въ краткихъ словахъ съ исторіею города Мурома и съ окружавшимъ меня обществомъ.

Городъ Муромъ, какъ извѣстно, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи; расположенъ на лѣвомъ, возвышенномъ берегу р. Оки. Въ немъ, при народонаселеніи не болѣе 10,000 душъ обоего пола [1]), 3 монастыря—два мужскихъ и одинъ женскій, соборъ и 14-ть приходскихъ церквей.

Спасскій Преображенскій монастырь, 3-го класса, находится почти на окраинѣ города, занимаетъ весьма красивую мѣстность надъ Окою. Когда онъ основанъ, неизвѣстно; но онъ существовалъ уже въ концѣ XI вѣка.

Благовѣщенскій, также третьеклассный, монастырь, находится въ центрѣ города. Онъ основанъ на мѣстѣ древней Благовѣщенской церкви въ 1555 году, по повелѣнію царя Іоанна Васильевича Грознаго, когда онъ возвращался изъ Казани. При этомъ случаѣ обрѣтены были мощи благовѣрныхъ князей Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора, которые и нынѣ почиваютъ въ главной монастырской церкви въ одной ракѣ.

Рядомъ съ Благовѣщенскимъ монастыремъ, чрезъ дорогу, находится Троицкій женскій монастырь, основанный въ 1642-мъ году

Соборъ во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Сооруженъ въ XV вѣкѣ. Въ немъ подъ спудомъ почиваютъ, въ одной ракѣ, мощи князей Муромскихъ Петра и Февроніи.

Муромскія приходскія церкви, между которыми есть очень древнія, не отличаются такимъ благолѣпіемъ и блескомъ, какимъ, какъ мы видѣли, отличаются церкви Шуйскія, хотя въ Муромѣ, какъ и въ Шуѣ, было въ мое время не мало купеческихъ фамилій очень богатыхъ, какъ напр., Маслаковы (Мяздриковы), Зворыкины, Козновы и др.

Главная городская промышленность—полотняная и хлѣбная торговля въ обширныхъ размѣрахъ. Сверхъ сего существуетъ въ городѣ до двадцати пяти фабрикъ и заводовъ.

Изъ духовныхъ лицъ, коихъ я засталъ въ Муромѣ, болѣе примѣчательны слѣдующія:

Настоятель Спасскаго монастыря, архимандритъ Іеронимъ.

---

[1]) Въ 1884 г. было уже 13,682 д.

1842 г. Изъ магистровъ 1-го курса Петербургской духовной академіи, онъ былъ ректоромъ Псковской семинаріи и настоятелемъ Спасо-Елеазарова монастыря съ августа 1821 года по іюль 1823-го г. [1]). За тѣмъ, въ слѣдствіе нетрезвости, посланъ былъ въ Боголюбовъ монастырь, Владимірской епархіи, гдѣ оставался въ званіи настоятеля только до апрѣля 1824 года. Въ это время, безъ сомнѣнія, по причинѣ той же слабости, былъ уволенъ отъ настоятельства. Въ 1829-мъ году снова назначенъ былъ настоятелемъ Муромскаго Спасо-Преображенскаго монастыря и вслѣдъ за тѣмъ опредѣленъ членомъ Владимірской духовной консисторіи. По обязанностямъ этой послѣдней должности онъ постоянно жилъ во Владимірѣ, въ Рождественскомъ архіерейскомъ монастырѣ; въ Муромъ же пріѣзжалъ только вмѣстѣ съ преосвященнымъ Парееміемъ, который всегда бралъ его съ собою при поѣздкахъ по епархіи.

Настоятель Благовѣщенскаго монастыря игуменъ Варлаамъ изъ вдовыхъ сельскихъ священниковъ; управлялъ монастыремъ съ 1838 по 1844 годъ.

Настоятель собора протоіерей Михаилъ Григорьевичъ Троепольскій. Родомъ изъ Орловской епархіи, онъ былъ родный племянникъ преосвященнаго Ксенофонта, бывшаго епископа Владимірскаго. Въ 1804 году (16-ти лѣтъ отъ роду) онъ перемѣщенъ былъ, по желанію дяди, изъ Сѣвской семинаріи во Владимірскую, но не окончивъ здѣсь полнаго курса, 14-го мая 1808-го года рукоположенъ былъ во священника къ церкви Покровскаго женскаго монастыря въ г. Суздалѣ. Отсюда, уже въ санѣ протоіерея, онъ переведенъ былъ 4-го ноября 1816-го года въ Муромъ. Воспитанный подъ строгимъ надзоромъ своего дяди, о. протоіерей всегда былъ строгъ къ себѣ: жилъ въ высшей степени воздержно, пищу употреблялъ простую, удалялся шумнаго общества и любилъ проводить время въ своемъ семействѣ. Онъ былъ членомъ духовнаго Правленія и благочиннымъ подгородныхъ сельскихъ церквей. Дорожа своею репутаціею, онъ ревностно изучалъ какъ церковныя правила, такъ и гражданскіе законы. Добросовѣстно исполняя

---

[1]) Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Рос. церкви *И. Строева*, Спб. 1877 г. стр. 388.

свои обязанности самъ, онъ требовалъ такого-же исполне- 1842 г.
нія и отъ своихъ подчиненныхъ. Чувствуя по временамъ слабость въ ногахъ, онъ не очень любилъ продолжительную службу въ церкви, но при богослуженіи и самъ соблюдалъ, и отъ другихъ требовалъ строгой чинности и порядка. При среднемъ ростѣ, осанистый собою, съ широкою окладистою бородою и съ октавистымъ голосомъ, онъ былъ въ служеніи очень благолѣпенъ. Семейство его, кромѣ жены,— старицы примѣрной кротости, составляли: сынъ Иванъ Михайловичъ и четыре дочери. Сынъ окончилъ курсъ, но по смерти отца, послѣдовавшей 16-го августа 1853 года отъ холеры, велъ жизнь очень бѣдственную. Старшая изъ дочерей, Любовь Михайловна, была въ замужествѣ за учителемъ (впослѣдствіи инспекторомъ) Владимірскаго духовнаго училища, Ив. Гр. Соколовымъ; вторая и третья были также въ замужествѣ за какими-то чиновниками, но не были такъ счастливы, какъ первая; а младшая осталась дѣвицею и влачила самую жалкую жизнь.

Говоря о племянникѣ, не могу не сказать нѣсколько словъ о его досточтимомъ дядѣ, т. е. о преосвященномъ епископѣ Ксенофонтѣ.

Преосвященнаго Ксенофонта я не помню; мнѣ было не много болѣе двухъ лѣтъ, когда онъ оставилъ Владиміръ и отправился на Подольскую епархію. Поэтому я изложу о немъ тѣ только свѣдѣнія, какія найдены мною въ печатныхъ источникахъ.

Преосвященный Ксенофонтъ (Троепольскій) изъ настоятелей Свіяжскаго монастыря рукоположенъ былъ 15-го января 1800 г. въ епископа Свіяжскаго, перваго викарія Казанской епархіи, а чрезъ мѣсяцъ, или не много болѣе, и именно 24-го февраля переведенъ на каѳедру Владимірскую.

Епископъ Ксенофонтъ, говоритъ авторъ исторіи Владимірской семинаріи (стр. 110) [1]), былъ человѣкъ многосторонне образованный; характеристическою чертою его дѣятельности служитъ постоянная, неусыпная забота о духовномъ просвѣщеніи; преданіе говоритъ, что его такъ и называли многіе: „радѣтель духовнаго просвѣщенія“. Но особенную память оставилъ по себѣ преосвящ. Ксенофонтъ торже-

[1]) *Ксен. Надеждинъ.* Владиміръ на Клязьмѣ, 1875. Исторія обнимаетъ періодъ лишь съ 1750 по 1840 годъ.

1842 г. ственностію богослуженія. Высокаго роста, съ длинною темно-русой бородой, въ служеніи онъ былъ величественъ. Торжественности архіерейскаго служенія много способствовалъ счастливый тогдашній составъ причта. Протодіаконъ Орловъ отличался превосходнымъ голосомъ, пріятной наружностью и приличной манерой; соборные діаконы Удальцовъ (впослѣдствіи протодіаконъ) и Смирновъ были также съ прекрасными голосами; въ архіерейскомъ хорѣ знаменитый басъ о. Ѳеодора и художественный теноръ регента Дроздова,—все это въ совокупности придавало архіерейскому служенію священно-торжественный характеръ.

Со всѣми помѣщиками епархіи Преосвященный былъ очень знакомъ; особенно былъ друженъ съ помѣщикомъ села Петровскаго, за Юрьевомъ, княземъ Долгоруковымъ: но съ однофамильцемъ этого князя, Иваномъ Мих. Долгорукимъ, губернаторомъ Владимірскимъ, Ксенофонтомъ былъ не всегда въ благопріятныхъ отношеніяхъ. Вотъ что пишетъ о немъ князь Долгорукій въ своемъ сочиненіи: „Капище моего сердца“ (стр. 295): „Зашелъ ко мнѣ на балъ пьяный попъ, родня Сперанскаго. Я его посадилъ въ полицію,—что случалось и прежде довольно часто; ибо попъ былъ негодяй. Архіерей вывелъ изъ этого страшную исторію, наклепалъ на меня всякихъ небылицъ, воздвигнулъ противъ меня страшную тучу въ Питерѣ, возжегъ негодованіе Государя на меня, какъ на богохульника; словомъ, соединясь мысленно и душевно со всѣми моими врагами въ губерніи, подѣйствовалъ на всю судьбу мою, подавъ первую и сильную причину къ изгнанію меня изъ службы“ [1]).

Возвращусь къ Мурому.

Послѣ протоіерея Троепольскаго второе мѣсто въ средѣ Муромскаго духовенства занималъ настоятель Іоанно-Предтеченской церкви, протоіерей Аѳанасій Яковлевичъ Вино-

[1]) Между тѣмъ вотъ какъ характеризовалъ преосвящ. Ксенофонта преосвящ.Евгеній, архіепископ.Рязанскій, впослѣдствіи Ярославскій, въ письмѣ отъ 12-го марта 1832 г. къ архіепископ. Подольскому Кириллу: „Предмѣстникъ вашего высокопреосвященства(т.е Ксенофонтъ) есть одинъ изъ наилучшихъ и опытнѣйшихъ юриспрудентовъ по церковному правовѣдѣнію и, прибавлю, дальновидный и осторожный“.—Но въ слѣдующемъ за симъ письмѣ отъ 20 іюля Евгеній, въ отвѣтъ на письмо Кирилла, пишетъ, между прочимъ: „Ужасно описаніе качествъ предмѣстника вашего“... (*Чт. въ Общ. люб.дух просв.* 1874 г., III, Матеріалы для исторіи Рус. церкви, стр. 87—88).

градовъ. Получивъ образованіе и воспитаніе въ Лаврской 1842 г
Троицкой семинаріи, онъ рукоположенъ былъ 7-го августа 1810 года въ священника и проходилъ за тѣмъ разныя должности. При мнѣ онъ былъ благочиннымъ градскихъ церквей и членомъ духовнаго Правленія. При достаточномъ образованіи, онъ отличался благородствомъ характера и прямодушіемъ.

Между Муромскимъ духовенствомъ особенное вниманіе заслуживаетъ (по своей горькой, хоть и заслуженной судьбѣ) настоятель Казанской церкви, протоіерей Егоръ Исидорычъ Полотебновъ. Магистръ перваго курса Петербургской дух. академіи, Полотебновъ былъ сначала на службѣ въ Рязанской епархіи и имѣлъ священный санъ. Преосвященный Григорій (Постниковъ), поступивъ въ 1829-мъ году на Рязанскую епархію, приблизилъ къ себѣ Полотебнова, какъ товарища и совоспитанника по академіи; сдѣлалъ его каѳедральнымъ ключаремъ и членомъ Консисторіи: но Полотебновъ не оправдалъ довѣрія архипастыря и началъ предаваться нетрезвости. Сколько ни увѣщавалъ его, сколько ни снисходилъ къ нему Владыка: пользы не было. Но вотъ Преосвященный не исполнилъ какой-то просьбы Полотебнова, несправедливой и незаконной: это возбудило въ семъ послѣднемъ чувство вражды и мщенія къ архипастырю. Вскорѣ представился и случай къ отмщенію. Одинъ сельскій священникъ, по суду Консисторіи, утвержденному преосвящ. Григоріемъ, подвергся законному взысканію. Полотебновъ возбудилъ этого священника протестовать противъ опредѣленія Епархіальнаго начальства и составилъ ему прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ совершенно не кстати возводилъ на архіепископа разныя клеветы.

По изслѣдованіи и разсмотрѣніи въ Св. Синодѣ протеста, онъ былъ признанъ не основательнымъ, а Полотебновъ изобличенъ былъ въ участіи въ клеветѣ на своего епархіальнаго архіерея. Въ слѣдствіе сего, онъ удаленъ былъ изъ Консисторіи съ запрещеніемъ священнослуженія. Мало того; на докладѣ Св. Синода послѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „Ключаря перемѣстить во Владимірскую епархію и дать тамъ мѣсто, по распоряженію мѣстнаго Преосвященнаго, въ уѣздномъ городѣ, ежели есть мѣсто, а ежели

1812 г. нѣтъ, то въ селѣ, и тогда разрѣшить (?!) ему священнослуженіе“ [1]).

На первый разъ священникъ Полотебновъ опредѣленъ былъ преосвященнымъ Парѳеніемъ къ церкви села Казанова, Муромскаго уѣзда, а затѣмъ переведенъ былъ къ Казанской церкви г. Мурома; но когда онъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея, мнѣ съ точностію неизвѣстно.

Протоіерей Полотебновъ былъ высокаго роста, съ рѣзкими суровыми чертами лица, съ короткими сѣдыми волосами на головѣ и съ короткою же, но окладистою бородою. Отличался проповѣдничествомъ, но не чуждъ былъ при этомъ тщеславія. Тщательно составивши проповѣдь на Великій пятокъ, онъ повторялъ ее почти каждый годъ и къ слушанію ея приглашалъ особыми билетами высшую городскую публику.

Скажу за тѣмъ нѣсколько словъ о родствѣ моей тещи, Прасковьи Степановны Царевской, сосредоточенномъ преимущественно въ Муромѣ. У ней были здѣсь два брата и двѣ сестры.

Одинъ изъ братьевъ, Василій Степановичъ Харизоменовъ былъ, какъ выше уже замѣчено, священникомъ при томъ-же соборѣ, къ которому и я опредѣленъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ втораго класса приходскаго училища. Онъ женатъ былъ на дочери священника того-же собора о. Парѳенія Тумскаго, Аннѣ Парѳеньевнѣ, съ опредѣленіемъ во священника на мѣсто тестя.

Другой братъ Александръ Степановичъ Харизоменовъ, получилъ не полное образованіе въ Московскомъ университетѣ, подвергся разстройству умственныхъ способностей и велъ скитальческую жизнь.

Старшая сестра Прасковьи Степановны, Надежда Степановна была въ замужествѣ за священникомъ Егоромъ Ѳеодоровичемъ Аменицкимъ, который сначала былъ инспекторомъ Владимірскихъ училищъ, а потомъ смотрителемъ Муромскихъ и здѣсь въ 1830-мъ году скончался отъ холеры, оставивъ послѣ себя троихъ сыновей и четырехъ дочерей.

---

[1]) Архіепископъ Евгеній Казанцевъ. Біографич. очеркъ, составл. протоіер. *І. Благовѣщенскимъ*. М. 1875 г. стр. 2—4.

Младшая сестра Екатерина Степановна была за мужемъ за полковымъ священникомъ Василіемъ Никитичемъ Вознесенскимъ. Овдовѣвши, она возвратилась въ Муромъ съ двумя малолѣтними сыновьям—Викторомъ и Павломъ. 1842 г

Сверхъ сего, у моей тещи было въ Муромѣ три или четыре дома родственныхъ между дворянами.

Училищный кругъ, въ который я вступилъ по званію учителя, составляли слѣдующія лица.

Смотритель училища іеромонахъ Нифонтъ (въ мірѣ Никита Даниловичъ Успенскій). По окончаніи курса въ семинаріи въ 1832-мъ году, съ званіемъ студента, онъ проходилъ должности лектора еврейскаго и греческаго языковъ, учителя въ училищахъ—Владимірскомъ, Переславскомъ и Муромскомъ. Въ 1836-мъ году принялъ монашество; въ 1842-мъ году былъ опредѣленъ въ должность смотрителя Муромскаго училища, а въ 1844-мъ году былъ назначенъ настоятелемъ Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ игумена. Велъ жизнь трезвую и былъ очень дѣятеленъ; лишенный одного глаза, онъ былъ очень дальнозорокъ. Былъ крайне гостепріименъ, и самъ любилъ не рѣдко выѣзжать въ гости.

Инспекторъ училища и учитель латинскаго языка въ высшемъ отдѣленіи, священникъ Иванъ Ѳедот. Грандицкій. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ градской Христорождественской церкви. Человѣкъ даровитый и отличный знатокъ латинскаго языка и другихъ преподаваемыхъ имъ предметовъ; строгихъ нравственныхъ правилъ; при характерѣ, не отличавшемся мягкостію и снисходительностію, онъ, какъ инспекторъ, въ страхѣ держалъ училище.

Учитель греческаго языка и соединенныхъ съ нимъ предметовъ въ томъ же высшемъ отдѣленіи, священникъ Василій Никол. Спекторскій. Онъ такъ же, какъ и Грандицкій, былъ приходскимъ священникомъ при Космо-Даміановской церкви. Не знаю, въ какой мѣрѣ онъ свѣдущъ былъ въ преподаваемыхъ имъ предметахъ, но въ исполненіи своей обязанности не всегда былъ исправенъ.

Учитель латинскаго языка и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ въ первомъ низшемъ отдѣленіи, священникъ Троицкой, при дѣвичьемъ монастырѣ, церкви Матѳеей Ив. Шеметовъ. Отличался крайнею добросовѣстностію въ исполненіи

1842 г. своихъ обязанностей и необыкновенною кротостію характера. Съ нимъ я былъ въ самыхъ добрыхъ, искреннихъ отношеніяхъ, хотя онъ былъ много меня старше.

Учитель греческаго языка и другихъ предметовъ въ томъ же отдѣленіи, студентъ семинаріи Гавр. Вас. Ястребовъ. По окончаніи курса въ 1836 году пытался поступить въ Московскую дух. академію волонтеромъ, но не былъ принятъ. Съ живыми способностями и съ горячимъ, но непостоянымъ, характеромъ: мечталъ о монашествѣ, но женился на дочери помянутой вдовы Аменицкой и впослѣдствіи принялъ священническій санъ. Послѣ протоіерей.

Учитель латинскаго языка во 2-мъ низшемъ отдѣленіи, студентъ Иванъ Гаврил. Покровскій—наставникъ солидный и характера молчаливаго.

Учитель греческаго языка и пр., кандидатъ Петербургской дух. академіи Иванъ Гавр. Бѣляевъ. Не отличался предъ прочими наставниками никакими особенными достоинствами.

Учитель втораго класса приходскаго училища, помянутый выше соборный священникъ Василій Степановичъ Харизоменовъ, отличавшійся добрымъ и кроткимъ характеромъ.

Слѣдуетъ теперь сказать о моей общественной дѣятельности и семейной жизни.

При соборѣ по штату положено: протоіерей и два священника, діаконъ и два псаломщика.

Протоіерей, по заведенному имъ порядку, чреды не исправлялъ, хотя получалъ жалованья и доходовъ въ полтора раза больше противъ священниковъ. Такимъ образомъ, мы съ о. Харизоменовымъ поочередно совершали въ соборѣ ежедневное богослуженіе. Въ воскресные и праздничные дни всенощная—лѣтомъ обыкновенно совершалась съ вечера, а зимою утромъ въ 4 часа. Въ будніе дни утреня—зимою начиналась въ четыре часа, а лѣтомъ въ три часа по полуночи. Литургія ранняя (только по праздникамъ) въ 6 часовъ утра, а поздняя всегда въ 8 часовъ. Между утреней и литургіей не рѣдко случалось ходить по домамъ для молебствій съ чудотворною иконой нерукотвореннаго образа Спасова, а послѣ литургіи почти ежедневно совершались молебны для приходящихъ изъ разныхъ мѣстъ богомольцевъ предъ мощами почивающихъ въ соборѣ чудотворцевъ Петра и Февроніи. И это былъ главный источникъ содержанія для соборнаго причта,

такъ какъ соборъ былъ безприходный. Вотъ сколько я могъ 1842 г
получать отъ собора въ годъ: 40 рублей ассигнаціями (11 рублей 43 коп. серебромъ) штатнаго жалованья и до 200 рублей серебромъ изъ братской кружки. Правда, у меня была небольшая паства, состоявшая изъ трехъ неполныхъ дворовъ, которую я наслѣдовалъ отъ своего тестя, Василія Васильевича Царевскаго, который пользовался въ городѣ общимъ уваженіемъ. Паству эту составляли: городничій Козьма Семенычъ Маковъ съ женою старушкой,—окружный начальникъ Николай Егорычъ (фамиліи не помню), женатый на лютеранкѣ и жена лѣсничаго — нѣмца. Но эта малая паства на первыхъ же порахъ послужила поводомъ къ взаимнымъ непріятнымъ отношеніямъ между мною и старшимъ священникомъ Харизоменовымъ. Жена послѣдняго вознегодовала, почему такія почетныя особы пожелали имѣть своимъ духовникомъ меня — пришельца, а не ея мужа — Муромскаго старожила.

Что касается до отношеній моихъ къ настоятелю собора, протоіерею М. Г. Троепольскому, то они были самыя добрыя и мирныя. Онъ, предупрежденный на счетъ меня добрымъ отзывомъ зятя своего, учителя Владимірскаго училища П. Г. Соколова, съ первой встрѣчи полюбилъ меня какъ сына, а я, въ свою очередь, платилъ ему искреннимъ почтеніемъ и послушаніемъ. Я не помню случая, когда бы я не исполнилъ какого-либо приказанія или порученія его.

Кромѣ совершенія церковныхъ службъ, я не имѣлъ возможности часто заниматься проповѣданіемъ слова Божія, какъ потому, что занятъ былъ училищною службой, такъ и потому, что въ соборѣ обязаны были говорить поочередно проповѣди всѣ городскіе и сельскіе окрестные священники. Мнѣ приходилось сказать въ годъ не болѣе двухъ или трехъ проповѣдей; развѣ бывало иногда поручитъ еще протоіерей, какъ цензоръ проповѣдей, написать проповѣдь за какого-нибудь сельскаго священника, который не можетъ по какимъ-либо обстоятельствамъ явиться въ городъ для произнесенія поученія.

Училищная служба требовала отъ меня ежедневныхъ трудовъ. Пока я былъ учителемъ перваго приходскаго класса, я долженъ былъ каждый день заниматься утромъ три часа и послѣ обѣда два. Мальчиковъ привозили въ первый классъ

1842 г. иногда безъ всякой почти подготовки, а ихъ было отъ 30 до 40 человѣкъ. Я долженъ былъ съ нѣкоторыми начинать почти съ азбуки; о чистописаніи уже говорить нечего. Когда, бывало, прихожу въ классъ и заставлю учениковъ писать, они одинъ за другимъ подходятъ ко мнѣ съ перьями и съ дѣтскою наивностію говорятъ: „дядюшка, очини мнѣ перышко". — И грѣхъ и смѣхъ. — Но какое за тѣмъ утѣшеніе видѣть этихъ наивныхъ дѣтей природы постепенно развивающимися и успѣвающими въ наукахъ, видѣть въ ихъ взорахъ оживленность и бодрость!

Независимо отъ училищныхъ занятій, я имѣлъ нѣсколько частныхъ уроковъ. Это служило нѣкоторымъ подспорьемъ къ моимъ ограниченнымъ средствамъ, доставляемымъ службою. Какое же, однако, получалъ я вознагражденіе за эти труды? — 20 копѣекъ серебромъ за полутора-часовой урокъ!... Разъ только какой-то заѣзжій подполковникъ, пригласивъ меня заниматься съ его сыномъ, назначилъ мнѣ за урокъ по 75 копѣекъ: но когда узналъ, что другіе платятъ гораздо меньше, предложилъ мнѣ 50 копѣекъ. Я, разумѣется, охотно согласился и на эту цѣну. Но эти уроки, не помню, почему-то скоро прекратились.

Все, свободное отъ служебныхъ занятій, время, хотя его было очень не много, — я посвящалъ чтенію книгъ. При соборѣ была очень порядочная библіотека, состоявшая преимущественно изъ свято-отеческихъ твореній въ славянскомъ переводѣ. Изъ ней я прочиталъ бесѣды Златоуста о покаяніи; нашелъ, впрочемъ, въ ней первое изданіе проповѣдей знаменитаго проповѣдника Филарета, 1820 года, когда онъ былъ еще архіепископомъ Ярославскимъ. Эта книга почти не выходила изъ моихъ рукъ. Съ 1843 года начали издавать при Московской дух. академіи журналъ: „Творенія св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ". Напечатаны были, какъ извѣстно, прежде всего творенія св. Григорія Богослова: ихъ я прочиталъ отъ начала до конца. Одна духовная дочь моя, именно супруга городничаго, преемника Макова, М. М. Пасенко привезла мнѣ изъ Москвы въ даръ три тома сочиненій извѣстнаго витіи, архіепископа Иннокентія, изданные въ 1843 году Погодинымъ. Эти ораторскія произведенія были изучены мною почти наизусть. Съ свѣтскою литературой я меньше имѣлъ возможности знакомиться,

Помню только, что я, познакомившись съ штатнымъ смо- 1842 г
трителемъ Муромскаго уѣзднаго училища, Ѳ. Я. Яковлевымъ, бралъ у него изъ училищной библіотеки Описаніе отечественной войны 1812 и слѣдующихъ годовъ, *Михайловскаго-Данилевскаго*, и съ увлеченіемъ читалъ оное, сдѣлавши изъ него нѣсколько листовъ выписокъ, которые и доселѣ цѣлы у меня. Я не читалъ газетъ, но меня убѣдилъ читать ихъ учитель уѣзднаго училища Иванъ Тихоновичъ Остроумовъ, выпущенный изъ Петербургской дух. академіи въ 1831 году за какія-то непристойныя выходки, съ званіемъ студента, хотя по своимъ дарованіямъ онъ могъ быть въ числѣ первыхъ магистровъ. О. протоіерей Троепольскій, любя самъ читать медицинскія книги, далъ мнѣ изъ своей библіотеки и рекомендовалъ прочитать сочиненіе *Гуфеланда*: „Искусство продлить человѣческую жизнь (Макровіотика)“.

Въ Муромѣ я началъ заводить свою собственную библіотеку. Впрочемъ основаніе ея было положено еще въ семинаріи. Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя я ежегодно получалъ въ награду за успѣхи въ наукахъ, я пріобрѣлъ тамъ на свои скудныя средства славянскую Библію съ параллельными мѣстами, въ четырехъ томахъ. Въ Муромѣ же куплены были мною слѣдующія сочиненія: 1) Правила высшаго краснорѣчія, соч. *М. Сперанскаго*, Спб. 1844 года; 2) О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія, архимандр. *Евсевія*, М. 1844 года; 3) Письма о должностяхъ свящ. сана, *А. Стурдзы*, Одесса, 1844 года и др.

Семейная жизнь моя, въ продолженіи трехъ лѣтъ, шла мирно и благополучно. Не смотря на многочисленное семейство моей тещи, съ которой я жилъ въ одномъ домѣ, между нами не было разлада. Столъ у насъ былъ общій. При большомъ родствѣ въ городѣ, не рѣдко были у насъ взаимныя посѣщенія, но угощеніе было самое скромное и простое; не обходилось, конечно, при этомъ безъ забавъ и увеселеній: одни играли въ карты, другіе въ шашки, а иные вели только пріятныя дружественныя бесѣды.

Не прекращались у меня письменныя сношенія и съ моими кровными родственниками и друзьями.

Такъ, мнѣ писалъ отъ 18-го марта 1842-го года мой неизмѣнный другъ, Абакумовскій священникъ М. Д. Граменицкій:

1842 г.

„Приснопамятный другъ!
Честнѣйшій во іереяхъ Иванъ Михайловичъ
Священствуйте!

Да, честь имѣю поздравить васъ, милый другъ, съ законнымъ бракомъ, желаю вамъ счастія, любви и постояннаго согласія, за симъ поздравляю васъ съ благодатію священства, отъ души желаю ходити вамъ достойно вашего высокаго званія и быстро тещи на пути благовѣствованія Христова, наконецъ, съ успѣхомъ желаю вамъ бросать первоначальныя сѣмена ученія на юной почвѣ изъ подъ надзора родителей непосредственно — перешедшихъ и имѣющихъ впредь переходить къ вамъ юношей, — за всѣ сіи подвиги, совершенные вами успѣшно (чего отъ чистаго сердца желаю), да будетъ вамъ мзда многа на небеси!

Итакъ, другъ, наши мечты о свиданіи изчезли по пусту! Болѣе уже нѣтъ надежды по прежнему — дружески, откровенно передать взаимно звуки сердца лично? А какъ хотѣлось-то! Не повѣрите, я не дождавшись вѣсти когда вы будете посвящаться, по умозаключенію застать васъ во Владимірѣ и проститься, можетъ быть, на всегда, поѣхалъ къ пятницѣ — къ 6-му числу февраля, и къ несчастію услышалъ, что вы за недѣлю прежде уже отправились къ должности. Какъ шальной цѣлыя сутки таскался по Владиміру, — видѣлъ нѣкоторыхъ изъ друзей, но все-таки не могъ забыть о васъ, тѣмъ болѣе сожалѣлъ, что прежде — знакомый мнѣ Муромъ отъ Липни отстоитъ слишкомъ на полтораста верстъ, слѣдовательно Ивана Михайловича я уже не увижу и въ подзорную трубу! На канунѣ Арх. имянинъ [1]) стоялъ всенощную въ домовой церкви; въ субботу утромъ съ постылымъ сердцемъ, съ холодной душою отправился съ своимъ подружіемъ обратно во свояси. Нѣсколько попегодовавъ на васъ, что не подорожили свиданіемъ нелицемѣрно расположеннаго въ вамъ brrcollegae — не написали писулечки о времени прибытія вашего во Владиміръ, о чемъ прежде я васъ просилъ. А болѣе винилъ и виню себя, что въ полгодичное время не могъ побывать я во Владимірѣ или васъ попросить къ себѣ. Не зналъ, другъ, такого крутаго пере-

[1]) Имянины преосв. Парѳенія были 7 февраля.

ворота въ судьбѣ вашей,—у меня непремѣнное намѣреніе 1842 г.
было затащить васъ къ себѣ на масленицу, — но такъ не угодно было Всевышнему. Теперь только и надежды на случай, который (случай парень добрый, — онъ то-же иногда подшучиваетъ) насъ вмѣстѣ, можетъ быть, заведетъ во Владиміръ; или не вздумаемъ-ли мы съ супругою когда помолиться къ чудотворцамъ Муромскимъ. Все это неопредѣленно.

Я благополученъ. Весь мясоѣдъ принималъ и провожалъ въ сѣрыхъ мундирахъ почтенныхъ посѣтителей—духовныхъ чадъ своихъ,—а посѣщали-то всё касательно браковъ, коихъ на мою часть привелось нынѣ окружить съ десятокъ. Посмотрѣли-бы вы на эти полныя суевѣрія, набитыя глупостію ихъ брачные обряды, — неудержимый смѣхъ! да и великій грѣхъ! Хотѣлось побывать на родину, и то не собрался, развѣ какъ уже по веснѣ.

Теперь постъ, каждую пятницу принужденъ бываю стоять часовъ по 10: ибо приходитъ еженедѣльно человѣкъ по двѣсти на исповѣдь, а въ прочіе дни покоюсь—почитываю— у нашего барина библіотека богатая, — спасибо снабжаетъ книгами. По понедѣльникамъ и четвергамъ хожу къ господину на кондиціи обучать закону Божію и лат. языку и проч... барышню.

Вы скажите, другъ, о Муромѣ, какъ онъ вамъ показался? дайте понятіе о вашихъ доходахъ, о трудности служенія и о прочихъ удовольствіяхъ жизни, нѣтъ-ли у васъ новостей? Кто учителя въ училищѣ, на чье мѣсто вы поступили? и проч. Не откажитесь о всемъ подробнѣе увѣдомить, если не желаете прервать давняго между нами искренняго дружества и клятвеннаго обѣщанія. Помните-ли? Я всегда живо представляю и бурсацкій садъ, и тѣ игривыя мечты, которыя кружили наши неопытныя головы. Еще прошу и молю отслужите, не поставьте себѣ въ трудъ, я прошу какъ друга и жена моя,—какъ благодѣтеля,—отслужите молебенъ Петру и Февронію при ихъ гробѣ о моемъ здоровьѣ, за что самъ постоянно буду обязанъ молиться о васъ. Въ Муромѣ, знаю, вамъ жить понравится,—при томъ-же вы живете на самомъ красивомъ мѣстѣ, въ глазахъ соборъ, подъ бокомъ Ока,— а лѣтомъ-то веселье! И это веселье вѣрно въ 10,000 кратъ, а можетъ и болѣе усугубитъ своими ласками ваша милая супруга.

1842 г. За симъ, пожелавъ вамъ возможнаго на землѣ блаженства, прося не забывать меня окаяннаго въ вашихъ святыхъ молитвахъ и самъ обязуясь платить тѣмъ-же, остаюсь истинно—нелицемѣрно любящій васъ другъ Абакумовскій іерей Михаилъ.

P. S. Любя васъ, не могу не засвидѣтельствовать чистосердечнаго почтенія и супругѣ вашей Аннѣ Васильевнѣ. Желаю всѣхъ благъ и радостей".

9-го апрѣля писалъ мнѣ изъ Владиміра, въ отвѣтъ на мое письмо, ученикъ высшаго отдѣленія семинаріи, дальній мой родственникъ и землякъ, уроженецъ села Иванова, Андрей Альбицкій:

„Письмо ваше я получилъ 23 марта. Пріятно было читать писанныя вами строки; съ удовольствіемъ перечитываю я ихъ и доселѣ. Ибо изъ сихъ не многихъ строкъ я узналъ весьма многое. Узналъ, что въ супружеской жизни вы нашли для себя истинное счастіе, и что, не смотря на множество возложенныхъ на васъ обязанностей, вы можете еще удовлетворять стремленіямъ любознательнаго своего духа. Дай Богъ, чтобы это счастіе продлилось на многія лѣта. При томъ изъ вашего письма я узналъ, что вы еще не забыли того дружества, какое долго сохранялось между нами, не смотря на то, что вы поставлены совершенно въ другихъ уже отношеніяхъ. Радуюсь и благодарю Бога, что ни дальность разстоянія, ни разность состояній не могла еще прервать нити сего дружества. Надѣюсь, что и на будущее время вы не оставите меня своимъ расположеніемъ и не откажетесь подѣлиться съ стариннымъ другомъ нѣсколькими минутами досуга.

Что касается до нашихъ Владимірскихъ новостей: то я до нихъ не охотникъ и потому не знаю, что сказать вамъ новенькаго. Впрочемъ, скажу, что знаю. Между нами—семинаристами *промчеся слово*, будто нашъ попечитель о. ректоръ Поликарпъ скоро отправится на чреду въ Петербургъ, только не могу ручаться за вѣрность сего (слуха) слова,—не знаю не выдумка-ли это какихъ-нибудь шарлатановъ, коихъ у насъ въ семинаріи довольно. За новость также сообщаю вамъ объ опредѣленіи нѣкоторыхъ изъ вашихъ друзей и товарищей на священническія мѣста, а именно: Иванъ Ефимовичъ Целебровскій выходитъ въ

вашъ Муромскій уѣздъ — въ погостъ Зяблицкій, Василій Петровичъ Твердиславъ — въ уѣздъ Юрьевскій, — въ село Андреевское, и оба они получили уже билеты для женитьбы. 1842 г.

Теперь слѣдуетъ сказать что-нибудь новенькаго о себѣ самомъ. Честь имѣю рекомендоваться вамъ, что я не просто уже ученикъ семинаріи, но и нѣкотораго рода ремесленникъ. Для нѣкоторыхъ цѣлей я вздумалъ у досугу изучиться переплетать книги, и подъ руководствомъ извѣстнаго вамъ малаго Петра Орлова уже нѣсколько успѣлъ въ выполненіи сего намѣренія. За истинность сихъ словъ можетъ ручаться переплетенная мною ваша книжица, которую вы получите, я думаю, вмѣстѣ съ симъ письмомъ отъ Александра Егорыча. Остальныя тетради ваши не посылаю въ настоящее время потому, что онѣ еще не переплетены; а не переплетены потому, что не знаю еще вашего мнѣнія объ этомъ предметѣ, опасаюсь, какъ бы вмѣсто услуги не причинить вамъ огорченія своимъ неискуснымъ мараньемъ. Надѣюсь узнать ваши мысли объ этомъ вскорѣ послѣ Пасхи отъ Александра Егорыча, и тогда все сдѣлаю по вашему желанію. Да вотъ еще и позабылъ было сказать вамъ о старинной новости, которая имѣетъ повстрѣчаться со мною въ завтрешній день. Завтра я имѣю отправиться вмѣстѣ съ другими въ село Иваново, и тамъ отъ лица вашего думаю засвидѣтельствовать почтеніе всѣмъ вашимъ роднымъ и знакомымъ. Надѣюсь, что вы не почтете за это меня дерзкимъ.

Не зная никого, и самъ не бывъ извѣстенъ никому изъ вашихъ домашнихъ, я не смѣю свидѣтельствовать имъ моего почтенія. Что касается до васъ лично, то имѣю честь привѣтствовать васъ съ наступающею Великою седмицею св. Четыредесятницы, желаю счастливо встрѣтить и весело провести праздникъ св. Пасхи.

Всѣ ваши старинные друзья и знакомые единогласно свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе,—то и дѣло слышишь: отъ меня напиши поклонъ, отъ меня засвидѣтельствуй почтеніе, такъ что если-бы переписывать всѣхъ поимянно, то, думаю, не достало-бы миніатюрнаго лоскуточка бумаги, не достало бы и времени повѣствующему.

Не гнѣвайтесь на меня за сухость и холодность сего письмеца—причины этого кажется вамъ извѣстны.

1842 г. Остаюсь всегда преданный вамъ покорный вашъ слуга Андрей Альбицкій".

Далѣе слѣдуютъ собственноручныя приписки нижеподписывающихся лицъ.

„Любезнѣйшему другу Ивану Михайловичу свидѣтельствую нижайшее почтеніе и желаю много лѣтъ священствовать. Желательно мнѣ было посѣтить васъ объ св. Пасхѣ; но къ несчастію остаюсь здѣсь во Владимірѣ.

Изв. вамъ Як. Обтемперанскій.

Яковъ Горицкій посылаетъ вамъ самый полновѣсный поклонъ. Завтра же онъ отправляется домой—на лыжахъ восторга въ объятія матери и къ о. Василію въ гости".

29-го мая писалъ я въ Иваново къ своимъ роднымъ—зятю Василію Александровичу и сестрѣ Маріѣ Михайловнѣ Левашевымъ:

„Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ думается, какъ будто-бы я нѣсколько виноватъ предъ вами, что не писалъ вамъ около трехъ мѣсяцевъ ни одной строчки. Къ тому-же и было о чемъ писать, и нельзя пожаловаться на совершенный недосугъ. Оправданіе нахожу для себя въ томъ только, что отъ васъ доселѣ не получаю отвѣта на мои письма. При семъ у меня та мысль, что или мои письма не доходятъ къ вамъ, какъ случилось съ первымъ письмомъ на святкахъ,—или Ѳедоръ Семенычъ [1]) лѣнился отвѣчать. Если допустить первое,—то значитъ, что письменныя сношенія между нами должны быть очень рѣдки за тѣмъ, что вѣрныхъ окказій въ Иваново, не знаю, часто-ли можно встрѣчать въ Муромѣ. Если-же справедливо послѣднее: то Ѳедоръ Семенычъ остается виноватымъ, и не столько предо мною, сколько предъ своими родными, которые на сихъ дняхъ были у меня, и съ нетерпѣніемъ желаютъ знать о его положеніи. Впрочемъ, что-бы ни было причиною вашего молчанія,—рѣшился ввѣрить почтѣ еще одно письмо,—на которое покорнѣйше прошу васъ отвѣчать не письменнымъ посланіемъ, а личнымъ свиданіемъ. Я думаю понятно, о чемъ идетъ рѣчь. Если нѣтъ: то я вамъ объясню. Вотъ наступаетъ мѣсяцъ іюнь,—мало по малу приближается 25-е число;—это день нашихъ чудотворцевъ,—свѣтлый празд-

[1]) Виноградовъ, — діаконъ Единовѣрческой церкви въ гор. Ивановѣ; женатъ былъ на родной племянницѣ преосвященнаго Саввы. Скончался въ мартѣ 1897 года.

никъ града Мурома,—время прекрасное. Мнѣ-бы очень 1842 г.
хотѣлось встрѣтить и проводить первый въ моей брачной жизни праздникъ съ вами, моими милыми родными. И чтобы могло воспрепятствовать вамъ удовлетворить моему усерднѣйшему и искреннему желанію? Скажете: служба по церкви, домашнія заботы и недосуги, дальнее разстояніе? У любящихъ искренно эти обстоятельства не должны быть препятствіемъ къ свиданію и посѣщенію любимаго. Особенно вы, сестрица, не думаю, чтобъ измѣнили своему слову. И можете ли представить, какое удовольствіе принесете мнѣ своимъ посѣщеніемъ?—Съ какимъ удовольствіемъ я буду слушать разсказы о вашемъ положеніи, о вашихъ Ивановскихъ новостяхъ.—Думаю, что надежда меня не обманетъ—видѣть хотя кого-нибудь изъ васъ у себя въ праздникъ.—Для надежнѣйшаго удовлетворенія моему желанію потрудитесь какъ нибудь снестись съ Горицкими; я приглашаю на праздникъ такъ же и тетушку Татьяну Ивановну. Съ общаго согласія и общими силами вамъ будетъ легче и удобнѣе рѣшиться предпринять путешествіе. Впрочемъ, оставляю это вашему благоусмотрѣнію,—только не лишайте меня удовольствія видѣть васъ у себя.—Итакъ, до пріятнаго свиданія...

Между тѣмъ поразскажу вамъ кос-что о себѣ. Не смотря на то, что служу при безприходномъ соборѣ, я имѣю у себя духовныхъ дѣтокъ. Городничій и еще одна барыня, по преемству, избрали меня отцомъ духовнымъ. Могу похвалиться своими дѣтками,—люди очень хорошіе, хотя и не такъ щедры, какъ въ Ивановѣ; но эта общая черта всѣхъ Муромлянъ. На пятой недѣлѣ Великаго поста, въ день ангела своего, дѣлалъ вечеръ,—приглашалъ къ себѣ всѣхъ родныхъ, учителей и знакомыхъ дворянъ. Этотъ вечеръ стоилъ мнѣ рублей около 70-ти. Дѣлать нечего: съ волками жить, надобно по волчьи выть,—дѣло городское, и самъ частенько бывалъ на подобныхъ вечерахъ. Святую Пасху проводилъ довольно весело. Тутъ я познакомился со всѣмъ Муромомъ—былъ у всѣхъ почти дворянъ и богатыхъ купцовъ. Но это знакомство слишкомъ дорого стоило бы, если бы одинъ богатый купецъ—новый нашъ староста—не услужилъ намъ парочкой лошадей. Вамъ любопытно знать о нашихъ доходахъ? Доходы наши въ сравненіи съ Иванов-

1842 г. скими очень не велики: впрочемъ и мы въ св. Пасху находили на общество поболѣе двухъ сотъ рублей. Со времени поступленія своего, т. е. съ февраля и доселѣ я получилъ доходу отъ собора около двухъ сотъ, да отъ училища сто рублей жалованья. Но такихъ доходовъ на настоящіе мои расходы недостаточно; долженъ былъ одолжиться, и, благодаря Александру Алексѣичу,— безъ малѣйшей отговорки и безъ всякихъ документовъ, получилъ отъ него сто рублей на исправленіе моихъ нуждъ. Авось какъ-нибудь при помощи Божіей поправлюсь. Недавно слышалъ я изъ Владиміра новость, для меня очень интересную. Слышно, что у насъ одинъ изъ учителей 3-го класса скоро, можетъ быть, перейдетъ въ семинарію, такъ какъ онъ изъ академіи. Это мѣсто семинарское начальство, по волѣ Владыки, думаетъ предоставить мнѣ. Очень хорошо, если-бы это сбылось..... И настоящее мое положеніе, слава Богу, хорошо—особенно тѣмъ, что я спокоенъ духомъ, живу со всѣми въ мирѣ, и съ семейными и съ сотоварищами по службѣ—соборной и училищной,—отъ начальства того и другаго пользуюсь добрымъ расположеніемъ, — особенно отъ о. протопопа пріобрѣлъ большую довѣренность—по собору.—При спокойствіи душевномъ наслаждаюсь легкимъ упражненіемъ въ обработываніи своего небольшого садика. Да я уже слишкомъ много наговорилъ вамъ, надобно поберечь что-нибудь для разговоровъ при личномъ свиданіи.

Анна Васильевна усердно желаетъ вамъ добраго здоровья, и вмѣстѣ со мною остается въ несомнѣнной надеждѣ видѣть васъ у себя на праздникъ,— и въ благодарность за ваше посѣщеніе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ вакаціи, какъ благопріятнѣйшаго времени быть у васъ.

Прощайте,— будьте здоровы,—по полученіи сего письма не медлите обдумывать планъ для путешествія къ намъ.

Братъ вашъ, Муромскаго Б. собора свящ. І. Тихомировъ".

„Любезные мои!

Ѳедоръ Семенычъ и Авдотья Васильевна!

будьте здоровы, счастливы и веселы.

Убѣдить васъ касательно посѣщенія меня на праздникъ, кажется, не слишкомъ трудно. Кромѣ моего собственнаго

приглашенія къ себѣ, я имѣю порученіе отъ вашихъ род- 1842 г.
ныхъ просить васъ въ Муромъ непремѣнно. Они крайне желаютъ видѣть васъ. Грѣшно вамъ будетъ отказаться...

Сашинькѣ кланяемся и цѣлуемъ.

Кланяйтесь отъ насъ Ивану Иванычу и сестрицѣ Аннѣ Махайловнѣ,—предложите имъ, не угодно-ли и имъ вмѣстѣ съ вами посѣтить меня".

9-го іюня писалъ мнѣ изъ Горицъ о. Василій Сапоровскій:

„Много протекло времени, какъ мы разстались и не видались; много, кажется, было случаевъ пописать другъ къ другу, но ни тотъ ни другой не пишемъ и не писали. Признаюсь, что я ограничивался одними поклонами посредствомъ другихъ; мнѣ слѣдовало-бы васъ особеннымъ письмецомъ возблагодарить за ваше при бракѣ угощеніе, но этого-то мнѣ не угодилось—и эту вину простите.

Изъ послѣдняго письма вашего къ отцу крестному, который удостоилъ меня прочесть, видѣлъ я и порадовался, что начало очень хорошо. Вы начали строить храмину земнаго блаженства не на песцѣ—не на хитрыхъ оборотахъ, лукавствѣ или самонадѣятельной гордости; но на твердыхъ основаніяхъ — на скромности, уваженіи и на любви не только къ ближнимъ,—и ко всѣмъ; на любви, говорю, которая, по словамъ апостола, есть союзъ совершенства, слѣдовательно и блаженства. Самъ Господь являетъ примѣръ и говоритъ: научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ. Вы нынѣ же пожинасте плоды—отъ собратій, отъ мірскихъ и отъ вышнихъ любимы. Держитеся любве, ревнуйте же дарованій большихъ, паче же духовныхъ, и вамъ Богъ покажетъ путь еще превосходнѣйшій.

Въ письмѣ вашемъ просите родныхъ на праздникъ, не знаю о семъ что сказать. Отецъ діаконъ отозвался мнѣ болѣзнію Татьяны Ивановны, а прочіе, что скажутъ, не извѣстно.—Вашъ теперь долгъ посѣтить деревенскую жизнь нашу и разсмотрѣть кущи и природу неподдѣльную, а простую натуральную. Посѣщеніе ваше и для меня интересно будетъ,—я надѣюсь, что и мой домишко не обойдете.

Въ ожиданіи и остаюсь, при засвидѣтельствованіи вамъ

1842 г. и почтенной Аннѣ Васильевнѣ съ маминькой вашей и домашними моего усерднѣйшаго почитанія".

4-го іюля получилъ я письмо изъ подгородняго села Малтицъ (въ 20-ти верстахъ отъ Мурома) отъ окончившаго курсъ семинаріи, совоспитанника моего по бурсѣ Павла Степановича Гирсамова.

Онъ писалъ:

„Ваше Благословеніе,

отецъ Іоаннъ!

Какъ прежде коротко съ вами знакомый, считаю необходимымъ увѣдомить васъ, что я нахожусь вблизи отъ васъ, въ селѣ Малтицахъ на кондиціи у помѣщика Михаила Васильевича. Здѣсь я окруженъ поэзіею, всѣми нѣжными утонченными удовольствіями свѣта. Но я еще не опомнился, ослѣпленный блескомъ новаго всего, я не успѣлъ еще раскрыть грудь свою, для того, чтобы она пила нѣгу этого, новаго, прекраснаго міра. Скоро я пойму этотъ міръ, полюблю его душою и тогда настанетъ для меня блаженная жизнь.

Я хотѣлъ ѣхать въ Муромъ вмѣстѣ съ барином, но еще мало здѣсь пожилъ. Чрезъ недѣлю или двѣ прошу принять меня, какъ прежняго пріятеля. Мнѣ желательно посмотрѣть на васъ и видѣть ваше житье-бытье.

Михаилъ Васильевичъ и его супруга говорятъ объ васъ, что вы прекрасный, всѣми любимый священникъ, — только любо слушать!

Время коротко, лошади готовы. Оканчиваю.

Прощайте, до пріятнаго свиданія! Студентъ Владимірской семинаріи Павелъ Гирсамовъ".

Помѣщикъ Михайла Васильичъ Языковъ, у котораго поселился Гирсамовъ, доводился моей тещѣ въ косм-то родствѣ.

Гирсамовъ, родомъ изъ Холуйской слободы, отличался въ семинаріи поэтическимъ даромъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ Гирсамовъ снова писалъ мнѣ:

„Я получилъ, пріятный для меня, словесный отвѣтъ вашъ на мое письмо. Въ немъ вы изъявили готовность принять меня въ домъ свой. Это меня весьма обрадовало, и я горю нетерпѣніемъ побывать у васъ. Не много я жилъ здѣсь,

но много хорошаго отъ нѣсколькихъ людей слышалъ объ 1842 г
васъ. Между прочими посѣтителями былъ у Михайла Васильевича отецъ протопопъ. „Богъ же дастъ, говорилъ онъ объ васъ, человѣку вся благая,—и уменъ и кротокъ, вообще имѣетъ всѣ совершенства. Это мой отличный товарищъ. Преосвященному я почелъ долгомъ рекомендовать его отлично хорошимъ“. Вотъ слова его, я ихъ очень помню. Желать послѣ сего больше вамъ нечего, какъ только того, чтобы Богъ продлилъ до глубокой старости жизнь вашу, и сохранилъ во всей крѣпости ваше здоровье. Я думаю, и супруга ваша служитъ украшеніемъ вашего дома, какъ солнце въ полдень на ясной лазури служитъ великимъ украшеніемъ неба, по выраженію премудраго Сираха. Такъ надобно думать, судя по добротѣ и мудрому управленію покойнаго своимъ домомъ.

Право, я не нарадуюсь слыша объ васъ отзывы, какихъ лучше желать нельзя. Можно навѣрно ожидать, что ваши заслуги и впредь будутъ постоянно увеличиваться, равно какъ и награды за нихъ. Дай Богъ! Дай Богъ!“

7-го іюля получилъ я изъ Иванова отъ діакона Единовѣрческой церкви Ѳеодора Семеныча Виноградова, женатаго на дочери моей старшей сестры, письмо отъ 10-го іюня, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что онъ предъ Пасхой посылалъ мнѣ два письма, что дѣло нашего Кохомскаго зятя проиграно, но онъ снова отправился въ Петербургъ, что сестра моя Марья Михайловна не можетъ пріѣхать къ намъ въ гости на праздникъ Муромскихъ чудотворцевъ и проч...

21-го числа того-же іюля писалъ я въ Иваново зятю и сестрѣ:

„Очень сожалѣю, что не имѣлъ удовольствія видѣть васъ у себя во время праздника нашего; хотя и знаю, что причина, воспретившая вамъ посѣтить меня, весьма достаточна. Теперь не иначе могу удовлетворить своему желанію видѣться съ нами, какъ рѣшившись видѣть васъ у васъ же самихъ. Да, въ слѣдствіе моего обѣщанія и соотвѣтственно вашей просьбѣ, думаю совершить на первый разъ путешествіе къ милымъ своимъ роднымъ, тѣмъ болѣе, что этого сильно и рѣшительно желаетъ моя Анна Васильевна. Только то намѣреніе не прежде можетъ исполниться, какъ въ по-

1842 г. слѣдней половинѣ августа, послѣ Архіерейскаго пріѣзда. Преосвященнаго ожидаемъ 8-го числа августа. 9-го обѣщался онъ, говорятъ, служить у насъ — въ соборѣ. Изъ Мурома, посѣтивши нѣкоторыя села за Окой, 14-го числа отправляется въ Меленки. Слѣдовательно 15-го числа я могу быть свободенъ, и можетъ быть, отправлюсь въ путь прямо въ Хотимль; оттуда, разумѣется, въ Горицы,—а потомъ чрезъ Кохму и къ вамъ. По моему соображенію, это должно быть числа 23-го или 24-го августа. Очень прискорбно будетъ, если что-нибудь воспрепятствуетъ исполниться этому взаимному нашему желанію. Тѣмъ болѣе, что если я не воспользуюсь нынѣшній годъ благопріятнѣйшимъ временемъ посѣтить васъ, — въ слѣдующее время, Богъ знаетъ, удастся-ли мнѣ это?

Прощайте. Въ надеждѣ пріятнаго свиданія съ вами остаемся — свящ. Іоаннъ и Анна Тихомировы".

Въ первыхъ числахъ августа начались у насъ по собору дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ Архипастыря. О. протоіерей Троепольскій, какъ начальникъ весьма заботливый и любящій во всемъ строгій порядокъ, не разъ собиралъ насъ въ соборъ и дѣлалъ репетицію встрѣчи Архіерея. 8-го числа прибылъ въ Муромъ Владыка и подъѣхалъ прямо къ собору, гдѣ собралось все градское духовенство. Послѣ обычной краткой литіи и многолѣтія, высокопреосвященный архіепископъ Парѳеній, изъ собора отправился въ Благовѣщенскій монастырь, гдѣ онъ обыкновенно имѣлъ свое пребываніе, а въ слѣдъ за нимъ туда-же отправилось и духовенство для принятія архипастырскаго благословенія.

На другой день 9-го числа, Преосвященный служилъ въ соборѣ. Участвовалъ-ли я въ этомъ служеніи, не помню. Но на слѣдующій день, я съ тещею и съ ея малолѣтнимъ сыномъ Николаемъ отправились въ квартиру Владыки принять его святительское благословеніе. Онъ благосклонно принялъ насъ и моей тещѣ пожаловалъ на ея домашнія нужды полу-имперіалъ,—что принято было ею, разумѣется, съ чувствомъ глубокой признательности.

Проводивши изъ Мурома Владыку, я началъ собираться въ предположенный путь на родину. Сначала у меня была мысль начать посѣщеніе съ родныхъ Хотимильскихъ, у коихъ праздникъ Успенія Б. Матери былъ храмовый, тор-

жественный праздникъ: но, по неисправности недобросо- 1842 г.
вѣстнаго извощика, мы не могли выѣхать изъ дома до этого праздника, и выѣхали не ранѣе 16-го числа. Тогда я измѣнилъ планъ своей поѣздки и, вмѣсто Хотимля, началъ съ Иванова. По пути къ Иванову мы останавливались въ г. Ковровѣ, гдѣ нашли родственницу — помѣщицу Анну Абрамовну Гертигъ и были приняты ею радушно; за тѣмъ ночевали въ селѣ Лежневѣ у священника Льва Полисадова, о которомъ прежде была рѣчь. Числа 19-го пріѣхали въ Иваново, гдѣ нашли, конечно, самый радушный пріемъ. Изъ Иванова, дня черезъ четыре или пять переселились въ Горицы, на мою родину, гдѣ также оказанъ былъ намъ должный привѣтъ. 26-го числа мы приглашены были къ о. Василію Сапоровскому на чай запискою слѣдующаго содержанія: „Покорнѣйше прошу по прежнему ко мнѣ расположенію съ почтеннѣйшею супругою вашею Анною Васильевною посѣтить мой домъ и напиться чаю, а тѣмъ болѣе утвердить и дружество и родство, чего я отъ искренности желаю“.—Изъ Горицъ, чрезъ Шую, проѣхали мы въ Хотимль и здѣсь провели день ангела моего добраго зятя Ивана Николаевича [1]) (29-го числа). По пути изъ Хотимля заѣзжали въ село Пантелѣево къ родственному діакону Мануилу Петровичу, женатому на родной сестрѣ моего покойнаго тестя. Въ первыхъ числахъ сентября благополучно возвратились въ Муромъ, гдѣ ожидали меня училищныя занятія.

Между тѣмъ, пока я путешествовалъ на родину, теща моя, Прасковья Степановна, получила изъ г. Лебедина, Харьковской губерніи, отъ зятя своего, полковаго священника Василія Никитича Вознесенскаго утѣшительное письмо отъ 14-го августа. Вотъ что онъ писалъ ей:

„Любезная сестрица
Прасковья Степановна!

Весьма прискорбно слышать извѣстія, подобныя Вашимъ. Мы до сихъ поръ еще не свыклись съ мыслію о разлукѣ съ любезнымъ Васильемъ Васильевичемъ. До насъ, еще прежде вашего дошла эта скорбная вѣсть отъ сестрицы Надежды Степановны и мы, какъ пораженные, какъ остолбенѣлые, не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ. О Господи,

[1]) Успенскаго.

1842 г. какъ неразгаданно совершаются судьбы Твои надъ нами грѣшными?—Думали-ль мы, прощаясь не надолго, прощаться на вѣки, и не встрѣтиться лицомъ къ лицу въ настоящей жизни?—Право, съ потерею покойныхъ Егора Ѳедорыча и Василья Васильича Муромъ потерялъ для меня много—много, почти всю цѣну. Тамъ я не встрѣчу уже тѣхъ, съ кѣмъ радъ-бы былъ подѣлиться и душой и сердцемъ, кого привыкъ любить и почитать своими. Ваше несчастіе есть вмѣстѣ и мое горе; я время отъ времени лишаюсь многихъ, къ кому отъ чистаго сердца преданъ былъ душой—и, это горе еще болѣе усиливается, что по моему положенію и отношеніямъ жизни, я какъ бы не успѣлъ доказать своего расположенія, не успѣлъ раскрыть вполнѣ предъ ними своего сердца. Они, вѣрно, вмѣстѣ спятъ въ сырой землѣ, рядомъ возстанутъ и на послѣдній гласъ Ангела: признаюсь, и я бы хотѣлъ, когда Богу угодно будетъ потребовать меня отсюда, вмѣстѣ съ ними подъ однимъ дерномъ ждать будущаго воскресенія. А то, право, Богъ знаетъ, гдѣ достанется уложить себя, чья рука и какая земля закроютъ глаза мои. Знаю, мы увидимся съ ними, — но не здѣсь; можемъ имѣть съ ними сношенія, сообщенія и въ настоящей жизни, но только силою молитвы объ нихъ. Этотъ-то пламень преклоняетъ горній міръ къ дольнимъ, соединяетъ мертвыхъ съ живыми. Не хочу пускаться теперь въ объясненіе, какъ это бываетъ, но только бываетъ. Живые могутъ еще помогать мертвымъ, и мертвые еще не перестаютъ любить и за гробомъ живыхъ. Будемъ же, какъ можно больше молиться объ нихъ, чтобы и они не охладѣли къ намъ своею любовію.

Не думайте, что бы я въ настоящее время думалъ утѣшать васъ силою слова; нѣтъ, я знаю сердце человѣческое. На языкѣ человѣческомъ нѣтъ такихъ словъ, нѣтъ такихъ убѣжденій, отъ которыхъ-бы закрывались раны, подобныя вашимъ. Но у Того, Кто посылаетъ на насъ такія лишенія, есть цѣлительный бальзамъ отъ всего. Гдѣ несчастія, бѣды, крестъ, тамъ непремѣнно посылаетъ Онъ и вѣру и терпѣніе, могущее противостать и перенесть. Изъ любви къ нему многіе не только не жалѣли объ умершихъ; но и сами съ радостію шли на смерть. Богъ, какъ врачъ душъ нашихъ, знаетъ какія кому прописать лѣкарства для исцѣ-

ленія. Онъ отдалъ за насъ Свою плоть и кровь; цѣною 1842 г.
позорной смерти купилъ избавленіе, спасеніе наше. Ему-ли, Всевѣдущему, Всемогущему не знать, какія употребить средства, которыя-бы привели человѣка къ извѣстной благодатной цѣли. Если лѣкарства, если несчастія, по чувственнымъ нашимъ понятіямъ, кажутся намъ слишкомъ противны и тяжелы: то въ этомъ особенно является любовь и благодать Господня. Сильно больнымъ даютъ сильныя рѣшительныя средства. Кто знаетъ, можетъ быть, безъ этихъ средствъ, которыми Богъ опамятоваетъ насъ, указываетъ на настоящую цѣль жизни, мы забылись-бы и жили по своей буйной волѣ. Богъ—любовь есть. Вѣдь мы сами же ставимъ кресты на могилѣ покойниковъ; а что они значатъ? что мы хотимъ этимъ показать? — Спросите-ка, анъ и выйдетъ: „Господи, да будетъ святая воля Твоя! Ты отнялъ отца у дѣтей и вѣрно не оставишь Своимъ отеческимъ попеченіемъ объ нихъ!“.

О перешедшихъ же за рубежъ жизни говоритъ Божественный Мудрецъ, что они покойнѣе всѣхъ. И правда, они, я думаю, съ горестію смотрятъ оттуда на насъ, на нашу бѣдную, суетную, ничтожную жизнь. Изъ нихъ вѣрно бы теперь ни одинъ не пожелалъ возвратиться изъ-за предѣловъ вѣчной, блаженной жизни. Смерть наша—настоящее рожденіе младенца. Хорошо-ли ему въ утробѣ матери? Однако, онъ плачетъ, иногда очень сильно плачетъ разставаясь съ ней;—новая жизнь ему не нравится, свѣтъ для него противенъ; но обжившись, разсмотрѣвшись, онъ вѣрно не перемѣнитъ настоящаго своего положенія, на прошедшее. Въ Алкоранѣ есть одно весьма дѣльное правило, почти на этотъ предметъ, кажется; такъ оно читается, не помню:

„Человѣкъ, когда ты родился, то всѣ радовались, одинъ ты плакалъ; живи-же такъ на свѣтѣ, чтобы въ часъ смерти твоей всѣ плакали, одинъ бы ты радовался“.

Они видятъ теперь тамъ то, во что мы только вѣруемъ. Да будетъ-же имъ вѣчная память! Будемъ больше молиться объ нихъ, какъ можно больше.

Смерть сравнитъ съ рожденіемъ младенца привело мнѣ на память рожденіе сына нашего Александра. Третьяго дни Богъ разрѣшилъ Екатерину Степановну. Слава тебѣ Го-

1842 г. споди! Законъ Божій: „и въ болѣзнѣхъ родиши чадъ своихъ“—тяготѣетъ на ней,—и вѣрно по грѣхамъ нашимъ,—кажется больше, нежели на прочемъ сѣмени жены. И теперь еще она очень, очень слаба, не можетъ почти пошевелиться сама. Кромѣ того лихорадка, жаръ, ну, просто не знаю, что и дѣлать. Самъ вотъ уже и не прилегалъ двое сутокъ. Дитя кричитъ, безпрестанно кричитъ, и день, и ночь. Бабка—дрянь—не умѣетъ даже дитя спеленать, и это тѣмъ досаднѣе, что самая лучшая, самая хваленая, и уважаемая цѣлымъ округомъ и жила у насъ еще до этого цѣлыхъ пять недѣль. Вотъ какъ мы ошиблись въ разсчетѣ! А все самъ. Жалко, что безпрестаннымъ крикомъ мы безпокоимъ малютку, а ей бы очень, очень нуженъ покой. Что это за прескверпѣйшій тутъ народъ, особенно женщины — Боже упаси! Я плачу работницѣ 60 р. въ годъ. Все мое отъ ногъ до головы,—отъ чулка и башмака—до платка и юбки,—повѣрите ли,—дура дурой, не умѣетъ ни борщу сварить, ни каши, ни даже хлѣба испечь? „Ни, каже, я нюмію“. А полъ вымыть, оборони Господи! Пьяницы, бестіи, всѣ распутныя, всѣ до одной. Ну, представьте, мамкѣ я бы теперь охотно, весьма охотно заплатилъ сто—даже до полутораста рублей; да нѣтъ! „Ни схочу“, да и баста! а схочетъ, такъ черезъ триждень (недѣлю) пидетъ, или пидетъ съ дитятей до шинка. Не знаю, каково-то намъ будетъ въ новомъ мѣстѣ? Если Богъ подастъ полегче малюткѣ, то недѣли черезъ двѣ надобно пуститься въ путь-дороженьку къ новому мѣсту службы *въ* Таганрогъ. Не знаю, не помню, писалъ ли я о новомъ назначеніи своемъ къ сестрицѣ Надеждѣ Степановнѣ, — но помню, что я писалъ къ ней что-то много. Я назначенъ въ Кавказскій и Грузинскій резервные линейные баталіоны,—расположенные, какъ слышно, постоянно въ г. Таганрогѣ. Подивитесь же вотъ судьбѣ моей! Не Богъ ли посылаетъ для меня новый крестъ и искушеніе—даже этимъ назначеніемъ. Вотъ четвертый годъ, какъ я прошусь у оберъ-священника перевести меня въ какую-либо часть войска, только въ Россію? Не тутъ-то было! Не жалко, если бы ужъ не манили, не обѣщались; нѣтъ, всегда обѣщаютъ, всегда пишутъ, что непремѣнно будетъ удовлетворено мое прошеніе при первомъ открывшемся случаѣ.—О, Петербургская политика!—Право, подумаешь судьба, какъ какой-нибудь ба-

ранъ круторогій, стоитъ мнѣ на пути къ сѣверу. Никакъ 1842 г
не перешагнешь за рубежъ глупѣйшей хохландіи. Другому, такъ право—счастье. Чего и во снѣ ему не представлялось никогда—бываетъ! Это у насъ клеймится понятіемъ: „везетъ“. Коль везетъ, такъ ужъ и тамъ растутъ и цвѣтутъ розы, гдѣ прежде была одна крапива. Теперь, мнѣ кажется, и подавно нельзя ожидать милостей отъ сѣвера, потому что я посчитался съ своимъ Кутневичемъ [1]), кажется, на порядкахъ. Да и Богъ съ ними! Вѣчно возиться, таскаться, особенно по этимъ глупымъ резервамъ, право соскучилось. Кажется, дальше будущаго года, я служить не намѣренъ. Посмотрю, что будетъ въ новомъ мѣстѣ. Развѣ постараюсь еще отдать въ училище дѣтей своихъ, чтобъ имѣть въ этомъ небольшую выгодишку.

Да, я просилъ Надежду Степановну, не возмется ли кто изъ нашихъ, взять на свое попеченіе дѣтей моихъ? Дать имъ, разумѣется, столъ, квартиру, въ свободное время заняться съ ними, присмотрѣть за ними, а они, между тѣмъ, будутъ ходить въ училище. Въ исправности платежа за это, по условію, я ручаюсь. Неужели нѣтъ никого охотниковъ, неужели у всѣхъ бездна дѣла, даже и у молодыхъ? Попросите, сдѣлайте одолженіе, высказать мнѣ объ этомъ всю правду. Я, право, надѣялся и ждалъ; это задерживаетъ и разстроиваетъ другіе мои планы.

Извините, любезная сестрица, что я по моимъ обстоятельствамъ, не могу много писать теперь. И голова, и руки, и ноги, теперь все занято.

Поклонитесь отъ насъ, сдѣлайте одолженіе, всѣмъ, кто насъ помнитъ. Отъ любезной сестрицы, Надежды Степановны, я уже давно, давно жду извѣстія. Василій Степанычъ вѣрно уже и писать разучился.

Поклонитесь отъ насъ новому сыну вашему Ив. Михайлычу. Дай Богъ, что бы онъ вамъ былъ—истинно — сынъ. Господи! Думали-ль вы, сестрица, быть такъ скоро, точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ покойные ваши родители?... На все воля Божія!“

Въ послѣднихъ числахъ августа еще разъ писалъ мнѣ изъ села Мальтицъ П. С. Гирсамовъ:

---

[1]) Василіемъ Ивановичемъ, тогдашнимъ оберъ-священникомъ арміи и флотовъ († 1865 г. 26 апр.).

1842 г. „Извините меня, необходимость въ третій разъ заставляетъ меня къ вамъ адресоваться. Въ другой, посланной мною къ вамъ, запискѣ, объяснилъ я, что изъ Пензы отъ брата моего Ѳедора Еммануиловича должно быть прислано въ этихъ числахъ на ваше имя письмо, въ отвѣтъ на мое письмо. Если оно уже прислано, то прошу передать его мнѣ въ Мальтицы съ подателемъ этой записки. Если придетъ оно гораздо позже, то прошу васъ прислать его мнѣ во Владиміръ, ибо 3 сентября я туда отправлюсь и проживу тамъ, можетъ быть, долго...

Я ожидалъ, что свѣтскій блескъ, который ослѣпилъ меня сначала въ здѣшнемъ домѣ, удовлетворитъ вполнѣ мои желанія, но эта мишура, показавъ свою малоцѣнность, начала отравлять мою душу горькою тоскою. Въ другомъ мѣстѣ свѣтъ можетъ быть долѣе производитъ пріятныя впечатлѣнія на сердце, но здѣсь онъ мнѣ опротивѣлъ, въ столь короткое время. Поэтому я сталъ просить у барина такого жалованья, которое впредь платить мнѣ онъ отказывается. Итакъ, получивъ за мѣсяцъ требуемую плату, я отправлюсь во Владиміръ, гдѣ надѣюсь найти кондиціи. Если не найду, то у меня готова кондиція въ 5-ти верстахъ отъ родины. Я раскаиваюсь теперь, что не пошелъ, приглашаемый прежде, нежели сюда пріѣхалъ, на эту кондицію. Близь дома, безъ сомнѣнія, я нашелъ-бы чѣмъ разсѣять скуку, которую здѣсь прогнать не въ состояніи.

Извините меня, въ другой разъ прошу, что я безпокою васъ разсказомъ всего того, что у меня на сердцѣ. Право, здѣсь не съ кѣмъ побесѣдовать откровенно,—а это для меня песносно. Лучше, мнѣ кажется, жить въ бѣдности, но имѣть, съ кѣмъ-бы можно было раздѣлить всѣ душевныя движенія, нежели быть окруженнымъ мірскимъ блескомъ, и между тѣмъ подъ гнетомъ модныхъ приличій подавлять то, что просится изъ груди, и не видѣть ни въ комъ искренняго простосердечія. Въ таковыхъ обстоятельствахъ я весьма радъ, что нахожу въ васъ знакомца, если смѣю сказать, друга, которому безъ всякаго опасенія могу повѣрить свои мысли и чувства. Только прошу извинить, что эти мысли и чувства, по невозможности на долгое время уединять себя, я изливаю не заботясь о слогѣ и связи, и при томъ безъ аккуратности въ письмѣ“.

8-го сентября, день Рождества Пресвятыя Богородицы, 1842 г.
храмовый праздникъ въ нашемъ соборѣ. Служеніе, по возможности, торжественное; множество богомольцевъ; у настоятеля послѣ обѣдни небольшая закуска для избранныхъ особъ: вотъ и вся исторія праздника.

15-го числа писалъ я въ Иваново къ роднымъ:

„Имѣемъ пріятный долгъ благодарить васъ за ваше ласковое, чисто родственное угощеніе. Но я съ своей стороны обязанъ тѣмъ болѣе благодарить васъ, что моя Аннушка остается крайне довольна вами, и вообще всѣми моими родными, — что для меня весьма пріятно. Теперь будемъ ожидать благопріятнаго времени видѣть васъ у себя, чтобъ не остаться намъ въ долгу. Надѣемся, что вы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, не откажетесь посѣтить насъ.

Путешествіе свое мы совершили, слава Богу, благополучно. Прибыли домой утромъ 2-го сентября. Здѣсь, въ наше отсутствіе, такъ же не произошло ничего для насъ непріятнаго.

Теперь жизнь наша течетъ опять своей обычной чередою. Не давно мы праздновали свой главный праздникъ—день Рождества Богородицы. У насъ праздники не такъ празднуются, какъ въ селахъ. Гостей не бываетъ никого. Можетъ быть потому, что у насъ каждый день бываетъ праздникъ“.

Не могу не помѣстить здѣсь сохранившагося у меня между бумагами интереснаго письма помянутаго выше священника В. Н. Вознесенскаго къ старшей сестрѣ моей тещи, Надеждѣ Степановнѣ Аменицкой. Вотъ что писалъ онъ ей изъ Таганрога отъ 4-го октября:

„Вотъ мы и въ Таганрогѣ! И не опомнюсь еще, куда судьба занесла меня? Городъ, правда, большой, красивый, съ гаванью, какъ, бывало, твердили мы за изрѣзанной партой; разгуляться есть гдѣ:—да—ба! илъ бы тату мидъ—да ба! говорятъ хохлы. Провались всѣ эти приморскіе города! въ нихъ привольно съ большимъ — мало съ большимъ — огромнымъ карманомъ. Мы сами думали: вотъ тамъ—то поживемъ, а выходитъ не такъ. Надежды, вѣрно, всѣ обманчивы въ мірѣ. Мы попали, просто, изъ огня въ полымя, или изъ ямы въ омутъ. Здѣсь такая дороговизна—приступу нѣтъ. Не знаю, какъ Богъ сподобитъ прокоротать хоть

1842 г. эту зиму. Дрова рублей до ста сажень, объ нихъ и думать нечего;—а не угодно-ли согрѣваться соломкой, бурьяномъ?—но и за нихъ надобно платить рублей 15—20-ть за возокъ, не говорю за возъ. Самый навозъ, съ позволенія сказать, который то-же здѣсь въ большомъ употребленіи, платится рублей 25-ть за тысячу. Его выдѣлываютъ здѣсь съ примѣсью земли въ видѣ кирпича и употребляютъ для печей. Воду покупаютъ версты за три отъ города, въ колодцѣ по рублю бочку иль по 5-ти копѣекъ ведро. Хлѣбъ и всѣ жизненные припасы гораздо дороже обѣихъ столицъ. Если на мысль взбредетъ покупать телятинки—не угодно-ли заплатить гривенъ по шести фунтикъ.—Правда, много бываетъ рыбы, осетровъ, стерлядей, севрюги; теперь мы ею живемъ и движемся, платимъ копѣекъ по 12-ти или по 14-ти фунтъ—живьемъ; но пройдетъ пора—и то, что покупалось по 5-ти копѣекъ фунтъ, повѣрите-ли, надобно платить по рублю. Таковъ Таганрогъ! А — запастись нашему брату—бобылю, въ буквальномъ смыслѣ—движущемуся, нѣтъ никакой возможности. Мы не возимъ съ собой ни погребовъ, ни кадушекъ—а кадушечка здѣсь ведра въ два-въ три, рублей 10—11-ть. Мое почтеніе! Здѣсь, развѣ, только нужно спѣшить лакомиться арбузами, которые славятся во всей Украйнѣ. Я купилъ ихъ недавно три воза, штукъ 600 огромныхъ за два цѣлковыхъ: по крайней мѣрѣ подспорье водѣ, надъ которою теперь дрожимъ мы, какъ надъ какимъ-нибудь нектаромъ. Господи! чего-то судьба не приводила испытать насъ. Шельмовская служба! какъ говаривалъ, бывало, одинъ нашъ докторъ—землякъ. Вѣдь водитъ-же по такимъ закоулкамъ. Курочекъ, цыплятокъ, индѣекъ, къ которымъ было уже такъ привыкъ нашъ гастрономическій департаментъ, и которыхъ мы прежде имѣли почти за ничто: нѣтъ, здѣсь имъ откланяйтесь; въ Таганрогѣ они въ большей чести и славѣ, чѣмъ Римскіе гуси, что спасли капитолій. Проклятый народъ—эти негоціанты—эта вся чурмазая дрянь, начиная отъ Архипелага до Рейна! Бросаетъ деньги ни почемъ. Намъ бѣднякамъ приходится частенько поститься изъ-за ихъ милости, изъ-за этихъ варваровъ—пришельцевъ.

Квартиру отвели мнѣ здѣсь, правда, довольно порядочную; четыре комнаты съ паркетными полами: но далеко

отъ центра города, на берегу самаго моря, такъ что 1842 г.
взбрызги его едва-едва не достаютъ до самыхъ оконъ. Этотъ сосѣдъ то-же не слишкомъ пріятенъ. Онъ дышетъ чрезвычайно не здорово: у него не зѣвай;—надобно быть всегда на сторожѣ; иначе придется поплатиться дорого. Это непріятно: тѣмъ болѣе, что здоровье мое стало какъ-то хиловато. Да, ужь Господи! хоть-бы море-то было, какъ море, а то, просто, лужа въ сравненіи съ Чернымъ, которымъ мы такъ много любовались съ Севастополѣ. По этой лужѣ бродить-бы только курамъ: такъ нѣтъ вишь, лукаво тоже, бурлитъ по временамъ. Поди, суди по рожѣ-то. Наружность, вѣрно, всегда бываетъ обманчива. А всего непріятнѣе то, что до лазарета и до базара версты двѣ: прошу прогуливаться; измучился, какъ бестія!—А еще непріятнѣе... такъ это сосѣдство съ Кавказомъ... Насъ судьба какъ—то все поближе подвигаетъ туда; какъ бы совсѣмъ не турнула? Катерина Степановна этого чрезвычайно боится—а потому на слѣдующее лѣто, если Богъ дастъ здоровье, мы замышляемъ оставить вовсе службу. Да и въ самомъ дѣлѣ Богъ съ ней! будетъ, потаскались: пора и къ берегу. Десять лѣтъ вѣдь не шутка: по неволѣ посѣдѣешь. Лбомъ стѣны не прошибешь. Что служить, чего добиваться, когда явнымъ образомъ не везетъ? Вѣдь тому хорошо служить, у кого летаетъ передъ взоромъ вереница надеждъ, кому будущее представляется въ самыхъ радужныхъ переливахъ; у кого есть кому похлопотать, полазить, а у насъ?.... Я бобыль на бѣломъ свѣтѣ!! Личныя достоинства нынѣ скорѣе унизятъ, затопчутъ, нежели дадутъ ходъ и выставятъ на показъ. Повѣрьте—это правда, это аксіома въ 19-вѣкѣ.—Что дѣлать, надо всего отвѣдать,—отпробовать всѣ стороны жизни и—тогда на вѣчный покой—на постоянныя квартиры. Порыскали, поглазѣли на свѣтъ и людей—надобно пожить и въ деревнѣ, поглодать черстваго хлѣба. Да и въ самомъ дѣлѣ, заняться нужно и дѣтьми—я ихъ, кажется, много, много запустилъ съ этими болѣзнями и съ этими переводами и переѣздами!.. Правда, признаюсь, я бы самъ себѣ проложилъ дорожку, но Катерина Степановна?... Вотъ запятая!... Тутъ ничего не сдѣлаешь. Никакіе доводы не помогутъ. Слѣдовательно,

1842 г. надобно повиноваться. Семейный человѣкъ долженъ жить не одною своею волею: хотя это и не къ лучшему.

Дальше: прислугу здѣсь нанять — тоже — бѣда! рублей двѣсти въ годъ надобно заплатить какой-нибудь паршивой дѣвчонкѣ, которая едва-едва въ состояніи подместь вамъ комнату. Да и то съ большими условіями: чтобъ былъ для нея непремѣнно чай по утру и кофе въ вечеру. Каково?! Здѣсь такъ. Здѣсь всѣ на барскую ногу. Иной нужники чиститъ,—а чашка кофею для него нужна, какъ азотъ и кислородъ для жизни, для дыханія, какъ хлѣбъ насущный. Платье выстирать эта паемка не съумѣетъ, надобно нанимать другую, платить по 1 р. 20-ти копѣекъ въ день—лѣтомъ,—и два рубли зимой. Ѣсть сварить ее тоже не заставляйте—она съумѣетъ развѣ только съѣсть. Мы живемъ теперь только съ двумя москалями. Нужда выучитъ калачи ѣсть. Эта мудрая пословица осуществляется для насъ здѣсь въ полномъ смыслѣ. По невозможности печь, мы покупаемъ булки съ базара и на 80-тъ копѣекъ въ день намъ не хватаетъ. Вотъ бы гдѣ нужно подѣтничать—такъ нѣтъ; здѣсь-то и ѣстся больше. Право!...

Церковь отвели мнѣ въ греческомъ Іерусалимскомъ монастырѣ. Іерусалимскимъ называется онъ потому, что зависитъ отъ Іерусалимскаго патріарха. Въ немъ только одинъ архимандритъ, два іеромонаха и одинъ іеродіаконъ—всѣ, разумѣется, греки. Въ этомъ монастырѣ стояло шесть недѣль тѣло покойнаго Государя, и два раза въ день ѣздила сюда покойная Императрица для службы панихиды. Мнѣ отвели тотъ самый Александро-невскій престолъ, надъ которымъ и до днесь балдахинъ со всѣми эмблемами и украшеніями, балдахинъ, осѣнявшій катафалкъ Александра. Въ первый разъ служилъ я почти по гречески. Дьяконъ-грекъ весьма мало знаетъ по русски. Апостолъ читался по русски; на клиросахъ: на одномъ по русски, на другомъ по гречески. Потѣха! но да восхвалятъ Господа вси языцы!

Вы, можетъ, захотите знать, каковъ былъ вояжъ мой изъ Лебедина, до Таганрога?—Поэтическаго мало. Ѣзжали-ли вы когда-нибудь, чтобы стахъ на двухъ верстахъ не встрѣтить ни одного порядочнаго человѣческаго жилья, въ которомъ-бы можно укрыться отъ бурь и непогодъ и дать покой растрясеннымъ костямъ своимъ? Въ Екатеринославской

губерніи—въ краю степей и вьюгъ, вы это встрѣтите—и 1842 г.
признаюсь, не порадуетесь. Здѣсь развѣ можно встрѣтить кое гдѣ разбросанные—такъ называемые — трактиры—грязные, отъ которыхъ за полверсты пахнетъ гнилью и водкой, въ которыхъ ни ѣсть, ни пить не достанешь и въ которыхъ промотавшійся казакъ деретъ съ васъ въ десятеро, за то, что вы-же сдѣлали ему честь угостили его блохъ и мышей на славу. Ихъ у него всегда цѣлые рои—онъ, повидимому, моритъ ихъ голодомъ, чтобы дать за то полный пиръ на шерамыжку, на счетъ проѣзжающихъ. Хитрый народъ эти донцы: но все въ 10-ть, въ 100, въ тысячу разъ благороднѣе поганаго хохла. За то здѣсь греки-единовѣрцы наши — ну просто, мое почтеніе. Не даромъ говорятъ— по неволѣ повѣришь, что изъ семи жидовъ вытапливается одинъ грекъ.

Впрочемъ, мы ѣхали съ своей походной музыкой — съ трехъ-недѣльнымъ сыномъ Александромъ! Богъ послалъ намъ его 9-го августа въ 5-мъ часу пополудни, въ самую ужасную грозу. Грозный, правда, даже больно грозный; не знаемъ какъ и быть и сладить съ нимъ. 1-го сентября пустились уже въ путь. Саша въ дорогѣ былъ еще довольно покоснъ—коляска у меня для дороги славная, съ фордекомъ со стеклами, какъ въ комнатѣ. Тамъ и перевивали все: но теперь, бѣдный, что-то захирѣлъ. Это можетъ отъ того, что мамку вывезли мы изъ Лебедина такую дрянь — мочи нѣтъ! Глупа, дурна, неповоротлива, ну просто пень, колода, бревно, тупица, обухъ въ человѣческомъ образѣ. Не знаю какъ быть дальше. На рожкѣ же здѣсь — и подумать нельзя.

Какъ встрѣтили меня здѣсь свои? Новое стадо мое? Отраднаго мало! да и ожидать нельзя—резервы. Ничего нѣтъ сквернѣе, какъ перемѣна мѣста. Новыя все лица: не знаешь ихъ ни обыкновеній, ни образа мыслей; равно и они смотрятъ на тебя, какъ на оборотня. Долго не приладишься; а иногда одна неумѣстная выходка, одинъ маленькій капризецъ, повлечетъ за собой большія слѣдствія и на долго.

Здѣсь долго меня ждали. Признаться, я много просрочилъ, мѣсяца три прожилъ въ Лебединѣ.

Но я имѣлъ законныя причины: а самая законнѣйшая

1842 г. была та, что мнѣ чрезвычайно не хотѣлось ѣхать въ эти проклятыя резервы. Я долго спорилъ, отговаривался, даже доходило дѣло чуть не до ругани съ оберъ-священникомъ— и все думалъ отлынять какъ нибудь; да нѣтъ! Вѣрно Богу не угодно было еще сблизить меня съ вами. А можетъ быть этими неудачами, Провидѣніе видимо отвлекаетъ меня отъ этого рода службы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь и послѣдніе штанишки проживешь. Я имѣлъ дерзость напомнить даже Кутневичу, что онъ не господинъ своему слову, что онъ водитъ меня вотъ уже 4-й годъ одними обѣщаніями. Но онъ, какъ Пилатъ: „еже писахъ—писахъ“,—говоритъ: не поправится—тогда можешь проситься, а теперь, вишь, мѣстъ у него нѣтъ тамъ, гдѣ мнѣ хочется.

Да!—такъ пріѣхавши сюда при первой встрѣчѣ съ генераломъ у насъ что-то пошло и вкривь и вкось. Онъ по-неостерегся напомнить мнѣ, что я долго просрочилъ, что будто-бы хотѣлъ меня представить къ выключкѣ. Видите, сестрица, тяжела подобная пища для щекотливаго самолюбія: желудокъ мой не переварилъ ее. Я съ своей стороны отблагодарилъ генерала, объяснилъ ему „что онъ весьма большое сдѣлалъ-бы для меня одолженіе, еслибъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе; что мнѣ такъ не хотѣлось въ эти несчастные резервы.—Я всѣми силами отговаривался у своего начальства, что я почитаю для себя величайшимъ несчастіемъ этотъ переводъ, что онъ своимъ представленіемъ помогъ-бы мнѣ достигнуть моихъ цѣлей“.— Замолчалъ. А кажется, парень не глупый. Другой разъ. У него обыкновеніе докладывать о приходящихъ, а потому приходится иногда подождать въ залѣ и долгонько. Такъ было и со мной;—но я, подождавши минутъ десять—дай Богъ ноги: схватя въ охапку кушакъ и шапку,—безъ памяти домой. Признаюсь, со мной этого не случалось еще въ продолженіе всей моей службы. Послѣ, когда онъ попросилъ меня къ себѣ чрезъ человѣка, его превосходительству доложили, что священникъ ушелъ. Если не фафлыга, долженъ же принять всѣ эти вещи въ соображеніе. А у меня ужъ такъ печь печетъ, такой характеръ, что никакъ ужъ не соглашусь пойти еще, пока не пригласятъ.

Про офицеровъ и говорить нечего—резервы. Впрочемъ, я ихъ и не знаю. Полковникъ, говорятъ, скряга ужаснѣй-

шая: воплощенный жидъ! Вѣрно къ нашему берегу ничего 1842 г.
не приплыветъ хорошаго. Сверхъ всего этого, самолюбивъ, какъ свинья, и гордъ, какъ индѣйскій пѣтухъ, и глупъ, кажется, какъ мостъ. — Впрочемъ, я самъ совершенно не разучилъ еще: проявляются черты похожія и на человѣческія. За то жена? жена? о! бой баба,—молодецъ! Онъ съ ней далеко уѣдетъ. Ему бы, кажется, никогда не бывать и подполковникомъ, еслибъ не его супруга.

Видите, сестрица, въ какія я мелочи пустился, какъ мнѣ хочется побольше поговорить, побесѣдовать съ вами. Я готовъ бы цѣлый мѣсяцъ не оторваться отъ пера; да дѣла — дѣла — кучи, хлопочу, какъ угорѣлый. Хочется и квартиру перемѣнить и то и се, нѣтъ ни церковниковъ, ни прислуги женской—усталъ, какъ бестія. Отъ меня до базара—слишкомъ версты двѣ, прошу промаршировать каждый день! Насилу, сестрица, собрался написать кое-что и вамъ—и то ущипками, урывками, не знаю, право, что и написалъ. До сихъ поръ не былъ еще во дворцѣ.—Вѣрно, круто—не до дворца! Въ добавокъ замѣтить надобно, что у меня въ дорогѣ деньщикъ, бестія, бѣжалъ. Недавно получили бумагу, что его шлютъ по пересылкѣ и надобно еще платить за каналью кормовые. Бѣда со всѣхъ сторонъ.—Но простите, любезная сестрица, всего вдругъ не напишешь. Обѣщаю продолженіе впередъ. Катерина Степановна возится съ своимъ Александромъ. Охъ! Какъ безпокоитъ онъ ее. Пришла и ей служба! Всѣмъ сестрамъ—по серьгамъ.— Отъ души, съ братскою преданностію любящій братъ вашъ священникъ Василій Вознесенскій. Октября 4-го дня 1842 года. Таган-рогъ".

17-го октября получилъ я укоризненное посланіе отъ своего школьнаго товарища и друга, о. Граменицкаго. Онъ писалъ мнѣ отъ 6-го числа:

„Давно, другъ, не слышу о васъ прямой вѣсти. Зимой послалъ къ вамъ по почтѣ письмо, которое, надѣюсь, вы получили; но отвѣта на оное услышать меня не удостоили. До сихъ поръ все жду отъ васъ дружественнаго извѣстія, но тщетно. Чему приписать это? Не знаю. Вашей забывчивости прежняго дружества и прежнихъ обѣтовъ? Но, представляя васъ человѣка благороднаго и строгаго въ исполненіи своихъ обѣщаній, не смѣю думать, что бы вы со-

1842 г. вершенно забыли того, съ кѣмъ 6 лѣтъ взаимно дѣлились искренними мыслями и чувствами,—не смѣю думать, чтобы вы были нарушителемъ вашихъ словъ. Множеству хлопотъ и безпокойствъ вашихъ по должности? Но все-таки бы могли вы найти 5 минутъ свободы и начертить полторы строки въ знакъ памяти прежнихъ отношеній нашихъ. Отъ чего бы то ни происходило ваше молчаніе, но я, судя по своему сердцу, которое часто воспламеняется пріятнымъ воспоминаніемъ о прежнемъ минувшемъ, часто стремится излить свои чувствованія къ прежнему искреннему ближнему, не думаю и объ васъ, чтобы ваше молчаніе происходило отъ охлажденія или перемѣны сердечной, не думаю, чтобы для васъ не было не пріятно побесѣдовать хотя письменно съ однимъ изъ собесѣдниковъ малыхъ. Съ чего же начать съ вами бесѣдовать? Чрезъ столь долгое время, не объясняясь съ вами, почти не знаю что и сказать сначала. Кажется писалъ я вамъ предъ великимъ постомъ, такъ хотя кратко и начну съ тѣхъ поръ. Обыкновенно въ святую четыредесятницу только и было, что возраждать покаяніемъ и евхаристіею духовныхъ чадъ своихъ. Во время свѣтлыя седмицы тоже, думаю, извѣстна моя работа—славословить въ приходскихъ домахъ, воскресшаго изъ мертвыхъ, Спасителя. Послѣ Пасхи ѣздилъ на родину и въ это время сгорѣлъ погостъ Никологорскій, слѣдовательно и мои родные; жалкое представленіе! Далѣе, всю весну ходилъ въ приходскія деревни съ образами—въ праздники по нашему обыкновенію, потомъ съ Троицкими молебнами: ибо живоначальныя Троицы у насъ храмъ. За симъ что слѣдуетъ? Слѣдуетъ дѣло великое: Петровскій мой сборъ по приходу,— и чѣмъ же? Сметаною. Ахъ, другъ, какъ низко, какъ смѣшно: и дѣлать нечего, долженъ повиноваться обыкновенію; да еще спасибо около сихъ штукъ хлопочетъ по большей части мой престарѣлый дѣдушка. Послѣ сего, набравши оной пуда на 2 масла, принялся за сѣнокосъ, и по причинѣ частыхъ дождей возился съ нимъ до половины августа, а тутъ уборка ржанаго и яроваго хлѣба и все дѣло за дѣломъ, — некогда посидѣть на мѣстѣ; хотя все работается помочами, но и самъ отъ хлопотъ не избавишься—во всякомъ мѣстѣ потребенъ присмотръ собственный. И такимъ образомъ время-то шло, да шло да пришло подъ бокъ къ

празднику Воздвиженія честнаго креста.—Это нашъ коренный храмъ. Ярмарка въ нашемъ селѣ была богатая по сельски; человѣкъ до 14 у меня было гостей. 1842 г.

Какое веселіе и торжество бываетъ въ селахъ о праздникѣ, вамъ сказывать нечего; только развѣ сказать то, что наше село какъ состоитъ изъ однихъ священноцерковнослужителей, то и веселіе ликующихъ не ограничивается опасеніемъ пересудовъ и переговоровъ. Особенно дьячки свои и пріѣзжіе всю ночь не дадутъ уснуть: то, смотришь, приведутъ въ домъ медвѣдя, то появятся какіе-то въ шлемахъ и шишакахъ испанцы, то идетъ толпа комедіантовъ; да что и говорить, однимъ словомъ, нашъ праздникъ—городскіе святки.

Я теперь смотрю за молотильщиками, сыплю въ амбаръ хлѣбъ; вечерами иногда кое-что почитываю. Если вы, милый, остаетесь ко мнѣ все съ тѣмъ-же сердцемъ, какъ и прежде: такъ не облѣнитесь такъ же съ своей стороны сообщить извѣстіе о себѣ и о часто представляемомъ мною Муромѣ; это будетъ вѣрный знакъ вашей неизмѣняемости. Очень-бы пріятно было повидѣться съ вами лично,—поговорить поискреннѣе, но вѣрно такъ и быть. Не знаю, удастся-ли намъ когда-либо увидѣть другъ друга въ этой жизни? А очень бы хотѣлось!... Какъ ваше училище? Кто учителя? Существуетъ-ли кто изъ тѣхъ, подъ вліяніемъ коихъ началась образовываться умственная сила души моей? Да сохранитъ ихъ Господь!“...

22-го ноября посѣтилъ меня на нѣсколько часовъ Владимірскій губернскій землемѣръ М. А. Аверкіевъ — тотъ родственникъ, у котораго я не рѣдко бывалъ по вечерамъ, во время семинарскаго ученія.

У меня былъ полный списокъ русскаго перевода свящ. книгъ В. Завѣта, сдѣланнаго протоіереемъ Павскимъ и отлитографированнаго студентами Петербургской дух. академіи. Объ этомъ зналъ смотритель Муромскаго училища, іеромонахъ Нифонтъ. 22-го ноября Нифонтъ попросилъ у меня будто бы для прочтенія эту рукопись. Ничего не подозрѣвая, я охотно исполнилъ просьбу почтеннаго смотрителя. Но проходитъ довольно времени, и я рѣшился напомнить своему начальнику о возвращеніи взятой у меня имъ рукописи: но онъ въ отвѣтъ на это выразилъ мнѣ сожалѣніе, что рукопись не можетъ быть мнѣ возвращена

1843 г. и что ее даже и нѣтъ у него. Послѣ я узнаю, что это былъ запрещенный плодъ и что всѣ экземпляры перевода свящ. книгъ, какъ литографированные, такъ и рукописные у кого-бы они ни были, отбирались и доставлялись въ Св. Синодъ.

Въ настоящее время, это дѣло, возбужденное баккалавромъ по классу Св. Писанія въ Московской дух. академіи, іеромонахомъ Агаоангеломъ (впослѣдствіи архіепископомъ Волынскимъ, † марта 8 дня 1876-го года) и надѣлавшее столько шуму, вполнѣ раскрыто и оглашено въ печати. Исторія этого дѣла обстоятельно изложена въ книгѣ П. А. Чистовича: „Исторія перевода Библіи на русскій языкъ“, ч. 1. стр. 169 и сл., Спб. 1875 года [1]).

Приблизился торжественный праздникъ Рождества Христова. По общему обычаю, послѣ литургіи мы отправились всѣмъ соборомъ, подъ предводительствомъ настоятеля, по городу, на даровомъ экипажѣ соборнаго старосты, съ крестомъ славить Христа. Мы посѣщали дома только нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ гражданъ. Такъ какъ о. протоіерей Троепольскій пользовался общимъ уваженіемъ въ городѣ, то насъ вездѣ принимали внимательно и почтительно. Подобное путешествіе по городу повторилось въ день Крещенія Господня, но уже безъ участія настоятеля.

Новый годъ встрѣтилъ я съ добрыми и пріятными надеждами на будущее, которыя отчасти и исполнились.

11-го января писалъ я въ Горицы къ роднымъ:

„Имѣю честь поздравить васъ съ новымъ годомъ. Чего могу пожелать вамъ въ грядущемъ лѣтѣ? Разумѣется всего, чего только можетъ желать сердце, истинно любящее и почитающее васъ. Будьте здоровы, благополучны, а болѣе всего спокойны духомъ. Но привѣтствуя съ новымъ годомъ, общимъ для всѣхъ, пріятнымъ долгомъ считаю поздравить васъ съ наступленіемъ новаго года собственно для васъ. Я разумѣю дни вашихъ имянинъ. Не имѣя удовольствія

---

[1]) Краткія объ этомъ событіи свѣдѣнія и два письма по этому дѣлу митр. Серафима къ Оберъ-Прокурору Св. Синода графу Н. А. Протасову см. въ *Русск. Арх.* за 1878 г., ч. 3, стр. 516 и 522—524.—Еще: „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета м. Моск., по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ“, т. III, №№ 264, 265 и др., Спб., 1885 г.

присутствовать тѣломъ, имѣю полную возможность раздѣлить съ вами семейное торжество духомъ. Очень радъ, что теперь наступила моя чреда служенія;—и я ничѣмъ болѣе не могу доказать вамъ своего усердія, какъ принесеніемъ въ эти дни о вашемъ здравіи безкровной жертвы Богу, хотя и всегда почитаю это необходимою обязанностію. Но день вашего ангела, тетинька, во всю жизнь будетъ для меня такимъ-же торжествомъ, какъ и для васъ. Это день новолѣтія моей брачной жизни. Да!.... вотъ совершился уже годъ и моей супружеской жизни. Чудное дѣло, какъ быстро течетъ время.... Но благодареніе Всевышнему! годъ сей прошелъ для меня сколь быстро, столь же и благополучно. 1843 г.

Извините, не много запоздалъ своимъ привѣтствіемъ. Причиною сего не почтите мое равнодушіе. Нѣтъ, виною этого, повѣрьте, стеченіе смутныхъ обстоятельствъ, какими обыкновенно сопровождаются для всѣхъ, особенно для городскихъ жителей, русскіе святки. То славили Христа нѣсколько дней безъ отдыха,—то годичные отчеты по собору и училищу,—то родственныя компаніи,—то наконецъ бродили опять по городу со святой водой. Все это не позволяло мнѣ свободно заняться собесѣдованіемъ съ вами. Вотъ теперь на свободѣ готовъ пересказать вамъ все, что происходило со мною въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ. Семейная и общественная жизнь моя доселѣ идетъ, слава Богу, мирно и спокойно. —Мало по малу началъ распространяться кругъ моего знакомства въ Муромѣ. Не подумайте, что это знакомство стóитъ для меня лишнихъ издержекъ. Нимало; напротивъ, доставляетъ еще мнѣ выгоды. Такъ, напримѣръ, я познакомился съ однимъ, недавно къ намъ пріѣхавшимъ, господиномъ; но это знакомство ограничивается лишь тѣмъ, что я учу у него сына,—и за то получаю довольную плату. Случайно познакомился еще съ окружнымъ начальникомъ, который также не очень давно живетъ въ Муромѣ. Этотъ изъявилъ желаніе быть у меня въ духовничествѣ. Прежнія знакомства болѣе и болѣе укрѣпляются.

Каково-то вы поживаете? Съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ вами, ровно ничего не знаю о вашемъ положеніи. А это крайне непріятно для меня. Хоть-бы одинъ человѣкъ встрѣ-

1843 г. тился съ родной стороны... Но я ласкаю себя надеждою слышать повѣсть о вашей жизни изъ собственныхъ вашихъ устъ. Мнѣ сказывали, будто о. Василій Васильевичъ (Сапоровскій) намѣренъ нынѣшней зимой побывать въ Муромѣ. Если это правда, — то надѣюсь, что и вы благоволите удовлетворить моей усерднѣйшей просьбѣ—посѣтить меня въ отдаленіи отъ всѣхъ родныхъ. Исключая слабости здоровья, ничто другое, кажется, не можетъ быть справедливымъ предлогомъ къ отверженію моей просьбы. Итакъ, позвольте надѣяться видѣть васъ у себя".

Чрезъ недѣлю, а именно 19-го числа, писалъ я и къ Ивановскимъ роднымъ, поздравляя ихъ съ новымъ годомъ и извѣщая ихъ о своихъ домашнихъ обстоятельствахъ; между прочимъ, увѣдомлялъ о неожиданномъ посѣщеніи меня, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, дядею Михайломъ Аверкіевичемъ Аверкіевымъ.

17-го февраля писалъ мнѣ изъ Абакумова вѣрный другъ о. Граменицкій.

„Давно и именно отъ 18-го декабря лежитъ въ моемъ комодѣ и очень нерѣдко, какъ что-то пріятное и близкое сердцу, обращается въ рукахъ,—вашъ вѣрный залогъ нерушимаго дружества—искреннее—подробное ваше увѣдомленіе. Вижу, милый другъ, вы по всему правы, и не имѣю ни малѣйшей причины думать что-либо невыгодное касательно нашего дружества. Какое восхищеніе, какую радость принесло мнѣ письмо ваше, объ этомъ узнаете вы изъ тѣхъ обстоятельствъ, когда я его получилъ и какъ читалъ. Прежде несправедливо упрекая васъ въ мнимомъ молчаніи, теперь твердо увѣренъ, что и самъ подвергся тѣмъ же упрекамъ за молчаніе дѣйствительное въ вашихъ мысляхъ. Да, другъ, давно-бы слѣдовало мнѣ принести вамъ благодарность за трехъ—полистовой даръ вашего дружескаго сердца, и успокоить васъ, что этотъ даръ, есть залогъ непоколебимой вѣрности въ рукахъ моихъ. Съ этой стороны, если есть ваше негодованіе (не быть нельзя), оно справедливо, — я виноватъ!

И я васъ прежде считалъ, такъ-же нѣсколько виноватымъ, но когда прочелъ письмо ваше, вы оказались предо мною совершенно правы; позвольте же, милый, и мнѣ оправдаться предъ вами въ своей медленности; я увѣренъ, что

вы, узнавши и обсудивши все, меня великодушно извините. 1843
Итакъ, извольте слушать всѣ мои обстоятельства, въ которыхъ я находился съ тѣхъ поръ, какъ послалъ къ вамъ въ октябрѣ письмо—доселѣ,—въ сихъ обстоятельствахъ вы увидите и мое оправданіе.

Осенью я хлопоталъ все кое—что кругъ дому и въ приходѣ. Въ декабрѣ и именно на другой день Николая Чудотворца, въ самый жестокій по нынѣшней зимѣ морозъ,—отправился въ Москву къ своимъ родственникамъ. Что было, и что видѣлъ въ Москвѣ, объ этомъ разсказывать вамъ не станетъ ни моей памяти, ни силъ, ни терпѣнія. Москва! это—вмѣстилище различныхъ націй изъ всѣхъ почти государствъ, различныхъ товаровъ и вещей иностранныхъ и русскихъ. Сколько тутъ строеній, сколько великолѣпныхъ зданій, сколько дорогъ и улицъ; какое пространство! а священный кремль! Сколько тутъ любопытнаго, сколько милаго найдетъ согрѣтое патріотизмомъ русское сердце! Былъ я, другъ, и на великомъ Иванѣ, и достоинъ такого наименованія,—подлинно великій; какая высота, какой звонъ! однихъ колоколовъ 31. Какое великолѣпное зрѣлище представляетъ наша—матушка Москва, когда смотришь на нее съ колокольни Ивана великаго! это едва-едва обозримая степь, усѣянная Божіими храмами, испещренная различными зданіями и строеніями;—это море волнящееся постоянно идущими и ѣдущими по разнымъ направленіямъ людьми разныхъ сословій и званій. А въ соборахъ сколько святыни! Сколько нетлѣнныхъ останковъ святыхъ угодниковъ Божіихъ! Сколько безмолвно-краснорѣчивыхъ гробницъ князей и царей Россійскихъ! Жалѣю, что пожилъ я тамъ одну только недѣлю, (а въ недѣлю удалось на своей буркѣ не одинъ разъ перекрестить Москву почти изъ конца въ конецъ), желалъ-бы нажиться тамъ до сыта—вполнѣ удовлетворить своему любознанію. Совѣтую и вамъ, милый другъ, въ свободное время посвятить недѣльки двѣ на прогулку въ Москву,—знаю, вашъ пытливый, любознательный духъ много найдетъ тамъ для себя пріятной пищи,—а взадъ и впередъ перепутье мое,—тутъ и вѣрный случай можетъ быть къ первому и послѣднему свиданію въ жизни. 16-го числа декабря возвратился я въ домъ. 18-го числа того-же мѣсяца подаютъ мнѣ, присланное съ нашимъ мо-

1843 г. лодымъ священникомъ, возвратившимся изъ Владиміра,—пріятнѣйшее письмо ваше,—съ нетерпѣніемъ разламываю печать хочу читать,—и препятствіе! Зовутъ въ приходъ напутствовать св. тайнами отчаянно болящаго; дѣлать нечего—медлить нельзя; сажусь въ сани, развертываю письмо, и отъ самаго села вплоть до деревни, не смотря на стужу, нѣсколько разъ перечитываю письмо ваше,—такъ что и самъ мужикъ—извощикъ нѣсколько разъ изъ сожалѣнія говорилъ: „Батюшка, у те руки-то иззябли“... Послѣ этого мой первый долгъ былъ послать къ вамъ съ первою почтою отвѣтственное письмо;—но обстоятельства одно непреодолимѣе другаго съ самаго того времени доселѣ не давали мнѣ быть празднымъ ни одной минуты. До Рождества Христова и день и ночь исключительно писалъ метрики (ибо мой годъ былъ). Во время святокъ по днямъ славилъ, а по ночамъ писалъ клировыя вѣдомости,—мученіе! Послѣ новаго года изъ приходорасходныхъ книгъ извлекалъ свѣчныя и денежныя вѣдомости, и составлялъ прочіе церковные документы, послѣ Крещенія ѣздилъ въ консисторію—отправлять метрики.

Еще что сказать вамъ? семейство мое безъ приращенія и убавленія все тоже; дѣтей, происшедшихъ на свѣтъ, еще не имѣю. Приближается св. Четыредесятница, время самое трудное для меня изъ всего года, какъ для силъ тѣлесныхъ, такъ для немоществующей собственными грѣхами окаянной души моей. Вы, имѣя стадо словесныхъ овецъ, состоящее только изъ двухъ или трехъ человѣкъ, при томъ образованныхъ,—понимающихъ очень ясно христіанскія обязанности, воздыхаете и скорбите подъ тяжестію должности пастыря: что-же долженъ дѣлать я—недостойный пастырь словеснаго стада, состоящаго изъ 2,000 человѣкъ такихъ, которые по духовной сторонѣ не могутъ отличить криваго отъ прямаго? Станетъ-ли силъ моихъ—многихъ блуждающихъ по дебрямъ раскола, по пропастямъ суевѣрій, разсѣянныхъ по пустынямъ разныхъ козлогласованій, увлекающихся всякимъ вѣтромъ лжеученій,—овецъ моихъ обратить и привести въ единое стадо Христово,—воодушевить пламенною любовію къ своему Искупителю? Трепещу, окаянный, того дне, когда кровь расточенныхъ и похищенныхъ волками овецъ взыщется Господомъ Богомъ отъ рукъ моихъ! А о соб-

ственномъ растлѣнномъ существѣ, не смотря на то, что 1843 г
оно облечено благодатію священства—постоянно стремящемся къ низкимъ удовольствіямъ, чувственности,—и говорить нечего, постоянно *вижду ины законъ во удѣхъ противовоюющъ закону ума и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ сущимъ во удѣхъ моихъ*. Единственная моя просьба—не забывайте мое недостоинство въ молитвахъ во время принесенія безкровной жертвы.

Частыя письменныя сношенія особенно для васъ, другъ, знаю не совсѣмъ-то возможны,—какъ по постоянной почти должности учителя, такъ по прочимъ обязанностямъ. Вотъ мое предложеніе: если съ кѣмъ-либо изъ насъ не сдѣлается важнаго переворота въ состояніи, будемъ ограничиваться въ годъ однократнымъ другъ къ другу увѣдомленіемъ. Теперь, я не сомнѣваюсь въ вашемъ прежнемъ ко мнѣ расположеніи, желаю, что-бы сіи дружественныя связи сохранились до гроба.

Извините, и позабылъ поздравить васъ съ новымъ годомъ,—дай Богъ вамъ обновиться духовно и тѣлесно; затѣмъ желаю, душеспасительно начавъ, окончить св. Четыредесятницу и съ живѣйшею радостію срѣтить свѣтоносный праздникъ Христова воскресенія".

На это дружеское посланіе отвѣчалъ я 8-го мая; но что писалъ, не помню.

Марта 1-го дня послѣдовала нѣкоторая перемѣна къ лучшему въ моей училищной службѣ. Въ слѣдствіе приказанія, даннаго преосвященнымъ Парѳеніемъ семинарскому начальству, имѣть меня въ виду при первой вакансіи на высшую учительскую должность,—я переведенъ былъ изъ перваго приходскаго класса въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища на мѣсто учителя Бѣляева, перешедшаго во Владиміръ на должность эконома семинаріи. Мнѣ поручено было преподавать греческій языкъ, катихизисъ, славянскую грамматику и ариѳметику. Больше стало трудовъ, но больше получалъ и вознагражденія за труды: вмѣсто 300 рублей ассигнаціями я сталъ получать уже 500 р. Я не могъ конечно не радоваться и не благодарить Бога за такое лестное ко мнѣ вниманіе со стороны начальства: но эта радость растворялась нѣкоторымъ чувствомъ скорби. Я видѣлъ, что мое повышеніе причинило огорченіе моему

1843 г. родственнику, старшему меня по лѣтамъ службы, учителю 2-го приходскаго класса, о. Василію Харизоменову; особенно негодовала на меня завистливая жена его Анна Парѳеньевна.

Преподаваніе катихизиса, славянской грамматики и ариѳметики не составляло для меня особеннаго затрудненія; но греческій языкъ, хотя я и достаточно знакомъ былъ съ грамматическими правилами его, потребовалъ отъ меня не малаго труда. Для того, чтобы основательнѣе съ нимъ познакомиться, не разъ прочиталъ я огромный томъ Греческой грамматики, составленной по Цумту *Поповымъ*, и сдѣлалъ изъ него не мало выписокъ.

Къ совмѣщенію учительской должности съ священническою встрѣчались иногда нѣкоторыя затрудненія; поэтому я долженъ былъ время отъ времени обращаться къ помощи заштатнаго соборнаго священника, 80-ти лѣтняго старца, о. Парѳенія Тумскаго. За совершеніе одной литургіи платилъ я ему по 15-ти копѣекъ серебромъ, а съ вечернею и утренею по 20-ти копѣекъ. Онъ былъ очень радъ и такой, по видимому, ничтожной наградѣ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ въ Муромъ, въ гости къ своему родственнику, стряпчему А. А. Горицкому, Горицкій священникъ В. В. Сапоровскій. Онъ не разъ и меня посѣщалъ. По возвращеніи изъ Мурома домой, онъ писалъ мнѣ отъ 7-го марта:

„Простите великодушно, что до сихъ поръ не воздалъ вамъ чувствительнѣйшей благодарности за пріятное угощеніе и тѣ ласки, каковыми вы вкупѣ съ Анной Васильевной меня одарили. Кромѣ мірскихъ обязанностей, суетъ домашнихъ, особенною причиною молчанія было слабое здоровье. Попировавши до сыта въ вашемъ Муромѣ и умучась дорогою съ слѣпымъ старикомъ, такъ разстроился, что и теперь чувствую большую слабость. Отъ васъ ѣхалъ я вертепами и лѣсами до родины—стараго Николы и едва-едва добрался. Теперь утомляетъ продолжительная каждодневная служба и исповѣдники. Праведно говорятъ: у стараго коня, не постарому ходьба; бывало въ Дунилово, какъ ясенъ соколъ леталъ, а нынѣ и въ Горицахъ, яко черепаха ползаю чуть-чуть. Какъ то вы теперь поживаете?

Не пріумножилось-ли семейство ваше? Растите, множитесь 1843 г.
и благоденствуйте“!

9-го апрѣля (въ великую пятницу), въ 6-мъ часу утра Богъ даровалъ намъ сына, котораго нарекли Михаиломъ въ память моего родителя и въ честь Благовѣрнаго князя Михаила, Муромскаго чудотворца (память его 21-го мая). Воспріемниками его при крещеніи были: Муромскій стряпчій Александръ Алексѣевичъ Горицкій и дворянка Марья Никитишна Герцегъ—родственница моей тещи. Не долго, впрочемъ, суждено было намъ утѣшаться своимъ первенцемъ. Въ слѣдующемъ 1844 году, іюня 1-го дня, послѣ довольно продолжительной болѣзни, онъ тихо скончался на моихъ глазахъ. Въ минуту смерти я пораженъ былъ неземною улыбкою на его устахъ. *Таковыхъ бо есть царствіе небесное.*

Помѣщаю здѣсь очень любопытное письмо, писаное изъ Таганрога отъ 30 іюня полковымъ священникомъ В. Н. Вознесенскимъ учителю Муромскаго училища Г. В. Ястребову, женатому на дочери Н. С. Аменицкой:

„Не знаю въ правду ли, говорятъ самая важная наука въ жизни — молчать. Не для виноватыхъ ли такая хитрая наука? У военныхъ такъ: молчаніе, особенно обвиняемаго— въ правду ли не правду ли—вещь самая важнѣйшая, тріумфъ армейской службы, который сберегаетъ намъ цѣлыя толпы затѣйливыхъ воителей. Я не люблю этой науки: признаюсь, не люблю держать языкъ на привязи и тормозить своей откровенности; молчаніе признаю достоинствомъ отрицательнымъ; но предъ тобой, любезный мой, пасъ! преклоняю свою лысую и серебристую голову — руби ее, если не вспомнишь великодушнаго обычая предковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не отвѣчать безъ малаго три мѣсяца на дорогое письмо—и при томъ письмо первое — криминалъ въ общественной жизни, уголовное преступленіе по всѣмъ законодательствамъ, даже по законодательству Конфуція. Это обстоятельство, дѣйствительно, лежитъ камнемъ и доселѣ на моей совѣсти, тѣмъ больнѣе, что это едва ли не первый случай въ жизни, гдѣ моя аккуратность и постоянное вниманіе къ роднымъ, допустила до себя пятно и нареканіе. Очень больно. Но послушай, любезный, не все то грязно, что черно, и алмазъ достается изъ подъ самой грубой коры.

1843 г. Письмо ваше сперва переслано было мнѣ Ек. Степановной въ деревню верстъ за 200 отъ Таганрога, въ одинъ изъ говѣвшихъ у меня баталіоновъ Баталіоновъ этихъ въ прошедшемъ году лежало на моей шеѣ до семи; каждый изъ нихъ состоялъ изъ 1,200 человѣкъ и болѣе. Слѣдовательно нужно было исповѣдать отъ 8 до 9 тысячъ человѣкъ; а исповѣдовать такую команду—особенно хохловъ, которые по общему наблюденію психологовъ, составляютъ лишь границу или переходъ отъ существъ разумныхъ къ царству существъ безсловесныхъ, скажу откровенно не рукой махнуть, не поле перейти, тѣмъ болѣе, что въ продолженіи 10 лѣтъ своей службы, я никогда не подражалъ лукавому обычаю—хохловъ—собратій своихъ, дѣлать эти вещи кое-какъ—гуртомъ, штукъ по 20, по полсотнѣ и болѣе. По нѣсколько дней безвыходно просиживалъ я въ храмѣ; едва ли случалось, кромѣ легкой закуски, обѣдать разъ въ недѣлю. Говорю объ этомъ не для того, чтобы вытянуть невольную дань собственному самолюбію, но пишу какъ вѣрный историкъ и большой поклонникъ правды, какъ аккуратный слѣдователь, хочу развязать всѣ узлы и открыть всѣ закоулки казуснаго дѣла.

На Пасху можно бы? дѣйствительно, но потому ужъ трудно, что Пасха. Кромѣ того, нашъ роскошный югъ, къ послѣднимъ недѣлямъ великаго поста, такъ раскутился, что мы имѣли несчастіе—или, согласно съ статьями о поэтахъ,—радостный восторгъ встрѣтить здѣсь зиму—зиму русскую съ 25 градусами мороза. Эта „сѣдая волшебница“ смела пушистымъ жезломъ всѣ наши цвѣты, покрыла зазеленѣвшуюся природу снѣжнымъ саваномъ аршина въ полтора; а главное: подмѣтивши, злодѣйка, что мы распахнули окна и двери, навѣяла тьму простудъ и ревматизмовъ, и едва-едва не разлучила насъ съ сыномъ. Мой бѣдный Паша на Ѳоминой такъ заболѣлъ, болѣзнь такими исполинскими шагами вела его ко гробу, что мы было отчаялись видѣть его болѣе въ семьѣ своей. Я люблю дѣтей какъ душу. Не довѣряя чужому глазу, я самъ ходилъ за ними и въ кори и оспѣ и скарлатинѣ и коклюшѣ,—я и теперь поднялъ на ноги весь медицинскій факультетъ Таганрогскій; но, къ несчастію, имѣлъ лишь лишній случай видѣть безсиліе искусства человѣческаго въ трудныхъ немощахъ. Ни Броунъ-исты, ни

Бруссэ-исты не помогали. Медицина отказывалась. Паша 1843 г
дошелъ до всевозможнаго изнеможенія, уже холодѣлъ, уже закатывались глаза, не болѣе 20 разъ билъ пульсъ въ минуту.—Потухали совсѣмъ наши надежды. Я накрылъ кончающагося воздухомъ съ мощей св. угодника Божія Митрофана—и — благодѣтельный сонъ успокоилъ страждущаго часа на два. Минуты скорбныя, безотчетныя, сколько бы ни хитрился языкъ человѣческій, никогда не процѣдить ему сквозь рѣшето своего слова, всей полноты чувствъ сердечныхъ, не перевести на ходячій говоръ языка души; но благодаря Промыслу, Паша проснулся покойнѣе, искра жизни опять мелькнула въ охолодѣвшихъ членахъ—и эту-то искру съ Божіею помощію молитвами св. Угодника Господня опять раздули до настоящей полноты. Теперь, слава Богу, Паша опять прыгаетъ и распѣваетъ хохлацкія пѣсни; но скоро сказка сказывается, а сколько тревожныхъ безсонныхъ ночей должны были провести мы при постели больнаго? Я былъ почти безсмѣннымъ дежурнымъ, едва-едва часа на два въ сутки закрывалъ глаза; но, слава Богу, я не чувствовалъ ничего особеннаго, за то Ек. Степановну эти безпокойства рѣшительно съ ногъ срѣзали; она заболѣла сама, а это значитъ, что для меня лишь только перемѣнилась „дирекція“,—значитъ, что я перешелъ отъ огня къ полымю. Случалось ли вамъ испытывать, или по крайней мѣрѣ, видѣть состояніе мужа-отца, при постелѣ любимой жены-матери семейства. Нѣтъ?.. И не дай Богъ! Картина непріятна не только для сердца, но и для взора. На средномъ планѣ этой картины—прибавьте еще—группу малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ одного, семимѣсячнаго, надобно въ это время по необходимости отнимать отъ груди — а на дальнемъ — чужую, дальнюю сторону, гдѣ трудно встрѣтить посторонее участіе, гдѣ всякую услугу надобно купить на чистую монету? Здѣсь проявилась солдатка Муромлянка, дочь какой-то бывшей няньки Гейцыга, потомъ Языкова Михайла—по имени Авдотья—повѣрите ли: я ей платилъ по рублю въ день, чтобы она только бормотала женѣ что-нибудь о Муромѣ, занимала, развлекала ее?.. Теперь, слава Богу, у насъ обстоитъ все благополучно. Теперь кто же изъ васъ первый броситъ камень на виноватаго, кто первый подпишетъ приговоръ къ моему обвиненію?.. Скажите, могъ ли

1843 г. я, даже долженъ ли былъ украсть хоть нѣсколько минутъ у больныхъ, чтобы посвятить ихъ вамъ?! Я сказалъ все, не громоздясь на ходули обычныхъ истертыхъ оправданій;— отъ вашего благоразумія зависитъ теперь приговоръ и рѣшеніе. Прощай, мой другъ, до завтра. Теперь некогда. Иду на промыселъ.

1 іюля. Поздравляю, любезный, съ 1 числомъ. У васъ, я думаю, и ярмарка прошла и кошельки поопустѣли; лучше: легче! деньги любятъ движеніе съ мѣста. Но шутки въ сторону. Мнѣ бы надлежало теперь отвѣчать по пунктамъ на милое письмо ваше. Но, любезный, не поведетъ ли это насъ въ глубокую даль догадокъ, предположеній, умозаключеній, быть можетъ неосновательныхъ и ложныхъ! Сердце человѣческое—пучина; я боюсь пускаться туда, боюсь какъ бы не затронуть, не потревожить какихъ-нибудь чувствительныхъ пружинъ — не разшевелить бы какъ чьего самолюбія; а самолюбіе—вещь самая щекотливая, самая опасная. Я однажды пооткровенничалъ, пошутилъ по родственному; да вѣрно не впопадъ: за то мнѣ платятъ девятилѣтнею самою упругою упругостію. Нѣтъ, слушая слегка анатомію, которую читалъ мнѣ одинъ изъ умныхъ докторовъ нашихъ, и разсматривая сердце человѣческое подъ ножомъ анатома, я видѣлъ тамъ тьму самыхъ тонкихъ волоконъ, самыхъ незамѣтныхъ почти сосудцевъ, которыхъ никакъ не разгадать живымъ. Оставимъ это въ покоѣ... Мнѣ позвольте, любезный, только благодарить васъ отъ всей души за ваше отчетливое увѣдомленіе о родныхъ; я ихъ очень люблю; и позвольте мнѣ впередъ надѣяться почаще хоть отъ васъ подобныхъ увѣдомленій. Повѣрьте, письма ваши будутъ праздникомъ для насъ на чужбинѣ, и я съ своей стороны не замедлю сообщать вамъ о своемъ подвижномъ житьѣ-бытьѣ.

Жаль, очень жаль любезной сестрицы и матери нашей Надежды Степановны. Заботы, безпокойства прежде времени сокрушили ее. Но крестъ всегда—крестъ. Онъ никогда не можетъ быть легокъ для нашей чувствительности. Чѣмъ выше вещь, тѣмъ дороже за нее платится; а чѣмъ дороже, тѣмъ труднѣе пріобрѣтается. А вы знаете, что мы покупаемъ *терпѣніемъ?* (у Луки, кажется). Растолкуйте ей сами—какъ сынъ—по сыновнему. Въ природѣ все терпитъ.

Это законъ неизмѣнный! И замѣтьте при томъ, что кто чѣмъ невиннѣе, тѣмъ болѣе тотъ терпитъ. Пусть всмотрятся хорошенько въ природу. Вѣрно, это нужно, необходимо... Спартанцы научали „терпѣть по волѣ, потому, дескать, что будешь терпѣть по неволѣ“. Но они—старые дурни, — у насъ другой законъ... О, какъ бы мнѣ хотѣлось хоть еще разъ посмотрѣть, побесѣдовать въ кругу вашемъ! съ потерею родныхъ Муромъ для меня теряетъ всю цѣну. 1843 г.

Александръ Егорычъ до сихъ поръ еще на распутьи. Нерѣшительность въ его состояніи опасна. Мечты — не достоинство. По моему, мечтательность самая тонкая и опасная сѣть, которою лукавый ловитъ насъ въ свои когти; потому что всѣ дѣйствія мечтательности имѣютъ пружину въ самолюбіи, въ нашемъ замысловатомъ, и всегда почти, пустозвонномъ—я. О, какъ за то дѣйствительность поражаетъ очарованнаго мечтами,—своею рѣзкою несообразностію его понятій съ вещами, предположеній съ исполненіемъ, чувствованій съ отношеніями. Право, правъ старикъ Баумейстеръ, выдавши за положительную истину, что non scholae, sed vitae discendum est. Жизнь имѣетъ свои законы, законы непреложные, которые никакъ не перемѣнить намъ своими мечтами, а нужно къ нимъ поддѣлываться. Что за мысль, „если въ свѣтѣ увидитъ онъ высшихъ себя въ чинахъ, не снесетъ—умретъ?“. Это что-то a la высшей гордыни. Скоро же ему придется умереть, очень скоро— непремѣнно при первомъ же поступленіи на какую угодно стезю жизни. И по моему ему учиться бы—учиться! Что ему можетъ дать учительское мѣсто—личную привилегію грязь топтать—не правда ли?—Но только учиться не медицинѣ. Медицина (хоть не наука, но сборъ опытовъ)— сама по себѣ—объяденье; но казенная медицинская служба— бѣдецъ! Не смотря на прибавку ей жалованья—я никогда ни какъ не помѣнялъ бы своей жизни, на жизнь медика въ полку. Это цыганская поганая жизнь; покою никогда, а отвѣтственности, непріятностей—команды! Въ нашемъ званіи надобно закутать себя въ длинные рукава—шапку — ушанку — правда: но сквозь эти длинные рукава не продуваетъ сквозной вѣтеръ свѣтской суеты, не проходитъ шумъ паденій, и не тревожатъ бури политическихъ переворотовъ. Согласитесь сами, что покойнѣе, картузъ или шапка—

1843 г. ушанка? О, эта вещь самая комфортабельная. — Я дорого бы заплатилъ за нее, еслибъ можно было здѣсь достать ее. Мой ревматизмъ жестоко въ ней нуждается. Нѣсколько разъ я посыкался было просить Павла Степаныча переслать мнѣ изъ Владиміра; но... вдоль по улицѣ молодчикъ, вдоль по широкой голубчикъ и проч. и проч.

Нѣтъ, есть невыгоды въ нашемъ званіи, невыгоды большія—но не тѣ. Узнаетъ самъ, когда поступитъ. Впрочемъ, гдѣ ихъ нѣтъ?..

И въ этомъ-то „комфортабельномъ“ отношеніи, я завидую своей любезной Любушкѣ. Радуюсь за нее, мою голубушку. Но прельщаетъ меня ихъ довольство и обиліе.—Благодаря Бога и мы никогда не имѣли не только нужды, но и недостатка; но роскошь природы, ароматы полей, чистый воздухъ, деревенская неподдѣльная простота жизни, вотъ чего хотѣлось бы отвѣдать. Право, городской воздухъ становится вреденъ для меня, какъ сѣверъ для покойнаго Пушкина. Потрясаемый безчисленными сплетнями, раздорами, тщеславіемъ, гордостію и жадностію огромнаго скопища людей, мутный отъ происковъ, сырой отъ глупости, пыльный отъ скотовъ, производитъ онъ удушье въ легкихъ и круженіе въ головѣ. Хотѣлось бы хоть одну весну, хоть одно лѣто провести въ деревнѣ при чистомъ ручейкѣ, подъ тѣнію прохладной рощицы. (Видишь, и я еще поэтизирую подъ часъ). Ты, я думаю, забылъ Монастырки или Просятевскіе березники? Тогда они, не знаю почему, казались въ какомъ-то прозаическомъ видѣ; но теперь — это казовый конецъ жизни. Впрочемъ, мнѣ хотѣлось бы на чистый воздухъ, при настоящихъ моихъ средствахъ, т. е. чтобы при мнѣ находилось постоянно прислуги человѣка четыре, и тысячъ—ну хоть до двухъ, или даже до полуторы (по деревенски) въ годъ обезпеченія — а то говорятъ на пустой желудокъ плохо дѣйствуетъ и деревенская чистота воздуха. Вы вѣрно, на вакацію будете въ Зяблицкомъ погостѣ? Когда увидитесь съ моей Лебедушкой, — скажите ей отъ меня большой поклонъ, разцѣлуйте пожалуй, если мужъ не забіяка. Скажите, что я и досель люблю ее; не знаю любитъ ли она меня злодѣйка? Впрочемъ, я теперь и лысъ и сѣдъ—на головѣ проявляется проталина, на которой можно написать цѣлую отставку для всякаго влюбленнаго. Грибо-

ѣдовъ сбаялъ: „скажи тому любви конецъ — кто на три 1843 г.
года вдаль уѣдетъ". А мы ужъ—здоровы-були 11-й рикъ (годъ). Объ дѣтяхъ велите молиться больше Богу и угодникамъ Господнимъ.

Василій Степанычъ—чудакъ! Молчанію онъ выучился вѣрно у рыбъ, которыхъ охотникъ былъ удить. Объ немъ и намъ лучше молчать, а то какъ бы не обидѣть, не потревожить его безмолвія.

Владимірцы? тоже народъ дѣловой! Недавно писалъ я имъ два огромныхъ посланія, но отъ нихъ, знаю, не дождешься отголоска. Абрамычъ въ этомъ отношеніи подъ шерсть пришолъ къ Степанычамъ. Но если, какъ вы говорите, онъ похожъ на Сикста V-го хоть сзади, то не похожъ ли и Пареспій на Гильдебрандта или Григорія VII-го. У него не вдругъ найдешь какъ не перегибайся.

Прасковьѣ Степановнѣ буду самой писать. Если не получитъ на одной съ вами почтѣ, то на слѣдующей непремѣнно. Вашу милость, любезный, я зналъ дѣйствительно, какъ „сорви голова", нечего грѣха таить. Но это самое лучшее ручательство за будущее. Я самъ не изъ простыхъ (ты улыбнешься, можетъ быть, а мнѣ что за дѣло,— я за 1300 верстъ)—я самъ таковъ. По мнѣ смѣшонъ дитя—старикъ. Я и теперь еще частенько вспоминаю старину съ своими дѣтьми—играю съ ними, рѣзвлюсь, самъ пособляю воровать имъ у маменьки нитки для змѣевъ, научаю подъ часъ иногда, какъ ловчѣе подобраться и къ варенькамъ. Достается намъ иногда за это отъ маменьки всѣмъ троимъ на орѣхи; но гроза пройдетъ и все разразится смѣхомъ. Понимаю, любезный, въ вашей жизни тоже мало поэтическаго. Я представляю жизнь вашу, какъ жизнь Рыбкина въ свое время. Классъ и кондиція,—кондиція и классъ, вотъ категоріи, по которымъ выкраивается весь вашъ настоящій бытъ. Не знаю, велика-ли польза? Пора бы ужъ, дѣйствительно, нарядиться и въ ушанку. Да не угодно-ли, любезный, съ знаменемъ Царя небеснаго подъ знамена Царя земнаго? Вѣдь не всѣмъ такая невзгода, какъ вашему дядюшкѣ. Дяденькѣ вашему очень часто мѣшало то, что онъ какъ-то отъ природы не уклончивъ: въ жизнь свою не идолопоклонничалъ — никогда, сложа лапочки крестомъ, не плясалъ на заднихъ лапкахъ и не вымаливалъ себѣ мило-

1843 г. сти отъ какого-нибудь филина въ павлиньихъ перьяхъ. Дяденька вашъ всегда шелъ грудью, отъ которой впрочемъ не рѣдко сторонились и превосходительные. Если вы сколько-нибудь удѣляете времени на политическія новости, вѣрно знаете, что у насъ смѣняютъ генерала. Къ намъ назначили генералъ-лейтенанта Добрышина—изъ бурбоновъ. Соколъ! Гусь лапчатый! приплыветъ-ли что къ нашему берегу хорошенькое:—либо пень, либо колода. Не знаю, какъ мы съ нимъ сойдемся—а онъ терпѣть не можетъ, кто мало-мальски похожъ на человѣка. У насъ ужъ съ нимъ была война—мы съ нимъ, къ несчастію, служили. Быть можетъ, это ускоритъ, поторопитъ мою рѣшительность разстаться съ военною службой, а то меня съ ней не растащишь. Надобно сильныя, очень сильныя мѣры. Если мы рѣшались оставить бивуачный постъ свой—такъ это именно превозмогла любовь къ родинѣ, любовь къ роднымъ, и небольшая скука переѣздовъ, а главное: нерасположеніе Катерины Степановны къ походной службѣ. Она предполагаетъ, кажется, что и на мѣстѣ мы будемъ съ тѣми-же средствами къ жизни, какъ здѣсь. Нѣтъ ожжешься — не правда-ли? Мнѣ самому хотѣлось-бы чрезвычайно повидаться съ родными; но только повидаться, погостить у нихъ—не болѣе; или бы гдѣ поближе къ нимъ занять мѣсто службы. Кажется, я далеко зашелъ, не остановиться-ли? Adieu mon cher—зовутъ обѣдать; послѣ обѣда надо, разумѣется, вздремнуть, какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку,—потомъ прочесть что-нибудь для развлеченія, а тамъ, если ничто не помѣшаетъ, докончимъ посланіе, а если...., то до завтра, не барщина!

Іюля 2-го. Ну, нынѣ почта, надобно во что ни стало докончить. Вчера пролынялъ. Но, съ чего-же теперь начать? По порядку, надлежало бы сказать что-нибудь о себѣ—но послѣ писемъ любезной сестрицѣ Надеждѣ Степановнѣ, къ покойному Василію Васильевичу, и послѣдняго огромнаго письма отцу Павлу, я не знаю, что прибавить вамъ. Думаю вамъ извѣстны мои странствованія отъ береговъ Оки до береговъ Дуная, стоянка въ Бессарабіи, кочевье въ Хохландіи, въ забраномъ краю и оттуда путешествіе по Евксинскому бурному понту къ древнему Ахтіару. Про старые дрожжи не толкуютъ 10 разъ. Бачили всенька (всего). Кохалися съ

поляками, лаялися и съ хохлами, держали рахунки и съ 1843 г
жидами. Не помню, что писалъ я въ прошедшемъ письмѣ сестрицѣ Надеждѣ Степановнѣ. Таганрогъ сначала былъ намъ больно не въ голосъ; но теперь привыкли, помирились. Раззоряетъ онъ насъ крѣпко, правда, мы платимъ по 40 копѣекъ фунтъ телятины, по рублю и слишкомъ боченокъ воды: но, присмотрѣвшись теперь и горя мало, какъ будто такъ должно. Расходы эти здѣсь, благодаря Бога, вознаграждаются. Съ 1-го января настоящаго года я получилъ уже тысячи полторы, и даже слишкомъ доходу. Можно примириться? На послѣднихъ дняхъ велик. поста у воротъ моей (богатой, наемной) квартиры много толпилось экипажей постороннихъ, такъ что многимъ должны были и отказывать за недосугомъ.

Но дѣти—дѣти—вотъ что сильно занимаетъ меня. Не даромъ я нѣсколько разъ перечитывалъ ваше отдѣленіе на этотъ предметъ. Дѣйствительно, горько будетъ и намъ и имъ разлучиться на такое огромное разстояніе; но что-же прикажете дѣлать мнѣ въ моихъ обстоятельствахъ? одному изъ нихъ уже 9-ть лѣтъ. Разстаться для нихъ съ службою, какъ я уже и посыкался? но съ службою мы, какъ душа съ тѣломъ—вѣчно въ разладѣ, а разлучиться не хочется. Ума не приложу въ своей головушкѣ. Отдать ихъ въ какое-нибудь духовное училище?—но близко нигдѣ нѣтъ. Кромѣ того, какъ отдать ихъ на чужія руки и бросить въ эту бездну безъ всякаго призрѣнія и руководства? Они не умѣютъ хлѣба отрѣзать. Если-бъ это было не въ Таганрогѣ,—гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ, я нанялъ бы для нихъ учителя и дѣло съ концемъ;—но здѣсь дѣло десятаго рода.

Вы стращаете меня дороговизною. Не знаю, великъ ли итогъ выходитъ по вашему счету, но я бы рублей 300 въ годъ на 1-й разъ могъ платить безъ отговорокъ. Платье—мое. Разумѣется, кромѣ домашняго занятія они ходили-бы въ классъ, привыкали-бы къ конвикту и порядку. Особенно мнѣ хотѣлось поскорѣе бы устроить старшаго; младшій еще не уйдетъ—при томъ же онъ бѣдный такъ все слабъ, мать не разлучится съ нимъ; за одного я дамъ больше половины назначеннаго за обоихъ. Онъ уже хорошо при томъ пишетъ и по латынѣ, знаетъ русскія склоненія, имя существительное—прилагательное, первыхъ 4-е дѣйствія ариѳ-

1843 г. метики. Нынѣшній годъ, еслибъ не было у насъ маленькаго, я непремѣнно самъ явился-бы предъ ваши свѣтлыя очи; но теперь едва-ли случится и на слѣдующій годъ. Маленькій что-то хирѣетъ бѣдный: развѣ рѣшусь совсѣмъ оставить армейщину? о дѣти, дѣти!...

Не знаю описывалъ-ли я пресловутый Таганрогъ въ прошедшемъ письмѣ—не помню. Если нѣтъ, и если интересуетесь сколько-нибудь знать это полугреческое, полуиталіанское скопище мошенниковъ, грекосовъ, пендосовъ и разной сволочи; я постараюсь доставить подробное свѣдѣніе о всѣхъ рѣдкостяхъ и добрыхъ и худыхъ.

Таганрогъ беззаконіями своими какъ бы не накликалъ участи Содома и Гоморры. Представьте, съ послѣднихъ чиселъ мая до настоящаго дня, каждый Божій день, дождь ведромъ—громъ и молнія. Во весь іюнь не было 3-хъ дней ясныхъ. Хлѣбъ выросъ въ косую сажень и весь полегъ, повалился и гніетъ. Не въ пору я пустился разъѣзжать на дрожкахъ, лучше-бы, вѣрно, ходить пѣшкомъ. Ждемъ дороговизны nec plus ultra. Хорошая погода въ Таганрогѣ, вѣрно, такъ-же рѣдка, какъ рѣдокъ хорошій, умный профессоръ въ семинаріи.

Съ любовію къ вамъ Василій Вознесенскій".

24-го августа писалъ мнѣ въ отвѣтъ на мое письмо отъ 8-го мая Абакумовскій священникъ М. Д. Граменицкій.

„Жалко, что на ваше торжественное воззваніе: *Христосъ воскресе!* не успѣлъ я въ свое время послать вамъ утѣшительное для сердца христіанскаго отвѣтствіе: *воистину воскресе!* Итакъ воистину воскресшій, вознесшійся и низпославшій намъ Божественнаго Утѣшителя Духа, Спаситель міра да соблюдетъ васъ въ здравіи и благополучіи!

Сверхъ всякаго ожиданія, къ моему невыразимому удовольствію получилъ я 15-го мая наипріятнѣйшее, отправленное отъ васъ 8-го мая, письмо ваше. Не знаю, въ какихъ словахъ выразить вамъ мою чувствительную благодарность за ваше заботливое дружеское о всемъ увѣдомленіе;—кольми паче за искреннюю предосторожность касательно манускриптныхъ переводовъ св. писанія? Точно, у меня и доселѣ существуютъ нѣкоторые книги Св. Писанія въ манускриптѣ на русскомъ языкѣ; по вашему дружелюбному совѣту я постараюсь держать ихъ, какъ можно, се-

кретнѣе; а при первомъ требованіи вручу въ руки правительства, — пусть повѣряетъ паши противъ правописанія неисправленныя ошибки;—и я, подобно вамъ, ихъ перечитать всѣхъ не успѣлъ: впрочемъ постараюсь прочесть... 1843 г.

Поздравляю васъ, милый другъ, съ новорожденнымъ чадомъ,—и отъ души желаю, чтобы оно, возрастая, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ, и, укрѣпляясь въ силахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, служило для васъ пріятною забавою и увеселеніемъ!

Желалось бы съ вами повидѣться лично когда-нибудь, хоть во Владимірѣ. Я его посѣщаю частенько, а вы, кажется, не очень. А поэтому и трудно выждать случая къ сему свиданію. А сколько бы съ обѣихъ сторонъ, я думаю, нашлось у насъ новаго-такого, чего, конечно, нельзя всего въ подробности изъяснить письменно.

Вы, другъ, какъ изъ вашего письма видно, окружены и теперь благородными, съ доброю душею друзьями, вы сами называете свое общество прекраснымъ. А я напротивъ своимъ обществомъ скучаю; въ моихъ товарищахъ нельзя найти вѣрнаго друга, каковъ Иванъ Михайловичъ; нѣтъ и тѣни того вѣрнаго чистосердечнаго расположенія, какое взаимно находили мы между истинными друзьями въ семинаріи. Одинъ товарищъ мой, предавшись на услуги позорному Бахусу, поступаетъ такъ странно, что и крестьяне не смѣютъ съ нимъ заводить знакомства; другой—молодой, льстивъ, какъ лисица, постоянно съ коварствомъ въ сердцѣ и съ злобивыми замыслами въ душѣ; поэтому и удовольствія мои ограничиваются только семействомъ и чтеніемъ, въ свободное время книгъ, которыхъ отъ господъ, къ моему счастію, получать можно сколько угодно. Правда, и мнѣ можно вести и веду короткое знакомство съ живущими въ приходѣ нашемъ господами,—нѣкоторыми даже со мною духовно породнившимися; но во первыхъ, всѣ они живутъ въ деревняхъ—значитъ всегда ихъ видѣть нельзя; во вторыхъ, они дворяне, съ ними можно имѣть знакомство чрезъ чуръ благородное, постоянно надобно имѣть ловкость, во всемъ оборотливость; вообще, они друзья и знакомцы—по политикѣ, хотя и добросердечны и ко мнѣ расположенные; но, сами знаете, другъ, что мы воспитываясь въ неподдѣльныхъ правилахъ нравственности, при-

1843 г. выкли въ семинаріи находить друзей больше по сердцу, нежели по политикѣ, а какъ ихъ въ своемъ обществѣ не нахожу, значитъ я душею въ людствѣ сиръ. Вы не повѣрите, что я по 20 разъ на день вспоминаю наше житье съ вами въ казенномъ домѣ, воспоминаю отъ того, что здѣсь сельская жизнь исказила, можетъ быть, моихъ такихъ же семинаровъ—товарищей. Но нѣтъ, не отъ сельской жизни они не могутъ быть добрыми друзьями, но отъ недружелюбной настроенности по природѣ. Не подумайте, чтобы мы наружно оказывали взаимное неудовольствіе; нѣтъ, мы всѣ на словахъ друзья ласковые—политичные, но дѣла, дѣла совсѣмъ противныя внѣшнему обращенію.

Желая и моля вамъ отъ Господа всѣхъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ съ чувствительнѣйшею благодарностію за ваше подробное, откровенное,—истинно дружеское о всемъ увѣдомленіе, остаюсь чистосердечно любящій васъ"...

8-го сентября писалъ и мнѣ изъ Таганрога, въ отвѣтъ на мое письмо, дядя (по женѣ) священникъ Кавказскаго, Грузинскаго и Черноморскаго резервныхъ баталіоновъ Василій Никитичъ Вознесенскій:

„Любезный нашъ Иванъ Михайловичъ!

Слава Богу, Муромъ исправляется въ поведеніи! Новые побѣги проламываютъ по немножку печать закоренѣлаго безмолвія; очищаютъ мой добрый, ласковый Муромъ отъ множества нареканій, которымъ клеймили его всѣ любители писанія. Спасибо вамъ, любезный, сто разъ спасибо. Письмо—праздникъ для насъ. Вы, конечно, не дадите полной цѣны и вѣсу этому удовольствію: голосъ съ родины вполнѣ оцѣнитъ только тотъ, кто переѣзжалъ рубежъ Россіи, кто долго скитался за границею среди народовъ чуждыхъ, кто въ продолженіи 11 лѣтъ не приближался ближе полуторы тысячи верстъ къ родному пепелищу, кто сильно любитъ родныхъ своихъ. Еще разъ—спасибо.

Вмѣстѣ съ вашимъ—ко мнѣ прилетѣли курьеры отъ всѣхъ четырехъ странъ, отъ всѣхъ четырехъ угловъ широкой Россіи. Изъ Грузіи — отъ доктора Озерова; изъ Бѣлостока—доктора Цвѣткова, изъ Севастополя — отъ бывшаго казначея полка, нынѣ дивизіоннаго адъютанта шт.-капитана Эсадзе—родомъ черкеса, — пріѣзжавшаго одинъ

разъ за 800 верстъ, только на недѣльку: погостить ко мнѣ 1843 г
изъ Мурома—отъ васъ. Но всѣ эти, любезные посланники 4-хъ вѣтровъ, явились ко мнѣ какъ утѣшители въ самое скорбное время, можно сказать, въ самое несчастное для меня. Поганый ревматизмъ и сильнѣйшая боль челюстей и зубовъ, уложили меня крѣпко на крѣпко въ постель, не даютъ головы приподнять. Эта боль мучитъ меня болѣе 6-ти недѣль и не только не уменьшается, но все болѣе и болѣе растетъ, не смотря на глупыя припарки велемудрыхъ эскулаповъ. Стало быть,—но стало быть слѣдствія очевидны! Не ожидайте отъ меня, любезный Ив. Михайловичъ, огромнаго письма, могущаго способствовать пищеваренію, не ищите и того что бы могло вынудить улыбку на устахъ, до чего такъ жадно человѣчество; болѣзнь скрутитъ хоть какую руку, сожметъ по своему хоть какое воображеніе. Я и такъ уже дочувствовался до совершенной хандры, не могу нынѣ участвовать ни въ общемъ удовольствіи, ни содѣйствовать къ возбужденію веселости, говорю съ какимъ-то непріятнымъ принужденіемъ, а теперь почти не узнаю и самъ себя: облысѣлъ, какъ большая проталина на пригрѣвинѣ, а посѣдѣлъ какъ столѣтній старецъ; а вчера вечеромъ здѣшній знаменитый цирюльникъ, вопреки глупому мнѣнію педанта—дантиста, и цѣлому собору безмозглыхъ врачей, лишилъ меня и еще зуба. Признаться — къ чести его—и къ пользѣ моей скулы, вышелъ изъ борьбы съ большой честію. Право, не жалко было дать ему бѣленькую. Мнѣ дергалъ и Бернгардъ, но Бернгардъ дергалъ—даромъ—все равно, что брилъ изъ любви къ человѣчеству.

Мнѣ бы надлежало можетъ отложить отвѣчать, положиться на ваше снисхожденіе; но откладывать въ дальній ящикъ того, что можно, хоть съ трудомъ, сдѣлать нынѣ, то же не разсчетъ и не отрада: во-первыхъ потому, что пожалуй отложишь и до 2-го пришествія; во вторыхъ, какъ бы не расшевелить самолюбія; а съ самолюбіемъ, я, страхъ боюсь возиться. Изъ самолюбія, можетъ быть, какого-нибудь оберъ-священническаго пачкуна, бумагомарателя—изъ самолюбія, дѣйствительно ужъ проклятаго на вылетъ, я цѣлые годы вижу одно невзгодье. Такъ лучше какъ-нибудь пересилиться и написать что попадетъ подъ руку и взбредетъ въ заку-

1843 г. танную и больную голову. Это лучше, одно дѣло съ плечъ,— плечамъ легче.

Вы разсказали, или говоря языкомъ брюзгливаго и затѣйливаго этикета, — отрекомендовали себя. Это значитъ все равно, какъ бы мы вмѣстѣ разсидѣли съ вами часа два-три пріятной бесѣды. Пріятно встрѣтить въ родной семьѣ такихъ людей—безъ лести; пріятно было слышать вашъ привѣтный голосъ, тѣмъ болѣе, что Аннушка или по нынѣшнему Анна Васильевна и матушка—до сихъ поръ остается единственной подругой и любимицей своей тетеньки, Ек. Степановны. Охъ! ты не знаешь, братецъ, какія тамъ крылись тайны—и дружество! Бѣда!! Я думаю и нынѣ Анна Васильевна такъ же тиха, такъ же скромна — бывало отъ нея, какъ отъ судьбы не вывѣдываешь ни одной завѣтной тайны. Поцѣлуй ее лишній разъ за насъ.

Васъ судьба пустила по свѣту круглымъ сиротой, — съ сумой бѣдняка? Повѣрь, милый, я умѣю чувствовать и понять это положеніе; но съумѣлъ бы, кажется, теперь и доказать, что эта сума есть самый лучшій профессоръ въ мірѣ. Его уроки ложатся прямо къ сердцу. — Его слушатели всегда тихи, скромны, переимчивы. Скажу больше: ни Локкъ, ни Дюгальдъ, ни Фихте, ни Кантъ съ своею глубокомысленностію, ни Шеллингъ съ своимъ вѣчнымъ движеніемъ, ни Баконъ или Бэконъ—этотъ великій преобразователь наукъ и свѣтило своего вѣка — съ своимъ плодомъ и пользою, ни Меркъ, ни Гердеръ, которые мылили въ свое время голову и Гетэ и Шиллеру, ни Томасъ Муръ— съ своей утопіей, ни Томасъ Юнгъ съ своей необъятной ученостію, ни самъ Паскаль съ Боссюэтомъ не проповѣдывали съ своихъ славныхъ каѳедръ такихъ нравственныхъ уроковъ для человѣчества, какъ сума сироты. Это самое лучшее ручательство и для сиротъ ввѣренныхъ Провидѣніемъ вашему руководительству. Провидѣніе никогда не дѣйствуетъ безъ цѣли.

Но вы мнѣ описали себя, — какъ я себя опишу вамъ? Я не смѣю назначить мѣста, гдѣ окрылялись первыя мои надежды. Мое юношество протекло кое гдѣ—по закоулкамъ, по захолустьямъ. Съ покойнымъ отцомъ таскался я по всей Владимірской губерніи; живалъ съ нимъ и въ монастыряхъ съ преподобными, объяснялъ имъ и тогда еще аналогію ихъ

„преподобія“ за что, обыкновенно, лишался дневной тра- 1843 г.
пезы. Но, de mortuis aut bene aut nil. — Цуръ имъ, пекъ имъ! Но скитальца Владимірскаго, съ самыхъ юныхъ когтей не имѣвшаго мысли поставить себя на чреду левитовъ и бѣгавшаго, какъ чумы, длиннополаго камзола,—скитальца, сидѣвшаго уже на университетской партѣ, судьба, на смѣхъ всему свѣту, окутала въ широкій мундиръ безъ пуговицъ и пустила скитаться по цѣлому свѣту, напѣвать народную молитву подъ свистъ пуль и ядеръ. Теперь я уже сроднился, свыкся съ своимъ положеніемъ, не завидую ни какому другому; теперь я уже просилъ Павла Абрамыча выслать мнѣ изъ Владиміра и шапку—ушанку, какъ единственное предохранительное средство отъ флюсовъ и ревматизмовъ; но тогда? о! тогда дѣло десятаго разряда! Впрочемъ, мысль всемірнаго гражданства и скитальчества, не знаю какъ, заползла въ мою голову; прежде я никогда не имѣлъ ея: но, рѣшившись разъ, я уже не любилъ отставать, развѣ сами обстоятельства, или правильнѣе, само Провидѣніе разрушало мои планы. Прощай, любезный, до завтра, право мочи нѣтъ. Не все вдругъ—по маленьку.

9-го сентября, вечеръ. Утромъ не удалось.

Калякать много нечего. Вы, вѣрно, знаете мою исторію изъ разсказовъ родныхъ, или изъ очерковъ, которыми иногда надѣлялъ я ихъ изъ разныхъ угловъ Россіи—этой большой избы, гдѣ не вдругъ докричишься изъ угла въ уголъ. Разумѣется, тамъ много недостанетъ тѣней и подробностей. Въ отрывкахъ,—какъ въ отрывкахъ, нельзя искать полноты. Въ тѣсныхъ рамкахъ письма нельзя втиснуть всего, нельзя оттушевать всѣхъ обстоятельствъ бивуачной жизни или быта.

Гиббонъ—царь историковъ, эта Эзопская каррикатура и уродъ по наружности и волшебникъ за перомъ—30-ть лѣтъ писалъ свое „Паденіе и разрушеніе Римской имперіи“—кромѣ приготовленій и критическаго разбора всѣхъ фактовъ;—цѣлую жизнь посвятилъ и вылился почти весь для сооруженія себѣ хотя безобразнаго, но безсмертнаго памятника въ потомствѣ. Мои войяжи стóятъ паденія Римской имперіи—куда-же намъ соваться со своимъ носомъ описывать ихъ судя или бродя за барабаномъ. Вы знаете, или слыхали, можетъ быть, походъ мой отъ береговъ Оки до береговъ Дуная, странствованіе въ Валахіи, Молдавіи, ко-

1843 г. чевье въ Трансильваніи, Бессарабіи, у коханыхъ полекъ, поганыхъ хохловъ и у запачканныхъ крымскихъ татаръ. Канва обширна — предоставьте собственному воображенію рисовать какіе угодно узоры,—они, вѣрно, придутъ подъ тѣнь картинѣ. Включите тутъ пожалуй и буруны, и море, и скалы, и горы и проч. и проч. Теперь судьба пихнула пожить съ греками—народомъ самымъ коварнымъ и лукавымъ. Жизнь моя, впрочемъ, всегда или по большей части кроилась по послѣдней категоріи Канта. Имѣли мы свой приливъ и ведра, и ненастья, и радости, и горя—все смѣнялось своею чередой—какъ и все въ природѣ. Служба наша, подъ знаменами брани, весьма необременительна. Я встрѣчалъ товарищей по званію — (товарищей умныхъ, ловкихъ, образованныхъ, къ которымъ нашъ братъ и къ плечу не подойдетъ), которые сознавались, что у нихъ не болѣе 3-хъ разъ въ году званивали,—и это не шутка. Прошлую зиму я служилъ въ здѣшнемъ монастырѣ, большею частію по гречески—и такъ вызубрилъ греческую литургію, что меня рѣдкіе отличали отъ природнаго грека.

Что еще напишу я вамъ? да! ты, любезный, пастырь полутора дворовъ, а я пастырь многочисленнѣйшаго стада, но почти безъ паствы. Головъ тысячъ до четырехъ настоящихъ, коренныхъ и столько же прикомандированныхъ — пригонныхъ должны бы ходить въ слѣдъ моего гласа: но, къ лучшему, стадо мое пасется на пажити чуждей, и бродитъ во слѣдъ инаго гласа. Въ стадѣ моемъ множество бродячихъ окороковъ, поросятъ, ословъ, верблюдовъ и одногорбыхъ и двугорбыхъ, — и ни одной почти овечки. Объѣзжаю я его разъ въ году, а то и въ глаза не вижу. Судя по многочисленности, казалось бы, пастуху — раздолье!— Хоть по клочку съ носа, пастуху — кафтанъ;—не тутъ-то было!. Большею частію козлы, а отъ козловъ какая шерсть и молоко? Отъ бодливыхъ и дикихъ достается еще иногда на орѣхи и самимъ пастырямъ. Надобно имѣть большую снаровку, большой и длинный кнутъ, злыхъ собакъ, чтобы упасти такое сборное стадо. Власть пастыря здѣсь, впрочемъ, соразмѣрена съ властію самихъ свиней изъ породы крупныхъ и вислоухихъ, и подобно древнему стану Израильскому — стадо наше управляется больше рукою Моисеевою, нежели Аароновою.

Но, оставя аллегорическую пошлость, скажу откровенно 1844 г.
что прихожане мои ни какъ не похожи на вашихъ. Въ первомъ стадѣ моемъ, въ полку все было—жизнь—копѣйка; голова—нажитое дѣло! Сто лѣтъ жизни—на шестерку—куда не шло! Весело съ такими и смѣтливому пастырю. За то во второмъ—резервахъ—что-то вялое, паршивое, хилое, тупоумное, безпорядистое, словомъ—поганое. Впрочемъ, и тамъ и здѣсь не мудрено встрѣтить епиграмму и безтолковый фанаберизмъ. Чтобъ казаться умнымъ,—всѣ охотно спорятъ свысока,—разумѣется, безъ всякаго толку и здраваго смысла, безъ всякаго понятія о дѣлѣ. Впрочемъ, это еще избранные баловни судьбы; большая часть не умѣетъ связать двухъ мыслей и начертить трехъ словъ правильно. Впрочемъ, никто не откажется похвастать жалкими побѣдами надъ обломками нѣсколькихъ разбитыхъ добродѣтелей въ чепчикахъ. Всѣ безъ изъятія почти безъ всякой вѣры до благословенныхъ сѣдинъ остаются тѣми-же мелко-развратными юношами, и часто прямо съ плаца, гусинымъ иль бѣглымъ шагомъ сходятъ въ могилу. Понятія мѣняются и изнашиваются въ нихъ, какъ старая набойка. Прежде времени обветшалые и изношенные, подъ конецъ они очень походятъ на орангъ-утанговъ, чисто выбритыхъ и причесанныхъ a la pigeon.

Вотъ кажется и все;—конецъ;—слава Богу. Не забывай, пожалуйста, любезный Ив. Михайловичъ, навѣщать насъ. Первый шагъ сдѣланъ—слѣдов. трудности кончились. Пишите про все, намъ хотѣлось-бы знать все до подноготной, даже какъ свѣтитъ у васъ солнце, какъ текутъ струи Оки: отечества и дымъ пріятенъ. Желаемъ вамъ почаще пировать крестины—рожденія.

Прощай мой милый. Любящій тебя Василій Вознесенскій, священникъ Кавказскаго, Грузинскаго и Черноморскаго резервныхъ баталіоновъ".

12-го марта слѣдующаго 1844 года онъ же писалъ мнѣ:

„Хотѣлъ было перо починить—да не удалось; такъ и быть! мнѣ ничего въ жизни не удается. Будемъ какъ-нибудь валить черезъ пень и колоду, а гдѣ и маленькой рысцей.

Нѣтъ, любезный, не въ томъ сила, чтобы громоздить себя на ходули словесности, не въ томъ штука, чтобы вытягивать за ушки бѣдныя слова въ превосходную степень:

1844 г. письмо — дружеская бесѣда; а на праздникѣ дружества — откровенность должна быть далека отъ всѣхъ условій вычурности. По моему всякое уклоненіе на сторону словесности, всякая кудреватость, предполагая усиліе набирать слова, указываетъ на внутреннее чувство нужды, — искать внѣ того, чего нѣтъ внутри, а это уже по самой очевидности есть лишеніе истиннаго, сердечнаго расположенія. Силлогизмъ вѣрнѣйшій! Я боюсь этой логики: и потому всегда пишу, что взбредетъ на умъ и попадаетъ подъ руку, и люблю кто откровенничаетъ со мной безъ всякихъ финтифлюшекъ. Ваша простота пріятнѣе для меня всѣхъ философскихъ системъ въ мірѣ. Говорятъ, нѣтъ ничего легче въ художествѣ, какъ вычурность, ничего мудренѣе, какъ простота, ничего искусственнѣе, какъ строгая естественность. Сказываютъ также, что искусство на то и дано человѣку, чтобы онъ умѣлъ быть естественнымъ, какъ сама природа, вѣчный образецъ прекраснаго. Еще доложу пожалуй, что самую словесность нынѣ, или лучше риторику—изъ дворянъ, за недостаткомъ доказательствъ, разжаловали въ рядовые,— изъ науки — въ пошлую компиляцію: говорятъ, всѣ ея тропы и фигуры—бредни, всѣ хріи—галиматья! и правда! Монологъ этотъ набросалъ я, любезный, для того, чтобы вы не жаловались на недостатокъ „изобрѣтательности“ и не завидовали моему искусству, какъ вы говорите „въ епистолярной гастрономіи“. Оставимъ же, любезный, всю напыщенность—германской философіи, всю темноту—судейской совѣсти, всѣ кудреватые крючки — замашкамъ секретарей и повытчиковъ. Будемъ бесѣдовать, какъ Богъ послалъ; только пожалуйста почаще. Вотъ съ моей стороны одно и единственное условіе.

Вы подарили меня праздникомъ—дѣйствительно. Спасибо вамъ. Полученіе почты — особенно писемъ — пирушка для меня. Я всегда жду ихъ съ нетерпѣніемъ и перечитываю съ жадностію по нѣсколько разъ. Жаль только, что вы, при всемъ обиліи фактовъ, немножко сухи и чрезъ чуръ скромны въ повѣствованіи. Мнѣ бы хотѣлось знать всю подноготную Муромскую—даже какъ всходитъ у васъ солнце, по старому-ль катитъ струи свои Ока. Вотъ какъ занято Муромомъ мое воображеніе. Мнѣ мало знать, что у васъ была масляница — но какъ она прошла у васъ — какъ вы

провели ее?... Васъ — семья большая! Родныхъ цѣлая ко- 1844 г
манда! ведется-ли между вами, какъ въ старину бывало— бостончикъ; въ какихъ отношеніяхъ всѣ вы между собою, по какой особенно категоріи кроится жизнь каждаго изъ васъ, горитъ-ли между вами та любовь и согласіе, которыя такъ крѣпко связываютъ сердца и души! Вотъ чего жаждетъ душа моя— откровенности ищу я. Я самъ, когда здоровъ, люблю съ друзьями и порѣзвиться и пошутить; выворачиваю на изнанку всю душу и сердце, никогда не взнуздываю своей откровенности.

А писать? — Самое лучшее — по временамъ. Нынѣ это принято почти всѣми закадычными писаками. Не стѣсняясь обстоятельствами, не стѣсняешь и своей свободы, и не спѣшишь, какъ угорѣлый сломя голову и перо къ срочной почтѣ. Отъ этого выигрываютъ и тотъ и другой. Одинъ выигрываетъ уже тѣмъ, что пишетъ, когда хочетъ, а другой навѣрно больше получаетъ, нежели обыкновенно. Я получивалъ письма, писанныя по 16-ти дней къ ряду. Вѣдь, это цѣлый журналъ! Но вотъ ужъ и я, любезный, ослабѣлъ; постойте, дайте отдохнуть и съ силами собраться. Вѣдь я еще какъ дитя, едва едва сижу на постелѣ, и то въ подушкахъ, никакъ не могу пригнуть больной груди своей къ столу. Посмотрѣли бы вы, какъ я ухитрился и чего не нагромоздилъ, чтобы писать сидя на постелѣ не сгибая своего положенія? На выдумки натура таровата! Жена и такъ бранится — лаетъ, какъ говорятъ хохлы, что я такъ изнуряю и неволю себя, — но вѣдь я нѣсмь человѣкъ, яко-же прочіи лицемѣры и проч. и проч. Да, вонъ скидаютъ на крыльцѣ шинели и калоши, какихъ—то двое, одинъ, кажется, маіоръ въ жирныхъ эполетахъ,—а другой— не знаю. Они идутъ, повидимому, больнаго посѣтить, а по настоящему смыслу, выпить водки и подъѣсть. Я ихъ натуру знаю. O tempora, o mores! o pecora, boves!...

3 часа послѣ обѣда. Вотъ я опять къ вашимъ услугамъ: опять угромоздился. Будемъ продолжать доколѣ достанетъ силъ и терпѣнія. Жена теперь не видитъ—она на своей половинѣ и, вѣрно, отдыхаетъ.

Первая часть вашего посланія прекрасна. Она очень обрадовала насъ. Ради Бога нельзя-ли почаще этакъ воспроизводить въ матушки и изъ дѣвицъ робить молодицъ.

1844 г. Это самый поэтическій эпизодъ во всемъ жизненномъ мірѣ. Господи, Боже мой! какъ не увѣриться, какъ не убѣдиться, что надъ сиротами видимо печется самъ Промыслъ. Отнимая отъ бѣдныхъ отца земнаго,—онъ даетъ имъ небеснаго, который лучше и вѣрнѣе всѣхъ отцовъ въ мірѣ знаетъ какъ устроить участь дѣтей своихъ. Какъ не благодарить и Παρθενία, избравшаго благую цѣль въ своемъ управленіи, хоть эта благая цѣль очень частенько сидѣла на шеѣ нашей братьи, была въ тягость, но это по недоразумѣнію и легкомыслію. (Эта благая цѣль была также въ числѣ не маловажныхъ причинъ, почему я съ знаменемъ Царя небеснаго, рѣшился стать подъ знамена Царя земнаго). Не даромъ же Провидѣніе надѣлило его именемъ „Парсній— *Παρθένος*—дѣвственникъ. Отъ всей души желаемъ счастья новобрачнымъ и привѣтствуемъ новаго гостя въ кругѣ родственной семьи. Мнѣ что-то фамилія „Силецкій“ такъ... что то... кажется и знакомою и не знакомою [1]). Впрочемъ, всѣхъ нельзя знать. Стало-быть вашего полку теперь и прибыло и убыло.

Очень радъ, что духовный ареопагъ вашъ въ Полотебновѣ пріобрѣлъ мужа могущаго поддержать и судъ и правду; только нечего ему, кажется, будетъ развѣшивать. Постъ этотъ такъ малъ, такъ ничтоженъ, что кромѣ несчастной подписи на метрическихъ книгахъ не составляетъ никакой особенности въ общемъ судопроизводствѣ. Нашли-же наградить чѣмъ? Исторія Полотебнова извѣстна мнѣ изъ разсказовъ Рязанцевъ-земляковъ его. Онъ долженъ быть славный человѣкъ, потому что учился у самаго перваго учителя въ мірѣ—у нужды, и полировался въ самой лучшей школѣ—терпѣнія... Но прощай, любезный, до завтра. Въ глазахъ потемнѣло, а на дворѣ скоро съсумрачится. Если ночь,—Богъ дастъ, засну—разскажу, что привидится.

13-го все утро просидѣли дѣти эскулапа. По обыкновенію выпили съ полграфина водки, съѣли двѣ тарелки маренату и ушли. Этимъ кончаются большею частію всѣ наши визитаціи, а болѣзнь остается своимъ порядкомъ. О меди-

---

[1]) Яковъ Андреевичъ Силецкій, священникъ, послѣ протоіерей въ Муромѣ, второй зять П. С. Царевской, женатый на дочери ея Александрѣ Васильевнѣ, слѣдовательно своякъ преосвящ. Саввы.

цина, медицина! какъ ничтожны всѣ твои начала и системы! 1844 г.
Аллопаты, изопаты, гомеопаты, Броунисты, послѣдователи Бишо, Бруссаисты, Гипократисты! Всѣ ваши системы гадательны, всѣ вы обременены тяжкими грѣхами противъ здраваго разсудка; всѣ состоите подъ уголовнымъ судомъ за свои мечтательныя начала, за произвольность своихъ частныхъ выводовъ, за ложность своихъ общихъ заключеній, за невѣрность наблюденій, и за безконечныя противорѣчія самимъ себѣ. Не даромъ Мажанди и Томасъ-Юнгъ—два великія свѣтила въ медицинскомъ мірѣ, низводятъ медицину изъ науки въ званіе эмпирическаго ремесла. И правда! Впрочемъ, какъ бы то ни было, а день пропалъ и для меня и для васъ. Что Богъ дастъ завтра.

14. Завтра почта: слѣдовательно надобно поторопиться. За себя мнѣ ручаться никакъ нельзя: я часъ сижу, а три часа валяюсь.

Что вы такъ боитесь за свою проповѣдь, за это свое любезное дѣтище? Кто беретъ на себя неслыханную дерзость, какъ Иродъ блядивый, критиковать новорожденное слово Божіе? Быть можетъ у васъ и до сихъ поръ придерживаются еще несчастной мѣрки классическихъ приступовъ, въ которыхъ ни къ чему не приступаютъ, — доводовъ, которыми ни къ чему не доводятъ,—и заключеній, которыя ничего не заключаютъ; смѣшно, право, размѣривать мысль свою по данному аршину, выливать ее, какъ чугунъ, въ чужую форму. Водился грѣхъ этотъ и за нами, нечего сказать, но я ужь лѣтъ 10 совершенно освободился отъ классическихъ затѣй. Быть можетъ я бы теперь и не годился между вами, почивающими на кодексахъ риторикъ и теологій. Я пишу всегда, что вздумается. Двѣ мои рѣчи, напечатанныя гдѣ-то въ Инвалидахъ, изъ коихъ одна въ 1834-мъ году на день Александра Невскаго и воздвигнутія памятника Александру Благословенному, говоренная въ чистомъ полѣ—на курганѣ, подъ навѣсомъ знаменъ, была никакъ не больше четвертинки. Да и никогда я не писывалъ больше 3-хъ страничекъ или поллисточка; за то съ какимъ восторгомъ расхватывали и переписывали эти поллисточки мои военные, особенно когда я былъ въ полку и помоложе. Вообще полезнѣе, говоритъ Паскаль, пробуждать въ людяхъ любовь къ христ. церкви, чѣмъ доказывать ея истину

1844 г. доводами, которыхъ силу и вѣсъ постигаютъ не всѣ. Истины священныя не должно подчинять искусству убѣжденія, онѣ безконечно выше природы; одинъ Богъ можетъ вложить ихъ въ душу, и тѣмъ способомъ, какой Ему благоугоденъ. Впрочемъ, долгъ пастырей—сѣять,—произращать есть дѣло Божіе. Хорошій хозяинъ знаетъ, какъ сѣять, знавши землю свою и время. Но вотъ и поллисточикъ или, бишь, листочикъ весь; прощай дружочикъ, сизокрылый голубочикъ, мнѣ пора прилечь.

15. Вторая часть письма вашего, какъ метрическая часть объ умершихъ, навѣваетъ на душу мрачныя мысли. Господи! какъ быстро родъ человѣческій смѣняется съ часовъ своей жизненной стражи? и не примѣтишь, какъ наткнешься на могилу—эту яму, разграничивающую міръ дольній съ горнимъ. Счастливъ, кто входитъ въ нее не оглядываясь съ прискорбіемъ на прошедшее. Объ Закревскомъ и Языковѣ я не скажу ни слова. De mortuis aut bene, aut nil. Судъ ихъ уже подписанъ. Это, кажется, были два пріятеля—какъ постный сочельникъ и сытное разговенье. Первому давно уже занятая была квартира на томъ мѣстѣ — свѣтѣ. Если онъ былъ вѣрный послѣдователь ученія Волтера, надъ которымъ нынѣ смѣются уже мальчишки, какъ надъ подстрѣленнымъ ястребомъ, упавшимъ въ ихъ лужу для забавы, то не худо бы ему прочесть рацею, которую читалъ Дидро предъ смертью Вольтера. Языковъ, если не въ жизни, по крайней мѣрѣ по смерти могъ быть полезенъ анатомическому кабинету.

Наконецъ, пришлось сказать что-нибудь о самомъ себѣ; а больно не хотѣлось бы. Здоровье мое такъ худо, что не стоило-бы и говорить объ немъ. Да, любезный, вотъ ужъ „15-ть“ недѣль лежу, не отдѣляя головы отъ подушки: не знаю, что такое воздухъ, ходятъ ли люди по св. землѣ? Кочую безвыходно въ своемъ кабинетѣ—не большой отдѣльной комнаткѣ черезъ сѣни, куда, повидимому, переселился и самъ эскулапъ съ своими ретордами и биксами, гдѣ рѣшительно все провоняло медицинской кухней. Не смотря на этотъ смрадъ и вонь, здоровье мое ни туда, ни сюда; и Богъ знаетъ, что будетъ дальше. Надежды очень мало: она какъ метеоръ мелькаетъ только въ будущемъ. Впрочемъ все въ волѣ Господней.....

Говорятъ, я такъ измѣнился, что меня не узнаютъ мои 1844 г
даже самые знакомые; глаза впали, лысина стала какъ добрый ошметокъ, хоть рожь молоти, изсохъ, посипѣлъ, щеки втянулись, ну, словомъ ничего не осталось отъ того рѣзваго и живаго, который подъ часъ любилъ и порѣзвиться и пошутить: похожъ сталъ больше на жильца иного міра. Куда что дѣвалось? Болѣзнь, убивши силы тѣлесныя, коснулась, кажется, и умственныхъ. Ни за что не хочется приняться; все валится изъ рукъ. Прежде я любилъ читать, но нынѣ ничто не занимаетъ. Скука, грусть, тоска какъ бы придавили или задавили мою душу. Нѣтъ мочи заняться даже и съ дѣтьми—и они, кажется, избаловались, канальи до нельзя. У матерей плохая дисциплина. Мы только все четверо, т. е. я, жена и двое дѣтей, каждый четвергъ играемъ на моей постелѣ въ фофана, и толкуемъ безпрестанно о родинѣ: говорятъ, это не совсѣмъ добрый знакъ? Мнѣ совѣтуютъ ѣхать на воды или въ родной климатъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я и безъ совѣтовъ хотѣлъ было побывать на родинѣ, на это много причинъ; но человѣкъ предполагаетъ, а располагаетъ Богъ. Не забѣгай въ будущее—Богъ знаетъ, что будетъ съ нами завтра. Эга болѣзнь, изнуривши, разстроивши тѣло, изнуритъ непремѣнно и кошелекъ. Постъ я уже профукалъ—пустилъ своихъ духовнымъ овецъ по чужимъ рукамъ; слѣдовательно, мнѣ не достанется отъ нихъ ни клочка, ни ноготка. А это больно не въ голосъ. Жить однимъ жалованьемъ—мое почтеніе, особенно если болѣзнь не уймется. Право, не знаю, что и будетъ, ума не приложу въ своей головушкѣ!....

Да—я не сказалъ вамъ, что за болѣзнь у меня? Въ прошедшій разъ я навралъ, и навралъ со словъ пресловутаго медика-дурня. Меня дѣйствительно долго лечили отъ скорбута, морили кислотами и ваннами; но призванный посторонній медикъ не постыдился сказать въ глаза нашему коновалу, что болѣзнь моя столько-же похожа на скорбутъ (цинга), какъ онъ самъ на индѣйскаго Далай-ламу, что у меня на скорбутъ ничего и похожаго и нѣтъ и не было. Согнали почти бѣднаго съ лица земли. Но у меня золотушная опухоль — опухоль затвердѣлая, какъ камень отъ самаго колѣна до бедры. Подобныя опухоли, особенно запущенныя, по увѣренью тѣхъ-же пасынковъ Эскулапа,

1844 г. продолжаются будто-бы по цѣлому году. Весной хотятъ поить меня какими-то травами,—до весны отлагаютъ все леченіе. Но съ этой опухолью мы хоть немножко справились: припаривавши четыре недѣли къ ряду бѣленой, хоть немножко успѣли размягчить ее, она позволяетъ мнѣ нынѣ проползти и на половину Екатерины Степановны,—которая въ сію минуту распекаетъ на пропалую людей, что не достали судаковъ и окуней,—но вотъ грудь, сильный кашель, опять скулы и десны, въ которыхъ вѣрно то-же гуляетъ золотуха. Вотъ что сокрушаетъ меня и не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью!

Вотъ я, кажется, написалъ вамъ все—пора бы и отдохнуть. Да ба! Бумажки есть и на почту еще рано. Письмо это вѣрно придетъ къ вамъ на святой недѣлѣ или Ѳоминой: примите отъ меня братскій привѣтъ съ радостнымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Здѣсь уже многіе начинаютъ хлопотать о пасхахъ. Вы знаете, что такое пасхи польскія или хохлацкія? Послѣднія еще не такъ, но первыя чрезвычайно затѣйливы. Тамъ опредѣляютъ для того особенную комнату, а у большихъ пановъ — залъ. Въ этой комнатѣ приготовляется пасха, изъ всѣхъ родовъ мясъ и жаркихъ. Главную роль всегда играютъ бабы—такъ называемые куличи въ аршинъ и болѣе вышиною, круглые какъ столбъ, и убранные сахарными гирляндами. Въ эту бабу иногда идетъ до 700 и болѣе яицъ и цѣлый, ему же и кость не сокрушися—баранъ съ вызолоченными рогами;—онъ всегда стоитъ впереди и представляется на корточкахъ, кушающимъ зеленую травку. Зелень всю подготовляютъ нарочно до Пасхи. Я всегда любовался барашкомъ изъ сливочнаго масла. Это такъ мило—такъ естественно, что боишься, право, трогать его. На этомъ пасхальномъ столѣ все, отъ самой утонченной прихоти, до смиренной соли и горчицы. Поляки всю недѣлю не ѣдятъ ничего, кромѣ свяцонаго. У хохловъ—бѣднѣе. У этихъ первая принадлежность—тоже бабы, сало и поросенокъ или цѣлая свинья, у которыхъ во рту непремѣнно хрѣнъ и проч. и проч. Но здѣшніе священники не объяснятъ даже, дурни, для чего тутъ нуженъ хрѣнъ, что такое красное яйцо,—артосъ, который у нихъ во всякой церкви дѣлается.

Мы тоже иногда подражаемъ туземцамъ—и я покупывалъ 1844 г.
лучшую крупич. муку на пасхи по 12 р. пудъ.

Ну что еще? Описаніе города? Славяно-сербскъ городъ скверный, мерзкій, по поламъ съ дерьмомъ, съ гаванью. Лежитъ въ долинѣ, примыкающей къ Донцу. Изобиленъ комарами и мошками. Безпрестанные вѣтры чуть чуть не сорвутъ хаты. Снѣгъ и дождь—дождь и снѣгъ вперемежку шпигуютъ здѣшнюю землю. Въ первыхъ числахъ марта былъ большой громъ съ молніею. Ну, кажется, все—прощай, милый, поклонись отъ насъ всѣхъ—всѣмъ Муромскимъ. Поздравь сестрицу, Прасковью Степановну, съ новымъ сыномъ, дай Богъ ей въ радость и утѣшеніе.

Любящій отъ души всѣхъ васъ армейскій свящ. Василій Вознесенскій".

22-го мая писалъ мнѣ изъ Горицъ, въ отвѣтъ на мое поздравительное письмо, о. Василій Сапоровскій:

„Очень благодаренъ, что вы не забываете меня, привѣтствовали съ прошедшимъ свѣтлымъ праздникомъ Пасхи и съ наступающимъ днемъ моего Ангела. Письмо ваше, исполненное взаимнаго родственнаго и дружескаго расположенія, такъ же благоразумныхъ сужденій, новостей и разныхъ разностей мнѣ принесло премногое удовольствіе, потому наиболѣе, что я, кромѣ родныхъ и почтенныхъ друзей, почти не пишу ни къ кому, но и друзья и родные не рѣдко заставляютъ молчать, и они, по глаголу псалмопѣвца, нынѣ отдалече сташа; и неудивительно! Нынѣ, какъ пишетъ одинъ ученый, насталъ такой вѣкъ, вѣкъ холодный и сухой, вѣкъ егоизма, вѣкъ самолюбія и мелочныхъ разсчетовъ,—а мы старинныхъ завѣтовъ...

Совершенная ваша правда, что не легко въ преклонныхъ лѣтахъ при постоянной церковной службѣ ходить въ священномъ облаченіи по крестьянскимъ лачугамъ и въ каждой служить молебенъ изъ 20-ти копѣекъ мѣди; вѣрите-ли, что ни одинъ изъ прихожанъ не почтилъ полтиною серебра въ сей трудный походъ. Но что же дѣлать намъ? Чѣмъ добывать насущный хлѣбъ, какъ не горбомъ, да горломъ? Куда дѣваться, когда на свѣтѣ семъ не равная участь людей? Для насъ и того довольно, что мы еще члены общественнаго тѣла и отчасти уды тѣла Христова;—не всѣмъ же старцамъ въ игуменахъ быть; а слѣдовательно

1844 г. и тотъ блаженъ, кто малымъ владѣетъ и quis parvo est contentus. На все должна быть привычка, кажется, и на самую нѣгу или сибаритство. Умѣренный трудъ приноситъ здравіе, освѣжаетъ тѣлесныя силы, какъ и текущая вода; напротивъ, изнѣженность не только раждаетъ слабость и другіе тѣлесные недуги, но охуждается и Божественнымъ ученіемъ. Отъ того, вѣрно, первые проповѣдники слова Божія и вѣры Христовой не хотѣли имѣть ни экипажей пышныхъ, ни добрыхъ и рѣзвыхъ коней, а путешествовали, и не въ одномъ небольшомъ городкѣ, а и во всей вселенной, и безъ сапоговъ и безъ жезловъ, подобно намъ селянамъ—лапотникамъ.

Вы пишете, будто-бы я совѣтовалъ вамъ оставить соборное мѣсто и перейти на мѣсто о. Давида; — напрасно, у меня этой мысли и на умѣ не было,—вы не поняли словъ моихъ. Я вамъ совѣтовалъ просить не о перемѣнѣ своей, а о исходатайствованіи мѣста отца Давида Александрѣ Васильевнѣ, доброзрачной и благонравной свояченицѣ вашей. Получивъ письмо ваше, я и возрадовался радостію, искреннею, непритворною радостію, что желаніе исполнилось. Слава премудрому Богу, устрояющему все во благое! Слава и доброму пастырю, пекущемуся о сирыхъ! Новый вашъ родственникъ, особенно вамъ извѣстный, или можно сказать сотоварищъ, васъ будетъ услаждать во всякое время и во всякихъ обстоятельствахъ, раздѣлять и радостныя бесѣды и скучныя минуты. Провидѣніе Божественное васъ поставило на свѣщницѣ; вы всемѣрно старайтесь разливать свѣтъ свой предъ человѣки, берегитесь, что бы не затмевали васъ какія-либо мрачные облаки пагубныхъ пороковъ. Чье око смертныхъ можетъ проникнуть непроницаемую завѣсу будущаго? Можетъ быть вы со временемъ... но вотъ и я, подобно вамъ, далеко уклонился отъ настоящихъ предметовъ.

Вы пишете, что по мірскому обычаю сочинили имянинную пирушку и хотя много было званныхъ, но къ досадѣ вашей оказалось мало избранныхъ; и какъ не досадовать, когда вы на припасы истощили всѣ запасы, всѣ лепты, собранныя на св. Пасхѣ! Таковою неудачею и отказомъ огорчился самъ Творецъ, такъ что во гнѣвѣ своемъ послалъ на исходища путей собирать и калѣкъ и слѣпыхъ,

даже и злыхъ, всѣхъ—кто только тамъ находился. Подобно 1844 г.
вамъ и я пріуготовилъ имянинную пирушку, но со мною случилось противное. Ко мнѣ собрались не только званные и избранные, но обрѣтающіеся на халугахъ раскола и недоброжелатели,—домъ мой наполнялся во весь тотъ день всякаго рода и званія народомъ.

Относительно вашихъ занятій скажу, что оныя весьма похвальны, питаютъ душу и сердце какою-то усладительною манною, но нерѣдко разслабляютъ тѣло и притупляютъ скоро зрѣніе. Перевѣсъ во всемъ вреденъ — medium est optimum. Для сего иногда полезна разсѣянность или прогулка съ милымъ сердцу, дружеская увеселительная бесѣда; въ городѣ много и другихъ невинныхъ и пріятныхъ развлеченій,—горе намъ старикамъ-бѣднякамъ...

Побесѣдуемъ въ кратцѣ о нашемъ житьѣ; мы доколѣ живы и сыты, а впредь уповаемъ на власть и благость Божію. Хлѣбецъ не такъ-то дорогъ, гораздо дешевле дровъ и работницъ. Лѣса вывели фабриканты богатые, а работницы не нанимаются потому же, что хлѣбъ не дорогъ и на фабрикахъ идутъ дѣла хорошо. Г. Митьковъ овдовѣлъ, но затѣй своихъ не оставляетъ; крестьянъ пригоняетъ въ Шую паки... Пописать хочется еще, но тороплюсь ѣхать въ Шую и боюсь опоздать. Надѣясь на вашу благосклонность и ласкаясь получить отвѣтъ на письмо сіе, съ искреннею любовію остаюсь“ и проч..

При этомъ письмѣ приложены были слѣдующіе стихи на пріѣздъ въ Горицы помѣщика этого села, маіора Митькова:

„Итакъ ты здѣсь!... Здѣсь гость превожделѣнный!
Когда лилась ручьями Россовъ кровь,
За пламенну къ отечеству любовь,
Самимъ царемъ превознесенный!

Оставилъ ты первопрестольный градъ,
Гдѣ дивныхъ множество палатъ,
Веселостей—различныхъ наслажденій....
И какъ небесный, кроткій геній
Пришелъ съ возлюбленной четой
Въ смиренну весь и въ домъ простой.

Приходъ весны для каждаго пріятенъ
И сколь полезенъ, благодатенъ...

1844 г.

Простремъ-ли взоръ къ лазурнымъ небесамъ?
Лазурь чистѣй,-яснѣй и солнце свѣтитъ намъ;
На землю-ли? на ней вездѣ и все плѣняетъ:
Природа брачную одежду надѣваетъ,
Цвѣтные стелются ковры въ лугахъ;
Хоръ слышенъ птицъ въ дубравахъ и садахъ.
Какъ нѣжное дитя зефиръ игривый
Рѣзвится на поляхъ, колыша нивы;
Спѣшитъ оратай на труды
Посѣять и пожать плоды.

Твое, гость дорогой! къ намъ посѣщенье
Должно умножить восхищенье
Въ сердцахъ всѣхъ преданныхъ твоихъ....
Ты, какъ отецъ и попечитель,
Какъ истинный домостроитель
Желаешь счастіе устроить ихъ.
Они на гласъ твой всѣ послушны....
Ты видѣлъ ихъ пріемъ радушный!...
Смотрѣлъ чертоги богачей
И хижины простыхъ людей.....

Мужъ доблестный! я такъ-же восхищаюсь
Прибытіемъ твоимъ;
Хоть нѣсколько и содрогаюсь;
Однако-же спѣшу съ усердіемъ своимъ...
Забывъ все старое, былое....
Прими мое привѣтствіе простое
И не лиши своихъ щедротъ.
За благосердіе твой свѣтлый родъ,
Твоя жизнь долго, мирно продолжится.....
А слава—на главѣ твоей
Сплететъ вѣнокъ изъ миртовыхъ вѣтвей!

Искренно любящій извѣстный Василій Сапоровскій.

Примѣч. Не забудьте, что я прежде имъ оскорбленъ и имѣлъ даже судебное дѣло, а нынѣ принятъ очень хорошо".

Въ іюлѣ мѣсяцѣ произведена была въ нашемъ духовномъ училищѣ обыкновенная ревизія, которой впрочемъ при мнѣ еще не было. Ревизоромъ былъ помянутый мною выше ученый протоіерей Полотебновъ. Но эта ревизія не имѣла для меня ни какихъ особенныхъ послѣдствій.

18-го іюля писалъ я въ Иваново и поздравлялъ сестру Марью Михайловну со днемъ ея ангела (22-го числа). Затѣмъ продолжалъ: 1844 г.

„Еслибъ Муромъ былъ поближе къ Иванову: непремѣнно воспользовались бы настоящимъ, совершенно свободнымъ временемъ, чтобы поспѣшить къ вамъ на имянины. Я сказалъ: *совершенно свободнымъ*. Да, теперь и я свободенъ отъ училищныхъ занятій и Анна Васильевна освободилась отъ своихъ семейныхъ безпокойствъ, если только можно назвать безпокойствомъ пріятныя заботы о дѣтяхъ. Сынъ нашъ-Миша, послѣ продолжительной болѣзни, оставилъ насъ и, какъ ангелъ Божій, мирно улетѣлъ на небо прошедшаго іюня 1-го дня. Пустота, произведенная его кончиною въ душѣ нашей, доселѣ ни чѣмъ не наполняется. Хотѣлось-бы въ самомъ дѣлѣ для развлеченія куда-нибудь выѣхать нынѣшнею вакаціею (жить въ городскомъ шумѣ безвыѣздно не много уже наскучило; хочется подышать свѣжимъ, сельскимъ воздухомъ): но въ дальній путь, напримѣръ, въ ваши края, пуститься нельзя. Въ началѣ слѣдующаго мѣсяца, какъ обыкновенно водится, надобно ожидать Преосвященнаго. 16-го августа у насъ храмовый праздникъ; къ тому же въ этотъ день назначено мнѣ говорить проповѣдь. Послѣ сего времени располагаемся съѣздить къ кому-нибудь изъ ближайшихъ по мѣсту родственниковъ.

Какъ много одолжили-бы насъ вы, если-бы какъ нибудь среди вакаціи вздумали посѣтить насъ. Не видавшись два года, весьма пріятно было-бы увидѣться и побесѣдовать о томъ, о семъ. Но у васъ, кажется, заведено хлѣбопашество: и оно-то, конечно, не позволитъ вамъ отлучиться. Если какъ-нибудь и когда-нибудь заблагоразсудите насъ посѣтить: пригласите съ собою и Кохомскихъ. Какъ-то они нынѣ поживаютъ? Объ нихъ очень давно ничего я не слыхалъ. Да и объ васъ, правда, съ великаго поста ровно ничего не знаю. Богъ знаетъ, что у васъ дѣлается. Не совсѣмъ правъ и я предъ вами: такъ давно не писалъ вамъ ни строки. Но, пожалуй, у меня въ запасѣ есть не мало и причинъ. То былъ немного нездоровъ лихорадкой: и эта злодѣйка—лихорадка съ такою силой свирѣпствовала въ Муромѣ, что рѣдкое семейство спаслось отъ ея губительнаго нашествія, а у насъ въ домѣ рѣшительно всѣ, и

1844 г. даже не по одному разу, испытали ея нападеніе; по милости этой же окаянной лиходѣйки, нашъ молодой зять—Яковъ Андреевичъ чуть-чуть не сдѣлался покойникъ. Далѣе—май весь прошелъ въ праздникахъ, да туляньяхъ: тутъ ужъ не до писемъ. Іюнь—это у насъ тоже, что въ крестьянскомъ быту сѣнокосъ да жнитво,—ярмарка да экзаменъ: хлопотъ былъ полонъ ротъ. Едва едва, наконецъ, раздѣлались съ ревизоромъ; а ревизоромъ у насъ былъ протопопъ Полотебновъ, нашъ родной—Муромскій, человѣкъ умный и добрый. Не знаемъ только, какія будутъ послѣдствія"...

22-го сентября получено было мною изъ Абакумова отъ о. Граменицкаго, на 5-ти осьмушкахъ, письмо, начатое 9-го іюля и оконченное 8-го сентября. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, писалъ:

„Ваше дорогое пріятнѣйшее письмо въ моихъ рукахъ съ 22-го апрѣля.

Вы вполнѣ удовлетворили мнѣ чистосердечнымъ увѣдомленіемъ, и я очень благодаренъ за всѣ подробности письма вашего, постараюсь и самъ собрать все, что вспомнится.

1-го февраля былъ я приглашенъ на освященіе храма въ вновь открывшееся село Илькодино, отстоящее отъ насъ верстъ на 18-ть, тамъ священствуетъ нашъ товарищъ Иванъ Петровичъ Цвѣтковъ. Такъ какъ крестьяне этого села господина Поливанова, то этотъ Поливановъ приглашалъ о. благочиннаго нашего, который и былъ дѣйствующимъ главнымъ лицомъ при освященіи. Удивительно трогательною для меня показалась процессія освященія храма! Когда священнодѣйствующіе надѣли на себя бѣлые фартуки и при громкомъ пѣніи ликовъ: *Господь воцарися въ лѣпоту облечеся*—начали обмывать св. трапезу, вбивать камнями гвоздіе, облекать въ одежду и опоясывать мѣсто селенія Господня, какой-то священный восторгъ или незъяснимый ужасъ потрясъ все существо мое. Молю Господа Бога, что-бы удостоилъ меня побывать еще гдѣ-нибудь при подобномъ дѣйствіи.

Желаете знать, какъ я живу въ семействѣ? въ какомъ отношеніи къ своимъ пасомымъ? Часто-ли говорю проповѣди? Какія читаю книги? и часто-ли вижусь съ товарищами? Извольте, милый другъ, готовъ удовлетворить съ полною охотою.

Прошедшаго іюня 24-го дня у меня родилась еще дочь

Ольга; значитъ, теперь двѣ дочери составляютъ единствен- 1844 г.
ное мое удовольствіе; въ домашнемъ быту дѣти для родителей первая забота, первая и отрада,—постоянно прислушиваюсь къ невнятному лепету старшей и къ безсознательной улыбкѣ и слезамъ семинедѣльной.

Отношеніе мое къ пасомымъ двояко: хорошее и не совсѣмъ-то успѣшное. Хорошо, что я, въ четыре года понявши характеръ православныхъ рустиковъ, выполняю тотчасъ ихъ желаніе, не морю у крыльца по цѣлымъ суткамъ, не обременяю тяжелымъ условіемъ за требу,—за то и они меня ни въ чемъ не оставляютъ. Во всякой нуждѣ слѣдуетъ только сказать выборному деревни,—тотчасъ все готово. Пашня-ли? Пріѣдетъ цѣлая деревня, въ одинъ день запашетъ, посѣетъ и заборонитъ цѣлое поле. Навозъ возитъ—такъ посѣщаютъ меня 70 человѣкъ и въ одинъ день вывезутъ, разобьютъ и запашутъ. На сѣнокосъ слѣдуетъ вывезти четверть вина и бочку пива, подкосятъ столько, что успѣвай убирать; даже дьячки въ нашемъ селѣ по своей избалованности не всѣ занимаются работою сами, но чужими плечами; а священники—самую малость дѣлаютъ помочами. Но сколь легко положеніе мое съ прихожанами въ отношеніи житейскомъ, столь трудно напротивъ въ отношеніи духовномъ. Сами можете представить тяжесть моего пастырскаго положенія съ младенцами христіанской премудрости. Какъ ни научай, какіе не принимай тоны убѣжденія, ни какъ не потрафишь въ свою пользу,—все остаются тѣми же невѣждами, какъ и привыкли быть. Это сокрушаетъ мой духъ, постоянно мучитъ совѣсть и повсечасно напоминаетъ моему воображенію страшный гласъ Господень: *Оле пастыри Израилевы! крове овецъ моихъ отъ рукъ вашихъ взыщу.* Точно, можно подѣйствовать и на этотъ народъ своею жизнію. Но, любезный другъ, согласитесь сами, что человѣку, обязавшемуся семействомъ, нельзя отвергнуться себя совершенно, по заповѣди Божіей, нельзя дѣлать всё туне, нельзя избѣгнуть всѣхъ мірскихъ порицаній и пересудовъ. Уповаю на милосердіе Божіе, молю Его безпредѣльную благость, чтобы дѣланіе мое въ Божественномъ вертоградѣ было не безплодно;—да и отъ тернія взыдетъ кипарисъ, да и отъ безплоднаго каменія произыдутъ чада Аврааму....

1844 г. Остается сказать вамъ еще объ особомъ классѣ моихъ духовныхъ овецъ — дворянахъ, которыхъ въ моей паствѣ три дома. Живя въ городѣ и постоянно имѣя обращеніе съ симъ народомъ, сами можете составить понятіе и о моемъ къ нимъ отношеніи. Они народъ тонкій, проницательный; обращаться съ ними надобно слишкомъ умѣвши; покойникъ мой родственникъ Симскій благочин. Приклонскій, при поступленіи моемъ на мѣсто, предупредилъ меня извѣстіемъ о щекотливости сихъ персонъ и вооружилъ правиломъ: на всякій случай держать въ запасѣ противъ нихъ за пазухой камышекъ; этого правила я держусь и доселѣ, и вполнѣ узналъ пользу и благотворность онаго. Впрочемъ, изъ нашихъ господъ позначительнѣе одинъ Николай Константиновичъ Поливановъ (родственникъ дѣйствительно вашей госпожѣ городничихѣ Пасенко). Да и его значительность состоитъ только въ 1000 душахъ крестьянъ, пользуясь которыми, онъ почти ежедневно насыщаетъ лакомыми обѣдами своихъ сосѣдей —бѣдняковъ, почти однодворцевъ. Да и нашъ братъ поживляется нерѣдко около его жирной индюшки. Доходы наши отъ господъ плохи. Отъ Поливанова таки можетъ быть перейдетъ около сотенки въ годъ, а отъ его сосѣдей по 25-ти р. съ дому на основаніи прадѣдовскихъ условій; за то эти денежки какъ достаются, —именно потомъ и кровію; на канунѣ всѣхъ двенадесятыхъ праздниковъ у всякаго должно исправить всенощное бдѣніе (нечего грѣха таить, — сіи всенощныя бдѣнія мы служимъ каждое въ 3 четверти часа); въ 1-е число каждаго мѣсяца у каждаго въ домѣ совершаешь водоосвященіе. Въ 4-й барскій домъ продолжаю ходить на кондиціи доселѣ.

Какъ отвѣтить вамъ на вопросъ: часто-ли говорю проповѣди? И часто и рѣдко; часто говорю Платоновы [1]); были присланы изъ Москвы поученія Путятина [2]), отличныя проповѣди, простыя, коротенькія самыя удобнѣйшія для нашихъ православныхъ; ихъ поговаривалъ; рѣдко: это надобно понимать въ отношеніи дѣятельности собственной; не больше пары сточалъ за нынѣшній годъ, и это не отъ лѣности, но отъ того-же, отъ чего пятый мѣсяцъ пишу и

---

[1]) Т. е. Московскаго митрополита Платона († 1812).

[2]) Иродіона, Рыбинскаго протоіерея († 1869).

письмо къ вамъ. Книжонки-то почитываю тоже всякія: чи- 1844 г
талъ журналы: *Москвитянинъ*,—теперь читаю *Отечественныя Записки* за 1842-й годъ, рѣдко почитываю и духовныя изъ церковной библіотеки; а новыхъ духовныхъ журналовъ, какіе читаете вы, къ несчастію достать не могу. Свѣтскихъ обильно всякихъ, была-бы охота и время читать, я этимъ счастливъ. Въ глуши деревенской, въ минуты тоски и скуки, книга самый вѣрный и пріятный товарищъ.

Заговорился я слишкомъ много о пустомъ; одинъ ученый мужъ сказалъ: молодой человѣкъ, больше чувствуй, нежели говори! Это правило опытнаго мудреца я нарушилъ своею неумѣстною болтовнею. Но, милый другъ, вы сами писали, чтобы я чертилъ вамъ чего-нибудь побольше: поэтому съ надеждою на ваше искреннее расположеніе и съ полною увѣренностію, что не всякое слово будете подвергать грозному разбору критики,—отправляю вамъ лоскутки сіи, какъ знакъ моихъ продолжающихся, и никогда не имѣющихъ потухнуть дружескихъ чувствованій моего сердца. Утѣшаюсь мыслію, что сіи лоскутки, попавшись къ вамъ въ руки, пробудятъ воспоминаніе въ душѣ вашей о неизмѣнномъ, постоянно любящемъ васъ другѣ. Ваше благородное сердце пойметъ это утѣшеніе: ибо я увѣренъ, и вы не меньше меня строги и справедливы въ соблюденіи священныхъ чувствованій любви, созрѣвавшихъ въ душахъ нашихъ въ продолженіи шестилѣтняго времени нашего вмѣстѣ пребыванія. Отрадно получать отъ васъ извѣстія и къ вамъ отправлять— и письменно; но что сказать о томъ удовольствіи, если-бы Богъ привелъ намъ какъ-нибудь увидѣться лично? Ни способа, ни времени, ни случая къ сему опредѣлить нельзя: предоставимъ на волю Божію. Льщу себя пріятнѣйшею надеждою, что хотя не въ скоромъ времени, но удостоюсь получить извѣстіе отъ Васъ о Васъ, о всемъ для меня любезномъ и пріятномъ; а въ Муромѣ и кромѣ васъ, мнѣ все мило и пріятно; самая мѣстность этого благословеннаго города для меня священна; каждое мѣсто, каждая улица напоминаютъ событія моего дѣтства. Если-бы было возможно, всевозможныя препятствія преодолѣлъ бы для того, чтобы быть въ числѣ вашего духовнаго сонма;—но невозможно".

9-го октября получено было мною письмо изъ Иванова отъ окончившаго курсъ семинаріи А. В. Альбицкаго:

1844 г. „Вотъ ужъ слишкомъ годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались и не переписывались съ вами. Чувствую, что причиною этого мое безумное, безсовѣстное молчаніе. Прошу васъ, простите моему безумію. Повѣрьте, я васъ, помню и по прежнему или еще болѣе люблю: одно воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ вами, доставляетъ величайшее услажденіе моему духу, ибо вы единственный въ моей жизни другъ. И потому долго, почти каждодневно, я думалъ о томъ, чтобы написать къ вамъ письмо, не однократно уже и начиналъ писать; но какой-то *духъ лукавый* препятствовалъ совершить это *доброе дѣло;* даже и написалъ было одно письмо и послалъ: но и оно, къ величайшему моему огорченію, не получено вами. Наконецъ, побуждаемый чувствомъ долга и чести, спѣшу написать къ вамъ второе посланіе. За то послѣ долгаго молчанія, вы найдете во мнѣ прежняго многоглаголиваго и откровеннаго друга. Доказательствомъ этого послужитъ сіе письмо, содержащее въ себѣ цѣлую исторію моей жизни, начиная съ того дня, въ который мы разстались, даже до сего дня.

Былъ 22-й день августа 1842 года, когда я послѣдній разъ бесѣдовалъ съ вами. Въ этотъ же самый день я отправился въ село Воскресенское, съ тѣмъ, чтобы, окончательно условившись со священникомъ того села, явиться къ Высокопреосвященному съ общимъ прошеніемъ о назначеніи меня въ село Вески во священника. Воскресенскому священнику я полюбился, невѣстѣ понравился, они мнѣ также, — и у насъ дѣло чуть было не въ шляпѣ: только слѣдовало явиться къ Преосвященному за благословеніемъ, а тамъ по рукамъ, да и..... Но происки одного изъ товарищей монхъ—Василья Руберовскаго,—которому самому хотѣлось поступить въ Вески, а частію и моя собственная неосторожность была причиною того, что Воскресенскій священникъ, пріѣхавши во Владиміръ, мнѣ отказалъ, а согласился съ другимъ — тоже изъ хорошихъ студентовъ, Петромъ Лавровымъ, который уже съ Петрова дни помнается въ Бозѣ почившимъ; а прежде нареченная невѣста моя, на 18-мъ году своея жизни вкусившая сладость супружества, на томъ же году познала горечь сиротства и одиночества.

День Рождества Пресвятыя Богородицы былъ послѣднимъ 1844 г.
днемъ моего пребыванія во Владимірѣ,—съ сего дня я не былъ въ немъ, и ничего почти не знаю о прежде бывшихъ товарищахъ. Когда пришелъ домой, какая-то безотчетная грусть овладѣла мною: въ продолженіи почти $1^1/_2$ мѣсяца я жилъ, какъ отчужденный отъ людей, въ душѣ моей была какая-то пустота,— много осеннихъ ночей темныхъ и долгихъ проведено было безъ сна. Вы можете представить, что такое состояніе очень, очень не завидное.

2-го ноября я вступилъ въ должность домашняго учителя въ семействѣ становаго пристава, Гаврила Андреевича Иконникова, живущаго въ нашемъ селѣ, куда былъ рекомендованъ самимъ Преосвященнымъ. Съ сего времени не много поправились мои обстоятельства, и я ожилъ душею.

5-го марта уже 1843 года я былъ приглашенъ въ домъ купца Шодчина для обученія его малолѣтней дочери грамотѣ. И вотъ тогда-то началась моя масленица. По благорасположенію ко мнѣ Антона Николаевича Шодчина, во всемъ имѣю обиліе и довольство.

18-го сентября отецъ ректоръ Владимірской семинаріи [1]) прибылъ въ наше село для освященія кладбищенской церкви; 19-го совершалъ освященіе; на 20-е уѣзжалъ въ Шую для осмотрѣнія тамошнихъ училищъ; 21-го служилъ въ новоосвященномъ храмѣ въ нашемъ селѣ; но другихъ престоловъ не освящалъ, а препоручилъ совершить оное нашему протоіерею; 22-го всѣ священнослужители нашего села, многіе изъ купцовъ, и я, бѣдный, тутъ-же провожали нашего дорогого гостя далеко за село. Нѣсколько бутылокъ шампанскаго было выпито здѣсь за общее здоровье. И сіе-то пребываніе отца ректора было для меня самое благопріятное. Здѣсь я удостоенъ самыхъ лестныхъ отзывовъ со стороны Антона Николаевича Шодчина, съ которымъ о. ректоръ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, какъ съ первымъ изъ числа строителей и украсителей вновь освященнаго храма. И о. ректоръ удостоилъ меня особенно своего вниманія и благоволенія, доказательствомъ чего служатъ его добрые отзывы о мнѣ, его обѣщанія споспѣшествовать мнѣ при опредѣленіи моемъ на какое бы то ни было мѣсто,—

[1]) Архимандритъ Евеимій.

1845 г. его прошеніе, чтобы купцы не оставили меня своимъ расположеніемъ, наконецъ книга, которую онъ подарилъ мнѣ на память. Вотъ жизнь моя теперь, покуда не пришла чреда моего служенія предъ престоломъ благодати. Вы, какъ іерей Бога вышняго, имѣете большее дерзновеніе предъ Нимъ, и потому прошу васъ, не оставьте и меня въ своихъ молитвахъ при совершеніи безкровной и всесвящающей жертвы, помолитесь Господу Богу, да устроитъ Онъ судьбу мою во благое и въ пользу другихъ.

Слышалъ я, что въ Богоспасаемомъ градѣ Муромѣ въ приходѣ Срѣтенія или Димитрія Солунскаго, священникъ, находя себя слабымъ въ силахъ и не способнымъ къ исполненію всѣхъ должностей священнаго сана, и притомъ не имѣя ни кого изъ близкихъ родственниковъ, желаетъ уступить свое мѣсто и домъ постороннему лицу за какое-то возмездіе. Потрудитесь узнать, справедливы ли сіи слухи и меня о томъ извѣстить".

22-го декабря писалъ мнѣ изъ Иванова діаконъ О. С. Виноградовъ и, между прочимъ, извѣщалъ, что съ новаго, 1845 года, открывается въ Ивановѣ почтовая станція и что лежащая за рѣкою деревня Иконниково куплена у помѣщика Ивановскими купцами за 200 тысячъ рублей, съ цѣлію перенести сюда свои фабрики и со временемъ образовать здѣсь городъ (что въ настоящее время и приведено въ исполненіе), что умеръ у моей сестры Маріи Михайловны новорожденный сынъ Александръ, и что Кохомскіе родные остаются въ прежнемъ положеніи.

Наступившій новый, 1845 годъ, былъ для меня годиною великаго и тяжкаго испытанія, какъ читатель увидитъ далѣе.

Поздравлялъ я, по обычаю, съ новымъ годомъ своихъ Ивановскихъ родныхъ и, между прочимъ, писалъ имъ:

„Не знаю, какъ вы, а мы вступили во время новаго года съ старыми слабыми силами. Анна Васильевна еще до сихъ поръ хилѣетъ, не поправляется. Болѣзнь, повидимому, не значительная, тѣмъ не менѣе опасная. Слишкомъ уже три мѣсяца мучитъ ее сухой кашель. Прибѣгали было и ко врачебнымъ пособіямъ, употребляли и домашнія средства: все тщетно. Я самъ тоже не могу похвалиться на сей разъ богатымъ здоровьемъ. Въ святки, чѣмъ бы отдохнуть и повеселиться, я совершенно изнурился: и славленье, и еже-

дневная служба, и приготовленіе къ новому году проповѣди— 1845 г.
все это вмѣстѣ, признаюсь, не легко мнѣ обошлось; некогда было и подумать объ удовольствіяхъ, до которыхъ, правду сказать, я и всегда не большой охотникъ. Наше славленье много отличается отъ вашего. Вы обойдете или объѣдете въ день дворовъ пять, шесть не болѣе: а мы, какъ угорѣлые, рыщемъ изъ конца въ конецъ города, почти весь день не пивши, не ѣвши. Это, впрочемъ, не потому, что бы не имѣли случаевъ попить или поѣсть—(въ каждомъ почти домѣ предлагаютъ угощеніе), но потому, что дорожимъ временемъ. За то въ три дни оканчиваемъ всѣ эти интересно—скучные подвиги. Впрочемъ, какъ ни скучно, не мѣшалобы почаще имѣть такіе подвиги".

20-го января писалъ мнѣ изъ Горицъ о. Василій Сапоровскій:

„Первоначальнымъ долгомъ поставляю поздравить васъ съ наступившимъ новымъ годомъ, пожелать вамъ новыхъ благодатныхъ даровъ, свыше нисходящихъ, новыхъ радостей, новаго преуспѣянія во всѣхъ благихъ предпріятіяхъ—или всякаго благополучія; — потомъ принести вамъ и чувствительнѣйшую благодарность за пространное и пріятное письмецо,—давно, очень давно мною полученное, а именно октября 31-го дня прошедшаго года. Въ ню-же мѣру мѣрите, сказалъ Господь, возмѣрится и вамъ. По правиламъ политики мы съ вами, кажется, разквитались и не настоитъ надобности извиняться предъ вами невѣжествомъ: но любовь родственная и дружескій союзъ заставляютъ признать себя виновнымъ въ долговременномъ моемъ молчаніи. Истинная любовь, по свидѣтельству Апостола, не лицемѣрна, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ — любитъ откровенность.

Причины долговременнаго отвѣта были подобныя вашимъ причинамъ, какія вы представили въ свое оправданіе. У васъ были занятія по училищу, а у меня—по слѣдствіямъ, яко депутата. Вы погостили у своихъ родныхъ, и я такъ же ѣздилъ на родину въ Старо-никольскій погостъ. У васъ были похороны одного богатаго гражданина, а я схоронилъ многихъ такъ же достаточныхъ. Вы писали проповѣдь, а я двѣ на Михайловъ день. Одна показалась не приличною по случаю пріѣзда на освященіе г. губернатора и архимандрита

1845 г. Ософила въ Шую, однако ни тому, ни другому не было времени послушать; одинъ заболѣлъ отъ шумныхъ баловъ, а другой отъ капризовъ нашего Шуйскаго духовенства. Если писать всѣ недосуги, то и конца не будетъ, не лучше-ли побесѣдовать о другихъ предметахъ.

Вы пишете—страшились пріѣзда владыки;—онъ у насъ такъ же былъ и прежде гораздо—мы готовились къ встрѣчѣ кажется не хуже вашего и встрѣтили съ подобающею ему честію. Но святый владыка такъ ко мнѣ былъ неблагосклоненъ, что почтилъ бесѣдою отца діакона вмѣсто меня, а меня и въ алтарь не пустилъ—упрекалъ меня почему я не исправляю стѣнное письмо въ холодной церкви, пришедшее отъ долговременности въ трещины. Такъ-то, любезнѣйшій, награждаютъ сельскихъ стариковъ, депутатовъ, духовниковъ за тридцатипяти-лѣтнюю службу безпорочную.

Вы пишете—что нынѣшнимъ лѣтомъ холодный соборный храмъ тщаніемъ богатаго старосты Зворыкина раздѣланъ (это, кажется, напрасно) и покрытъ бѣлою масляною краскою подъ лакъ; нынѣ старина весьма уважается въ христіанскихъ храмахъ. Мы сдѣлали усердіемъ нѣкоторыхъ доброжелателей двѣ сребро-позлащенныя ризы на Божію Матерь Рождества Пресвятыя Богородицы и Спасителя. Вамъ воздана благодарность, а мнѣ сдѣлано замѣчаніе указомъ. Вы пишете о книгахъ Даниловскаго и о Наполеонѣ. Этотъ походъ совершился при мнѣ и многое извѣстно мнѣ, такъ какъ я читалъ всегда разныя газеты; у меня хранятся собственные стихи на сей случай. Подлинно, Наполеонъ былъ человѣкъ необыкновенный, лучезарная звѣзда, явившаяся на сѣверѣ для просвѣщенія Русскаго міра, не смѣю сказать, карателемъ нашихъ беззаконій. Не онъ-ли заставилъ нашихъ владыкъ проѣхать по вселенной? Не онъ ли научилъ доселѣ хранить прочный миръ въ Европѣ? Просвѣщеніе, политика, книги, критика и утонченность духовнаго, не говорю, свѣтскаго обращенія, не отъ временъ-ли Наполеона? Теперь скажу на ваши слова о книгахъ. Книгъ много я нынѣ не читаю, и негдѣ взять. Попался какъ-то одинъ томъ Иннокентія, но за недосугами прочиталъ кое-какъ; впрочемъ, можно сего іерарха назвать витіею и знатокомъ Священнаго Писанія, хотя инде выставляетъ замашки.

О несчастіи старинаго друга моего, Ивана Григорьевича Соколова, я прежде вашего извѣстія слышалъ и по дружеству много пожалѣлъ; удивляюсь, отъ чего онъ нынѣ со мною становится совершенно незнакомымъ и чуждымъ. Вы сожалѣете о умершемъ первенцѣ, кажется, напрасно; конечно, онъ былъ первымъ залогомъ вашей супружеской любви, но развѣ вы не знаете, что перворожденное свято нарочется и посвящалось Господеви? Вы постараетесь еще болѣе другъ другу любовь доказать и родить другаго сынка или дщерь на утѣшеніе. 1845 г.

Вы наконецъ пишете, что не любите шумныхъ и продолжительныхъ пировъ. Правда, веселое пированье доставляетъ и пріятность и удовольствіе. Веселящуся сердцу, какъ говоритъ премудрый, и лице цвѣтетъ. Но опытъ доказываетъ, что отъ безвременнаго и неумѣреннаго разгула разстраивается нервая система, особенно при слабомъ здоровьѣ. Medium est optimum. Вы молоды и еще можете переносить перемѣны, а нашему брату это иго тяжкое. Простите великодушно, что за долгое молчаніе, много расписался и, можетъ быть, позаболтался, а тѣмъ, вмѣсто удовольствія, сдѣлалъ неудовольствіе. Хотя и слышалъ я, что огромный вамъ колоколъ привезенъ, но любопытно знать, какъ онъ звучитъ, равно и о часахъ, какъ стучатъ и какую составляютъ на колокольнѣ общую гармонію?

За симъ съ совершенною преданностію и искреннею любовію имѣю честь остаться почитающій села Горицъ священникъ Василій Сапоровскій".

Въ отвѣтъ на мое письмо о. Сапоровскій снова писалъ мнѣ отъ двѣнадцатаго марта.

„Отъ скуки, холоду и голоду, скрутивъ усы, повѣсивъ голову, рукою лѣнивою беру перо для написанія вамъ отвѣта на давно присланное ваше письмо. Премного благодаренъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, особенно за то, что меня при старости не забываете, помните и утѣшаете пріятными и исполненными дружескихъ, откровенныхъ чувствованій, письмами. У меня также вы одинъ краснорѣчивый и неизмѣнный корреспондентъ. Много прежде было и друзей и пріятелей, но всѣ они, какъ перелетныя птицы, разлетѣлись и оставили меня одинокимъ. Какой былъ другъ, какой писака Иванъ Григорьевичъ Соколовъ, первый зять

1845 г. достопочтеннѣйшаго вашего отца протоіерея, но и онъ совершенно оставилъ меня, смолкъ и погрузился въ сонъ непробудный.

Простите великодушно, что рѣдко пишу къ вамъ и долго не отвѣчаю на ваши письма. Постоянная служба, мірскія требы и другія суеты, не рѣдко посѣтители—невольно отвлекаютъ отъ ученыхъ занятій и корреспонденцій. Тамъ была масляница—старинный русскій праздникъ, много было родныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, на первыхъ недѣляхъ много было исповѣдниковъ и духовныхъ и простыхъ, при томъ случилось слѣдствіе въ селѣ Колбацкомъ. Мнѣ очень желательно и отказаться отъ должностей духовника и депутата, но опасаюсь, какъ бы нашъ строгій и характерный владыка еще болѣе не оскорбился на меня и подъ предлогомъ слабаго здоровья не управилъ бы по неволѣ въ монастырь. Правда, я сего не устрашаюсь;—время, очень время посвятить себя уединенію: но въ общежительныхъ монастыряхъ, паипаче въ нынѣшній лукавый вѣкъ, гдѣ найти мирную обитель: дадутъ-ли наслаждаться спокойствіемъ и тишиной. Многократно разсматривалъ я постническіе подвиги въ Николо-шартомскомъ монастырѣ; онъ у меня, какъ говорится, подъ бокомъ: но какъ все мнѣ не понравилось! Святая братія живутъ и не по братски, — безпрестанно брани и свары,—чары и чарки.... И можно ли быть любви и согласію, трезвости и благочестію, когда всѣ сведенцы—собраны изъ разныхъ мѣстъ и должно сказать, отребіе міра? Здѣсь не долго и самому настоятелю и правителю погрязнуть, яко олово, въ водѣ зѣльнѣй! Къ большему соблазну иноческвующихъ вблизи имѣются Кана Галилейская и слобода—слободушка! Кромѣ сего главнымъ препятствіемъ служатъ мнѣ домашнія сироты. Оставить ихъ безъ всякаго покровительства,— значитъ сдѣлать несчастными и быть самому изъ десяти неблагодарныхъ, кои за благодѣянія Божіи не воздали должной хвалы. Предаюсь, какъ и прежде писалъ я, во власть Провидѣнія Божественнаго, что угодно будетъ Господу, то и сотворитъ. Побесѣдуемъ о чтеніи и книгахъ.

Вы, конечно, счастливы, обращаетесь въ обществахъ почтенныхъ ученыхъ и опытныхъ мужей, гдѣ и слова и поступки исполнены и отличаются благородствомъ, тон-

кою политикою, гдѣ можно изъ одного, такъ сказать, обра- 1845 г.
щенія научиться многому, полезному и назидательному. Въ хорошихъ книгахъ такъ же не случается у васъ недостатка; кромѣ соборной библіотеки, вы въ краткое время пріобрѣли у многихъ благорасположеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ нашли средства къ усовершенствованію въ просвѣщеніи и къ пріобрѣтенію лучшихъ сочиненій. О книгѣ Сперанскаго и я въ Шуѣ слышалъ хорошіе отзывы, но не только читать, но и видать не случалось оную. Слава Богу, досталъ и вторую часть сочиненій Иннокентія, и въ ней есть чѣмъ попользоваться, есть чему и полюбоваться. Окончивъ его сочиненія, нечего, кромѣ Московскихъ газетъ, читать будетъ, — примусь за Каноникъ и Акаѳистникъ,—старцу чѣмъ болѣе заниматься?

Вы спрашиваете, кто у насъ въ Шуѣ и Ивановѣ назначены катихизаторами. Таковыхъ слуховъ доселѣ не случалось слышать, хотя на сырной недѣлѣ въ Шуѣ я не много и погостилъ. По моему это учрежденіе никакой не можетъ произвести въ нынѣшнемъ народѣ пользы и успѣха, особенно въ зимнее время, когда литургіи поются на восходѣ солнечномъ. Многіе скучаютъ и отъ проповѣдей сельскаго духовенства, захотятъ-ли слушать катихизатора?

Пожелавъ вамъ, почтеннѣйшей Аннѣ Васильевнѣ съ домашними всякаго благополучія и добраго здоровья съ совершенною преданностію и непремѣняемою любовію остаюсь усердный слуга села Гориць свящ. Василій Сапоровскій".

22-го апрѣля Господь посѣтилъ меня тяжкою скорбію: я лишился своей супруги. Послѣ шестимѣсячной болѣзни, вслѣдствіе простуды, жена моя Анна Васильевна скончалась отъ чахотки, на 25 мъ году отъ рожденія (она родилась 27-го декабря 1820 года), бывши въ супружествѣ 3 года, 3 мѣсяца и 10 дней. Тѣло ея погребено 25-го числа на городскомъ Воскресенскомъ кладбищѣ. При отпѣваніи въ соборѣ произнесена была молодымъ своякомъ моимъ, священникомъ Крестовоздвиженской церкви Іаковомъ Андреевичемъ Силецкимъ слово, а двоюроднымъ братомъ усопшей, священникомъ Николо-набереженской церкви Владиміромъ Егор. Аменицкимъ—рѣчь.

Печальное событіе это глубоко потрясло мое сердце и имѣло на мою дальнѣйшую жизнь чрезвычайно важное влія-

1845 г. ніе. Какъ ни тяжко было это испытаніе, но я перенесъ его, при помощи Божіей, съ христіанскимъ смиреніемъ и съ полною покорностію предъ неисповѣдимыми судьбами Божественнаго Промысла.

Горестное положеніе мое возбудило общее, искреннее ко мнѣ сочувствіе не только въ родныхъ, но и въ посторонних лицахъ. Первый выразилъ это сочувствіе мой истинный доброжелатель, о. протоіерей М. Гр. Троепольскій. Вотъ что писалъ онъ мнѣ на другой же день послѣ совершившагося со мною печальнаго событія, 23-го числа:

„Любезнѣйшій братъ и сослуживецъ мой!

Чувства сожалѣнія и скорби моей о лишеніи вашемъ просилъ я изъявить вамъ соборнаго діакона, не могши быть къ вамъ, за болѣзнію моею, лично. Недостаточнымъ, показалось мнѣ, участіемъ таковое изъясненіе противъ того, какъ расположено къ вамъ сердце мое. Въ видѣ хартіи сей-я-, какъ будто лично, посѣщаю васъ, обнимаю васъ и плачу съ вами. Предлагать-ли вамъ совѣтъ, что не надобно предаваться отчаянной горести? Съ тѣмъ родимся, чтобы умереть; зерно, падшее на землю, не принесетъ плода, если не сгніетъ. Мало жили—меньше согрѣшили. Не осталось сѣмени? Нѣтъ связующихъ узъ. Да на что-же восхищать намъ судъ Божій? Но увѣренъ, что никакой совѣтъ не отдалитъ васъ отъ любезнаго праха, ни что не остановитъ источниковъ слезъ, ни чѣмъ не измѣнится нынѣ скорбное сердце. Только время и обстоятельства могутъ облегчить горе. Не усиливаюсь удержать васъ отъ слезъ, нельзя не плакать, поплачемъ вмѣстѣ. Но не выходите изъ границъ—представьте, что вы въ подобномъ случаѣ учите другихъ упованію. Вы одни — сохраняйте себя для себя. Быть можетъ, новое предлежитъ вамъ испытаніе—потребны силы. Одно еще представляется мнѣ: милосерднѣйшій Отецъ небесный, сотворивши васъ, воздоивши васъ млекомъ христіанскаго ученія, даровавши вамъ способности и доброе сердце, ужели сократилъ участіе въ жребіи вашемъ? Не умѣстны любочестивыя мысли, но кто не скажетъ, что вы—сосудъ въ честь. По всему видно, что Богу угодно разорвать узы ваши съ міромъ, и чтобы вы полагали все въ единомъ Богѣ. На случай погребенія страдальчески умер-

шей, что находите нужнымъ и приличнымъ, требуйте моимъ 1845 г.
именемъ отъ братіи собора".

Послѣ первыхъ дней душевной скорби, я рѣшился написать о своемъ горѣ всѣмъ роднымъ; и вотъ въ какихъ выраженіяхъ я излилъ предъ ними свою скорбь:

„Конечно, на сей разъ вы ожидали отъ меня радостнѣйшаго привѣтствія съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Спасителя: но увы? печальная необходимость заставляетъ меня сообщить вамъ горестнѣйшую вѣсть смерти.... Вообразите мое несчастіе!... Единственный другъ мой, милая и вѣрная сопутница жизни—Анна Васильевна—разлучилась со мною, оставила меня на всегда; продолжительная и тяжкая болѣзнь свела ее наконецъ во гробъ.... Судите сами, можетъ-ли быть что-либо горестнѣе, несноснѣе для юнаго супруга—священника, какъ лишиться милой и доброй супруги... Ахъ! глубоко, слишкомъ глубоко чувствую важность настоящей потери,—потери, которая никогда и ни чѣмъ на землѣ не можетъ быть вознаграднма.

Итакъ, всѣ лучшія мои земныя надежды покрыты гробовою доскою, всѣ радости и утѣшенія погребены съ милымъ прахомъ въ холодной могилѣ. Терпѣніе, одно терпѣніе осталось мнѣ въ удѣлъ. Впрочемъ, въ семъ горестнѣйшемъ для меня событіи я вижу ясно перстъ Божій, поражающій и вразумляющій меня. И что было бы со мною, если-бы сія святая вѣра и твердое упованіе на благое Провидѣніе не поддерживали моего слабаго духа!.

Мирная христіанская кончина моей возлюбленной послѣдовала съ 22-го (это было Ѳомино воскресенье) на 23-е число сего апрѣля въ 12-мъ часу ночи, а погребеніе совершено 25-го числа. Въ послѣдствіи сообщу подробности сего печальнаго событія.

Дражайшіе мои родные! видимый союзъ, которымъ я столь тѣсно связанъ былъ съ дражайшею моею половиною, и который по необходимости раздѣлялъ меня съ вами, теперь расторгнутъ рукою смерти (хотя внутренняя духовная связь еще болѣе между нами укрѣпилась: ибо *любы*, по слову Писанія, *николиже отпадаетъ*). Итакъ, мое сердце снова обращается къ вамъ, мои родные! снова воспламеняется прежнею любовію и усердіемъ къ вамъ. Прошу покорно не отвергнуть меня грустнаго, безотраднаго страдальца; утѣшьте

1815 г. меня прежнею, привѣтливою ласкою: почтите хоть одною слезою память усопшей, а обо мнѣ несчастномъ помолите Бога, да укрѣпитъ Своею всесильною благодатію мою слабую вѣру, и да утвердится навсегда въ моемъ сердцѣ спасительный страхъ Божій.

О, ослибы Господь вложилъ вамъ благую мысль посѣтить меня горькаго настоящею весною! Какая была бы для меня отрада, какое утѣшеніе! И въ ожиданіи сего сладостнаго утѣшенія остаюсь съ истинною къ вамъ любовію".

На мое приглашеніе поспѣшили пріѣхать и утѣшить меня мои ближайшіе родные — зять Василій Александровичъ и сестра Марья Михайловна. Они пробыли у меня въ половинѣ мая, нѣсколько дней.

А 21-го мая получилъ я утѣшительное посланіе изъ Горицъ отъ о. Василія Сапоровскаго.

„Лишь только", — писалъ онъ мнѣ отъ 13-го числа, — положилъ твердое намѣреніе и хотѣлъ взять перо, чтобъ васъ привѣтствовать, хотя поздно, съ свѣтлымъ праздникомъ, пожелать радостей и семейнаго счастія: но вѣсть о кончинѣ кроткой и почтенной супруги вашей, неожиданно полученная, подобно громовому удару, разрушила всѣ мечты мои и преисполнила сердце мое ужасомъ и мучительною скорбію. Читая горестное, страдальческое письмо ваше невольно лились слезы изъ наплаканныхъ глазъ моихъ, сколько по любви моей къ вамъ, столько и потому, что я сей крестъ ношу уже двадцать пятый годъ. Вотъ какъ непостоянно счастіе міра сего, какъ и самыя радости обращаются въ плачъ! Не напрасно говоритъ Писаніе: егда рекутъ миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство.

Въ сихъ непредвидимыхъ, бѣдственныхъ обстоятельствахъ гдѣ же искать намъ утѣшенія, какъ не въ томъ же словѣ Божіемъ, какъ научаетъ искушенный въ злонесчастіяхъ пророкъ: возложи на Господа бремя скорби твоей и Онъ подкрѣпитъ тебя перенести. Провидѣніе ведетъ насъ къ будущему блаженству такими мудрыми путями, которыхъ никто изъ насъ постигнуть не можетъ. Посему во всякомъ случаѣ мы должны предаваться водительству Божію и съ терпѣливымъ Іовомъ утѣшать себя сими назидательными

словами: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя 1845 г.
Господне благословено! Подвигоположникъ не для того-ли сей терновый вѣнецъ возложилъ на вашу главу, чтобъ послѣ воспрославить васъ большею славою?...

Вы просите меня, чтобъ я васъ въ настоящемъ плачевномъ состояніи утѣшалъ письмами и не оставлялъ совѣтами. И по родственной, хотя отдаленной, связи и по чувствамъ благорасположенія и любви моей къ вамъ и по одинаковому жребію, я никогда не отрекусь писать къ вамъ; относительно же совѣтовъ, не знаю что сказать. По словамъ Премудраго: другъ вѣренъ, кровъ крѣпокъ: обрѣтый Его, обрѣте сокровище; другъ вѣренъ, врачеваніе житію. Но не столько по отдаленности, сколько по разности мѣстныхъ обстоятельствъ едва ли мои совѣты будутъ вамъ полезны и отъ сельскаго невѣжды можетъ-ли что добро быти? Въ Муромскомъ значительномъ духовенствѣ довольно и просвѣщенныхъ и опытныхъ мужей; — они-то могутъ уврачевать и раны сердца вашего и руководить и поддерживать на строптивомъ и скользкомъ пути житейскомъ; всего лучше совѣтую изливать теплыя молитвы къ всемогущему и преблагому Богу, да ниспослетъ Утѣшителя — Духа Святаго, просвѣщающаго всякаго человѣка и наставляющаго на всякую истину.

Позвольте нѣсколько строкъ написать о моихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Слухи у насъ носятся, будто бы священниковъ вдовыхъ опредѣлять въ монастыри и будто-бы нашу Шуйскую округу отъ Владимірской отчислить и приписать къ Костромской епархіи. Въ первомъ случаѣ мнѣ жалко оставить сиротъ и домъ отдать, можетъ быть, за безцѣнокъ, во второмъ — забыть и во Владимірѣ Архипастыря, который, при всѣхъ неудовольствіяхъ, ко мнѣ былъ, являлся благосклоннымъ очень не рѣдко. Но о будущемъ много говорить не буду. Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова проводилъ я благополучно, день моихъ именинъ, то есть 26-е число апрѣля, праздновалъ весело; но чрезъ трои сутки посѣтили меня другіе и незваные гости, какимъ-то доселѣ неизвѣстнымъ образомъ, забрались на чердакъ и въ глухую полночь отперли чердачную дверь, крючекъ которой слабо закладывался, отложили, потомъ отперли къ задней свѣтелкѣ двери и всѣ ворота, собаку съ цѣпью со двора

1845 г. спустили и начали работать. Къ счастію, что мы услыхали и помѣшали; однако убытку сдѣлали около трехъ сотъ рублей.

Вотъ, почтеннѣйшій отецъ, наки повторяю, что значитъ міръ сей и какъ онъ коловратенъ! Бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды во лжебратіи. Въ таковыхъ случаяхъ со Апостоломъ Павломъ не буду азъ изнемогать, но такъ же уповать на милость Божію".

Въ послѣднихъ числахъ мая писалъ мнѣ изъ погоста Архангельскаго, близъ Шуи, дальній родственникъ и товарищъ по семинаріи, священникъ Иванъ Макарычъ Фортунатовъ и выражалъ искреннее соболѣзнованіе о моемъ горѣ.

Въ отвѣтъ на это писалъ я ему отъ 3-го іюня:

„Чѣмъ неожиданнѣе письмо ваше, тѣмъ болѣе обязываетъ меня къ благодарности. Благодарю, усердно благодарю васъ за искреннее, живое участіе въ моемъ злополучіи. Да, любезный другъ мой! Провидѣнію угодно было возложить и на меня тотъ тяжкій крестъ, который несете вы сами. Нужно-ли описывать вамъ, что я чувствовалъ и что теперь чувствую, лишившись милой, безцѣнной подруги? Ваше сердце гораздо краснорѣчивѣе всѣхъ моихъ словъ изобразитъ ту скорбь, которая отъ времени до времени потрясаетъ все существо мое. Впрочемъ, вы имѣете еще на землѣ отраду въ юномъ плодѣ вашей супружеской любви: я лишенъ и сего послѣдняго утѣшенія. Былъ и у насъ малютка сынъ, но неумолимая смерть, назадъ тому ровно годъ, похитила его изъ рукъ нашихъ уже на второмъ году его жизни. Если-бы не любовь къ книгамъ, не постоянное развлеченіе по обязанности службы, а всего болѣе если-бы не святая вѣра и совершенная преданность въ волю Божію охраняла меня: я и не знаю, что было бы со мною въ настоящемъ горестномъ положеніи.

Любопытствуете на счетъ болѣзни усопшей? Главною причиною ея болѣзни—жестокая простуда, случившаяся съ нею въ октябрѣ прошедшаго года. Въ слѣдствіе простуды открылся сильный сухой кашель; кашель, наконецъ, произвелъ, по признанію врачей, чахотку; а за тѣмъ—преждевременная смерть. Истощены были всѣ земныя пособія, но ничто не возвратило потерянаго здоровья".

Въ іюнѣ послѣдовала въ Муромскомъ дух. училищѣ пе- 1845 г
ремѣна смотрителя. Бывшій смотритель игуменъ Нифонтъ переведенъ былъ въ Переславскій Никитскій монастырь, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. На его мѣсто смотрителемъ опредѣленъ мой товарищъ не только по семинаріи, но и по Шуйскому училищу, кандидатъ XIV курса (1844 года) Московской дух. академіи, Сергѣй Андреичъ Красовскій. Взаимныя отношенія наши съ нимъ, на первый разъ, были нѣсколько странны: онъ хотѣлъ казаться начальникомъ, но не имѣлъ для этого такта и потребныхъ нравственныхъ качествъ—не рѣдко предавался не трезвости.

Одинъ изъ богатыхъ Муромскихъ купцовъ, Ефимъ Ив. Козновъ возъимѣлъ усердіе пожертвовать Муромскому собору колоколъ въ тысячу пудовъ. 25-го іюля колоколъ былъ привезенъ изъ Нижняго Новгорода по Окѣ въ Муромъ: 1-го августа былъ освященъ на берегу рѣки, а 2-го, при многочисленномъ стеченіи народа, перевезенъ къ собору. За тѣмъ я командированъ былъ во Владиміръ съ просьбою къ Преосвященному о разрѣшеніи принять этотъ многоцѣнный даръ (около 50 тысячъ рублей ассигнаціями); при этомъ уполномоченъ былъ поднести Архипастырю, на счетъ соборнаго старосты, мѣшокъ крупитчатой муки и ведро мадеры. Представляясь Владыкѣ, я объяснилъ ему о постигшемъ меня несчастіи: онъ прослезился и подалъ мнѣ мысль о монашествѣ. При этомъ Владыка разсказалъ мнѣ, какъ онъ убѣждалъ Кознова не устроять такого большаго колокола для уѣзднаго города, а сдѣлать колоколъ въ 500 пудовъ, другую же половину суммы употребить на какое-нибудь, болѣе полезное дѣло. Но упрямый купецъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, приговаривая: „большой-де колоколъ изъ ада душу вызвонитъ“. Дѣлать было нечего. Владыка уступилъ настойчивому жертвователю, и намъ разрѣшилъ принять его жертву. 23-го сентября колоколъ былъ поднятъ на соборную колокольню и, въ продолженіе трехъ дней, съ утра до ночи, безъ умолку производился звонъ къ великому утѣшенію гражданъ, а между тѣмъ, въ это время, и въ домѣ жертвователя, и въ домѣ соборнаго старосты, купца Зворыкина, происходили шумныя, торжественныя пиршества.

Послѣ того, какъ постигло меня семейное горе, я сталъ

1845 г. размышлять самъ съ собою и обращался за совѣтами къ другимъ, что мнѣ дѣлать и какъ устроить дальнѣйшую мою судьбу. Мнѣ представлялось три пути: или оставаться на настоящемъ своемъ мѣстѣ, или итти въ монастырь, или наконецъ поступить въ академію. Но всѣ эти пути представляли для меня не маловажныя и затрудненія. Оставаться молодому, одинокому вдовцу въ мірѣ, среди соблазновъ и искушеній—не безопасно; итти въ монастырь-боялся праздности и скуки; болѣе всего занимала меня мысль объ академіи, но устрашала сидячая тамъ жизнь, при довольно разстроенномъ уже здоровьи.

Среди этого раздумья и колебаній, я обратился за совѣтомъ къ моему доброму, хотя и отдаленному родственнику, о. Василію Сапоровскому, который самъ испыталъ, подобно мнѣ, состояніе вдовства. И вотъ какой совѣтъ получилъ отъ него въ письмѣ отъ 24-го августа:

„За краткое трогательное и вмѣстѣ пріятное письмо ваше отъ 21-го іюля приношу чувствительнѣйшую благодарность. Оное прочиталъ я не одинъ разъ и судилъ о горестномъ вашемъ положеніи, потому наиболѣе, что этотъ крестъ понесъ самъ съ юности. Слава всеблагому Богу, что доселѣ подъ онымъ не изнемогаю. Правда, и теперь много предстоитъ непріятностей; не столько борютъ меня страсти, сколько внѣшніе недоброжелатели, такъ что и ближніе мои отдалече мене сташа, говорятъ о погибели моей и о коварствахъ помышляютъ всякій день..... Не даромъ поютъ: „Ахъ! скучно одинокому и дереву расти: такъ тошно, грустно молодцу безъ милой жизнь вести“.

Такъ! въ разсужденіи будущей судьбы своей вамъ нужно подумать и подумать, какъ совѣтовалъ мнѣ старинный другъ, преосвященнѣйшій Аркадій [1]), не день и не недѣлю. Одни убѣждаютъ васъ держаться на своемъ мѣстѣ, на что и ваше есть собственное желаніе; другіе совѣтуютъ вступить въ академію; наконецъ, большая часть думаютъ безъ зачету забрить васъ въ монахи. Не знаю, какой дать мнѣ вамъ

---

[1]) Ѳеодоровъ, архіепископъ Олонецкій, † 1870. Онъ былъ родомъ изъ Владимірской епархіи, окончилъ курсъ студентомъ Владимірской духовной семинаріи и въ 1815 году былъ смотрителемъ Владимірскаго духовнаго училища.

совѣтъ полезнѣе. Академія можетъ принести еще болѣе за- 1845 г.
ботъ и безпокойствъ, разстроить совершенно ваше слабое здоровье, а польза за горами;—тамъ учености много и премного и безъ насъ грѣшныхъ. Хорошо держаться и на своемъ мѣстѣ, но трудно и мудрено въ нынѣшній коловратный вѣкъ съ сихъ лѣтъ и въ городѣ. Вы каждый день, на каждомъ шагу должны сражаться, не говорю съ духами злобы поднебесной, но съ пресмыкающимися тварями — клеветниками братіи нашей. При томъ и самый міръ сей не есть-ли уда, уловляющая приманкою благъ и удовольствій не только грѣшниковъ, даже праведниковъ! Бываютъ такіе случаи, что безъ намѣренія попадешься въ сѣти и попапрасну получишь укоризну. Тогда мірскаго мученика увѣнчаютъ не лаврами, а вѣнцемъ терновымъ. По моему мнѣнію, не лучше-ли оставить міръ, доколѣ не очень съ міромъ содружились; посвятить себя на служеніе Богу, доколѣ духъ вашъ бодръ, страсти смирны, тѣлесныя силы здравы.

Вы устрашаетесь праздной монастырской жизни, жизни среди убогой по всѣмъ отношеніямъ братіи, какъ случается видѣть въ нашихъ обыкновенныхъ монастыряхъ. Нельзя сказать, чтобъ и въ обыкновенныхъ монастыряхъ не было занятій, особено для любящихъ трудолюбіе. Кромѣ хожденія къ службамъ церковнымъ и трудовъ монастырскихъ много остается времени на духовныя упражненія. Здѣсь-то въ уединенной келліи и предаться Богомыслію и молитвѣ; здѣсь-то, кажется, и духовная Академія, наставникомъ въ оной Духъ святый, а собесѣдники Ангелы. Нынѣ потому братія по всѣмъ отношеніямъ убога, что каждый входитъ въ монастырь или по неволѣ или по необходимости, подобно блудному сыну расточивши уже богатство и душевное и тѣлесное. Благо мужу отъ юности взять яремъ Господень — и куда же богатому носить и раздавать свои сокровища, какъ не убогой братіи? Не яснѣе ли горитъ свѣтильникъ во мракѣ ночи? Такъ да просвѣтится и вашъ свѣтъ предъ омраченной братіей; да видятъ ваши добрыя дѣла и прославятъ Отца небеснаго. Конечно, и въ монастырскихъ обителяхъ много водится насѣкомыхъ, которыя мыслятъ погасить свѣтильникъ и налетаютъ на оный: но лишь только прикоснутся къ свѣту, погибаютъ или дѣлаются неспособными къ большему полету. Положимъ такъ же, и за

1845 г. каменными стѣнами случаются такія происшествія, о коихъ, какъ вы пишете, не лѣть есть глаголати; но прикрываются завѣсою благоснисхожденія: то не паче ли истинная добродѣтель уважена будетъ. Любопытно бы слышать о случившейся въ Благовѣщенскомъ вашемъ монастырѣ дивной исторіи, но это представляю вашей волѣ. Прекрасная и спасительная мысль положиться на Премудраго распорядителя судебъ человѣческихъ: но и сей Премудрый распорядитель безъ воли человѣка не хощетъ покорить во власть свою человѣка. Онъ вѣрно покажетъ средства, куда надлежитъ болѣе вамъ стремиться, но тогда-то и міръ, и плоть и сатана на насъ наведутъ раздумье, убаюкаютъ волю нашу и мы не еже хощемъ доброе творимъ, но еже не хощемъ злое, содѣваемъ. Повѣрьте не мнѣ, претерпѣвшему почти варъ и зной, по учителю языковъ. Никто о себѣ того сказать не можетъ, что сказано о Богочеловѣкѣ: въ мірѣ бѣ, и міръ Его не позна. Простите великодушно, что такъ заумничался. Въ кругу духовенства вашего много умнѣйшихъ совѣтниковъ—я пишу по собственнымъ чувствамъ и по искренней любви и состраданію къ вамъ. Извините и на томъ, что долго не отвѣчалъ по многимъ обстоятельствамъ, надѣясь при томъ, что не оскорбитесь, потому что и сами не скоро мнѣ отписываете".

Въ августѣ посѣтила Муромъ, по пути изъ Рязани въ Нижній Новгородъ, ученая и любознательная русская путешественница, фрейлина Ея Величества, О. Шишкина. Посѣщеніе такой важной особы было истиннымъ событіемъ для насъ—обитателей мирнаго уѣзднаго городка. Г-жѣ Шишкиной, какъ придворной особѣ, оказаны были Муромскими властями всевозможныя почести. Мнѣ поручено было настоятелемъ собора встрѣтить ее въ храмѣ и объяснить ей наши достопримѣчательности. Я исполнилъ, какъ могъ, это порученіе. Все, что я говорилъ знатной путешественницѣ, она записывала въ свою памятную книжку. Спустя три года, именно въ 1848-мъ году, г-жа Шишкина издала въ 2-хъ частяхъ свои замѣтки и воспоминанія: но, къ сожалѣнію, въ этихъ книгахъ о Муромѣ ничего не сказано. Въ заключеніи 2-й части своихъ замѣтокъ и воспоминаній (стр. 289) г-жа Шишкина пишетъ: „Я не успѣла привести въ порядокъ остальныя записки мои, и не знаю, удастся-ли

мнѣ когда нибудь, исполнивъ это, такъже ихъ напечатать". 1846 г.

Между тѣмъ, въ этой же заключительной главѣ описываетъ, хотя и очень кратко, свое двухдневное пребываніе въ Суздалѣ, гдѣ она съ любопытствомъ разсматривала древнюю плащаницу, принадлежащую Покровскому женскому монастырю и огромное рукописное Евангеліе, хранящееся въ тамошнемъ соборѣ.

Января 25 дня получено было мною изъ Гориць отъ о. Василія Саноровскаго письмо слѣдующаго содержанія:

„За ваше письмо сколько пріятное, столько любознательное приношу усердную благодарность. Хотя поздно-поздно, но привѣтствую васъ съ прошедшими праздниками Рождества и Богоявленія Христова, равно съ наступившимъ Новымъ годомъ. При семъ сугубомъ обновленіи временъ— благодатномъ и естественномъ прилично пожелать вамъ духовнаго обновленія, рожденія въ новую жизнь о Христѣ Іисусѣ и успѣховъ во всѣхъ начинаніяхъ и дѣлахъ.

Вѣрно вы оскорбились, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на посланное письмо ваше отъ 18 сентября 1845 года. Это можно было видѣть изъ письма вашего къ нашему отцу діакону, въ которомъ не удостоили меня и поклономъ. Признаюсь, что были и такія обстоятельства, которыя дѣйствительно не дозволяли побесѣдовать съ вами о предстоящей участи вашей, но большею причиною послужило ваше снисхожденіе — не безпокоить меня много въ разсужденіи скораго отвѣта, а нашъ Филатъ тому и радъ. Впрочемъ, чтобъ такую долговременную спячку, или такъ сказать, безнамѣренную неосторожность, равно и сдѣланный мною упрекъ представить извинительными, мнѣ вздумалось обратить оныя въ нравоученіе и для васъ и для меня.

Въ дѣлѣ спасенія и исконный врагъ и собственное сердце много предлагаютъ сомнѣній, трудностей и предубѣжденій. Глаголющу Павлу о правдѣ и о воздержаніи и судѣ, хотящемъ быти, пристрашенъ бывъ Феликсъ, отвѣща: нынѣ убо иди; время же получивъ, призову тя. То же самое сомнѣніе и насъ грѣшныхъ заставляетъ не скоро разстаться съ міромъ; доколѣ подумаю, подожду — будетъ время — удалиться въ вертепы пустыни... Между тѣмъ открываются особенные случаи, являются лестные предметы, заводятся знакомства, мы дѣлаемся равнодушными, привычка нѣсколько

1846 г. лелѣетъ, потомъ усыпляетъ и, подобно неосторожнымъ птицамъ, запутываетъ въ тенетахъ мірскихъ. Въ семъ многомятежномъ и лукавомъ мірѣ какихъ нѣтъ соблазновъ; рѣдкій или никакой праведникъ не можетъ избѣгнуть грѣхопаденій, одинъ Богочеловѣкъ силенъ сказать: бѣхъ въ мірѣ и міръ Мене не позна. Итакъ, не лучше ли поскорѣе изъ Содома мірскаго уползать въ Сигоръ, а не задумываться?

Вы сознаетесь, что мой совѣтъ изъ всѣхъ предлагаемыхъ совѣтовъ для васъ кажется душеспасительнымъ и безпристрастнымъ; но къ совершенной силѣ и убѣдительности недостаетъ одного только—собственнаго опыта. Конечно мнѣ твердо неизвѣстны подвиги монашеской жизни, но я довольно испыталъ, какъ трудно и опасно юному вдовцу прожить до старости маститой не только въ пышномъ городѣ, но и въ нашемъ захолустьѣ, особенно въ нынѣшнія времена. Вы не далеко живете отъ монашествующихъ, слыхали и видали, какихъ подвиговъ требуетъ жизнь монашеская.

Вы пишете, что вамъ совѣтуютъ путемъ академическимъ достигать монашества. Мнѣ кажется, вся наша жизнь не что иное есть, какъ академія. Что говоритъ мудрѣйшій изъ царей? Приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь — и не мудрися излише, да не когда изумишися. Высокоуміе нерѣдко и святѣйшія истины искажаетъ, презрѣнные же пороки облекаетъ благовидною одеждою. Всякому, кольми паче монаху нужно образовать сердце, отъ сердца бо происходятъ помышленія злая—и блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. Посему-то и Спаситель говоритъ: „царствіе Божіе внутрь васъ есть“.

Васъ въ семъ случаѣ восхищаетъ мысль содѣлаться наставникомъ другихъ. Похвально намѣреніе, но нѣсколько неосновательно;—во-первыхъ, потому, что самое названіе монаха не того требуетъ; во вторыхъ и потому, что на такую степень возводитъ насъ Промыслъ Божій, а не философія. Буее Божіе премудрѣе человѣкъ и Господь слѣпцовъ умудряетъ. Сколько свѣтильниковъ являлось въ церкви изъ простыхъ и безграмотныхъ! При томъ емуже дано будетъ много, много и взыщется отъ него. Можетъ быть васъ подстрекаетъ честолюбіе, то и безъ академіи можно достигнуть, когда угодно будетъ Господу, испытующему наши сердца и утробы, высокаго сана и земныхъ почестей.

Въ темнотѣ ночи и малыя свѣтила ярко сіяютъ, при свѣтѣ 1846 г.
лучезарнаго солнца меркнетъ луна.

Вы, наконецъ, говорите, что науки всегда были и, кажется, будутъ моею любимою стихіею. Но, по мнѣнію моему, монаху полезнѣе болѣе молиться, нежели учиться. Молитва, по словамъ преподобнаго Нила, есть лучшее и чистое ума употребленіе. Якоже хлѣбъ пища есть тѣлеси и добродѣтель души, сице и уму духовная молитва пища есть. Аще Богословъ еси, имаши молитися истинно: и аще истинно молишися, Богословъ еси. *Добротолюбіе.*

Достопочтеннѣйшій другъ! не сѣтуйте, что я слишкомъ много заумничался, самъ будучи невѣждою—такой нашелъ часъ. Въ кругу вашего духовенства много лучшихъ совѣтниковъ, а всего лучше посовѣтуйтесь съ вашимъ умомъ и сердцемъ, помолитесь Богу и усердно попросите, дабы Онъ всесильною благостію устроилъ будущую вашу участь,— Божіе бо есть и хотѣти и дѣяти.

Прошу покорнѣйше удостоить хоть краткимъ отвѣтомъ письмо мое.

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 3-го февраля:

„Назидательное письмо ваше, достопочтеннѣйшій мой наставникъ и благожелатель, возбудило во мнѣ много различныхъ мыслей и чувствованій.

Вы рѣшительно совѣтуете изъ Содома мірскаго скорѣе уползать въ Сигоръ, а не задумываться? Опять съ благодарностію повторяю вамъ, что этотъ совѣтъ вашъ и душеспасителенъ и безпристрастенъ и основателенъ; въ чемъ почти согласны и добрые мои совѣтники (я разумѣю о. Протоіерея[1]) и А. А)[2]), которымъ, по просьбѣ ихъ, читалъ я два послѣднія ваши письма.

Самъ по себѣ, въ разсужденіи предстоящей мнѣ участи, я теперь какъ трость, вѣтромъ колеблемая, преклоняюсь то на ту, то на другую сторону. Впрочемъ, и при такомъ, по истинѣ тяжеломъ, состояніи духа, не опуская совершенно изъ виду того, что первѣе всего долженствуетъ встрѣтиться со мною т. е. Академія, я заблагоразсуждаю со всѣмъ вни-

---

[1]) Муромскаго собора, о. Троепольскаго, М. Г.

[2]) Горицкаго, стряпчаго въ г. Муромѣ, и сродника о. Василію Сапоровскому.

1846 г. маніемъ присматриваться къ обстоятельствамъ жизни, въ коихъ съ благоговѣніемъ потщусь услышать, что речетъ о мнѣ Господь и что есть воля Божія о мнѣ благая и совершенная; а всего лучше буду молиться съ царственнымъ Псалмопѣвцемъ: *Господи, скажи ми путь, въ онь-же пойду.*

Между тѣмъ, въ ожиданіи сего горняго указанія, почитаю неизлишнимъ пользоваться и земными пособіями для устроенія будущаго моего жребія. Подъ этими пособіями я разумѣю и собственныя соображенія и убѣжденія людей добрыхъ и благонамѣренныхъ.

Вы пишете, что вся наша жизнь не что иное, какъ Академія, и что полезнѣе болѣе молиться, нежели много учиться,— все это совершенно справедливо: но для чего-же Богъ вложилъ мнѣ такое непреодолимое влеченіе къ занятію книжному? Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только я началъ сознавать себя, книга была исключительнымъ предметомъ моихъ занятій; а теперь обратилась въ какую-то неизъяснимую потребность. Впрочемъ, признаюсь вамъ, мечты объ Академіи начинаютъ охладѣвать во мнѣ, частію отъ вліянія вашихъ разумныхъ совѣтовъ, сильно подкрѣпляемыхъ убѣжденіями о. Протоіерея, частію отъ собственнаго сознанія слабости тѣлесныхъ силъ, которыя болѣе и болѣе, кажется, разстроиваются по причинѣ встрѣчающихся со мною болѣе или менѣе непріятныхъ обстоятельствъ. Думаю и разсуждаю, что поступить въ Академію не слишкомъ трудно; положимъ такъ же, что, судя по настоящему моему расположенію къ наукамъ, занятія академическія не могутъ быть для меня въ тягость (ибо гдѣ любовь и усердіе, тамъ преподобѣждается всякая трудность): но нельзя не согласиться съ вами въ томъ, что надлежащее занятіе науками не минуемо должно сопровождаться большимъ или меньшимъ изнуреніемъ силъ, и безъ того уже разстроенныхъ, а съ разстроенными силами куда годишься“?

На это посланіе достопочтенный о. Василій отвѣчалъ мнѣ двадцать шестаго марта:

„Громадное письмо ваше получилъ еще на первой недѣлѣ св. поста, но отвѣчать собираюсь на шестой. Сія медленность происходила отъ разныхъ разностей, а болѣе отъ занятій приходскихъ. По четвергамъ и пятницамъ утомляли

исповѣдники, коихъ каждую недѣлю собиралось до сотни, 1846 г.
а въ прочіе дни — родины и покойники. Въ нашемъ краю свирѣпствовала повальная болѣзнь-сыпь или корь, которая посѣтила и вашу сестрицу Елисавету Петровну. Приношу чувствительнѣйшую благодарность за искреннія и лестныя, отношенія ко мнѣ, выраженныя въ письмѣ вашемъ. Вы ко мнѣ грѣшному такое дѣлаете довѣріе и оказываете преданность совершенную, желая имѣть себѣ непосредственнымъ руководителемъ и собесѣдникомъ, когда-бы я самъ поступилъ въ монахи. Точно, и въ монашествѣ одному безъ путеводителя подвизаться трудно и опасно, какъ видно изъ жизнеописаній святыхъ угодниковъ. Но дѣло въ томъ состоитъ, что у меня болѣе вашего имѣется препятствій, при всемъ моемъ желаніи, посвятить себя на иноческое служеніе; кромѣ сиротъ, которыхъ я по многимъ отношеніямъ призирать и покоить обязанъ, безпокоитъ и связываетъ огромный домъ; оный начинаетъ ветшать, стоитъ на землѣ господской, починять опасно, продать некому и выстроить для сиротъ кельи негдѣ, купить такъ же, потому что у господъ вся земля въ залогѣ. Не даромъ называютъ жизнь сію путешествіемъ. Какъ странникъ запоздалый удобно можетъ заблудиться или среди бурь непогодъ погибнуть: такъ и намъ среди житейскихъ попеченій не долго осуетиться и закоснѣть. Теперь у васъ одно препятствіе, по времени откроются другія; — далѣе въ море, болѣе найдешь горя, какъ старинные люди говаривали. Я по вашему и самъ разсуждалъ прежде, много терялъ случаевъ хорошихъ и время убивалъ, можно сказать, безъ всякой душевной пользы, но не избавился отъ заботы, а еще пріумножилъ. Не вотще пишетъ Апостолъ: сущіи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ отягчаеми: понеже не хощемъ совлещися, но пооблещися. И можетъ ли рабъ двоимъ господамъ работати? Когда Христосъ повелѣваетъ для удобнѣйшаго служенія Ему оставить домъ, братію, отца и матерь и жену, то для чего же вамъ не оставлять своихъ ближнихъ? Лишивъ васъ жены и сына, Богъ, можетъ быть, показалъ удобный путь къ иноческой жизни, а роднымъ вашимъ пріуготовалъ другіе способы къ содержанію, какихъ вы не сильны сдѣлать собственными стараніями. Всякія и малѣйшія измѣны десницы Вышняго въ нашей жизни что-нибудь назидательное пред-

1846 г. знаменуютъ; жалко, что мы мало въ оныя вникаемъ, или и вникаемъ, но обращаемъ въ другую сторону. Слава всеблагому Богу, что васъ доселѣ мірскія искушенія и соблазны не обуреваютъ и вы сами стараетесь избѣгать и уклоняться отъ поводовъ къ онымъ. Правда, вы обрѣтаетесь въ кругу благородныхъ, занимаетесь должностями такъ же благонадежными, благовременно, не скитаетесь, какъ наша сельская братія, по деревнямъ, не бражничаете съ ярыми мужиками и разгулистыми крестьянами; впрочемъ, по пословицѣ народной, тонитъ иногда не море, а не большая лужа или грязное болото. Ко всему пуженъ навыкъ и привычка, которую любомудрые называютъ второю природою. Но что я васъ занимаю своими замѣчаніями, будучи самъ невѣждою. Вы кромѣ умнѣйшихъ мужей—вашихъ собесѣдниковъ—читали наставленія и о мірской и о монашеской жизни въ выписываемой книгѣ г. Стурдзы. Меня самого нельзя-ли вразумить и научить, какъ вырваться изъ сѣтей многомятежнаго міра? Тогда я согласенъ идти съ вами рука объ руку, хотя и не испыталъ монашеской жизни и не знаю козней, какими искушаютъ монашескіе аггелы. Время проходитъ не примѣтно, силы истощаются; болѣзни, предтечи близкой смерти, заставляютъ подумать и о будущемъ.

Вы пишете, что мечты объ академіи мало по малу начинаютъ охладѣвать въ васъ; такія мысли и мнѣ нравятся, какъ и писалъ я прежде. Трудно подниматься на высокую гору съ слабыми силами и при томъ по прошествіи благопріятнаго времени. Горы высокія предоставимъ еленямъ, а намъ, заяцемъ не лучше-ли укрыться подъ камнемъ, гдѣ не шумятъ ни бури и нѣтъ жестокихъ морозовъ. Господь восхощетъ и изъ камени содѣлаетъ чадами Авраама,—изъ подъ спуда поставитъ на свѣщницѣ, что-бы свѣтить мірови.

Вы писали о проповѣдяхъ. Здѣсь доселѣ ничего не слышно, впрочемъ и я сего не устрашаюсь, особенно нынѣ. Съ новаго года сказывалъ уже четыре, хоть не профессорскія, но сельскія, а тамъ буду говорить по назначенію.

Теперь позвольте поздравить васъ, какъ не ошибаюсь, съ наступающимъ днемъ вашего Ангела и съ приближающимся свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Отъ искренняго сердца желаю встрѣтить и провести и то и другое торжество въ вожделѣнномъ здравіи, въ веселіи и

радованіи, при томъ молю Бога, чтобы обновилъ и укрѣ- 1846 г.
пилъ ваши тѣлесныя и душевныя силы на многотрудномъ поприщѣ служенія вашего, осѣнилъ своею благодатію новолѣтіе ваше".

30-го апрѣля писалъ я въ Горицы дядѣ своему, діакону Петру Иванычу:

„Христосъ Воскресе!

За ваше раннее привѣтствіе меня съ праздникомъ Воскресенія Христова и днемъ моего Ангела приношу вамъ усерднѣйшую благодарность; а за позднее привѣтствіе васъ отъ меня прошу у васъ великодушнаго извиненія. То разныя приготовленія къ свѣтлому празднику, то мірскія суеты среди самаго праздника, то печальное воспоминаніе горестнѣйшаго событія [1]), то наконецъ безпокойное ожиданіе окончательнаго рѣшенія моей участи—до того разстроили обыкновенный порядокъ моихъ дѣлъ, что я—то не находилъ свободнаго времени, то даже и не въ силахъ былъ заниматься ничѣмъ постороннимъ. Теперь, слава Богу, начинаю опять возстановлять мало по малу прежній порядокъ дѣлъ. Участь моя нѣсколько опредѣлилась; изъ трехъ путей осталось только два. На сихъ дняхъ чуть-чуть я не рѣшился было однажды навсегда оставить Муромъ: но убѣдительныя просьбы матушки-тещи и сильныя убѣжденія о. Протоіерея остановили меня, если не навсегда, то кажется на долго, въ Муромѣ.

Отказавшись отъ своего намѣренія—поступить въ Академію, и пожертвовавши собственными выгодами благополучію сиротствующаго семейства съ одной стороны, и искренней пріязни добраго начальника, съ другой, я успокоиваю себя тою мыслію, что не лучше-ли быть отцемъ и покровителемъ сиротъ, нежели украшаться праздным титломъ ученаго монаха,—и еще: не гораздо-ли спокойнѣе быть хорошимъ подчиненнымъ у добраго и благорасположеннаго начальника, нежели самому быть неисправнымъ начальникомъ, а еще болѣе управлять упрямыми и непослушными людьми? Правда, если бы я имѣлъ надлежащую крѣпость тѣлесныхъ силъ: то ничто, кажется, не отклонило бы меня

---

[1]) Смерть супруги въ предшествующемъ 1845 году.

1846 г. отъ Академіи. Если же я, при настоящемъ разстроенномъ состояніи силъ, и стремился въ Академію, то единственно потому, что хотѣлъ обезопасить себя на будущее время полученіемъ такой должности, которая бы соотвѣтствовала моимъ наклонностямъ. Впрочемъ, съ перемѣною обстоятельствъ, быть можетъ, перемѣнятся и мои расположенія.

Теперь остается у меня одно сильнѣйшее желаніе—видѣться съ вами и переговорить обо всемъ лично. Если уже вы отказываетесь сдѣлать мнѣ удовольствіе своимъ посѣщеніемъ: то я съ своей стороны, кажется, постараюсь воспользоваться свободнымъ временемъ для посѣщенія васъ".

11-го мая писалъ я въ Хотимль къ родственнику своему, отцу Іоанну Успенскому.

„Не помню съ конхъ поръ, только знаю, что давно не писалъ я къ вамъ ни слова. Причина этого молчанія—самая простая: ожиданіе отвѣта на прежнія мои письма. Не знаю, чему приписать ваше совершенное безмолвіе въ отношеніи ко мнѣ: тѣснымъ ли обстоятельствомъ жизни, или перемѣнѣ вашего расположенія ко мнѣ? Первое согласенъ допустить; а послѣднему не хотѣлось бы и вѣрить. Правда, теперь и я остаюсь не совсѣмъ правъ передъ вами: до сихъ поръ не хотѣлъ надлежащимъ образомъ извѣстить васъ о произшедшемъ со мною горестномъ событіи. Но, скажу вамъ сущую правду, потому я и не извѣщалъ васъ объ этомъ событіи, что слишкомъ горестно: сильная грусть любитъ таиться. Повторять нѣсколько разъ повѣсть о печальномъ событіи значитъ каждый разъ терзать сердце. При томъ, я увѣренъ былъ, что вамъ дадутъ знать объ этомъ мои и ваши родные—Горицкіе, къ коимъ писать я былъ обязанъ по необходимости. Впрочемъ, и къ вамъ давно я намѣревался писать; но разныя обстоятельства доселѣ не позволяли мнѣ исполнить этого намѣренія. Вотъ, наконецъ получилъ свободное время, чтобы подѣлиться съ вами грустными чувствами.

Чѣмъ же начать родственную бесѣду съ вами? Входить ли въ подробное описаніе моей вѣчной разлуки съ милымъ другомъ? Но я думаю, вамъ уже извѣстны обстоятельства кончины моей возлюбленной Анны Васильевны изъ писемъ моихъ къ Горицкимъ роднымъ. Изъяснять ли то, какъ провелъ я годъ, ужасный годъ моего одиночества?... Одному

Всевѣдущему извѣстно то, что довелось вытерпѣть мнѣ въ эту тяжкую годину искушенія. Казалось бы, все осталось при мнѣ, кромѣ *одного:* тотъ же домъ, тотъ же образъ жизни, та-же служба, тѣ-же дружескія связи: но лучше-бы, стократъ лучше лишиться всего, чѣмъ потерять это безцѣнное *одно*. Правда, много у меня пріятелей и теперь: но, признаюсь, ни одного нѣтъ друга; и теперь многіе хвалятся своимъ ко мнѣ усердіемъ: но ни къ кому я не могу имѣть полнаго довѣрія; и теперь, если угодно, не будетъ недостатка въ случаяхъ къ удовольствіямъ: но всѣ эти удовольствія растворены для меня горечью. Странное дѣло: тамъ, гдѣ люди находятъ отраду и удовольствіе, я началъ ощущать скуку и отвращеніе; въ чемъ другіе полагаютъ верхъ земнаго счастія и блаженства, въ томъ вижу я одну пустоту и ничтожность. Хорошая книга да скромная бесѣда вдвоемъ—вотъ единственный источникъ моего земнаго блаженства, если только на землѣ возможно какое-либо блаженство. 1846 г.

Говорятъ, въ сердечныхъ болѣзняхъ время—самый лучшій врачъ. И подлинно такъ: порукою въ томъ мой собственный опытъ. Въ первые дни и недѣли моего тяжкаго испытанія какихъ средствъ для успокоенія себя я не употреблялъ! какихъ спасительныхъ врачевствъ не прилагали къ растерзанному моему сердцу и добрые люди: ничто не помогало, ничто не могло разсѣять глубокаго мрака сердечной скорби и унынія. Потомъ этотъ душевный мракъ мало по малу началъ рѣдѣть, по мѣрѣ того, какъ разсудокъ сталъ вступать въ законныя права свои. Наконецъ обычныя занятія и спасительныя таинства вѣры неприметнымъ образомъ сдружили меня съ горестнымъ положеніемъ такъ, что я, при благодатномъ ихъ вліяніи, иногда вовсе забываю свою печаль, доколѣ новыя какія-нибудь непріятности семейной или общественной жизни съ большею силою не потрясутъ разстроеннаго грустію сердца. А такихъ, болѣе или менѣе важныхъ непріятностей, въ теченіе цѣлаго года моего одиночества, признаюсь, испыталъ я не мало.

Какъ справедлива, подумаешь послѣ сего, старинная русская пословица: „Бѣда бѣду родитъ“.

Для собственнаго спокойствія и безопасности, въ разсужденіи новыхъ бѣдъ и непріятностей, я думалъ было пере-

1846 г. мѣнить образъ жизни, а для сего однажды навсегда оставить родной Муромъ; — хотѣлъ было снова вступить на поприще образованія уже высшаго, то есть въ Академію: но благо сиротствующаго семейства,—семейства, съ которымъ по волѣ Провидѣнія, такъ тѣсно соединена была моя судьба,—требуетъ, чтобы я отказался отъ этого лестнаго, сроднаго мнѣ пути; и я рѣшился пожертвовать всѣми личными выгодами благополучію сиротъ. Чувствую, чего будетъ стоить для меня эта жертва; знаю, что юному вдовцу, какъ одинокому пловцу, не безопасно будетъ плаваніе по волнамъ житейскаго моря; мірскія суеты и соблазны на каждомъ шагу будутъ угрожать паденіемъ. Что же дѣлать?— Надобно вооружиться терпѣніемъ и мужествомъ, *облещися*, по слову Писанія, *во вся оружія Божія: препоясать*, во первыхъ, *чресла свои истиною*, т. е. продолжать прежнія занятія науками; *облечься въ броню праведности*—упражнять себя въ твореніи добрыхъ дѣлъ, между коими первое мѣсто должны занять: постъ, молитва и вспомоществованіе ближнимъ; *обуть ноги въ твердость Евангелія мира*,— это значитъ почаще заниматься сочиненіемъ проповѣдей; паче всего *взять щитъ вѣры*, — ибо это главное оружіе противу всѣхъ козней вражіихъ; — и *шлемъ спасенія*,— это, думаю, значитъ то, что надобно, сколько можно, чаще заниматься размышленіемъ о вѣчномъ спасеніи души; — и наконецъ *мечъ духовный*—слово Божіе: святая Библія да будетъ отселѣ первымъ и послѣднимъ предметомъ моего изученія!

Вотъ все, что на первый разъ могъ я передать вамъ о себѣ; не отрекаюсь сообщать вамъ извѣстія и о дальнѣйшихъ происшествіяхъ моей жизни, если только вы не откажетесь поддерживать съ своей стороны взаимной нашей бесѣды".

14-го мая писалъ я въ Иваново зятю и сестрѣ:

„Сообщаю вамъ о себѣ новость, впрочемъ такую, которая въ сущности не слишкомъ много заключаетъ въ себѣ новаго. Въ послѣднемъ письмѣ къ вамъ, если только вы получили его, извѣщалъ я, что участь моя такъ или иначе должна опредѣлиться скоро:—и опредѣлилась. Роковой май насталъ; я долженъ былъ окончательно рѣшиться на одно изъ двухъ: или оставаться при настоящемъ положеніи, или

однажды навсегда оставить родной Муромъ". И далѣе, сообщивъ и имъ о своемъ намѣреніи поступить въ академію, измѣнившемся потомъ подъ вліяніемъ убѣжденій и просьбъ тещи въ видахъ поддержанія сиротствующаго семейства ея, о потребности терпѣнія въ положеніи молодаго вдовца — священника, каковымъ остаться я уже рѣшилъ было тогда, продолжалъ: 1846 г

„Впрочемъ, съ перемѣною обстоятельствъ, быть можетъ, перемѣнятся и мои настоящія расположенія. Человѣкъ яко трость, вѣтромъ колеблемая: сегодня думаетъ такъ, завтра совсѣмъ иначе; къ кому сегодня расположенъ, къ тому завтра имѣетъ отвращеніе. Конечно, по слову Божію, *никтоже возложъ руку на рало и обращся вспять, управленъ есть въ царствіе Божіе*: рѣшившись посвятить себя на служеніе ближнимъ, не надобно колебаться, хотя-бы довелось и потерпѣть что-нибудь: куда дѣваться отъ непріятностей? На землѣ нигдѣ нѣтъ истиннаго спокойствія.

Послѣ постоянной годовой грусти, и многихъ другихъ случайныхъ непріятностей, крайне хотѣлось бы, хотя нѣсколько часовъ, провести въ кругу моихъ родныхъ, подышать, такъ сказать, простою сельскою жизнію: городская—церемонная жизнь до крайности наскучила. Признаюсь вамъ, среди довольно обширнаго круга родныхъ и знакомыхъ, я не имѣю ни одного искренняго друга, съ которымъ бы, въ часы радости и печали, могъ дѣлиться взаимными чувствами. Правда, многіе являются съ своимъ ко мнѣ усердіемъ: но ни къ кому я не могу имѣть полнаго довѣрія. Какъ дорого заплатилъ бы за то, чтобы имѣть при себѣ, если не постоянно, по крайней мѣрѣ, сколько можно, чаще, кого-нибудь изъ васъ, добрыхъ моихъ родныхъ! Но дѣлать нечего,—надобно покориться судьбамъ Вышняго, лишившаго меня сей драгоцѣнной возможности. Благодарю Бога и за то, что Онъ даровалъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, ту возможность, что-бы я изливалъ предъ вами сердечныя чувства въ сихъ мертвыхъ строкахъ.

Просить васъ о вторичномъ посѣщеніи меня, не заплативши вамъ, какъ выражаются нынѣ въ модномъ свѣтѣ, визита, совѣстно; посовѣтуйте по крайней мѣрѣ кому-нибудь изъ родныхъ навѣстить меня-грустнаго и одинокаго брата вашего"...

1846 г. Въ тотъ же день писалъ я и племяннику, діакону Ѳ. С. Виноградову:

„Вѣроятно не получили вы ни одного изъ двухъ послѣднихъ моихъ писемъ, изъ коихъ первое отправлено было съ общимъ нашимъ знакомцемъ Иваномъ Григорьичемъ Клюшкинымъ, кажется, еще въ октябрѣ прошлаго года, а послѣднее съ нимъ же въ минувшемъ мартѣ. И не удивительно, правда, если вы и не получили ихъ; потому что письмоподатель самъ извинялся предо мною, что онъ не могъ доставить вамъ лично ни того, ни другаго письма, а пересылалъ ихъ съ кѣмъ-то. Вотъ что значитъ посылать письма съ частными людьми! Нѣтъ! съ сихъ поръ поставляю себѣ за правило, да и вамъ тоже совѣтую, пересылать письма не иначе, какъ чрезъ почту. Судите сами, что за удовольствіе—посылать къ роднымъ письма, и не быть увѣреннымъ, получаются-ли они, или нѣтъ?—Да и какой разсчетъ посылать ихъ съ частными людьми? Развѣ дешевле обойдутся эти письма и для того, кто посылаетъ, и для тѣхъ, кои получаютъ ихъ?—Доколѣ не открыта была къ вамъ почта: иное было дѣло; нужда заставляла искать какой-бы то ни было окказіи; а теперь вовсе излишнее дѣло повѣрять родственные секреты постороннимъ людямъ.

Если же вы получили хоть одно изъ упомянутыхъ писемъ, и до сихъ поръ молчите: да будетъ вамъ стыдно!.. Знаете-ли, что при настоящемъ моемъ положеніи, продолжительное молчаніе какъ съ вашей, такъ и съ моей стороны, стало для меня очень тягостно: любопытно бы знать, что за причина столь долгаго вашего молчанія?

Но такъ и быть,—готовъ былъ-бы совершенно простить васъ, если-бы вы догадались принести мнѣ извиненіе лично. Въ самомъ дѣлѣ, не пора-ли уже вамъ побывать въ нашихъ Муромскихъ предѣлахъ? За ваше посѣщеніе я постарался-бы какъ-нибудь воздать и самъ тѣмъ-же посѣщеніемъ. Есть намѣреніе, въ нынѣшнюю вакацію побывать на родинѣ: только не знаю, какъ это дѣло сладится. Развѣ вотъ какъ: нельзя-ли въ самомъ дѣлѣ кому-нибудь изъ васъ посѣтить меня, а потомъ вмѣстѣ съ гостями отправился-бы и я на родную сторону. Только надобно предварить васъ, что я никакъ не могу оставить Муромъ прежде 16-го числа августа: ибо къ этому числу мнѣ назначена проповѣдь.

Подумайте объ этомъ хорошенько, и потрудитесь меня из- 1846 г
вѣстить; а я между тѣмъ съ своей стороны буду самъ придумывать какія-нибудь мѣры къ взаимному нашему свиданію. Впрочемъ, до августа много еще воды утечетъ: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ".

Выраженная въ предъидущихъ письмахъ къ роднымъ рѣшимость моя остаться при соборѣ для пользы сиротствующаго семейства къ концу мая, неожиданно для меня самого, измѣнилась. Поводомъ къ этому послужила излишняя ко мнѣ привязательность и требовательность со стороны тещи-женщины довольно строптиваго и упрямаго характера. Вслѣдствіе сего я рѣшился оставить Муромъ и открыть себѣ путь въ академію. Въ виду сего, я обратился прежде всего за совѣтами къ о. ректору семинаріи, архимандриту Поликарпу и секретарю семинарскаго Правленія, профессору Матвѣю Ивановичу Соколову [1]); тому и другому писалъ я отъ 25-го мая:

И во первыхъ, о. ректору:

„Ваше Высокопреподобіе
Милостивѣйшій Отецъ и Покровитель!

Ваше милостивое участіе, какое принимали вы въ устроеніи настоящей моей судьбы, внушаетъ мнѣ ту дестную надежду, что вы не лишите меня подобнаго участія и въ разсужденіи дальнѣйшаго моего жребія.

По волѣ Божіей, лишившись въ прошедшемъ году жены, я нахожусь въ крайне затруднительныхъ теперь обстоятельствахъ. Оставаться спокойнымъ въ настоящемъ положеніи долгое время не надѣюсь: семейныя обстоятельства не благопріятствуютъ. Оставить міръ и посвятить себя монашеской жизни? Но уединенная—праздная жизнь устрашаетъ меня. Многіе благонамѣренные люди совѣтуютъ мнѣ рѣшиться на послѣднее, только не иначе, какъ вступивъ на поприще дальнѣйшаго-академическаго образованія. Совѣтъ этотъ для меня тѣмъ убѣдительнѣе, что я доселѣ питаю особен-

---

[1]) Магистръ Кіевской духовной академіи выпуска 1839 года, М. И. Соколовъ послѣ продолжительной духовно-учебной службы вышелъ въ отставку и теперь, въ чинѣ статскаго совѣтника, состоитъ смотрителемъ и членомъ совѣта Куманинской богадѣльни въ Москвѣ.

1846 г. ное расположеніе къ наукамъ; и желалъ-бы поступить по оному, имѣя въ виду единственно ту цѣль, чтобы обезопасить себя на будущее время полученіемъ такой должности, которая бы соотвѣтствовала моимъ наклонностямъ: но формальнымъ образомъ приступить къ этому важному дѣлу, безъ предварительнаго объясненія съ епархіальнымъ и семинарскимъ начальствами, опасаюсь. Надлежало-бы мнѣ явиться для сего во Владиміръ лично: училищная служба не позволяетъ.

Итакъ, осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, Милостивѣйшій Отецъ и Благодѣтель, съ сыновнею довѣренностію и покорнѣйшею просьбою. Объявляя вамъ свое намѣреніе поступить въ дух. академію, испрашиваю во первыхъ вашего на сіе соизволенія и отеческаго вразумленія; во вторыхъ, осмѣливаюсь просить вашего ходатайства о мнѣ предъ Архипастыремъ.

Матушка-теща убѣдительно проситъ меня остаться при ея сиротствующемъ семействѣ, въ той увѣренности, что я могу быть полезнымъ для него; и я готовъ былъ-бы пожертвовать всѣми личными выгодами благополучію сиротъ, если бы это вполнѣ зависѣло отъ моей воли: но могу-ли я предложить имъ свои услуги, а тѣмъ болѣе обѣщать продолжительное покровительство безъ воли моего Архипастыря?— Быть можетъ, Преосвященнѣйшему угодно будетъ дать семейству вмѣсто меня другаго приставника; ибо изъ 4-хъ дочерей моей тещи одна уже невѣста: между тѣмъ я, опустивши благопріятный случай для поступленія въ Академію, послѣ принужденъ буду раскаяваться.

Посему благоволите объяснить мои обстоятельства Его Высокопреосвященству. Воля Архипастыря во всякомъ случаѣ будетъ для меня священна.

Ваше Высокопреподобіе! Я не смѣю ожидать той милости, чтобы вы удостоили меня письменнаго отвѣта; по крайней мѣрѣ, не благоволено-ли будетъ объявить мнѣ вашъ отеческій совѣтъ и волю Архипастыря чрезъ Матвѣя Ивановича Соколова, г. секретаря семинарскаго правленія, котораго я просилъ въ этомъ случаѣ извѣстить меня о томъ, что вы изволите ему сообщить".

Во вторыхъ, М. И. Соколову:

„Не смѣлъ-бы я безпокоить васъ просьбою, если-бы не увѣренъ былъ въ вашей ко мнѣ благосклонности.

Послѣ долговременнаго колебанія и раздумья, я рѣшаюсь, наконецъ, по вашему совѣту, вступить на поприще академическаго образованія. Впрочемъ, безъ предварительнаго объясненія съ епархіальнымъ и семинарскимъ начальствами, формальнымъ образомъ приступить къ этому важному дѣлу не осмѣливаюсь. Слѣдовало-бы мнѣ самому быть во Владимірѣ: училищная служба не позволяетъ. Какъ же въ такомъ случаѣ поступить?—Дѣлать нечего, рѣшился безпокоить письмомъ о. ректора, испрашивая у него соизволенія и отеческаго вразумленія въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ. Но, согласитесь сами, ожидать отъ о. ректора, въ какомъ бы то ни было случаѣ, письменнаго увѣдомленія было-бы съ моей стороны слишкомъ смѣло. Посему, позвольте обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ вамъ, какъ одному изъ добрыхъ моихъ совѣтниковъ и благожелателей. Благоволите принять на себя трудъ передать мнѣ то, что изволитъ сообщить вамъ о. ректоръ, ибо я просилъ его высокопреподобіе объявить мнѣ свою волю чрезъ васъ. И если предложеніе мое касательно поступленія въ академію не будетъ отвергнуто начальствомъ: въ такомъ случаѣ усерднѣйше прошу васъ снабдить меня должными совѣтами для приведенія въ исполненіе моего предпріятія (вамъ не въ первый разъ уже оказывать подобныя благодѣтельныя пособія). Прошу тогда вразумить меня, куда, какъ и къ какому сроку приготовить мнѣ прошеніе; что преимущественно долженъ я приготовить для экзамена; сверхъ того, крайне одолжили бы меня, если-бы потрудились выслать мнѣ копію съ аттестата, какой имѣетъ быть выданъ правленіемъ настоящему поколѣнію студентовъ: при ней было-бы виднѣе, чего потребуютъ отъ меня на экзаменѣ. 1846 г.

Вашего высокоблагородія милостиваго государя покорнѣйшій слуга М. д. у. училища учитель священникъ Іоаннъ Тихомировъ“.

Въ отвѣтъ на это добрый и почтенный Матвѣй Ивановичъ писалъ мнѣ отъ 29-го того же мая:

„Отче Іоанне“!

Богъ васъ благословитъ! Отъ всей души желаю вамъ достигнуть добраго вашего намѣренія. Поздненько вы взя-

1846 г. лись за это дѣло; но авось-либо не помѣшаетъ позднее время, лишь бы было усердіе ваше и другихъ къ доброму дѣлу. Пишите съ первою же почтой прошеніе въ семинарское правленіе о дозволеніи вамъ явиться на испытаніе въ Моск. академію; при семъ просите не увольнять васъ совершенно отъ учительской должности до времени совершеннаго пріема васъ въ академію; по той-же почтѣ пошлите прошеніе къ Преосвященному съ тѣми-же видами и цѣлями. Владыка далъ уже словесно соизволеніе на ваше намѣреніе, — остается дѣло повести по формѣ. Вслѣдствіе вашего прошенія мы представимъ академическому правленію и будемъ просить позволенія явиться вамъ къ пріемному испытанію; въ представленіи скажемъ, что ни со стороны семинарскаго, ни епархіальнаго начальствъ нѣтъ препятствій къ вашему увольненію, въ случаѣ вашего принятія въ академію. При прошеніи въ семинарское правленіе вы должны приложить свидѣтельство врача о состояніи вашего здоровья, что оно-де не препятствуетъ извѣстной цѣли,— равно аттестатъ вашъ. Касательно приготовленія къ пріемному экзамену, не знаю, что сказать рѣшительнаго. По моему, много страшиться вамъ не слѣдуетъ. Я надѣюсь и твердо, что вы выдержите экзаменъ, лишь бы только допустили. Совѣтовалъ бы вамъ, впрочемъ, вскорѣ послѣ отпуска пріѣхать сюда, пока я не уѣхалъ; лично я вамъ лучше могъ бы посовѣтовать, кое-что и далъ бы въ пособіе и о. инспекторъ приметъ въ васъ участіе.

Предметы, означаемые въ нашихъ аттестатахъ суть: св. Писаніе, Богословіе, Церковно-Библейская Исторія, Ученіе объ разностяхъ и обрядахъ церкви, Каноническое право, Исторія Русской церкви, Медицина, Логика и Психологія, Россійская Гражданская Исторія, Математика и физика, Риторика и поэзія, Всеобщая Исторія и языки: Латинскій Греческій, Французскій или Нѣмецкій и Еврейскій. Есть-ли у васъ кто знакомые въ академіи? Хорошо-бы попросить, чтобы васъ потребовали на экзаменъ.

Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи я приму участіе. О. ректоръ [1]), по моей просьбѣ, напишетъ къ о. ректору акаде-

---

[1]) Владимірской семинаріи архимандритъ Поликарпъ.

міи [1]), а я напишу къ одному профессору. Экзамены тамъ 1846 г.
начинаются съ 16-го августа. Вамъ, разумѣется, лучше явиться туда гораздо прежде. Тамъ дадутъ вамъ, по чему и приготовиться. Напр. о. инспекторъ академіи [2]) добрый человѣкъ и не откажетъ вамъ ни въ чемъ.

Такъ дѣлайте дѣло, и поскорѣе. Что сочтете нужнымъ, спрашивайте меня. Бумагу форменную можете прислать въ семинарское правленіе такъ, чтобы былъ и другой экземпляръ, который вы пошлете ко мнѣ,—это въ случаѣ сомнѣнія какого нибудь. Присланную въ правленіе я могу замѣнить другою".

1 іюня, согласно наставленію моего почтеннаго благожелателя М. И. Соколова, отправилъ я во Владиміръ на имя высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Парѳенія прошеніе слѣдующаго содержанія:

„По причинѣ вдовства моего и по особенной склонности къ наукамъ, я имѣю желаніе поступить для дальнѣйшаго образованія въ Московскую д. академію.

Почему Ваше Высокопреосвященство, милостивѣйшаго архипастыря и отца, нижайше прошу дозволить мнѣ явиться въ упомянутую академію на испытаніе; но до времени совершеннаго поступленія моего въ академію не благоволено ли будетъ не увольнять меня отъ настоящихъ должностей".

Въ тотъ же день и такого же почти содержанія послано было мною прошеніе и во Владимірское семинарское правленіе съ приложеніемъ а) свидѣтельства врача (М. В. Покровскаго) о состояніи моего здоровья и б) аттестата, выданнаго мнѣ 14 іюля 1840 года изъ семинарскаго правленія.

Вотъ что написано было въ этомъ аттестатѣ:

„Объявитель сего Владимірской Д. Семинаріи, ученикъ 2-го класса Богословія Иванъ Тихомировъ, Владимірской епархіи, Вязниковской округи, села Палеха, Крестовоздвиженской церкви, умершаго пономаря Михаила Сергѣева сынъ, имѣющій отъ роду 21 годъ, поступилъ въ семинарію въ 1834 году, гдѣ обучаясь:

при способностяхъ отлично хорошихъ, приле-

---

[1]) Архимандриту Евсевію (Орлинскому).

[2]) Архимадритъ Евгеній (Сахаровъ—Платоновъ).

1846 г. жаніи — весьма ревностномъ, поведеніи — отлично хорошемъ, успѣвалъ

въ наукахъ: Богословскихъ. } отлично хорошо.
Церковно-Библейской исторіи. }
Философскихъ—весьма хорошо.
Математико-физическихъ. }
Словесныхъ . . . . } отлично хорошо.
Всеобщей исторіи . . . }
По классу чтенія Свящ. Писанія }
языкахъ: Греческомъ . . . . . }
Еврейскомъ—вес. хорошо.
Французскомъ—отлично хорошо.

По окончаніи полнаго учебнаго семинарскаго курса Правленіемъ Семинаріи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, Парѳенія архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго и Кавалера, причисленъ къ первому разряду семинарскихъ воспитанниковъ, съ званіемъ студента, и онымъ же Правленіемъ уволенъ въ Епархіальное вѣдомство; во свидѣтельство чего и данъ ему, Тихомирову, сей аттестатъ изъ Правленія Владимірской семинаріи съ ниже-слѣдующимъ подписаніемъ, съ приложеніемъ печати онаго. 14-го дня 1840 года.

На подлинномъ подписано:
Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Поликарпъ.
Инспекторъ Іеромонахъ Рафаилъ.
Секретарь Коллежскій Ассессоръ Василій Романовскій.
Письмоводитель Петръ Кузьминскій".

Дошло до меня извѣстіе о возведеніи въ санъ архимандрита инспектора Владимірской семинаріи, іеромонаха Евѳимія. Такъ какъ я пользовался его вниманіемъ и расположеніемъ, когда былъ на должности смотрителя семинарской больницы и какъ онъ былъ одинъ изъ первыхъ моихъ совѣтниковъ касательно поступленія моего въ академію, то я долгомъ почелъ письменно поздравить его съ возведеніемъ въ высшій санъ. И вотъ что писалъ я ему отъ 15 іюня:

„Высокопреподобнѣйшій о. Архимандритъ!
Милостивѣйшій государь!

Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю привѣтствовать васъ съ Высоко-монаршею милостію. Въ мертвыхъ чертахъ сей

хартіи благоволите принять мое живое участіе въ вашей свя- 1846 г
щенной радости. Нельзя не порадоваться, слыша, что внимательное начальство и благопопечительное Правительство воздали достойную за труды честь достойнѣйшему изъ начальниковъ и благороднѣйшему изъ доброжелателей. Но въ чемъ выразить предъ вами мои чувства? Чего можетъ пожелать вамъ на этотъ разъ сердце,—сердце, которое исполнено глубокаго къ вамъ уваженія и столь же глубокой благодарности? Оно желаетъ, чтобы навсегда продолжилось къ вамъ благосклонное вниманіе добраго архипастыря;—желаетъ, и гораздо болѣе, чтобы знаки Монаршаго благоволенія были для васъ залогомъ новыхъ благословеній Царя небеснаго,—чтобы внѣшнія благолѣпныя украшенія служили выраженіемъ внутреннихъ, совершеннѣйшихъ красотъ вашей благородной души.

Сей вѣнецъ отъ камене честна, возложенный на главу вашу, образуя терновый вѣнецъ Христа Спасителя, пусть каждый разъ, пріосѣняя ваше чело, свидѣтельствуетъ предъ лицемъ всѣхъ и каждаго о вашей пламенной ревности на многотрудномъ поприщѣ служенія истинѣ, и готовности увѣнчать, если то нужно будетъ, себя за истину вѣнцемъ отъ тернія.

Сіе священное изображеніе Распятаго, украшая ваши перси, съ тѣмъ вмѣстѣ да охраняетъ ваше сердце отъ всего, что можетъ нарушить его чистоту и непорочность.

Сіе новое знаменіе духовнаго оружія (палица) да одушевитъ васъ новымъ мужествомъ въ борьбѣ со врагами человѣческаго спасенія.

Сей, наконецъ, жезлъ, врученный вашей десницѣ, да указуетъ прямой путь къ горней отчизнѣ какъ вамъ самимъ, такъ и тѣмъ, коихъ Промыслъ вручилъ и еще имѣетъ вручить вашему бдительному надзору.

Сего-то наиболѣе желаетъ вамъ исполненное глубокаго къ вамъ уваженія и благодарности сердце! Но съ сими искренними, сердечными благопожеланіями да соединятся теплыя мольбы къ Царю царей, да подастъ Онъ добротѣ вашей силу и да ниспослетъ на васъ при благоденствіи и долгоденствіе, къ утѣшенію вашихъ присныхъ и счастію подчиненныхъ и покровительствуемыхъ вами".

17 іюня получилъ я изъ Владиміра отъ секретаря семинарскаго правленія, М. И. Соколова, въ отвѣтъ на мое письмо отъ 1 числа, посланіе слѣдующаго содержанія:

1846 г.

„Здравствуйте, батюшка,

Иванъ Михайловичъ!

Вы просили увѣдомить васъ, какъ ваше дѣло пойдетъ въ ходъ. Виноватъ, тогда не успѣлъ, да признаться и не считалъ нужнымъ. Теперь другое дѣло. Помнится, въ понедѣльникъ (3 іюня) мы получили вашу просьбу съ приложеніями, а въ среду (5 іюня) представили академическому правленію. Въ подкрѣпленіе представленія я упросилъ о. ректора написать письмо къ о. инспектору академіи; онъ это сдѣлалъ по той же почтѣ. И вотъ вслѣдствіе сего и онаго вчера (14 іюня) мы получили предписаніе изъ академическаго правленія съ разрѣшеніемъ явиться вамъ туда на испытаніе. Господь васъ благословитъ, и да увѣнчаетъ ваше доброе намѣреніе вожделѣннымъ успѣхомъ! По положенію, вы должны явиться туда къ 5 августа; до тѣхъ поръ можете готовиться дома, сколько успѣете. Со мной видѣться, пожалуй, вамъ и не нужно. Не худо бы было, если бы вы къ 1 августа явились въ академію, тамъ прекрасно можетъ руководить васъ Яковъ Ильичъ Владыкинъ. Онъ библіотекарь семинаріи, и, слѣдовательно, можетъ сообщить вамъ всякую нужную книгу, можетъ достать даже и нужныя тетрадки. Много, впрочемъ, безпокоиться объ экзаменѣ не слѣдуетъ; я увѣренъ, что васъ примутъ въ академію. Когда вы явитесь туда, не мѣшаетъ, даже должно предстать предъ ихъ высокопреподобія—о. ректора и инспектора и попросить ихъ неоставленія. Думаю, что о. инспекторъ приметъ васъ благосклонно. По пріѣздѣ познакомьтесь со студентами академіи, которые останутся тутъ на вакацію. Они могутъ разсказать вамъ, какъ у нихъ производятся экзамены;—и это дѣло важное, тѣмъ болѣе, что вы видали экзамены нашего о. ректора; но это далеко не экзаменъ. О тѣхъ предметахъ, которые не означены въ вашемъ аттестатѣ, а показываются въ настоящихъ, не слѣдуетъ безпокоиться, — во первыхъ, это пустошь, совсѣмъ не капитальное, во вторыхъ, я не думаю, что бы васъ стали спрашивать о томъ, чего не означено въ вашемъ аттестатѣ.

При пріемѣ въ академію смотрятъ не столько на количество познаній, сколько на ихъ качество и способности

студента. При способностяхъ всему можно научиться въ 1846 г
продолженіи 4-хъ лѣтъ.

Если, впрочемъ, сочтете нужнымъ, прикажите вашему шурину достать и привесть вамъ изъ Владиміра на вакацію нужныхъ тетрадокъ. До 1-го августа времени еще будетъ довольно. Хотѣлъ было я вчера форменнымъ образомъ обдѣлать ваше дѣло, то есть составить журналъ, чтобы нынѣ послать предписаніе вашему начальству; но не имѣлъ довольно времени получше все обдумать, тѣмъ болѣе, что этимъ же предписаніемъ требуется 4 воспитанника семинаріи кромѣ васъ; значитъ тутъ довольно распоряженій должно быть. Если мы въ этомъ мѣсяцѣ не пришлемъ предписаніе къ училищному начальству, значитъ пришлемъ его уже предъ вакаціей по выборѣ 4-хъ воспитанниковъ для академіи. Вы теперь знаете о вашемъ дѣлѣ, и, слѣдовательно, намъ нѣтъ нужды торопиться. Иначе эта бумага у насъ два раза должна проходить журналомъ — лишніе хлопоты. При представленіи мы приложили вашъ подлинный аттестатъ (что вы его испугались?) и свидѣтельство врача о вашемъ здоровьѣ.

Съ нашими документами теперь вы должны отправиться, будетъ сказано въ предписаніи училищному начальству. И объ епархіальной вашей службѣ мы тоже позаботимся. Вы писали, что послали ко Владыкѣ прошеніе; но онъ до сихъ поръ и не поминаетъ объ немъ,—получилъ ли? Впрочемъ это вздоръ,—одна политика.

Наши дѣла утверждаетъ онъ-же, а мы не опускаемъ изъ вида вашего священства. Если онъ не пріѣдетъ къ вамъ до 1-го августа, не слѣдуетъ дожидаться его благословенія,—помолитесь Богу, да и маршъ! Они, тоже молодцы, что забыли о всѣхъ вашихъ прошеніяхъ и письмахъ, если бы я не командовалъ. Да, любезнѣйшій, вѣрно не очень много на свѣтѣ людей, которые бы не пеклись паче всего о своихъ си, не яко о нищихъ и проч. Богъ съ ними! Наше другое дѣло, — мы односудебники, и потому лучше можемъ и сочувствовать другъ другу—similis и проч.

Ну, кажется, все навалялъ? Желаю добраго здоровья и успѣха въ предпріятіи.

Покорный слуга М. Соколовъ.

Если вы знакомы сколько нибудь съ Ѳедоромъ Яковле-

1846 г. вичемъ Яковлевымъ, шт. смотрит. Муромск. училищъ, поклонитесь ему отъ меня низко, и попросите извиненія, что я до сихъ поръ не сберусь написать къ нему что-нибудь. Особеннаго нѣтъ ничего, а дѣлъ куча и слѣд. все некогда. Охъ, это некогда!!“

22-го іюня получено было мною утѣшительное письмо отъ добраго моего друга, Абакумовскаго священника М. Д. Граменицкаго.

Вотъ что писалъ онъ мнѣ отъ 30-го мая:

„Пришедши во Владиміръ ко срѣтенію Божія Матери, отъ Андрея Григорьича и отъ другихъ услышалъ я роковую вѣсть о вашемъ несчастіи. Вашъ ангелъ-супруга васъ оставила, — ваше счастіе, которымъ вы дорожили всего болѣе, миновалось; — вашъ другъ и душевный совѣтникъ улетѣлъ отъ васъ. Великое горе! Участвую съ вами въ ономъ, плачу о вашемъ положеніи, вы теперь сиры, одиноки, безутѣшны. Чѣмъ могу помочь вамъ въ такихъ обстоятельствахъ? Чѣмъ облегчить и разсѣять скорбь вашу?.... Одно, другъ мой, утѣшеніе для христіанина, хотя очень извѣстное, но я все таки съ своей стороны напомню его вамъ, утѣшеніе Апостола не скорбѣть о умершихъ.

Не ослабѣвайте упованіемъ и вѣрою въ воскресшаго Христа. Онъ чрезъ вѣру удостоитъ жизни вѣчной и вашу добрую подругу,—вѣруйте твердо, непоколебимо,—пробѣжитъ яко тѣнь время жизни настоящей,—въ будущей ваше обрученіе будетъ не разрушимо, ваши души будутъ пламенѣть чистѣйшею другъ къ другу любовію. А паче всего берегитесь пагубнаго отчаянія. Что дѣлать?— *Тако Господеви изволися*! Можетъ быть, всевидящее око Провидѣнія усмотрѣло особенную доброту души въ вашей подругѣ и восхитило отъ суетъ мірскихъ, да незлоба измѣнитъ разумъ ея или лесть прельститъ душу ея, можетъ быть Провидѣнію угодно искусить ваше доброе сердце и пережечь его огнемъ скорби, чтобы оно, какъ злато вынутое изъ горнила, было чище—свѣтлѣе. И какъ бы то ни было, съ какою-бы цѣлію Провидѣніе ни послало на васъ наказаніе это; вы должны помнить, что тако Господеви изволися и старайтесь переносить его. Вѣрю, тяжелъ крестъ, возложенный на васъ, но, милый, вѣрьте слову съ неба: *сила Божія въ немощи совершается*. Конечно, съ благою цѣлію Провидѣніе отняло

у васъ сердечнаго друга. Теперь вы, какъ служитель ал- 1846 г
таря, отрѣшившійся отъ брачнаго союза, можете служить и угождать Господеви. Только да дастъ вамъ Всемогущій Господь силу и крѣпость къ попранію враговъ христіанства!.. Благодать Божія да подкрѣпитъ васъ на огненномъ поприщѣ искушенія!

Пріятнѣйшее письмо ваше получено мною въ прошедшемъ мартѣ, очень благодаренъ вамъ за откровенно-подробное всего описаніе. Вы жалуетесь на слабость своего здоровья и болѣзненные припадки, теперь должны со всевозможнымъ тщаніемъ стараться о спокойствіи духа, не терзаться скорбію и печалію, иначе эти болѣзненные припадки отъ настоящей скорби вашего сердца получатъ ощутительную силу и усилившись сдѣлаютъ и васъ жертвою преждевременной смерти. Утѣшьтесь, другъ, и не скорбите много, прошу и молю васъ о семъ, какъ другъ сердечно васъ любящій.

Конечно, всѣ ваши мысли и чувства теперь постоянно заняты однимъ — скорбію о потерѣ доброй подруги, конечно, представленіе и памятованіе объ ней постоянно занимаетъ всю вашу душу и есть для васъ всего священнѣе,—не сердитесь, милый, на меня, если я отвлеку васъ на минуту отъ сихъ священныхъ думъ объ отлетѣвшей отъ васъ подругѣ, и скажу вамъ кое-что о себѣ; можетъ быть, въ эту минуту сердце ваше, оторвавшись отъ печали успокоится мгновенно.

Начиная съ новаго года и доселѣ какія-то мрачныя думы бродятъ въ моей головѣ, какое-то непріятное предчувствіе томитъ мою душу, не знаю, какая этому причина; особенно это предчувствіе питается носящимися слухами объ уничтоженіи штатовъ, помилуй Господи, выведутъ куда на опальный приходъ къ Юрьеву, что тогда дѣлать; а у насъ въ селѣ кому-нибудь придется брать посохъ и изыти съ миромъ. Избави, Господи, очень не захочется оставить воздвигнутаго мною чрезъ потъ и кровь, строенія. Святую четыредесятницу и великую Пасху проводилъ по прежнему, Послѣ Пасхи возложили на меня должность депутата.

Очень пріятно узнать ваше сердце въ настоящихъ обстоятельствахъ,—а поэтому и прошу васъ открыть мнѣ его какъ искреннему другу; что вы о себѣ думаете? Какъ переносите отраву сердца? Да какія были причины смерти и

1846 г. самыя обстоятельства погребенія милой подруги вашей,— вамъ тяжело однимъ пить эту горечь, увѣдомьте меня и я изъ состраданія къ вамъ помогу вамъ нѣсколько капель проглотить изъ чаши вашей печали. Да утѣшитъ же васъ Господь Богъ!

Пишете, что изъ трехъ путей предлежавшихъ вамъ,— теперь остались только два, и вы требуете въ этомъ важномъ дѣлѣ моего совѣта. Могу-ли, милый другъ, здраво присовѣтовать вамъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ? На сіе могутъ давать совѣты только тѣ, кои собственнымъ опытомъ прошли огнь и воду житейскихъ искушеній. А, кажется, лучшій въ сихъ дѣлахъ совѣтникъ собственное чувство. Я увѣренъ, что вы и среди Содома мірскаго, какъ истинный Лотъ, сохраните свою честность и скромность, побѣдите соблазны и искушенія. Но чего это будетъ стоить? Тамъ, гдѣ для другихъ цвѣтутъ радости, вы будете пить ядъ страданія,—что веселитъ другихъ, то сокрушитъ печалію ваше сердце, какъ это уже вы и теперь чувствуете. Вы рѣшились облечься во вся оружія Божія,—препоясать чресла истиною, облечься въ броню праведности, обуть нозѣ въ твердость Евангелія мира, воспринять щитъ вѣры, надѣть шлемъ спасенія, вооружиться мечемъ духовнымъ,— избрать себѣ родную по сердцу—Св. Библію. Чтобы удобнѣе дѣйствовать облеченному въ сіи Божія оружія, думаю, надобно бѣжать изъ прелюбодѣйнаго и грѣшнаго Содома мірскаго въ спасительный Сигоръ монашества. Тамъ вы, какъ истинный воинъ Христовъ, менѣе можете встрѣтить камней претыканія, — въ священной оградѣ монастырской жизни, думаю, духъ вашъ болѣе найдетъ для себя пищи и утѣшенія.

Объ академіи жалѣть я не совѣтую, — и не бывши въ академіи, можно вамъ достигнуть желаемой цѣли: настоящія знанія ваши и тихо скромная жизнь прямо приведутъ внимательное начальство къ возложенію на васъ приличной должности: свѣтильнику стоять подъ спудомъ, и изливать благотворный свѣтъ для мрачныхъ ущелій,—не попустятъ. Говорите, что вы погрузились въ такую мрачную бездну, куда не проникнетъ ни одного луча земной отрады.

Позвольте, другъ, сдѣлать вамъ искреннее на сей разъ,— хотя сто разъ вамъ извѣстное нравоученіе, — не падайте

духомъ, не слишкомъ высоко цѣните земныя удовольствія; 1846 г.
не столько сожалѣйте объ утратѣ радостей земныхъ, сколько радуйтесь о приближеніи къ утѣхамъ небеснымъ: по колику будете умирать для радостей чувственныхъ; по толику будете оживляться ощущеніемъ радостей духовныхъ. Только примите рѣшительное намѣреніе утвердиться на камени вѣры и терпѣнія: ваше положеніе озарится свѣтлѣйшими лучами отрадъ будущихъ; за лишеніе мгновеннаго земнаго воодушевитесь надеждою вкусить вѣчное небесное. Да утвердитъ и укрѣпитъ васъ въ семъ Господь Богъ!

Говорите, что многіе хвалятся вамъ своимъ расположеніемъ и вѣрностію,—берегитесь, милый другъ, скоро ввѣряться другимъ, — по Сираху изъ тысячи друзей надобно избирать одного совѣтника, а такого совѣтника, какого вы лишились, уже въ сей жизни вамъ не найти. Признаюсь вамъ, по своей простотѣ я много вреда потерпѣлъ отъ друзей — ласкателей, и они мнѣ теперь кажутся чѣмъ-то не похожимъ на человѣчество.....

Занятіе мое, кромѣ должности приходской, которая рѣдкій день даетъ мнѣ свободу пробыть дома, и кромѣ занятія домашними хлопотами, состоитъ въ чтеніи книги *Камень вѣры* Стефана Яворскаго. Книга чудная. Читаю и Библію, которую успѣлъ сдѣлать своею собственностію; потомъ читалъ Регламентъ духовный; по воскреснымъ днямъ Великаго поста читалъ въ церкви бесѣды на Евангельскія блаженства протоіерея Нордова.

Прошу васъ всепокорнѣйше принять на себя трудъ — отслужить чудотворцамъ Муромскимъ о моемъ здравіи молебенъ.

28-го мая получилъ я письмо изъ Никологорскаго погоста, въ которомъ просятъ меня туда къ празднику—къ десятой пятницѣ,—оттолѣ предлагаютъ въ Муромъ—помолиться къ 25 іюня,—желалъ-бы сего,—но должность и домашнія занятія не дадутъ о семъ и подумать".

23-го іюня писалъ мнѣ одинъ изъ добрыхъ моихъ товарищей по семинаріи, священникъ села Нармоча, Меленковскаго уѣзда, Иванъ Гр. Валединскій, который не задолго предъ тѣмъ былъ у меня въ домѣ:

„Сей письмоподатель нашего села діаконъ,—а потому въ цѣлости безъ всякаго сомнѣнія можетъ доставить мнѣ ту

1846 г. книгу, которую вы мнѣ обѣщали доставить для чтенія. Благодарю, отъ сердца благодарю, любезнѣйшій Иванъ Михайловичъ, за то радушное гостепріимство, которое я видѣлъ въ домѣ вашемъ,—за то неизмѣнное дружество, которое и донынѣ питаете ко мнѣ. Да будетъ и для меня священна память объ тебѣ, другъ незабвенный жизни семинарской,—священна память и о супругѣ вашей,—почившей Аннѣ Васильевнѣ".

2-го числа іюля писалъ мнѣ изъ Переяславля Залѣсскаго настоятель Никитскаго монастыря, архимандритъ Нифонтъ, бывшій смотритель Муромскаго уѣзднаго училища:

„Ваше благословеніе,
а будущее высокопреподобіе!
батюшко отецъ Иванъ Михайловичъ!

Я окаянный Нифонтъ, навѣрно еще незабвенный тобою, 26-го и 27-го числа истекшаго іюня былъ въ Лаврѣ пѣшеходя и отцемъ ректоромъ и инспекторомъ былъ отечески принятъ и получилъ отъ обоихъ по подарку. О. инспекторъ казалъ мнѣ письма о. ректора Поликарпа, коимъ проситъ онъ академическое правленіе принять тебя въ академію для образованія дальнѣйшаго,—и къ великому моему удовольствію, сколько могъ добраго знать и зналъ, все высказалъ ему объ тебѣ—и онъ радъ, что такого ученика имъ Господь посылаетъ. Бумагу о вызовѣ тебя на экзаменъ къ Владимірскому отцу ректору уже, — какъ сказалъ о. инспекторъ, послали. Дай, Господи, тебѣ преуспѣяніе и сугубое изліяніе благодати Господней"!

9-го числа писалъ я къ своему бывшему наставнику и покровителю, преподавателю Виѳанской семинаріи, Я. И. Владыкину:

„Въ томъ предположеніи, что вы сколько-нибудь еще помните имя ученика Тихомирова, котораго нѣкогда удостоивали особеннаго вниманія, осмѣливаюсь прежде нежели буду имѣть счастіе видѣть васъ лично, предувѣдомить васъ письменно о моемъ положеніи и предварительно попросить вашего покровительства и участія въ устроеніи новаго моего жребія. Тѣмъ болѣе осмѣливаюсь безпокоить васъ этою просьбою, что я очень хорошо помню ваше предложеніе, сдѣланное мнѣ касательно академіи, когда Вы изволили

отправляться въ послѣдній разъ изъ Владиміра. Не желая, 1846 г.
или лучше сказать, не умѣя воспользоваться этимъ благосклоннымъ предложеніемъ въ свое время, я поставленъ въ необходимость послѣдовать вашему благому совѣту теперь, быть можетъ, и не совсѣмъ уже благовременно. Что это значитъ, позвольте вамъ объяснить.

По окончаніи семинарскаго курса въ 1840 году, полтора года потеряны мною совершенно почти даромъ. Наконецъ въ 1842-мъ году я поступилъ въ Муромскій Богородицкій соборъ во священника (со взятіемъ сироты); съ тѣмъ вмѣстѣ получилъ должность учителя сначала въ приходскомъ, а чрезъ годъ переведенъ въ уѣздное дух. училище; женою Богъ наградилъ и умною и доброю. Казалось бы чего больше желать молодому студенту: и слава Богу! я былъ крайне доволенъ своимъ состояніемъ, тѣмъ болѣе, что въ короткое время успѣлъ расположить въ свою пользу начальниковъ и гражданъ. Но благополучіе мое было слишкомъ кратковременно: прошло не болѣе трехъ лѣтъ, какъ мнимое благосостояніе мое поколебалось въ самомъ основаніи. Вседержавному Промыслу угодно было испытать меня на зарѣ счастія самымъ тяжкимъ искушеніемъ: я лишился въ апрѣлѣ минувшаго года единственнаго въ жизни друга — жены.... Что въ такомъ случаѣ прикажете дѣлать? Оставаться въ томъ же положеніи, при тѣхъ же должностяхъ? Семейныя обстоятельства не благопріятствуютъ; я живу съ тещей, у которой восемь человѣкъ дѣтей; изъ нихъ одна дочь уже невѣста; при томъ юному вдовцу проводить жизнь среди мірскихъ соблазновъ и искушеній не совсѣмъ-то безопасно. Посвятить себя прямо монашеской жизни? — Но праздная монастырская жизнь устрашаетъ меня: я привыкъ къ постоянной дѣятельности. Послѣ долговременнаго колебанія и раздумья, по совѣту благонамѣренныхъ людей и соизволенію Архипастыря, я рѣшился наконецъ вступить на поприще дальнѣйшаго академическаго образованія, разумѣется, имѣя главнымъ основаніемъ особенную склонность къ наукамъ, а прямою цѣлію то, чтобы обезопасить себя на будущее время полученіемъ такой должности, которая-бы соотвѣтствовала моимъ наклонностямъ. Конечно, и здѣсь предвидятся для меня не малыя затрудненія: но дѣло уже кончено; участь моя въ половину уже рѣшена. Семинарское

1846 г. правленіе, вслѣдствіе моей просьбы, исходатайствовало мнѣ у академическаго начальства дозволеніе явиться къ пріемному испытанію. Въ первыхъ числахъ августа я предполагаю быть въ Лаврѣ. Но какъ здѣсь я не имѣю знакомыхъ никого, кромѣ васъ: то и осмѣливаюсь заблаговременно обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ вамъ, какъ одному изъ благосклоннѣйшихъ моихъ доброжелателей и наставниковъ. Не лишите меня вашего покровительства и руководства, по крайней мѣрѣ, на первыхъ шагахъ моего новаго поприща. Всѣ ваши совѣты и внушенія въ точности будутъ исполняемы мною".

Въ отвѣтъ на это писалъ мнѣ Яковъ Ильичъ 16-го числа:

„Честнѣйшій отецъ Іоаннъ!

Пишу по крайней мѣрѣ хоть для того, чтобы сказать, что письмо ваше отъ 9-го іюля мною получено. О достоинствѣ вашего намѣренія говорить нечего; вы избрали часть самую благую и по отношенію къ вамъ и по отношенію къ роднымъ. Для родныхъ при такомъ семействѣ очень важная вещь ваше мѣсто и прикрытіе невѣсты; для васъ не меньше, если не больше, важная вещь Академія и ученый ходъ, особливо при настоящихъ обстоятельствахъ. Нѣтъ нужды, что этотъ ходъ былъ ближе и легче въ свое время, т. е. прямо по окончаніи семинарскаго курса. Вы и при мѣстѣ были не за сохой. И соборъ и училище требовали того-же ума, которымъ работали въ семинаріи и которымъ нужно работать въ академіи, а состояніе вдовства и намѣреніе поступить въ академію вѣрно заставили быть ученымъ больше, чѣмъ въ семинаріи. Потому пріемное академическое испытаніе вамъ не должно быть страшно, еще меньше имѣющая послѣдовать академическая жизнь. Разставайтесь съ своимъ Муромомъ безъ большаго сожалѣнія, слезъ и опасенія за свою будущность. Богъ поможетъ. Лавра и академія слишкомъ скучны для васъ не будутъ. Вы говорите, что любите дѣятельную жизнь; только доберитесь до академіи: за дѣломъ дѣло не станетъ,—станетъ дѣла сколько душѣ угодно, только была-бы охота; и смотря потому, какъ будете расположены и будутъ спориться дѣла, свое отдадутъ какъ должно. Въ студентахъ, кончившихъ нынѣ курсъ былъ одинъ, поступившій изъ Пермскихъ священниковъ,

человѣкъ умный и занимавшійся какъ слѣдуетъ,—кончилъ 1846 г
курсъ академіи въ первомъ разрядѣ [1]). Вѣруйте въ упованіе паче упованія: упованіе бо не посрамитъ.

Съ совершеннымъ желаніемъ вамъ добра и желаніемъ вскорѣ свидѣться съ вами есмь"....

20-го числа писалъ я къ роднымъ въ Иваново:

„Сообщаю, или лучше сказать, возобновляю вамъ прежнюю новость касательно устроенія моего жребія. Въ послѣднемъ письмѣ, кажется, я писалъ вамъ, что съ перемѣною обстоятельствъ, быть можетъ, измѣнятся мои намѣренія. Такъ и случилось: обстоятельства перемѣнились; измѣнился и мой образъ мыслей. Что прежде удерживало меня, тоже самое теперь побудило меня рѣшиться оставить Муромъ. Да, я пишу вамъ изъ Мурома, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Въ концѣ настоящаго мѣсяца я отправляюсь въ Сергіевскую Лавру: ибо я получилъ уже дозволеніе явиться къ пріемному испытанію въ Московскую дух. академію. Какъ это произошло, я вамъ кратко объясню. Опасаясь рѣшиться на что-бы то ни было самъ собою, я писалъ къ о. ректору семинаріи письмо съ тѣмъ, что-бы онъ, объяснивъ мои обстоятельства Преосвященному, испросилъ у него архипастырскаго совѣта, какъ мнѣ лучше поступить: оставаться при настоящихъ должностяхъ, или вступись въ Академію для продолженія наукъ. Владыка изъявилъ соизволеніе на послѣднее. Послѣ сего я формальнымъ образомъ приступилъ къ дѣлу, т. е. подалъ прошеніе о дозволеніи явиться мнѣ къ экзамену въ академію,— и давно получилъ уже разрѣшеніе. Конечно нѣкоторымъ покажется страннымъ мое предпріятіе: но не я первый, не я и послѣдній дѣлаю такую выходку. Вчера былъ у меня Саратовскій священникъ (по семинаріи старше меня курсомъ), который проѣзжалъ то же въ Лавру и съ такими же видами, какъ и я, оставивъ при томъ трехлѣтняго сына на попеченіе тещи; чего, впрочемъ, не сдѣлалъ-бы я, если-бы у меня живъ былъ Миша. Но какъ бы то ни было, а дѣло мое уже кончено: хочется, или нѣтъ, а надобно уже съѣздить въ Лавру, по крайней мѣрѣ для поклоненія преп. Сергію. Да,—я не совсѣмъ еще увѣренъ въ томъ, что не-

[1]) Іеромонахъ Стефанъ Матѳеевъ, скончавшійся въ 1853 г. отъ холеры на должности инспектора Тамбовской духовной семинаріи.

1846 г. премѣнно останусь въ академіи. Быть можетъ, обстоятельства заставятъ опять возвратиться въ Муромъ,—чего нѣкоторые крайне желаютъ, — да я и самъ, правда, много жалѣть объ этомъ не буду. Въ случаѣ поступленія моего въ академію (а это будетъ не прежде сентября), вы получите изъ Мурома нѣкоторыя, оставляемыя вещи, частію для сохраненія, а частію для собственнаго вашего употребленія. Въ противномъ же случаѣ, если не будетъ никакихъ препятствій, прямо изъ Лавры пріѣду къ вамъ. Но во всякомъ случаѣ вы будете предъувѣдомлены отъ меня письменно".

Насталъ, наконецъ, печальный день моей разлуки съ роднымъ городомъ Муромомъ, гдѣ я оставлялъ залоги самыхъ лучшихъ, дорогихъ привязанностей земныхъ — бренные останки жены и единственнаго сына. 23-го числа, въ день празднованія родной для меня святыни Шуйской-Смоленской иконы Божіей Матери, я совершилъ въ послѣдній разъ въ соборѣ божественную литургію и послѣ оной молебенъ предъ мощами Муромскихъ чудотворцевъ — Петра и Февроніи. Здѣсь, предъ этою святынею, простился я съ истиннымъ доброжелателемъ моимъ, о. протоіереемъ Михаиломъ Григорьевичемъ Троепольскимъ и съ прочими членами соборнаго причта, получивъ отъ нихъ въ благословеніе образъ всѣхъ Муромскихъ чудотворцевъ, съ собственноручными на оборотѣ его подписями каждаго изъ нихъ. Образъ этотъ и до сихъ поръ хранится у меня какъ достопамятная святыня.

Послѣ обѣда я двинулся въ путь, сопровождаемый изъ города многочисленымъ родствомъ. Отъѣхавши верстъ семь отъ города, остановились. Здѣсь послѣдовало трогательное прощаніе; много пролито было слезъ съ той и другой стороны...

Сѣвши въ дорожный экипажъ, я погрузился въ глубокія думы о дальнѣйшей своей судьбѣ. 29-го числа я пріѣхалъ во Владиміръ. Преосвященнаго въ городѣ не было, онъ ѣздилъ по епархіи. Съ кѣмъ я видѣлся на этотъ разъ изъ родныхъ и знакомыхъ, не помню. На слѣдующій день, 30-го числа, отправился изъ Владиміра и къ вечеру пріѣхалъ въ г. Юрьевъ.

31-го числа, выѣхавши рано изъ Юрьева, къ вечеру пріѣхалъ я въ село Симу и здѣсь расположился ночевать.

Сима—большое и многолюдное село при р. Симкѣ; въ немъ до 1500 душъ обоего пола; принадлежало тогда Д.

ст. сов. князю Александру Борисовичу Голицыну — брату 1846 г.
извѣстной Татьяны Борисовны Потемкиной.

Въ Симѣ двѣ церкви—теплая и холодная. Послѣдняя-Богоявленія Господня; въ ней замѣчательно мѣдное литое небольшое паникадило съ шведскою надписью 1692 г. Оно пожертвовано фельдмаршаломъ княземъ М. М. Голицынымъ, которому въ 1708 г. пожаловано было село Сима Петромъ I за побѣду надъ генераломъ Левенгауптомъ подъ Лѣснымъ. Въ Богоявленской церкви былъ погребенъ князь П. И. Багратіонъ, который послѣ тяжкой раны подъ Бородинымъ жилъ у своего друга князя Б. А. Голицына и здѣсь скончался; но въ 1839 г., по волѣ Государя Императора Николая Павловича, прахъ его перенесенъ былъ на Бородинское поле.

Священникомъ (старшимъ) въ Симѣ былъ мой товарищъ П. В. Сперанскій, женатый на дочери умершаго священника Приклонскаго. Онъ былъ въ это время боленъ; я посѣтилъ его, и онъ принялъ меня съ нѣкоторымъ сознаніемъ своего достоинства, какъ бывшій въ то время уже благочиннымъ.

1-го августа я слушалъ въ Богоявленской церкви литургію и былъ въ крестномъ ходу на рѣку. Тутъ я любовался расположеннымъ на противоположномъ берегу рѣки великолѣпнымъ помѣщичьимъ домомъ съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ.

Послѣ обѣдни отправился я въ дальнѣйшій путь по направленію къ г. Переяславлю-Залѣсскому. Приближаясь къ городу, я восхищенъ былъ великолѣпнымъ видомъ озера Плещеева, при ясныхъ лучахъ заходящаго солнца. Прибывъ въ Никитскій монастырь, находящійся отъ города верстахъ въ трехъ, я принятъ былъ очень радушно о. архимандритомъ Нифонтомъ. Не долго оставался я здѣсь. Утромъ 3-го числа поспѣшилъ въ лавру, отстоящую отъ Переяславля въ 60-ти верстахъ. Верстъ за 10-ть увидѣлъ я златоглавую лаврскую колокольню, блиставшую въ яркихъ лучахъ утренняго солнца. 4-го числа, въ 10-ть часовъ утра, въѣхалъ я въ Сергіевъ посадъ и остановился въ лаврской гостинницѣ.

Тотчасъ умывшись и переодѣвшись, я поспѣшилъ въ лавру. Первое впечатлѣніе—изумленіе предъ огромностію

1846 г. лаврскихъ построекъ и сооруженій. Вошедши въ Троицкій соборъ, я повергся въ глубокомъ благоговѣніи предъ святынею мощей угодника Божія Сергія. Поклонившись за тѣмъ прочей лаврской святынѣ, я пошелъ въ академію.

Въ академическомъ саду встрѣтилъ я студента, перешедшаго на старшій курсъ, Семена Шимкевича—изъ Полоцкой семинаріи, и попросилъ его указать мнѣ дорогу къ академическому начальству. О. инспекторъ, архимандритъ Евгеній (Сахаровъ-Платоновъ), которому писалъ о мнѣ о. ректоръ Владимірской семинаріи и которому рекомендовалъ меня Переяславскій архимандритъ о. Нифонтъ, принялъ меня очень благосклонно и тотчасъ же посовѣтовалъ мнѣ отправиться къ о. ректору академіи, который въ тотъ же день возвратился откуда-то съ ревизіи. Ректоръ, архимандритъ Евсевій (Орлинскій) принялъ меня въ гостинной и пригласилъ сѣсть въ кресло, но я не могъ позволить себѣ сѣсть въ присутствіи столь высокой особы. О. ректоръ обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

—„Хорошо-ли вы обдумали свое предпріятіе вступить въ академію?

—Я и самъ объ этомъ много думалъ, и съ другими совѣтовался.

—У насъ не мало было подобныхъ примѣровъ, но не многіе оканчивали курсъ съ успѣхомъ; только нынѣ окончилъ курсъ студентъ изъ вдовыхъ священниковъ съ степенью магистра.

—Если ваше высокопреподобіе не совѣтуете мнѣ вступать въ академію, то я могу возвратиться и назадъ.

—Нѣтъ, я не къ тому это говорю, чтобъ отклонить васъ отъ вашего намѣренія, а что-бы предупредить, что на пути, на который вы намѣрены вступить, могутъ встрѣтить васъ не малыя искушенія“.

Этимъ и окончилась моя первая и послѣдняя съ о. ректоромъ бесѣда.

Отъ о. ректора пошелъ я къ эконому академіи и просилъ его указать мнѣ келью, гдѣ бы я могъ помѣститься. Экономъ, іеромонахъ Геронтій изъ студентовъ академіи XI курса (1838 г.), живаго и веселаго характера. Онъ указалъ мнѣ келью въ такъ называемомъ баккалаврскомъ корпусѣ, куда я тотчасъ же и перевезъ изъ гостинницы

свой, очень небольшой, багажъ. Въ указанной мнѣ кельѣ 1846 г.
нашелъ я окончившаго курсъ іеромонаха Стефана (Матвѣевскаго) изъ вдовыхъ священниковъ Пермской епархіи— того самаго, о которомъ упоминалъ въ бесѣдѣ со мною о. ректоръ, и перешедшаго на старшій курсъ студента— изъ Орловской семинаріи, готовившагося къ постриженію въ монашество.

На другой день обратился я къ библіотекарю академическому, профессору Александру Васильевичу Горскому съ просьбою снабдить меня учебными книгами для приготовленія къ предстоящему экзамену. Почтенный Александръ Васильевичъ весьма охотно исполнилъ мою просьбу.

5-го числа, послѣ всенощной подъ праздникъ Преображенія Господня, я былъ свидѣтелемъ умилительнаго обряда постриженія въ монашество помянутаго выше студента въ домовой митрополичей церкви. Ему наречено было имя Серапіонъ.

Къ Серапіону часто приходилъ его землякъ, вступившій вмѣстѣ со мною въ академію, А. Е. Викторовъ. Съ нимъ я тогда же познакомился, и наше знакомство, обратившееся потомъ въ дружбу, какъ увидимъ изъ послѣдующаго, продолжилось до конца его жизни († 20 іюля 1883 года).

На первыхъ же дняхъ моего пребыванія въ академіи познакомился я съ молодымъ, только лишь окончившимъ курсъ академіи, баккалавромъ, іеромонахомъ Ѳеодоромъ (Бухаревымъ), къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо отъ Переяславскаго архимандрита Нифонта. О. Ѳеодоръ, изъ Тверскихъ студентовъ, не высокаго роста, весьма худощавый собою, съ живыми способностями и съ горячимъ сердцемъ. Съ нимъ ходилъ я первый разъ въ Гефсиманскій скитъ, не задолго предъ тѣмъ основанный верстахъ въ двухъ отъ лавры.

Не замедлилъ я явиться и къ покровителю своему Я. И. Владыкину, въ Виѳанію. Онъ и жена его Ольга Ивановна приняли меня какъ близкаго родного и приглашали бывать у нихъ, какъ можно чаще.

Осмотрѣвшись нѣсколько въ академіи и лаврѣ, я написалъ въ Муромъ къ оставленному тамъ родному семейству. Въ письмѣ своемъ подробно описалъ я свое путешествіе отъ Мурома до лавры, сообщилъ о своихъ первоначальныхъ впечатлѣніяхъ въ академіи и лаврѣ и проч.

1846 г. Вотъ что было мною писано:

„По данному обѣщанію, спѣшу немедленно извѣстить васъ о своемъ положеніи; и, пользуясь свободнымъ временемъ, постараюсь описать вамъ подробно всѣ обстоятельства—отъ послѣдняго, трогательнаго прощанія съ вами въ чистомъ полѣ до настоящей минуты въ уединенной кельѣ академіи.

Отъ всего сердца благодарю васъ и всѣхъ добрыхъ моихъ родныхъ за то общее искреннее чувство, съ какимъ вы отпускали меня въ далекій и, можетъ быть, невозвратный путь. Послѣднія минуты моего съ вами пребыванія такъ живо напечатлѣлись въ сердцѣ, что я долго, долго не забуду ихъ.

Простившись съ вами около 7-ми час. вечера 28-го іюля, въ 11-ть пріѣхалъ я въ Булатниково, гдѣ оказалъ мнѣ радушное гостепріимство знакомый священникъ. Здѣсь пробылъ я не болѣе трехъ часовъ и отправился далѣе въ путь.

До Владиміра путешествіе мое совершалось обыкновеннымъ порядкомъ; только отъ непривычки-ли моей къ ѣздѣ, или отъ продолжительнаго безпокойства еще дома, здоровье мое такъ разстроилось, что я боялся далѣе продолжать путь: однакожъ, слава Богу, опасность миновалась. Во Владиміръ прибылъ я 30-го числа въ 9-ть час. утра. Во Владимірѣ я пробылъ ровно сутки; и все, что нужно было сдѣлать, сдѣлалъ; только не всѣхъ, кого хотѣлось, удалось видѣть. На другой день, выѣхавши изъ Владиміра, разсчитывалъ было непремѣнно остановиться въ Юрьевѣ, чтобы увидѣться съ Александромъ Ивановичемъ Соловьевымъ: но случилось не такъ; я долженъ былъ уступить разсчетамъ добраго моего извощика; а потому чрезъ Юрьевъ довелось проѣхать въ глухую полночь, и утромъ 1-го августа пришлось остановиться въ знаменитомъ селѣ Симѣ, гдѣ, по случаю праздника, я почелъ за долгъ быть въ церкви, и кстати посмотрѣть на гробницу славнѣйшаго героя Русскаго—Багратіона. Тутъ же случилось мнѣ неожиданно исполнить заповѣдь христіанскаго братолюбія: я посѣтилъ больнаго своего товарища—священника, который занимаетъ мѣсто, предлагаемое нѣкогда мнѣ. Къ вечеру того же дня пріѣхалъ я въ Богоспасаемый градъ Переяславль. Еще за 11-ть верстъ, при ясномъ сіяніи вечерѣющаго солнца, раскрылась

предо мною краса города—пресловутое озеро Плещеево. 1846 г
Признаюсь, не малаго труда стоило намъ, добраться по полямъ и по лугамъ до св. обители Никитской, отстоящей отъ города верстахъ въ двухъ или въ трехъ. За то добрый нашъ о. Нифонтъ—этотъ вторый Сампсонъ странно-пріимецъ, своимъ радушіемъ и привѣтливостію вознаградилъ меня за всѣ непріятности дальняго пути. Увидѣвши еще издали, онъ вышелъ встрѣтить меня къ монастырскимъ воротамъ: вотъ примѣръ истиннаго, христіанскаго гостепріимства! Напоивши съ дороги чаемъ, тотъ же часъ онъ поѣхалъ со мною въ Даниловъ монастырь, стараясь доставить мнѣ благопріятный случай видѣться съ о. ректоромъ, къ которому я привезъ изъ Владиміра пакетъ, и который на другой день утромъ хотѣлъ выѣхать изъ Переславля. Добрый старецъ принялъ меня очень ласково; одобрилъ мое предпріятіе, и разспрашивая о Муромѣ, между прочимъ сказалъ, что ему хотѣлось бы видѣть Муромъ; и, кажется, онъ памѣренъ исполнить это желаніе въ будущемъ сентябрѣ. Возвратившись отъ о. ректора довольно поздно, въ огромной залѣ о. архимандрита я провелъ ночь такъ спокойно, то-есть, спалъ такимъ крѣпкимъ сномъ, какимъ давно не наслаждался даже въ Муромѣ. На другой день первымъ дѣломъ моимъ было—отслужить молебенъ препод. Никитѣ и осмотрѣть всѣ достопамятности монастыря. Потомъ, напившись чаю, мы опять отправились въ городъ: о. архимандритъ въ правленіе [1]), а я въ Даниловъ монастырь (при которомъ находится ихъ Духовное правленіе) поклониться преп. Даніилу. Тутъ мы въ другой разъ посѣтили о. ректора, по предварительному его приглашенію. Отъ него отправились осматривать достопамятности города. Видѣли огромныя, полуразрушенныя зданія, такъ называемаго, Горицкаго собора; были въ Ѳеодоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; любовались ботикомъ Петра Великаго; катались по гладкой поверхности широкаго озера; и наконецъ часа въ 3 по полудни возвратились во свояси. О. архимандритъ усиливался было еще удержать меня на нѣсколько времени: но какъ собственные мои виды, такъ и разсчеты моего извощика требовали не тратить напрасно времени въ до-

[1]) Духовное.

1846 г. рогѣ. Итакъ, въ 6-ть часовъ вечера я оставилъ гостепріимную Никитскую обитель, что-бы на другой день не запоздать явиться въ иную, болѣе важную для меня, и священную для всякаго христіанина, обитель Троицкую. Переночевавши верстахъ въ 20-ти отъ Переяславля, на другой день (это было 3-е число) рано утромъ двинулись мы въ путь съ послѣдняго ночлега. Здѣсь оканчивается первая часть моего пятидневнаго путешествія, и начинается новая, замѣчательная, по крайней мѣрѣ, для меня.

Первымъ признакомъ того, что я нахожусь уже не далеко отъ главной цѣли моего путешествія, служили для меня толпы народа, попадавшагося на встрѣчу и сопутствовавшаго намъ: это благочестивые поклонники, стремившіеся только, или совершившіе уже благоговѣйное поклоненіе великому основателю и покровителю Свято-Троицкія лавры, преп. Сергію. Наконецъ, когда мы были уже верстъ за 10-ть не болѣе, въ первый разъ блеснули предо мной, въ лучахъ утренняго солнца, златые верхи церковныхъ лаврскихъ зданій. И это неожиданное явленіе потрясло мою душу какимъ-то неизъяснимымъ, благоговѣйнымъ трепетомъ, невольная молитва загорѣлась въ сердцѣ и на устахъ.... Въ 10-мъ часу утра въѣхали мы въ посадъ: ну, теперь слава Богу, думалъ я, путешествіе мое кончилось, можно будетъ хоть нѣсколько поуспокоиться: не тутъ-то было! Во-первыхъ, надобно было рѣшить трудную задачу: гдѣ остановиться? куда пристать, чтобъ имѣть возможность приступить къ дѣлу, какъ слѣдуетъ?—Еще въ Муромѣ рекомендовали мнѣ избрать для временнаго пристанища монастырскую гостинницу. Я такъ и сдѣлалъ: подъѣзжаю къ гостинницѣ, спрашиваю перваго встрѣчнаго, какъ и отъ кого могу я получить комнату. Меня отсылаютъ къ монаху, который завѣдываетъ этой гостинницей; вхожу на лѣстницу:— шумъ, крикъ поразилъ меня; толпы народа разнаго пола, званія и состоянія на каждомъ шагу окружали меня: едва, едва я могъ добраться до упомянутаго монаха. Смиренный инокъ немедленно указалъ мнѣ номеръ, въ которомъ я свободно могъ расположиться. Кое-какъ переодѣвшись, я тотчасъ поспѣшилъ явиться къ академическому начальству, что-бы, получивши дозволеніе помѣститься въ академіи, я могъ воспользоваться тѣми же лошадями, на коихъ пріѣ-

ѣхалъ, для перевезенія изъ гостинницы моего имущества. 1846 г.
Прихожу къ о. инспектору,—и первая неудача!... Мнѣ говорятъ, что о. инспектора дома нѣтъ; сейчасъ вышелъ-де къ о. ректору, и не прежде возвратится оттуда, какъ часа черезъ три, и что я могу явиться къ нему не ранѣе, какъ часа въ четыре по полудни. Погулявши съ полчаса съ двоими студентами по прекрасному академическому саду, съ досадою въ сердцѣ и съ сильнымъ аппетитомъ въ желудкѣ возвратился я въ свою квартиру. Закусивши не много, хотѣлъ было съ дороги отдохнуть: но сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ. Дѣлать нечего, надобно было разсчитаться съ извощикомъ и отпустить его: ему нѣтъ пользы долго медлить въ посадѣ. Въ 4-мъ часу ударили къ вечернѣ: слава Богу! теперь по крайней мѣрѣ я могу имѣть нѣкоторое развлеченіе. Отстоявши малую вечерню (это было въ субботу на воскресенье), и поклонившись преп. Сергію, я опять пошелъ къ о. инспектору. На этотъ разъ я имѣлъ уже совершенный успѣхъ, даже увидѣлъ болѣе, нежели сколько ожидалъ. О. инспекторъ принялъ меня очень благосклонно; удостоилъ даже напоить чаемъ, и потомъ, посовѣтовавши мнѣ явиться къ о. ректору, приказалъ адресоваться къ о. эконому съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ мнѣ для помѣщенія комнату. О. ректоръ принялъ меня съ важностію, свойственною его особѣ, и, сдѣлавши нѣкоторыя предостереженія въ разсужденіи предстоящаго мнѣ поприща, подтвердилъ приказаніе о. инспектора касательно моего помѣщенія. Итакъ, начало сдѣлано довольно удачно. Послѣ того я познакомился еще съ нѣкоторыми изъ студентовъ, коихъ нашелъ въ академіи. Студенты—народъ такой вѣжливый и благородный, что каждый готовъ былъ оказать мнѣ всякую услугу. Съ ними вмѣстѣ простоялъ я всенощное, которое служилъ въ академической залѣ, въ присутствіи начальства, нынѣ кончившій курсъ іеромонахъ, поступившій въ академію изъ Пермскихъ священниковъ. Послѣ всенощнаго о. экономъ указалъ мнѣ номеръ, въ которомъ я долженъ былъ расположиться до общаго распредѣленія студентовъ. Оставалось рѣшить одно недоумѣніе: какъ мнѣ переправить имущество изъ гостинницы въ новую квартиру. И тутъ помогли добрые люди: о. экономъ предложилъ мнѣ въ услуги казенную лошадь, съ помощію коей я преблагополучно

1846 г. исправилъ всѣ свои нужды. Вотъ теперь я уже и въ академіи. Первую ночь довелось проводить мнѣ въ кругу двоихъ студентовъ, изъ коихъ одинъ упомянутый іеромонахъ, а другой молодой студентъ, готовившійся къ постриженію въ монахи. Общество это тѣмъ для меня было благопріятнѣе, что я заблаговременно могъ тутъ узнать и отчасти увидѣть всѣ обычаи и порядки академическіе, коимъ должно слѣдовать всякому поступающему въ академію. Слѣдующій день я посвятилъ на осмотрѣніе лаврскихъ достопримѣчательностей. Боже мой! сколько здѣсь священнаго, любопытнаго, удивительнаго! Недостанетъ словъ, чтобы пересказать вамъ все, что успѣлъ я видѣть тогда, и потомъ въ теченіе цѣлой недѣли".

Съ 17-го августа начались въ академіи пріемные экзамены. Сначала испытывали студентовъ, присланныхъ изъ семинарій по требованію, на казеный счетъ, а за тѣмъ явившихся волонтерами. Меня спрашивали по всѣмъ предметамъ, по какимъ и моихъ молодыхъ товарищей. Устный экзаменъ Богъ помогъ мнѣ сдать довольно удовлетворительно.

По окончаніи устныхъ испытаній, 27, 28 и 31-го ч. заданы были намъ экспромпты на слѣдующія темы: 1) „Преспѣяніе человѣка въ добродѣтели какое имѣетъ вліяніе на усовершеніе его религіозныхъ познаній?"—2) „Quem usum afferat studium psychologiae homini christiano?" [1]). 3) „Какимъ образомъ законъ *бысть пѣстунъ* во Христа"?

Въ академіи нашелъ я земляковъ—Владимірцевъ, перешедшихъ на старшій курсъ: Семена Вишнякова—моего питомца по Шуйскому училищу, Димитрія Доброхотова, Матѳея Архангельскаго и Андрея Холуйскаго.

Вмѣстѣ со мною вступили въ Академію слѣдующіе воспитанники Владимірской семинаріи: Григорій Быстрицкій,

---

[1]) Мимоходомъ замѣчу здѣсь, что я, получивши образованіе въ семинаріи, при господствѣ еще въ духовныхъ заведеніяхъ латинскаго языка, могъ писать на этомъ языкѣ сочиненіе дов. свободно, между тѣмъ какъ молодые студенты, вступившіе вмѣстѣ со мною въ академію, уже не обладали такимъ знаніемъ языка. Поэтому мой новый пріятель—Виторовъ, о которомъ было упомянуто выше, написавши сочиненіе по русски, перевесть на латинскій языкъ не могъ и попросилъ меня. Я охотно оказалъ ему эту услугу.

Яковъ Беневоленскій, Василій Взоровъ и Ѳедоръ Остро- 1846 г.
умовъ. Изъ нихъ только Быстрицкій былъ мнѣ извѣстенъ потому, что его старшій братъ А. П. Быстрицкій былъ женатъ на моей троюродной сестрѣ и былъ священникомъ при Покровской церкви села Дунилова.

3-го сентября былъ совершенъ въ лаврскомъ Троицкомъ соборѣ академическимъ братствомъ торжественный молебенъ предъ начатіемъ ученія. Велѣно было и мнѣ облачиться на этотъ молебенъ, изъ чего я заключилъ, что я принятъ въ академію.

Съ 4-го числа начались уже лекціи и тогда же дана была для мѣсячнаго сочиненія слѣдующая тема: „De objectivo valore et dignitate sensualium repraesentationum in ambitu phylosophiae“, т. е. „о предметномъ значеніи и достоинствѣ чувственныхъ представленій въ области философіи“.

Какой отзывъ сдѣланъ былъ о моемъ сочиненіи, писанномъ на эту тему, мнѣ не извѣстно.

Сообщу здѣсь предварительныя свѣдѣнія о преподавателяхъ и предметахъ академическаго преподаванія.

1. Преподавателемъ метафизики съ исторіею древней философіи и нѣмецкаго языка былъ ординарный профессоръ протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій († 22-го авг. 1854 г.) [1]).

2. Преподавателемъ опытной психологіи и нравственной филисофіи былъ баккалавръ Димитрій Григорьевичъ Левицкій († 1856 года).

3. Преподавателемъ по классу логики и исторіи философіи средней и новой баккалавръ Ипполитъ Михайловичъ Богословскій-Платоновъ († 1870 г.). О немъ см. письмо м. Филарета къ намѣстнику лавры о. Антонію отъ 18-го окт. 1857 г., № 1181.

4. Преподаватель общей словесности экстраординарный профессоръ Егоръ Васил. Амфитеатровъ († 1888 г.).

5. Преподаватель всеобщей гражданской исторіи—баккалавръ Петръ Симон. Казанскій († 1878 г.).

---

[1]) Свѣдѣнія о Ѳ. А. Голубинскомъ заключаются въ его біографическомъ очеркѣ, составл. *С. К. Смирновымъ*, М. 1855 и., и въ „Воспоминаніяхъ графа *М. В. Толстаго*“, въ *Душепол. чтеніи* 1866 г., ч. II, стр. 19—31 и 45—52, въ *Русск. Арх.* 1880 г. ч. III, стр. 405—430, и др.

1846 г. 6. Преподаватель русской гражданской исторіи и греческаго языка—баккалавръ Сергій Константин. Смирновъ († 1889 г.) [1]).

7. Преподаватели свящ. Писанія: а) В. Завѣта—баккалавръ іеромонахъ Ѳеодоръ Бухаревъ († 1871 г.) и б) Н. Завѣта—инспекторъ архимандритъ Евгеній Сахаровъ-Платоновъ († 1888 г.).

8. Преподаватель математики и французскаго языка—ординарный профессоръ, протоіерей Петръ Спиридоновичъ Делицынъ († 30-го ноября 1863 г.).

9. Преподаватель геометріи и физики—баккалавръ Платонъ Ивановичъ Капустинъ († 1890 г.).

Водворившись въ академіи на правахъ казеннокоштнаго воспитанника, я поспѣшилъ написать о себѣ роднымъ въ Иваново.

Вотъ что писалъ я имъ отъ 6-го сентября:

„Болѣе уже мѣсяца, какъ оставилъ я Муромъ и живу въ академіи. Но до 3-го числа сего мѣсяца состояніе мое было еще неопредѣленно; я былъ ни студентъ, ни учитель, и почти уже не священникъ, потому что въ цѣлый мѣсяцъ не довелось мнѣ совершить ни одной службы. Только 3-го сентября въ первый разъ приказано было мнѣ облачиться на молебнѣ, который обыкновенно совершается предъ начатіемъ ученія: это было для меня удостовѣреніемъ въ томъ, что я принятъ въ число дѣйствительныхъ студентовъ.

Съ этого-то времени начинается новый періодъ моей жизни. Послѣ званія учителя, я снова принялъ титло ученика: хожу въ классъ, слушаю ученыя лекціи знаменитыхъ профессоровъ и умныхъ баккалавровъ, и начинаю исполнять прочія обязанности студента. Конечно, для васъ кажется страннымъ теперешнее мое положеніе; правда, мнѣ и самому сначала казалось дико быть въ кругу рѣзвыхъ юношей—студентовъ: но потомъ мало по малу началъ и я привыкать къ этому новому обществу, и товарищи мои

---

[1]) Свѣдѣнія о С. К. Смирновѣ и его трудахъ можно находить въ составленномъ проф. *И. Н. Корсунскимъ* очеркѣ: „Протоіерей С. К. Смирновъ, бывшій ректоръ Московской дух. академіи". Москва, 1889. Очеркъ этотъ помѣщенъ былъ предварительно въ *Прибавленіяхъ къ Твор. св. Отцевъ* за 1889 годъ.

смотрятъ уже на меня безъ малѣйшаго предубѣжденія, 1846 г
напротивъ, съ нѣкоторымъ даже уваженіемъ. Общество, въ которомъ я постоянно живу, состоитъ изъ іеродіакона-студента и окончившаго курсъ іеромонаха, поступившаго въ академію изъ священниковъ, по такимъ же обстоятельствамъ, какъ и я. Жизнь наша втроемъ течетъ очень мирно и спокойно.

Не подумайте, что съ перемѣною образа жизни измѣнятся мои отношенія къ вамъ. Напротивъ, теперь я буду къ вамъ еще ближе. Въ продолженіе четырехлѣтней академической жизни вы опять будете для меня тѣмъ же, чѣмъ были въ теченіе жизни семинарской. Конечно, это значитъ, что на четыре года я долженъ быть у васъ опять въ долгу. Что же дѣлать?—Такъ Богу угодно. При добромъ здоровьѣ и счастливыхъ успѣхахъ, это время пройдетъ незамѣтно; и тогда—то я приступлю къ уплатѣ всѣхъ своихъ долговъ.

При отъѣздѣ изъ Мурома, просилъ я матушку-тещу переслать къ вамъ нѣкоторыя вещи, изъ коихъ однѣ, годныя для употребленія, пусть поступятъ въ вашу пользу, а другія поберегите до времени. Могъ-бы я подѣлиться съ вами побольше, если-бы вы были поближе: но по причинѣ неудобства къ пересылкѣ, нѣкоторыя вещи я долженъ былъ оставить въ Муромѣ, другія продать, а иныя, правда, взялъ съ собою; и онѣ крайне пригодились мнѣ здѣсь.— Когда получите упомянутыя вещи, прошу извѣстить меня".

Вслѣдъ за тѣмъ, 8-го числа, писалъ я во Владиміръ о. ректору семинаріи, архимандриту Поликарпу:

„Вотъ по милости Божіей и по вашему содѣйствію, я получилъ то, чего желалъ, достигъ того, къ чему стремился. Съ 3-го числа сего мѣсяца я состою уже въ числѣ дѣйствительныхъ студентовъ академіи. Что теперь осталось мнѣ дѣлать?—Принести сыновнюю благодарность вамъ и съ помощію Божіею приняться за прежніе школьные труды.

Такъ, участь моя устроена, и кажется, довольно прочно: я теперь могу быть спокоенъ: но что будетъ съ оставленнымъ мною семействомъ? Каково будетъ теперь его положеніе? — Столь много облагодѣтельствованный вами, еще разъ осмѣливаюсь обратиться къ вашему высокопреподобію съ покорнѣйшею просьбою; осмѣливаюсь просить васъ не о себѣ, но объ оставленномъ мною сиротствующемъ семей-

1846 г. ствѣ. Благоволите принять хотя какое либо участіе въ устроеніи его судьбы, тѣмъ болѣе, что теперь преимущественно отъ васъ можетъ зависѣть или прежнее или бѣдственное состояніе онаго. Я увѣренъ, что если преемникъ мой получитъ священническую только должность при безприходномъ соборѣ, сиротствующему семейству нельзя будетъ ожидать отъ него почти никакой помощи. А въ такомъ случаѣ я опасаюсь, какъ бы мнѣ не пришлось отвѣчать предъ судомъ Божіимъ и человѣческимъ за то, что я, заботясь о собственныхъ выгодахъ, оставилъ сиротъ тогда, какъ имѣлъ возможность оказывать имъ достаточно пособія. Послѣ сего понятно, какой помощи можетъ ожидать оставленное мною семейство отъ васъ, и что можете сдѣлать въ его пользу вы.

Ваше высокопреподобіе, милостивый отецъ и благодѣтель! Я чувствую, что, обращаясь къ вамъ съ такою просьбою, принимаю на себя слишкомъ великую смѣлость; но къ этому побуждаетъ меня, съ одной стороны, естественное чувство состраданія къ роднымъ, съ другой—твердая, на многихъ опытахъ основанная, увѣренность въ вашей отеческой благосклонности ко мнѣ".

На слѣдующій день, 9-го числа, писалъ я во Владиміръ же секретарю семинарскаго правленія М. И. Соколову:

„Не напрасны были ваши хлопоты; не осталось тщетнымъ ваше дѣятельное участіе въ устроеніи моей судьбы: съ 3-го числа настоящаго мѣсяца я уже числюсь дѣйствительнымъ студентомъ академіи. Правду сказать, не безъ труда досталось мнѣ это студенчество: экзаменъ былъ довольно строгій и продолжительный отъ 17-го августа и до 2-го сентября; спрашивали по всѣмъ почти предметамъ. Впрочемъ, устный экзаменъ я сдалъ очень порядочно; и въ этомъ случаѣ много мнѣ помогъ ранній мой пріѣздъ въ академію (я пріѣхалъ, по вашему совѣту, 3-го августа). Что касается до сочиненій, коихъ намъ дано было три — о достоинствѣ ихъ ровно ничего не знаю; но вѣроятно, не совсѣмъ дурны. Знаю только то, что сочиненія волонтеровъ читалъ самъ о. ректоръ.

Съ 4-го числа начались у насъ обыкновенные классы. Хожу въ классъ, съ удовольствіемъ слушаю чтенія профессоровъ и баккалавровъ; начинаю уже подумывать о дан-

номъ философскомъ предложеніи. Не знаю, что будетъ далѣе, а теперь академическая жизнь пока еще не наскучила. Признаюсь, сначала было странно видѣть себя въ кругу молодыхъ свѣтскихъ юношей: но потомъ мало по малу началъ привыкать и къ этому новому обществу, и студенты уже смотрятъ на меня безъ всякаго предубѣжденія, съ нѣкоторымъ даже уваженіемъ. Въ товарищи мнѣ пріѣхалъ было съ Кавказа іеромонахъ [1])—учитель Ставропольскаго уѣзднаго училища: но онъ, по разрѣшенію графа, поступаетъ прямо въ высшее отдѣленіе. На основаніи этого опыта, думаю, можно было-бы и мнѣ такъ же сдѣлать: но я не знаю, много-ли чрезъ это можно было-бы выиграть — два года, не болѣе". 1846 г.

Увѣдомлялъ я объ оставленіи и принятіи меня въ академію достопочтеннаго благожелателя моего, настоятеля Муромскаго Богородицкаго собора, о. протоіерея М. Гр. Троепольскаго; и вотъ что получилъ отъ него въ отвѣтъ отъ 10-го числа того-же сентября:

„Любезнѣйшій собратъ мой,
Иванъ Михайловичъ!

Не съ правилами политики, а съ сердечными чувствами отвѣтствую вамъ на усердное письмо ваше ко мнѣ, полученное сего сентября 10-го въ 9 час. утра. По оному, я имѣлъ скорый случай (предъ крестнымъ ходомъ) братіи собора и всѣмъ любящимъ васъ возвѣстить о новомъ вашемъ званіи, и всѣ, слыша, поблагодарили, порадовались, пожелали вамъ счастливыхъ успѣховъ. Спѣшу переслать вамъ надлежащій доходъ по 10-е сентября, 45 р. ассигнац.

Вамъ, на новомъ поприщѣ, повторяю изъ 3 соборн. посланія Іоанна предыдущее — и паче всѣхъ *молюся о тебѣ, благоспѣятися тебѣ, здравствовати, якоже благоспѣется тебѣ душа* (1 гл., ст. 2). *Миръ тебѣ, цѣлуютъ тя друзи* (ст. 15). Обнимаю и я съ семейными моими полнотою любви и почтенія къ вамъ".

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 17-го числа.

Благополучно прошелъ мѣсяцъ моей академической жизни. 2-го октября подано было мною профессору Ѳ. А. Голу-

[1]) Моисей Рыбальскій.

1846 г. бинскому первое академическое сочиненіе на помянутую выше тему; а 5-го числа даны были намъ по классу опытной философіи слѣдующія двѣ темы:

1) „Какое вліяніе на нравственность имѣетъ самонаблюденіе“? и

2) „Постепенное развитіе человѣческой души до сознанія и пробужденіе сознанія“. Я писалъ сочиненіе на первую тему, и вотъ какой отзывъ сдѣланъ былъ объ этомъ сочиненіи баккалавромъ Д. Г. Левицкимъ: „Просто, ясно, хорошо“.

Первыя впечатлѣнія академической жизни очень хорошо изъяснилъ мой товарищъ и землякъ Г. П. Быстрицкій въ письмѣ къ другу своему, студенту Кіевской духовной академіи Николаю Ивановичу Флоринскому отъ числа октября:

„Я пишу къ тебѣ изъ новаго міра — академическаго; да — это новый для насъ міръ, потому что все въ немъ иное; если нѣчто не новое, само въ себѣ, то въ новыхъ видахъ представленное. Со мною поступили въ академію В. Ѳ. Взоровъ, Ѳ. М. Остроумовъ и Я. А. Беневоленскій. Вотъ уже насъ ввели въ невѣдомую намъ прежде область философіи: сколько въ ней пищи для разума! Вотъ уже насъ познакомили съ различными взглядами на исторію и указали ту высокую гору, съ которой можемъ смотрѣть на различныя царства и народы, раздѣленные временемъ и и пространствомъ, языкомъ и религіею, какъ на стройное цѣлое. Вотъ сообщили намъ новое понятіе о словесности. Мы слушаемъ Ѳ. А. Голубинскаго—знаменитаго философа, П. С. Делицына—знаменитаго математика и прочихъ почтеннѣйшихъ баккалавровъ: это уже не то, что въ семинаріи. На мой взглядъ жизнь академическая много превосходитъ семинарскую жизнь. Семинарія, какъ *письмя*, убиваетъ насъ, а академія, какъ *духъ*, животворитъ; да, душа получаетъ просторъ, живость, силу въ академіи, а въ семинаріи давятъ ее страхъ, отдаленность наставниковъ, каждодневные уроки, хотя они и нужны тамъ. Академическія занятія, кажется, менѣе вредятъ и здоровью. Мы не сами располагаемъ временемъ: далѣе 10-ти часовъ или по крайней мѣрѣ 11-ти и сидѣть намъ не позволяютъ; запираютъ занятныя комнаты, и мы уходимъ въ спальню, потому что

здѣсь, по новому устройству, комнаты занятныя отдѣлены 1846 г.
отъ спальни. Для старшихъ студентовъ такой порядокъ не
нравится потому, между прочимъ, что отнимаетъ средства
оставаться въ номерѣ—не выходить въ классъ; но для насъ
молодыхъ, или незнакомыхъ со старымъ порядкомъ, новый
доколѣ хорошъ".

11-го числа дано было преосвященнымъ митрополитомъ академической конференціи слѣдующее предложеніе:

„Предметъ, который въ продолженіи немалаго уже времени озабочиваетъ начальство духовныхъ училищъ, и который возбуждаетъ заботу и при обозрѣніи академіи, есть потребность опредѣленныхъ учебныхъ и руководительныхъ книгъ по многимъ предметамъ. Трудно требовать отъ каждаго вступающаго на поприще наставника, чтобы онъ писалъ весь курсъ своей науки, и притомъ чтобы каждая часть науки достаточно соображена и написана была всегда къ тому времени, какъ ей надобно вступить въ назначенные учебные часы. Посему неудивительно, если вступившій на сіе поприще, частію читаетъ уроки предшественника, поколику находитъ ихъ удовлетворительными, частію, по ревности употребить собственную дѣятельность, части оныхъ, менѣе обработанныя прежде, обрабатываетъ своимъ трудомъ. Такимъ образомъ, частію читаетъ онъ уроки по классической книгѣ, только не разсмотрѣнной и не утвержденной начальствомъ: въ цѣломъ же курсѣ, по причинѣ разныхъ рукъ, трудно быть совершенному единству. А студенты должны писать уроки многихъ наставниковъ, и истощать силы и время, которыя могли-бы съ большею пользою употребить на размышленіе о преподанномъ, на чтеніе и на сочиненіе. Начальству не довольно удобно наблюдать за правильнымъ и неотсталымъ ходомъ ученія, который только во дни годоваго и полугодоваго испытанія становится довольно открытымъ изъ головы или изъ письменнаго стола наставника. По сему въ ожиданіи рѣшительной сему помощи отъ благоусмотрѣнія высшаго начальства, для нѣкотораго уменьшенія затрудненій и для приблизительнаго по крайней мѣрѣ движенія къ составленію учебныхъ книгъ не можетъ-ли быть употреблена слѣдующая мѣра:

1) Поставить въ обязанность преподавателямъ, при окончаніи курса, представлять конференціи большую или мень-

1846 г. шую часть своихъ уроковъ, удовлетворительнѣе обработанную, а по окончаніи другаго курса, другую.

2) Конференціи разсматривать сіи уроки, и поколику окажутся полезными и нужными для преподаванія въ будущемъ учебномъ курсѣ, литографировать или печатать оные подъ своею отвѣтственностію, для внутренняго употребленія академіи, къ облегченію студентовъ отъ письма.

3) Екземпляръ такихъ уроковъ представлять епархіальному архіерею, по долгу своей службы обязанному имѣть наблюденіе за чистотою ученія.

Сей предметъ предлагаю на разсужденіе академической конференціи“ [1]).

Это благодѣтельное предложеніе не было приведено въ исполненіе. Почему? —Не знаю.

28-го числа писалъ мнѣ изъ Владиміра шуринъ мой, ученикъ высшаго отдѣленія семинаріи, С. Царевскій:

„Давно надлежало-бы, и я много разъ собирался, отвѣтить на ваше письмо; но неизвѣстность касательно соборнаго Муромскаго мѣста меня останавливала. Мнѣ хотѣлось въ своемъ письмѣ увѣдомить васъ,—кому предоставится мѣсто,—если нашему семейству, то кого произведетъ преосвященнѣйшій во священника. Не такъ-то было; до сихъ поръ еще изъ вашей академіи не присылается извѣстія о принятіи васъ въ число вспитанниковъ и я вынужденнымъ нахожусь писать къ вамъ; дабы не лишиться писемъ вашихъ, которыя для меня слишкомъ дороги, между прочимъ и потому, что онѣ изъ академіи, подъ вѣдомствомъ коей находится наша семинарія,—и откуда новости рѣкой льются.

Отъ чего, въ самомъ дѣлѣ, отъ вашей академіи никакого нѣтъ извѣщенія о поступленіи вашемъ въ оную. Неужели еще не было у васъ распредѣленія? Быть не можетъ, вотъ вѣдь уже два мѣсяца ученія! Самъ отецъ ректоръ Поликарпъ, у котораго я часто навѣдываюсь, недоумѣваетъ, для чего академическое начальство такъ медлитъ своимъ отвѣтомъ, касательно судьбы нашихъ студентовъ! Долгая неизвѣстность для нашего семейства, при настоящихъ обстоятельствахъ, опасна. Изъ Синода прислано

[1]) См. *Душепол. Чтеніе* за 1879 г., ч. III, стран. 521—522.

сюда рѣшительное распоряженіе объ уничтоженіи штатовъ 1846 г
и преосвященный никого уже изъ студентовъ на вольныя мѣста не поставляетъ во священники или діаконы, а переводитъ старыхъ, лишившихся своихъ мѣстъ. Удивительно ли послѣ сего и соборному мѣсту отойти отъ насъ: оно не по прямой потомственной линіи принадлежитъ намъ; просить же теперь нельзя".

14-го ноября даны были намъ по классу словесности, для мѣсячнаго, сочиненія слѣдующія темы:

1) „Необходимо-ли для успѣховъ русскаго просвѣщенія отрицаніе западной образованности?"

2) „О дружбѣ".

Я писалъ сочиненіе на вторую тему и мысли свои изложилъ въ формѣ письма отца къ сыну. Читавшій мое сочиненіе профессоръ Е. В. Амфитеатровъ подписалъ на немъ: „Письмо исполнено чувствъ и разрѣшаетъ вопросъ основательно. Очень хорошо".

Въ декабрѣ производились у насъ, по старинному обычаю, частныя испытанія по всѣмъ предметамъ. Къ экзамену готовились мы, большею частію, по запискамъ, сдаваемымъ за нѣсколько дней, а иногда и наканунѣ экзамена, наставниками. Труднѣе всего было для меня и слушать съ каѳедры и за тѣмъ повторять по запискамъ лекціи профессора Амфитеатрова по предмету эстетики, такъ какъ наука эта для меня была совершенно новою, о которой въ семинаріи мы не имѣли и понятія.

Обыкновенною принадлежностію экзаменовъ, кромѣ устныхъ отвѣтовъ, были письменныя сочиненія. Поэтому 18-го и 21-го декабря были даны намъ для сочиненія слѣдующія темы:

1) „Num somnia possunt homini imputari?"— и

2) „Объ отношеніи словесности къ цѣлямъ духовнаго образованія".

Итакъ, съ Божіею помощію, миновала первая, самая трудная для меня, треть перваго года академическаго курса. Отъ ежедневнаго посѣщенія всѣхъ, какъ утреннихъ, такъ и послѣобѣденныхъ уроковъ, и отъ напряженныхъ умственныхъ занятій въ кельѣ, я чувствовалъ почти постоянную тяжесть въ головѣ, и въ слѣдствіе того нерѣдко испытывалъ мрачное расположеніе духа. Поэтому я ощущалъ

1847 г. существенную потребность въ отдохновеніи и нѣкоторомъ развлеченіи. Къ счастію, я имѣлъ возможность отправиться на Рождественскіе праздники къ доброму моему знакомому, Переславскому отцу архимандриту Ипфонту.

22-го числа пріѣхалъ я въ Переславль. О. Ипфонтъ принялъ меня очень радушно. На другой день, 23-го числа, онъ праздновалъ день своего ангела, у него было не мало городскихъ гостей. Въ Переславлѣ видѣлся я съ ректоромъ Владимірской семинаріи, отцомъ архимандритомъ Поликарпомъ. Онъ пріѣзжалъ на праздникъ въ свой Даниловъ монастырь. Здѣсь я лично повторилъ ему благодарность за споспѣшествованіе ко вступленію моему въ Академію.

Въ продолженіи двухнедѣльнаго пребыванія моего въ Переславлѣ я достаточно познакомился какъ съ городомъ, такъ и съ нѣкоторыми, болѣе значительными лицами духовными и свѣтскими. Въ Переславлѣ я встрѣтилъ и новый 1847 годъ.

7-го или 8-го января возвратился я изъ Переславля въ академію съ значительно обновленными и освѣженными силами—и душевными и тѣлесными.

Въ половинѣ февраля даны были намъ по классу логики слѣдующія темы для сочиненія:

1) „Опытъ выведенія всѣхъ категорій изъ одного начала, согласнаго съ духомъ откровенія“;

2) „Объ ограниченности человѣческаго знанія, и“

3) „О практическомъ приложеніи логики“.

Я не писалъ сочиненія ни на одну изъ этихъ темъ, не помню, почему.

Въ это время совершилось въ нашей академіи очень важное событіе. Бывшій съ 25-го ноября 1841 г. ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Евсевій (Орлинскій) получилъ новое, высшее назначеніе. Указомъ св. Синода, отъ 17-го января 1847 года, онъ переведенъ на должность ректора Петербургской академіи съ назначеніемъ во епископа Винницкаго. 16 февраля лавра напутствовала будущаго епископа соборнымъ молебствіемъ и торжественнымъ звономъ, а наша осиротѣлая академія осталась въ томительномъ и напряженномъ ожиданіи новаго начальника.

14-го марта опредѣленъ ректоромъ нашей академіи рек- 1847 г
торъ Московской семинаріи, Заиконоспасскій архимандритъ Алексій (Ржаницынъ), замѣчательный по обстоятельствамъ своего постриженія въ монашество. Онъ постриженъ былъ среди академическаго курса, 12-го ноября 1837 года митрополитомъ Филаретомъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ присутствіи Великаго Князя Константина Николаевича и Великихъ Княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ [1]).

28-го числа писалъ я въ Муромъ тещѣ П. С. Царевской:

„Вы вѣрны самимъ себѣ: но и я не отступаюсь отъ своего слова. Вы просили меня, — я обѣщался писать къ вамъ,—и, по возможности, выполняю свое обѣщаніе.

„Поводомъ писать къ вамъ на сей разъ послужила для меня непріятная вѣсть о вашемъ положеніи. Одинъ сельскій діаконъ изъ-подъ Мурома, пріѣзжавшій въ лавру для свиданія съ сыномъ, сказывалъ мнѣ, что ваши семейныя дѣла доселѣ еще не устроены. Боже мой! какое новое искушеніе для васъ и для меня! Я думалъ, что ваши дѣла давно окончились благополучно, и ожидалъ было пріятнаго извѣстія о семъ: не тутъ-то было! Конечно, отчасти понятна для меня причина столь медленнаго хода вашихъ дѣлъ: но все-таки я никакъ не могъ ожидать того, что совершается теперь. Что могу на этотъ разъ сказать вамъ въ утѣшеніе и ободреніе? Одно: да будетъ надъ вами воля Божія! Воли бо Его кто противитися можетъ!

Не хочу много распространяться предъ вами касательно себя самого; скажу только, что, слава Богу, здоровъ и, сколько позволяютъ силы, занимаюсь своимъ дѣломъ.

„Съ истинною къ вамъ любовію и почтеніемъ честь имѣю пребыть—вашъ покорный сынъ".

Съ перемѣщеніемъ ректора академіи послѣдовала у насъ перемѣна и инспектора. На мѣсто ректора Московской се-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ *Письмахъ м. Филарета къ архіепис. Алексію*, М. 1883 г. предисл. стр. VI. Назначеніе архим. Алексія на должность ректора академіи произвело въ Петербургской ученой сферѣ неблагопріятные толки. См. письма еп. Винницкаго Евсевія къ профессору А. В. Горскому (№ 1) въ *Приб. къ Тв. св. Отцевъ* 1886 г., стр. 702—703. См. еще письма м. Филарета къ графу Протасову отъ 17 янв. и 5 апр. въ *дополн. томъ Собранія мнѣній и отзывовъ м. Филарета*, № 54. Спб. 1887 г.

1847 г. минаріи, опредѣленнаго, какъ выше было сказано, на должность ректора академіи, переведенъ былъ ректоръ Виѳанской семинаріи, архимандритъ Филоѳей, а на его мѣсто въ Виѳанію назначенъ былъ инспекторъ академіи, архимандритъ Евгеній; исправляющимъ же должность инспектора опредѣленъ былъ баккалавръ патристики іеромонахъ Иларіонъ Боголюбовъ (воспитанникъ XIII курса, т. е. 1842 года); но онъ не болѣе года исправлялъ должность инспектора.

28 го марта писалъ я въ Иваново племяннику, единовѣрческому діакону О. С. Виноградову, въ отвѣтъ на его письмо отъ 4-го числа:

„Христосъ воскресе!

Вмѣстѣ съ симъ радостнымъ привѣтствіемъ, приношу вамъ мою усердную благодарность какъ за предварительное поздравленіе меня съ настоящимъ праздникомъ, такъ и за письменное увѣдомленіе о себѣ. За послѣднее тѣмъ болѣе благодаренъ вамъ, что вы одни только изъ родныхъ навѣщаете меня письмами: а на чужбинѣ получить вѣсть съ родной стороны—большое удовольствіе.

Теперь, въ свою очередь, и я подѣлюсь съ вами своими мыслями и чувствами. Для васъ, я думаю, среди обычныхъ подвиговъ, вовсе незамѣтно проходитъ праздникъ, особенно если духовное веселіе подъ часъ растворяется прозрачными каплями мірской радости: что касается до меня, то я и встрѣтилъ, и провожу праздникъ довольно грустно: причину сего понять не трудно. На праздникъ приглашалъ было меня одинъ изъ товарищей въ новый Іерусалимъ; но я отрекся отъ этого приглашенія. Думалъ было, среди праздника, съѣздить и въ Москву—посмотрѣть столицу; но и это отложилъ до другаго болѣе удобнаго времени. Праздничное время большею частію провожу въ обыкновенныхъ занятіяхъ — въ чтеніи и письмѣ: а безъ этого, мнѣ кажется, надобно было бы умереть отъ скуки. Выходить почти некуда; знакомыхъ въ лаврѣ у меня мало; да и почитаю излишнимъ заводить большое знакомство. Сегодня только на часъ—не болѣе, ѣздилъ въ Виѳанію къ знакомому профессору. (Виѳанія—это монастырь, при которомъ находится духовная семинарія — верстахъ въ трехъ отъ лавры).

Пріятно слышать, что вы посѣтили Муромъ и мое прежнее жилище; жаль только, что безъ меня. Въ вакацію предполагаю и я быть въ Муромѣ, если позволятъ обстоятельства. Недавно оттуда писали мнѣ, что дѣла моихъ семейныхъ все еще не устроены совершенно: впрочемъ, надобно ожидать, что скоро уже придутъ къ концу. Шуйскій учитель Ландышевъ, который почему-то отказался было, согласился опять и, кажется, получилъ уже билетъ для вступленія въ бракъ. 1847 г.

Новаго у насъ по академіи только то, что на сихъ дняхъ ожидаемъ къ себѣ новаго ректора; прежняго взяли у насъ въ С.-Петербургъ".

15-го апрѣля даны были намъ по классу гражданской исторіи слѣдующія темы для сочиненія;

1) По всеобщей исторіи:

а) „О вліяніи географическаго положенія земли на гражданское развитіе народа".

б) „Въ какой степени справедлива мысль, что родъ человѣческій идетъ впередъ?"

в) „О причинахъ паденія древней Греціи".

г) „Что способствовало возвышенію политическаго владычества папъ, и какое вліяніе имѣло ихъ могущество на Европу въ средніе вѣка?"

2) По русской исторіи:

а) „Можно-ли признать нѣкоторыя повѣствованія у Нестора сказочными?"

б) „О причинахъ быстраго успѣха Монголовъ въ завоеваніи Руси".

в) „Разборъ духовнаго завѣщанія Димитрія Донскаго".

г) „Характеръ и цѣль сношеній Россіи съ западомъ Европы при Іоаннѣ III".

д) „Нравственныя свойства Русскихъ XV и XVI вѣка по отзывамъ писателей иностранныхъ".

При постоянномъ посѣщеніи всѣхъ классовъ и внимательномъ выслушиваніи ежедневно трехъ и четырехъ лекцій, я не могъ серьезно заниматься сочиненіями, при утомленныхъ силахъ. Между тѣмъ какъ мои юные товарищи спокойно и безъ зазрѣнія совѣсти опускали большую часть классовъ, и слѣдовательно больше моего сберегали времени и силъ для занятія сочиненіями, — моя священниче-

1847 г. ская совѣсть не дозволяла мнѣ дѣлать эти опущенія, къ оскорбленію почтенныхъ наставниковъ.

25-го апрѣля писалъ мнѣ Абакумовскій другъ мой, М. Д. Граменицкій:

„Милый, незабвенный, любезнѣйшій
Иванъ Михайловичъ!
Христосъ воскресе!

Не буду теперь объяснять вамъ причинъ и обстоятельствъ, по которымъ не могъ доселѣ отозваться на ваше искреннѣйшее, сладостное и утѣшительное посланіе; спѣшу только, хотя краткимъ образомъ, сообщить вамъ мое усерднѣйшее къ вамъ почтеніе, чистосердечное уваженіе, любовь и преданность. Нѣсколько разъ собирался писать къ вамъ подробное увѣдомленіе обо всемъ,—но собраться доселѣ не могъ, и теперь пишу наскоро; пообстоятельнѣе бесѣдовать съ вами питаюсь надеждою, удостоиться лично, во время каникулъ. Если намѣрены побывать въ Муромѣ, а кажется нельзя утерпѣть вашему сердцу, чтобы не оросить слезою искренняго сожалѣнія священнаго праха вашей подруги, при первой возможности: то, другъ, не лишите прежняго знакомца, много васъ уважающаго, не лишите своего посѣщенія,—удѣлите, назначьте нѣсколько дней для моего осчастливленія. Какъ бы я ожилъ душею, какъ бы воспрянулъ сердцемъ! О, другъ, мое сердце не то, что было прежде; оно испепелилось отъ непріятностей. Это все вамъ сладостно желалъ бы сообщить лично...

Но только прошу васъ увѣдомьте одною чертою, могу-ли я надѣяться и когда ожидать васъ?..

Предъ Рождествомъ Христовымъ былъ я въ Муромѣ. Поклонившись въ соборѣ святымъ чудотворцамъ, грустно воспоминалъ о вашемъ здѣсь служеніи, вышедши изъ собора—съ смятеннымъ сердцемъ долго смотрѣлъ на домъ, гдѣ такъ счастливо наслаждался мирною жизнію съ доброю подругой мой искренной другъ,—и теперь ударомъ рока лишенъ счастія и блаженства земнаго—къ скорѣйшему достиженію блаженства небеснаго [1]).

[1]) Случайно столкнувшись съ о. протоіереемъ Троепольскимъ, былъ имъ обласканъ, введенъ въ домъ, и слышалъ его искреннее объ васъ сожалѣніе, какъ о добрѣйшемъ сослужителѣ.

Все, что чувствовалъ, мыслилъ и думалъ, будучи въ Муромѣ, теперь описать вамъ, по краткости времени, не рѣшаюсь и не могу. Много кипѣло въ моемъ сердцѣ священнаго, пріятнаго и грустнаго, смотря на Богохранимый градъ, гдѣ разцвѣтала моя юность. 1847 г.

Послѣ Пасхи я осчастливленъ посѣщеніемъ нашего общаго товарища по семинаріи Ѳедора Гавриловича Бѣляева. Онъ на пути изъ Москвы завернулъ ко мнѣ съ моимъ, по женѣ, родственникомъ Петромъ Васильевичемъ Приклонскимъ [1]). Какъ я былъ осчастливленъ! только жалко, что счастіе мое видѣть ихъ продолжалось не болѣе трехъ часовъ. Ѳедоръ Гавриловичъ въ Москвѣ у одного діакона сосваталъ себѣ невѣсту,—довольно по всему выгодно. Бракъ ихъ будетъ во время вакаціи. По обѣщанію его, надѣюсь еще увидѣть его у себя,—онъ поѣдетъ около Троицы къ своей возлюбленной невѣстѣ. Ѳедоръ Гавриловичъ сказывалъ, что тамъ же, въ Москвѣ, послѣ Пасхи женился и Михайло Димитріевичъ Никольскій [2]).

Мое семейство нѣсколько измѣнилось: 2-го октября родился у меня сынъ Димитрій; 29-го генваря дѣдъ мой, маститый старецъ, скончался; прочее все по прежнему.

И самъ замышляю я, и даже не первый годъ, побывать въ вашу лавру для поклоненія преподобному Чудотворцу. Не отчаяваюсь совершенно въ своемъ намѣреніи; если буду имѣть возможность исполнить свое желаніе: то первое мое удовольствіе послѣ поклоненія святому Угоднику, увидѣть васъ,—искренняго, незабвеннаго друга.

Сколько я благодаренъ за ваше полное увѣдомленіе,—этого не могу и не рѣшаюсь высказать. Пріятно слышать о начатіи вами новаго періода жизни. Прошу Господа Бога, да поспѣшитъ вамъ благополучно протечь трудный путь высокаго образованія, и да вознаградитъ достойнымъ возмездіемъ труды и терпѣніе ваше. Еще осмѣливаюсь сознаться передъ вами: въ вашей жизни я замѣчаю особенное дѣйствіе Промысла. Не скорбите о лишеніи невозвратимаго, съ надеждою на премудрый Промыслъ теките путемъ, вамъ предназначеннымъ, *теците*, и достигнете...

[1]) Нынѣ Московскій протоіерей.

[2]) Бывшій протоіерей гор. Москвы при церкви св. великомученицы Варвары, скончавшійся 27 іюля 1897 г.

1847 г. Такъ дерзаю совѣтовать вамъ отъ полноты сердца преданнаго вамъ—вашъ прежній сотоварищъ".

15-го мая писалъ мнѣ изъ Мурома добрый пріятель мой, о. Матвѣй Шеметовъ:

„Позвольте на нѣсколько минутъ отвлечь ваше вниманіе отъ глубокомысленныхъ занятій вашихъ, чтобъ прочесть сіе посланіе друга вашего.

При семъ удобномъ и надежномъ случаѣ, я первымъ долгомъ поставилъ для себя извѣстить васъ о началѣ и ходѣ важныхъ дѣлъ въ кругу того семейства, въ коемъ вы были главою и питателемъ сирыхъ.

Вчерашняго дня, т. е. 14-го дня сего мая, былъ бракъ Екатерины В—ны (вашей свояченицы) съ Александромъ Ив—чемъ г. Орфановымъ. Студентъ сей изъ кончившихъ нынѣ въ нашей семинаріи. Бракъ былъ вѣнчанъ въ Крестовоздвиженской церкви о. Іаковомъ Андреевичемъ.

Прошу васъ покорнѣйше увѣдомить и насъ о чемъ-либо новенькомъ, ежели имѣется—и для васъ не обременительно".

Племянникъ мой, Ивановскій единовѣрческій діаконъ, Ѳ. С. Виноградовъ письмомъ отъ 20-го мая отъ лица всѣхъ родныхъ приглашалъ меня на каникулярное время къ себѣ въ гости.

Но сколько по приглашенію, столько же и по движенію собственнаго чувства, я располагался провести первую академическую вакацію на родинѣ, въ кругу родныхъ и знакомыхъ; думалъ побывать и въ Муромѣ, на свѣжихъ еще могилахъ жены и сына. Объ этомъ предварялъ я письмомъ свою тещу; но вотъ какой укоризненный отвѣтъ получилъ отъ нея.

„Любезный нашъ Іоаннъ Михайловичъ!",—писала она рукою младшаго своего сына—Николая, отъ 3-го іюня.

„Умоляю васъ самимъ Богомъ, не пріѣзжайте въ несчастный для меня и васъ Муромъ;—не прилагайте рану къ ранѣ; что это минутное свиданіе — что принесетъ, кромѣ слезъ и горестей?... Я уже васъ считаю всѣхъ троихъ мертвыми—мужа, дочь и зятя,—они для меня невозвратны; одно мое желаніе — скорѣе увидѣться тамъ, въ будущей жизни; а вамъ совѣтую изгладить совершенно ваше намѣреніе ѣхать сюда, да и что за охота вамъ видѣть несчастное семейство?—скажете: жалко васъ и хладной могилы?—

нѣтъ, вы доказали это на опытѣ; не тронули васъ слезы, 1847 г.
ни просьба: Богъ съ вами! — вы скажете: устроили дочь? Нѣтъ! я не устроила, а разстроилась; не знаю, какъ и пропитать малыхъ птенцовъ. Съ зятя и собора выдачи не будетъ, по милости вашего пріятеля, отца протопопа: онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи: учительство доставлено Сергію Андреевичу.

Молодой зять еще посвящается: не знаю, пріѣдетъ-ли къ празднику".

За тѣмъ приложила собственноручную записку:

„Глубочайшее мое почтеніе Ивану Михайловичу; я вамъ ничего объ себѣ писать не стану, — не буду мѣшать вашему спокойствію. Что молить неумолимыхъ? пусть моя горесть, мои жалобы замрутъ на устахъ моихъ!

Письмо ваше получено въ день Спасителя нерукотвореннаго; горестно для меня писаніе!... П. Ц."

Прочитавши эти строки съ чувствомъ глубокаго огорченія, я рѣшилъ не заѣзжать въ Муромъ.

7-го іюня писалъ я въ Иваново къ роднымъ зятю и сестрѣ:

„Вашему общему желанію видѣть меня у себя отъ всей души готовъ я удовлетворить, если только Господь благословитъ. Учебныя дѣла наши окончатся къ 25-му сего мѣсяца; и я думаю отправиться въ путь немедленно по окончаніи дѣлъ.

За подарокъ вашъ, сестрица, усердно благодарю".

Тутъ же приписалъ слѣдующія строки и къ племяннику Ѳ. С. Виноградову:

„Прощая вамъ вину вашу, самъ прошу у васъ прощенія въ томъ, что не пишу вамъ на сей разъ особеннаго письма. Писать хотѣлъ-бы вамъ и много: право нѣтъ свободнаго времени: занятъ постоянно приготовленіемъ къ экзамену; да при томъ разсчитываю и то, что гораздо пріятнѣе будетъ и мнѣ пересказывать, и вамъ слушать отъ меня о нашихъ академическихъ новостяхъ лично—за чашкой чаю. Потерпите немного: время свиданія нашего уже близко".

Въ продолженіе іюня производились у насъ частные экзамены, а между ними писаны были и такъ называемые экспромпты. 13-го числа дана была намъ для сочиненія слѣдующая латинская тема: „Quam vim habet argumentum

1847 г. existentiae Dei a consensu omnium gentium desumptum"?— 18-го числа другая на русскомъ языкѣ: „О вліяніи языка на развитіе мысли".

21 и 23 числа были публичные экзамены, на которыхъ присутствовалъ высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ Московскій. Въ первый разъ я удостоился видѣть этого, по истинѣ великаго мужа въ мартѣ мѣсяцѣ, когда онъ пріѣзжалъ въ лавру для освященія возобновленной трапезной церкви; но тогда я видѣлъ его издали, а теперь двукратно имѣлъ счастіе бесѣдовать съ нимъ лицемъ къ лицу. Должно признаться, что мы на экзаменахъ видѣли въ святителѣ Филаретѣ не того строгаго и грознаго судію, какимъ онъ являлся здѣсь въ прежнее время, а простого и снисходительнаго отца. Не было тѣхъ вспышекъ и рѣзкихъ замѣчаній, о коихъ сохранились въ академіи преданія [1]).

24-го числа былъ совершенъ обычный благодарственный молебенъ, и начались для насъ каникулы.

25-го числа писалъ я въ Муромъ протоіерею М. Г. Троепольскому:

„Въ сихъ строкахъ примите отъ меня позднее, но усерднѣйшее поздравленіе васъ съ Монаршею милостію. Отъ души порадовался я, когда услышалъ, что ваше имя состоитъ въ ряду особъ, удостоенныхъ Высочайшей награды: но тѣсныя обстоятельства, предшествовавшія экзамену, рѣшительно не позволили мнѣ изъяснить предъ вами это чувство въ надлежащее время. У насъ экзаменъ—это то-же, что бывало въ Муромѣ пріѣздъ Преосвященнаго, и даже гораздо болѣе. Еще недѣли за три началась предъуготовительная работа. Признаюсь, моей бѣдной памяти, привыкшей въ теченіи шести лѣтъ къ совершенной почти праздности, не легко обошлись эти три недѣли. Но, благодареніе Господу, труды мои не остались безъ награды. Экзамены, какъ частный, такъ и общій, сданы очень счастливо.

Отъ высокопреосвящ. Митрополита, съ которымъ два раза довелось мнѣ бесѣдовать на общемъ экзаменѣ лицемъ къ лицу, заслужилъ одобреніе.

---

[1]) Объ академич. экзаменахъ, въ присутствіи м. Филарета см. статью въ *Чт. общ. ист. и древн. Росс.* 1877 г. кн. 2: „О Филаретѣ М. Моск. моя память",— еписк. *Никодима* (Казанцева), IV.

Конференція, въ награду за мои годичные труды, удо- 1847 г.
стоила меня 11-аго № въ первомъ разрядѣ. Послѣ сего, согласитесь сами, не долженъ-ли я съ благоговѣніемъ признать въ обстоятельствахъ моей жизни премудрую и всеблагую волю Того, отъ лица Коего исходитъ судьба всѣхъ земнородныхъ"?

23-го іюня окончились всѣ наши школьныя дѣла. 24-го служили благодарный молебенъ.

25-го, въ день Муромскихъ чудотворцевъ, Господь сподобилъ меня отслужить литургію въ Успенскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ нашимъ начальствомъ. Не разъ пробѣжалъ я воспоминаніемъ обстоятельства этого дня. Что-то, думалъ я, совершается въ любезномъ Муромѣ? Конечно то-же, что и прежде, то есть, такъ же трудятся надъ молебнами, съ такою же торжественностію совершается Божеств. служеніе, такое же собраніе въ домѣ достопочтеннѣйшаго о. протоіерея и наконецъ то-же пріятное успокоеніе отъ продолжительныхъ трудовъ.

26-го числа отправился я на родину. Путь мой лежалъ чрезъ городъ Юрьевъ. Здѣсь я остановился на ночлегъ въ домѣ дальняго родственника по Мурому, соборнаго протоіерея Александра Ивановича Соловьева, который принялъ меня съ большимъ радушіемъ, хотя прежде мы съ нимъ, кажется, и не видались. О. Соловьевъ такъ же, какъ и я, былъ вдовъ; жизни онъ строгой и воздержной, отличался притомъ примѣрною исправностію по службѣ.

Въ Юрьевѣ же встрѣтилъ я своего товарища и сверстника по Шуйскому училищу и семинаріи Александра Петровича Минервина. Онъ окончилъ курсъ съ званіемъ студента и, какъ обладавшій хорошимъ басистымъ голосомъ, сначала опредѣленъ былъ діакономъ, а затѣмъ назначенъ священникомъ къ градской Введенской церкви.

Изъ Юрьева проѣхалъ я чрезъ Гавриловъ посадъ въ Иваново.

Пробывши здѣсь нѣсколько дней, посѣтилъ за тѣмъ въ Горицахъ сироть: былъ въ своей отчизнѣ—селѣ Палехѣ, видѣлся съ родными Хотимльскими: вездѣ былъ принятъ ласково-радушно. На обратномъ пути съ родины былъ во Владимірѣ, представлялся владыкѣ Парѳенію, встрѣтился тамъ съ товарищемъ Быстрицкимъ; вмѣстѣ съ нимъ отправились мы въ академію и по пути посѣтили моего Абакумов-

1847 г. скаго друга, о. Граменицкаго. 19-го августа я былъ уже въ академіи и писалъ на другой день Ивановскимъ роднымъ:

„Дражайшіе мои родные!

Всѣмъ вамъ приношу мою усерднѣйшую благодарность за ваше радушіе, за вашъ ласковый привѣтъ и гостепріимство, а болѣе всего за ваше доброе ко мнѣ расположеніе. Но послѣдній вашъ поступокъ относительно меня—дальнее провожаніе, особенно для меня чувствителенъ: въ этомъ ясно вижу я все ваше усердіе и любовь ко мнѣ.

Напутствованный вашими благожеланіями, я возвратился въ св. обитель лаврскую, слава Богу, благополучно. Вотъ подробности моего путешествія. О томъ, какъ я доѣхалъ до Суздаля, вамъ, конечно, уже извѣстно. Пробывши около трехъ часовъ въ Суздалѣ, я отправился, въ сопровожденіи двухъ особъ разныхъ сословій, на тройкѣ ямскихъ лошадей и въ 6-ть часовъ вечера благополучно прибылъ во Владиміръ.

На другой день вечеромъ былъ я у Преосвященнаго. Владыка принялъ меня благосклонно; обо многомъ разспрашивалъ, и между прочимъ спросилъ гдѣ я гостилъ? Въ отвѣтъ на это я перечислилъ ему всѣхъ моихъ родственниковъ.

16-го въ 10-ть часовъ утра я выѣхалъ, вмѣстѣ съ Григорьемъ Петровичемъ Быстрицкимъ, изъ Владиміра. Подводу наняли за 8 р. только до Липни, въ намѣреніи пробыть здѣсь нѣсколько времени. Въ 7-мь часовъ вечера мы были уже въ Липнѣ. Михаилъ Дмитріевичъ обрадовался намъ, какъ нельзя больше, угощалъ насъ со всѣмъ дружескимъ усердіемъ; просилъ погостить подольше: но я никакъ не могъ пробыть у него болѣе сутокъ“...

Въ послѣднихъ числахъ августа писалъ я въ г. Юрьевъ къ протоіерею А. И. Соловьеву:

„Долгъ имѣю принести вамъ усерднѣйшую благодарность за оказанное мнѣ гостепріимство.

Если-бы я возвращался съ родины тѣмъ-же путемъ, какимъ ѣхалъ изъ лавры: то, конечно, уже не проѣхалъ-бы мимо васъ: но обстоятельства расположили меня совершить обратный путь чрезъ Владиміръ. Во Владимірѣ довелось мнѣ быть довольно долго—отъ 12-го до 16-го августа. Видѣлся здѣсь со всѣми родными. Былъ у Преосвященнаго. Владыка принялъ меня благосклонно; довольно долго бе-

сѣдовалъ со мною, и между прочимъ одобрялъ мою рѣши- 1847 г.
мость оставить міръ въ пользу наукъ.

Въ лавру возвратился я 19-го августа, слава Богу, благополучно. Продолжительное и пріятное путешествіе значительно возстановило тѣлесныя и вмѣстѣ съ тѣмъ оживило душевныя мои силы. Благодаря усердію всѣхъ моихъ родныхъ, я провелъ вакаціальное время очень весело и пріятно. Объ одномъ только сожалѣю:—не удалось быть въ Муромѣ.

У насъ и теперь почти еще вакація: серьезнаго дѣла никакого нѣтъ; сочиненія до сихъ поръ не даютъ, а безъ него какъ будто и дѣлать нечего въ академіи. Читаешь, конечно, книги; но это чтеніе какъ будто безъ цѣли, когда прочитаннаго не къ чему приложить.

По пріѣздѣ моемъ въ академію, у насъ случилось одна только новость, но за то весьма интересная, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне непріятная. 19-го числа прошедшаго мѣсяца, въ самый день моего пріѣзда, одинъ изъ старшихъ студентовъ, возвратившись съ родины, но не являясь еще въ академію, въ кельѣ одного лаврскаго послушника, расположился привести въ исполненіе заранѣе имъ обдуманный ужасный замыселъ противъ самого себя: однимъ ударомъ изъ пистолета пресѣкъ, несчастный, собственную жизнь. Но такъ какъ, по учиненному слѣдствію, этотъ противуестественный поступокъ признанъ былъ слѣдствіемъ продолжительной и сильной ипохондріи: то и свидѣтели сей ужасной сцены освобождены были отъ суда,—и самъ погибшій не лишенъ былъ христіанскаго погребенія.

Вотъ еще новость. Въ лавру ожидаютъ на слѣдующей недѣлѣ высокаго посѣтителя, Великаго Князя Михаила Павловича.

Съ глубочайшимъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю пребыть М. д. ак. студентъ, священникъ Іоаннъ Тихомировъ".

По поводу прискорбнаго событія со студентомъ Куняевымъ была очень серьезная переписка у Митрополита съ лаврскимъ намѣстникомъ и ректоромъ академіи (см. *Письма Филарета къ архим. Антонію*, ч. 2, М. 1878 г. стр. 330—337;—*къ архимандр. Алексію* отъ 20, 22 и 26-го авг. 1847 г. Москва, 1883).

1847 г. Со второй половины августа начались въ академіи обычныя лекціи. Освѣженный и укрѣпленный въ силахъ довольно продолжительнымъ и пріятнымъ путешествіемъ на родину, я предался съ новою ревностію, съ большею энергіею любимымъ наукамъ. Я съ одинаковою любовію занимался всѣми науками, исключая математики, которая сдѣлалась для меня недоступною еще въ началѣ курса по той причинѣ, что я по болѣзни опустилъ нѣсколько классовъ сряду; а между тѣмъ математика, какъ извѣстно, такая наука, которая не терпитъ ни малѣйшаго перерыва въ занятіяхъ ею.

12-го сентября даны намъ были по классу исторіи философіи новѣйшихъ временъ слѣдующія темы:

1) „Философія Джіордано Бруно“.

2) „Сужденіе о Теодицеѣ Лейбница“.

3) „Борьба Якоби противъ идеализма Канта и Фихте и пантеизма Шеллинга“.

4) „Гербартъ и его школа“.

5) „О вліяніи Канта на современную философію“.

15-го числа дано было 12-ть темъ по исторіи философіи древнихъ временъ,—а именно:

1) „Разсмотрѣніе философскихъ мыслей—въ Индійскомъ законодательствѣ Ману“;

2)—“въ бесѣдахъ Кун-фу-дзы, записанныхъ въ книгѣ Люнь-юй“;

3)—„въ книгѣ Китайскаго философа Де-пей“;

4)—„въ Ручной книжкѣ Епиктета“;

5)—„въ письмахъ Сенеки къ Люцилію“;

6)—„въ басняхъ брамана Вишну-Сарма“.

7)—„Согласно-ли съ разумомъ то ученіе,—что рядъ конечныхъ причинъ и дѣйствій безначаленъ?“

8)—„что первобытное состояніе міра было неустроенное, и міръ мало по малу образовался въ теченіи вѣковъ?“

9)—„что родъ человѣческій первоначально былъ въ состояніи, подобномъ состоянію животныхъ, и потомъ, мало по малу, достигъ образованности“?

10) „Согласно-ли съ разумомъ ученіе Гегеля о прекращеніи личности души?“

11) „Сужденіе объ онтологіи Гегеля“.

12) „Есть-ли матерія только сцѣпленіе силъ“?

Я избралъ 10-ю тему, т. е. „Согласно-ли съ разумомъ

ученіе Гегеля о прекращеніи личности души",—и на сочи- 1847 г.
неніи, написанномъ на эту тему, подписано было профессоромъ Ѳ. А. Голубинскимъ: „довольно хорошо".

23-го сентября писалъ мнѣ изъ Переславля Никитскій архимандритъ о. Нифонтъ:

„Батюшко о. Иванъ Михайловичъ!

Отъ сего племянника моего прошу принять въ рукописи переводъ св. пророка Исаіи, — а прочее возъимѣйте терпѣніе пообождать.

Желаю дальнѣйшихъ успѣховъ; радуюсь, что вы одинъ изъ лучшихъ студентовъ академіи. Ей, отъ души радуюсь. Да укрѣпитъ васъ Господь Богъ своею благодатію на проходимомъ вами поприщѣ успѣшности.

Простите, помолитесь пр. Сергію о любящемъ Нифонтѣ".

Переводъ пророка Исаіи, о которомъ упоминается въ письмѣ, о. Нифонтъ прислалъ мнѣ въ вознагражденіе за мои тетради, отобранныя имъ у меня въ 1842 г., по требованію начальства,—о чемъ выше было сказано. Въ послѣдствіи доставлены были о. Нифонтомъ мнѣ и прочія ветхозавѣтныя книги въ русскомъ переводѣ прот. Павскаго.

Скажу здѣсь мимоходомъ о непріятномъ событіи, случившемся въ нашемъ маломъ студенческомъ мірѣ монашескомъ. Насъ жило въ кельѣ только трое: недавно постриженный въ монашество и посвященный въ іеродіакона Серапіонъ, іеромонахъ Моисей, пріѣхавшій вмѣстѣ со мною въ академію изъ Ставрополя на Кавказѣ, но поступившій прямо на старшій курсъ,—и я. Серапіонъ вздумалъ вести аскетическую жизнь: каждый день бывалъ за всѣми службами, ежедневно почти посѣщалъ избраннаго имъ духовнаго старца, лаврскаго іеромонаха Тихона, соблюдалъ строгое воздержаніе въ пищѣ; между тѣмъ своимъ школьнымъ дѣломъ пересталъ вовсе заниматься. Разъ приходитъ къ намъ въ келью (это было осенью еще 1846 г.) инспекторъ о. Евгеній и, обратившись къ Серапіону, спрашиваетъ его, написалъ ли онъ заданное сочиненіе или проповѣдь; и когда тотъ, сконфузившись, отвѣтилъ отрицательно, о. Евгеній сдѣлалъ ему приличное внушеніе. Серапіонъ, оскорбившись замѣчаніемъ инспектора, на другой-же день началъ что-то писать. Мы съ о. Моисеемъ съ удивленіемъ видимъ, что Серапіонъ пишетъ день и ночь, и не пони-

1847 г. маемъ, откуда вдругъ явилось такое обиліе мыслей и выраженій; между тѣмъ онъ по прежнему продолжалъ ежедневно ходить къ службамъ. Наконецъ, физическая природа его не выдержала, силы его истощились, и въ немъ стали обнаруживаться признаки умопомѣшательства. Сначала помѣстили его въ академическую больницу, но здѣсь онъ не получилъ никакой пользы. Наконецъ, его отправили въ Москву, въ домъ умалишенныхъ. Пробывши тамъ около полугода, онъ возвратился весной 1847 г. въ академію совершенно здоровымъ физически, но поврежденнымъ нравственно: сталъ предаваться нетрезвости, и вслѣдствіе сего былъ удаленъ изъ академіи безъ всякой ученой степени.

Когда Серапіонъ отправленъ былъ въ Москву, я пересмотрѣлъ написанныя имъ тетради. Я думалъ найти въ нихъ какую-нибудь ученую диссертацію, но, къ удивленію, увидѣлъ въ нихъ автобіографію Серапіона, преисполненную всякихъ мелочей и гадостей. Не думавши долго, я бросилъ эти тетради въ печь.

Когда помянутый выше руководитель въ монашеской жизни іеродіакона Серапіона, іеромонахъ Тихонъ скончался и о его смерти донесено было Митрополиту, Владыка въ письмѣ къ намѣстнику лавры, архимандриту Антонію отъ 5-го сентября 1847 г. писалъ: „Миръ душѣ отца Тихона. Но вотъ когда вспомнилъ я сказать, что давно хотѣлъ. Академическій іеродіаконъ избралъ себѣ наставникомъ въ духовной жизни Тихона: и повредился въ умѣ. Хорошо, что ищутъ наставника: но надобно смотрѣть, чтобы наставлять брались способные къ сему [1])“.

19-го октября писалъ я въ Муромъ къ свояку своему, священнику Крестовоздвиженской церкви Якову Андреевичу Силецкому:

„Столь продолжительное безмолвіе ваше, вопреки данному обѣщанію, я почелъ было за совершенное съ вашей стороны забвеніе родственныхъ между нами отношеній; и эта мысль навсегда утвердилась бы во мнѣ, если-бы податель-ница сего письма не утвердила меня въ вашемъ прежнемъ ко мнѣ расположеніи. По ея словамъ, вы когда-то писали

---

[1]) *Письма митроп. Филарета къ архим. Антонію*, ч. 2, М. 1878 г. стр. 344.

ко мнѣ,—и даже, въ доказательство неизмѣннаго ко мнѣ 1847 г
расположенія, нарекли меня воспріемникомъ при крещеніи родившейся у васъ еще въ минувшемъ году дщери. Что касается до вашего письма, то оно до сихъ поръ не являлось ко мнѣ,—что для меня крайне непріятно. А за то, что вы удостоили меня чести быть снова вашимъ кумомъ, приношу усерднѣйшую благодарность. Съ любовію пріемлю вашу Катеньку въ число моихъ духовныхъ дщерей, коихъ у меня еще такъ мало. Я очень радъ, что новая моя крестница растетъ и укрѣпляется.

Пора же, въ самомъ дѣлѣ, и вамъ разводиться семействомъ; иначе какимъ же образомъ будетъ достигнута цѣль брака? Итакъ, да здравствуетъ наша Катенька! Пусть растетъ и утѣшаетъ своихъ родителей... А я съ своей стороны посылаю ей въ благословеніе маленькую икону препод. Сергія: да блюдетъ и охраняетъ ея жизнь сей св. Угодникъ Божій!

Послѣ сего я увѣренъ, что вы не обременитесь сообщить мнѣ хотя краткое извѣстіе о вашихъ собственныхъ обстоятельствахъ и обстоятельствахъ общихъ нашихъ родныхъ. Повѣрьте, я крайне интересуюсь всѣмъ, что касается до Мурома вообще, и до родныхъ моихъ въ особенности. Въ теченіе года, не прошло, можетъ быть, дня, чтобы я не воспомянулъ о Муромѣ, особенно объ участи роднаго семейства.

Да скажите, пожалуйства, правда-ли, что въ Муромѣ открылись дѣйствія губительной язвы, опустошающей Россію?— Къ намъ, съ каждою почтою, приносятся разныя извѣстія, со всѣхъ концовъ Россіи, объ этомъ всеобщемъ бѣдствіи. Такъ наприм. съ нынѣшнею почтою получено извѣстіе изъ Казани, что тамъ сильно свирѣпствуетъ холера, что гибельныя дѣйствія ея простерлись даже и на нашу ученую братію: два студента академіи уже сдѣлались жертвою ея, и прочіе ожидаютъ той-же участи,—всѣ рѣшительно, говорятъ, больны и академія съ 22-го сентября уже закрыта. Въ Москвѣ холера дѣйствуетъ, но еще не такъ сильно. Что касается до насъ, то, хотя и нѣтъ еще смертности, однакожъ начинаютъ обнаруживаться нѣкоторые признаки; и мы уже готовимся къ срѣтенію страшной гостьи. Послѣ предварительныхъ медиц. пособій, положено прибѣгнуть къ

1847 г. высшимъ, духовнымъ средствамъ. 19-го числа предписано преосв. Митрополитомъ совершить вокругъ всего посада крестный ходъ. Съ 20-го у насъ въ академіи начнется постъ и общественная молитва. При этихъ спасительныхъ средствахъ и при заступленіи угодниковъ Божіихъ,—авось минуетъ насъ страшная туча будущаго бѣдствія.

Что касается въ частности до меня, то я, слава Богу, пока здоровъ и по мѣрѣ силъ, занимаюсь своимъ дѣломъ. Здоровье мое значительно укрѣпилось отъ продолжительнаго и пріятнаго путешествія на родину. Путешествіе свое я совершилъ благополучно: видѣлся со всѣми родными, и и всѣми былъ принятъ, какъ нельзя лучше. Почему я не пріѣхалъ въ Муромъ, вопреки крайнему желанію своему, причина вамъ, конечно, извѣстна. На обратномъ пути съ родины былъ я во Владимірѣ; являлся къ Преосвященному. Владыка принялъ меня благосклонно; обо многомъ распрашивалъ, и между прочимъ, спросилъ, гдѣ я провелъ вакацію; хвалилъ такъ-же мою рѣшимость оставить міръ въ пользу наукъ. И дѣйствительно—по собственному уже опыту могу сказать, что для молодаго вдоваго священника, разумѣется, сколько-нибудь расположеннаго и способнаго къ занятію науками, самое лучшее и безопаснѣйшее убѣжище—въ академіи. Сравнивая прежнюю мірскую жизнь (я разумѣю состояніе вдовства) съ настоящею, много, очень много находишь преимуществъ на сторонѣ послѣдней. Здѣсь совершенно свободенъ отъ всѣхъ суетъ и непріятностей, какія необходимо встрѣчаются въ мірѣ при многоразличныхъ отношеніяхъ. Въ академіи и отношенія и занятія гораздо простѣе".

Помѣщаю здѣсь интересную выписку изъ письма моего товарища Г. П. Быстрицкаго отъ 24-го октября къ другу его, студенту Кіевской академіи Н. И. Флоринскому:

„У васъ эпидемія кончилась или, по крайней мѣрѣ, получаетъ конецъ, а въ нашей сторонѣ она началась только... Въ Москвѣ оказалась холера около половины сентября.

Наша академія въ 60-ти верстахъ отъ столицы; народъ идетъ изъ Москвы во многомъ числѣ чрезъ посадъ: но еще Богъ хранитъ. 19 го дня, въ воскресенье, у насъ дѣлали крестный ходъ вокругъ всего посада. Церемонія была умилительная и торжественная; звонъ былъ постоянный въ лаврѣ, — а каковъ этотъ звонъ!... и въ цѣломъ посадѣ.

Процессія продолжалась пять часовъ.—И у насъ, въ акаде- 1847 г
міи, приняты предосторожности въ пищѣ, въ чищеніи комнатнаго воздуха и проч., а главное—въ очищеніи душъ. Конференція сдѣлала предложеніе и получила разрѣшеніе отъ Митрополита установить въ академіи временное говѣнье. И вотъ мы другой день готовимся къ Евхаристіи. Завтра, въ день Казанской Божіей Матери, мы будемъ пріобщаться св. Таинъ. Нынѣ исповѣдывались во грѣхахъ. Не обидѣлъ-ли я тебя чѣмъ-нибудь—прости меня: приступаю къ великому и страшному таинству...

Нынѣ (22-го дня) Господь удостоилъ насъ великаго дара. Да будетъ онъ намъ въ животъ временный и вѣчный. Да, другъ, дѣло, кажется, мы совершили весьма необходимое всегда, тѣмъ болѣе въ настоящихъ обстоятельствахъ. Богъ знаетъ, что будетъ. Будущее наше въ Его десницѣ; гнѣвъ Его, карающій беззаконія, шествуетъ уже недалеко.... Хороша, умилительна проповѣдь нашего владыки-Филарета, читанная во всѣхъ церквахъ Москвы,—на настоящій бѣдственный случай, начинающаяся воспоминаніемъ о Ниневитянахъ, о грозной проповѣди Іоны, о ихъ покаяніи,—изъ какого событія выводится нѣсколько поучительныхъ и утѣшительныхъ истинъ, прилагаемыхъ къ намъ въ настоящемъ положеніи. Проповѣдь эта отпечатана въ послѣдней, вышедшей книжкѣ Твореній св. Отцевъ....

Въ Москвѣ холера все усиливается.. Съ этимъ общимъ несчастіемъ—посѣщеніемъ гнѣва Божія, соединилась еще злоба людей. Поляки злодѣйствуютъ въ Москвѣ, стараются отравлять ядомъ—покушаются бросать оный въ колодези. Но ихъ злодѣйства открываются. У насъ вчерашній день прошелъ слухъ, что 60-тъ человѣкъ студентовъ университета отравили, что 8-мь человѣкъ погибло отъ яда, положеннаго въ вино цѣловальникомъ, подкупленнымъ злодѣями. Кстати о злодѣяхъ-Полякахъ. По ихъ милости и старанію, сгорѣла вся почти Кострома и въ то-же время множество домовъ въ нашемъ Ивановѣ... Одинъ изъ злоумышленниковъ—докторъ открытъ; попались въ этомъ дѣлѣ и бѣдные семинаристы—двое; они повинились въ поджигательствѣ, взявши отъ злодѣевъ денежную награду за это дѣло, и положили пятно на семинарію.

Радуюсь твоему счастію и радости, которою наполняется

1847 г. сердце твое отъ лекцій вашего почтеннаго о. ректора [1]). Учись и совершенствуйся подъ вліяніемъ этого ученѣйшаго и добродѣтельнаго наставника. Лекцій своего о. ректора я еще не слыхалъ: но, по отзывамъ слушателей, онъ лучше своего предшественника — настоящаго ректора С.-Петербургской академіи (преосв. Евсевія); съ вашимъ, конечно, не сравняется. Но не всѣхъ Богъ надѣляетъ равнымъ счастіемъ. Ваша академія отличается учеными ректорами; она имѣла свѣтильникомъ своимъ Иннокентія; теперь имѣетъ Димитрія. Нашъ Владыка, не знаю, по какой благой мысли, старается назначать ректоровъ сюда-болѣе хорошихъ правителей, чѣмъ наставниковъ. Потому настоящій о. ректоръ (Алексій) нашъ изъ числа кандидатовъ былъ меньшій по учености, если судить о ней по успѣхамъ академическимъ— по тому, какъ кончилъ курсъ въ академіи. Но онъ, дѣйствительно, достойный правитель и умный.... отецъ. Студенты имъ болѣе довольны, чѣмъ его предшественникомъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время; за будущее ручаться нельзя.

У насъ явилась новая книга— сочиненіе Макарія, инспектора Петерб. академіи — „Введеніе въ Православное Догматическое Богословіе". Я еще не читалъ ее; но всѣ читавшіе говорятъ, что нѣтъ ничего особеннаго; но можетъ-ли быть что-нибудь особенное въ сочиненіи, гдѣ не могутъ входить истины новыя, неслыханныя и завлекающія своею новостію. Изложеніе ихъ—система такъ же не можетъ отличаться новостію. Форма зависитъ отъ содержанія, отъ начала или идеи и ея развитія. Если эта идея и эти истины, выводимыя изъ нея, старыя: и форма не можетъ быть новою. Сама истина даетъ себѣ форму, или естественная форма ея та, которая выходитъ изъ нея самой. Въ журналахъ критики называютъ этого писателя — съ большою, огромною начитанностію.... Ив. Ник. Полисадовъ, который былъ у насъ,—очень хвалитъ его, какъ наставника и говоритъ, что занимается наукой очень много".

25-го октября получилъ я изъ Хотимля отъ зятя о. И. Н. Успенскаго письмо очень печальнаго содержанія.

„Много, много виноватъ я, — писалъ онъ отъ 20-го числа,—предъ вами, что на письмо ваше, присланное мнѣ,

[1]) Архимандрита Дмитрія (Муретова), впослѣдствіи архіепископа Херсонскаго († 1883).

досель не отвѣчалъ, и не соблюлъ даннаго слова. Опу- 1847 г.
стилъ случай писать вамъ въ пространномъ домку, теперь пишу въ банѣ на полку. Разсудокъ разстроенъ, память потеряна и вы сами признаете, что отъ настоящаго моего письма и пахнетъ баннымъ духомъ. Вотъ, милый братецъ! все мое предъ вами признаніе! Виноватъ, что прежде не писалъ, а теперь и мѣста нѣтъ, гдѣ-бы было писать. Видно въ послѣдній разъ въ ваше у насъ посѣщеніе мы наглядывались, хотя на немудрое устройство нашего пріюта. 18-го числа прошедшаго сентября въ три минуты не стало у меня ничего, что ни пріобрѣталъ, вамъ извѣстно, какъ, — въ 18-ть съ половиною лѣтъ. Въ первомъ часу пополудни у моего сосѣда — благочиннаго, неизвѣстно какъ, потому что не признаются, въ худой задней избѣ загорѣлось, и чрезъ минуту при сильномъ вихрѣ огонь пожралъ мои передній и задній домы. Не успѣли поглядѣть на нихъ и что было въ нихъ:— все мгновенно осталось жертвою пламени. При недостаткѣ средствъ отстаивать, у меня сгорѣлъ и погребъ со всѣмъ запасомъ, а что могли со стороны вынести кое что изъ дому, то сгорѣло среди улицы. Въ полчаса не стало ни одного дома, и—теперь Хотимль есть ничто иное, какъ чистое поле. Описывать-ли болѣе несчастное наше положеніе? Не станетъ у меня теперь ни разсудка, ни ума. Наступаетъ время холодное, а мы не имѣемъ, кромѣ бани и сарая, никакого пріюта. Въ селѣ нашемъ еще отъ 1-го пожара никто не отстроился, гдѣ-бы я могъ помѣститься съ своимъ семействомъ. Ни самимъ намъ, ни скоту убѣжища нѣтъ. Но, видно, такъ угодно Богу искусить нашу вѣру и терпѣніе. Онъ накажетъ, Онъ же и милость Свою намъ явитъ. Дѣлать нечего. Надобно горе перенесть,— свои грѣхи перечесть, а потомъ ужь сѣсть, да и ѣсть. Буди воля Господня надъ нами!“

На письмо это отвѣчалъ я 31-го числа.

Въ тотъ же день писалъ я въ Муромъ протоіерею М. Г. Троепольскому:

„Пріятнымъ долгомъ поставляю привѣтствовать васъ со днемъ вашего ангела. Да осѣняетъ жизнь вашу кровомъ крилъ своихъ великій предстатель небесныхъ силъ св. архистратигъ Михаилъ, да продлитъ Господь дни ваши въ мирѣ и вожделѣнномъ здравіи.

1847 г. Намѣреніе мое посѣтить Муромъ было не столько то, чтобъ насладиться привѣтомъ родныхъ, сколько воздать долгъ моей возлюбленной Аннѣ Васильевнѣ и, можетъ быть, однажды навсегда распроститься съ роднымъ городомъ. При томъ разсчитывалъ и то, что если я не воспользуюсь нынѣшней поѣздкой для посѣщенія Мурома, то едва ли буду имѣть возможность и средства быть тамъ до окончанія академ. курса; а до того времени, Богъ вѣсть, кто живъ будетъ. Вотъ нынѣ какія тяжкія времена: холера безъ разбора губитъ всѣхъ. Впрочемъ, благодареніе Господу и Его великому угоднику препод. Сергію, эта губительная язва, опустошая грады и веси, не проникла еще въ нашу Богоспасаемую обитель.

Что касается до меня, то я, слава Богу, здоровъ. Занятіями не слишкомъ обременяю себя, хотя отнюдь не позволяю себѣ праздности. Силы берегу на старшій курсъ; тамъ потребна будетъ большая дѣятельность; при томъ и предметы будутъ ближе къ моему званію и состоянію. Начинаю уже думать и о перемѣнѣ, если не образа жизни, то по крайней мѣрѣ одежды. Предлагалъ объ этомъ о. ректору, и по взаимному согласію, рѣшили отложить это дѣло до слѣдующаго года".

31-го октября писалъ мнѣ изъ г. Вязниковъ товарищъ и одинъ изъ близкихъ моихъ друзей по семинаріи, священникъ Василій Павловичъ Богородскій:

„Сколь давно я предполагалъ писать къ тебѣ, но обстоятельства и дѣла похищали это мое отрадное предположеніе. Но первые слухи о твоемъ несчастіи рѣшительно меня убѣждали сдѣлать съ тобою переписку, но все не удалось. И теперь пишу, какъ говорится, ущипкомъ и урывкомъ.

Другъ! что съ тобою?... не смѣю я тебѣ напоминать о Муромѣ, и не смѣю и спрашивать, какъ ты жилъ въ немъ? что-бы симъ не растрогать твою усыпающую печаль по А..... Но мнѣ хотѣлось-бы знать и о жизни твоей въ Муромѣ; но что-жъ? теперь и поздно; она для тебя невозвратима и безотрадна, и для меня незанимательна, между тѣмъ какъ прежде я всегда участвовалъ во всѣхъ радостныхъ обстоятельствахъ твоей Муромской первоначальной жизни. А послѣднее печальное событіе съ тобою—лишеніе (супруги) и меня неоднократно заставляло плакать.

Скажи мнѣ: какъ ты теперь живешь въ лаврѣ? и что 1847 г.
ты? не монахъ-ли? Да! любезный, я смѣло тебя спрашиваю, и, быть можетъ, не кажусь-ли тебѣ дерзокъ? Но я люблю тебя всей душой, и спрашиваю дружески. Другъ ли ты мнѣ и донынѣ, а я тебѣ другъ, быть можетъ хотя и скучный, и лишній. Тамъ, гдѣ ты теперь, много тебѣ найдется друзей, съ коими можно раздѣлить и время и чувствованія души, но почему-же бросать и прежнюю дружбу семинарскую, разсѣянную повсюду—по городамъ и селамъ? Тамъ, гдѣ ты теперь въ бесѣдахъ мудрости, можно забыть о нашихъ прежнихъ бесѣдахъ простоты. Но что мнѣ, пусть забылъ ты все; но я не забуду, не забуду тебя, любезный Иванъ Михайловичъ.

Но если ты уже забылъ меня,—я разскажу о себѣ. Кто я? ты знаешь; гдѣ живу? тебѣ извѣстно; а какъ?

Слава Богу! приходъ мой не богатый, но и бѣднымъ назвать такъ-же нельзя—посредственный, состоитъ изъ прихожанъ разныхъ сословій, а болѣе крестьянъ. Долго намѣревался я перейдти въ другой; но уничтоженіе штата одного въ нашей троеприходской церкви, дало мнѣ осѣдлость; тѣмъ болѣе потому я теперь бросилъ это намѣреніе, что построилъ новый домъ и довольно хорошій; надобно здѣсь жить; хотя денегъ мало, но труда много: служба повседневная,—обязанность увѣщанія въ судахъ и тутъ же побѣги въ поле по хозяйству, городъ и деревня у насъ вмѣстѣ; — можно найдти разгулъ; есть гдѣ имѣть и уединеніе;—выходишь въ поле,—любуешься нивами;—сходишь въ Вязники,—встрѣчаешься съ нимфами. Словомъ сказать: въ приходѣ моемъ жизнь-микстура; но при всемъ этомъ надобно сказать, не горькая.

Расположеніе гражданъ-дворянъ и купечества ко мнѣ не по достоинствамъ велико; любятъ и принимаютъ всѣ; но признаюсь тебѣ дружески, что только нѣтъ у меня расположенія и нѣтъ ко мнѣ расположенія у товарища моего протопопа І. Воинова, который всегда гордится тѣмъ, что онъ родился прежде меня 20-ю годами; но и желать дружбы его не интересно, а вражда его опасна, въ семъ отношеніи я частію не спокоенъ. И одинъ разъ злоба его противъ меня излилась и предъ Владыкой, но возвратилась къ его же ногамъ... Онъ благочинный и судья!...

1847 г. Скажи мнѣ, если ты не измѣнился въ отношеніи меня въ своихъ дружескихъ расположеніяхъ, о себѣ. Какъ пріятно тебѣ жить въ лаврѣ, или какъ скучно послѣ Мурома. Нѣтъ-ли какихъ новостей?

Да еще прошу тебя, Иванъ Михайловичъ, другъ мой, извѣсти: не издается-ли при академіи вашей какой-нибудь журналъ и какого достоинства; и за сколько его можно получить съ пересылкою; или другіе не выходятъ-ли какіе хорошенькія книжки, я бы чрезъ тебя выписалъ. Право! совершенно нечего почитать;—въ городѣ нѣтъ почти ни у кого хорошихъ христіанскихъ книгъ. А особенно узнай, нѣтъ-ли какихъ новыхъ Катихизисовъ или Катихизическихъ ученій, для преподаванія коихъ въ здѣшнемъ мѣстѣ опредѣленъ я и тружусь до пота, а толку мало. Владыкѣ за три года представилъ груду Катихизическихъ бесѣдъ;— прочелъ, замѣтилъ, благодарилъ и только...

Извѣсти, здравствуетъ-ли любезнѣйшій и незабвенный нашъ наставникъ Яковъ Ильичъ Владыкинъ? Я молюсь за его здоровье. Нѣтъ-ли съ тобою и еще кого-либо изъ нашихъ товарищей? а гдѣ? гдѣ друзья? скажи о комъ знаешь.

Конечно тебѣ, быть можетъ, некогда придумывать старину, но, другъ, хотя строчку отпиши новостей.

Вотъ и я при всѣхъ недосугахъ наболталъ тебѣ множество галиматьи; и буду доволенъ, если ты мнѣ на десять строкъ будешь отвѣчать одной.

Напиши, еще прошу, о хорошенькихъ книжкахъ,—избавь меня отъ скуки.

Я ожидалъ тебя въ Вязники, во время вакаціи, предполагая, что ты изъ Дупилова поѣдешь въ Муромъ. Но напрасно мое ожиданіе. Въ будущее же время сдѣлай трактъ на Вязники, а болѣе чрезъ Ераполь.

Прощай, Иванъ Михайловичъ. Извини братъ,—что писалъ очень не складно, право, почти стоя и не мысля".

6-го ноября даны были намъ по классу опытной Психологіи и Нравственной философіи слѣдующія 7-мь темъ для сочиненія:

1) „Постепенное развитіе души отъ пробужденія сознанія до начинающейся зрѣлости разума".

2) „Житейское благоразуміе".

3) „Извращенность эгоизма".

4) „Объ очищеніи и исправленіи темпераментовъ“. 1847 г.

5) „Отношеніе матеріальнаго благосостоянія къ нравственному состоянію человѣка“.

6) „Взглядъ на нравственное ученіе стоиковъ“.

7) „Какимъ образомъ опытное изученіе духовной природы человѣка ведетъ къ сознанію необходимости для него благодатной помощи?“

Я писалъ сочиненіе на послѣднюю изъ этихъ темъ, и сочиненіе признано „хорошимъ“.

11-го ч. писалъ я пространно своему Вязниковскому другу о. Богородскому въ отвѣтъ на его письмо отъ 31-го октября:

„Спѣшу немедленно отозваться на твой дружескій голосъ. Нѣтъ, любезный! напрасно подозрѣваешь меня въ безчувственномъ равнодушіи и совершенномъ забвеніи прежнихъ нашихъ отношеній. Я очень хорошо помню и люблю тебя, какъ добраго и искренняго друга и товарища. Въ числѣ друзей моихъ, коихъ впрочемъ у меня было не слишкомъ много, ты едва-ли не первое занималъ мѣсто: говорю это по чистой совѣсти. Твое добродушіе, твое благородство, чистота нравственности и явное ко мнѣ благорасположеніе всегда находили живое сочувствіе въ моемъ сердцѣ. Но къ чему излишнія объясненія?—Изъ того, что до сихъ поръ не было между нами переписки, никакъ не слѣдуетъ, что мы оба вдругъ забыли взаимныя наши отношенія. И безъ твоего письма я совершенно увѣренъ былъ въ твоемъ неизмѣнномъ ко мнѣ расположеніи,—и съ своей стороны могу твердо завѣрить тебя въ моемъ истинномъ усердіи и расположеніи. Нѣтъ, если мы питали другъ къ другу безкорыстную любовь: то это чувство, по слову Писанія, никогда не можетъ изгладиться: *любы николи же отпадаетъ*. Однако жъ этимъ хочу я сказать не то, чтобъ и вовсе не нужно было свидѣтельствовать внутреннихъ расположеній сердца внѣшними какими-бы то ни было знаками. Письменное посланіе есть ближайшее выраженіе дружеской пріязни: и я такъ же, какъ и вы, не разъ замышлялъ, даже принялся было однажды за перо, чтобъ напомнить вамъ, хотя въ краткихъ словахъ, о себѣ и о своихъ отношеніяхъ къ вамъ—это было еще въ Муромѣ: но обстоятельства отвлекли, и—замыслъ не совершился. Но теперь, когда вы, послѣ

1847 г. многократныхъ, какъ говорите, покушеній, рѣшились наконецъ нарушить столь долгое взаимное молчаніе наше, не могу и я не пробудиться отъ глубокаго безмолвія. За то, чѣмъ продолжительнѣе было молчаніе, тѣмъ пріятнѣе вступать въ откровенную бесѣду съ вѣрнымъ другомъ.

Прежде всего благодарю тебя, другъ мой!—за искреннее участіе въ постигшемъ меня злополучіи. Да, было время, когда много, слишкомъ много нужно было вынести моему бѣдному сердцу. Не буду изображать, да и не знаю, можно-ли выразить словами то состояніе, въ какомъ я былъ въ первые дни и мѣсяцы послѣ праведнаго посѣщенія Божія. Только та же благость Божія, которой угодно было наказать меня лишеніемъ единственнаго земнаго блага — доброй подруги,—могла и укрѣпить меня въ то время для безропотнаго перенесенія искушенія. Теперь съ перемѣною мѣста и образа жизни, слава Богу, я начинаю забывать нѣсколько прежнее горе. Что сказать вамъ о настоящемъ моемъ положеніи? — Если сравнивать его съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ я былъ въ Муромѣ до вдовства: то, конечно, оно не можетъ итти въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ параллель съ нимъ. Если же судить о немъ по отношенію къ послѣднему періоду моей жизни въ мірѣ: то нельзя не отдать ему въ этомъ случаѣ преимущества. Академическая жизнь для молодаго вдоваго священника, разумѣется, сколько-нибудь расположеннаго и способнаго къ занятію науками, — самое лучшее и безопасное убѣжище. Конечно, если смотрѣть на академію съ идеальной точки зрѣнія, то потребно много силъ и трудовъ, чтобы быть совершеннымъ студентомъ: предметовъ здѣсь очень много и притомъ излагаются всѣ въ возможно обширномъ объемѣ. Но кто же требуетъ невозможнаго? Здѣсь предлагаютъ всѣмъ все: но принимать и усвоять себѣ то или другое, въ такой или иной мѣрѣ, совершенно зависитъ отъ произвола каждаго. Главное здѣсь—сочиненія: на нихъ преимущественно обращается вниманіе, по нимъ окончательно судятъ о каждомъ студентѣ. Написалъ въ годъ три-четыре порядочныхъ сочиненія, — и преисправный студентъ. На сочиненія употребляется все время, исключая опредѣленныхъ для классныхъ занятій часовъ. Лекціи сдаются только недѣли за двѣ или за три предъ экзаменомъ. Дѣла мои въ

прошедшемъ году шли счастливо; не знаю, что Богъ дастъ дальше. Слушаешь въ классѣ чтенія профессоровъ и баккалавровъ большею частію съ удовольствіемъ. 1847 г.

До сихъ поръ я пребываю тѣмъ, чѣмъ пріѣхалъ изъ Мурома: однако-жъ начинаю уже думать и о перемѣнѣ одежды. Въ слѣдующемъ году, если только это будетъ угодно Господу, вы услышите мое новое имя. Вотъ какъ непостижимы судьбы Божіи! О монашествѣ у меня никогда не было прежде и помысла: а теперь этотъ путь для меня сдѣлался совершенно неизбѣженъ, если-бы даже я не былъ и въ академіи. Но да будетъ надо мною воля Божія!

Живу между монашествующими. Общество наше состоитъ теперь изъ трехъ братій: кромѣ меня, одинъ іеромонахъ, поступившій вмѣстѣ со мною въ академію съ Кавказа, но прямо на старшій курсъ;—другой—свѣтскій студентъ, изъявившій желаніе поступить въ монашество, въ слѣдствіе родительскаго обѣта посвятить его Богу, купеческій сынъ изъ Казани. Есть у насъ еще собратъ—молодой іеродіаконъ изъ старшихъ студентовъ: но, кажется, онъ уже погибъ для насъ; съ минувшаго іюня томится, несчастный, въ домѣ умалишенныхъ—въ Москвѣ, частію въ слѣдствіе природнаго предрасположенія къ умопомѣшательству, а еще болѣе въ слѣдствіе неблагоразумно-аскетическихъ подвиговъ, которые онъ добровольно наложилъ было на себя. Жизнь ученаго монаха не можетъ и не должна быть въ точности располагаема по примѣру жизни монаховъ пустынниковъ.

Особая выгода монашеской жизни въ академіи та, что можно безпрепятственнѣе, чѣмъ свѣтскимъ студентамъ, заниматься науками. При всемъ, впрочемъ, удобствѣ, я не позволяю себѣ слишкомъ много заниматься теперь потому, что разстроенное здоровье, съ коимъ я пріѣхалъ въ академію, еще не совершенно исправилось;—частію же и потому, что берегу силы для старшаго курса: тамъ и предметы ближе къ моему званію, и дѣятельность потребуется болѣе напряженная. Не безъ удовольствія, правда, можно заниматься и философскими предметами, но разсчитываешь то, какое приложеніе могутъ имѣть для меня эти предметы въ жизни. На сей разъ умственная дѣятельность моя сосредоточена исключительно на слѣдующемъ вопросѣ: „согласно-ли съ разумомъ ученіе Гегеля о прекращеніи лич-

1847 г. ности души"?—Давно уже тружусь надъ этимъ сочиненіемъ, но что-то худо клеится дѣло. А вы слыхали что-нибудь о Гегелѣ? Едва-ли: въ нашихъ семинарскихъ запискахъ, помнится мнѣ, и помину объ немъ не было. Это—современный Германскій философъ, котораго впрочемъ нѣтъ уже на свѣтѣ (онъ ум. отъ холеры), но косго духъ живетъ и, можетъ быть, долго еще будетъ жить въ потомствѣ. Его философія проникла всѣ почти Европ. литературы. Но сколько эта философія умна, или лучше, хитра, столько-же противна духу христіанскому. Ея основная идея,—пантеизмъ. Вотъ нѣкоторыя главныя ея положенія: все существующее есть проявленіе или видоизмѣненіе абсолютнаго духа. Недѣлимыя не болѣе, какъ моменты безконечнаго процесса. Въ духѣ человѣческомъ абсолютное достигаетъ до самосознанія. По смерти, человѣкъ теряетъ свою личность и существуетъ только въ тѣхъ дѣлахъ, кои совершалъ онъ въ здѣшней жизни, подъ вліяніемъ Божеств. личности.

Очевидно, для борьбы съ такими анти-христіанскими мыслями потребно много силъ и опытности. Къ тому же, не малымъ препятствіемъ служитъ еще невѣдѣніе нѣмецкаго языка, на которомъ писалъ Гегель. Нужда, правда, заставила и меня заняться этимъ языкомъ; и теперь, слава Богу, мало по малу начинаю уже кое-что понимать.

Теперь позвольте обратиться къ вамъ. Объ васъ давно я слышалъ пріятныя вѣсти,—слышалъ, и отъ души радовался. Но теперь вотъ и сами вы раскрываете предо мной картину своей жизни. Все бы хорошо, да одно мнѣ не совсѣмъ нравится: ваши взаимныя отношенія съ сослуживцемъ. Несогласіе въ обществѣ—это первый и главный источникъ всѣхъ непріятностей въ жизни. Напротивъ, *се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ*. На этотъ разъ я былъ очень счастливъ въ Муромѣ: враговъ, по крайней мѣрѣ, явныхъ никого не имѣлъ; какъ съ начальниками, такъ и съ равными себѣ всегда жилъ въ добромъ согласіи. Да и теперь всячески стараюсь поддерживать въ своемъ маломъ кругу миръ и любовь. Если же и случается встрѣтить какую-нибудь непріятность, всегда удерживаюсь отъ выраженія неудовольствія: гораздо безопаснѣе гасить искру прежде, нежели она обратится въ пламень. Совѣтую, другъ мой, и вамъ, *аще возможно, со*

всѣми человѣки миръ имѣти, тѣмъ болѣе съ старѣйшими 1847 г.
и судіями. Отъ нихъ не скоро дождешься чего-нибудь добраго, а бѣду какъ разъ получишь: вы же сами свидѣтельствуете это. Что дѣлать? Лучше иногда отступить отъ своихъ правъ, если это, разумѣется, не соединено прямо съ нарушеніемъ высшихъ требованій долга, нежели раздражать капризнаго старика.

Вы спрашиваете меня насчетъ журнала? Издается при нашей академіи журналъ: „Творенія св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія“. Обыкновенно выходитъ 4 книги въ годъ. Каждая книга состоитъ изъ 2-хъ частей: въ 1-й—русскій переводъ творенія извѣстнаго св. отца, а во 2-й—оригинальныя статьи нашихъ ученыхъ разнаго содержанія, разумѣется, духовнаго. Въ каждой книгѣ помѣщаются двѣ-три проповѣди преосвященнаго Митрополита. Годовое изданіе съ пересылкою 5 р. серебромъ. О достоинствѣ журнала говорить много нечего: переводъ съ греческаго самый точный и исправный; оригинальныя статьи, за исключеніемъ проповѣдей, имѣютъ характеръ по преимуществу ученый, и потому особеннаго приложенія къ дѣлу приходскаго проповѣдника имѣть не могутъ. Изданіе журнала началось съ 1843 года. Въ вышедшихъ доселѣ книжкахъ переведено только еще два отца—Григорій Богословъ и Василій Великій. Съ будущаго года начнутъ переводить Ефрема Сирина. Если угодно, можете выписать журналъ за всѣ прошедшіе годы“.

Выше я сказалъ, что насъ жило въ монашеской кельѣ трое; но я забылъ, что между нами водворялся еще одинъ товарищъ-свѣтскій студентъ Ѳерапонтъ Евдокимовъ, готовившійся къ принятію монашества. Онъ намъ съ о. Моисеемъ причинялъ безпокойства и заботъ не меньше, чѣмъ іеродіаконъ Серапіонъ. Сынъ богатаго Казанскаго купца, онъ съ дѣтства обреченъ былъ своими родителями на монашескую жизнь, и потому проходилъ, по желанію родителей, духовныя школы. По выслушаніи, подъ руководствомъ домашнихъ наставниковъ, наукъ семинарскаго курса, онъ, какъ даровитый юноша, поступилъ, для полученія высшаго духовнаго образованія, въ Московскую академію. Но здѣсь, вдали отъ родительскаго надзора, получая между

1847 г. тѣмъ отъ богатаго отца обильныя средства къ роскошной жизни, онъ повелъ жизнь, далеко не соотвѣтствующую предположенному назначенію. Около богатаго товарища не замедлила образоваться партія любителей веселой жизни на чужой счетъ. И вотъ, когда бывало нашъ Евдокимовъ получитъ съ почты не одну сотню рублей, онъ тотчасъ-же исчезаетъ изъ кельи на недѣлю, а иногда и долѣе, не показываетъ намъ и глазъ до тѣхъ поръ, пока не истощитъ изъ своего кармана до послѣдней мѣдницы. Затѣмъ, освободившись отъ лишняго бремени въ карманѣ и желая вознаградить потерянное вмѣстѣ съ деньгами драгоцѣнное время, онъ предается непомѣрнымъ занятіямъ наукою. Встанетъ, бывало, часа въ три или четыре и, поставивъ на столъ кипящій самоваръ, который своимъ шипѣніемъ не давалъ намъ покоя, читаетъ и пишетъ часовъ пять-шесть, не вставая съ мѣста. Въ половинѣ 1847 г. подано было имъ прошеніе о постриженіи его въ монашество и въ декабрѣ послѣдовало изъ св. Сунода разрѣшеніе. Въ январѣ, по возвращеніи изъ Москвы послѣ Рождественскихъ праздниковъ о. ректора, предположено было совершить надъ нимъ обрядъ постриженія. Между тѣмъ, онъ, во время праздниковъ, въ виду близкаго разлученія съ грѣшнымъ міромъ, захотѣлъ съ нимъ подобающимъ образомъ распроститься и предался съ своими избранными товарищами такому пьянству, что разъ среди дня его нашли лежащимъ среди лавры. Когда ректоръ возвратился изъ Москвы, ему доложено было объ этомъ скандалѣ. Вслѣдствіе сего, постриженіе Евдокимова, подъ разными предлогами, было отлагаемо далѣе и далѣе, и онъ, наконецъ, въ 1850 году выпущенъ былъ изъ академіи тѣмъ же Ѳерапонтомъ Евдокимовымъ, какимъ и вступилъ въ нее. Вмѣстѣ съ назначеніемъ, по окончаніи курса академіи, на должность наставника Вологодской семинаріи, передано было туда и дѣло о постриженіи его въ монашество. Онъ былъ постриженъ и названъ Ѳеодотіемъ: но не долго оставался въ живыхъ съ этимъ новымъ именемъ. Его крѣпкое отъ природы здоровье истощилось, наконецъ, отъ излишняго употребленія еще болѣе, чѣмъ его здоровье, крѣпкихъ напитковъ. Онъ умеръ не болѣе, если не менѣе, 30-ти лѣтъ

отъ роду. Да проститъ ему Господь грѣхи его юности, 1847 г.
хотя и не невѣдѣнія!..

Въ декабрѣ, въ отвѣтъ на письмо своего родственника, Муромскаго учителя Ястребова, я писалъ:

„Позволь, другъ мой, мнѣ быть откровеннымъ передъ тобой, но только передъ однимъ тобой. Сожалѣніе, которое ты изъявляешь касательно настоящаго моего положенія, напрасно. Вѣроятно, вамъ преувеличили или не такъ передали мои чувствованія относительно Мурома вообще, и относительно родныхъ моихъ въ особенности. Кто вамъ сказалъ, что я жестоко грущу, что мнѣ тѣсно въ стѣнахъ Богоспасаемой лавры. Правда, я говорилъ, и потомъ писалъ, что часто, и почти ежедневно, воспоминаю о Муромѣ: но воспоминать о прошедшемъ значитъ-ли непремѣнно быть недовольнымъ настоящимъ? Съ другой стороны, при всемъ довольствѣ настоящимъ моимъ положеніемъ, могу-ли я такъ скоро предать равнодушному забвенью мое прошедшее былое? Вѣдь у меня въ груди сердце, а не камень... Впрочемъ, если я до сихъ поръ еще не совершенно отрѣшился отъ Мурома (хотя совершенное отрѣшеніе, мнѣ кажется, и невозможно), то отнюдь не удовольствія и забавы привязываютъ къ нему мое сердце: ты самъ, конечно, помнишь, что я всегда былъ къ нимъ довольно равнодушенъ, а особенно въ послѣдній періодъ моей жизни между вами. Нѣтъ, какая-то высшая, духовная связь соединяетъ и, конечно, долго, долго будетъ соединять меня съ Муромомъ. Я любилъ и люблю родныхъ моихъ вовсе не за то, что они доставляли мнѣ иногда случаи къ разсѣянности, а потому, что родныхъ, какъ родныхъ, особенно такихъ, какихъ имѣлъ я въ Муромѣ, нельзя не любить. Теперь вопросъ—о чемъ же мнѣ грустить? О томъ, что я далеко отъ родныхъ? Но если моя любовь къ роднымъ есть любовь истинная, то она не ограничивается пространствомъ и временемъ. Грустить о томъ, что я лишился возможности участвовать въ веселыхъ пирушкахъ? Но, скажу вамъ откровенно, то, что всего болѣе меня интересовало въ родственныхъ собраніяхъ, возможно для меня и здѣсь, и еще въ большей мѣрѣ. Тихая, мирная бесѣда—вотъ что всего болѣе мнѣ нравилось, когда случалось быть въ кругу родныхъ или знакомыхъ: но такая

1847 г. бесѣда теперь возможна для меня, пожалуй, каждый день. Между товарищами моими есть не мало такихъ, бесѣдою коихъ не только можно услаждаться, но даже назидаться; имѣю также и между баккалаврами одного, крайне добраго человѣка, который всегда готовъ принять меня, и къ которому я могу имѣть полную довѣренность. Если же и случится когда-нибудь немного захандрить, то стоитъ только дойти до Виѳаніи, гдѣ я пользуюсь особеннымъ расположеніемъ прежняго моего наставника и благодѣтеля Як. И. Владыкина: этотъ старый острякъ способенъ разсѣять какую угодно хандру. Кто-то сказалъ вамъ, что мнѣ тѣсно въ стѣнахъ лавры? Напротивъ, очень просторно: случается такъ, что иногда недѣли двѣ-три не выглянешь и за ворота лаврскія; безъ особенной нужды, вовсе нѣтъ охоты выходить куда-бы то ни было. Прежде имѣлъ я знакомство съ однимъ изъ лаврскихъ іеромонаховъ и нерѣдко посѣщалъ его, а теперь оставилъ и эту связь: съ теченіемъ времени начинаешь какъ-то меньше и меньше ощущать потребность во внѣшнихъ развлеченіяхъ; хотѣлось бы даже вовсе уединиться. Какъ ни мало и ни спокойно общество, въ которомъ я теперь живу, но мнѣ все-таки хотѣлось бы имѣть особую келью: въ уединеніи всегда я чувствовалъ себя какъ-то лучше. Но что же дѣлать? Надобно потерпѣть немного; авось когда-нибудь и это желаніе мое будетъ исполнено. Итакъ, самъ ты видишь, любезный Гаврила Васильевичъ, что нѣтъ никакой достаточной причины мнѣ роптать, а вамъ сожалѣть о моемъ настоящемъ положеніи. Нѣтъ, надобно каждому испытать состояніе вдовства среди соблазновъ міра, и потомъ пожить въ академіи, чтобы сравнивать и надлежащимъ образомъ цѣнить ту и другую жизнь. Чего недостаетъ мнѣ теперь въ сравненіи съ прежнею мірскою жизнію? Нѣтъ у меня такого удобнаго и веселаго жилища: но что мнѣ въ этомъ удобствѣ и просторѣ, когда половина существа моего уже заключена въ тѣсномъ гробѣ и мрачной могилѣ? Нѣтъ у меня серебра и золота, которымъ, впрочемъ, не слишкомъ богатъ я былъ и въ мірѣ: за то нѣтъ большихъ нуждъ и потребностей; всѣ существенныя потребности наилучшимъ образомъ удовлетворяются теперь попечительнымъ начальствомъ. (Кстати замѣтить вамъ, что при настоящемъ о. ректорѣ, внѣшній бытъ ака-

деміи много улучшенъ въ сравненіи съ прежнимъ). Если 1847 г.
въ мірѣ успѣлъ я заслужить какую-нибудь репутацію и пользовался вниманіемъ и благорасположеніемъ добрыхъ людей, то всѣмъ этимъ я продолжаю пользоваться и теперь; начальники и наставники ко мнѣ благосклонны, товарищи вѣжливы и даже почтительны. Внѣшнее спокойствіе мое никогда почти не нарушается: братство наше мирно и спокойно. Что касается до внутренняго, душевнаго спокойствія: оно мало зависитъ отъ внѣшнихъ условій: исправность или неисправность по своей должности— вотъ единственное почти условіе пріятнаго или непріятнаго расположенія духа. Правда, совершенно быть исправнымъ въ академіи невозможно или, по крайней мѣрѣ, весьма трудно: но невозможнаго никто не въ правѣ и требовать. Трудись столько, сколько позволяютъ силы,—и ты будешь правъ и спокоенъ. Не соблюдая этого правила, въ академіи очень легко погибнуть и сдѣлаться въ тягость себѣ и другимъ: примѣры эти у насъ нерѣдки. Теперь одинъ изъ моихъ товарищей страдаетъ, бѣдный, сильно чахоткой: а причиной неблагоразумная ревность.

Что касается до меня, то я бреду не спѣша: куда торопиться? Тѣхъ, кои быстрѣе и крѣпче меня, никогда не опередишь; а тѣхъ, кои потяжелѣ меня на ногу-то, всегда останутся назади. Особенно теперь, на младшемъ курсѣ, не нужно тратить напрасно силъ: на старшемъ курсѣ предстоитъ трудовъ гораздо больше, и тамъ-то нужно будетъ сосредоточить свои силы. Доселѣ, не обременяя себя излишними занятіями, я слегка касался всѣхъ предметовъ, исключая математики. При постоянномъ почти хожденіи въ классъ, я успѣлъ за прошедшій годъ подать только три сочиненія, а два остались недоконченными: не смотря, однако-жь, на это, я получилъ то, чего рѣшительно не могъ ожидать. Удовлетворяя твоему крайнему любопытству, я сообщу тебѣ, подъ какимъ нумеромъ я записанъ, но съ условіемъ— не разглашать это каждому встрѣчному и поперечному. На годичной конференціи я поставленъ въ общемъ спискѣ подъ № 11. Въ первый разъ потому я не отвѣчалъ тебѣ, что тогда это было еще неизвѣстно: нынѣ, предъ святками, конференціи у насъ не бываетъ.

Послѣ сего, любезный другъ мой, вы можете быть спо-

1847 г. койны въ разсужденіи настоящей моей участи: можете даже и порадоваться вмѣстѣ со мною, что такъ Господь устроилъ судьбу мою. Но finis coronat opus: Богъ вѣсть, что ожидаетъ меня впереди!

Прощай же, другъ мой, не оставляй, если можешь, посѣщать меня своими письмами; съ своей стороны и я не останусь въ долгу у тебя; только напередъ прошу не злоупотреблять моею откровенностію".

Среди обычныхъ частныхъ испытаній предъ праздникомъ Рождества Христова, намъ даны были для экспромптовъ слѣдующія темы:

1) Num malum metaphysicum, scilicet limitatio rerum creatarum, revera pro malo haberi potest? и 2) „Въ какой мѣрѣ отъ истинности содержанія зависитъ художественное достоинство ораторскаго творенія?"

29-го декабря писалъ я въ Муромъ стряпчему А. А. Горицкому:

„Честь имѣю привѣтствовать васъ съ наступающимъ новымъ годомъ. Отъ полноты признательнаго сердца желаю вамъ, въ грядущемъ лѣтѣ, при добромъ здравіи, новыхъ, счастливыхъ успѣховъ въ дѣлахъ вашего общеполезнаго служенія.

Послѣ многихъ, частныхъ и общественныхъ бѣдствій, коими ознаменованъ былъ для нашего отечества истекающій годъ, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ ожидаешь наступленія новаго лѣта. Что-то новаго, думаешь себѣ, принесетъ намъ новый годъ? Какіе жребіи готовитъ онъ для каждаго изъ насъ?

Что касается до меня, то, по всей вѣроятности, ожидаетъ меня, въ грядущемъ лѣтѣ, важная перемѣна.

Послѣ праздника Крещенія, когда возвратится изъ Москвы нашъ о. ректоръ, я намѣреваюсь приступить къ начатію дѣла о постриженіи въ монашество; и — судя по обыкновенному теченію подобныхъ дѣлъ, съ праздника Пасхи, а можетъ быть, и ранѣе, для меня начнется новый періодъ жизни. Проведши полтора года въ кругу монашествующихъ, конечно, я успѣлъ уже нѣсколько присмотрѣться къ иноческой жизни, и эта жизнь, въ современномъ ея значеніи, представляется мнѣ какъ будто не слишкомъ страшною, тѣмъ болѣе, что съ давнихъ поръ я замѣчалъ въ себѣ подъ часъ какую-то особенную любовь къ уединенію: тѣмъ

не менѣе однакожь признаться надобно, что иное дѣло быть 1848 г.
постороннимъ наблюдателемъ, и иное — опытно дознавать трудность отшельнической жизни; совсѣмъ иное—исполнять что-либо по доброй волѣ, и дѣлать то-же самое по неотразимому требованію долга. Природа наша такова, что для насъ большею частію не то благо бываетъ пріятно и дорого, которое свободно и безъ труда пріобрѣтается, но то именно, достиженіе котораго соединено съ большими или меньшими препятствіями, или даже съ нарушеніемъ положительныхъ законовъ. Но какъ бы то ни было, а путь монашества для меня, при моихъ обстоятельствахъ, неизбѣженъ. Что дѣлать?.. Гдѣ не достанетъ собственныхъ силъ, тамъ поможетъ благодать Божія, которая преимущественно въ немощахъ и совершается".

Съ новаго 1848 года я возъимѣлъ было намѣреніе ежедневно записывать мысли и чувствованія, возбуждаемыя при чтеніи Библіи: къ сожалѣнію, это благое предпріятіе очень скоро прекратились.

Вотъ что было мною записано въ первый день новаго года, въ четвертокъ.

Востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ (Еф. V, 14).

Время, время пробудиться отъ глубокаго и столь долгаго сна, грѣшная душа моя! Время воспрянуть тебѣ изъ мрачнаго гроба злыхъ навыковъ и порочныхъ страстей! Пора отозваться на гласъ зовущаго тебя небеснаго Жениха! Поспѣши, о, поспѣши къ Нему, душа моя! И Онъ, милосердый, осіяетъ тебя Божественнымъ Своимъ свѣтомъ, озаритъ тьму твоего невѣдѣнія; разсѣетъ мрачные твои помыслы; просвѣтитъ тебя свѣтомъ Боговѣдѣнія, согрѣетъ хладное сердце твое лучами всесильной Своей благодати; оживотворитъ и направитъ волю твою къ добру.

Начало новаго лѣта да будетъ началомъ моего духовнаго обновленія. Отселѣ все мое вниманіе да будетъ устремлено на то, чтобъ уклоняться, по возможности, отъ всѣхъ нечистыхъ помысловъ, подавлять въ себѣ порочныя чувствованія, истреблять худые навыки" [1]).

Помѣщаю здѣсь выписку изъ любопытнаго письма моего

---

[1]) Въ подлинникѣ „Хроники" сохранилось еще нѣсколько дневныхъ записей (на 2-е, 3-е и 16-е января).

1848 г. товарища Быстрицкаго къ Кіевскому другу его Флоринскому отъ 3-го января:

„Благодаря болѣзнямъ, я не успѣлъ, въ продолженіе трети, подать и одного сочиненія... Предложеніе для своего сочиненія я избралъ изъ данныхъ Ѳ. А. Голубинскимъ по классу метафизики; вотъ оно: „Согласно-ли съ здравымъ разумомъ ученіе Гегеля о прекращеніи личности души по смерти?“—Не правда-ли, что предметъ интересный, но и вмѣстѣ самый утонченный—отвлеченный, сухой?—Какъ-бы думалъ ты, много-ли можно написать о немъ? Общая истина — если у насъ дается предметъ для сочиненія, то надобно нѣсколько источниковъ перечитать; слѣд., сочиненіе должно выйти обширное. Это предложеніе еще довольно частно; а то даны большею частію самыя общія, на примѣръ по классу Исторіи древней философіи,—о законахъ Ману, объ ученіи Конфуція, о Сенекѣ. По классу Исторіи новой философіи: взглядъ на онтологію Гегеля; о вліяніи Канта на новѣйшую философію: о борьбѣ Якоби противъ идеализма Канта и Фихте и пантеизма Шеллинга; разборъ Теодицеи Лейбница и др. Для подобныхъ предметовъ сколько нужно времени и труда, и сколько самаго писанія! Отъ того и пишутъ у насъ листовъ по 15-ти, 20-ти и даже болѣе. И первое мое предложеніе, кажется, не обширно, а требуетъ многаго,—требуетъ прочтенія Гегелевой Логики, гдѣ онъ развертываетъ свое абсолютное, и частію другихъ наукъ: потому что этому предмету,-состоянію души по смерти Гегель не посвятилъ ни одного трактата въ своей обширной системѣ, а его мысль, между тѣмъ, сказывается въ этой системѣ и выходитъ изъ нея; значитъ, нужно узнать духъ всей его системы и опровергнуть коренные пункты его ученія; а эти пункты: абсолютное въ себѣ, абсолютное внѣ себя, абсолютное для себя,—моменты, которыхъ изложенію посвящена Логика. А какова эта Логика! Сколько тутъ отвлеченностей! Сколько утонченности! На каждой строчкѣ, почти на каждомъ словѣ надобно останавливаться и думать.

Дѣло трудно, очень трудно, но и отрадно; охотнику подумать—есть надъ чѣмъ позадуматься. И съ кѣмъ имѣешь дѣло? Съ Гегелемъ, который усвоилъ себѣ высокое служеніе Божеству—довершить то, къ чему стремилась религія и философія издавна, довершить то, что началъ І. Христосъ.

Христосъ, по его понятію, вѣрою постигъ абсолютное; 1848 г.
онъ разумомъ обнялъ его,—или лучше, само абсолютное въ немъ познало себя; — съ Гегелемъ, который покорилъ себѣ многіе умы, пріобрѣлъ много явныхъ и тайныхъ послѣдователей, котораго мысли нынѣ въ большомъ ходу и— что онѣ произведутъ?—Какое утѣшеніе, что отвращаешься отъ нихъ умомъ и сердцемъ! Потому что какъ горько разстаться съ убѣжденіями, принятыми въ младенчествѣ, взлелѣянными воспитаніемъ, укрѣпленными собственнымъ размышленіемъ!—Представь, какъ измѣняется время, возрастаетъ мысль, расширяется кругъ разумной дѣятельности. Не знаю, какъ ты, а что до меня, такъ я въ семинаріи и не слыхалъ о Гегелѣ; а теперь?—теперь случилось опровергать его. Моя мысль, мое расположеніе сошлись съ твоими. Ты жалѣешь, что у васъ не положено было особеннаго класса для Исторіи новой философіи; вѣрно ты любишь ее и съ аппетитомъ занялся-бы ею: такъ и я; только я въ этомъ отношеніи счастливѣе тебя, потому что у насъ есть этотъ классъ отдѣльный,—и большое спасибо баккалавру, читающему эту науку (Ип. М. Богословскому); читаетъ славно, только слушай: всѣ довольны чтеніемъ, и классъ всегда полонъ, а у насъ это знакъ удовлетворительнаго преподаванія. Онъ долженъ прочитать среднюю и новую философію; въ прошедшую треть слушали о схоластической философіи; сколько могли ожидать отъ преподавателя, получили; но такъ какъ самая эта философія пуста, безсодержательна, то лекціи по временамъ интересовали только комическимъ изображеніемъ смѣшныхъ сторонъ ея; изъ всѣхъ лекцій мнѣ особенно понравились объ Іоаннѣ Скоттѣ Эригенѣ. Онъ началъ собою схоластическій міръ, но онъ первый и возвысился надъ нимъ; въ немъ начатки пантеизма, который раскрылся во всей полнотѣ у Гегеля; онъ горячо привязанъ былъ къ твореніямъ Діонисія Ареопагита и Максима Исповѣдника—мистиковъ христіанскихъ, и со всею любовію занимался Платономъ и Аристотелемъ,—и былъ оригинальный мыслитель. Онъ соединилъ начало вѣры съ началомъ философскимъ—мистицизмъ съ свободою мышленія, и изъ этого соединенія вышло третіе, не похожее ни на то, ни на другое ученіе,—оригинальное. Извѣстно раздѣленіе его ученія: природа несотворенная и творящая, природа со-

1848 г. творенная и творящая, природа сотворенная и не творящая, природа не сотворенная и не творящая“...

18-го января писалъ мнѣ изъ Владиміра шуринъ, С. Царевскій:

„Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и отъ души желаю провести вамъ оный благополучно.

Давно уже, слишкомъ давно не писалъ я вамъ. Въ настоящій годъ постараюсь вознаградить свое прежнее молчаніе частымъ разглагольствіемъ; вы, съ своей стороны, на вѣрное, не откажетесь отвѣчать тѣмъ-же. Съ перваго же мѣсяца начинаю свою переписку съ вами. Если угодно будетъ вамъ, каждый мѣсяцъ будете получать по такому посланію, каково и сіе.

Какъ много собралось въ головѣ моей такого, о чемъ нужно писать къ вамъ! Я, право, не знаю съ чего и начать,—что поставить прежде, что послѣ. Но вы, навѣрное, не взыщете, если то, что вамъ хочется поскорѣе узнать, поставлено будетъ не напереди. Чего, изъ желаемаго вами, не достанетъ въ семъ письмѣ, о томъ спросите, — и я не замедлю отвѣтить вамъ.

Хотѣлось, можетъ быть, вамъ короче узнать своего преемника, священника Александра Орфанова—зятя нашего. Богъ дастъ, увидитесь и ознакомитесь. Не стану описывать вамъ его, потому что не полное понятіе о немъ получили вы отъ дяденьки, а полное сообщить,—я не знаю уже какъ. Скажу только, что онъ мущина умный и смирный. Онъ успѣлъ уже и похворать. Въ іюлѣ прошлаго года напала на него какая-то задумчивость, тоска, какое-то недовольство самимъ собою и какой-то непонятный страхъ, особенно при Богослуженіи; все сіе продолжалось съ нимъ мѣсяца полтора, такъ что онъ не могъ служить ни обѣдни, ни утрени, только одну вечерню, и то съ великимъ усиліемъ могъ отправить. По мнѣнію докторовъ, это происходило въ слѣдствіе разлитія и неправильнаго отдѣленія желчи. Благодаря Богу и медицинѣ, теперь все прошло, — не извѣстно, что будетъ впередъ.

Остаюсь искренно любящій васъ братъ, ученикъ 3 высш. отд. семинаріи Сергій Царевскій“.

На письмо это отвѣчалъ я отъ 27-го того же января:

„Благодарю васъ, любезный мой Сергій Васильевичъ,

отъ души благодарю за ваше привѣтствіе и усердное благо- 1848 г.
пожеланіе, а равно и за возобновленіе письменнаго собе-
сѣдованія со мною. Дѣйствительно, терялся я и доселѣ те-
ряюсь въ различныхъ догадкахъ насчетъ вашего общаго
молчанія, которое до сихъ поръ вы сохраняли относительно
меня. Если причиной вашего молчанія было именно то,
что вы представляете въ письмѣ своемъ, то это еще бѣда
не большая, ее легко можно поправить. Если же что-ни-
будь другое, то, признаюсь, для меня не совсѣмъ это
пріятно. Впрочемъ, продолжительное молчаніе ваше воз-
буждало и возбуждаетъ во мнѣ не столько ропотъ и него-
дованіе, сколько сожалѣніе о томъ, что и сами хотѣли и
меня заставили такъ скоро забыть о нашихъ взаимныхъ
отношеніяхъ. Скажу не обинуясь: мое сердце болѣе при-
вязано къ Мурому, чѣмъ къ родинѣ. Но послѣднее письмо
ваше, такъ неожиданно мною полученное, привело меня
въ новое недоумѣніе. Я желалъ-бы узнать откровенно, по
собственному-ли побужденію вы начинаете опять со мною
переписку, или другой кто-нибудь внушилъ вамъ это? Если
по собственному побужденію—хорошо, а если по чуждому
внушенію, то еще лучше. Но въ послѣднемъ случаѣ для
меня все-таки остается загадкою, почему изъ Мурома ни-
кто не пишетъ мнѣ ни слова? Отъ маменьки вашей я уже
и не ожидаю писемъ, и самъ не пишу ей, хотя бы и
нужно было, по причинѣ, которая ей одной извѣстна. Но
не желая безпокоить ихъ непосредственно, я прошу васъ
быть между нами посредникомъ: я увѣренъ, что теперь,
кромѣ васъ, никого нѣтъ къ нимъ ближе. Дѣло вотъ въ
чемъ: онѣ обѣщали въ ноябрѣ выслать мнѣ деньги за
оставленныя мною для продажи вещи, но и до сихъ поръ
не исполняютъ обѣщанія, вѣроятно, потому, что не всѣ
вещи проданы. Между тѣмъ я начинаю ощущать нужду въ
деньгахъ; прежній запасъ мой уже истощился, а одол-
жаться, безъ крайней надобности, не хотѣлось бы.

Итакъ, если вы, по прежнему обычаю, отправитесь на
сырную недѣлю въ Муромъ, предложите объ этомъ ма-
менькѣ, и попросите ихъ выслать мнѣ обѣщанныя деньги,
если не всѣ, то сколько можно. Въ случаѣ же совершен-
ной невозможности почему-либо удовлетворить моей просьбѣ,
по крайней мѣрѣ немедленно извѣстите меня: я такъ и

1848 г. буду уже располагаться своими отрицательными доходами. Было время, когда я имѣлъ возможность другимъ помогать; теперь самъ нуждаюсь въ помощи другихъ. Но Богъ милостивъ! авось настанетъ время, когда опять возвратится ко мнѣ прежняя возможность быть чѣмъ-либо полезнымъ для другихъ... Время летитъ быстро: давно-ли, кажется, оставилъ я Муромъ? И вотъ уже почти половина пути совершена мною на поприщѣ академическаго образованія. При помощи Божіей и за доброе здоровье, не увидишь, какъ приблизишься къ желанному берегу.

Что до меня, то я, слава Богу, здоровъ и благодушествую. Спрашиваешь: не случилось-ли со мной въ святки чего новенькаго? т. е. не отрекся-ли я отъ міра и не вступилъ-ли въ монашество? Нѣтъ. Думалъ-было, впрочемъ, въ настоящемъ мѣсяцѣ подать прошеніе: но, по совѣту о. ректора, отложилъ до будущей вакаціи, и потому не прежде, какъ въ сентябрѣ, могу я облечь себя въ санъ иноческій.

Съ братской къ вамъ любовію и усердіемъ остаюсь М. д. ак. студентъ, свящ. І. Тихомировъ".

28 февраля получилъ я изъ Вятки письмо отъ отца Стефана (Матвѣева). Онъ писалъ:

„Надѣясь на доброту вашего сердца и благоразуміе, я опять прошу васъ исполнить порученіе, только другаго рода. Именно слѣдующее:

Я составилъ жизнеописаніе моего родителя, миссіонера архимандрита Иліи и намѣренъ издать въ свѣтъ, какъ сіе жизнеописаніе, такъ вмѣстѣ съ нимъ и сочиненія покойнаго моего родителя. Все уже съ моей стороны приготовлено.

Недоумѣніе вотъ въ чемъ: не знаю положительно, куда представить на разсмотрѣніе біографію и сочиненія моего родителя: въ Сѵнодъ-ли, или въ Цензурный комитетъ при академіи духовной? Если въ Цензурный комитетъ, то достаточно-ли будетъ испросить на сіе представленіе благословенія епархіальнаго епископа, т. е. Вятскаго.

Всѣ сіи вопросы можетъ удовлетворительно рѣшить цензоръ. Поэтому прошу васъ покорно принять на себя трудъ— сходить къ Ѳеодору Александровичу или къ Петру Спиридоновичу и обстоятельнѣе спросить ихъ о чемъ я выше написалъ. За симъ прошу васъ о всемъ этомъ увѣдомить".

Исполнивши возложенное на меня порученіе, я поспѣ-

шилъ отвѣтить почтенному о. Стефану; и вотъ что писалъ 1848 г.
ему отъ 2-го марта:

„Сейчасъ былъ я у Ѳеод. Александровича по вашему порученію. Онъ выслушалъ мое объясненіе съ обычною ему благосклонностію, и поручилъ мнѣ передать вамъ слѣдующее. Сочиненіе ваше не слѣдуетъ представлять въ Сунодъ, если нѣтъ въ немъ какихъ-нибудь особенныхъ повѣствованій, какъ, напримѣръ, о чудесныхъ знаменіяхъ благодати, о предсказаніяхъ и т. п., а можете представить прямо его въ Цензурный комитетъ, при прошеніи, въ которомъ должны упомянуть, что вы приступаете къ этому дѣлу съ благословенія преосвященнаго; но еще было бы лучше, если бы преосвященный своеручно написалъ нѣсколько словъ на вашей рукописи. Въ случаѣ нужды, достаточно для сего и одного соизволенія мѣстнаго архипастыря. Но Ѳ. Александровичъ совѣтуетъ вамъ (предоставляя, впрочемъ, это вашему собственному усмотрѣнію), прежде, нежели вы испросите благословеніе у мѣстнаго преосвященнаго, снестись письменно съ преосв. Пермскимъ, представивъ ему копію съ вашей рукописи не съ тѣмъ, чтобъ требовать его согласія, а только попросить его совѣта и наставленія, какъ архипастыря, подъ вѣдѣніемъ коего совершалъ свое служеніе и вашъ покойный родитель. Этимъ вы сдѣлаете ему честь, а между тѣмъ и для себя получите нѣкоторую выгоду. Выгода для васъ будетъ та, что въ случаѣ его одобренія и письменнаго увѣдомленія, котораго, можетъ быть, онъ удостоитъ васъ, цензурѣ не будетъ никакой надобности входить въ письменныя сношенія съ Пермскою консисторіею, безъ которыхъ она иначе не можетъ обойтись въ томъ случаѣ, если въ вашемъ сочиненіи встрѣтитъ разсказъ о какомъ-нибудь важномъ подвигѣ вашего родителя, напр., объ обращеніи большаго количества иновѣрцевъ. При семъ съ вашей стороны требуется только то, чтобы вы вмѣстѣ съ рукописью представили въ Цензурный комитетъ подлинное письмо преосвященнаго Аркадія. Цензоръ, снявши съ него копію, немедленно возвратитъ его вамъ. Эта копія не будетъ присоединена къ вашему дѣлу, но будетъ служить для цензора опорою въ случаѣ какихъ-нибудь постороннихъ недоумѣній и возраженій на ваше сочиненіе. Если же, по истеченіи

1848 г. двухъ или трехъ мѣсяцевъ, вы не получите отъ преосвященнаго никакого отвѣта: въ такомъ случаѣ вы можете ограничиться благословеніемъ мѣстнаго преосвященнаго и спокойно представить вашу рукопись на разсмотрѣніе Цензурнаго комитета.

Да вотъ что еще совѣтовалъ онъ вамъ сдѣлать: присылать рукопись не прямо въ комитетъ, а на мое имя, для того, чтобъ я могъ предварительно показать ему оную.

Замѣтно, онъ хочетъ принять дѣятельное участіе въ вашемъ предпріятіи. Отъ души порадовался онъ, когда услышалъ, что вы рѣшились увѣковѣчить имъ достойнаго вашего родителя. О вашемъ батюшкѣ онъ отзывался очень съ хорошей стороны, наслышавшись объ немъ отъ вашихъ земляковъ. Въ заключеніе бесѣды, добрый старецъ подробно разспросилъ меня о настоящемъ вашемъ положеніи, и поручилъ свидѣтельствовать вамъ почтеніе".

Изъ среды молодыхъ товарищей по академіи я болѣе всѣхъ сблизился съ Гр. Петр. Быстрицкимъ и сердечно полюбилъ его, какъ юношу умнаго, благонравнаго, кроткаго и благороднаго. Взаимно и онъ ко мнѣ искренно былъ расположенъ,—о чемъ онъ писалъ, между прочимъ, къ своему сверстнику по семинаріи и другу, студенту Кіевской академіи Н. И. Флоринскому. Вотъ что онъ писалъ ему отъ 30-го марта:

„Странное, смѣшанное впечатлѣніе произвело на меня твое сравненіе нашихъ успѣховъ съ вашими, по поводу сочиненій столько ученыхъ и обширныхъ въ нашей академіи. Какъ воспитаннику этой академіи, мнѣ пріятно это предпочтеніе, которое ты даешь: кому не лестно слышать похвалы о себѣ?— Но, съ другой стороны, я тоже скорбное ощущеніе испытываю въ отношеніи къ здѣшней академіи, какое ты по отношенію къ себѣ. Видимая сторона нашихъ занятій блестяща; какіе важные, высокіе предметы! сколько матеріала для разработки! Сколько поприща для размышленія, пособій и средствъ для положительныхъ познаній! Но увы! сколько и труда, времени, однихъ механическихъ занятій. Трудъ одностороненъ, потому что обращенъ на одинъ, единичный предметъ науки изъ множества; время, которое можно-бы посвятить пріобрѣтенію разнообразныхъ свѣдѣній, мышленію о разнообразныхъ предметахъ, все

поглощается изученіемъ одного. У насъ все вниманіе студентовъ обращено на сочиненіе, и сочиненія имѣютъ самое главное и едва-ли не единственное значеніе на конференціи. Послѣ этого можешь судить о нашихъ занятіяхъ науками, которые преподаются въ классѣ. Слушаютъ преподавателей по преимуществу и почти единственно тѣхъ, которые особенно завлекаютъ лекціями. Чтеніе журналовъ (которыхъ мы выписываемъ четыре; кромѣ того, мы младшіе студенты выписали творенія Шекспира и романы Вальтеръ-Скотта)— чтеніе журналовъ составляетъ занятіе у насъ довольно важное—(объ этихъ вещахъ, пожалуйста, помолчи). Касательно сочиненій, такъ обширныхъ, студенты вообще недовольны настоящимъ порядкомъ вещей,—конечно, отъ насъ самихъ зависитъ это, но вмѣстѣ и отъ свойства предложеній. Есть надежда на счастливую перемѣну. О. ректоръ съ слѣдующаго года думаетъ совершить ее. Въ мое дежурство по классу, случилось мнѣ услышать отъ него эту пріятную рѣшимость. Онъ спрашиваетъ меня, всѣ-ли подали сочиненіе; я отвѣчаю: нѣкоторые еще пишутъ первое (данное еще въ самомъ началѣ года, а такой вопросъ о. ректора былъ на 3-й недѣлѣ велик. поста), а большая часть занимается вторымъ (даннымъ въ концѣ первой трети), не многіе подали это послѣднее. Онъ говоритъ съ негодованіемъ и прискорбіемъ: страшный безпорядокъ; гдѣ основанія, данныя для надлежащей, справедливой оцѣнки трудовъ и дарованій студентовъ? И въ слѣдующій годъ обѣщалъ совершить благодѣтельный переворотъ. 1848 г.

Такъ вотъ каковы наши дѣла! Мы на пути къ усовершенію и въ другихъ отношеніяхъ. Не давно пришло утвержденіе на предложеніе нашей академіи — литографировать лекціи. Не знаю, скоро-ли начнется это полезное дѣло, а все-таки начнется; хорошо, если-бы въ настоящемъ же году. Счастливы студенты СПБ. академіи—не трудятся, а лекціи готовы и при томъ въ возможно полномъ видѣ, — въ системахъ. У насъ этой полноты въ началѣ не можетъ быть: но и то, что будетъ, хорошо, главное, избавимся отъ труда писать.

Вотъ еще новость, пріятная для нашей академіи. Писали изъ Петербурга объ утвержденіи другаго предложенія академіи—о прибавкѣ суммы на содержаніе студентовъ; будетъ

1848 г. прибавлено 100 р. на студента, на котораго ассигновалось 350 р. ассигн. И это, если сбудется, прекрасно: будемъ имѣть по другой шинели; такимъ образомъ въ семинарію пріѣдешь не въ рубищѣ, а порядочнымъ молодымъ человѣкомъ.

Ты говоришь о настоящемъ европейскомъ движеніи, и мнѣ позволь не много поговорить о немъ, потому что это такой предметъ, который занимаетъ всякаго мыслящаго. Предъ нашими глазами совершается реформа, которой равной едва ли найдешь въ какомъ-либо другомъ вѣкѣ всемірной исторіи. Переворотъ въ необыкновенномъ размѣрѣ, и чрезвычайно быстрый; онъ охватилъ или грозитъ охватить весь западъ: вотъ какова сила идеи; вотъ какъ способны убѣжденія перейти въ дѣло.

Ты мнѣ не сказывалъ, читаете-ли вы журналы; а вотъ въ этомъ отношеніи, чтобы слѣдить за развитіемъ человѣчества въ лицѣ образованной Европы,—за движеніемъ человѣческой мысли, чтеніе ихъ очень полезно. Настоящій вѣкъ, какъ извѣстно, вѣкъ промышленности, и слѣдовательно любви къ матеріальному благосостоянію: но къ этому интересу присоединился другой,—думаютъ разлить довольство по всѣмъ состояніямъ, такъ, чтобы, какъ выражаются „Отечественныя Записки“, не было ни просящихъ, ни дающихъ, однимъ словомъ, чтобы на землѣ водворилось блаженство. Это истинно-человѣческій, христіанскій интересъ. Благодареніе Сисмонди—виновнику такого направленія политической экономіи, которая теперь взяла на себя изысканіе средствъ къ осуществленію этой идеи, или, лучше, утопіи, потому что едвали возможно на землѣ блаженство и при томъ для каждаго человѣка. Эта идея сама собою приводитъ къ другой,—а можетъ быть изъ нея вытекла, — къ идеѣ о безусловномъ развитіи личности, потому что счастіе и наслажденіе естественно предполагаютъ удовлетвореніе всѣхъ личныхъ влеченій, съ идеею о безусловномъ развитіи личности стоитъ рядомъ идея о личномъ правѣ, о внѣшней независимости лица. Такъ, во Франціи, гдѣ началось разрушеніе престоловъ, было двѣ партіи политическія—одна держалась духа общины, другая стояла за права личности. Послѣдняя была сильнѣе, потому что образовалась исторически; къ ней принадлежало правительство, ученое сословіе, вой-

ско, и она превозмогла. Вотъ на мой взглядъ какъ произо- 1848 г.
шла реформа; отъ того, кажется, ея дѣйствія такъ быстры, потому что идеи всеобщи.

О, безпокойный, мятущійся западъ! Бѣдные государи отказываются отъ престоловъ; счастіе, равенство и свобода, во имя которыхъ громятъ старый порядокъ вещей (слова эти, говорятъ, Итальянскія государства избрали своимъ девизомъ) искупаются рѣками крови, насиліями и грабежами пролетаріевъ. Вотъ образованіе! Подлинно, другъ, мы счастливы, что живемъ въ хранимой Богомъ Россіи; убѣжденія наши противоположны западнымъ убѣжденіямъ.

Въ заключеніе всего этого попрошу тебя не слишкомъ скромничать и смиренничать.

Съ прискорбіемъ я услышалъ о вашихъ непріятныхъ отношеніяхъ къ Ксенофонту Васильичу (Поспѣхову?)....

Мы, земляки, живемъ хорошо и преимущественно В. Ѳ. (Взоровъ), Ѳ. М. (Остроумовъ) и я, но если здѣсь кто особенно близокъ ко мнѣ, равно и я къ нему, то это—о. Іоаннъ; мы живемъ съ нимъ въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ. Точно, въ академіи болѣе самолюбія, чѣмъ искренности, дружелюбія, и тѣмъ пріятнѣе, отраднѣе для сердца имѣть кого-нибудь привязаннаго къ намъ, раздѣляющаго нашу искренность. Жалко, что наша взаимная пріязнь не такъ еще тѣсна, какой-бы желалось. Насъ раздѣляютъ лѣта, званіе; мы живемъ отдѣльно и отдаленно другъ отъ друга; случается иногда по цѣлымъ недѣлямъ, кромѣ классовъ, не видѣться. Я вообще не люблю ходить въ чужія жилища. Впрочемъ, мы съ нимъ сошлись характеромъ и привязанностями сердечными".

8-го апрѣля поздравлялъ меня съ свѣтлымъ праздникомъ Переславскій архимандритъ, о. Нифонтъ и прислалъ списокъ книги пророка Даніила въ русскомъ переводѣ.

Въ апрѣлѣ послѣдовала у насъ перемѣна инспектора. Испр. д. инспектора іеромонахъ Иларіонъ назначенъ былъ ректоромъ Воронежской семинаріи. На его мѣсто опредѣленъ баккалавръ іеромонахъ Сергій (Ляпидевскій), нынѣ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій и Коломенскій.

4-го мая писалъ мнѣ изъ Московской Голицынской больницы мой новый другъ и товарищъ Г. П. Быстрицкій:

1848 г. „Давно, давно собирался я писать къ вамъ,—извѣстить васъ о моихъ бѣдныхъ обстоятельствахъ; еще думалъ объ этомъ на св. недѣлѣ, но обычная моя неисправность въ подобномъ дѣлѣ, и еще болѣе невѣденіе о судьбѣ болѣзни, и надежда скоро выйти изъ скучной и тягостной больницы,— такія причины удерживали мой языкъ отъ письменной бесѣды. Да, я думалъ и надѣялся, что выйду на отрадную волю и пріѣду въ академію въ началѣ мироносицкой недѣли; но, о, суетная надежда человѣческая! вотъ и мироносицкая прошла, вотъ идетъ недѣля разслабленнаго, а я слабый еще и не знаю, сколько пролежу здѣсь, все меня упреждаютъ другіе, болѣе счастливые. Болѣзнь у меня— завалы въ животѣ, теперь ихъ лечатъ и говорятъ, что еще не скоро придетъ конецъ имъ; прежде я лечился и отъ сердцебіенія, которое нашли ненормальнымъ. Но это послѣднее теперь, кажется, въ нормальномъ положеніи. Такъ я и теперь не могу сказать ничего опредѣленнаго о томъ вожделѣнномъ днѣ, когда выйду отселѣ и приду къ вамъ. Завалы, кажется, въ одномъ состояніи. Спасибо еще нашему врачу ординатору; — человѣкъ внимательный и добрый; вотъ уже нѣсколько лекарствъ перемѣнилъ мнѣ. Теперь нѣтъ надежды вылечиться и выйти изъ больницы хоть въ половинѣ мая. Дѣлать нечего; да будетъ воля Божія! Эта преданность Провидѣнію составляетъ мое утѣшеніе. Отрадна мысль, что я болю не безъ благой воли Божіей,— безъ которой, по слову Господа, и стоющая менѣе одного ассарія птица не погибаетъ. Помолитесь о мнѣ преподобному Сергію!

Счастливъ я, что взялъ съ собою проповѣди преосвященнѣйшаго Филарета;—сколько въ нихъ назиданія и духовнаго утѣшенія! Я прочиталъ весь этотъ томъ; прочиталъ и всю вашу Иліаду, — скучна, но не безъ достоинствъ. Кстати, я было и потерялъ, или лучше, ее было украли у меня здѣсь: но объ этомъ когда-нибудь на свободѣ.

Думаю, вы теперь трудитесь, и трудитесь много, конечно, и сочиненіе на плечахъ, и списываніе и ученіе лекцій. Трудитесь, трудитесь и соберите добрый плодъ. Молю Господа, да поможетъ вамъ, и всѣмъ моимъ товарищамъ. Мы свободны отъ такихъ трудовъ, и я привыкъ уже къ этой

мысли; что въ самомъ дѣлѣ и жизнь и благо ея безъ здо- 1848 г.
ровья!

Думаю, что есть ко мнѣ письмо и не изъ одного мѣста; хорошо, еслибы кто-нибудь изъ васъ—вы или другой кто изъ земляковъ получили ихъ. Можетъ быть, не присланы-ли были даже и деньги: а если присланы, сохрани Богъ, чтобы не отправились назадъ—къ своему источнику. Это не въ порядкѣ вещей".

Въ первой половинѣ іюня, около 11 числа, посѣтилъ нашу академію, по пути къ мѣсту своего новаго служенія преосвящ. Гавріилъ, архіеп. Тверскій, бывшій Херсонскій. Его сопровождалъ высокопр. Митрополитъ, его сверстникъ по образованію въ Лаврской семинаріи. Посѣтили они и нашу монашескую келью [1]).

Около того-же времени, мимоѣздомъ въ Воронежъ и обратно, былъ въ лаврѣ преосвящ. Евгеній, архіеп. Ярославскій [2]).

19-го іюня писалъ мнѣ изъ Мурома смотритель училища Красовскій:

„Обыде насъ послѣдняя ужасная бездна смерти и нѣсть избавляяй, развѣ единаго Бога. Всѣ живущіе въ Муромѣ вмѣнихомся, яко овцы заколенія отъ холеры.

Со 2-го числа сего мѣсяца холера, какъ коршунъ, летаетъ по Мурому, и какъ бы на выборъ, выклевываетъ, большею частію неосторожныхъ. Причина ея, говорятъ, въ воздухѣ, дѣйствуетъ же она преимущественно надъ подвергшимися простудѣ. А какъ дѣйствуетъ? Весьма ужасно и весьма скоротечно. Сначала человѣкъ чувствуетъ какое-то чувство томленія, боль въ головѣ, а потомъ ознобъ; далѣе происходитъ или сильнѣйшій поносъ, или мучительнѣйшая рвота, большею же частію то и другое вмѣстѣ и наконецъ ужаснѣйшія корчи, за коими мгновенно слѣдуетъ смерть, и все это совершается не болѣе, какъ въ 4 или 3 часа, а иногда и меньше.

---

[1]) См. *Письма митроп. Филарета къ князю С. Мих. Голицыну* отъ 11-го іюня 1848 г. № 70, и отъ 13 ч. того-же мѣсяца, № 84, а также отъ 5-го іюля, № 85. (При *Правосл. Обозр.* за 1883 г.).

[2]) Существуетъ цѣлая біографія преосв. Ярославскаго Евгенія, составленная протоіереемъ *І. А. Благовѣщенскимъ*, послѣ кончины этого архипастыря (сконч. въ 1871 году).

1848 г. Врачи, особенно Матвѣй Васильевичъ, не успѣваютъ въ иные дни не только помогать больнымъ, даже писать рецепты, а аптекарь отпускать лекарства. Страшно.

Ученики всѣ 12-го числа распущены по домамъ, и теперь у насъ вакація; только для священниковъ самая настала безпокойная жизнь.

Еще новостей нѣтъ; однако и эта одна за тысячу отвѣтитъ. Говорятъ, да я и въ газетахъ читалъ, что въ Москвѣ сильно дѣйствуетъ холера, и по всѣмъ уѣздамъ, не забывая даже вашего Богоспасаемаго посада.

Нѣтъ ли у васъ, особенно по академіи, какихъ-либо новостей и нѣтъ ли чего такого, что, можетъ быть, касается и нашего училища? Не слышно-ли чего-нибудь о нашихъ окладахъ?

Пожалуйста извѣстите, какое вы примете имя въ новомъ ангельскомъ чинѣ? Вѣдь вы сами писали, что въ нынѣшнюю вакацію содѣластесь монахомъ. Это мнѣ нужно знать для адреса, безъ котораго, пожалуй, можетъ прерваться наше дружественное сношеніе".

Въ продолженіи всего іюня мѣсяца происходили у насъ частные экзамены. Между устными испытаніями, занимались мы и письменными сочиненіями на данныя темы. Такъ, 5-го іюня дана была намъ для сочиненія латинская тема: Quaenam superioris cognoscendi facultatis est destinatio? 16-го числа: „Можно-ли производить зло нравственное изъ одной ограниченности твари?" 17-го числа: „Какую пользу для литературнаго образованія можетъ доставить изученіе древней греческой и римской литературы?".

По окончаніи частныхъ экзаменовъ, 23-го іюня, въ день празднованія Владимірской иконѣ Божіей Матери, помолившись усердно Богу, я подалъ въ руки о. ректора, архимандрита Алексія, на имя высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго прошеніе слѣдующаго содержанія:

„По причинѣ вдовства моего, имѣя намѣреніе посвятить себя монашеской жизни, я рѣшился нынѣ привесть оное въ исполненіе. Посему нижайше прошу Ваше Высокопреосвященство исходатайствовать мнѣ на сіе разрѣшеніе".

Такимъ образомъ, я сдѣлалъ новый, весьма рѣшительный, шагъ въ своей жизни.

Юный другъ мой Г. П. Быстрицкій въ письмѣ своемъ 1848 г.
отъ 24-го іюня къ своему Кіевскому другу Флоринскому такъ характеризовалъ митрополита Филарета, бывшаго у насъ на частныхъ экзаменахъ въ качествѣ ревизора:

„Митрополитъ былъ у насъ на частныхъ экзаменахъ какъ ревизоръ и ждемъ его пріѣзда на публичное испытаніе. Впрочемъ, этотъ ревизоръ не такъ часто посѣщаетъ и не такъ строгъ, какъ обыкновенные ревизоры. Ревизія его обыкновенно и по преимуществу касается оканчивающихъ академическій курсъ, но нынѣ онъ былъ и у насъ, даже въ продолженіи двухъ дней, на обоихъ философскихъ экзаменахъ, —чему примѣровъ не помнятъ. Что заставило его послушать нашей философіи? Думаютъ, состояніе философіи современной,—опасеніе, чтобы въ нашемъ мѣстѣ западныя идеи не нашли своихъ проповѣдниковъ и защитниковъ. Это опасеніе высказалось въ немъ во время экзамена. Онъ критически смотрѣлъ на наши лекціи и разсматривалъ ихъ по отношенію къ современной наукѣ. „Философія, по его понятію, не должна гоняться за современностью, иначе она сдѣлается ложною и пустою. Философія на западѣ сдѣлалась пустою; отъ того философскія каѳедры остались безъ слушателей, которые ушли или воевать, или обратились къ наукамъ политико-экономическимъ“. Ему не понравилось понятіе о темпераментѣ, который у насъ выводится изъ природныхъ свойствъ духа и устройства тѣлеснаго и есть взаимное отношеніе и степень воспріемлемости и самодѣятельности. На его взглядъ, темпераментъ состоитъ въ такомъ или иномъ устроеніи тѣлеснаго организма и вліяніи этого устройства на психическую жизнь. Вообще Психологія наша особенно подвергалась его нападеніямъ. Замѣчанія очень дѣльныя, его сужденіе такъ основательно, что невольно заставляетъ согласиться съ собою. Даже нашъ глава философовъ, какъ называлъ владыка Ѳеодора Александровича Голубинскаго, не могъ противостоять его критикѣ. Онъ часто вставалъ, но скоро и садился; возраженія и положенія противника заставляли молчать.

Примѣтно, хорошо знакомъ митрополитъ и съ исторіею философіи, потому что дѣлалъ отвѣты и замѣтки, которые показываютъ, что онъ читалъ, занимался ею. Забавна выходка его на счетъ Лейбница. Когда студентъ раскрывалъ

1848 г. содержаніе его монадологіи,—онъ дѣлаетъ вопросъ Ѳеодору Александровичу: „что, вы читали эту книгу? Я сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ, что этого сочиненія въ подлинникѣ не читалъ. Не передаете ли вы его по пересказанному?—Быть не можетъ, что-бы этотъ философъ, такой умный, написалъ такую сказку? Его предъустановленная вѣчная гармонія дѣлаетъ изъ міра машину, которая двигается и дѣйствуетъ по пружинѣ однажды заведенной". Вообще, интересно послушать бесѣду митрополита, такъ знаменитаго своимъ глубокомысліемъ. На частныхъ экзаменахъ онъ болѣе позволяетъ себѣ говорить, нежели на публичномъ".

Расположившись провесть вакацію въ академіи, я писалъ отъ 13-го іюля въ Иваново къ роднымъ:

„Кажется, въ послѣдній уже разъ пишу я вамъ въ настоящемъ моемъ званіи и состояніи. Послѣ довольнаго приготовленія и размышленія, я приступилъ, наконецъ, къ окончательному рѣшенію моей судьбы.

23-го минувшаго іюня, въ день Владимірскія Божія Матери, отслуживши раннюю обѣдню и молебенъ, я подалъ прошеніе, по принятой въ академіи формѣ, на имя преосвящ. Митрополита, о постриженіи въ монашество, въ руки о. ректора, испросивъ предварительно отъ него на сіе соизволеніе. 30-го числа прошеніе мое представлено было владыкѣ, а отъ него, вѣроятно, уже поступило въ Св. Сунодъ. Чрезъ мѣсяцъ, и не болѣе, какъ чрезъ полтора, надобно ждать оттуда разрѣшенія. Такимъ образомъ, въ концѣ августа, или въ началѣ сентября, если только это будетъ угодно Господу, вы услышите мое новое имя,—но какое? Богъ знаетъ. Я самъ еще затрудняюсь въ выборѣ для себя новаго имени, и кажется, предоставлю это на волю того, кто будетъ облекать меня въ санъ иноческій. Но дѣло, впрочемъ, не столько въ имени, сколько въ томъ, какъ начать новую жизнь: не имя спасаетъ, а добрыя дѣла.

Помолитесь о мнѣ, да подкрѣпитъ Господь мои слабыя силы своею всесильною благодатію, для безукоризненнаго прохожденія предстоящаго мнѣ поприща.

Располагался было я нынѣшнею вакаціею совершить путешествіе въ Москву и въ Новый Іерусалимъ; но частію по недостатку средствъ, частію по причинѣ свирѣпствующей болѣзни, кажется, нужно будетъ отложить исполненіе

этого намѣренія до другаго, болѣе благопріятнаго, времени. 1848 г.
Можетъ быть, не съѣзжу-ли на короткое время въ Переславль, куда усердно приглашалъ меня знакомый мнѣ о. архимандритъ Нифонтъ. Но если уже буду я въ Переславлѣ, то постараюсь непремѣнно быть въ Ростовѣ, куда влечетъ меня особенное какое-то желаніе. А если такъ, скажете вы, то отсюда уже недалеко и до Иванова. Правда, очень-бы радъ посѣтить васъ: но для этого нужно и время и средства; при томъ же, прошлогоднее пребываніе мое у васъ еще такъ живо сохраняется въ моемъ сердцѣ, что почти было-бы излишне такъ скоро повторять прежнее пріятное впечатлѣніе. Я увѣренъ, да и вы, конечно, согласитесь, что свиданіе чѣмъ рѣже, тѣмъ пріятнѣе. Если Господь сохранитъ мою и вашу жизнь до окончанія академическаго курса, тогда пріятнымъ долгомъ почту посѣтить какъ васъ, такъ и всѣхъ родныхъ. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы кто-нибудь изъ васъ посѣтилъ меня, пока я нахожусь въ лаврѣ. Изъ знакомыхъ и товарищей многіе уже посѣщали меня, а изъ родныхъ, къ сожалѣнію, никто.

Обращаюсь къ вамъ, Ѳедоръ Семеновичъ.

Извините, любезный, что такъ долго замедлилъ я отвѣтомъ на ваше письмо, наполненное непріятными новостями. Письмо ваше получено мною въ такое время, когда у насъ были повторенія для экзаменовъ; а это въ академіи въ нѣкоторомъ отношеніи тоже, что у васъ хожденіе по приходу въ св. Пасху или въ Р. Христово. Да и теперь, когда уже прошло у насъ около двухъ недѣль вакаціи, къ вамъ первымъ начинаю писать, тогда какъ слѣдовало-бы, по крайней мѣрѣ, писемъ пять разослать въ разныя стороны. Изъ академіи, кромѣ церкви, никуда почти не выхожу, а между тѣмъ не вижу, какъ идетъ время. Причиной этого конечно, то, что я не оставляю вовсе своихъ обычныхъ занятій: только праздность не знаетъ, куда дѣвать время...

Слышно, что и въ вашихъ предѣлахъ дѣйствуетъ губительная язва: вамъ, конечно, болѣе или менѣе извѣстны какъ причины, такъ и предохранительныя средства противъ свирѣпствующій болѣзни. Совѣтую вамъ сколько удалять отъ себя первыя, столько-же не пренебрегать и послѣдними. Береженаго, говорятъ, и Богъ бережетъ. Сколько я знаю несчастныхъ опытовъ, гдѣ собственная неосторожность

1848 г. была, если не главною причиною, по крайней мѣрѣ ближайшимъ поводомъ къ обнаруженію зловредныхъ дѣйствій холеры. Есть холера и въ нашемъ мѣстѣ, но не слишкомъ сильна. Впрочемъ, что касается до насъ собственно, то у насъ въ академіи,—благодареніе Господу!—нѣтъ пока ни одного умершаго. Въ частности, мое здоровье, слава Богу!—хорошо. Въ продолженіи вакаціи надѣюсь еще болѣе поправиться, при спокойной и свободной отъ большихъ трудовъ жизни"...

Нѣсколько товарищей покинули насъ въ это время, а именно: Святославскій, Акимовъ и Омировъ.

Святославскій Алексѣй Никитичъ—это первый студентъ нашего XVII курса. Талантливый, благороднѣйшій и благовоспитанный, полный жизни и красавецъ собою — юноша. Отправившись на каникулы въ Москву, въ домъ родителя—священника, онъ внезапно похищенъ былъ изъ среды живыхъ свирѣпствовавшею въ Москвѣ холерою. Вѣсть о смерти этого прекраснаго юноши, составлявшаго истинное украшеніе нашего курса, поразила всѣхъ насъ въ академіи: ни наставники, ни студенты не могли безъ слезъ слышать о кончинѣ Святославскаго.

Акимовъ Ив. Борисычъ, поступившій въ Московскую академію изъ учителей Ставропольскаго (на Кавказѣ) училища. По прошествіи двухъ лѣтъ, онъ вздумалъ перейти изъ Московской академіи въ Казанскую, но по какой причинѣ,—мнѣ въ точности неизвѣстно.

Омировъ Θед. Вас. — одинъ изъ лучшихъ студентовъ нашего курса, вступившій въ академію изъ Виѳанской семинаріи: юноша солидный, съ философскимъ настроеніемъ ума, но не удержавшійся на прямомъ пути при своемъ философствованіи. Занимаясь, по поводу данной темы, разсмотрѣніемъ философіи Гегеля, онъ до того увлекся этою лжеименною философію, что въ своемъ сочиненіи, вмѣсто опроверженія Гегеля, вздумалъ защищать его. Профессоръ Θ. А. Голубинскій, читавшій диссертацію Омирова, до глубины души былъ огорченъ заблужденіями юноши, тѣмъ болѣе, что онъ занимался преподаваніемъ нѣкоторыхъ предметовъ его сыну. Академическая конференція, призвавши Омирова, убѣждала его отречься отъ усвоенныхъ имъ ложныхъ идей Гегелевой философіи: но онъ упорно отстаи-

валъ свои заблужденія. Дѣло кончилось тѣмъ, что Омировъ 1848 г.
оставилъ академію и поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету съ званіемъ кандидата [1]). Въ послѣдствіи я встрѣтилъ его на службѣ въ Москвѣ по табачно-акцизному управленію (хорошъ гегельянецъ!). За тѣмъ онъ состоялъ управляющимъ Подольской казенной палаты въ чинѣ статскаго совѣтника (*Адресъ-календарь* на 1877 г. ч. 2, стр. 181).

10-го августа писалъ мнѣ изъ Москвы товарищъ мой Николай Димитріевичъ Рождественскій:

„Обращаюсь къ вамъ съ просьбою въ полной надеждѣ на ваше живое участіе. 5-го августа я лишился своего батюшки, и объ этомъ нужно извѣстить Платона Ивановича [2]), но прямо къ нему писать я боюсь, чтобы письмо печальное не попалось въ руки сестрицѣ или тетинькѣ. Поэтому и прошу васъ пройтись къ Платону Иванычу и отдать ему непосредственно въ руки письмо, при семъ прилагаемое. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ поминать въ молитвахъ предъ престоломъ Божіимъ новопоставленнаго іерея Димитрія.

Еще прошу васъ написать ко мнѣ письмо и извѣстить объ академическихъ происшествіяхъ. Не похитила-ли холера еще кого-нибудь изъ товарищей нашихъ кромѣ....? Въ Москвѣ холера теперь хотя и есть, но объ ней не слышно. Послѣ св. недѣли преставились ко Господу здѣсь 16 священниковъ приходскихъ.

На мѣсто батюшки переведенъ родной его братъ, священникъ изъ Коломны, у котораго и будетъ пока жить наше семейство.

Въ Петербургѣ умеръ Императорскій духовникъ протопресвитеръ Музовскій.

За симъ, желая вамъ всѣхъ благъ отъ Господа, съ всегдашнимъ почтеніемъ и любовію къ вамъ, пребываю студентъ Николай Рождественскій, въ ожиданіи вашего письма по слѣдующей почтѣ“.

Н. Д. Рождественскій — сынъ Московскаго священника и двоюродный внукъ митрополита Филарета; его мать, Анна

---

[1]) Объ Омировѣ см. въ журн. *Дѣтская помощь*, М. 1885 г. статья прот. Г. П. Смирнова-Платонова: „Исповѣдь убѣжденій“, стр. 35.

[2]) Капустина, баккалавра математики.

1848 г. Иродіоновна, была родная племянница и крестная дочь Московскаго владыки. Рождественскій — юноша добрый, кроткій и благочестивый. Въ академію вступилъ онъ съ твердою мыслію о постриженіи въ монашество, которое и принялъ къ концу курса въ 1850 г. съ именемъ Игнатія. Съ первыхъ шаговъ академической жизни мы сблизились и и подружились съ нимъ, и эти добрыя, дружескія отношенія ко мнѣ не прекращалъ онъ и послѣ, когда возсѣдалъ на Костромской святительской каѳедрѣ. Скончался въ 1883 году на этой каѳедрѣ.

Въ составъ новаго XVIII академическаго курса изъ Владимірской семинаріи присланы были четыре воспитанника: Николай Субботинъ, Василій Соловьевъ, Владиміръ Цвѣтковъ и Павелъ Каллiопинъ. Субботинъ и Цвѣтковъ, какъ урожденцы г. Шуи, мнѣ съ дѣтства были извѣстны; прочихъ я въ первый разъ увидѣлъ.

О Каллiопинѣ писалъ мнѣ мой досточтимый наставникъ семинаріи, соборный іеромонахъ о. Діонисій:

„Честнѣйшій отецъ Иванъ Михайловичъ!

Возлюбленный о Христѣ братъ,

Священствуйте и спасайтесь о Господѣ!

Съ благодарностію возвращаю вамъ интересную вашу рукопись съ печатнымъ трактатомъ и прошу извинить меня за долгое продержаніе. Кромѣ общаго способа для пересылки представлялись и особенные частные случаи, но за тѣмъ, да за другимъ, а болѣе (нечего грѣха таить) по обычной безпечности моей, тетрадка ваша и книжка все лежали да лежали у меня въ долгомъ ящикѣ. Теперь же, при отправленіи въ академію Владимірскихъ студіозусовъ, не переслать вамъ съ ними вашего значило-бы въ конецъ постыдиться мнѣ предъ вами.

Земляковъ своихъ примите въ братское расположеніе и общеніе ваше. Особенно прошу за Павла Никитича Каллiопина; онъ такой застѣнчивый и скромный, точно дѣвушка, а не молодецъ.

Поруководствуйте его и въ началѣ и послѣ не оставляйте своими совѣтами, а при нуждѣ и возбужденіями.

Одному изъ назначенныхъ нынѣ въ Московскую академію, лучшему воспитаннику о. ректора нашего, г-ну Альбицкому, жестоко помѣшала холера, поразивъ недавно его

отца и оставивъ безъ главы и подпоры большое семейство. 1848 г.
Много зла, конечно временнаго, много слезъ и рыданій произвела во всемъ любезномъ отечествѣ нашемъ эта страшная древняя восточная губительная язва. Не миновало нынѣшнее ея губительство и Богоспасаемаго, хранимаго подъ особеннымъ покровомъ и защитой Богоматери, родного вамъ города Владиміра. По свѣдѣніямъ полиціи съ 15-го іюня по 1-е августа умерло въ городѣ нашемъ 160 человѣкъ. Сравнительно съ другими мѣстами это еще милость Божія. Въ Муромѣ къ концу іюля болѣзнь совсѣмъ было прекратилась: но съ начала поста въ продолженіе одной недѣли, сказываютъ, опять заболѣло около 160 человѣкъ; и половина изъ заболѣвшихъ сдѣлалась жертвою холеры. Дай Богъ, чтобы это было только преувеличеннымъ слухомъ. Мы всѣ, обитающіе въ обители Рождества пресвятыя Богородицы,—въ древней великой архимандритіи, а нынѣшнемъ архіерейскомъ домѣ,—благодареніе Господу,—живемъ цѣлы и невредимы отъ тлетворнаго вліянія эпидеміи. Ждемъ великой милости Божіей—прекращенія болѣзни въ епархіи, чтобы собрать потомъ семинаровъ для произведенія имъ прерваннаго въ іюнѣ испытанія и для начатія дальнѣйшаго ученія.

Вамъ, отецъ Іоаннъ, послѣ каникулярнаго отдыха желаю успѣшно продолжить и окончить въ свое время великій академическій подвигъ,—желаю вамъ такъ-же удачно приготовить курсовое разсужденіе“.

Но скромный и смиренный Калліопинъ, о которомъ съ такою отеческою заботливостію писалъ мнѣ о. Діонисій, почему-то не остался въ академіи; вѣроятно, убоялся бездны премудрости, вспять возвратился.

14-го августа получилъ я письмо отъ окончившаго курсъ академіи земляка, С. Г. Вишнякова. Онъ писалъ мнѣ съ дороги, изъ города Александрова:

„Вѣрна пословица: homo proponit, Deus disponit! Я думалъ съ родины—изъ Васильевскаго писать вамъ; но вотъ Богъ привелъ писать съ дороги! На сей, на дорожкѣ, въ Александровѣ я сдѣлался порядочно нездоровъ частію отъ того, что утомился въ день отъѣзда и не спалъ ночь, частію немного простудился, частію отъ того, что позволилъ себѣ кушать и соленую рыбу и огурчики и тому подобную зе-

1848 г. лень вдоволь; а потому у меня ночью порядочно журчало въ животѣ, такъ что я думалъ, что схватилъ холеру, но, слава Богу, теперь все прошло;—и я теперь только очень слабъ, изнуренъ; но не чувствую большаго нездоровья. При первомъ знакѣ здоровья я ѣду на родину, гдѣ меня ждутъ не только съ нетерпѣніемъ, но и со слезами.

Въ заключеніе, честь имѣю рекомендовать вамъ новыхъ земляковъ—Николая Иваныча Субботина въ особенности; прошу ихъ руководить во всемъ, что нужно, и что почтете сами нужнымъ. Увѣренъ, впрочемъ, что все это вы сдѣлаете и по своей добротѣ.

Не учинено-ли назначеніе на службу нашей братіи; ежели такъ, то прошу васъ извѣстить меня по слѣдующей-же почтѣ прямо въ Васильевское.

Надѣюсь, что не забудете преданнаго вамъ"...

14-го же августа писалъ мнѣ изъ Мурома шуринъ С. В. Царевскій:

„Homo praeponit
Deus disponit".

Какъ хорошо текли было мои дѣла въ іюнѣ мѣсяцѣ! По вашему совѣту ходилъ я къ о. инспектору,—и спросилъ его содѣйствія касательно вступленія моего къ вамъ въ академію; согласилась и маменька доставить все необходимое для вступленія въ академію—словомъ, все было готово для устроенія моего блага; Богу угодно было посѣтить нашу губернію холерою,—и всѣ мои планы разрушились.

Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что мы не окончили курсъ до вакаціи, какъ было прежде, но отправились въ домы и безъ частныхъ экзаменовъ, еще 19 іюня, тотъ самый день, когда-бы нужно было сочинять экзаменскія задачки; на сколько времени?—этого не опредѣлили, а велѣно было дожидаться прекращенія холеры и требованія со стороны своего начальства. И до сихъ поръ еще этого требованія нѣтъ,—доселѣ мы проживаемъ дома безъ всякихъ цѣлей, не будучи въ состояніи опредѣлить себя къ разряду какихъ-либо порядочныхъ, нужныхъ Богу и ближнимъ, людей.

Вотъ что преградило и мнѣ путь въ академію, при всѣхъ моихъ стараніяхъ поступить въ оную. Не знаю, можно-ли будетъ послѣ вступить въ нее? Это должно быть извѣст-

нѣе вамъ—скажите пожалуйста, когда это будетъ возможно 1848 г.
сдѣлать и при какихъ условіяхъ.

P. S. Недавно былъ у насъ Преосвященный и самъ служилъ благодарственный молебенъ Богу за избавленіе отъ холеры".

Получивъ 18-го числа это письмо, я немедленно написалъ въ Муромъ къ матери Царевскаго:

„Цѣлый годъ хранилъ я глубокое молчаніе и не писалъ въ отвѣтъ вамъ ни слова потому, что, безъ крайней нужды, не хотѣлъ разрушать вашего мрачнаго понятія, которое вы составили обо мнѣ. Но теперь, при настоящихъ семейныхъ обстоятельствахъ вашихъ, когда вамъ предстоитъ новая забота объ устроеніи участи братца Сережи (извините, пишу по родному), я рѣшился нарушить гробовое молчаніе, на которое вы такъ рано осудили меня, и сказать вамъ, что я еще живъ и надѣюсь, сколько то угодно будетъ Господу, впредь существовать для васъ и для вашего сиротствующаго семейства, почитая священною обязанностію помогать вамъ, если не всегда дѣломъ, по крайней мѣрѣ словомъ и совѣтомъ. Впрочемъ, прежде нежели я объясню вамъ сущность настоящаго моего письма, прошу васъ забыть все, чѣмъ я когда-либо оскорблялъ васъ словомъ или дѣломъ; прошу объ этомъ потому собственно, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ скоро придется мнѣ умереть для васъ и для цѣлаго міра, если не физически, такъ духовно. Не буду объяснять вамъ подробно, что это значитъ, опасаясь возбудить въ васъ непріятное и скорбное чувство: это понятно, впрочемъ, само собою...

Обратимся теперь къ настоящему дѣлу. Сергѣй Васильичъ, конечно, не безъ вашего позволенія, пишетъ въ послѣднемъ письмѣ, чтобъ я указалъ ему способъ вступить въ академію. Признаюсь вамъ, для меня очень непонятна такая медлительность, или, лучше сказать, безпечность въ устроеніи собственнаго благополучія. Если у него было рѣшительное намѣреніе поступить въ академію, и если вы изъявили на это свое согласіе: то почему же онъ не позаботился написать ко мнѣ немедленно по полученіи моего послѣдняго письма къ нему? Если бы онъ написалъ ко мнѣ недѣлей ранѣе, то непремѣнно былъ бы въ академіи, тѣмъ болѣе, что волонтеровъ нынче пріѣхало не слиш-

1848 г. комъ много, и экзаменъ даютъ самый снисходительный: но теперь дѣло уже опоздано. Я ходатайствовалъ предъ о. ректоромъ: но онъ, при всей своей добротѣ и благосклонности ко мнѣ, не могъ удовлетворить моей просьбѣ именно потому, что уже слишкомъ поздно. Онъ посовѣтовалъ отложить это дѣло до другаго времени: но когда я объяснилъ ему ваши семейныя обстоятельства, онъ былъ столько добръ, что позволилъ мнѣ вызвать Сергѣя Васильича сюда и держать у себя мѣсяцъ или два съ тѣмъ, чтобы онъ, пользуясь академическимъ столомъ, тѣмъ удобнѣе могъ заняться приготовленіемъ себя къ поступленію въ академію. Но я предложилъ ему другой способъ, и онъ одобрилъ его,—именно то, чтобы Сергѣй Васильичъ остался еще на годъ; а въ случаѣ нужды, и на два въ семинаріи съ тѣмъ, чтобы оттуда на казенный счетъ поступить въ академію.

Что вы скажете на это? А я никакъ не совѣтовалъ бы Сережѣ, при его счастливыхъ способностяхъ, при его юномъ еще возрастѣ, а особенно при нынѣшнихъ епархіальныхъ обстоятельствахъ, оставлять мысль объ академіи. Не правда-ли, любезный Сергѣй Васильичъ (обращаюсь къ вамъ въ томъ предположеніи, что это письмо прежде всѣхъ попадетъ въ ваши руки)? Если же такъ, если, т. е., у васъ есть охота учиться, и вы согласны еще остаться на годъ или на два въ семинаріи, то напишите ко мнѣ немедленно, и я буду ходатайствовать объ этомъ предъ вашимъ семинарскимъ начальствомъ. Впрочемъ, ваша добрая воля; мой только долгъ—желать вамъ всякаго добра.

Остаюсь съ истинною къ вамъ любовію и благожеланіемъ"...

24-го августа писалъ мнѣ изъ Мурома шуринъ С. В. Царевскій:

„Жалѣю, очень жалѣю, что опустилъ удобный случай къ вступленію въ академію. Признаюсь вамъ, я вовсе не предполагалъ, что, не окончивши курсъ семинаріи, можно вступить въ академію, и потому не скоро отвѣтилъ на ваше послѣднее къ намъ письмо. Когда же изъ настоящаго письма вашего я узналъ, что очень легко можно было вступить въ академію, особенно въ нынѣшній разъ, и что устроеніе моего благополучія зависѣло отъ одного только

письма съ моей стороны къ вамъ: то сдѣлалъ бы все, что только для меня возможно для того, чтобы исправить свою глупость, но прошедшаго не возвратить. 1848 г.

Сердечно благодаримъ васъ за то, что, не смотря на мою къ вамъ неблагодарность, вы все еще принимаете участіе въ моемъ положеніи, и гдѣ я падаю, вы поднимаете и указываете путь впередъ. Пріятно было бы для насъ, если бы вы, попросивъ наше семинарское начальство о томъ, чтобы мнѣ еще остаться въ семинаріи, попросили и о томъ, нельзя-ли оставить меня опять на казенномъ коштѣ. Безъ сего маменька не соглашается на оставленіе меня въ семинаріи. Да и можно-ли согласиться? Вамъ извѣстны наши семейныя обстоятельства; маменька не только не въ состояніи содержать меня еще въ семинаріи, даже сама нуждается въ моемъ пособіи. Конечно, вышедъ изъ академіи, я гораздо болѣе могъ бы оказать имъ пособія, нежели теперь сколько; но этого еще ждать долго, а между тѣмъ деньги и теперь все нужны на содержаніе семейства. Если бы не было сестеръ у насъ, не такъ трудно было-бы уговорить ихъ, и онѣ, безъ сомнѣнія, согласились бы на ваше предложеніе и на мое желаніе, но вы знаете, чего стоитъ содержать, а пристроить тѣмъ болѣе женскій полъ. Итакъ, просьба къ вамъ съ нашей стороны состоитъ въ томъ, чтобы вы походатайствовали не только о томъ, чтобы оставить меня въ семинаріи, но и на казенномъ коштѣ. Не знаю, возможно-ли это, а хорошо было бы для насъ, и я, съ своей стороны, всѣми своими силами постарался бы заслужить казенное содержаніе.

Ожидающій отъ васъ благъ, братъ вашъ Сергій Царевскій“.

28-го августа писалъ я отцу ректору Владимірской семинаріи, архимандриту Евѳимію:

„Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою и тѣмъ съ большею надеждою на ваше благосклонное вниманіе, что вы сами положили какъ бы основаніе тому дѣлу, о которомъ намѣренъ просить, и котораго совершеніе зависитъ теперь единственно отъ вашей воли. Сущность дѣла въ слѣдующемъ. Братъ мой, оканчивающій курсъ подъ вашимъ покровительствомъ въ семинаріи, Сергѣй Царевскій, пробужденный нѣкогда вашимъ заботли-

1848 г. вымъ вниманіемъ отъ умственной дремоты, еще заранѣе высказалъ мнѣ желаніе поступить нынѣ въ нашу академію: но такъ какъ онъ не получилъ еще, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, никакого опредѣленнаго значенія отъ семинарскаго правленія, то и не зналъ какъ ему приступить къ этому дѣлу. Опустивши поэтому надлежащій срокъ, онъ вздумалъ, наконецъ, просить меня принять въ немъ участіе тогда, какъ у насъ начался уже пріемный экзаменъ. Какъ ни поздно, однакожъ я, зная его способности и видя усердіе къ продолженію наукъ, рѣшился обратиться съ просьбою къ академическому начальству. Разумѣется, о. ректоръ отказалъ мнѣ въ этой просьбѣ, не отрекаясь, впрочемъ, исполнить ее въ томъ случаѣ, если-бы братъ мой въ это время явился самъ въ академію. Но что не удалось теперь, можно исправить въ другое время: о. ректоръ посовѣтовалъ отложить это дѣло до другаго курса, но когда я объяснилъ ему семейныя обстоятельства моей тещи, и когда предложилъ ему другой способъ для вступленія моему брату въ академію, именно-остаться еще на годъ или на два въ семинаріи: о. ректоръ одобрилъ это предложеніе, замѣтивъ только, согласно-ли будетъ семинарское начальство оставить Царевскаго въ семинаріи на казенномъ содержаніи. Слѣдовательно, теперь благополучіе моего брата и спокойствіе его матери главнымъ образомъ зависитъ отъ воли вашего высокопреподобія.

Не отриньте же, высокопреподобнѣйшій о. ректоръ, моей усерднѣйшей просьбы въ разсужденіи дальнѣйшей судьбы моего брата—Царевскаго!

Писалъ я предварительно объ этомъ въ Муромъ, и получилъ согласіе какъ отъ матери Царевскаго, такъ и отъ него самого. Но первая, соглашаясь оставить сына еще на курсъ въ семинаріи, рѣшительно отказывается отъ содержанія его на свой счетъ; послѣдній охотно соглашается остаться и обѣщается всѣми силами заслужить казенное содержаніе“.

Благополучно совершивши, съ Божіею помощью, половину учебнаго академическаго поприща, я вступилъ съ сентября 1848 года во вторую половину, которая, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, представляла для меня менѣе трудностей сравнительно съ первою. Предметы старшаго, бого-

словскаго курса, были болѣе для меня сродны по самому 1848 г.
моему сану и болѣе доступны для пониманія.

Вотъ эти предметы:

1) Священное Писаніе—преподаватель, упомянутый выше баккалавръ іеромонахъ Ѳеодоръ (Бухаревъ).

2) Догматическое Богословіе—преподаватель, ректоръ, архимандритъ Алексій (+1877).

3) Нравственное и пастырское Богословіе—преподаватель, инспекторъ, архимандритъ Сергій (Ляпидевскій).

4) Патрологія—преподаватель, іеромон. Леонидъ(+1876).

5) Библейская исторія—преподаватель, баккалавръ Ив. Ив. Побѣдинскій-Платоновъ (+1871).

6) Исторія христіанской церкви— преподаватель профессоръ А. В. Горскій (+1875).

7) Церковная словесность
8) Церковное (каноническое) право

} Преподават., экстраординарный профессоръ, свящ. Ив. Никол. Аничковъ - Платоновъ (+1864).

9) Церковная археологія — преподаватель, баккалавръ Александръ Кирил. Соколовъ (+1884).

10) Ученіе о вѣроисповѣданіяхъ — преподаватель Никита Петр. Гиляровъ-Платоновъ (+1887).

11) Языки: Греческій – преподав. П. И. Побѣдинскій-Платоновъ.

12) Еврейскій—преподав. А. К. Соколовъ.

Я, по мѣрѣ силъ, занимался всѣми предметами богословскаго курса, неопустительно посѣщалъ всѣ классы, не исключая класса и еврейскаго языка; у меня до сихъ поръ сохранились еврейскіе вокабулы изъ книгъ нѣкоторыхъ малыхъ пророковъ. Но изъ преподавателей болѣе всѣхъ интересовалъ студентовъ своими лекціями профессоръ А. В. Горскій. Въ его лекціяхъ поражала насъ громадность свѣдѣній, отчетливое и основательное изложеніе лекцій, и одушевленная декламація. Не малымъ также обиліемъ свѣдѣній отличались лекціи профессора Аничкова-Платонова: но эти лекціи не отличались стройнымъ систематическимъ изложеніемъ. Лекціи по Священному Писанію іеромонаха Ѳеодора имѣли характеръ самостоятельнаго изложенія и отличались значительною глубиною мысли: но торопливое

1848 г. и невнятное чтеніе съ каѳедры много отнимало достоинства у этихъ лекцій. Баккалавръ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ — талантливый преподаватель; онъ не писалъ лекцій, но говорилъ изустно, и при этомъ позволялъ себѣ иногда довольно свободныя сужденія и выраженія; неуважительно отзывался иногда объ отцахъ Церкви, въ особенности выразился однажды оскорбительно о св. Іоаннѣ Златоустѣ. Памятенъ для меня еще одинъ случай о Гиляровѣ.

Пріѣхалъ въ академію оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Н. А. Протасовъ; приходитъ, въ сопровожденіи ректора и еще кого-то, въ нашъ богословскій классъ во время лекціи Гилярова. Гиляровъ, разумѣется, былъ предваренъ объ этомъ и принесъ съ собою въ классъ тетрадку, свое студенческое сочиненіе объ антихристѣ. По входѣ въ классъ почетнаго гостя, онъ началъ угощать его своею студенческою мудростію. Гость въ восхищеніи былъ отъ этой мудрости и, уходя изъ аудиторіи, благодарилъ лектора. Но почтенный лекторъ, по уходѣ гостя, сошелъ съ каѳедры и, обратясь къ намъ—студентамъ, сказалъ: „забудьте, господа, что я сейчасъ читалъ вамъ“, и въ слѣдъ затѣмъ началъ проповѣдывать намъ о томъ же предметѣ совсѣмъ противное. Впрочемъ такой либерализмъ наставника далеко не всѣмъ студентамъ нравился; а наконецъ этотъ либерализмъ былъ поводомъ къ удаленію Гилярова изъ академіи. Между студентами XIX курса (1854 г.) былъ іеродіаконъ Анѳимъ изъ Болгаръ [1]) (впослѣдствіи экзархъ Болгаріи). Ревностный Анѳимъ, слыша часто рѣзкіе и неуважительные отзывы баккалавра Гилярова о лицахъ и предметахъ священныхъ, донесъ объ этомъ митрополиту Филарету, и вслѣдствіе сего Гиляровъ въ 1855 году долженъ былъ оставить службу при академіи [2]).

---

[1]) Объ Анѳимѣ очень интересная статья напечатана въ *Русск. Вѣстникѣ* 1881 г. (т. 151), подъ заглавіемъ: „Первый Болгарскій экзархъ, блаженный Антимъ“,—*А. И. Муромцевой*.

[2]) Объ отставномъ баккалаврѣ Гиляровѣ см. *Письма Митрополита Филарета къ намѣстнику А. Антонію* отъ 16-го ноября и 1-го декабря 1855 г. (№№ 1068 и 1071). Еще № 1181.—Въ № 294 *Моск. Вѣд.* 1887 г. помѣщена о Н. П. Гиляровѣ (+15 окт. 1887 г.) очень интересная статья; „Памяти Н. П. Гилярова-Платонова“. Эта статья принадлежитъ проф. *И. Н. Корсунскому*, хотя и не подписана его именемъ.

Съ первыхъ чиселъ сентября, по окончаніи пріемныхъ 1848 г
экзаменовъ, начались у насъ обычныя занятія. 7-го числа дано было намъ семь темъ для сочиненія по предмету Священнаго Писанія.

Темы эти были слѣдующія:

1) Изъясненіе—Іак. III, 1—12.
2) Галат. V, 13—18.
3) Колос. II, 11—17.
4) Ученіе ап. Павла о ветхозавѣтныхъ прообразованіяхъ.
5) Ученіе ап. Іоанна о любви.
6) Сличеніе сказаній евангелистовъ о воскресеніи І. Христа и явленіяхъ Его по воскресеніи.
7) Какія свѣдѣнія о жизни, свойствахъ и достоинствахъ Божіей Матери можно почерпнуть изъ св. Писанія?

Я избралъ для своего сочиненія 5-ю тему, т. е. „Ученіе ап. Іоанна о любви“. На этомъ сочиненіи баккалавромъ отцомъ Ѳеодоромъ подписано: „Хорошо; не мало и очень хорошаго [1])“.

8-го сентября получилъ я письмо изъ Владиміра отъ Царевскаго:

„Отъ души благодарю васъ за ваше о мнѣ попеченіе. По пріѣздѣ моемъ во Владиміръ, Ѳеодоръ Гаврилычъ призывалъ меня къ себѣ, открылъ, что вы писали уже къ о. ректору о томъ, чтобы оставить меня еще на курсъ въ семинаріи на казенномъ коштѣ; по этому поводу ходилъ я къ о. ректору узнать, что они думаютъ объ этомъ. Отецъ ректоръ совершенно отказалъ въ казенномъ содержаніи и не совѣтовалъ даже на своемъ коштѣ оставаться въ семинаріи. Отказалъ въ казенномъ содержаніи потому, что много сиротъ осталось въ настоящее время, по случаю холеры, которые нуждаются въ казенномъ пособіи, и что, оставшись еще на два года, я буду заѣдать чужое мѣсто, буду грабить другаго, и грѣша симъ сдѣлаю участниками своего грѣха и тѣхъ, которые оставили меня въ семинаріи на казенномъ коштѣ. Поэтому, чтобы не стѣснять ихъ совѣсть

---

[1]) Сочиненіе это прислано было мнѣ въ Москву съ слѣдующею надписью на оборотѣ послѣдней страницы: „Высокопреподобнѣйшему сунодальному ризничему почтеніе отъ І. Ѳеодора, 1851 г. 6-го генваря“.

1848 г. и не притѣснять своихъ товарищей, я и не долженъ оставаться; тѣмъ болѣе—дескать, что нѣтъ благовидной причины и оставаться мнѣ, какъ оканчивающему курсъ въ 1-мъ разрядѣ, потому что и теперь открытъ ходъ въ академію. Не совѣтывалъ оставаться въ семинаріи и на своемъ коштѣ: потому-что это только вытянетъ деньги, а существенной пользы не доставитъ, а лучше, по его мнѣнію, жить годъ дома и готовиться въ апрѣлѣ мѣсяцѣ подать прошеніе, чтобы дозволили явиться къ экзамену и въ этомъ навѣрное не откажутъ. Какъ не имѣющему средствъ вступить въ академію на своемъ иждивеніи, можно просить и о томъ, чтобы дозволили на казенномъ коштѣ,—и въ этомъ будто не окажутъ: были дескать опыты такіе. Не совсѣмъ пріятно будетъ это, конечно, говоритъ, намъ, но дѣлать нечего, когда просятъ (слова о. ректора).

Все это пересказалъ я Ѳеодору Гаврилычу. Отзывъ на это съ его стороны: оставаться въ семинаріи на своемъ содержаніи мнѣ вовсе не нужно, а стараться поступить въ академію; для этого жить годъ дома такъ же не нужно: потому что вступить въ Петербургскую или Кіевскую академію очень трудно, да не извѣстно, что можетъ случиться въ продолженіи года. Лучше совѣтовалъ (да и мнѣ такъ кажется) просить васъ, чтобы походатайствовали предъ вашимъ отцомъ ректоромъ, не позволитъ-ли явиться, какъ вы прежде говорили, по полученіи аттестата въ академію съ тѣмъ, чтобы я, готовясь тамъ мѣсяцъ или два, могъ вступить въ число студентовъ. Таковые опыты, говоритъ, у насъ бывали, даже чрезъ треть принимали не рѣдко; теперь-же это гораздо удобнѣе сдѣлать, объяснивъ, что я не смѣлъ явиться къ экзамену въ академію, не окончивъ курса въ семинаріи.

Что вы скажете мнѣ на это? Вашъ совѣтъ для меня болѣе обязателенъ и благодѣтеленъ“.

На это отвѣчалъ я 10-го числа:

„Послѣ того, что сдѣлано мною для устроенія вашего благополучія, въ моихъ рукахъ не остается болѣе уже ничего. Вы просите меня снова ходатайствовать предъ академическимъ начальствомъ: но это значитъ, вы не поняли смысла моихъ словъ. Я писалъ вамъ, что о. ректоръ былъ столько добръ, что позволилъ мнѣ вызвать васъ къ себѣ и

держать мѣсяцъ или два: но это не то значитъ, чтобъ, по прошествіи означеннаго времени, вамъ можно было держать экзаменъ и потомъ вступить въ академію дѣйствительнымъ студентомъ; нѣтъ, это не болѣе, какъ лишь временное пособіе, которое о. ректоръ хотѣлъ оказать вамъ изъ уваженія къ семейнымъ обстоятельствамъ. Вступить въ академію послѣ надлежащаго срока, безъ разрѣшенія высшаго начальства, не возможно: академическое начальство, само по себѣ, сдѣлать этого не можетъ. 1848 г.

Итакъ, надобно предать себя и будущую судьбу свою въ волю Божію. Не слѣдуетъ роптать и на семинарское начальство за то, что оно не уважило нашей просьбы: напротивъ, надобно благодарить доброе начальство, что оно, во первыхъ, выпускаетъ васъ съ званіемъ студента, а во вторыхъ, не отказывается по крайней мѣрѣ на будущее время принять участіе въ устроеніи вашей судьбы. Рекомендую послѣдовать совѣту о. ректора, особенно, еслибы удалось испросить казенное пособіе для первоначальнаго вступленія въ академію. Но если, почему-либо, не удастся поступить вамъ въ академію чрезъ годъ: то уже непремѣнно совѣтую вамъ имѣть въ виду чрезъ два года нашу академію: она и ближе и доступнѣе.

Между тѣмъ, пользуясь свободнымъ временемъ, при какой-нибудь благопріятной окказіи, пріѣзжайте ко мнѣ, и заблаговременно ознакомьтесь съ академическимъ бытомъ".

8-го ч. писалъ мнѣ изъ села Васильевскаго окончившій курсъ академіи С. Г. Вишняковъ:

„Отъ всей души благодарю васъ за вашу обязательность. Ваше письмо предупредило двумя днями мой пріѣздъ въ Васильевское, куда я прибылъ 26-го августа.

Теперь, въ дому родительскомъ, я отдыхаю отъ трудовъ многодѣланія академическаго; но только провожу время чрезвычайно скучно. Доколѣ жилъ въ Васильевскомъ съ братомъ Григоріемъ, дотолѣ еще время тянулось безъ скуки; когда онъ уѣхалъ во Владиміръ, я остался одинъ въ селѣ съ непомѣрной скукой и пустотой! По неволѣ захандришь одинъ, безъ дѣла,— т. е. безъ книгъ для легкаго чтенія, при постоянно почти дрянной погодѣ. Ляжешь иногда на кроватку, да и понесешься на крыльяхъ воображенія въ матушку нашу академію. Какъ она хороша теперь издали, безъ взглядовъ предъубѣжденія, при хладнокровномъ судѣ о порядкѣ вещей!

1848 г. Такъ и пошелъ бы еще года на четыре, только бы при добромъ здоровьѣ.

Чай, добрый мой о. Іоаннъ,—любо,—дорого послушать нашего умнаго Александра Васильевича [1]),—чтеніе его изъ Евангельской исторіи. Какъ эти чтенія, выходя изъ сердца, полнаго живой вѣры въ Сына Божія, невольно пробуждаютъ и разогрѣваютъ чувство религіозное, которымъ наша молодежь ученая не такъ богата, но которое такъ дорого для человѣка! Потому, знаете-ли, о. Іоаннъ? Въ понедѣльникъ, четвертокъ и субботу—утромъ я беру лекціи Горскаго по Евангельской исторіи и прочитываю. Иныя лекціи такъ хорошо записаны, что какъ будто бы самого его я слушаю!

Каково-то утѣшаетъ васъ о. ректоръ? [2]) По правдѣ сказать, мы хоть цѣлый годъ у него учились; но мало его слышали, какъ профессора. Теперь, я думаю, сначала не хуже прочихъ людей онъ подвизается на поприщѣ богословія! Не перемѣнилъ-ли онъ чего въ жизни академической-студенческой, не ввелъ-ли новаго, не уничтожилъ-ли старое, не очень доброе (чего было довольно), что обѣщалъ онъ сдѣлать? Любопытно-бы знать! А о. Леонидъ? [3]) Я думаю, поретъ свысока, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой? Не правда-ли, что его не скучно бываетъ слушать, хотя въ началѣ нѣкоторые изъ нашихъ товарищей и ухмылялись на него!?... Ну да Богъ съ ними, съ наставниками! Мы всѣ обыкновенно требовали многаго отъ нихъ; а сами между тѣмъ лѣнились выслушать и усвоить себѣ малое! Кто виноватъ? И для чего убиваться баккалавру, когда у него слушателей пять-десять человѣкъ, какъ не рѣдко бывало у насъ?

Отъ всей души желаю вамъ, добрый мой о. Іоаннъ, при добромъ здоровьѣ, съ честію и славою, съ пользою и удовольствіемъ прослушать два года академическія лекціи. Приведи мнѣ, Господи, быть на должности поближе къ академіи, какъ назначенъ я конференцію. Надѣюсь, что жить будетъ не плохо,—съ добрыми людьми и товарищами.

Слава Богу, хоть Никиту Петровича [4]) назначили баккалавромъ изъ нашего курса, — все какъ-то лучше, да

---

[1]) Горскаго профессора М. д. академіи.

[2]) Архимандритъ Алексій.

[3]) Краснопѣвковъ.

[4]) Гилярова—Платонова.

только едва-ли сдѣлаютъ! Ужъ представляли и прежде на 1848 г.
это мѣсто еще Ивана Ив. Побѣдинскаго [1]), но былъ отказъ, до реформы, какую предполагали сдѣлать въ академіи.

Что ваше постриженіе? Уже не приняли-ли вы ангельскій образъ? Ежели это правда, то помоги вамъ Господь молитвами Богородицы и всѣхъ преподобныхъ спасти свою душу и умолять за насъ Бога".

15-го числа писалъ мнѣ изъ Владиміра профессоръ семинаріи Ѳ. Г. Бѣляевъ:

„Думаю, вы слышали о моихъ затѣяхъ касательно перемѣщенія въ Московскую семинарію. Затѣи эти въ настоящую пору стоятъ подъ такимъ градусомъ, что мнѣ необходимо имѣть въ вашей академіи корреспондента, который сообщилъ бы мнѣ о ходѣ дѣла. Видите что — просилъ я графа о перемѣщеніи меня въ Москву. Графъ не имѣлъ подъ рукой праздныхъ мѣстъ въ Моск. семинаріи и, не отказывая мнѣ на отрѣзъ въ просьбѣ, передалъ дѣло въ правленіе вашей академіи,—т. е. правленіе ваше должно разсмотрѣть мое дѣло и отвѣтить графу: могу-ли я хоть когда-нибудь передвинуться въ Москву. О. ректоръ академіи обѣщалъ мнѣ рѣшить дѣло въ мою пользу. Въ настоящую пору мнѣ и хочется узнать это рѣшеніе. И прошу васъ покорнѣйше разузнать это тихонько—отъ письмоводителей и побезпокоиться сообщить мнѣ вѣсточку въ случаѣ рѣшенія дѣла, какого-бы содержанія ни была она.

Еще: въ Московской семинаріи становится праздным мѣсто профессора Кроткова [2]). Со стороны правленія вашего не послѣдовало-ли выбора кандидатовъ на это мѣсто?

Интересно для меня и то и другое дѣло. Но прошу васъ не медлить увѣдомленіемъ объ отвѣтѣ академическаго правленія графу на мое дѣло, не медлить изъ занерѣшенности послѣдняго дѣла.

Извините, что я безпокою васъ.—

Въ сентябрѣ пришелъ изъ св. Синода указъ съ разрѣшеніемъ постричь меня въ монашество. Днемъ постриженія назначено было 1-е октября.

---

[1]) Перваго магистра XV курса (выпуска 1846 года), назначеннаго баккалавромъ въ 1847 году.

[2]) Ѳеофилакта Ивановича, магистра XIV курса (выпуска 1844 года), нынѣ Московскаго протоіерея.

1848 г. Вотъ что записано было мною въ свое время о семъ, чрезвычайно важномъ, обстоятельствѣ моей жизни:

„1848 годъ. 1-е октября. Пятница.

Древняя мимоидоша: се быша вся нова: новое имя, новыя одежды, новыя правила жизни: о, еслибы Господь *обновилъ и духъ правъ во утробѣ моей!...*

Въ сей день, въ день Покрова Пресв. Богородицы, и на память преподобнаго отца нашего Саввы Вишерскаго, я грѣшный сподобился, по благодати Божіей, воспринять на себя санъ иноческій. Священный обрядъ постриженія совершенъ былъ въ трапезной церкви Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отцемъ ректоромъ Московской духовной академіи, архимандритомъ Алексіемъ. Воспріемникомъ при постриженіи былъ той же академіи о. инспекторъ, іеромонахъ Сергій. Имя наречено мнѣ, въ честь воспоминаемаго нынѣ Церковію преподобнаго,—Савва.

Примѣчаніе. Когда постригаютъ въ монашество изъ священниковъ: новопостриженный, при пѣніи причастнаго стиха, входитъ въ алтарь, снимаетъ клобукъ, надѣваетъ епитрахиль и поручи, и приступаетъ къ св. тайнамъ послѣ всѣхъ служащихъ по обычаю. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ новоначальный не снимаетъ клобука, пока не снимется съ него мантія.

4-е число. Понедѣльникъ.

Въ первый разъ Господь сподобилъ меня отслужить іеромонахомъ всю церковную службу въ трапезной церкви, гдѣ совершено было мое постриженіе. Въ тотъ же день разрѣшено было мнѣ снять мантію, и приступить къ обычнымъ занятіямъ.

Чрезъ о. ректора получилъ я въ благословеніе отъ высокопр. митрополита Филарета парамандъ и рясу".

При моемъ постриженіи произнесена была о. ректоромъ рѣчь, которая напечатана въ седьмой части *Прибавленій къ Твореніямъ святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ* [1]).

---

[1]) Рѣчь эта была въ цензурѣ у высокопр. митрополита, и вотъ что владыка писалъ о ней къ о. ректору: „возвращаю вамъ, отецъ ректоръ, рѣчь къ новопостриженному. По моему, не очень удобно выслушать новоначальному, что онъ вступаетъ въ жизнь *преимущественно высокую*. Посему предлагаю перемѣнить сіе выраженіе. Кромѣ сего не имѣю возраженія противъ мысли напечатать рѣчь; и соглашаюсь на приведеніе сей мысли въ дѣйствіе". (*Письма м. Филарета къ архіеп. Алексію*, № 31 М. 1883 г. стр. 32).

На другой день послѣ своего постриженія, 2-го октября, 1848 г. писалъ я въ Муромъ къ своей тещѣ, П. С. Царевской:

„По благодати Божіей, я достигъ наконецъ того, чего желалъ, или лучше, къ чему веденъ былъ вседержавною десницею премудраго Промысла. 1-го октября, въ день Покрова Пр. Богородицы, и на память преподобнаго отца нашего Саввы Вишерскаго, я сподобился принять на себя чинъ ангельскій. Священный обрядъ постриженія совершенъ былъ надо мною о. ректоромъ нашей академіи, а воспріемникомъ былъ о. инспекторъ. Совершителю священнаго обряда угодно было наречь меня именемъ воспоминаемаго въ тотъ день церковію препод. Саввы. Долго было бы описывать вамъ всѣ подробности совершеннаго надо мною обряда; если угодно, можете прочитать сами въ большомъ Требникѣ чинъ постриженія монашескаго; скажу вамъ, сколько можно выразить словами, только то, чего тамъ вы не найдете, именно—состояніе моего духа въ тѣ священныя минуты. Представленіе всѣхъ обстоятельствъ моей жизни, важность произносимыхъ мною обѣтовъ, и страхъ предстоящихъ искушеній—все это вмѣстѣ глубоко потрясло мою душу, слезы невольно лились изъ глазъ; и потомъ весь день я чувствовалъ себя въ такомъ же непонятномъ и невыразимомъ состояніи, въ какомъ бывалъ прежде при всѣхъ важнѣйшихъ перемѣнахъ жизни. Теперь же, благодареніе Господу, начинаю мало по малу прояснять себѣ настоящее мое званіе и состояніе; мысль, что это-дѣло особеннаго Божія попеченія обо мнѣ, утѣшаетъ и успокоиваетъ мой духъ. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ усматриваю я особенное призваніе Божіе къ иноческой жизни во всѣхъ прежнихъ своихъ обстоятельствахъ. Смотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ постепенно, и вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно Господь отрѣшалъ меня отъ міра и призывалъ на служеніе Себѣ: взялъ у меня родителя прежде, нежели я узрѣлъ свѣтъ; лишилъ матери въ то время, когда я еще имѣлъ крайнюю нужду въ ея попеченіи, опредѣливъ испытать мнѣ горькій жребій сиротства, съ тою, конечно, благою цѣлію, чтобы заблаговременно ознакомить меня съ тѣснымъ путемъ креста. Но вотъ, послѣ долгаго томленія въ сиротствѣ, краткое время даетъ мнѣ вкусить нѣкоторую сладость жизни въ семейномъ благополучіи, но и здѣсь скоро начинаются опять прежнія лише-

1848 г. нія: умираетъ сынъ, который, при своей жизни, естественно привязывалъ бы меня къ міру во всякомъ случаѣ; наконецъ, я лишаюсь того, что привлекло и всего болѣе привязывало меня къ міру: все это, не ясно ли, постепенные, болѣе и болѣе возвышающіеся, гласы Божественнаго воззванія меня изъ бурнаго міра къ тихому пристанищу монашескаго житія? Да будетъ же благословенна воля Божія, избравшая и освятившая меня на служеніе себѣ, можно сказать, отъ чрева матерня!

Итакъ, *древняя мимоидоша: се быша вся нова:* новое имя, новая одежда, новыя правила жизни; о, еслибы Господь *обновилъ и духъ правъ во утробѣ моей!*

Въ настоящей новой моей жизни вотъ какое замѣчательное обстоятельство: и подано прошеніе [1]), и исполнено по этому прошенію мое желаніе, т. е. и начало, и конецъ дѣла совершились въ дни празднованія Божіей Матери. Итакъ, съ сего времени я долженъ искать для себя особеннаго покровительства и заступленія у Пречистой Владычицы и всеобщей христіанской Заступницы; долженъ постоянно обращаться къ Ней съ теплымъ моленіемъ: *не ввѣри мя человѣческому предстательству,* Пресвятая Владычице, но *сохрани мя подъ кровомъ Твоимъ!*

Болѣе на сей разъ не могу сообщать вамъ ничего относительно новой моей жизни; о прежней считаю излишнимъ и напоминать; впрочемъ, послѣ послѣдняго моего извѣстія, особеннаго ничего со мною не случилось.

Нужнымъ почитаю сказать только то, что я, вопреки своимъ разсчетамъ, всю вакацію безвыходно провелъ въ академіи".

12-го числа я снова писалъ П. Степановнѣ, привѣтствуя ее со днемъ ангела и сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ о своемъ новомъ днѣ ангела,—днѣ постриженія въ монашество 1 октября, при чемъ добавилъ:

„Какъ ни страшны и строги обѣты, данные мною при вступленіи въ новое званіе: но мысль, что это—дѣло особеннаго попеченія Божія о мнѣ, совершенно успокоиваетъ и ободряетъ меня. Во всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни и особенной настроенности моего духа нельзя не усматривать небеснаго призванія меня къ тишинѣ монашеской жизни. Да будетъ же благословенна воля Провидѣнія, премудро все устрояющая и управляющая судьбами человѣческой жизни"!

[1]) Прошеніе подано 23 іюня, въ день Владимірской Божіей Матери.

Въ отвѣтъ на это писалъ мнѣ изъ Мурома шуринъ С. В. Царевскій отъ 16-го числа: 1848 г.

„Всякая новость, пріятно или непріятно, смотря по свойству, поражаетъ насъ. Тѣмъ болѣе должна была тронуть насъ та, о которой вы извѣщаете,—какъ рѣдко случающаяся, какъ священная въ существѣ своемъ и какъ имѣющая отношеніе къ намъ. И дѣйствительно, прочитавъ письмо ваше, мы въ сердцахъ ощутили невыразимо-умилительныя чувства. Что же сказать о васъ! Какими чувствованіями исполнялось ваше сердце въ то время, когда вы произносили предъ Богомъ обѣты, при вступленіи въ новую жизнь! Нужно каждому самому испытать, чтобы правильно узнать и безошибочно судить объ этомъ.

Не думайте, что извѣстіе ваше о себѣ, кому-либо изъ насъ непріятно. Самъ Богъ опредѣлялъ и опредѣлилъ васъ въ состояніе иноческое,—кто же безумный будетъ гнѣваться на Бога! Къ тому же—ужели ваши отношенія къ намъ перемѣнятся въ новой вашей жизни? Законъ Христовъ о любви къ ближнимъ предписанъ какъ для мірянъ, такъ и для иночествующихъ, даже, можно сказать, послѣдніе поставлены первыми блюстителями онаго. Значитъ, любовь и отношенія ваши къ намъ и теперь будутъ таковы же, каковы были и прежде, отреченіе отъ міра, произнесенное вами при вступленіи въ иноческій санъ, конечно, не воспрещаетъ оказывать любовь къ человѣку—существу, любимому Самимъ Богомъ. Чего же болѣе любви и, основанныхъ на ней, дѣйствій, желать намъ отъ васъ, и что можетъ быть причиною къ огорченію кому-либо изъ насъ за то, что вы приняли иноческій санъ! Мы даже радуемся, что Господь поставилъ васъ на тотъ путь, по которому скорѣе можно достигнуть послѣдней, вожделѣнной для всѣхъ существъ разумныхъ, цѣли—неба.

Да укрѣпитъ васъ Господь Богъ на этомъ пути Своею благодатію!“

5-го октября дано было намъ 7-мь латинскихъ темъ для сочиненія по классу Догматическаго богословія.

Вотъ эти темы:

1) De religionis necessitate.

2) De necessitate extraordinariae, scilicet, supernaturalis revelationis.

1848 г. 3) Mysteria in religione revelata sunt necessaria.

4) Num sola sacra Scriptura pro Theologiae principio haberi debet?

5) De perspicuitate s. Scripturae.

6) Quaenam est relatio inter s. Scripturam et sacram Traditionem?

7) De auctoritate s. Ecclesiae in praeceptis divinae revelationis explicandis.

Изъ этихъ темъ мною избрана была 5-я и сочиненіе написано было на латинскомъ языкѣ. Сочиненіе это, написанное на четырехъ почти листахъ, читано было, по порученію ректора, профессоромъ церковнаго краснорѣчія, И. И. Аничковымъ-Платоновымъ, и заслужило отъ него слѣдующій отзывъ: „Sensus clarus, quamvis non profundus et sagax; consideratio objecti tractandi non nimis lata; stylus accuratus et grammaticae L(atinae) plerumque conformis.—Bene".

27-го числа получилъ я письмо изъ села Васильевскаго отъ земляка, С. Г. Вишнякова. Онъ писалъ:

„Со слезами сладкой грусти, въ кругу семейства прочитали мы письмо ваше, которымъ извѣщаете вы меня о перемѣнѣ въ своей жизни. Да поможетъ вамъ Господь молитвами прр. Павла и Антонія — отцевъ иночествующей братіи, и предстательствомъ нашего покровителя прп. Сергія, понести тотъ крестъ, который вы, по указанію Провидѣнія, наложили на себя,—вотъ мое единственное, душевное желаніе! Да и чего еще пожелать вамъ? Мірскія желанія при отреченіи отъ міра неумѣстны, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстны ваши чувство и расположеніе, съ какими вы обрекали себя на подвигъ и жизнь иноческіе! Все прочее приложится само собою, по слову Того, Кто Единъ можетъ прилагать!"

2-го ноября писалъ я въ Муромъ тещѣ, П. С. Царевской:

„Радуюсь, что вѣсть о послѣдовавшей со мною перемѣнѣ, хотя и тронула васъ, но не произвела, однако-жь, непріятнаго впечатлѣнія. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть непріятнаго въ настоящемъ моемъ положеніи, если только будемъ разсматривать его надлежащимъ образомъ? Жизнь инока, разумѣется, правильная,—жизнь са-

мая мирная и спокойная; въ особенности жизнь ученаго 1848 г.
монаха. Правда, по самому назначенію своему, ему нельзя совершенно отрѣшиться отъ всѣхъ мірскихъ связей: но въ то же время его занятія, если только онъ полюбитъ ихъ всей душой, могутъ служить твердою защитой отъ многихъ внѣшнихъ искушеній. Впрочемъ, что ожидаетъ меня впереди, это извѣстно Единому Всевѣдущему.

Въ дополненіе къ сказанному въ предъидущемъ письмѣ не лишнимъ почитаю сообщить вамъ то, что при введеніи меня въ новое званіе о. ректоръ почтилъ меня краткою, но назидательною рѣчью, которую онъ даже и отпечаталъ. Изъ десяти экземпляровъ этой рѣчи, подаренныхъ мнѣ о. ректоромъ, одинъ посылаю вамъ на память. А высокопреосвященный митрополитъ прислалъ мнѣ, чрезъ о. ректора, въ благословеніе парамандъ и рясу.

Не смотря на перемѣну званія, мои отношенія къ вамъ въ сущности пребудутъ неизмѣнны, лишь бы Господь подкрѣпилъ мои силы для благополучнаго окончанія многотруднаго академическаго поприща.

Съ сыновнею къ вамъ любовію и почтеніемъ остаюсь"...

22-го числа дано было намъ 7 темъ для сочиненія по классу Церковной исторіи; темы эти слѣдующія:

1) Посѣщеніе Іисусомъ Христомъ Іерусалима въ праздникъ Кущей (Іоан. VII и сл.).

2) О фарисеяхъ въ отношеніи къ Іисусу Христу.

3) О благовѣствовательныхъ путешествіяхъ І. Христа.

4) Отношеніе Филонова ученія о Словѣ къ христіанскому.

5) О Евангеліи, приписываемомъ Іакову.

6) Плиніево письмо къ Траяну о христіанахъ и отвѣтъ Траяна.

7) 1 Кор. XV, 10.

Я написалъ сочиненіе на 2-ю тему: „О фарисеяхъ въ отношеніи къ І. Христу". Профессоръ А. В. Горскій, читавшій мое сочиненіе, высказалъ о немъ такой отзывъ: „легко, ясно, обработанно". Но при этомъ замѣтилъ мнѣ, что не нужно слишкомъ увлекаться посторонними авторитетами и что тексты Св. Писанія надобно приводить по славянски.

Послѣ частныхъ экзаменовъ предъ праздникомъ Р. Хр.

1848 г. даны были намъ для экспромптовъ двѣ слѣдующія темы: 1) Quinam est sensus verborum Christi: Ego sum via, et veritas, et vita; nemo venit ad Patrem nisi per Me (Joh. XIV, 6; conf. VI, 44). 2) Одно-ли и тоже заключается въ понятіи о совѣсти и внутреннемъ (нравственномъ) законѣ?

30-го декабря писалъ я въ Горицы о. Василію Сапоровскому:

„Чѣмъ неожиданнѣе гость, тѣмъ онъ пріятнѣе: равно чѣмъ неожиданнѣе письмо, тѣмъ оно интереснѣе. Не правда ли? Послѣ столь долгаго молчанія съ моей стороны, конечно, вы уже считаете нашу взаимную переписку совершенно рѣшенною, и неудивительно, если я начинаю казаться предъ вами человѣкомъ неблагороднымъ, надменнымъ и пр. и пр. Въ оправданіе моего молчанія могъ-бы я представить вамъ множество причинъ—и дѣльныхъ и недѣльныхъ: но знаю, что это ни къ чему не ведетъ. Поэтому за лучшее почитаю прямо приступить къ дѣлу. Не очень давно узналъ я, что епархіальное начальство обратило, наконецъ, на васъ должное вниманіе, возложивъ на васъ новую должность. Душевно радуюсь и привѣтствую васъ съ симъ знакомъ архипастырскаго вниманія. Правда, сколь ни знакома вамъ благочинническая должность, но при настоящихъ вашихъ лѣтахъ, она должна составить для васъ не малое бремя. Впрочемъ, Господь, избравшій васъ на сіе служеніе, конечно, не оставитъ безъ Своего благодатнаго покровительства; а при Божіей помощи, всякое бремя легко и удобоносимо.

Вотъ и я, наконецъ, по милости Божіей, сподобился принять на себя благое иго Христово. Безъ сомнѣнія, вы слышали уже о вступленіи моемъ въ новое званіе, и, конечно, знаете мое новое имя. Слѣдовательно нѣтъ нужды подробно описывать вамъ всѣ обстоятельства моего вступленія въ иноческую жизнь. Скажу только, что, при помощи Божіей, начинаю мало по малу привыкать къ новому моему положенію. Впрочемъ, надобно согласиться, что переходъ изъ мірской жизни въ монашескую, при настоящихъ моихъ обстоятельствахъ, менѣе для меня ощутителенъ, нежели какъ это было-бы, думаю, въ другомъ мѣстѣ—внѣ академіи. Что былъ я прежде, въ теченіе двухъ лѣтъ, тоже самое почти и теперь: тѣ-же занятія, то-же общество, тотъ-

же образъ жизни, тѣ-же отношенія къ начальству и това- 1849 г.
рищамъ; новое только имя и нѣчто въ одеждѣ. Конечно, съ поступленіемъ, если Богъ дастъ, на должность надобно ожидать не малыхъ искушеній и преткновеній на пути иноческой жизни: но будущее извѣстно Единому Богу....

Радъ-бы я побесѣдовать съ вами и объ ученыхъ предметахъ: но бесѣдовать пространно не позволяетъ время; поэтому не взыщите, если на сей разъ ограничусь только краткимъ перечнемъ предметовъ, кои преподаются у насъ на старшемъ курсѣ.

Первый и главный предметъ—Догматическое богословіе; его читаетъ о. ректоръ. Затѣмъ Нравственное богословіе, свящ. Писаніе, Церковно-Библейская исторія, Патристика, Церковная археологія, Церковное краснорѣчіе, и вновь открытая каѳедра по классу св. Герменевтики и Ученіе о вѣроисповѣданіяхъ.

Изъ теперешнихъ наставниковъ преимущественнымъ авторитетомъ пользуется орд. пр. Ц. исторіи Ал. В. Горскій, сынъ Костромск. протоіерея Горскаго. Но главнымъ занятіемъ у насъ всегда было и есть сочиненіе.

Теперь занимаюсь сочиненіемъ по классу Ц. исторіи; взялся писать „объ отношеніяхъ фарисеевъ къ І. Христу“.

Между тѣмъ на старшемъ курсѣ назначаютъ и проповѣди. Мнѣ довелось говорить первому и первую проповѣдь на Рождество Пресв. Богородицы, сугубо родной праздникъ и по Горицамъ и по Мурому;—вторая назначена на 4-ю недѣлю в. поста. Чѣмъ ближе богословскіе предметы къ сердцу и къ моему званію: тѣмъ больше требуютъ труда и усилія. Но вдали ожидаетъ еще большій трудъ: я разумѣю, такъ называемое, курсовое сочиненіе, которое въ академіи дается обыкновенно на годъ, и составляетъ послѣдній рѣшительный трудъ, по которому главнымъ образомъ рѣшается судьба каждаго студента. Прошу вашего молитв. содѣйствія для благополучнаго совершенія многотруднаго академическаго поприща.“

Новый годъ встрѣтилъ я, въ новомъ своемъ званіи, въ лаврѣ, среди монашествующей братіи, которая съ того времени, какъ я облекся монашествомъ, стала ко мнѣ ласковѣе и внимательнѣе, и я началъ чувствовать себя въ отношеніи къ оной свободнѣе.

1849 г. 14-го числа писалъ я въ Ставрополь на Кавказѣ веселому сообитателю своему и пріятному собесѣднику, о. Моисею (Рыбальскому), поступившему туда на семинарскую службу:

„Радуюсь о вашемъ благополучномъ, хотя и позднемъ, прибытіи въ благословенный Ставрополь, привѣтствую васъ съ вступленіемъ въ новую должность, поздравляю наконецъ съ новымъ годомъ. Да благословитъ Господь счастливымъ успѣхомъ ваше новоначальное дѣланіе въ вертоградѣ духовномъ!

Можетъ быть, вы ожидали отъ меня письма ранѣе: но я, помня ваше обѣщаніе—извѣстить меня о вашемъ пріѣздѣ, до сихъ поръ медлилъ открыть условленную между нами переписку. Теперь же, слыша о вашемъ прибытіи и не получая отъ васъ самихъ обѣщаннаго извѣстія, нѣкоторымъ образомъ почитаю себя обязаннымъ приступить къ исполненію взаимнаго нашего обѣщанія.

Послѣ вашего отбытія, въ нашей кельѣ водворилась глубокая и мрачная тишина. Сколь ни благопріятна тишина для ученыхъ занятій, тѣмъ не менѣе однакожъ заставляетъ меня часто вспоминать о вашихъ живыхъ и откровенныхъ бесѣдахъ. Тишина для ученыхъ нужна; —хорошо; но въ свое время и въ извѣстной мѣрѣ: а послѣ обѣда напр. и послѣ ужина почему не пошумѣть и не повеселиться?

Правда, я и самъ не изъ числа рѣзвыхъ: но все-таки подъ часъ люблю повеселиться, и поговорить откровенно, разумѣется, не далѣе своей кельи.

Вотъ развѣ не замѣнитъ-ли для меня сколько нибудь васъ въ этомъ отношеніи новый собратъ, который, вѣроятно, скоро уже прибудетъ. Это монахъ (простой монахъ) съ Аѳонской горы. О его происхожденіи и націи пока еще ничего не знаю; извѣстно только, что онъ нынѣ окончилъ курсъ въ Кишиневской семинаріи и изъявилъ желаніе поступить въ нашу академію. Св. Синодъ уважилъ его просьбу съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи курса, подобно вамъ, возвратиться восвояси. Имя его, кажется, Парѳеній.

Не забываетъ о васъ и наше доброе начальство. Во время праздника случилось мнѣ провести цѣлый вечеръ у о. инспектора; между многими и различными разговорами была рѣчь и о васъ;—разумѣется, съ хорошей стороны.

По возвращеніи изъ Москвы, о. ректоръ спрашивалъ

меня, пишете-ли вы къ намъ (о. ректоръ спросилъ меня еще о томъ, назначенъ ли кто въ вашу семинарію ректоромъ). 1849 г.

Баккалавры и лаврскіе монахи также очень часто предлагаютъ подобные вопросы относительно васъ.

Въ академіи и лаврѣ, слава Богу, все благополучно. Новостей особенныхъ никакихъ нѣтъ,—по крайней мѣрѣ, я не слыхалъ. Вы знаете, что я не слишкомъ въ короткихъ отношеніяхъ ни съ лаврскими, ни съ своими.... За новость развѣ сообщить вамъ то, что Господь привелъ мнѣ среди праздника отправить полную службу въ Троицкомъ соборѣ".

О. діаконъ Ѳ. С. Виноградовъ, между прочимъ, извѣщалъ меня объ опасной болѣзни своего тестя, а моего зятя, дьячка той же церкви В. А. Левашева и, считая эту болѣзнь слѣдствіемъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ, просилъ меня отъ имени всѣхъ родныхъ, сдѣлать ему братское вразумленіе. Вслѣдствіе сего я писалъ своему зятю отъ 29-го января:

„Братская любовь и опасеніе за вашу временную и вѣчную судьбу внушаютъ мнѣ священный долгъ предложить вамъ нѣсколько совѣтовъ и предостереженій.

Не очень давно былъ у меня одинъ богомолецъ изъ вашихъ краевъ—человѣкъ, очень хорошо васъ знающій и къ вамъ довольно близкій. Съ живымъ участіемъ разсказывалъ онъ мнѣ о случавшихся съ вами неоднократно болѣзненныхъ припадкахъ, угрожавшихъ будто-бы не разъ совершенною даже опасностію жизни. Между прочимъ коснулся онъ и главной, по крайней мѣрѣ, видимой причины этихъ припадковъ. Нужно-ли говорить вамъ, что это за причина? Но и безъ объясненія, думаю, понятно, о чемъ идетъ дѣло. Признаюсь вамъ откровенно: не столько сожалѣю о томъ, что постигаютъ васъ болѣзни (это общій удѣлъ всѣхъ смертныхъ), сколько о томъ, что главною причиною этихъ болѣзней—вы сами, ваше излишнее, не умѣренное употребленіе хмѣльныхъ напитковъ. Согласитесь сами, все-ли равно — терпѣть болѣзни и вообще какія-бы то ни было бѣдствія по волѣ Божіей, или по собственному неразумному произволу?

Итакъ, всмотритесь ближе въ свое положеніе; размыслите

1849 г. поприлежнѣе о томъ, каково ваше настоящее, и что ожидаетъ васъ въ будущемъ. Посмотрите, какую жалкую картину представляетъ человѣкъ, предавшійся гибельной страсти къ вину! Онъ произвольно унижаетъ въ себѣ достоинство человѣческой природы, самъ себя лишаетъ тѣлеснаго здоровья; теряетъ всякое право на уваженіе отъ другихъ, возбуждаетъ невольный гнѣвъ въ начальникахъ, въ самомъ основаніи потрясаетъ семейное благосостояніе: жена скорбитъ, дѣти сокрушаются, родные оставляютъ. Но всѣ эти бѣдствія еще ничего не значатъ въ сравненіе съ тѣми, какія ожидаютъ его тамъ — за предѣлами гроба. Съ какимъ чувствомъ предстанетъ онъ предъ престоломъ праведнаго и нелицепріятнаго Судіи? Что скажетъ въ оправданіе своей неразумной страсти? Въ чемъ найдетъ онъ тогда утѣшеніе и отраду?.. Ахъ! пока еще есть время, пока елей жизни не совсѣмъ еще угасъ въ вашемъ тѣлѣ, прошу и умоляю васъ именемъ братской любви, если не совсѣмъ подавить въ себѣ эту постыдную страсть къ вину (вдругъ сдѣлать этого и не возможно), по крайней мѣрѣ, при помощи Божіей, начать подвигъ борьбы съ нею, рѣшиться мало-помалу противодѣйствовать ей. И нѣтъ болѣе приличнаго и удобнаго времени начать это святое дѣло, какъ нынѣ, въ настоящіе дни св. четыредесятницы. Безъ сомнѣнія, для этого нужно, прежде всего, очистить душу искреннимъ покаяніемъ, искреннимъ сознаніемъ своей слабости, а потомъ уже изъявить предъ отцомъ духовнымъ твердую рѣшимость удаляться, по возможности, всякихъ поводовъ къ удовлетворенію одержащей васъ страсти. И будьте увѣрены, что какъ скоро вы искренно выразите свою рѣшимость удаляться зла, съ тѣмъ вмѣстѣ не умедлитъ явиться къ вамъ на помощь и спасительная благодать Божія. Ибо милосердый и человѣколюбивый Господь выну стоитъ при дверехъ сердца каждаго грѣшника и толцетъ, и, аще грѣшникъ отверзаетъ двери сердца своего, внидетъ къ нему и вечеряетъ съ нимъ. А гдѣ Господь, тамъ утихаютъ и умолкаютъ всѣ бури страстей.

Весьма много порадовали-бы вы меня, еслибы вняли сколько-нибудь моимъ искреннимъ внушеніямъ. По крайней мѣрѣ прошу не гнѣваться на меня за эти, можетъ быть, не совсѣмъ пріятныя внушенія, потому что онѣ проистекли

отъ сердца, истинно любящаго васъ и желающаго вамъ всякаго добра. Братъ вашъ іеромонахъ Савва. 1849 г.

Любезнѣйшая сестрица! Прошу и васъ не обижаться моими откровенными и чистосердечными совѣтами брату".

7-го февраля, въ 12 ч. дня посѣтилъ насъ въ классѣ католическій епископъ, Боровскій, проѣзжавшій въ Житоміръ. Человѣкъ — лѣтъ около 50-ти, довольно высокаго роста, бѣлокурый; по обычаю западной церкви, съ остриженными волосами на головѣ и съ бритою бородою; одѣтъ въ длинный фіолетовый кафтанъ, съ застегнутыми сверху до низу пуговицами; на головѣ такого же цвѣта скуфья. На шеѣ золотой крестъ на такой же цѣпочкѣ—принадлежность сана.

Когда онъ узналъ, что лекція на этотъ разъ была объ Оригенѣ (по классу Патристики), сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній касательно сочиненій этого знаменитаго учителя церкви. Въ заключеніе, обратясь къ намъ, сказалъ: „Богъ да поможетъ вамъ изучить вѣру Христову!"

Почтенный прелатъ былъ профессоромъ каноническаго права въ Петербургской римско-католической академіи.

7-го февраля, писалъ мнѣ изъ Владиміра профессоръ семинаріи Ѳ. Г. Бѣляевъ:

„Крайне совѣстно мнѣ вторично безпокоить васъ своими порученіями: но распаленное желаніе перемѣщенія въ Москву вынуждаетъ меня преступить эту крайность и просить васъ покорнѣйше о нижеслѣдующемъ.

Въ бытность мою въ Москвѣ, во время святокъ, сказывали мнѣ, что Правленіе академіи вашей и нашей положили своимъ мнѣніемъ предоставить мнѣ первое открывшееся мѣсто при Московской или Виеанской семинаріи.

Потрудитесь пожалуйста узнать, выражено на бумагѣ мнѣніе это или нѣтъ. Если выражено на бумагѣ, то не послано-ли въ учебное Управленіе въ видѣ отвѣта на пересланное оттуда для разсмотрѣнія мое прошеніе о перемѣщеніи меня въ Московскую семинарію.

Прошу васъ покорнѣйше, не поставьте себѣ въ огромный трудъ выполнить мои порученія и увѣдомить меня при первой возможности".

На это отвѣчалъ я отъ 22-го числа.

11-го ч. писалъ я въ Иваново единовѣрческому священ-

1849 г. нику, о. Козьмѣ Орлову, въ отвѣтъ на его письмо отъ 29-го января:

„Приношу вамъ усерднѣйшую мою благодарность за ваше привѣтствіе, за ваше доброе участіе въ моей судьбѣ и, наконецъ, за ваши благія пожеланія счастливыхъ успѣховъ на новомъ моемъ поприщѣ. Чѣмъ отозваться мнѣ на вашъ искренній, дружественный гласъ? Изъявленіемъ моего искренняго къ вамъ уваженія? Но оно давно должно быть вамъ извѣстно: съ раннихъ лѣтъ моей юности привыкъ я смотрѣть на васъ съ особеннымъ уваженіемъ. Ваши добрыя пастырскія качества и всегдашняя ко мнѣ благосклонность однажды навсегда расположили меня въ вашу пользу. Напрасно изъявляете вы опасеніе за неизмѣнность моего къ вамъ расположенія. Ужели вы думаете, что съ перемѣною внѣшнихъ обстоятельствъ, должны измѣниться во мнѣ взгляды на прежнія наши отношенія? Ужели высшая степень умственнаго образованія и какое бы то ни было положеніе въ обществѣ могутъ подавить во мнѣ способность по прежнему цѣнить и уважать добрыя ваши качества? Да и какъ вамъ представляется мое настоящее положеніе? Ужели вы думаете, что теперь я сталъ уже не тотъ, что былъ и прежде? Признаюсь вамъ откровенно, чѣмъ болѣе знакомлюсь съ науками, тѣмъ ничтожнѣе представляются пріобрѣтенные плоды; чѣмъ выше прежняго предстоитъ степень служенія, тѣмъ болѣе чувствуешь собственную немощь и слабость. Чѣмъ же послѣ сего сталъ бы я гордиться предъ вами?

Итакъ, будьте увѣрены въ моемъ неизмѣнномъ къ вамъ расположеніи и почтеніи. Но чѣмъ свидѣтельствовать предъ вами мою любовь и усердіе? Ни чѣмъ инымъ, думаю, какъ молитвеннымъ воспоминаніемъ, которое, впрочемъ, до сихъ поръ я не переставалъ творить о васъ; о чемъ усердно съ своей стороны прошу и васъ“.

Того же числа писалъ я С. В. Царевскому въ отвѣтъ на его письмо:

„Что сказать вамъ, любезный Сергій Васильевичъ, на ваши запросы? — Конечно, ваше положеніе теперь таково, что надобно такъ или иначе окончательно рѣшать свою судьбу; медлить долго нечего. Если у васъ нѣтъ рѣшительной наклонности снова вступить на поприще науки, то надобно избирать уже другой какой нибудь путь. Говорите,

что у васъ въ виду не мало и священническихъ мѣстъ и 1849 г.
свѣтскихъ: тѣмъ лучше. Но вы затрудняетесь въ выборѣ, и — неудивительно: однажды на всегда рѣшить судьбу цѣлой жизни — дѣло очень не маловажное. Впрочемъ, ваше затрудненіе, какъ видно, касается не столько самой сущности дѣла, сколько внѣшнихъ, болѣе или менѣе, случайныхъ, обстоятельствъ. Нѣтъ, другъ мой, при избраніи образа жизни, не смотря на современное положительное направленіе, надобно руководствоваться не мелкими житейскими разсчетами, но яснымъ сознаніемъ своихъ способностей и склонностей. Что значитъ самая выгодная должность, если она не отвѣчаетъ нашимъ природнымъ (разумѣю, правильнымъ) склонностямъ? Тяжкое бремя, не болѣе. Можно ли заслужить любовь и расположеніе самаго добраго и благонамѣреннаго начальника, когда мы, при всемъ усердіи быть полезными, оказываемся неспособными къ тому дѣлу, исполненіе котораго добровольно приняли на себя?—И по рожденію, и по воспитанію, для васъ всего естественнѣе, казалось бы, быть служителемъ олтаря: но замѣчаете ли вы въ себѣ довольно расположенія и любви къ этому священному званію и имѣете ли довольно рѣшимости переносить всѣ труды и искушенія, неизбѣжныя на поприщѣ высокаго священническаго служенія? Если бы вы вздумали при этомъ разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ большая часть: слишкомъ много погрѣшили бы. Легкомысліе не умѣстно тамъ, гдѣ идетъ дѣло о вѣчной судьбѣ нѣсколькихъ сотъ душъ.

Отнюдь не предосудительна для васъ и свѣтская служба. Но и здѣсь опять нужно спросить: достанетъ ли у васъ настолько терпѣнія и охоты, чтобъ исполнять, особенно въ началѣ поприща, всѣ мелкія, а иногда и прихотливыя, порученія начальника, можетъ быть, далеко не отвѣчающія вашимъ способностямъ и характеру? Что касается въ частности до упомянутаго вами мѣста: на это я долженъ дать вамъ почти отрицательный отвѣтъ. Если гдѣ, то именно тутъ требуется отъ письмоводителя каллиграфія: дѣла стряпческія ежемѣсячно идутъ прямо къ царю. Ив. Мих. Троепольскій, я знаю, терпѣлъ не мало непріятностей именно по причинѣ недостатка въ искусствѣ чистописанія. А вашъ почеркъ, какъ видится изъ дѣла, едва ли превосходнѣе его почерка. Слѣдовательно...

1849 г. Что изъ всего сказаннаго слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что рѣшительнаго совѣта относительно вашей будущей судьбы дать я не могу. Совѣтуйтесь всего болѣе сами съ собою: теперь вы сами уже можете здраво разсуждать. Если же для васъ и нуженъ посторонній совѣтъ: то воля маменьки должна быть для васъ выше и священнѣе всѣхъ посторонних совѣтовъ".

11-го же ч. писалъ я въ Иваново племяннику, единовѣрческому діакону Ѳ. С. Виноградову, въ отвѣтъ на его письмо, при коемъ приложено было 10 р. сер.:

„Съ сердечною признательностію принимаю ваше одолженіе. Не отрекаюсь съ такою же признательностію воспользоваться вызовомъ родныхъ помочь въ нуждѣ и на будущее время. Времени впереди еще не мало, а прямыхъ источниковъ для доходовъ у меня не предвидится пока никакихъ.

Вотъ, подумаешь невольно, какъ перемѣнчива наша жизнь! Послѣ прежняго, если не изобилія, то по крайней мѣрѣ, довольства, можно ли было ожидать такого оскудѣнія и бѣдности!

Впрочемъ, не испытавши нужды, не въ состояніи будешь цѣнить и изобилія. Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни надобно только стараться видѣть десницу премудраго Провидѣнія: и тогда всякое лишеніе получитъ въ нашихъ глазахъ совсѣмъ иное значеніе. Оставаясь въ Муромѣ, конечно, не испытывалъ-бы я подобнаго настоящему лишенія: но, лишившись самаго лучшаго на землѣ живаго сокровища, что значило бы для меня обильное, но бездушное золото или серебро? Не усугубило-ли бы оно болѣе мою душевную скорбь и страданіе? И не угрожало-ли бы гораздо большею опасностію, нежели самая великая бѣдность? А теперь, при настоящемъ моемъ положеніи, если довелось мнѣ потерпѣть нѣкоторый недостатокъ: за то онъ вознаграждается многими другими важнѣйшими выгодами, сравнительно съ прежнею мірскою жизнію. При этомъ недостатокъ этотъ кажется отнюдь не удовлетвореніе существенныхъ нуждъ, а только второстепенныхъ, болѣе или менѣе произвольныхъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ ваше одолженіе во всякомъ случаѣ имѣетъ для меня полную обязательность".

18-го числа писалъ я въ Хотимль о. Іоанну Успенскому въ

отвѣтъ на его письмо, отъ 7-го числа, въ коемъ онъ, ме- 1849 г.
жду прочимъ, извѣщалъ меня о своей тяжкой и продолжительной болѣзни:

„Сердечное состраданіе возбудила во мнѣ печальная повѣсть о вашей жестокой и продолжительной болѣзни. Если я не могу вполнѣ представить вашего скорбнаго положенія во время столь продолжительной болѣзни, потому что, благодаря Бога, не испытывалъ самъ такого рода болѣзней: за то слишкомъ хорошо понимаю грустное состояніе сестрицы, которое она должна была испытывать, смотря на ваше болѣзненное страданіе: я самъ нѣкогда испытывалъ всю горечь подобнаго состоянія. Но благодареніе Господу, что Онъ, посѣщая насъ бѣдствіями и скорбями, не до конца гнѣвается на насъ, но яко чадолюбивый отецъ, паки обращаетъ къ намъ свѣтлое лице Свое.

Душевно радуюсь сколько за васъ, столько-же и за сестрицу, о возстановленіи вашего разстроеннаго здоровья. Вмѣстѣ съ тѣмъ надѣюсь, что посѣтившая васъ болѣзнь послужитъ для васъ назидательнымъ урокомъ на будущее время. Думаю, что впредь вы болѣе будете дорожить своимъ здоровьемъ; не станете расточать его понапрасну, предаваясь по прежнему излишнимъ заботамъ и предпринимая снова непосильные труды. Нѣтъ, любезнѣйшій, если не для себя, то для семейства надобно хранить свое здоровье. А почему-же не хранить его и для себя? Не оно-ли есть первое условіе всякаго земнаго благополучія?—Тяжкій опытъ, конечно, достаточно вразумилъ васъ, что безъ здоровья ничего не значатъ ни богатство, ни честь. *Лучше нищъ здравъ и крѣпокъ въ силѣ своей, нежели богатъ уранѣнъ тѣломъ своимъ,* говоритъ мудрый сынъ Сираховъ: *здравіе и крѣпость лучше есть всякаго злата, и тѣло здравое, нежели богатство безчисленное.*—Особенно теперь, когда и крѣпкія силы легко могутъ изнемочь подъ тяжкимъ бременемъ подвиговъ и трудовъ священническаго служенія, вамъ нужно позаботиться о подкрѣпленіи своего здоровья. Нельзя, конечно, безъ крайней нужды, оставлять исполненія обязанностей своего званія, въ особенности при настоящихъ церковныхъ вашихъ обстоятельствахъ: за то можно, кажется, безъ большаго ущерба, отложить на время всѣ житейскія заботы и попеченія, чтобы доставить себѣ, по

1849 г. возможности, больше покоя и отдохновенія. Да не оскорбятъ васъ такіе, можетъ быть, не совсѣмъ пріятные совѣты! Но вѣрьте, что они проистекаютъ отъ сердца, васъ искренно любящаго и принимающаго живое участіе во всѣхъ вашихъ радостяхъ и горестяхъ!

Сколько непріятное впечатлѣніе произвело на меня послѣднее письмо ваше, столько-же, напротивъ, радостное и пріятное чувство возбудило во мнѣ ваше извѣстіе о судьбѣ Елизаветы Петровны,—извѣстіе, сообщенное въ предъидущемъ письмѣ, которое имѣлъ я удовольствіе получить 29-го декабря минувшаго года, и за которое до сихъ поръ— извините, не собрался васъ поблагодарить. Услышавъ объ устройствѣ судьбы сестрицы, я такъ обрадовался, что какъ будто-бы шло дѣло о моей собственной участи: такъ близко къ моему сердцу все, касающееся до моихъ родныхъ!—По видимому, судьба Елизаветы Петровны устроена, какъ нельзя лучше; и дай Богъ, чтобы ея счастіе продлилось на долго, на долго.... Когда они будутъ у васъ, или вамъ случатся быть у нихъ: прошу поздравить ихъ отъ меня съ законнымъ бракомъ, хотя это уже не много и поздно,— и пожелать всего добраго, наипаче-же супружескаго единодушія. А если Богъ приведетъ мнѣ быть когда-нибудь въ вашихъ краяхъ, то постараюсь и лично засвидѣтельствовать Сергію Ивановичу и сестрицѣ мое усердное почтеніе.

Что до меня,—я, слава Богу, здоровъ и благополученъ.

При постриженіи моемъ, совершитель—свящ. обряда— о. ректоръ почтилъ меня краткою, но назидательною рѣчью. Рѣчь эту онъ даже отпечаталъ и нѣсколько экземпляровъ подарилъ мнѣ, разумѣется, для раздачи роднымъ. Изъ числа сихъ экземпляровъ одинъ посылаю вамъ въ знакъ памяти.

Прошу принять этотъ незначительный даръ, какъ голосъ моего неизмѣннаго къ вамъ расположенія.

Съ братскою къ вамъ любовію и усердіемъ честь имѣю пребыть Моск. д. ак. студ. іеромонахъ Савва".

3-го апрѣля писалъ я въ Муромъ своему благопріятелю А. А. Горицкому:

„Въ письмѣ вашемъ отъ 17 апрѣля прошедшаго года выражена такая мысль, что для васъ не столько пріятны мои привѣтствія, сколько чистосердечная откровенность от-

носительно моихъ нуждъ и недостатковъ. Основываясь на 1849 г.
семъ, не обинуясь открываю вамъ, что я терплю теперь совершенный недостатокъ въ деньгахъ. Итакъ, если оказывать благодѣянія ближнему составляетъ для васъ удовольствіе; то прошу васъ, не откажите себѣ на сей разъ въ этомъ удовольствіи, — благоволите по прежнему удовлетворить моей настоящей нуждѣ. И будьте увѣрены, что благодѣяніе въ такомъ видѣ, въ какомъ вы оказываете, имѣетъ сугубую цѣну не только предъ очами небеснаго Мздовоздаятеля, но и предъ лицемъ благодѣтельствуемаго вами. Впрочемъ, изъяснять подробно тѣ чувства признательности, съ какими всегда я принималъ и буду принимать ваши благодѣянія, было-бы излишне: глубокія и искреннія чувствованія чаще любятъ таиться въ глубинѣ сердца, чѣмъ выражаться многословіемъ.

Кромѣ денежнаго оскудѣнія, всѣ прочія обстоятельства мои, слава Богу, благополучны. Чѣмъ болѣе живу въ академіи, тѣмъ болѣе чувствую себя свободнымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ принялъ на себя иноческій санъ. Пока былъ священникомъ, мои мысли все еще какъ-то двоились, мое положеніе все было еще неопредѣленно; а теперь — совсѣмъ иное дѣло: теперь уже я сталъ какъ-бы свой человѣкъ, особенно въ кругу монашествующихъ.

Науками занимаюсь по прежнему столько, сколько позволяютъ силы. Отправляясь въ академію, я думалъ, что и на одинъ годъ не станетъ моихъ силъ: но вотъ, по милости Божіей, и третій годъ уже на исходѣ, и я не только не чувствую изнеможенія въ силахъ, но напротивъ, какъ будто еще нѣсколько укрѣпился въ своемъ здоровьѣ. При всѣхъ утомительныхъ, повидимому, занятіяхъ науками, жизнь въ академіи много спокойнѣе въ сравненіи съ жизнію мірскою.

Я не назначаю количества потребной для меня суммы денегъ, съ одной стороны, потому, что не могу заранѣе опредѣлить въ точности всѣхъ имѣющихъ случиться потребностей, а съ другой — потому, что боюсь ограничить вашу щедрость. Скажу только, что всякое, малое или великое одолженіе, при настоящемъ моемъ оскудѣніи, равно будетъ обязательно для меня".

1849 г. А 5-го ч. писалъ мнѣ изъ Мурома шуринъ С. В. Царевскій:

„Поздравляемъ васъ съ прошедшимъ днемъ мірскаго вашего ангела и съ настоящимъ торжествомъ Воскресенія Христова. Да исполнить Господь сердце ваше той духовной радости, которая при семъ праздникѣ раждается въ душахъ всѣхъ вѣрующихъ, и которая особенно ощутительна въ сердцахъ отрѣшенныхъ отъ міра!

Отъ души благодарю за ваше послѣднее, дружественно-назидательное письмо. Совѣты ваши такъ мнѣ по сердцу, что я вопреки имъ никогда не поступлю; особенно-же въ случаѣ избранія рода жизни.

Письмо ваше ко мнѣ начинается такъ: „если нѣтъ у меня рѣшительной наклонности снова вступить на поприще науки, то надобно избирать уже другой какой-нибь. путь". Желалъ-бы, очень желалъ, еще образовать себя въ академіи,—но не поздно-ли уже объ этомъ думать. Можете ли вы подать *и чрезъ два года* такую-же помощь мнѣ при вступленіи въ академію, какую обѣщали предъ окончаніемъ нашего курса? Если-бы такъ, я съ своей стороны не сталъ-бы медлить въ приготовленіи себя къ вступленію на путь учености. Спросите, отъ чего такой вопросъ родился?

Александръ Иванычъ съ Катинькой, пріѣхавши отъ васъ, сказалъ, что напрасно я пропустилъ случай въ прошедшемъ сентябрѣ вступить въ академію;—что, по вашему мнѣнію, чрезъ два года трудно будетъ это сдѣлать и лучше искать какого-нибудь мѣста священническаго, или вступить, смотря по расположенію, въ статскую службу. Отъ чего-же эта трудность предвидится; отъ того-ли, что вы, окончивъ курсъ академіи, менѣе будете имѣть возможности вспомоществовать мнѣ при вступленіи въ оную? По ихъ мнѣнію такъ! А мнѣ кажется, вы не то вовсе имъ сказали, а только,—что въ прошедшемъ году легко можно было поступить въ академію по причинѣ малаго числа явившихся къ экзамену студентовъ, или не такъ я думаю?

Касательно священническаго сана, спрошу васъ, какъ узнать способенъ-ли я принять оный? Говорятъ надобно судить по расположенію души и внутреннему влеченію,—но я не замѣчаю особенной наклонности ни къ какой должности. Воля моя теперь такъ настроена, что я готовъ быть

и священникомъ и приказнымъ. Жду—не будетъ-ли какого 1849 г.
нибудь побужденія свыше, отъ Правящаго вселенной и особенно жребіемъ человѣческимъ,—поступить туда или сюда?
Прощайте! Любящій васъ братъ Сергій Царевскій".

Въ концѣ великаго поста прибылъ въ Москву Высочайшій дворъ по случаю открытія и освященія возобновленнаго Императорскаго Дворца, составляющаго украшеніе Московскаго кремля. Освященіе великолѣпнаго царскаго жилища послѣдовало 3-го апрѣля, въ день свѣтлаго Христова Воскресенія, послѣ литургіи въ дворцовой церкви. Обрядъ освященія совершалъ приснопамятный митрополитъ Московскій Филаретъ и говорилъ при семъ приличную рѣчь. Государь Николай Павловичъ приглашалъ послѣ сего Владыку къ своей царской трапезѣ, но онъ не могъ принять сего приглашенія потому, что долженъ былъ совершать въ Успенскомъ соборѣ позднюю литургію.

Во время свѣтлой седмицы нѣкоторыя изъ Высочайшихъ особъ посѣтили Троицкую лавру и нашу академію.

Прежде всѣхъ, именно 2-го числа, пожаловала къ намъ Великая Княгиня Марія Николаевна. Прибывъ въ лавру въ въ два часа по полудни, въ 7 ч. вечера она посѣтила академію. Чрезъ ректорскіе покои она перешла въ залу собраній, гдѣ Ея Высочеству были представлены наставники и студенты; посѣтила за тѣмъ академическую библіотеку, комнаты для занятій и студенческія спальни. Въ 8-мь часовъ слушала въ Троицкомъ соборѣ пасхальную утреню, а на другой день, 7-го числа, выслушавъ литургію и молебенъ преп. Сергію, въ 10 ч. отправилась въ обратный путь.

11-го ч., въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, прибылъ въ лавру высокопреосвященный митрополитъ для встрѣчи другихъ Августѣйшихъ особъ.

Въ слѣдъ за нимъ, 12-го ч. прибыли сюда Великій князь Константинъ Николаевичъ съ супругою, Великой кн. Александрой Іосифовной, Вел. князь Николай Николаевичъ и Вел. кн. Ольга Николаевна съ супругомъ. Всѣ они встрѣчены были митрополитомъ во св. вратахъ и привѣтствованы рѣчью. Послѣ краткаго богомолья въ соборѣ и послѣ обозрѣнія лаврской ризницы, они, въ сопровожденіи митрополита, посѣтили, въ 5 часу по полудни, академію. За тѣмъ слу-

1849 г. шали въ Троицкомъ соборѣ всенощную, а на другой день литургію, по окончаніи коей отправились въ обратный путь.

Возвращаюсь нѣсколько назадъ.

6-го апрѣля писалъ я въ Муромъ протоіерею М. Г. Троепольскому:

„Можетъ быть, вы уже предувѣдомлены чрезъ почтеннѣйшаго А. А. о причинѣ, по которой я не могъ, вмѣстѣ съ нимъ, и вамъ принести мое усерднѣйшее поздравленіе съ настоящимъ свѣтлымъ праздникомъ. Точно, не смотря на тихую монашескую жизнь, у меня бываютъ и теперь своего рода недосуги, которые не рѣдко препятствуютъ свободно располагать своими занятіями. Не говоря уже о постоянныхъ, общихъ для всѣхъ насъ, школьныхъ занятіяхъ, которыя не оставляютъ насъ и въ праздникъ, я имѣю еще теперь особенную частную должность, исполненіе которой относится, впрочемъ, только къ праздничнымъ днямъ. Съ поступленіемъ на старшій курсъ, мнѣ поручено (было) начальствомъ завѣдывать церковною службой по академіи. Сущность дѣла состоитъ въ томъ, чтобъ узнать предварительно отъ начальства, т. е. отъ ректора, о времени и мѣстѣ Богослуженія, потомъ объявить волю настоятеля сослужащимъ и студентамъ, вытребовать изъ лавры діаконовъ и распорядиться ризницею. Должность сама въ себѣ не трудная, тѣмъ не менѣе однакожъ требуетъ большой аккуратности, а подъ часъ можетъ сопровождаться и непріятностями. Впрочемъ, предварительно ознакомившись подъ вашимъ руководствомъ съ порядками церковной службы, я съ большимъ удобствомъ могу проходить это монашеское послушаніе, нежели кто-либо другой изъ моихъ собратовъ—людей, мало опытныхъ въ этомъ отношеніи. И не я одинъ однакожъ несу такую частную должность, есть у насъ и свои особые канонархи тоже изъ студентовъ, свои чтецы и свои пѣвчіе; а для исправленія низшихъ порученій по церковной службѣ—особый служитель изъ постороннихъ людей. Все бы хорошо въ этомъ отношеніи: одно только неудобство—нѣтъ своей особой церкви,—и своихъ діаконовъ.

Въ послѣднемъ случаѣ нашъ курсъ такъ бѣденъ, что нѣтъ ни одного іеродіакона—студента, между тѣмъ какъ іеромонаховъ—трое. Поэтому каждый разъ къ намъ отря-

жаются іеродіаконы изъ лавры, большею частію перемѣн- 1849 г.
ные и, разумѣется, худшіе. Да и настоятели-то наши то и дѣло перемѣняются: то служитъ о. ректоръ, то инспекторъ, то кто-нибудь изъ старшихъ профессоровъ. Отъ этого служеніе наше, особенно въ такіе великіе праздники, каковъ настоящій, бываетъ не совсѣмъ стройно, а это крайне не нравится мнѣ. При семъ невольно воспоминаешь каждый разъ о нашемъ прежнемъ Муромскомъ служеніи. За то тѣмъ пріятнѣе бываетъ присутствовать при лаврскомъ Богослуженіи, которое совершается со всею торжественностію и точностію. О. намѣстникъ—человѣкъ опытный и строгій ревнитель порядка".

16-го ч. дано было намъ 6-ть темъ для сочиненія, по классу Нравствен. богословія. Вотъ эти темы:

1)„Можно-ли безъ борьбы достигнуть нравственнаго совершенства?

2) О вліяніи чистой нравственной жизни на даръ прозорливости и предвѣдѣнія.

3) О вмѣняемости сновидѣній, по ученію православной Церкви.

4) Безусловно-ли противна духу христіанской нравственности вѣра въ сны?

5) Имѣетъ-ли нравственную цѣну подвигъ послушанія, когда исполняются требованія, которыхъ значеніе и цѣль непонятны для исполняющаго?

6) Есть-ли въ нравственыхъ основаніяхъ соціализма что—нибудь согласное съ духомъ ученія Христова?"

Я не писалъ по этому предмету сочиненія, не помню, по какой причинѣ.

19-го ч. писалъ мнѣ Муромскій о. протоіерей Троепольскій:

„Какъ сходятся наши желанія! я хотѣлъ писать вамъ въ 30-е марта, но отложилъ. Вы—не Іоаннъ. Послѣ Пасхи беру перо—и получаю ваше письмо. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, въ соотвѣтствіе восклицая: воистину воскресе!—пишу къ вамъ нынѣ.

Весьма пріятно знать, что вы имѣете должность, къ которой столь давно способны. А какъ повѣрить вашему объясненію о прежней нашей службѣ, то еще пріятнѣе. Правда, у насъ безъ великолѣпія, но соборное служеніе, поелику еще могу держать въ рукахъ все, доселѣ стройно,

1849 г. какъ слышимъ и отъ другихъ. Что-жъ касается до очередной службы, то часто съ удовольствіемъ слышу упрекъ отъ домашнихъ: нѣтъ совсѣмъ—де не тотъ, что былъ. Тотъ благочестивъ—безъ фарисейства, сановитъ—безъ надменія, держалъ себя скромно—безъ притворства, благороденъ—безъ личины, привлекающъ—безъ ханжества, исполнителенъ—безъ излишества и недостатка. Да кто это? Ну что притворяться, будто вы не знаете себя и того....

Далѣе—приходятъ и мнѣ на память великоважные случаи по Мурому, какъ и въ Лаврѣ. Да, со стороны смотрѣть вожделѣнно, а быть въ отвѣтственности — другое дѣло. Но благодарю за сообщенную новость. На выраженія ваши, противъ письма моего къ вамъ, отвѣтствую тѣмъ, что любовь основанная на познаніи истиннаго достоинства, не можетъ быть не истинною. Что пріятно для васъ, то, большею частію, пріятно и для меня. Впрочемъ, къ писанію принуждаться не нужно, а когда скопятся чувства, тогда они не умедлятъ излиться сами.

Наконецъ, вы раскрываете ваше чувство къ любимому вами Мурому,—такія чувства пріятны, а Богъ располагаетъ. Чѣмъ вы долѣе не увидите Мурома, тѣмъ больше будете ощущать удовольствіе въ желаніи видѣть его. Когда-же довольственнѣе живетъ трудолюбецъ? Когда минетъ маетное лѣто, когда соберутся плоды въ житницу. И ваше посѣщеніе весьма будетъ благовременно по окончаніи жатвы ученія, когда плоды трудовъ снѣси. Годъ съ небольшимъ остается подвига вашего.—Потщитесь для вѣнца воздаянія".

24 ч., въ воскресенье, вечеромъ посѣщалъ академію оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ Н. А. Протасовъ вмѣстѣ съ своею супругою. Мы всѣ собраны были въ актовый залъ, отецъ ректоръ обратилъ на меня вниманіе графа.

На слѣдующій день, 25-го ч., его сіятельство былъ у насъ на лекціи баккалавра Н. П. Гилярова-Платонова, по предмету русскаго раскола; лекторъ излагалъ и опровергалъ ученіе раскольниковъ объ антихристѣ. Оставшись довольнымъ лекціею, графъ выходя изъ класса, сдѣлалъ о нашей академіи такой отзывъ:

„Московская академія всегда доставляла намъ ревностныхъ защитниковъ православія. Желаю, чтобъ и настоящее поколѣніе оправдало надежды правительства".

23-го ч. писалъ я въ Муромъ шурину С. В. Царев- 1849 г.
скому:

„Вы изъявляете искреннее желаніе поступить въ академію: но опасаетесь, не поздно-ли уже объ этомъ думать? Напрасное опасеніе! Развѣ мой примѣръ не служитъ для васъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что начинать, или лучше, продолжать учиться доброму никогда не поздно?— Конечно, нельзя не пожалѣть о томъ, что вы опустили самый благопріятный случай для вступленія въ академію; при томъ же, два года у васъ были-бы уже впереди: но, если нельзя возвратить прошедшаго, то по крайней мѣрѣ не надобно даромъ губить настоящаго. Если вы надлежащимъ образомъ воспользуетесь тѣмъ временемъ, какое остается еще до слѣдующаго пріемнаго экзамена; то это не только облегчитъ вамъ вступленіе въ академію, но будетъ имѣть, въ случаѣ поступленія, значительное вліяніе и на дальнѣйшія ваши занятія. Но еслибы, послѣ всѣхъ вашихъ приготовленій, вамъ и не случилось быть въ академіи: во всякомъ случаѣ вы не останетесь въ накладѣ. Какіе предметы нужно особенно приготовить для экзамена, объ этомъ подробнѣе можете навѣдаться отъ П. П. Калліопина; я съ своей стороны прибавлю только то, что всего важнѣе и полезнѣе заниматься размышленіемъ и упражняться въ сочиненіяхъ какого бы то ни было рода.

Александру Ивановичу я дѣйствительно говорилъ, что чрезъ два года для васъ труднѣе поступить будетъ въ академію, но не потому, что будто-бы я уже не могу болѣе содѣйствовать вамъ на этотъ разъ (хотя, надобно замѣтить, это содѣйствіе во всякомъ случаѣ должно быть отнюдь не какое-нибудь непосредственное, а не болѣе, какъ только ходатайство предъ начальствомъ о дозволеніи вамъ явиться къ экзамену; на непосредственное содѣйствіе, при вступленіи въ академію, разсчитывать никакъ не должно),—а только потому, что тогда пронесся слухъ, будто количество учащихся въ дух. академіяхъ правительство думаетъ сократить. Если это, въ самомъ дѣлѣ, справедливо, то въ такомъ случаѣ поступленіе въ академію, очевидно, должно быть затруднительное, особенно, если много волонтеровъ явится къ экзамену. Впрочемъ, этимъ много смущаться не надобно; стоитъ только по лучше приготовиться; при принятіи въ

1849 г. академію начальство обращаетъ вниманіе не на личности, а на качество отвѣтовъ и преимущественно экспромптовъ.

Но вступить въ академію еще не значитъ совершенно успокоиться: это, напротивъ, только лишь начало подвиговъ и искушеній. Какъ ни спокойна на мой взглядъ жизнь въ академіи; но и здѣсь не мало слышишь жалобъ отъ товарищей. Потому-то болѣе всего я и жалѣю о вашей оплошности, что при мнѣ вы могли бы провести въ академіи два года и спокойнѣе и безопаснѣе. Какія затрудненія и опасности могутъ встрѣтиться для молодаго человѣка въ академіи, объ этомъ писать теперь не стану, а при случаѣ объясню это устно.

Въ заключеніе всего скажу вамъ и то, что хорошо поступить и въ академію; но если, въ теченіи слѣдующаго года, представится вамъ благопріятный случай поступить на какую-нибудь должность, не опускайте этого случая, чтобы послѣ не раскаяваться. Въ академіи можетъ быть спокоенъ только тотъ, кто ищетъ собственно духовнаго образованія; но кто смотритъ на академическое образованіе не болѣе, какъ на средство для достиженія матеріальныхъ цѣлей, тѣ, большею частію, обманываются въ своихъ разсчетахъ.

Болѣе сказать вамъ на этотъ разъ ничего не имѣю въ виду.

Остаюсь любящій васъ братъ іеромонахъ Савва".

30-го числа писалъ мнѣ изъ Вятки въ послѣдній разъ о. Стефанъ (Матвѣевъ), получившій назначеніе на должность инспектора въ Пермскую семинарію:

„Честь имѣю увѣдомить васъ, что я опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ Пермской семинаріи. Опредѣленіе это въ Св. Синодѣ послѣдовало 16-го апрѣля; а въ правленіи Вятской семинаріи получено оффиціальное извѣстіе о семъ 24 мая. Радуюсь моему возвышенію на поприщѣ общественной службы. Радость моя увеличивается еще тѣмъ, что назначенъ инспекторомъ на родину,—въ ту семинарію, гдѣ самъ учился.

Изъ Вятки предполагаю отправиться 10 іюня, а въ Пермь пріѣхать 20 іюля. Ибо думаю еще совершить путешествіе по многимъ селамъ Пермской губерніи съ тою цѣлію, дабы имѣть удовольствіе видѣть моихъ родственниковъ.

Путешествовать въ Москву не намѣренъ въ этотъ годъ,

Прошу васъ писать ко мнѣ въ г. Пермь. 1849 г.

Съ глубокимъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорный слуга инспекторъ Пермской семинаріи, магистръ іеромонахъ Стефанъ.

Посылаю вамъ одинъ рубль серебромъ на ваши расходы".

3-го іюля писалъ мнѣ изъ Абакумова о. Михаилъ Граменицкій:

„Давно съ услажденіемъ и сердечнымъ умиленіемъ чичаю милое письмо ваше, наполненное чистосердечною откровенностію и пріятностію...

Мое плаваніе по житейскому морю не совсѣмъ-то покойно: случаются противные вѣтры, угрожаютъ потопленіемъ; но всевышній Создатель доколѣ хранитъ и милуетъ: на Него вся моя надежда и упованіе!..

Ахъ, любезнѣйшій другъ! (позвольте такъ назвать себя) если-бы удостоился я повидѣться съ вами, какъ сладко было-бы побесѣдовать и излить предъ вами всю душу и сердечные помыслы! Не будете ли путешествовать въ вакацію въ наши предѣлы Владимірскіе? Не забудьте навѣстить прежняго вашего знакомца и друга; тогда какою-бы радостію наполнилась душа моя! А если можно, прошу васъ, хоть на всю вакацію, комната для васъ готова,—радушіе и желаніе неизмѣняемы, вѣчны;—рыбки для васъ или поймаемъ или достанемъ! Только если будетъ Ваше къ сему усердіе, прошу васъ извѣстить за нѣсколько по прежде.

Посылаю вамъ три рубля серебромъ въ знакъ любви и расположенія,—употребите хоть на чай.

Другъ мой! напишите мнѣ, какъ вы изволите подвизаться въ монашеской жизни,—какъ обращаетесь съ музами,—и въ какомъ состояніи ваше здоровье? Нѣтъ-ли у васъ чего новенькаго?.. сего жажду, сего желаю...

Писать болѣе не могу,—путешественники готовы къ исходу,—не взыщите за несвязность".

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 7-го числа:

„Съ открытіемъ весны и появленіемъ благочестивыхъ пилигримовъ въ нашей св. обители, я со дня на день поджидалъ извѣстія отъ васъ,—и вотъ наконецъ надежда не обманула меня. Письмо ваше, и при немъ финансовую записочку я получилъ 5-го іюня: первое читалъ и перечитывалъ съ сердечною любовію, а послѣднюю положилъ въ

1849 г. кошелекъ впредь до употребленія съ умилительнымъ чувствомъ глубокой признательности къ вамъ. Не обинуясь скажу вамъ, что ваше одолженіе, при настоящемъ моемъ оскудѣніи, очень благовременно, и потому заслуживаетъ сугубую благодарность.

Обращаюсь къ вашему посланію. Прежде всего вижу изъ него (и слышу изъ устъ письмоподателя), что вы и семейные ваши—всѣ здоровы и благополучны: радуюсь, отъ души радуюсь сему.

Что сказать вамъ о противныхъ вѣтрахъ, угрожающихъ вашему спокойствію? Ничего болѣе не скажу вамъ, какъ только предложу дружескій совѣтъ—почаще обращаться къ псалмамъ Давидовымъ, гдѣ такъ много указывается спасительныхъ средствъ къ укрощенію этихъ гибельныхъ вѣтровъ. Не напрасно однакожъ такъ сильно желаете вы излить свои чувства и передать задушевныя мысли старинному другу. Я самъ бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и по собственному опыту знаю, какъ тяжело таить въ себѣ подобныя чувства и мысли. Душевно желалъ-бы и для вашего удовольствія и для собственной пользы посѣтить васъ, но не знаю, позволятъ-ли обстоятельства. Правда, у меня есть-таки непремѣнное намѣреніе во время вакаціи выѣхать изъ академіи куда-бы то ни было, хотя не надолго. Неподвижная и однообразная жизнь въ теченіе почти двухъ лѣтъ, если еще,—благодареніе Богу,—не изнурила совершенно, по крайней мѣрѣ значительно притупила душевныя и физическія силы, и потому чувствую настоятельную потребность освѣжить себя сколько-нибудь перемѣною мѣста и разнообразіемъ предметовъ. И это тѣмъ болѣе нужно, что теперь предстоитъ намъ послѣдній, но главный трудъ (разумѣю курсовое сочиненіе),—трудъ, который потребуетъ усильнѣйшаго вниманія и напряженія всѣхъ силъ.

Для путешествія предполагаю избрать одну изъ двухъ противоположныхъ странъ—Москву или Ростовъ. Если рѣшусь ѣхать въ Москву, то, не удивительно, что надумаю оттуда устремиться и къ вамъ, потому что въ столицѣ отнюдь не надѣюсь найти потребнаго отдохновенія, а только развѣ удовлетворю одному праздному любопытству, если-же почему-нибудь рѣшусь отправиться въ Ростовъ, то уже не знаю, въ состояніи-ли буду удовлетворить вашей просьбѣ,

потому что на этомъ пути имѣю хорошее и надежное при- 1849 г.
станище въ Переславлѣ у о. архимандрита Нифонта, гдѣ надѣюсь вполнѣ достигнуть главной своей цѣли—отдохновенія. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, особенно въ первомъ, постараюсь предъувѣдомить васъ, но ни въ какомъ случаѣ не совѣтую вамъ много заботиться о приготовленіяхъ къ моему пріѣзду. Для меня не угощеніе потребно, а радушіе и мирное спокойствіе.

Что сказать вамъ о настоящемъ моемъ положеніи? Живу такъ-же, какъ вы видѣли въ прошедшемъ году. Монашество почти нисколько не измѣнило моихъ внѣшнихъ отношеній. По прежнему хожу въ Вифанію, гдѣ у меня кругъ знакомства еще болѣе расширился отъ поступленія туда нѣкоторыхъ изъ кончившихъ въ прошедшемъ году курсъ нашихъ студентовъ, изъ коихъ особенно былъ всегда близокъ ко мнѣ С. Г. Вишняковъ.

Здоровье мое не совсѣмъ-то исправно. Вотъ уже около 2-хъ недѣль зубная боль безпокоитъ меня такъ, что не позволяетъ даже ходить въ классъ,—чему, впрочемъ отчасти я и радъ, потому что теперь и здоровому ходить въ классъ, по причинѣ начавшихся повтореній, крайне обременительно".

6-го іюня получено было мною письмо изъ Мурома отъ семейства Царевскихъ. Вотъ что писали мнѣ отъ 26-го мая:

„Судя потому, какъ скоро вы отвѣчали на прежнія наши письма, мы увѣрены были, что и на послѣднее отъ насъ письмо вы не замедлите отвѣтить. Прошло довольно уже много времени,— а вы молчите. Это заставляетъ насъ сомнѣваться, получили-ли вы наше письмо,—здоровы-ли? Но для чего все перечислять? Мало-ли что можетъ представиться, когда не получаешь ожидаемаго.

Чтобы разсѣять наши сомнѣнія и различныя представленія касательно медлительности въ отвѣтѣ,—просимъ васъ хоть строчекъ пятокъ черкнуть, на какомъ-нибудь лоскуткѣ, и переслать съ сей письмоподательницей. Мы и этимъ довольны будемъ.

Въ ожиданіи вашего отвѣта остаемся любящіе и почитающіе васъ Царевскіе".

На другой-же день отвѣчалъ я на это письмо:

„По моимъ разсчетамъ, вы должны получить мой отвѣтъ

1849 г. на предъидущее ваше письмо въ тотъ самый день, въ который отправили ко мнѣ послѣднюю краткую епистолу, въ которой вы такъ ясно выражаете и нетерпѣливое ожиданіе моего отвѣта и опасеніе за потерю вашего письма и сомнѣніе въ моемъ здоровьѣ. Теперь, конечно, вы уже совершенно успокоились. Почему я, вопреки вашимъ чаяніямъ, не скоро отвѣчалъ на ваше письмо? Во-первыхъ потому, что не видѣлъ крайней надобности спѣшить отвѣтомъ; а во-вторыхъ и потому, что не всегда имѣю столько свободнаго времени, чтобы заняться внѣшнимъ дѣломъ: корреспонденціей вообще (исключая, разумѣется, крайней надобности) я занимаюсь только въ такіе часы, когда или нѣтъ вовсе серьезнаго занятія (хотя это случается весьма рѣдко), или когда, послѣ продолжительнаго серьезнаго занятія дѣломъ, становишься наконецъ неспособнымъ къ занятію имъ, и тогда вмѣсто отдохновенія спѣшу отвѣчать на тѣ письма, которыя были получены прежде. Вотъ напримѣръ и теперь письма два-три давно лежатъ у меня и требуютъ непремѣннаго отвѣта, который однакожъ послѣдуетъ не прежде, какъ по окончаніи экзаменовъ. Дѣла теперь у насъ такъ много, что некогда и подумать о постороннихъ занятіяхъ. Не знаю, удалось ли-бы мнѣ начертить сіи строки вамъ, если бы зубная боль, которая уже около двухъ недѣль одержитъ меня, не препятствовала мнѣ ходить въ классъ.

Въ дополненіе къ тому, что было мною сказано въ предъидущемъ письмѣ, я не знаю право, что еще прибавить. Хотѣлъ было я пригласить васъ къ себѣ на нынѣшнюю вакацію, имѣя въ виду частію собственное удовольствіе, а еще болѣе вашу пользу: но раздумалъ потому, что самъ имѣю намѣреніе во время вакаціи совершить куда-нибудь путешествіе. Отъ продолжительнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ и отъ постоянной умственной работы силы мои такъ утомились, что требуютъ непремѣннаго освѣженія. При томъ опасаюсь отвлечь васъ отъ вашихъ учительскихъ занятій, о которыхъ я узналъ недавно. Это хорошо вы сдѣлали, что позаботились отыскать себѣ кондицію. Не говоря уже о положительной выгодѣ, настоящее занятіе ваше можетъ приносить вамъ другую, высшую пользу. Извѣстна древняя пословица: docendo discimus. И это весьма спра-

ведливо: порукой въ томъ—мой собственный опытъ. Только 1849 г.
на этотъ разъ совѣтовалъ-бы я вамъ прочитать (и по возможности выполнять) статейку, помѣщенную въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ за нынѣшній годъ (№№ 58—61): „О повиновеніи въ дѣлѣ воспитанія“.—Она такъ понравилась мнѣ, что я не излишнимъ почелъ ее даже списать“.

Въ продолженіи іюня происходили у насъ обычные экзамены. Въ промежуткѣ между устными испытаніями писались экспромпты. Такъ 17-го числа мы писали латинскій экспромптъ на тему: „Num verba Apostoli: in ipso vivimus, movemur et sumus (Дѣян. XVII, 28) favent opinioni spinozistarum,—Deum esse animam mundi?—22-го ч. дана была русская тема: „Справедливо-ли говорятъ, что обѣтованіе Божіе, изображенное въ псалмѣ 131, ст. 13 и 14, но не исполнившееся, противорѣчитъ неизмѣняемости Божіей?“.

27-го іюня писалъ я въ Горицы о. Василію Сапоровскому:

„По заведенному обычаю, слѣдовало-бы мнѣ извиниться передъ вами въ томъ, что я такъ долго не отвѣчаю на ваше довольно подробное и откровенное письмо отъ 30-го марта: но извините, если я на этотъ разъ не подчинюсь принятому обычаю, и объяснюсь вамъ откровенно, что я потому именно и не спѣшилъ отвѣтомъ на ваше письмо, чтобы и васъ на будущее время освободить отъ подобныхъ извиненій, по крайней мѣрѣ въ отношеніи ко мнѣ. По моему мнѣнію, отвѣчать слишкомъ скоро на письмо пріятеля безъ особой нужды, значитъ побуждать или даже обязывать его къ тому-же самому: но это уже будетъ не свободная дружеская бесѣда, а какая-то оффиціальная скучная корреспонденція. Впрочемъ, можетъ быть, я и заблуждаюсь...

Вы жаловались, что жизнь ваша, при настоящей должности, исполнена постоянными трудами и заботами: правда, но за то есть въ ней и другая довольно выгодная сторона: это—всегдашнее разнообразіе. Если не каждый день, по крайней мѣрѣ, очень часто встрѣчаются вамъ новыя лица, новые живые предметы для разговоровъ, новые, хотя и не всегда, правда, пріятные случаи для дѣятельности. Ничего такого нѣтъ въ моей настоящей жизни. Жизнь моя течетъ такъ однообразно, что, если поподробнѣе описать вамъ

1849 г. одинъ день, это значитъ описать вамъ нѣсколько недѣль, а можетъ быть и мѣсяцевъ. Всегда одни и тѣ-же лица, вѣчно одни и тѣ-же занятія, хотя, впрочемъ, предметы этихъ занятій довольно разнообразны и до безконечности неистощимы. Въ послѣднее время и моя жизнь однакожъ нѣсколько разнообразилась отъ того, что я подвергся болѣзни и при томъ еще не одной. Сначала безпокоила меня зубная боль, да такая сильная, что я рѣшился наконецъ, послѣ предварительныхъ легкихъ средствъ, вовсе искоренить больной зубъ. Но едва лишь освободился отъ этой скучной боли, какъ посѣтила меня другая, и какая-же? Стыдно сказать— простуда. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, при 30 почти град. тепла, простудиться—крайне, повидимому, смѣшно: но при нашемъ, довольно искусственномъ образѣ жизни, очень естественно. Чтобы получить эту болѣзнь, мнѣ стоило только, напившись чаю, пробыть нѣсколько минутъ на сквозномъ вѣтру. Но какъ скоро удалось мнѣ навлечь на себя эту болѣзнь, такъ скоро, при пособіи добраго врача—іеромонаха, Богъ далъ и освободиться отъ нея. Послѣ двухдневнаго врачеванія, я начинаю чувствовать себя, слава Богу, почти здоровымъ. Испытать непродолжительную болѣзнь полезно не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Всякое физическое бѣдствіе, какъ посылаемое на насъ Провидѣніемъ, есть поучительный для насъ урокъ.

Не распространяясь болѣе о своихъ обстоятельствахъ, предлагаю вамъ, если угодно, узнать всѣ подробности моей академической жизни отъ подателя письма сего. Этотъ человѣкъ всегда былъ такъ близокъ по мнѣ, что я ничего не скрывалъ отъ него. И потому, если вы продолжаете еще питать ваше прежнее ко мнѣ благорасположеніе (въ чемъ однакожъ я не сомнѣваюсь), прошу васъ не отказать въ ласковомъ привѣтѣ и сему новому моему другу".

О какомъ другѣ идетъ здѣсь рѣчь, не помню.

1-го іюля даны были намъ, студентамъ XVII курса, для, такъ называемыхъ, курсовыхъ сочиненій, слѣдующія темы:

1-го разряда:

1. Григорію Смирнову . . . О литургіи преждеосвященныхъ.
2. Василію Лебедеву . . . . Противъ Шведенборга.
3. Григорію Быстрицкому . О св. Іоаннѣ Дамаскинѣ.

4. Сергію Терновскому . .	Обозрѣніе полемическихъ книгъ писанныхъ противъ раскольниковъ съ конца XVII до начала XIX столѣтія.	1849 г.
5. Ѳеодору Попову.	О свободѣ христіанской въ отношеніи къ гражданскимъ состояніямъ.	
6. Ильѣ Бѣляеву	О Стоглавѣ, противъ раскольниковъ.	
7. Василію Холминскому . .	О Максимѣ Грекѣ.	
8. Николаю Рождественскому.	Православное ученіе о церкви, въ сравненіи съ ученіемъ о семъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.	
9. Егору Попову	О св. Кипріанѣ.	
10. Іеромонаху Саввѣ . . .	Объ устной исповѣди.	
11. Александру Соколову .	Обозрѣніе догматико-полемической проповѣди восточной церкви въ IV в.	
12. Василію Взорову. . . .	О заблужденіяхъ молоканъ.	
13. Ѳерапонту Евдокимову .	Объ обѣтахъ монашества.	
14. Якову Беневоленскому .	О происхожденіи уніи.	
15. Ивану Васильевскому .	О имѣющемъ послѣдовать обращеніи іудеевъ.	
16. Даніилу Пономареву . .	О пастырскихъ обязанностяхъ по ученію Златоуста.	
17. Александру Воздвиженскому.	Объ отношеніяхъ Римскаго епископа къ восточнымъ соборамъ до раздѣленія церквей.	
18. Алексѣю Попову. . . .	Исторія иконоборства.	
19. Андрею Любославскому.		
20. Виктору Рождественскому 2-го разряда.		
21. Николаю Астрову . . .	Объ обѣтахъ монашества.	
22. Виктору Виноградову .	О христіанской вѣротерпимости.	
23. Алексѣю Лаврову . . .	О св. Іоаннѣ Дамаскинѣ.	

1849 г.	24. Андрею Боголюбову . .	Объ иконоборствѣ.
	25. Степану Орлину	О 2-мъ посланіи къ Солунянамъ.
	26. Алексѣю Викторову . .	О сношеніяхъ православной церкви съ протестантами въ XVI в.
	27. Михаилу Зенкевичу . .	Обозрѣніе соборовъ Русской церкви въ періодъ патріаршества.
	28. Никитѣ Срѣтенскому. .	О священствѣ.
	29. Якову Груздеву	О преданіи.
	30. Іосифу Голубинскому .	О патріархѣ Іоакимѣ.
	31. Александру Успенскому-Буданову—	Пророчества о Спасителѣ въ писаніяхъ Моусеевыхъ.
	32. Алексѣю Миловидову .	О елеосвященіи.
	33. Ивану Островскому . .	О пастырскихъ обязанностяхъ относительно священнодѣйствій по ученію Златоуста.
	34. Василію Кондорскому .	О внѣшнемъ Богослуженіи противъ молоканъ.
	35. Кириллу Державину . .	О 2-мъ посланіи къ Солунянамъ.
	36. Александру Камышинскому.	О происхожденіи уніи.
	37. Ѳеодору Никольскому .	Сравнительное ученіе о церкви.
	38. Гавріилу Пернаткину. .	О будущемъ обращеніи іудеевъ.
	39. Димитрію Бакрадзе . . .	Объ исповѣди.
	40. Петру Беневоленскому .	О христіанской вѣротерпимости.
	41. Виктору Всесвятскому .	О Максимѣ Грекѣ.
	42. Ѳеодору Исполинову . .	О пророчествахъ Малахіи.
	43. Ѳеодору Остроумову . .	Объ отношеніи Римскаго епископа къ восточнымъ соборамъ до раздѣленія церквей.
	44. Николаю Рудневу . . .	О пастырскихъ обязанностяхъ по ученію Златоуста.
	45. Степану Твердому . . .	О священствѣ.
	46. Василію Богословскому.	О происхожденіи уніи.
	47. Іосифу Лебединскому. .	О догматико - полемической проповѣди въ IV в.

48. Василію Никольскому . О св. Кипріанѣ. 1849 г
49. Петру Милованову. . . О самоиспытаніи.
50. Павлу Щеглову . . . . Объ исповѣданіи вѣры.

Рѣшившись посѣтить моего Абакумовскаго друга, М.Д. Граменицкаго, я писалъ ему 1-го іюля:

„Кажется, общее желаніе наше можетъ теперь совершиться. Обстоятельства мои расположились такъ, что я рѣшился ѣхать въ Москву. Только еще не опредѣленъ окончательно срокъ выѣзда моего изъ лавры, впрочемъ, если не завтра, то, кажется, въ воскресенье могу безпрепятственно отправляться въ путь. Сколько времени пробуду въ Москвѣ, такъ же заранѣе опредѣлить не могу, но, вѣроятно, не долѣе, пока не найду къ вамъ подводы; потому что я намѣренъ и обратный путь совершить чрезъ Москву; и тогда-то уже могу пробыть тамъ подольше.

Итакъ, до пріятнаго свиданія!—Но опять повторяю вамъ: не безпокойтесь, Бога ради, заранѣе на счетъ моего пріѣзда. Мнѣ очень совѣстно будетъ, если я введу васъ въ излишніе расходы. При томъ же, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: буду-ли я у васъ или нѣтъ, рѣшительно сказать нельзя: мало-ли что можетъ случиться дорогой?“.

2-го ч., въ субботу, я отправился, въ сопутствіи двоихъ или троихъ товарищей, между прочимъ, Василія Взорова, въ Москву, гдѣ остановился я, съ дозволенія о. ректора, въ его Заиконоспасскомъ монастырѣ. Первопрестольная столица поразила меня прежде всего своими громадными размѣрами. На другой день, 3-го ч., я поспѣшилъ отправиться въ кремль для поклоненія тамошней святынѣ. Когда я входилъ въ Успенскій соборъ, литургія уже окончилась. Въ этотъ день, по случаю праздника въ честь св. Филиппа, литургію совершалъ преосвященный Іосифъ, викарій, епископъ Дмитровскій, у котораго я, при выходѣ его изъ собора, принялъ благословеніе.

4-го числа мы съ Взоровымъ поспѣшили отправиться въ дальнѣйшій путь. 5-го ч. пріѣхалъ я въ Абакумово, гдѣ встрѣченъ былъ своимъ другомъ съ распростертыми объятіями.

Погостъ Абакумовскій, состоящій изъ 11-ти причтовыхъ дворовъ, расположенъ на берегу рѣчки Липни. Къ нему принадлежитъ 23 деревни съ народонаселеніемъ слишкомъ

1849 г. въ 2000 душъ мужескаго пола. По штату, въ Абакумовскомъ приходѣ положено тогда было три причта. Изъ 3-хъ священниковъ о. Граменицкій былъ, если не старшій, то болѣе прочихъ пользовавшійся въ приходѣ общимъ уваженіемъ и по своему образованію, и по своей строго-честной жизни. Въ продолженіи трехъ-недѣльнаго пребыванія моего въ Абакумовѣ, я былъ свидѣтелемъ неутомимыхъ трудовъ моего бывшаго товарища и друга: то ежедневныя, въ продолженіи очередной седмицы, богослуженія, то мірскія требы, иногда съ ранняго утра до поздняго вечера, — то домашнія по хозяйству занятія и хлопоты не давали ему покоя. Свободные-же отъ занятій и трудовъ часы онъ посвящалъ мнѣ; въ эти часы мы съ нимъ или занимались дружескою бесѣдою, или обозрѣвали его поля, или ходили въ лѣсъ за грибами, а иногда отправлялись на рыбную ловлю. Въ праздничные и воскресные дни мы съ нимъ соборнѣ служили въ его приходскомъ каменномъ, довольно благолѣпномъ, храмѣ. Въ отсутствіе моего гостепріимнаго хозяина изъ дому въ приходъ, я занимался чтеніемъ книгъ, частію изъ его скромной библіотеки, а частію взятыхъ мною изъ академіи и относящихся къ предмету моего курсоваго сочиненія „объ устной исповѣди“. Такимъ образомъ я могъ соединять въ сельскомъ уединеніи пріятное съ полезнымъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля я оставилъ гостепріимный кровъ своего друга и отправился въ Москву. Здѣсь прежде всего отыскалъ я своего молодаго товарища по академіи, Николая Димитріевича Рождественскаго (будущаго о. Игнатія). Онъ съ своею матерью вдовой и двумя младшими братьями жилъ у своего дяди, священника бывшаго Георгіевскаго монастыря, что на большой Дмитровкѣ. Съ ними мы отправились въ кремль и обошли всѣ соборы. За тѣмъ я посѣтилъ другаго товарища, Ст. Ив. Орлина, сына протоіерея Троицкой, въ Троицкомъ переулкѣ, церкви Ивана Степановича Орлова. О. протоіерей Орловъ, бывши разъ въ Сергіевомъ посадѣ, и слышавши о мнѣ отъ своего сына, пожелалъ со мною познакомиться, пригласилъ къ себѣ въ квартиру и угостилъ меня чаемъ. При прощаніи, онъ просилъ меня быть въ Москвѣ; и вотъ я не преминулъ воспользоваться этимъ любезнымъ приглашеніемъ. Протоіерей И. С. Орловъ былъ старецъ очень примѣчательный во

многихъ отношеніяхъ. Не имѣвши высшаго академическаго образованія, онъ отличался необыкновенною любознательностію; зналъ основательно нѣкоторые изъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ и извѣстенъ даже въ литературѣ. Такъ, онъ написалъ замѣчательное, по отзыву преосв. Филарета Черниговскаго, сочиненіе: „Историческое начертаніе языковъ, съ описаніемъ ихъ начала, распространенія, перемѣнъ и смѣшенія", М. 1810 г. (*Обзоръ русск. дух. литературы*, кн. 2, стр. 156, Спб. 1861 г.). Имъ также составлено и напечатано „Историческое описаніе Московской Троицкой церкви, что въ Троицкой", М. 1844 г. При строго-нравственной жизни, онъ былъ примѣрно-исправный пастырь. Желая сохранить въ памяти потомства имена болѣе усердныхъ или чѣмъ либо замѣчательныхъ лицъ изъ своихъ прихожанъ, онъ завелъ при своей приходской церкви Синодикъ (огромной величины фоліантъ), въ который вносилъ, по смерти ихъ, болѣе или менѣе подробныя о нихъ свѣдѣнія [1]). Иванъ Степановичъ познакомилъ меня съ Синодальнымъ ризничимъ, соборнымъ іеромонахомъ Евстаѳіемъ, а этотъ обязательно открылъ мнѣ входъ въ Патріаршую Ризницу, гдѣ я съ благоговѣйнымъ чувствомъ обозрѣлъ драгоцѣнныя сокровища священной древности, не подозрѣвая, что чрезъ годъ буду самъ хранителемъ этихъ безцѣнныхъ сокровищъ. 1849 г.

Въ Успенскомъ соборѣ я неожиданно встрѣтился съ своимъ землякомъ и съ юныхъ лѣтъ товарищемъ, Н. П. Минервинымъ. Онъ состоялъ въ хорѣ синодальныхъ пѣвчихъ. По выходѣ изъ собора, мы вели съ нимъ дружескую бесѣду о разныхъ предметахъ; между прочимъ, рѣчь зашла о патріаршей ризницѣ, которую я только лишь предъ этимъ посѣтилъ. Описывая важность и особое значеніе должности синодальнаго ризничаго, Минервинъ въ то-же время замѣтилъ, что эта должность не легкая и не безопасная по причинѣ частыхъ столкновеній съ лицами разныхъ званій и состояній. Замѣчаніе это крѣпко врѣзалось въ моей памяти.

3-го августа возвратился я въ академію и съ обновлен-

---

[1]) Объ этомъ Синодикѣ см. замѣчательную резолюцію митр. Филарета отъ 24 авг. 1860 г. *Дутепол. чт.* 1881 г. май, стр. 121 и сл.

1849 г. ными силами не замедлилъ приступить къ собиранію матеріаловъ для своего курсоваго сочиненія. Источники и пособія, коими я пользовался для этого сочиненія, указаны въ самомъ сочиненіи.

По возвращеніи въ академію, я поспѣшилъ выразить моему доброму другу, о. Михаилу Граменицкому благодарность за оказанное мнѣ гостепріимство. Отъ 5-го числа писалъ я ему:

„Послѣ личной благодарности, спѣшу письменно повторить вамъ и всему вашему семейству мою сердечную признательность за ваше искреннее, радушное гостепріимство. Пребываніе въ вашемъ домѣ навсегда останется для меня незабвеннымъ.

Путешествіе мое отъ васъ и до Москвы, и отсюда до лавры совершилось, слава Богу, благополучно. Въ Москву прибылъ я 27 іюля въ 6 часовъ утра. Погода во всю дорогу была, правда, не совсѣмъ благопріятная; однакожъ я не потерпѣлъ ни малѣйшаго безпокойства. За то во все время пребыванія моего въ Москвѣ погода была большею частію самая благопріятная, и я, къ величайшему удовольствію моему, успѣлъ очень многое осмотрѣть въ столицѣ.

Постоянную квартиру имѣлъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, но только уже не въ настоятельскихъ покояхъ, а въ кельѣ одного діакона; впрочемъ, эта квартира была для меня гораздо покойнѣе и выгоднѣе. По пріѣздѣ въ Москву, первымъ дѣломъ моимъ было исполнить ваше порученіе. Я обошелъ всѣ почти книжныя лавки, какія находятся на Никольской улицѣ, отыскивалъ требуемую вами книгу, но, къ сожалѣнію, ни одной не нашелъ. Было нѣсколько экземпляровъ у Ѳерапонтова и тѣ недавно всѣ разошлись. Осталось теперь адресоваться только въ Ярославль и это я непремѣнно исполню, когда возвратятся въ академію мои товарищи. Между тѣмъ какъ другая книга, о цѣнѣ которой вы просили меня навѣдаться, нашлась легко, и даже не въ одной лавкѣ. Думаю, что вы не будете въ претензіи на меня, если я вмѣсто первой вышлю вамъ послѣднюю. Цѣна этой книги, признаться, довольно высокая (именно 3 р. 30 к. сер. безъ переплета): но я увѣренъ, что прочитавши эту книгу, вы не будете сожалѣть о деньгахъ. Я

не выслалъ ее изъ Москвы потому, что мнѣ лучше захо- 1849 г.
тѣлось представить ее вамъ въ переплетѣ.

Признаюсь вамъ, я не въ состояніи передать вамъ на письмѣ всего, что я видѣлъ и слышалъ въ Москвѣ. Скажу только вообще, что Москва произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе. Все, что я ни видѣлъ въ Москвѣ замѣчательнаго, крайне интересовало меня. Вездѣ, гдѣ ни доводилось мнѣ быть, я былъ принятъ очень хорошо. Видѣлся съ нѣкоторыми изъ прежнихъ знакомыхъ, какъ-то:—съ Матвѣемъ Ив. Соколовымъ, Петромъ Вас. Приклонскимъ, Ив. Ив. Приклонскимъ, Николаемъ Петр. Минервинымъ и пр. и пр. Здѣсь такъ-же имѣлъ я счастіе видѣться съ преосвященнымъ Евсевіемъ, прежнимъ нашимъ ректоромъ. Я нарочно ходилъ въ Высокопетровскій монастырь, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе, принять отъ него благословеніе. Послѣ краткой устной бесѣды, Владыка благословилъ меня не болѣе пространною печатною брошюркой его же собственнаго изданія: „Размышленія на молитву Господню“.

28-го іюля былъ въ Москвѣ великолѣпный крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Новодѣвичій монастырь; но мнѣ не удалось видѣть его; за то я вполнѣ насладился прекраснымъ зрѣлищемъ 1-го августа, когда совершенъ былъ ходъ изъ Успенскаго собора на Москву рѣку. Преосв. митрополитъ самъ служилъ и литургію и былъ въ крестномъ ходу. Погода была ясная, стеченіе народа было весьма многочисленное. Этого собственно случая я и ожидалъ только въ Москвѣ; иначе я оставилъ бы ее гораздо ранѣе, не смотря на ея радушіе и гостепріимство. Въ продолженіе шестидневнаго пребыванія моего въ Москвѣ, я до того былъ оглушенъ столичнымъ шумомъ, что онъ и до сихъ поръ раздается у меня въ ушахъ. Изъ Москвы отправился я 2-го числа въ 9 ч. утра. На другой день въ 10 ч. утра благополучно прибылъ въ лавру. Какъ пріятно было возратиться подъ мирную сѣнь св. обители послѣ довольно продолжительнаго путешествія, и особенно послѣ шестидневнаго пребыванія въ шумной столицѣ!

Въ академіи и лаврѣ все, слава Богу, благополучно.

6-го ч. писалъ я въ Пермь новому инспектору семинаріи, отцу Стефану:

„Пріятнымъ долгомъ поставляю привѣтствовать васъ съ

1849 г. новою должностію. Дай Богъ, чтобъ труды ваши и на этомъ новомъ поприщѣ увѣнчавались всегда счастливыми успѣхами. Можно думать, что ваша прежняя учительская служба не осталась вовсе безъ приложенія и къ настоящему вашему служенію. Какъ ни значительно, по видимому, разстояніе между семинаріею и училищемъ: но въ сущности дѣла, мнѣ кажется, нѣтъ между ними большаго различія. Такъ объ этомъ трактуетъ и наше правительство. Когда былъ у насъ минувшею весною г. Оберъ-прокуроръ Св. Синода, то, разспросивши меня подробно объ обстоятельствахъ моей жизни, обратился къ о. ректору и сказалъ: „вотъ этотъ будетъ самый надежный служитель церкви; онъ много уже испыталъ въ жизни“. Дай Богъ, чтобы эти пророчественныя слова оправдались самымъ дѣломъ.

Да, почтеннѣйшій о. Стефанъ! вотъ уже близокъ конецъ и моего академическаго поприща. О, если бы далъ Господь благополучно достигнуть пристани!— Физическія силы мои, правда, не такъ слабы, чтобъ можно было отчаяваться: но вѣдь мало-ли какихъ внезапностей бываетъ въ жизни? Осталось теперь совершить одно, но за то, правда, самое главное дѣло, я разумѣю курсовое сочиненіе. Предложенія даны намъ еще предъ вакаціей. Мнѣ досталось писать по Пастырскому богословію—„объ устной исповѣди“. Вотъ уже слишкомъ цѣлый мѣсяцъ, а я еще и не приступалъ къ дѣлу. Съ 2-го іюля и по 8-е августа былъ я въ путешествіи. Признаюсь вамъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ я дошелъ почти до крайняго отупѣнія въ силахъ; и потому я принялъ съ крайнимъ удовольствіемъ приглашеніе одного сельскаго священника, бывшаго товарища моего по семинаріи—посѣтить его во время вакаціи, и никакъ не раскаяваюсь въ моемъ поступкѣ.

Трехнедѣльное пребываніе мое въ деревнѣ значительно освѣжило меня и укрѣпило мои силы. На обратномъ пути изъ деревни цѣлую недѣлю провелъ я въ Москвѣ. Видѣть въ первый разъ нашу древнюю столицу было для меня крайне интересно. Москва произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе. Все время пребыванія моего въ Москвѣ я исключительно посвящалъ на обозрѣніе ея достопримѣчательностей. Постоянную квартиру я имѣлъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ настоятелемъ нашъ о. ректоръ. Въ Москвѣ

имѣлъ я удовольствіе видѣться съ преосвящ. Евсевіемъ и 1849 г.
и принять отъ него благословеніе. Онъ ѣздилъ на ревизію въ Смоленскъ, былъ потомъ на своей родинѣ, гдѣ освящалъ, созданный на его собственное иждивеніе, храмъ, на обратномъ пути посѣтилъ нашу лавру, и оттуда чрезъ Москву, вѣроятно, отправился въ Петербургъ".

11-го числа получилъ я изъ Казани отъ студента академіи, Ивана Борис. Акимова, письмо, въ которомъ онъ писалъ отъ 6-го числа:

„Пріятнѣйшимъ для себя долгомъ считаю засвидѣтельствовать вамъ мое искреннѣйшее почтеніе, а равно отъ души пожелать въ добромъ здравіи приняться, писать и окончить ваше курсовое сочиненіе, которое должно завершить труды академическіе. Молю Господа Бога и угодниковъ святителей Гурія, Варсонофія и Германа—Казанскихъ чудотворцевъ, да силою благодати помогаютъ вамъ въ вашихъ трудахъ. А равно всеубѣдительнѣйше прошу не забывать въ вашихъ молитвахъ и многогрѣшнаго раба Іоанна, а болѣе всего у мощей св. Сергія—нашего всеобщаго заступника, покровителя и помощника.

Да, возлюбленнѣйшій о. Савва!—я глубоко убѣдился, что молитва праведника много значитъ предъ Богомъ и молитва святымъ—много вспомоществуетъ нашимъ, часто даже, чисто человѣческимъ желаніямъ — вотъ убѣжденіе, которое я получилъ и храню въ сердцѣ, находясь два года близъ св. мощей св. чудотворца Сергія. Все, о чемъ я ни молилъ его, все оканчивалось и оканчивается благополучно. А потому тѣмъ усерднѣе прошу и васъ не забывать въ вашихъ мольбахъ меня — человѣка, душевно полюбившаго васъ и уважающаго.

Что вамъ написать еще о себѣ самомъ? Я, слава Богу, годъ провелъ хорошо въ новой своей академіи и не раскаяваюсь нисколько въ своемъ переходѣ, тѣмъ болѣе, что, въ продолженіе года, я успѣлъ заслужить вниманіе начальства. Вмѣсто хорошаго поведенія, которымъ подарило меня ваше начальство, я за нынѣшній годъ отмѣченъ о. инспекторомъ поведенія „отлично хорошаго",— и въ спискѣ поведенія стою подъ № 6. Общаго же списка у насъ еще нѣтъ и не составленъ, а на дняхъ ожидаемъ составленія. Не думаю окончить курсъ въ первомъ раз-

1849 г. рядѣ,—но все-таки и буду не на концѣ, если Богъ дастъ здоровья и благополучія.

За тѣмъ простите, честнѣйшій о. Савва,—цѣлую васъ заочно. Остаюсь полный любви и почитанія къ вашему преподобію"...

23-го августа писалъ мнѣ изъ Перми инспекторъ семинаріи о. Стефанъ:

„Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, полученномъ мною 20-го августа, вы предложили мнѣ вопросъ: имѣла-ли вліяніе на настоящее мое служеніе прежняя училищная служба? отвѣчаю: въ послужномъ моемъ спискѣ вовсе не означается, что я служилъ при училищахъ до поступленія въ академію; изъ этого можно заключить, что Св. Синоду и неизвѣстно то, что я былъ инспекторомъ училищъ, а слѣд. эта служба не имѣла вліянія на мое возвышеніе. Что же имѣло вліяніе? Во 1-хъ то, что я магистръ; во 2-хъ то, что нашъ ревизоръ, епископъ Неофитъ отлично рекомендовалъ меня въ своемъ отчетѣ Синоду. Желаю и вамъ окончить курсъ въ первомъ разрядѣ и служить при добромъ епископѣ.

Пріятнымъ долгомъ признаю увѣдомить васъ, что я благополучно пріѣхалъ въ Пермь 15-го іюля, а на другой день вступилъ въ должность инспектора семинаріи. Архіепископъ Аркадій принялъ меня благосклонно. Въ концѣ іюля я получилъ благословеніе отъ Св. Синода за Вятскую службу".

16-го сентября писалъ я въ Вязники школьному товарищу о. Богородскому:

„Другъ мой! ты просишь меня раскрыть тѣ чувствованія и мысли, съ какими вступалъ я въ новый періодъ жизни? Охотно удовлетворилъ бы твоей просьбѣ, еслибъ это было сколько-нибудь возможно: но знаю, что сильныя и единократно потрясшія душу чувства весьма трудно уловить и заключить въ опредѣленныя слова. Скажу только, что при вступленіи въ монашество я испыталъ то же, что не разъ испытывалъ и прежде при важнѣйшихъ перемѣнахъ моей жизни, т. е. какое-то умилительное состояніе духа. Что касается до внѣшняго моего положенія, то оно почти нисколько не измѣнилось: я и теперь такой же студентъ, какимъ былъ и прежде; — при исполненіи студенческихъ обязанностей, почти вовсе остаются безъ исполненія обя-

занности собственно монашескія. Впрочемъ наше, такъ на- 1849 г.
зываемое, ученое монашество состоитъ на нѣкоторыхъ особенныхъ правахъ, и по необходимости должно имѣть нѣкоторое различіе отъ обыкновеннаго монашества, хотя то и другое должно быть проникнуто и одушевлено однимъ и тѣмъ же духомъ.

Что касается до нашего свиданія, то, можетъ быть, чрезъ годъ, когда уже я совершенно освобожусь отъ школьной жизни, какъ-нибудь не случится-ли мнѣ посѣтить васъ. Тогда времени свободнаго у меня будетъ довольно. Въ Муромъ правда приглашали меня и на нынѣшнюю вакацію: но я не расположился предпринимать отдаленнаго путешествія по той причинѣ, что дорожилъ временемъ. Для освѣженія и подкрѣпленія силъ я провелъ однакожъ весь іюль мѣсяцъ въ путешествіи. Былъ у М. Дм. Граменицкаго; прогостилъ у него цѣлыя три недѣли. Какъ онъ былъ радъ мнѣ! За то и я съ большимъ удовольствіемъ провелъ у него время. Отъ него заѣхалъ въ Москву. Здѣсь также провелъ цѣлую недѣлю. Съ величайшимъ наслажденіемъ осматривалъ священные памятники первопрестольной столицы. По возвращеніи изъ путешествія чувствую себя значительно лучше прежняго въ отношеніи къ здоровью. Теперь занимаюсь, такъ называемымъ, курсовымъ сочиненіемъ: это уже послѣдній, но главный трудъ, по которому окончательно рѣшается судьба каждаго студента. Мнѣ досталось писать „объ устной исповѣди“. Признаюсь вамъ, не мало потребно труда и усилій, чтобъ удачно совершить этотъ окончательный трудъ“.

4 ноября писалъ я въ с. Абакумово своему другу, о. Граменицкому:

„Честь имѣю привѣтствовать васъ съ наступающимъ днемъ вашего ангела. Предстательствомъ небеснаго вашего патрона да сохранитъ Господь ваше здравіе на многія лѣта, а мечъ архистратига горнихъ силъ да ограждаетъ вашу безопасность отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ! Отсутствуя тѣломъ, я не премину принять участіе духомъ въ вашемъ семейномъ торжествѣ, когда настанетъ день вашего ангела.

Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: просьбу эту тѣмъ смѣлѣе предлагаю, что вы за-

1849 г. ранѣе обѣщались не отказывать мнѣ въ этомъ случаѣ. Вотъ обстоятельства какого рода вынуждаютъ меня быть предъ вами откровеннымъ. Съ давнихъ поръ началъ я брать въ извѣстной лавкѣ нужныя для меня вещи: денегъ между тѣмъ не уплачивалъ довольно давно. На сихъ дняхъ заимодавецъ не обинуясь сдѣлалъ мнѣ напоминаніе объ уплатѣ долга. Но какъ иначе мнѣ удовлетворить законное требованіе заимодавца, если снова не одолжиться у кого бы то ни было? Могъ бы я, конечно, въ этомъ случаѣ обратиться и къ кому-нибудь другому: но послѣ того, какъ вы такъ великодушно вызвались помогать мнѣ въ нуждѣ, было-бы съ моей стороны непростительно вашей пренебрегать дружеской услугой. Итакъ, благоволите, любезнѣйшій другъ, одолжить меня на сей разъ такою-же суммою, какою вы одолжили меня прежде. Болѣе объ этомъ предметѣ сказать вамъ не знаю что, кромѣ развѣ того, что ваше одолженіе будетъ принято мною съ величайшею признательностію.

Особеннаго о себѣ сказать вамъ ничего не могу. Въ послѣднихъ числахъ сентября былъ не много болѣнъ простудою, впрочемъ такъ, что по причинѣ сильной боли въ головѣ, цѣлую недѣлю не могъ ничего думать; за то теперь, слава Богу, здоровъ и благоденствую. По обыкновенію занимаюсь своей ученой работою, наравнѣ съ другими копаюсь въ пыльныхъ фоліантахъ; признаюсь вамъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ переворочалъ книгъ довольно много всякихъ сортовъ—и христіанскихъ и басурманскихъ. Прежде я опасался, что нечего будетъ мнѣ почитать для своего предмета, а теперь открылось такое множество источниковъ, что едва-ли буду въ состояніи всѣхъ ихъ пересмотрѣть. Вотъ теперь-то открывается все значеніе и польза знанія языковъ. Наша русская литература слишкомъ еще бѣдна, чтобъ можно было ограничиться ея произведеніями при ученомъ изслѣдованіи какого-бы то ни было богословскаго, не говорю, философскаго вопроса. Впрочемъ, какъ ни много, повидимому, уже трудился я, но къ существу дѣла до сихъ поръ еще не приступилъ, даже не составилъ еще опредѣленнаго плана. Но времени впереди еще не мало, лишь-бы Господь подкрѣпилъ силы,—авось какъ-нибудь приведу къ концу начатое дѣло.

Недавно вышло изъ печати курсовое сочиненіе о св. Ди-

митріѣ Ростовскомъ, о которомъ я говорилъ вамъ во время вакаціи. Чѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали всѣ этого творенія, тѣмъ менѣе, кажется, удовлетворило оно общему ожиданію. Біографія святителя написана, правда, довольно интересно; но разборъ его сочиненій уже черезъ чуръ ученъ, чтобы не сказать—сухъ, такъ что ни у кого почти не достаетъ терпѣнія прочитать до конца все сочиненіе. Впрочемъ это въ духѣ нашей академіи, которая всегда отличалась ученостью и утомительной сухостью, хотя этого и нельзя поставить ей въ укоръ. Кіевская академія совсѣмъ иное дѣло; тамъ господствуетъ противоположное направленіе. Да! Прочитали-ли вы гомилетику Амфитеатрова? вотъ самый лучшій образецъ всего направленія Кіевской академіи. Ну—что, какъ она вамъ нравится? Прошу высказать объ ней ваше сужденіе". 1849 г.

30-го ноября получено было мною въ отвѣтъ на это письмо отъ о. Михаила Граменицкаго отъ $^{12}/_{26}$ числа посланіе слѣдующаго содержанія:

„Господь Богъ да подкрѣпляетъ васъ Своею благодатію на поприщѣ подвиговъ иноческихъ и на стези просвѣщенія умственнаго!

Послѣ отправленія вашего доселѣ я и семейство мое здоровы. Проводивши васъ, ужасную почувствовалъ тоску и скуку, какъ будто чего-то я лишился, или что-то потерялъ; даже и теперь какъ только войду въ свѣтелку,—тотчасъ воображаю видѣть васъ: но вмѣсто того на самомъ дѣлѣ вижу гвоздики, гдѣ висѣли ваша камилавка и шляпа. На цѣлую жизнь вы обязали меня благодарною памятью за ваше посѣщеніе. Вполнѣ чувствую, что вы это сдѣлали по искреннему ко мнѣ расположенію,—и увѣренъ, что это ваше расположеніе не измѣнится.

Дѣти мои часто васъ поминаютъ, особенно Дмитрій каждый день толкуетъ: мы лѣтомъ-то купались съ отцемъ Саввой,—лѣто придетъ,—отецъ Савва пріѣдетъ, опять пойдемъ купаться, а дѣвчонокъ не возмемъ;—и часто спрашиваетъ: куда уѣхалъ отецъ Савва?—далеко-ли? къ кому? когда пріѣдетъ къ намъ?

Московскіе родные приглашаютъ меня осенью къ себѣ побывать: можетъ быть не соберусь-ли. Дѣла мои теперь всѣ закончены,—нажатый хлѣбъ перемолотъ,—только разъ-

1849 г. ѣзжаю каждый день по деревнямъ съ крестиками, съ молитвою и св. дарами, а вечерами кое-что читаю, пишу и шалю съ ребятишками. Елизавета читаетъ. Подаренную вами книгу выпросилъ для прочтенія отецъ благочинный, который ко мнѣ въ прежнихъ отношеніяхъ. Не наскучилъли я вамъ, другъ мой, своею болтовнею? Извините меня, отъ избытка сердца уста глаголютъ. Но оставивъ это, скажу вотъ что:

Любезнѣйшій другъ! Вы изволите говорить и писать про книгу—(не знаю ея названіе), въ которой находятся темы для проповѣдей. Если можно достать ее, то постарайтесь, прошу васъ покорнѣйше. Деньги же пришлю всѣ вмѣстѣ. Если и для васъ требуются финансы: извольте написать,— служить для васъ сердечно радъ.

26 ноября на Покровскую почту посылаю 15 рублей сер., изъ нихъ 10 р. для васъ, а 5-ть руб. на покупку для меня книги и на уплату вамъ за прежнее... по полученіи сего письма нельзя-ли будетъ хоть въ трехъ строчкахъ извѣстить меня!

Прощайте, любезнѣйшій другъ мой! будьте здоровы и благополучны"!

На другой-же день, 1-го декабря, поспѣшилъ я отвѣтить на это дружеское посланіе и вотъ что писалъ:

„Спѣшу увѣдомить васъ о полученіи посланныхъ вами 15 р. сер. Не трудно понять, какъ много одолжили вы меня въ настоящемъ случаѣ: стоитъ только представить, съ одной стороны, крайнюю нужду, а съ другой—совершенный недостатокъ въ деньгахъ. Господь да воздастъ вамъ своею милостію за сіе одолженіе до времени моего личнаго вамъ вознагражденія.

Съ настоящей же почтой отправляю вамъ въ Ярославль, при посредствѣ одного изъ моихъ товарищей, деньги для покупки требуемой вами книги. Не ручаюсь за скорое ея доставленіе: но и не замедлю, какъ скоро получу ее самъ.

Что до меня: то я, слава Богу, здоровъ и благополученъ. Работу по части курсоваго сочиненія на время отложилъ, занимаюсь теперь приготовленіемъ къ экзамену. Гдѣ и какъ провести приближающіяся святки, еще не рѣшено. Можетъ быть, если почувствую утомленіе въ силахъ, не надолго съѣзжу для освѣженія себя въ Переславль; а всего

вѣроятнѣе, кажется, останусь въ академіи для занятія окончательнымъ дѣломъ. Впрочемъ, какъ Богъ дастъ. 1849 г.

Вотъ наши новости: сегодня мы праздновали духовно и тѣлесно день ангела нашего великаго архипастыря, преосвященнѣйшаго Филарета. Духовное торжество наше на сей разъ было возвышено присутствіемъ викарія его, преосв. Іосифа, который пріѣхалъ въ послѣдній разъ поклониться преп. Сергію и принять его благословеніе на новые труды духовнаго дѣланія. Его назначили мѣстнымъ епископомъ въ Уфу. Вчера онъ изволилъ слушать всенощную въ нашей залѣ, а сегодня служилъ литургію и молебенъ о здравіи преосв. митрополита въ Троицкомъ соборѣ съ великою торжественностію, такъ что едва-ли когда случалось и самому митрополиту служить здѣсь такъ великолѣпно: пять архимандритовъ было при его служеніи. Всѣ душевно рады возвышенію этого достопочтеннаго архипастыря: но вотъ что сильно огорчаетъ насъ. На его мѣсто, слышно, представленъ первымъ кандидатомъ нашъ о. ректоръ. Если это правда,—въ чемъ однакожь нельзя и сомнѣваться, судя по его отношеніямъ къ преосв. митрополиту,—если, говорю, возьмутъ отъ насъ такого добраго начальника: то признаюсь, крайне ощутительна будетъ для насъ эта утрата; не обинуясь можно сказать, что едва-ли кто другой въ состояніи будетъ вознаградить для насъ эту утрату. Впрочемъ, съ другой стороны, было-бы крайнею несправедливостію и не порадоваться отъ души, когда правительство возведеніемъ о. ректора на степень епископа воздастъ должную награду за его безпримѣрно-добрыя качества.

Если нѣтъ особенныхъ препятствій, почему-же, кажется, не воспользоваться вамъ приглашеніемъ Московскихъ вашихъ родныхъ? А изъ Москвы почему-бы не заѣхать и въ Богоспасаемую обитель преп. Сергія? Какъ-бы я радъ былъ видѣть васъ въ своей убогой кельѣ! Право, съ тѣхъ поръ, какъ вы оказали мнѣ такое радушное гостепріимство, которымъ я предъ всѣми моими родными хвалюсь,—во мнѣ родилось, сверхъ дружественныхъ отношеній, что-то родственное по отношенію не только къ вамъ, но и ко всему вашему семейству, и надѣюсь, что это чувство долго не изгладится въ моей душѣ.

Прощайте, любезнѣйшій другъ мой! Будьте здоровы и

1849 г. благополучны. Не забудьте и меня грѣшнаго въ вашихъ св. молитвахъ.

Остаюсь съ сердечною признательностію и совершенною къ вамъ преданностію Моск. д. акад. студентъ іеромонахъ Савва.

Всѣмъ знакомымъ моимъ прошу свидѣтельствовать мое усердное почтеніе".

Среди частныхъ экзаменовъ предъ праздниками Р. Христова, 19-го и 20-го ч., даны были намъ для экспромптовъ, слѣдующія предложенія: 1) Num vera sit haec sententia: qui peccat, invitus peccat?—2) „Разсмотрѣніе повѣствованія Моисея о сотвореніи человѣка".

19-го числа писалъ я въ Горицы о. Василію Сапоровскому:

„Пользуясь настоящею благопріятною оказіею и имѣя въ виду ваши непріятныя, хотя уже и минувшія, обстоятельства, ничѣмъ лучше не могу выразить и засвидѣтельствовать вамъ моего искренняго и сердечнаго участія въ постигшемъ васъ бѣдствіи, какъ принести вамъ въ даръ сію святую икону. Впрочемъ приношеніе мое примите вмѣстѣ и какъ благословеніе самого угодника Христова преп. Сергія, къ св. мощамъ коего я полагалъ сію икону. Въ лицѣ сего свящ. изображенія, да благословитъ васъ угодникъ Божій благоуспѣшнымъ окончаніемъ созиданія жилища вещественнаго, а наипаче да споспѣшествуетъ своими къ Богу молитвами созиданію и украшенію вашего храма душевнаго.

Если буду здоровъ и Господь благословитъ, располагаюсь въ будущую вакацію еще разъ и, можетъ быть, уже послѣдній,—посѣтить свою отчизну прежде, нежели удалюсь куда-нибудь, по распоряженію высшаго начальства, за тридевять епархій въ тридесятую семинарію. Но вотъ вопросъ: гдѣ имѣть пристанище? Ближайшее родство, наконецъ, пресѣклось. Но я увѣренъ, что и отдаленные родственники въ подобномъ случаѣ не откажутся замѣнить собою близкихъ родныхъ. Говоря это, имѣю въ виду собственно васъ. Вполнѣ увѣренъ, что вы не откажетесь дать мнѣ—будущему страннику кровъ и пристанище, думаю даже, судя по вашему всегдашнему ко мнѣ расположенію, что, если-бы я вздумалъ, въ случаѣ посѣщенія родины, имѣть квартиру гдѣ-либо кромѣ васъ, тѣмъ самымъ не мало-бы оскорбилъ

васъ. Но не оскорбляю-ли васъ и теперь, если заранѣе 1849 г.
напоминаю вамъ о гостепріимствѣ, въ которомъ несомнѣнно долженъ быть увѣренъ? Простите, если такъ: пишу объ этомъ не потому, чтобы сомнѣвался въ вашемъ ко мнѣ расположеніи, а потому, что иначе на сей разъ мнѣ не о чемъ было-бы почти и писать къ вамъ. У насъ такъ все обыкновенно, и жизнь моя такъ, повидимому, однообразна, что право затрудняешься сказать кому-бы то ни было что-либо новаго. Бываешь даже радъ, если испытаешь иногда какую-нибудь непріятность: все-таки возникнетъ въ душѣ новое, иногда довольно сильное ощущеніе; а безъ этого, при постоянномъ внутреннемъ спокойствіи и при утомительномъ однообразіи школьныхъ занятій, душа погружается не рѣдко въ какую-то мертвенную апатію. Особенно это бываетъ съ нашимъ братомъ въ пору, подобную настоящей, т. е. во время приготовленія къ экзаменамъ. Этотъ періодъ времени самый скучный въ академіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно трудный. Но всѣ, доселѣ бывшіе экзамены, почти ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣмъ, какой ожидаетъ насъ предъ будущей вакаціей. Этотъ экзаменъ весьма труденъ и самъ по себѣ, и еще болѣе потому, что къ концу академическаго курса силы студентовъ, какъ бы у кого крѣпки ни были, значительно слабѣютъ и изнемогаютъ. Но я утѣшаю себя словомъ Апостола, что сила Божія въ немощи совершается.

Поручая себя вашимъ св. молитвамъ, честь имѣю пребыть съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію“...

21-го дек. писалъ я въ Муромъ протоіерею М. Г. Троепольскому:

„Выраженіе въ послѣднемъ письмѣ вашемъ отъ 19-го апрѣля: „къ писанію принуждаться не нужно, а когда склонятся чувства, тогда они не умедлятъ излиться сами“,— какъ будто уполномочило меня не спѣшить отвѣтомъ на ваше крайне обязательное посланіе. Но я уже не слишкомъ-ли далеко расширилъ смыслъ этого выраженія? Не преступилъ-ли уже за границу позволеннаго, позволяя себѣ столь долговременное молчаніе? Не возбуждаю-ли, наконецъ, чрезъ это вашего сомнѣнія и подозрѣнія на счетъ моего къ вамъ неизмѣннаго расположенія и преданности? Ужели-же, до сихъ поръ,—могли вы не разъ, конечно, поду-

1850 г. мать,—ужели не могло возникнуть въ душѣ моего пріятеля ни одного теплаго чувства, которое-бы двинуло его руку написать хоть нѣсколько строчекъ?—Было, много было случаевъ, почтенный мой благожелатель, когда воспоминаніе о васъ вызывало въ душѣ моей самыя живыя, теплыя чувства: но излить и запечатлѣть ихъ хартіею и черниломъ препятствовали не разъ иногда довольно важныя, а иногда совершенно пустыя обстоятельства. Изъ всѣхъ случаевъ какъ болѣе приличный и благопріятный для изліянія моихъ предъ вами чувствованій—это былъ день вашего ангела; я уже принялся было за перо, чтобъ исполнить пріятный долгъ въ отношеніи къ вамъ, какъ вдругъ какое-то печальное обстоятельство (кажется, посѣщеніе г. Карасевскаго) воспрепятствовало мнѣ окончить начатое дѣло, между тѣмъ почтовый день миновалъ".

На Рождественскіе праздники отправился я въ Переславль къ доброму и гостепріимному о. архимандриту Нифонту.

Наступилъ годъ, знаменательный въ моей жизни—годъ окончанія высшаго учебнаго поприща и вступленія на новое поприще—поприще общественнаго служенія.

Между тѣмъ, послѣдніе дни моего пребыванія въ академіи шли обычною чредой.

13-го января я писалъ въ с. Абакумово священнику М. Д. Граменицкому:

„Препровождая при семъ вожделѣнную для васъ книгу, прошу извинить, что такъ долго заставилъ васъ томиться ожиданіемъ. Болѣе уже мѣсяца, какъ она получена мною изъ Ярославля; но вотъ какія обстоятельства не позволили мнѣ ранѣе переслать ее къ вамъ. Въ тотъ самый день, когда я получилъ эту книгу, посѣтилъ нашу келью о. инспекторъ; увидавши новую, доселѣ имъ невиданную книгу, онъ просилъ меня доставить ему оную для разсмотрѣнія. Не ранѣе, кажется, какъ чрезъ недѣлю книга возвратилась въ мои руки. Затѣмъ почелъ я нужнымъ отдать ее въ переплетъ, приказавъ изъ двухъ отдѣльныхъ книгъ составить одну. (Думаю, вы не будете претендовать на меня за это). Переплетчика я просилъ, какъ можно, поскорѣе переплесть книгу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ представить ее вамъ въ видѣ сюрприза на праздникъ; но онъ почему-то не могъ удовлетворить моей просьбѣ. Между

тѣмъ настали святки. Частію по собственному произволу, 1850 г.
а болѣе по убѣжденію о. инспектора, я отправился въ Переславль на отдыхъ: а книга все-таки на моихъ рукахъ. Вотъ наконецъ, по возвращеніи изъ путешествія, первымъ долгомъ поставилъ для себя препроводить къ вамъ вашу собственность. Очень буду радъ, если рекомендованная мною книга доставитъ вамъ хоть нѣкую пользу въ дѣлѣ проповѣданія слова Божія.

Что скажу вамъ о себѣ! Силы мои, въ теченіи минувшей трети порядочно утомившіяся, теперь снова освѣжились и значительно ободрились. Поѣздка въ Переславль очень благопріятно подѣйствовала на меня. Недѣли полторы провелъ я тамъ не только спокойно, но и весело. Каждый почти день имѣлъ случай видѣться и наслаждаться пріятною бесѣдой съ людьми учеными и почтенными. Неоднократно видѣлся съ о. ректоромъ Евѳиміемъ; много разъ былъ у смотрителя духовныхъ училищъ; былъ во многихъ домахъ духовныхъ, свѣтскихъ и даже купеческихъ. Вездѣ принятъ былъ съ большимъ усердіемъ.

Возвратившись въ академію, я услышалъ здѣсь пріятныя новости. О. Леонидъ, добрый баккалавръ нашъ, переведенъ ректоромъ въ Виѳанскую семинарію на мѣсто о. Евгенія, переведеннаго въ Москву. О. инспекторъ нашъ возводится въ санъ архимандрита. О. ректоръ, за котораго мы такъ опасались, оставленъ пока при академіи. Прочее все по прежнему.

Привѣтствуя васъ съ наступившимъ новомъ годомъ, желаю вамъ всѣхъ благъ отъ Господа.

Остаюсь съ истинною къ вамъ преданностію Моск. д. ак. студ. іеромонахъ Савва“.

21-го янв. писалъ я къ товарищу и другу своему Гр. П. Быстрицкому, отправившемуся на святки на свою родину, въ Быстрицкій погостъ, Гороховецкаго уѣзда, и долго оттуда не возвращавшемуся въ академію:

„Что это ты дѣлаешь, mon cher! Ни самъ не ѣдешь, ни извѣстія о себѣ никакого не шлешь. О. инспекторъ почти сердится на тебя. Ему нужно было рапортовать митрополиту, и онъ крайне затруднялся, какъ отозваться о тебѣ: отрапортовать больнымъ—нѣтъ основанія; сказать, что не явился, не извѣстно почему,—значитъ повредить тебѣ.—

1850 г. Итакъ, одно изъ двухъ: или рапортъ присылай, или самъ являйся скорѣе въ академію, но все-таки не безъ рапорта о болѣзни. Я давно намѣренъ былъ писать тебѣ, но все поджидалъ рапорта. Наконецъ вышелъ изъ терпѣнія.

Что—какъ дѣло дѣлается? Я думаю, на свободѣ—то много измаралъ бумаги. Отъ души радуюсь за тебя, что Богъ унесъ тебя изъ академіи на святки, а то пришлось-бы, кажется потерпѣть не мало непріятностей. По обычаю, святки у насъ не прошли даромъ: случилось нѣсколько происшествій, и именно въ твоемъ номерѣ, самыхъ непріятныхъ. Не буду распространятся о нихъ: по пріѣздѣ, подробно узнаешь. Но за то есть новости и пріятныя. О. инспекторъ съ прошедшаго воскресенья — архимандритъ. О. Леонидъ то-же архимандритъ и ректоръ Виѳанской семинаріи. На классъ Патристики переведенъ Ив. Ив. Побѣдинскій, а классъ Библейской Исторіи, которую онъ же пока будетъ читать, оставляется для нашего курса.

Послѣднюю половину святокъ и я провелъ въ гостяхъ. Былъ въ Переславлѣ; провелъ тамъ время не только спокойно, но и весело, такъ что, возвратившись оттуда, съ немалыми усиліями могъ приняться за прежнюю работу. Впрочемъ и до сихъ поръ дѣла сдѣлалъ очень мало.

Теперь у насъ, слава Богу, все мирно и спокойно. Товарищи наши всѣ здравствуютъ; послѣ праздничнаго отдыха всѣ принялись за работу. Прощай, другъ мой! Будь здоровъ, и запасайся больше силами для окончанія труднаго поприща школьной жизни".

4-го февраля получилъ я письмо изъ Перми отъ о. Стефана, онъ писалъ мнѣ:

„Я получилъ ваше письмо и вашъ подарокъ—книжку: *Дмитрій Ростовскій*, 3-го января 1850 г. Пріятнымъ долгомъ признаю засвидѣтельствовать вамъ мою благодарность за ваше благорасположеніе ко мнѣ.

Привѣтствую васъ съ новымъ годомъ. Желаю вамъ всѣхъ благъ. Можетъ быть, я чрезъ два или вѣроятнѣе три мѣсяца буду имѣть удовольствіе видѣть васъ, потому что я просилъ уже Оберъ-прокурора Синода о томъ, чтобы мнѣ позволено было совершить путешествіе по святымъ Русскимъ мѣстамъ, и потомъ въ Константинополь и Іерусалимъ.

Посылаю вамъ одинъ рубль сер. на ваши расходы. Прошу 1850 г.
васъ писать ко мнѣ.

Въ Перми имѣетъ нынѣ пребываніе слѣдственная коммиссія, члены которой: ректоръ Казанск. академіи—архим. Григорій[1]), протоіерей Московскій—Левитскій и чиновникъ Св. Синода. Главнымъ образомъ пріѣхали они для разсмотрѣнія поступковъ архіепископа Аркадія, по доносу секретаря консисторіи".

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 6-го числа:

„Ваше привѣтствіе, благожеланіе и денежное пожертвованіе принимаю съ обычною благодарностію. Но что скажу вамъ на ваше извѣстіе относительно предпринимаемаго вами путешествія? Видѣться съ вами очень радъ: но въ тоже время не могу не поскорбѣть о вашихъ обстоятельствахъ. Извѣщая о своемъ намѣреніи совершить душеполезный подвигъ, вы умолчали о побудительной къ тому причинѣ,—и это съ вашей стороны очень естественно: но мое искреннее къ вамъ усердіе не позволяетъ утаить предъ вами того, что стоустая молва донесла уже до моего уха.

Назадъ тому съ недѣлю, кто-то изъ баккалавровъ Каз. академіи писалъ сюда о случившейся съ вами непріятности по службѣ. Могъ-бы я этому слуху и не повѣрить: но, къ сожалѣнію, ваше собственное извѣстіе убѣждаетъ меня въ справедливости этой непріятной молвы. Не смѣю предлагать вамъ никакихъ совѣтовъ; но отъ души желалъ-бы, чтобы вы, если можно, не оставляли ученаго поприща.—Правда, преднамѣреваемое вами путешествіе — дѣло само по себѣ доброе и душеспасительное: но что у васъ въ виду далѣе, по совершеніи этого дальняго путешествія? Конечно, въ подобныхъ случаяхъ одно главное средство успокоить себя: мысль о волѣ Божіей; видно, такъ Богу угодно.

У насъ, напротивъ, съ новымъ годомъ новости самыя пріятныя и утѣшительныя. О. Леонидъ изъ баккалавровъ — ректоръ Виленской семинаріи и архимандритъ Златоустовскаго монастыря назначенъ на мѣсто о. Евгенія, переведеннаго въ Моск. семинарію. О. инспекторъ также архимандритъ, но только титулярный, т. е. безъ монастыря. О. Ѳеодоръ представленъ къ степени соборнаго іеромонаха и должности

[1]) Митковичъ, впослѣдствіи архіепископъ, скончавшійся въ 1881 году.

1850 г. помощника библіотекаря, хотя, правду сказать, эта должность и не по его характеру".

8 февраля получилъ я письмо отъ о. Граменицкаго. Онъ писалъ:

„Имѣю честь привѣтствовать васъ съ наступившимъ уже новымъ годомъ, желаю обновленія въ силахъ и умственныхъ и тѣлесныхъ.

Пріятнѣйшее для меня письмо ваше отъ 13-го генваря вмѣстѣ съ книгою, посланною вами, получилъ 29-го генваря изъ Покрова, куда Саша ѣздила для покупки крупы. Нижайше васъ благодарю за хлопоты и безпокойство, какія вы употребили при выписываніи для меня сей книги. Книга, кажется, можетъ доставить мнѣ услугу и помощь въ моемъ занятіи. Одну проповѣдку уже успѣлъ стачать къ нынѣшнему дню (2 февр.), взявши тему изъ сей книги.

Извините, что долго не писалъ къ вамъ. Причина сему слѣдующая: въ декабрѣ прошедшаго 1849 года и именно съ 8-го декабря по 16-е гостилъ въ столицѣ бѣлокаменной у своихъ родныхъ, которые нѣсколько разъ меня уже приглашали. Много видѣлъ интереснаго и занимательнаго. Бывши у Петра Васильевича Приклонскаго—былъ въ семинаріи Московской, — вездѣ — и въ столовой, и въ больницѣ, и въ классахъ, и въ церкви. Признаюсь, не то, что наша Владимірская: тутъ, кажется, и самый лѣнивецъ невольно будетъ заниматься и долженъ быть хорошимъ. Впрочемъ, матушка лѣность должно быть и туда заглядываетъ изрѣдка.....

Былъ въ Опекунскомъ совѣтѣ, гдѣ положилъ нѣсколько пенязей для сбереженія. Какое удивительное зданіе! Господь сподобилъ приложиться къ святымъ угодникамъ—Московскимъ чудотворцамъ и поклониться прочей святынѣ. Въ Успенскомъ соборѣ въ числѣ пѣвчихъ замѣтилъ Ник. Петр. Минервина, но видѣться съ нимъ и поговорить не удалось. Былъ въ Донскомъ монастырѣ и Новоспасскомъ. Вездѣ много занимательнаго и любопытнаго. Пріѣхавши изъ Москвы, занялся писаніемъ годичныхъ отчетовъ по церкви, а тутъ славословилъ Христа по приходу, потомъ опять бродилъ со св. водою: и такимъ образомъ не удалось отвѣтить на ваше первое письмо доселѣ".

14-го ч. писалъ мнѣ изъ Иванова племянникъ, единовѣр-

ческій діаконъ, Ѳ. С. Виноградовъ и извѣщалъ о рожденіи 1850 г.
у него сына Геннадія.

При письмѣ было приложено 3 р. отъ имени моего зятя В. А. Левашева.

Получивъ письмо и деньги 12-го ч., я писалъ 23-го зятю и племяннику:

„Спѣшу увѣдомить васъ, что ваше пожертвованіе я получилъ 18-го числа: тѣмъ усерднѣе благодарю васъ за это пожертвованіе, чѣмъ оно съ вашей стороны свободнѣе и безкорыстнѣе, Да, пока я нахожусь въ академіи, пока нѣтъ у меня никакихъ собственныхъ источниковъ для доходовъ, до тѣхъ поръ я не могу отказываться отъ чьего-бы то ни было приношенія. Правда, по слову Писанія, блаженнѣе есть даяти, нежели принимати: но что-же дѣлать, если обстоятельства, или лучше, воля Божія поставила меня въ такое положеніе, что я до времени долженъ быть лишенъ этого блаженства? Но—Богъ милостивъ, авось и я до живу до той счастливой поры, когда буду имѣть возможность воздать, кому слѣдуетъ, за всѣ полученныя мною благія даянія. И эта счастливая пора, кажется, уже не слишкомъ далеко.

Что скажу вамъ о себѣ? Въ настоящемъ особеннаго пока у меня ничего нѣтъ: въ будущемъ представляется довольно утѣшительнаго: но совершатся ли мои надежды, это еще въ волѣ Божіей; а потому и о будущей моей судьбѣ заранѣе ничего еще сообщить вамъ не могу. На сей разъ сказать вамъ могу только то, что я, по милости Божіей, пока живъ и благополученъ“.

Племяннику писалъ:

„Привѣтствую васъ съ новорожденнымъ сыномъ. Рожденіе дѣтей есть видимый залогъ благословенія Божія. Но чтобы это благословеніе Божіе выну почивало на семействѣ, потребно со стороны родителей ревностное попеченіе о добромъ воспитаніи дѣтей. Доброе-же воспитаніе дѣтей не ограничивается одною заботливостію о внѣшнемъ благосостояніи ихъ, ни даже однимъ умственнымъ образованіемъ: оно должно обнимать всѣ силы духовныя и физическія. Но преимущественно, при воспитаніи дѣтей, надобно обращать вниманіе на ихъ сердце; поелику оно есть исходище живота, источникъ всей нравственно-религіозной жизни. Въ немъ-то надобно прежде всего полагать сѣмена благочестія

1850 г. и страха Божія. Страшному подлежатъ осужденію родители, не пекущіеся о добромъ воспитаніи дѣтей. Съ другой стороны, жалкая участь тѣхъ, кои въ дѣтствѣ не получили добраго направленія.

Не знаю присланъ-ли во Влад. консисторію, а въ Московскую давно уже присланъ указъ, которымъ воспрещается доступъ къ семинарскому образованію дѣтямъ причетниковъ, за исключеніемъ самыхъ лучшихъ. Безотрадная участь тѣхъ, коимъ суждено родиться въ низкой долѣ. Счастливы мы съ вами, что предварили это опредѣленіе судьбы. Впрочемъ, слышно, что преосв. митрополитъ Филаретъ протестуетъ противъ такого опредѣленія и, можетъ быть, отвратитъ эту грозу отъ несчастныхъ причетническихъ дѣтей".

Въ апрѣлѣ представлено было мною о. инспектору, архимандриту Сергію, курсовое сочиненіе „объ устной исповѣди". — Благовременное окончаніе этого важнаго ученаго труда весьма облегчило для меня приготовленіе къ послѣднимъ устнымъ испытаніямъ, которыя предстояли въ іюнѣ мѣсяцѣ.

2-го мая писалъ я Абакумовскому другу, о. М. Граменицкому:

„Извините, опоздалъ не много привѣтствовать васъ съ свѣтлымъ праздникомъ воскресенія Христова: но вамъ хорошо извѣстны мои настоящія обстоятельства, и потому я увѣренъ, что вы съ любовію примете мое и позднее поздравленіе. Да, любезнѣйшій, обѣ послѣднія седмицы — страстная и свѣтлая протекли для меня довольно въ утомительныхъ трудахъ. Кромѣ ежедневной службы, все остальное время я долженъ былъ употребить на довершеніе моего годичнаго труда. И благодареніе Господу! благополучно окончилъ его. Вчера представилъ свое сочиненіе, уже исправленное, о. инспектору. Послѣ его пересмотра останется только переписать. Правда, переписать листовъ двадцать — и это еще не маловажный трудъ для меня, особенно въ настоящую пору, когда начнутся повторенія: но все таки это не то, что вновь писать; при томъ, если не въ силахъ буду заняться перепиской самъ, могу поручить кому-нибудь другому. Итакъ, можете поздравить меня съ окончаніемъ академическаго курса. Правда, теперь предстоятъ намъ еще тяжкіе труды въ теченіи двухъ мѣсяцевъ: но по крайней мѣрѣ они не будутъ соединены съ такимъ

сокрушительнымъ безпокойствомъ и заботой, какія испыталъ 1850 г.
я отъ, такъ называемаго, курсоваго сочиненія.

Что ожидаетъ меня въ будущемъ, опредѣленно еще неизвѣстно: но чуть-ли не доведется начать мнѣ служебное поприще тамъ, гдѣ получено мною первоначальное образованіе? Не дурно, кажется, если бы это было и такъ. Но мѣсяца черезъ два или черезъ три эта загадка разрѣшится. Впрочемъ, совершенно предаю себя на этотъ разъ въ волю начальства, котораго вниманіе и расположеніе ко мнѣ довольно очевидны.

Привѣтствую васъ съ новымъ архипастыремъ [1]). Дай Богъ, чтобы онъ былъ такъ-же къ вамъ добръ и внимателенъ, какъ его предшественникъ. Сколько удалось мнѣ слышать, всѣ отзываются о немъ съ хорошей стороны. Случилось ли вамъ до сихъ поръ видѣться съ новымъ архипастыремъ, или нѣтъ? Слышно, преосв. Парѳеній на этой недѣлѣ отправляется въ путь, поѣдетъ, разумѣется, мимо вашего погоста; думаю, вы воспользуетесь этимъ случаемъ, чтобы въ послѣдній разъ принять благословеніе отъ своего рукоположителя. Хотѣлось-бы и мнѣ принять благословеніе отъ его высокопреосвященства. Не вздумаетъ-ли онъ изъ Москвы пріѣхать въ лавру на поклоненіе преп. Сергію? хорошо, еслибы эта благая мысль пришла ему въ голову. На страстной седмицѣ былъ здѣсь такъже мимоѣздомъ преосв. Антоній [2]), викарій Саратовскій: какой прекрасный человѣкъ! На дняхъ ждутъ сюда Костромскаго преосв. Леонида [3]). Всѣ эти движенія іерарховъ очень благопріятны для нашего брата — студента академіи. Каждое движеніе, произведенное кончиною какого-бы-то ни было преосвященнаго, непремѣнно дойдетъ до какого-нибудь питомца академіи, и на немъ остановится. Теперь есть въ виду мѣста 3 или 4 ректорскихъ, пока еще не занятыхъ. Всѣ онѣ займутся, безъ сомнѣнія, какими-нибудь инспекторами,

---

[1]) Разумѣется преосв. Іустинъ Михайловъ, назначенный въ епис. кона Владимірскаго 25 февраля 1850 года. Скончался на покоѣ въ Боголюбов ѣ монастырѣ 17 марта 1879 года.

[2]) Шокотовъ, скончавшійся въ санѣ архіепископа Кишиневскаго 13 марта 1871 года.

[3]) Зарѣцкаго, впослѣдствіи епископа Екатерин ославскаго, скончавшагося на покоѣ дек. 3 дня 1885 года.

1850 г. а на мѣста послѣднихъ ближайшими кандидатами, очевидно, наша братія, имѣющіе нынѣ окончить курсъ академіи.

Во Владим. семинарію назначается ревизоромъ нашъ о. инспекторъ. Кажется, ему нужно будетъ взять съ собой кого-нибудь изъ студентовъ для письмоводительскихъ дѣлъ: по всей вѣроятности онъ пригласитъ кого-нибудь изъ моихъ земляковъ, а можетъ быть, этотъ жребій не падетъ-ли на меня? Сопутствовать ему я былъ-бы очень радъ: но заниматься канцелярскимъ дѣломъ едва-ли достанетъ охоты. Впрочемъ, это одна догадка; о. инспекторъ легко можетъ обойтись и безъ помощника: онъ самъ большой мастеръ писать. Что касается до меня, то я и безъ его приглашенія намѣренъ быть во Владимірѣ. Гдѣ будетъ лежать мой путь до Владиміра, еще не рѣшено. О. протоіерей Юрьевскій усердно проситъ меня къ себѣ, — и, кажется, я долженъ буду уважить его просьбу. Если-же какими-нибудь судьбами доведется мнѣ ѣхать Московскимъ трактомъ, въ такомъ случаѣ я вашъ непремѣнный гость.

Съ искреннею къ вамъ любовію и почтеніемъ остаюсь Моск. д. академіи студентъ іеромонахъ Савва".

3-го ч. писалъ мнѣ изъ Казани студентъ академіи И. Б. Акимовъ:

„Хотя и поздно, но все таки поздравляю васъ съ прошедшимъ праздникомъ свѣтлаго воскресенія Христова и желаю, чтобы Воскресшій былъ всегда вашимъ защитникомъ и покровителемъ.

О. Савва! Не могу не поздравить васъ и съ приближающимся праздникомъ или великою субботою, которая имѣетъ наступить для васъ и для насъ. Молю и прошу Господа, чтобы время послѣ сей субботы было время отдохновенія, покоя и радости, но не скорбей, непріятностей и неудовольствій подобныхъ тѣмъ, какія встрѣтилъ извѣстный вамъ о. Стефанъ — бывшій инспекторъ Пермской семинаріи. Вамъ, конечно, не не любопытно вѣдать, что съ нимъ случилось,—извольте, сколько знаю, сообщу. Въ Пермской семинаріи наставники собрались невоздержные и въ классахъ вели себя не всегда исправно. О. Стефанъ взялъ, да на журналѣ классическомъ и изволилъ написать: „рекомендуется наставникамъ ходить въ классъ трезвыми". Когда наставники прочитали эту рецензію, то прямо взошли про-

шеніемъ въ академическое правленіе на него и, кажется, 1850 г.
къ оберъ-прокурору. Академич. правленіе потребовало объясненій отъ наставниковъ и инспектора. Инспекторъ много проговорился: я самъ видѣлъ, какъ его объясненіе исчеркано было нашимъ ректоромъ. Послѣ этого изъ Синода поручено было нашему ректору обревизировать Пермскую семинарію. При ревизіи ректоръ открылъ и отнесся въ Синодъ, что о. Стефанъ не только не можетъ быть инспекторомъ, но, по своему безпокойному характеру, — даже и наставникомъ. О. Стефанъ удаленъ отъ должности и, слышно, намѣренъ путешествовать по св. мѣстамъ. Вотъ она судьба-то, а человѣкъ то, кажется, умный и дѣльный!

Мое намѣреніе, по окончаніи курса, уѣхать и опредѣлиться на какую-либо службу на родинѣ, именно въ Ставрополѣ. Я сознаю, что я безъ родины и родныхъ не могу быть счастливъ. А потому откажусь, если будутъ посылать куда-либо.

Прощайте. Помолитесь о многогрѣшномъ студентѣ Иванѣ Акимовѣ.

Курсовое мною окончено: сдано баккалавромъ для поправки—и теперь поправленное уже переписывается. У насъ всѣ посылаютъ въ Синодъ курсовыя, а потому придется еще разъ нанять переписать.

Ваше высокопреподобіе! Я не жду отвѣта отъ васъ до вакаціи, но послѣ вакаціи, когда и куда будете назначены, напишите мнѣ, и я съ удовольствіемъ буду отвѣчать вамъ; адресъ ко мнѣ: въ Ставрополь (на Кавказѣ), г. смотрителю тюремнаго замка Алексѣю Васильевичу г. Сабашеву для передачи мнѣ".

7-го ч. мнѣ представился благопріятный случай снова писать моему другу, о. Граменицкому. Въ лавру пріѣхалъ на богомолье помѣщикъ Абакумовскій Е. И. Домашневъ. Съ нимъ я послалъ просфору и слѣдующія строки о. Михаилу:

„Вмѣсто всякаго дорогаго подарка посылаю вамъ, при сей прекрасной оказіи, просфору. Примите ее, какъ благословеніе отъ преподобнаго и богоноснаго о. нашего Сергія, ко св. мощамъ котораго я полагалъ ее.

Искренно любящій васъ іеромонахъ Савва.

Семейнымъ вашимъ всѣмъ мое усерднѣйшее почтеніе".

1850 г. 16-го ч. получилъ я изъ Виѳаніи отъ молодаго профессора—земляка, С. Г. Вишнякова записку слѣдующаго содержанія:

„Вчерашній день чрезъ Григорія Петровича Смирнова просилъ я васъ поискать у кого-либо изъ вашихъ товарищей хоть старенькихъ лекцій Ив. Ник. Аничкова, по части Исторіи церковнаго краснорѣчія объ Іоаннѣ Златоустѣ. Надѣюсь, что по своей добротѣ и расположенію ко мнѣ, вы исполните мою просьбу. Посылается теперь къ вамъ мой служитель: прошу васъ покорно вручить тетрадки, ежели они готовы. Не сталъ-бы я такъ настойчиво и требовать всего этого, если-бы не было мнѣ крайней нужды. Пишу на публичный экзаменъ статью о Златоустѣ: время коротко, а работы много разнообразной, потому совершенно спѣшу болѣе свободнымъ временемъ воспользоваться для того, чтобы заблаговременно и себя и учениковъ приготовить къ экзамену, за которымъ владыка, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, можетъ обратить на меня особое вниманіе. Опасаюсь какою-либо, хотя малою, неисправностію оставить во владыкѣ впечатлѣніе не совсѣмъ выгодное".

18 ч. писалъ мнѣ о. Граменицкій въ отвѣтъ на мои письма:

„Съ искреннею благодарностію и благоговѣніемъ пріемлю свящ. даръ — просфору, какъ благословеніе преп. отца Сергія.

Вы извѣщаете, что можно уже поздравить васъ съ окончаніемъ учебнаго поприща. Поздравляю васъ отъ полноты любящаго сердца! Да сподобитъ васъ Господь Богъ благополучно приплыть къ чаемой пристани, да увѣнчается желаннымъ успѣхомъ ваше ожиданіе! Еще вожделѣннѣе слышать предположеніе о бытіи вашемъ во Владимірѣ. Для васъ это было-бы пріятно, а для родныхъ, знакомыхъ и любящихъ васъ, благотворно. Радуюсь вмѣстѣ съ вами, что свалили вы курсовое сочиненіе — тяжкую заботу; переписать готовое можно препоручить и другому.

Да, у насъ новый архипастырь. Быть у него на лицѣ еще не удалось; собираюсь вскорѣ къ нему для испрошенія разрѣшенія покрасить церковь. Хорошо-бы заслужить точно такое же вниманіе его, какимъ пользовался я отъ высокопреосв. Парѳенія. Но теперь-то уже я совершенно не надѣюсь. Мое положеніе стѣсняется почти со всѣхъ сторонъ. Я слабая былина въ пустомъ бору, трудно лучамъ солнца

чрезъ частыя вѣтви и широкія листья проникнуть и согрѣть 1850 г.
ее: а съ земли-то сія былина подъ корень подтачивается червемъ, ожидаю.... Одна надежда Богъ.. Очень хотѣлось принять благословеніе рукоположителя своего, но никто не зналъ времени его проѣзда Липнею, — онъ 9-го мая проѣхалъ мимо насъ скромнымъ и тихимъ образомъ.

Располагаетесь ѣхать до Владиміра чрезъ Юрьевъ, — а я бы отъ души просилъ избрать нашъ трактъ, такъ какъ удобнѣйшій, — и осчастливить насъ своимъ посѣщеніемъ. Тутъ я бы васъ поздравилъ уже реально, формально. Всѣ мои домашніе, съ величайшимъ желаніемъ, — даже малые дѣти, ждутъ васъ. Какъ мнѣ хочется побесѣдовать съ вами! вѣрно, много-бы утѣшенія вы влили въ мое раздираемое сердце.

Пожелавъ вамъ подкрѣпленія при настоящихъ обстоятельствахъ свыше, и препоручивъ себя вашимъ молитвамъ съ принятіемъ на себя обязанности молиться Богу о вашемъ благополучіи, съ чувствомъ глубокаго уваженія имѣю честь пребыть вашего преподобія искреннимъ и навсегда къ вамъ признательнымъ Абакумовскій священникъ М. Граменицкій. Мая 18 дня 1850 года.

Не имѣете-ли нужды въ финансахъ — извольте, если угодно, хоть немножко. Предполагаю, что вашъ кошелекъ теперь не истощился. 3 р. серебр. примите на чай".

24-го ч. писалъ я къ роднымъ въ Иваново:

„Пріятно и слышать о родныхъ добрыя вѣсти, но думаю, еще пріятнѣе читать ихъ собственное повѣствованіе о себѣ и о своихъ обстоятельствахъ. На семъ основаніи я не захотѣлъ ограничиться однимъ устнымъ, и при томъ посредственнымъ, извѣстіемъ о себѣ, но при всей тѣснотѣ обстоятельствъ, расположился, хотя въ краткихъ строкахъ, собственноручно засвидѣтельствовать о себѣ, что я по милости Божіей и заступленію преп. Сергія, живъ и здоровъ. Я упомянулъ о тѣснотѣ обстоятельствъ: дѣйствительно, теперь у насъ время самое трудное, — тоже, что въ крестьянскомъ быту жатва. Теперь мы собираемъ плоды четырехлѣтняго сѣянія: и—горе тому, кто опуститъ это благопріятное время!—въ цѣлую жизнь трудно будетъ возвратить то, что теперь неблагоразумно будетъ опущено. Я говорю о повтореніяхъ лекцій и о предстоящемъ окончательномъ экза-

1850 г. менѣ. Вчера уже явился къ намъ безсмѣнный ревизоръ— высокопреосв. Филаретъ. Но, съ другой стороны, какъ пріятно будетъ насладиться отдохновеніемъ послѣ продолжительныхъ трудовъ и подвиговъ!—Послѣ окончанія школьныхъ дѣлъ я не предвижу никакихъ препятствій къ предпринятію путешествія. Увѣренъ, что мое посѣщеніе будетъ для васъ не непріятно, и потому слѣдовало-бы мнѣ прежде всего поспѣшить къ вамъ, но мнѣ представляется болѣе удобнымъ начать свое странствованіе съ противоположнаго конца—съ Мурома, куда такъже усердно приглашаютъ меня и родные и знакомые. Къ вамъ-же въ такомъ случаѣ я могу поспѣть не ранѣе, кажется, послѣднихъ чиселъ августа, или первыхъ сентября: потому что на пути отъ Мурома и до Иванова мнѣ предстоитъ очень много мѣстъ, кои я долженъ посѣтить. Но чѣмъ продолжительнѣе ожиданіе, тѣмъ пріятнѣе будетъ свиданіе".

17-го числа получилъ я письмо изъ Вязниковъ отъ о. Василія Богородскаго; онъ писалъ:

„Пожелавъ вамъ отъ души добраго здравія, я со всѣмъ участіемъ друга, молю вамъ и счастливаго окончанія академич. трудовъ вашихъ. Промыслъ совершилъ надъ вами испытаніе ума и болѣе сердца и близко готовитъ покой и награду. Радуюсь за васъ, когда вы уже, я думаю, съ великимъ удовольствіемъ смотрите въ пріятную свою будущность. И пора, пора сколько нибудь насладиться послѣ трудовъ и честнымъ покоемъ! Дай вамъ, Господи, счастливѣйшаго окончанія!...

А за симъ желаю пріятнаго съ вами свиданія личнаго. Непремѣнно, другъ! не забудьте меня, когда въ Муромѣ или на родинѣ будете. Я васъ съ полною надеждою жду, и дождусь, если только вы не измѣнитесь съ полученіемъ довольно важной степени. Дружба, кажется, степенями не разрывается,—и дружескія сердца ни пространствомъ, ни молчаніемъ не охладѣваютъ въ чувствахъ взаимныхъ.

Ждемъ на той недѣлѣ въ Вязники новаго нашего преосв. Іустина, который теперь въ Муромѣ; не много безпокоимся, не зная его ни характера, ни свойствъ, ни ума ни обхожденія. Впрочемъ, безпокойство безъ рабскаго страха, потому-что слухъ объ немъ уничтожаетъ оный. Архипастырь— благонамѣренный, и добрый, и кроткій сердцемъ".

Среди окончательныхъ частныхъ испытаній устныхъ даны 1850 г.
были намъ, для письменныхъ сочиненій, слѣдующія темы: 1) Num ea, quae de igne infernali in Evangelio (Luc. XVI) dicuntur, intelligenda sunt metaphorice?—2) „Почему благодать спасающая не истребляетъ въ человѣкѣ возрожденномъ склонности ко грѣху“? 3) „Какимъ образомъ служило ко благу народа Еврейскаго сорокалѣтнее странствованіе въ пустынѣ“?

Приближался конецъ четырехлѣтнихъ академическихъ трудовъ. Естественно возбуждался въ душѣ вопросъ: что-же ожидаетъ меня за порогомъ высшаго святилища наукъ?—Какая участь готовится мнѣ и гдѣ я долженъ начать новое поприще служенія св. Церкви?—Всѣ это покрыто было для меня таинственною завѣсою. Возникало во глубинѣ сердца тайное желаніе поступить на службу въ Виѳанскую семинарію, гдѣ были мнѣ нѣсколько знакомы и ректоръ архим. Леонидъ [1]), и инспекторъ іеромонахъ Наѳанаилъ [2]), и гдѣ могъ я найти дружественный пріемъ и моего прежняго наставника и покровителя Я. И. Владыкина, и моего почти сверстника по семинаріи, профессора Мих. Дм. Никольскаго [3]), и моего бывшаго питомца по Шуйскому училищу, профессора С. Г. Вишнякова. Не мало при семъ значило и то, что Виѳанская семинарія находилась вблизи родной академіи, откуда я могъ бы получать и ученую помощь, и нравственную поддержку. Но я боялся и намекнуть кому-бы то ни было объ этомъ сокровенномъ желаніи. Для меня и для другихъ болѣе вѣроятнымъ казалось то, что я буду назначенъ на какую-либо должность въ родную Владимірскую семинарію.

Между тѣмъ, моя судьба, по премудрой и всеблагой волѣ Провидѣнія, устроилась такъ, какъ ни я и никто другой не могъ и вообразить.

Вотъ какъ это произошло.

Не задолго до окончанія нашего курса въ академіи, Московскій владыка, высокопреосвященный митрополитъ

---

[1]) Краснопѣвковъ, скончавшійся 15 дек. 1876 г. въ санѣ архіепископа Ярославскаго.

[2]) Нектаровъ, скончавшійся въ должности ректора той же семинаріи и въ санѣ архимандрита 2 сент. 1857 года.

[3]) Впослѣдствіи Московскаго протоіерея, скончавшагося 27 іюля 1897 г.

1850 г. Филаретъ озабоченъ былъ мыслію о пріисканіи способнаго и благонадежнаго кандидата на должность ризничаго въ Моск. Синодальную (бывшую Патріаршую) ризницу.

Должность эту съ 1839 г. занималъ соборный іеромонахъ Евстаѳій (Романовскій), кандидатъ IX курса (1834 г.) Моск. дух. академіи. Не обладая особенными умственными дарованіями, онъ всегда отличался строго-монашескою жизнію. Вслѣдствіе - ли чрезмѣрныхъ аскетическихъ подвиговъ или иныхъ какихъ либо причинъ, онъ не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ и былъ подверженъ, по временамъ, крайней раздражительности. А такое физическое и нравственное состояніе о. Евстаѳія весьма не благопріятствовало его оффиціальнымъ отношеніямъ къ лицамъ, которыя имѣли надобность входить съ нимъ въ тѣ или другія сношенія. Прежде всего не мирны были его отношенія къ Синодальной конторѣ, отъ которой онъ былъ въ исключительной зависимости по своей должности;—особенно онъ былъ въ постоянномъ почти разладѣ съ прокуроромъ этой конторы А. А. Лопухинымъ, который, въ свою очередь, и самъ былъ не доволенъ имъ. Слышны были жалобы на іеромонаха Евстаѳія и отъ посѣтителей Синодальной ризницы, а также отъ ученыхъ, занимавшихся рукописями Синодальной библіотеки. По своему болѣзненному и раздражительному характеру, онъ или вовсе не допускалъ до обозрѣнія древнихъ сокровищъ ризницы и библіотеки, или неохотно удовлетворялъ любопытству посѣтителей, между которыми часто бывали знатныя и важныя особы. Не вполнѣ остался доволенъ о. Евстаѳіемъ и Высочайшій Посѣтитель Синодальной ризницы и библіотеки, Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ апрѣлѣ 1849 г. Онъ замѣтилъ въ ризницѣ на полкахъ не мало пыли,—о чемъ ясно высказалъ смотрителю Дворца, полковнику Ильину. Въ тоже время и самъ о. Евстаѳій началъ скучать непосильною для него должностію Синодальнаго ризничаго.

Все это побуждало митрополита къ устраненію іеромонаха Евстаѳія отъ занимаемой имъ должности: но кѣмъ его замѣнить?—Вотъ вопросъ!—Въ виду у владыки благонадежнаго кандидата на эту должность не имѣлось. Посему онъ обратился съ этимъ вопросомъ къ ректору академіи, архимандриту Алексію, когда этотъ пріѣзжалъ на Пасху въ

Москву въ свой Заиконоспасскій монастырь. О. ректоръ указалъ ему на меня. Владыка обрадовался этому указанію и приказалъ о. ректору показать ему меня, когда онъ будетъ въ академіи на частныхъ экзаменахъ. 1850 г.

Въ маѣ, или въ первыхъ числахъ іюня высокопреосв. митрополитъ пріѣхалъ въ лавру къ храмовому празднику св. Троицы и послѣ праздника началъ посѣщать, въ качествѣ ревизора, наши частные экзамены. Не помню, въ какой день былъ на нашемъ старшемъ курсѣ экзаменъ по Русской церковной исторіи. По начатіи уже экзамена, митрополитъ входитъ въ залу и едва лишь сѣлъ онъ въ кресло, ректоръ вызываетъ меня къ столу. Экзаменъ производился по билетамъ, на которыхъ означался вопросъ съ краткимъ изложеніемъ его содержанія. Мнѣ достался билетъ о жизни св. Іоны, митрополита Московскаго. Пока отвѣчалъ вызванный предо мною студентъ, я успѣлъ сообразить отвѣтъ на данный мнѣ вопросъ. Когда я началъ говорить, митрополитъ чрезвычайно внимательно смотрѣлъ на меня; это однакожъ не смутило меня, и я съ спокойнымъ духомъ передалъ все, что заключалось въ вопросѣ. Когда я окончилъ, владыка изволилъ сказать: „порядочно ты говоришь“.—Товарищи поздравили меня съ такимъ одобрительнымъ отзывомъ, какого на этотъ разъ никто изъ нихъ не заслужилъ.

Когда, въ тотъ же день вечеромъ, о. ректоръ пришелъ къ митрополиту съ дѣлами, владыка сказалъ ему: „ну, понравился мнѣ твой Савва; спроси его, не захочетъ ли онъ быть на должности ризничаго.“

На другой или на третій день о. ректоръ, по окончаніи всенощной, которую мы вдвоемъ съ товарищемъ іеромонахомъ (Авраміемъ) не рѣдко совершали въ его покояхъ въ будничные дни, когда онъ располагался на другой день совершать по какому либо случаю литургію,—отпустивъ моего товарища, меня удержалъ и тутъ наединѣ предложилъ мнѣ сначала слѣдующій вопросъ: „куда вы, о. Савва, желали бы, по окончаніи курса поступить на службу?“ —Я сказалъ, что я, будучи монахомъ, не могу по своей волѣ располагать собою и долженъ итти туда, куда угодно будетъ послать меня начальству.—Одобривъ мой скромный отвѣтъ, о. ректоръ сообщилъ мнѣ, что академическое начальство имѣло въ виду послать меня во Владимірскую семина-

1850 г. рію на должность инспектора, но что въ настоящее время открывается другая, своего рода ученая, должность—Синодальнаго ризничаго въ Москвѣ, и почетная, и выгодная въ матеріальномъ отношеніи (съ жалованьемъ въ 800 слишкомъ рублей сер.); и вотъ на эту-то должность начальство приглашаетъ меня.—Припомнивши слышанный мною за годъ предъ тѣмъ отзывъ товарища моего—пѣвчаго о должности Синодальнаго ризничаго, я, не смотря на представляемыя мнѣ о. ректоромъ выгоды этой должности, началъ рѣшительно отказываться отъ нея. Когда же онъ въ заключеніе объявилъ мнѣ, что этого желаетъ самъ владыка, тогда я со смиреніемъ долженъ былъ преклониться предъ священною волею великаго архипастыря. Тѣмъ не менѣе однакожъ я пошелъ на другой день посовѣтоваться объ этомъ съ досточтимымъ профессоромъ А. В. Горскимъ, который въ это время приступилъ уже къ своему знаменитому труду—описанію славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки. Но и тотъ не только не сталъ отклонять меня отъ предложенной мнѣ должности, но напротивъ выразилъ свою искреннюю радость, что эта должность поручается мнѣ, такъ какъ и онъ, занимаясь описаніемъ рукописей помянутой библіотеки, не рѣдко встрѣчалъ затрудненія со стороны строптиваго хранителя оныхъ, іеромонаха Евстаѳія. Такимъ образомъ моя судьба была рѣшена. Когда о. ректоръ доложилъ митрополиту о моемъ согласіи поступить на должность Синодальнаго ризничаго, владыка не замедлилъ войти съ представленіемъ о семъ въ Св. Синодъ.—Между тѣмъ, онъ писалъ объ этомъ отъ 6 авг. 1850 г. и своему присному ученику и другу, преосвященному Григорію [1]), бывшему тогда архіепископомъ Казанскимъ: „представлено мною, чтобы Синодальнаго ризничаго (іеромонаха Евстаѳія) произвесть въ архимандрита въ Высотскій (Серпуховскій) монастырь, а на его мѣсто опредѣлить студента академіи іеромонаха Савву“ [2]).

Оставалось, наконецъ, выдержать послѣднее устное испы-

---

[1]) Впослѣдствіи митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому, скончавшемуся 17 іюня 1860 года.

[2]) *Чтен. въ Общ. любит. дух. просв.* 1877 г. дек. стр. 160.—Отдѣльный оттискъ (№ 5127) – письмо 37, стр. 39.

таніе по всѣмъ предметамъ старшаго академическаго курса 1850 г.
предъ лицомъ знаменитаго ревизора, преосв. митрополита Филарета и посторонней, духовной и свѣтской, публики. Благополучно совершилось для меня, по милости Божіей, и это окончательное испытаніе.

По окончаніи публичныхъ экзаменовъ, принесено было въ Троицкомъ соборѣ, при св. мощахъ великаго угодника Божія Сергія—покровителя иноческой лавры и обители высшаго духовнаго ученія,—торжественное благодареніе Господу Богу—верховному источнику и подателю всякой мудрости, о благополучномъ совершеніи черырехлѣтняго поприща нашего академическаго образованія.

Разставаясь съ академіею, я не могу не помянуть добрымъ словомъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. Насъ окончило курсъ въ 1850 г. 51 человѣкъ: изъ нихъ болѣе близкими ко мнѣ, кромѣ земляковъ—Владимірцевъ, были слѣдующіе воспитанники:

Н. Д. Рождественскій—въ монашествѣ Игнатій. О немъ было уже говорено.

Егоръ Ив. Поповъ—изъ Вологодской семинаріи. Съ января 1850 г., приготовляясь къ монашеству, онъ жилъ съ нами такъ же, какъ и Рождественскій, въ монашеской кельѣ. Кромѣ студенческихъ обязанностей, онъ исправлялъ еще должность письмоводителя по академическому правленію. Совмѣщеніе этихъ обязанностей служило къ немалому ущербу его, отъ природы не крѣпкаго, здоровья. 26 февраля онъ постриженъ былъ въ монашество съ именемъ Порфирія.

Іеромонахъ Парѳеній изъ Болгаръ. Онъ жилъ въ особой кельѣ, но не рѣдко посѣщалъ меня, равно какъ и я его. Много любопытнаго разсказывалъ онъ мнѣ о своей родинѣ и о тамошнихъ обычаяхъ какъ церковныхъ, такъ и бытовыхъ. По возвращеніи на свою родину, онъ вскорѣ получилъ епископскій санъ [1]).

---

[1]) Вотъ какія свѣдѣнія впослѣдствіи получилъ я о судьбѣ своего добраго товарища:

Парѳеній (Отеновъ), родомъ изъ Дебра въ Македоніи, учился въ Аѳинахъ потомъ уѣхалъ въ Россію, поступилъ въ Кишиневскую семинарію и оттуда перешелъ въ Московскую академію, гдѣ и окончилъ курсъ (въ 1850 г.) со степенью кандидата. Здѣсь онъ пріобрѣлъ знакомства, былъ извѣстенъ

1850 г. Алексѣй Петровичъ Лавровъ—изъ Ярославской семинаріи. Отличаясь благонравіемъ и кроткимъ характеромъ, онъ располагался еще въ академіи принять монашество и просилъ на этотъ счетъ моего совѣта. Я далъ совѣтъ не спѣшить этимъ дѣломъ и зрѣлѣе обдумать свое намѣреніе.—Въ послѣдствіи времени, мысли его измѣнились и онъ вступилъ въ бракъ, принявъ за тѣмъ священный санъ, но потомъ овдовѣлъ. Нынѣ занимаетъ онъ должность законоучителя въ Демидовскомъ лицеѣ, въ Ярославлѣ.

Александръ Григ. Воздвиженскій—изъ Виѳанской семинаріи, сынъ священника заштатнаго города Воскресенска. Съ нимъ я познакомился въ самомъ началѣ академическаго курса чрезъ посредство Виѳанскаго наставника Я. И. Владыкина. Воздвиженскій такъ расположился ко мнѣ и такое возъимѣлъ ко мнѣ довѣріе, что разъ обратился съ просьбою

всѣмъ славянофиламъ и доставлялъ имъ старинныя рукописи съ своей родины. По возвращеніи изъ Россіи, онъ основалъ на Аѳонѣ училище, но скоро его закрылъ и былъ затѣмъ назначенъ профессоромъ славянскаго языка въ Халкійскую семинарію. Во время войны 1854 года его удалили по причинѣ его симпатій къ Россіи, и онъ снова поселился на Аѳонѣ. Вернувшись послѣ войны въ Константинополь, онъ замѣнилъ Анѳима (Голанова) въ должности іеромонаха при Русской посольской церкви, а когда устроили Болгарскую церковь въ Фанарѣ, то при ней учредилось училище, ректоромъ котораго онъ и былъ назначенъ...

Въ 1862 г. Парѳеній назначенъ былъ епископомъ въ г. Кукушъ, Поліанской епархіи, вопреки желанію мѣстнаго Салоникскаго митрополита Неофита, и потому этотъ послѣдній старался всячески ему вредить. Съ помощію интригъ, подкуповъ и лжесвидѣтелей ему удалось обвинить Парѳенія въ еретичествѣ и другихъ преступленіяхъ и Неофитъ созвалъ мѣстный синодъ въ Салоникахъ, на которомъ 7-мь епископовъ признали его виновнымъ и немедленно посадили его въ заключеніе. Но ему удалось убѣжать въ Константинополь, и тамъ онъ явился въ патріархію, что страшно разсердило патріарха; бѣдный Парѳеній былъ снова запертъ, затѣмъ былъ сосланъ на острова, но чрезъ нѣсколько дней возвращенъ.

Парѳенія обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что онъ будто бы угрожалъ, что если его епархію не обратятъ въ митрополію, то весь народъ обратится въ унію. Посланный патріархомъ для изслѣдованія дѣла митрополитъ преславскій Анѳимъ (воспитанникъ также Московской академіи), защитилъ Парѳенія.—Парѳеній былъ торжественно оправданъ, но въ Кукушъ не поѣхалъ. Его перевели въ Нишавскую епархію.

Свѣдѣнія эти заимствованы изъ статьи А. Н. Муромцевой, подъ заглавіемъ: „Первый Болгарскій экзархъ, блаженный Анѳимъ,“—помѣщ. въ 151 томѣ *Русск. Вѣстника* за 1881 г., стр. 332—338.

о принятіи его на исповѣдь, но я отклонилъ эту просьбу. 1850 г.
Онъ не разъ также выражалъ предо мною желаніе принять священный санъ, не вступая въ бракъ. Однакожъ впослѣдствіи, какъ я слышалъ, онъ, поступивши на службу въ Ярославль, женился и вскорѣ за тѣмъ скончался.

Алексѣй Егоровичъ Викторовъ—изъ Орловской семинаріи. Съ нимъ такъ же какъ и съ Воздвиженскимъ я познакомился на первыхъ порахъ академической жизни. Онъ часто посѣщалъ нашу монашескую келью, гдѣ жилъ его землякъ, помянутый выше іеродіаконъ Серапіонъ. Скончался Викторовъ въ 1883 году.

Александръ Павловичъ Камышинскій—изъ Воронежской семинаріи, родной племянникъ пресловутаго В. И. Аскоченскаго.—Не знаю, почему, онъ имѣлъ ко мнѣ особенную привязанность, и по выходѣ изъ академіи, не разъ писалъ мнѣ изъ Воронежа, куда онъ поступилъ на службу.

Въ первыхъ числахъ іюля я расположился, съ разрѣшенія о. ректора академіи, отправиться на родину, для свиданія съ родными и знакомыми. Но предъ выѣздомъ изъ академіи я писалъ отъ 2-го іюля въ с. Абакумово о. Мих. Граменицкому, въ отвѣтъ на его письмо отъ 12 мая:

„Не безъ достаточныхъ причинъ и не безъ особеннаго намѣренія откладывалъ я со дня на день отвѣтъ на ваше послѣднее письмо отъ 15 мая, которое бы, впрочемъ, требовало тѣмъ скорѣйшаго отвѣта, чѣмъ оно обязательнѣе для меня по предложенному при немъ знаку вашего ко мнѣ усердія. О причинахъ медленнаго моего отвѣта на сей разъ и говорить нечего: онѣ могутъ быть очень понятны для васъ. Мимоходомъ скажу только, что мѣсяцъ іюнь стоилъ для насъ всѣхъ 4-хъ годовъ: такъ было тѣсно и трудно это время, что не только некогда было заниматься посторонними дѣлами, но и существеннаго исполнить въ точности не было никакой возможности. Но вотъ, по милости Божіей, и это трудное время наконецъ миновало.

Какъ ни спокойно было для меня въ академіи: но признаюсь вамъ откровенно, не безъ сердечнаго удовольствія разстаюсь съ школьною жизнію. Видно, всему свое время подъ солнцемъ: время садити и время собирати сажденное; время учиться и время учити. Дѣла мои окончены всѣ, какъ нельзя лучше,—такъ, какъ я не могъ и ожи-

1850 г. дать.—А что особенно важно и пріятно для меня,—такъ это то, что я не только заслужилъ доброе расположеніе моего непосредственнаго начальства, но и имѣлъ счастіе обратить на себя вниманіе высокопреосвященнѣйшаго митрополита—не своими успѣхами (они очень обыкновенные), а чѣмъ-то другимъ. И въ слѣдствіе этого мнѣ заранѣе уже предложено отъ его высокопреосвященства такое мѣсто, о какомъ ни я, ни кто-либо другой и помыслить не могъ. Должность, которая мнѣ предназначается, правда, не прямо ученая, но тѣмъ не менѣе требующая для своего исполненія предварительнаго ученаго образованія. Что это за должность, —объ этомъ до времени я обязанъ волею начальства никому не открывать. Скажу только, что мнѣ суждено начать службу въ первопрестольной нашей столицѣ. Я и самъ еще не имѣю опредѣленнаго понятія о предназначенной мнѣ должности, и потому не знаю, въ состояніи ли буду надлежащимъ образомъ проходить ее: но отказываться отъ предложенія столь мудраго и прозорливаго архипастыря, каковъ нашъ владыка, я почитаю не безопаснымъ. Успокоиваю себя на этотъ разъ тою мыслію, что воля начальства есть воля Божія. Итакъ, да будетъ надо мною воля Божія!

Что касается до моего путешествія, я весьма желалъ-бы начать оное посѣщеніемъ вашего гостепріимнаго дома: но опасаюсь оскорбить и другихъ отказомъ въ удовлетвореніи подобнаго вашему желанію.

Такъ недавно писалъ мнѣ письмо о. протоіерей Юрьевскій, въ которомъ убѣдительнѣйшимъ образомъ проситъ меня въ свой домъ. Итакъ, простите меня Бога ради, если я на сей разъ не исполню вашего желанія, въ искренности котораго я совершенно увѣренъ. Выѣхать изъ лавры я намѣревался было сегодня (3 іюля): но о. ректоръ убѣдилъ меня остаться еще на нѣсколько дней. О вступленіи въ упомянутую должность мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно: но во всякомъ случаѣ долженъ теперь разстроиться заранѣе составленный мною планъ путешествія: я не только долженъ буду отказаться отъ свиданія съ нѣкоторыми знакомыми, но и время посѣщенія ближайшихъ родныхъ нужно будетъ значительно сократить.

За симъ съ чувствомъ глубокой признательности за ваше

приношеніе и съ искреннею къ вамъ любовію честь имѣю 1850 г.
пребыть окончившій курсъ Моск. духовн. академіи (будущій магистръ) іеромонахъ Савва.

Любезнѣйшей супругѣ вашей и всему семейству-мое усерднѣйшее почитаніе.

P. S. Сейчасъ узналъ я, что на окончательной конференціи, подъ предсѣдательствомъ высокопр. митрополита, я утвержденъ подъ 10 №,—Григорій Петровичъ [1]) подъ 4. Изъ Владимірскихъ еще двое [2]) въ первомъ разрядѣ, и одинъ [3]) во второмъ".

4-го числа писалъ я въ Иваново къ роднымъ:

„Съ любовію спѣшу извѣстить васъ о моихъ настоящихъ обстоятельствахъ. Благодареніе Господу,—я достигъ наконецъ цѣли моихъ стремленій. Четырехлѣтніе труды мои увѣнчались счастливымъ успѣхомъ. Всѣ дѣла мои окончены какъ нельзя лучше. Остается теперь насладиться пріятнымъ отдохновеніемъ среди родныхъ и знакомыхъ. На сихъ дняхъ я намѣренъ отправиться въ путь. Какъ ни сильно ваше желаніе видѣться со мною, сколько можно скорѣе: но прошу не посѣтовать на меня, если я нѣсколько замедлю своимъ къ вамъ пріѣздомъ. Мнѣ и самому хотѣлось-бы поспѣшить къ вамъ: но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ я нахожу нужнымъ начать именно съ Мурома: потому что, въ противномъ случаѣ, если, то есть, я начну съ васъ, можетъ случиться такъ, что мнѣ и не удастся быть въ Муромѣ: а это будетъ противно и моему собственному желанію, и желанію тамошнихъ моихъ родныхъ. Но васъ я ни въ какомъ случаѣ не захочу оставить безъ посѣщенія. Для васъ въ настоящемъ случаѣ разность только та, что я заставлю васъ нѣсколько долѣе, нежели какъ хотѣлось бы вамъ, ждать себя. Но, согласитесь сами, чѣмъ продолжительнѣе ожиданіе, тѣмъ пріятнѣе будетъ свиданіе. Впрочемъ, сколько будетъ зависѣть отъ меня, я постараюсь совершить путь до Мурома и обратно до Иванова съ возможною скоростію, какъ ни много предстоитъ мнѣ на этомъ разстояніи перепутій. Итакъ, будьте великодушны и не прогнѣвайтесь Бога

---

[1]) Быстрицкій.

[2]) Яковъ Беневоленскій и Василій Взоровъ.

[3]) Ѳеодоръ Остроумовъ.

1850 г. ради на меня, если отказываюсь на сей разъ удовлетворить вашему желанію, въ искренности котораго я отнюдь не сомнѣваюсь. Если Богу будетъ угодно, то увидимся и утѣшимся взаимнымъ свиданіемъ.

Относительно будущей моей судьбы я имѣю теперь довольно уже опредѣленное указаніе. По личному ко мнѣ вниманію и благоволенію высокопр. митрополита, мнѣ назначается должность въ самой Москвѣ, подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ его высокопреосвященства. Гдѣ именно и какая это должность, узнаете отъ меня при личномъ свиданіи".

На другой день праздника преп. Сергія, 6-го ч., я отправился въ путь вмѣстѣ съ тремя товарищами—земляками, Быстрицкимъ, Взоровымъ и Остроумовымъ. Путь нашъ лежалъ чрезъ города Александровъ и Юрьевъ. Въ Александровѣ мы посѣтили достопочтеннаго настоятеля собора, протоіерея Іак. В. Миловскаго [1]). Какъ воспитанникъ Московской академіи, онъ принялъ насъ очень ласково и радушно. Въ Юрьевѣ я ночевалъ у своего родственника протоіерея А. И. Соловьева. Во Владимірѣ мы всѣ вмѣстѣ представлялись новому архипастырю, преосв. Іустину. Онъ принялъ въ залѣ у порога довольно сухо и когда я, на его вопросъ о моемъ назначеніи, сообщилъ ему, что я представленъ на должность Синодальнаго ризничаго въ Москву, онъ выразилъ какую-то двусмысленную мину. Тѣмъ и окончилось наше коллективное представленіе его преосвященству.

Изъ Владиміра мы всѣ разошлись по разнымъ сторонамъ. Я отправился въ Муромъ.

Въ Муромѣ всѣ,—и родные и знакомые, встрѣтили меня съ радостію. По приглашенію о. протоіерея Троепольскаго, я служилъ въ соборѣ, и за это, по его-же распоряженію, получилъ отъ соборнаго старосты, купца Зворыкина, полуимперіалъ.

Изъ Мурома, чрезъ село Ѳоминку, гдѣ провелъ сутки у священника О. П. Обтемперанскаго, я прибылъ въ г. Вязники. Здѣсь на короткое также время остановился у своего школьнаго товарища и друга, священника В. П. Богородскаго: онъ принялъ меня съ восторгомъ и разговорамъ нашимъ не было конца.

---

[1]) Магистра VII курса (вып. 1830 г.). Московской духовной академіи.

Изъ Вязниковъ, чрезъ село Пантелеево, гдѣ посѣтилъ родственника своего діакона Мануила Петровича, пріѣхалъ въ село Хотимль, гдѣ встрѣтилъ меня радушный пріемъ двоюроднаго зятя Ив. Николаевича и сестры Маріи Петровны Успенскихъ. У нихъ пробылъ я дня два или три. 1850 г.

27-го іюля пріѣхалъ въ Шую и остановился въ домѣ соборнаго протоіерея и смотрителя училищъ В. Я. Цвѣткова. 28-го ч. въ Шуйскомъ соборѣ праздникъ въ честь Шуйской-Смоленской иконы Божіей Матери и торжественный крестный ходъ вокругъ всего города. Послѣ хода я приглашенъ былъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, на завтракъ въ домъ купца Корнилова. Здѣсь встрѣтился неожиданно съ старымъ знакомымъ помѣщикомъ, С. А. Лазаревымъ-Станищевымъ, у котораго я училъ дѣтей. Онъ былъ на этотъ разъ уѣзднымъ исправникомъ. Бывши въ Шуѣ, я не забылъ посѣтить свою добрую и благодѣтельную хозяйку, у которой я нѣкогда квартировалъ, Александру Ивановну Болотову. Почтенная старушка весьма обрадовалась моему посѣщенію и, прощаясь со мною, положила мнѣ въ руку золотой полуимперіалъ, примолвивши: „помолися, батюшка, обо мнѣ“. Какъ ни отказывался я отъ принятія этого дара, но долженъ былъ исполнить волю благочестивой старицы. Имя рабы Божіей Александры, вмѣстѣ съ полуимперіаломъ, до сихъ поръ сохраняется въ моей памяти.

29-го ч. послѣ обѣда пріѣхалъ я на свою родину, въ село Горицы, и остановился въ домѣ о. Васьлія Сапоровскаго. Онъ принялъ меня съ родственною любовію.

Изъ Горицъ, чрезъ Кохму, гдѣ на короткое время видѣлся съ сестрою Анною Михайловной и ея семействомъ, я поспѣшилъ въ Иваново, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали меня родные.

Въ Ивановѣ пробылъ я до 4-го августа, и оттуда отправился въ Ростовъ, куда прибылъ 5-го числа и остановился въ Яковлевскомъ монастырѣ, гдѣ настоятельствовалъ тогда бывшій ректоръ Владим. семинаріи о. архим. Поликарпъ. Онъ принялъ меня какъ роднаго.

Въ ночь на 6-е число прибыли въ Ростовъ великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, путешествовавшіе въ это время по Россіи. Послѣ литургіи, которая въ этотъ день, по случаю двунадесятаго праздника Преображенія Господня,

1850 г. совершалась съ особенною торжественностію, Ихъ Высочества посѣтили монастырь и за тѣмъ удостоили своимъ посѣщеніемъ покои настоятеля. Старецъ архимандритъ былъ внѣ себя отъ радости и чашки, изъ которыхъ высокіе гости пили чай, сохранилъ какъ драгоцѣнные памятники.

Спасо-Яковлевскій Ростовскій монастырь расположенъ на берегу большаго озера Неро, въ которомъ мнѣ едва не пришлось погибнуть; и вотъ по какому случаю.

Въ монастырѣ встрѣтилъ меня товарищъ по академіи Василій Никольскій, сынъ священника села Порѣчья, расположеннаго на противоположномъ отъ монастыря берегу озера Неро. Онъ убѣдилъ меня посѣтить домъ его родителя; я не могъ отказать въ просьбѣ товарищу, согласился. Путь нашъ лежалъ чрезъ озеро и мы отправились въ небольшой лодочкѣ, присланной отцомъ Никольскаго съ крестьяниномъ. Едва сѣли мы въ лодку и отчалили отъ берега, какъ поднялся вѣтеръ, сначала тихій, а потомъ, по мѣрѣ удаленія нашего отъ берега, становился сильнѣе и сильнѣе; но пока было мелко, лодка шла довольно спокойно, а когда достигли мы средины озера, гдѣ глубина была очень значительная, лодка едва не опрокидывалась на каждомъ шагу, и я почти отчаявался въ жизни. Къ счастію, съ нами сѣлъ въ лодку какой-то отставной солдатъ и онъ помогалъ лодочнику удерживать въ равновѣсіи ладью. Когда миновали мы глубину, сталъ утихать и вѣтеръ, и вторую половину пути, при ясной погодѣ и совершенной тишинѣ въ воздухѣ, мы совершили уже очень благополучно. Такимъ образомъ, еще разъ Провидѣніе Божіе явило надо мною спасающую десницу.

Переночевавши въ Порѣчьѣ, я на другой день отправился далѣе и къ вечеру пріѣхалъ въ Переславль, гдѣ принялъ меня очень радушно Никитскій о. архим. Нифонтъ. Пробывши въ Переславлѣ дня два, я возвратился въ академію 10-го числа вечеромъ и на слѣдующій же день долженъ былъ поспѣшить въ Москву. Здѣсь мнѣ о. ректоромъ назначено было временное помѣщеніе въ его Заиконоспасскомъ монастырѣ. Болѣе двухъ недѣль пришлось мнѣ ожидать своего назначенія.

По пріѣздѣ въ Москву, я немедленно явился на Троицкое подворье, къ преосвящ. митрополиту, но не былъ при-

нятъ имъ; явился и въ другой разъ, но также безуспѣшно. 1850 г.
Наконецъ мнѣ назначено было явиться на подворье 19-го числа послѣ обѣда. Являюсь. Владыка на первый разъ принялъ меня очень милостиво; посадилъ и нѣсколько минутъ разговаривалъ со мною, но о чемъ была рѣчь, не помню. Но такъ какъ въ это время еще не было изъ Св. Синода указа о моемъ опредѣленіи на должность, то владыка отпустилъ меня и велѣлъ ожидать указа. Но чтобы мнѣ не было скучно безъ дѣла, онъ чрезъ нѣсколько дней позвалъ меня къ себѣ и, давши мнѣ списокъ очень пространнаго письма на латинскомъ языкѣ, поручилъ перевесть его на русскій языкъ.

Подлинное письмо писано было въ 1847 г. на имя оберъ-священника арміи и флотовъ, протопресвитера Василія Ивановича Кутневича извѣстнымъ діакономъ англиканской церкви Вильямомъ Пальмеромъ [1]) изъ Шотландско-Британскаго города Perth-а. Въ письмѣ этомъ Пальмеръ сначала признается, что онъ, со вниманіемъ прочитавши подаренную ему ректоромъ Московской дух. академіи архим. Филаретомъ книгу Адама Зерникава объ исхожденіи Св. Духа, совершенно уклонился отъ мнѣнія и словоизраженія латинянъ и всѣмъ сердцемъ прилѣпился къ православному мнѣнію восточныхъ. Затѣмъ пространно излагаетъ и критически разбираетъ тѣ доводы, на основаніи коихъ онъ держался ученія латинянъ относительно исхожденія Св. Духа „и отъ Сына". Въ заключеніе, поручая о. Кутневичу засвидѣтельствовать почтеніе преосвященнымъ: митрополиту Московскому Филарету, епископамъ Томскому Аѳанасію (бывшему ректору С.-Петербургской семинаріи) и Рижскому Филарету, а также священнику Исаакіевскаго собора Александру Стратилатову, проситъ разослать имъ списки съ этого письма.

У меня сохранился черновой переводъ этого замѣчательнаго письма.

23-го числа писалъ я къ роднымъ въ Иваново:

„Всѣмъ вамъ приношу мою усерднѣйшую благодарность

---

[1]) Пальмеръ род. въ 1811 г., ум. $\frac{24 \text{ марта}}{5 \text{ апрѣля}}$ 1879 г. См. газ. *Востокъ*, 1879 г. № 1, стр. 13 и сл. Переписка о Пальмерѣ Хомякова съ архіеп. Казанскимъ Григоріемъ—въ *Русск. Архивѣ* 1881 г. кн. II, стр. 32 и сл.

1850 г. за ваше щедрое и радушное угощеніе. Только жалѣю, отъ души жалѣю, что краткимъ пребываніемъ у васъ не вполнѣ удовлетворилъ вашему родственному чувству. Теперь оказалось, что я напрасно спѣшилъ отъ васъ; можно было бы пробыть у васъ и еще сутки другія—третьи. Впрочемъ, кто же зналъ, что такъ случится? А случилось со мною вотъ что. Пробывши въ Ростовѣ двое сутокъ и столько же въ Переславлѣ, 10-го числа вечеромъ я пріѣхалъ въ лавру. Едва лишь успѣлъ появиться въ академію, какъ слышу отъ о. инспектора приказаніе на другой же день отправляться въ Москву. Какъ ни непріятна была эта вѣсть, особенно потому, что послѣ продолжительнаго путешествія я ощущалъ крайнюю потребность въ отдохновеніи: но дѣлать нечего—надобно было повиноваться волѣ начальства. Отправляюсь на другой день утромъ въ Москву; вечеромъ я былъ уже тамъ. Являюсь къ о. ректору: но узнаю отъ него, что хотя представленіе обо мнѣ и сдѣлано въ Св. Синодъ, но разрѣшенія оттуда еще нѣтъ. Затѣмъ нужно было мнѣ явиться къ митрополиту, чтобъ узнать его волю въ разсужденіи того, гдѣ мнѣ ждать своего назначенія: здѣсь-ли (въ Москвѣ), или прикажетъ возвратиться въ лавру: но въ продолженіе цѣлой недѣли не было удобнаго времени, когда бы я могъ явиться къ нему. Только уже наконецъ 19-го числа имѣлъ я счастіе представиться его высокопреосвященству. Владыка принялъ меня очень милостиво, удостоилъ даже сѣсть въ кресла. Послѣ вопросовъ: гдѣ я живу и спокойно-ли мнѣ жить?—приказалъ мнѣ оставаться въ Москвѣ, въ той надеждѣ, что скоро уже должно послѣдовать изъ Св. Синода разрѣшеніе на его представленіе въ разсужденіи меня. Итакъ, я теперь нахожусь только еще въ чаяніи будущихъ благъ. Скоро-ли исполнятся мои ожиданія, Богъ вѣсть. Но жить въ Москвѣ безъ дѣла, а особенно безъ денегъ, довольно скучно. Къ счастію, я еще пользуюсь, по милости о. ректора, готовою квартирою и трапезой: а потому, если и приходится тратить свои деньги, то большею частію только на разъѣзды. Впрочемъ, и на этотъ предметъ не мало потребно денегъ: по Москвѣ нашему брату-монаху, особенно въ настоящее время, безъ извощика почти шагу сдѣлать нельзя. Но—Богъ милостивъ, авось-либо всѣ эти проторы и убытки со временемъ вознаградятся...

Въ чемъ же, спросите вы, провожу я теперь время?— 1850 г.
Въ праздничные дни занимаюсь служеніемъ; затѣмъ, пока свободно, осматриваю достопамятности столицы; присутствую, въ качествѣ посторонняго зрителя, при церковныхъ церемоніяхъ. Такъ, 15-го, въ день Успенія Б. Матери, и 22-го, въ день коронаціи, я видѣлъ то, чего еще никогда не видалъ. Въ эти два дни я имѣлъ удовольствіе видѣть и все знатнѣйшее духовенство Москвы, и весь генералитетъ столицы, во всемъ его блескѣ. Далѣе—изрѣдка посѣщаю своихъ знакомыхъ; все-же остальное время посвящаю, по обычаю, на чтеніе книгъ. Вотъ и все, что на первый разъ я могъ сообщить вамъ о себѣ изъ столицы.

Отъ всей души желаю вамъ семейнаго мира и всякаго благополучія".

28-го ч. писалъ я въ Абакумово священнику М. Д. Граменицкому:

„Теперь уже безопасно могу открыть вамъ тайну относительно моего назначенія, хотя отчасти она вамъ можетъ быть уже извѣстна. По волѣ высокопр. митрополита, мнѣ предстоитъ должность Синодальнаго ризничаго. Можетъ представиться, какъ и дѣйствительно многимъ представлялось съ перваго взгляда, что эта должность не соотвѣтствуетъ моему академическому воспитанію. Но на повѣрку оказывается, что эта должность не только не унизительна для кончившаго лишь курсъ воспитанника академіи, но еще слишкомъ высока. Всѣ, кои имѣютъ о ней надлежащее понятіе, почитаютъ меня большимъ счастливцемъ. Были опыты, что на эту должность поступали изъ инспекторовъ семинаріи: такъ выгодна и почетна эта должность. О выгодахъ предстоящей мнѣ должности опредѣленныхъ свѣдѣній еще не имѣю, слышалъ только, что одного жалованья будетъ около трехъ тысячъ (ассигнац.). Что-же касается до ея значительности: то извѣстно, что званіе Синодальнаго ризничаго выше игуменства и обыкновеннаго протоіерейства. Въ церковныхъ церемоніяхъ ризничій, какъ сказывали мнѣ, занимаетъ послѣ архимандритовъ и протопресвитера Успенскаго собора первое мѣсто. Обязанность синодальнаго ризничаго прежде всего состоитъ въ храненіи древней Патріаршей ризницы, въ которой заключаются безцѣнныя сокровища и множество священныхъ предметовъ,—

1850 г. и извѣстной Синодальной библіотеки, состоящей изъ древнихъ славянскихъ и греческихъ рукописей. Далѣе, въ завѣдываніи ризничаго состоитъ церковь дванадесяти Апостоловъ, гдѣ онъ настоятелемъ. Отъ него, наконецъ, зависитъ въ нравственно-учебномъ отношеніи хоръ синодальныхъ пѣвчихъ. Жительство имѣетъ въ самой синодальной палатѣ—подлѣ Успенскаго собора.

Вотъ уже болѣе двухъ недѣль я живу въ Москвѣ: но до сихъ поръ нѣтъ еще утвержденія изъ Св. Синода на представленіе высокопр. митрополита въ разсужденіи меня. Впрочемъ, владыка увѣрилъ меня, что оно скоро должно быть. Безъ дѣла я началъ уже было скучать въ Москвѣ: но преосв. митрополитъ, спасибо, избавилъ меня отъ этой скуки,—далъ мнѣ перевесть съ латинскаго письмо одного англійскаго богослова. Это дѣло займетъ меня по крайней мѣрѣ дней пять; а между тѣмъ придетъ изъ Синода разрѣшеніе: вотъ и прекрасно. .

Я писалъ къ вамъ, что во время вакаціи отправлюсь путешествовать. И дѣйствительно, совершилъ порядочное путешествіе; объѣхалъ почти всю Владимірскую епархію; видѣлся со всѣми родными и знакомыми, исключая васъ. Былъ въ родномъ Муромѣ. Тамъ приняли и проводили меня такъ, какъ я не могъ и вообразить. Оттуда чрезъ вашу родину проѣхалъ въ Вязники къ Василію Павл. Богородскому. Онъ живетъ довольно свѣтло: но не хвалится большимъ избыткомъ. Затѣмъ, объѣхавши всѣхъ родныхъ своихъ, на обратномъ пути въ лавру, былъ я въ Ростовѣ у о. Поликарпа. Онъ принялъ меня по родному. Отсюда по пути былъ въ Переславлѣ. Видите, какой кругъ описалъ я въ теченіи пяти недѣль. Судя по радушію, съ какимъ вездѣ принимали меня, мнѣ слѣдовало бы проѣздить по крайней мѣрѣ два мѣсяца. Я такъ и думалъ было сдѣлать: но раннее назначеніе меня на должность разстроило мой планъ. А между тѣмъ оказалось, что я спѣшилъ напрасно. Вмѣсто того, чтобы скучать отъ праздности въ Москвѣ, гораздо лучше было бы это время провести среди родныхъ и старинныхъ знакомыхъ. Впрочемъ, и здѣсь завелось у меня довольно уже знакомыхъ, коихъ изрѣдка я и посѣщаю...

Временное помѣщеніе я имѣю теперь въ Заиконоспас-

скомъ монастырѣ. Столомъ пользуюсь также монастырскимъ; 1850 г
даже и освѣщеніе готовое; спасибо о. ректору!

Вотъ и все, что на первый разъ я могу сообщить вамъ изъ столицы. Прощайте. Увѣренъ, что вы не только по прежнему будете навѣщать меня своими письмами, но когда-нибудь посѣтите мою келью своею персональностію.

Остаюсь съ искреннею любовію и преданностію къ вамъ", и проч.

Наконецъ полученъ былъ указъ Св. Синода объ утвержденіи меня въ должности Синодальнаго ризничаго. Объ этомъ прежде всѣхъ извѣстилъ меня о. ректоръ Виѳанской семинаріи и вмѣстѣ настоятель Московскаго Златоустова монастыря, архимандритъ Леонидъ, находившійся въ это время въ Москвѣ. 30-го ч., въ день тезоименитства Государя Наслѣдника, Александра Николаевича, онъ служилъ съ преосв. митрополитомъ въ Успенскомъ соборѣ и послѣ молебна былъ, вмѣстѣ съ другими, на закускѣ у владыки въ его Чудовскихъ покояхъ. Здѣсь онъ слышалъ разговоръ прокурора Синодальной конторы съ владыкою о полученіи Синодальнаго указа и возвратившись въ свой монастырь, тотчасъ же написалъ мнѣ:

„Возлюбленнѣйшій отецъ Савва!

Только что узналъ я объ окончаніи вашего дѣла, какъ и спѣшу поздравить васъ. При мнѣ, въ Чудовѣ, прокуроръ докладывалъ его высокопреосвященству, что утвержденіе васъ въ новой должности получено, и владыка тутъ же поручилъ быть посредникомъ при присягѣ отцу протопресвитеру. Дай Богъ, чтобы вамъ полюбилась должность и вы ей полюбились. До свиданія. А. Леонидъ".

Съ этой краткой записки начались и, въ продолженіи 26-ти лѣтъ, непрерывно продолжались наши взаимныя письменныя сношенія съ о. Леонидомъ.

Изложу здѣсь въ короткихъ словахъ нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія объ этой замѣчательной личности.

О. Леонидъ, въ мірѣ Левъ Васильевичъ Краснопѣвковъ, родился 16-го февраля 1817 г. въ Петербургѣ. Отецъ его Василій Васильевичъ Краснопѣвковъ занималъ должность товарища герольдмейстера. Послѣ первоначальнаго образованія сначала въ англійскомъ, потомъ французскомъ пансіонѣ, Краснопѣвковъ въ августѣ 1829 г. поступилъ въ

1850 г. Горный кадетскій корпусъ (нынѣ Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ). Въ 1832 году онъ оставилъ Горный корпусъ и послѣ домашняго приготовленія поступилъ въ Балтійскій флотъ. Въ 1836 г. познакомился съ настоятелемъ Сергіевской пустыни близъ С.-Петербурга, архим. Игнатіемъ Брянчаниновымъ и вскорѣ затѣмъ съ знаменитымъ Алтайскимъ миссіонеромъ архимандритомъ Макаріемъ: тѣ утвердили въ немъ расположеніе къ монашеской жизни, которое онъ питалъ съ юныхъ лѣтъ. Въ мартѣ 1837 г. Л. В. Краснопѣвковъ, флотскій уже офицеръ, представился на Троицкомъ Петербургскомъ подворьѣ Московскому митрополиту Филарету, присутствовавшему тогда въ Св. Синодѣ и просилъ у мудраго святителя совѣтовъ и наставленій относительно вступленія въ духовную академію,—о чемъ первоначальную мысль получилъ онъ отъ архим. Макарія. Съ благословенія владыки Филарета, Краснопѣвковъ поступилъ въ 1838 г. въ число студентовъ С.-Петербургской дух. академіи. Въ 1839 г., по смерти родителя, онъ рѣшился перейти, для продолженія ученія, въ Московскую дух. академію, гдѣ въ 1842 г. и окончилъ курсъ со степенью магистра. Въ томъ же году назначенъ былъ въ Виѳанскую семинарію преподавателемъ гражданской исторіи. Въ сентябрѣ 1845 г. онъ принялъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ монашество съ именемъ: Леонидъ.

Вступивши въ сентябрѣ 1846 г. въ академію, я тогда же въ первый разъ встрѣтился съ о. Леонидомъ въ квартирѣ Виѳанскаго наставника Я. И. Владыкина. Затѣмъ я долго не видѣлъ его. Въ апрѣлѣ 1848 г. іеромонахъ Леонидъ переведенъ былъ въ нашу академію на должность баккалавра по классу Патристики. Теперь я сталъ не рѣдко встрѣчаться съ нимъ по праздникамъ въ церкви, при богослуженіяхъ, а съ переходомъ на старшій курсъ сдѣлался слушателемъ его лекцій. Кромѣ кельи, куда я, по своей обязанности, приходилъ къ нему наканунѣ каждаго праздника и воскреснаго дня для приглашенія къ участію въ богослуженіи, и церкви, я не рѣдко видѣлся съ о. Леонидомъ въ академической библіотекѣ, куда онъ по своей обязанности помощника библіотекаря ходилъ почти ежедневно, для выдачи книгъ студентамъ и куда я также не рѣдко приходилъ за полученіемъ нужныхъ для меня

книгъ. Въ концѣ 1849 г. о. Леонидъ опредѣленъ былъ 1850 г.
ректоромъ въ Виѳанскую семинарію съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ назначеніемъ въ настоятеля Московскаго Златоустова монастыря. Пока я оставался еще въ академіи, я раза два или три посѣщалъ о. Леонида въ Виѳаніи, и онъ каждый разъ принималъ меня очень благосклонно, а когда я, по окончаніи курса, пріѣхалъ въ Москву на должность Синодальнаго ризничаго, онъ встрѣтилъ меня какъ роднаго,—о чемъ ясно свидѣтельствуетъ вышеизложенная его ко мнѣ записка. Я душевно былъ радъ, что Господь послалъ мнѣ такого добраго и любезнаго знакомца, въ которомъ я потомъ нашелъ искренняго друга [1]).

31-го августа мнѣ велѣно было къ 9-ти часамъ утра явиться на Троицкое подворье. Пріѣзжаю. Меня ввели въ залу. Владыка отправлялся въ Даниловъ монастырь на служеніе. Выходя изъ внутреннихъ покоевъ, онъ держалъ большой запечатанный пакетъ. Отдавая мнѣ его, онъ сказалъ: „иди теперь же въ Синодальную контору и пакетъ отдай прокурору, а онъ распорядится приведеніемъ тебя къ присягѣ на службу“. Являюсь въ контору и отдаю пакетъ прокурору Алексѣю Александровичу Лопухину. Тутъ же былъ и протопресвитеръ Успенскаго собора Василій Ивановичъ Заболотскій-Платоновъ, членъ Синодальной конторы. Онъ и привелъ меня въ присутствіи конторы къ присягѣ.

Съ 1-го сентября я вступилъ въ новую, необычайную для меня должность и приступилъ къ принятію по описи и каталогу отъ прежняго ризничаго, теперь уже Серпуховскаго архим. Евстаѳія, древнихъ ризничныхъ вещей и рукописей Синодальной библіотеки. Сдача и пріемъ продолжались болѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ я продолжалъ жить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и между дѣломъ занимался перепискою съ родными и друзьями.

Въ день моего вступленія въ должность ризничаго пи-

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о личности о. Леонида и о нашихъ взаимныхъ съ нимъ отношеніяхъ изложены въ моей книгѣ: *Воспоминанія о высокопр. Леонидѣ, архіеп. Ярославскомъ и Ростовскомъ.* Харьковъ, 1877 г.

1850 г. салъ мнѣ изъ академіи товарищъ и другъ мой, юный іеромонахъ Игнатій (Рождественскій):

„За письма благодарю васъ усердно. Какъ я радъ, что Богъ приводитъ мнѣ жить съ вами въ одномъ городѣ, какъ прежде въ академіи жили мы вмѣстѣ въ одной комнатѣ! Пріятно намъ будетъ часто бывать другъ у друга, а мнѣ неопытному и полезно будетъ по временамъ пользоваться вашими опытными совѣтами. Дѣйствительно, меня назначаютъ на инспекторское мѣсто въ Московскую семинарію. Назначеніе сдѣлано еще 22-го числа, и 23-го мнѣ сказалъ о. ректоръ. 25-го ч. хотѣли было посылать на утвержденіе въ Св. Синодъ; но когда оказалось, что разсужденія, писанныя по предмету Никиты Петровича[1]), находятся въ Москвѣ вмѣстѣ и съ самимъ Никитою Петровичемъ: то отправили къ Никитѣ Петровичу письмо, чтобы онъ въ скорѣйшемъ времени пріѣзжалъ въ академію и вмѣстѣ съ сочиненіями. Онъ пріѣхалъ 27-го числа, но разсужденіе Василія Ѳедоровича[2]) не было прочитано; потому что авторъ былъ въ лаврѣ, а рецензентъ въ Москвѣ. Кромѣ того было послано отъ о. ректора ко владыкѣ письмо касательно здѣшнихъ баккалаврскихъ мѣстъ; Василія Ивановича[3]) хотѣли назначить на математику, но ему очень не хотѣлось; потому что пришлось бы ѣхать въ Петербургскую академію. Духовно-учебное управленіе по всей вѣроятности переведетъ на мѣсто Платона Ивановича[4]) —изъ Петербургской академіи Баккалавра г. Сергіевскаго[5]), а назначеннаго въ здѣшней конференціи на математику препроводитъ въ Петербургъ. Для разрѣшенія сихъ недоумѣній о. ректоръ рѣшился писать нарочно ко владыкѣ. Все это значительно задержало какъ отправленіе назначенія въ Петербургъ, такъ и обнародованіе его чрезъ правленіе. Это послужило причиною къ тому, что я до сихъ поръ еще не писалъ къ вамъ.

---

[1]) Гилярова—Платонова.

[2]) Взорова.

[3]) Лебедева, скончавшагося въ 1863 г. въ санѣ Московскаго священника.

[4]) Капустина, въ 1850 году выбывшаго изъ академіи на служеніе въ Епархіальномъ вѣдомствѣ.

[5]) Николая Александровича, впослѣдствіи протопресвитера Московскаго Успенскаго собора, скончавшагося въ 1892 году.

О. Ѳеодоръ [1]) посылаетъ вамъ свое усердное почтеніе. 1850 г.
Мы оба теперь чувствуемъ нужду въ васъ, потому что онъ путается въ ризахъ, а я путаюсь въ выборѣ облаченій, подходящихъ подъ его ростъ. Эти строки велѣлъ мнѣ написать о. Ѳеодоръ. На мнѣ теперь лежитъ ваша должность —но признаюсь, я еще не совсѣмъ привыкъ къ ней. И не только о. Ѳеодоръ, но и вообще академія посылаетъ вамъ поклонъ.

Думалъ я, что по крайней мѣрѣ въ нынѣшнюю почту —1-го сентября сдадутъ въ правленіе назначеніе и пошлютъ въ Св. Синодъ, но оно отложено до слѣдующей почты. Поэтому я еще нынѣ не могу удовлетворить вашему желанію; и объ назначеніи постараюсь извѣстить въ свое время. Сюда хотѣли вызвать на баккалаврское мѣсто г. Сперанскаго [2]); но ему не хочется уѣзжать изъ Москвы.

А я живу теперь пока одинъ въ ожиданіи о. Порфирія [3]). —Желаю вамъ скорѣйшаго вступленія въ должность."

3-го сентября писалъ мнѣ изъ Владиміра товарищъ и и совоспитанникъ мой по Владимірской бурсѣ, іеромонахъ архіерейскаго дома Иларіонъ (въ мірѣ Ив. Никан. Сиротинскій):

„Возлюбленнѣйшій собратъ, высокопреподобный о. Савва! Есть и будетъ!

Вчерашній день (2-го сент.) по полученіи отъ почталіона письма, я, всматриваясь въ почеркъ, не распечатывая узналъ, что это отъ незабвеннаго моего Саввы. И въ самомъ дѣлѣ не обманулся. Распечатываю. Слѣжу строки бѣгомъ и чувствую что-то возмущающее.

Радъ,—очень радъ служить вамъ, но только не знаю, какъ мнѣ Господь поможетъ. Охотники, быть можетъ, найдутся, но съ моей стороны затруднительность есть та, чтобъ впослѣдствіи, вмѣсто дружбы, не возникла среди насъ и вражда. Отчего такъ? Причина естественная.

Нынѣ, кого-либо я рекомендую съ хорошей стороны, чего разумѣется, онъ и стоитъ, а завтра, онъ же, но не тотъ же. Мало ли преткновеній?—а преимущественно, какъ

---

[1]) Бухаревъ.

[2]) Василія Михайловича, перваго магистра XVI курса (1848 года), скончавшагося въ 1878 году въ санѣ Московскаго протоіерея.

[3]) Попова.

1850 г. попадешь изъ грязи въ столицу, то—тогда вы и скажете: —„ну, отрекомендовалъ же.“

Между прочимъ, я для васъ готовъ стараться до послѣдней капли крови.

Да смѣю открыть свои мысли (вслѣдствіе перваго возмущающаго моего помысла: жизнь хорошая, доходы обширные). Вы, полагая на меня трудъ отыскать вамъ сослуживца, вы не предполагаете-ли, что и самъ я не вздумаю ли? Отъ чего не такъ. Очень успокоительно—быть при истинно любящемъ!

Но исповѣдаюсь, какъ отцу и другу, я, исполняя дружбу, неотъемлемо долженъ нарушить свою клятву предъ Богомъ. Гдѣ тогда будетъ обѣтъ монашества, когда я самъ себѣ ищу жизни лучшей? Твори волю Свою, Господи! Я долженъ жить въ семъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, когда скажутъ: „ступай, ты здѣсь не нуженъ,“ и тогда долженъ повиноваться и идти, куда назначутъ. Вотъ чувства мои,—но не мои!

О васъ же молю Господа, Онъ единый нашъ Упокоитель да обновитъ силы ваши и да оградитъ сердце ваше отъ всѣхъ сокровищъ. Прошу, не отриньте и моей просьбы. Помолитесь и обо мнѣ темномъ и да не речетъ врагъ: укрѣпихся на него.

Признаюсь, мнѣ отъ души желательно имѣть съ вами переписъ.“

О. Иларіонъ не бойкихъ дарованій и не высокаго образованія (онъ окончилъ курсъ семинаріи во второмъ разрядѣ), но добрыхъ нравственныхъ качествъ и изъ него вышелъ, какъ увидимъ далѣе, примѣрный монахъ.

12-го чис. я командированъ былъ конторою Св. Синода въ Московскую складочную таможню, для нахожденія при досмотрѣ привезенныхъ изъ Іерусалима для князя Хилкова перламутровыхъ и гипсовыхъ образовъ и для опредѣленія по правиламъ цензуры, могутъ ли сіи предметы быть пропущены безпрепятственно. Такъ какъ эти предметы привезены были изъ за границы для домашняго употребленія, а не продажи, то я, по наставленію митрополита, долженъ былъ посмотрѣть на нихъ не слишкомъ строго. Посему образа, на основаніи моего снисходительнаго отзыва, выданы были князю безъ замедленія.

15-го ч. вторично писалъ мнѣ изъ академіи о. Игнатій:

„Поздравляю васъ съ прекрасною должностію, и если 1850 г.
до сихъ поръ не поздравлялъ, то думаю, по братской любви, извините меня тѣмъ обстоятельствомъ, что я поджидалъ назначенія, чтобы исполнить вашу просьбу. Назначеніе только еще нынѣшній день посылаютъ въ Св. Синодъ. Да кстати—позвольте васъ поздравить и съ наступающимъ днемъ вашего ангела; можетъ быть и не удастся мнѣ написать къ вамъ къ 1-му числу октября—опять въ надеждѣ, что братская любовь будетъ снисходительна къ такой безцеремонности, и тѣмъ болѣе, что мѣсяца черезъ три, Богъ дастъ,—возможность частаго свиданія и частыхъ бесѣдъ вознаградитъ всѣ недостатки по письменной части.

Какъ я радъ, что къ такимъ искреннимъ поздравленіямъ могу я присоединить такую радостную вѣсть, что всѣ три инока, имѣющіе одного воспріемнаго отца, жившіе въ одной келліи,—всѣ остаются въ одной и той же епархіи. Отца Порфирія назачаютъ въ Виѳанскую семинарію на словесность на мѣсто Кедрскаго, который переводится на этотъ же предметъ въ Московскую семинарію; и меня также на словесность назначаютъ. Чтобы о. Порфирій и Св. Синодомъ былъ назначенъ на это мѣсто,—о. ректоръ думаетъ писать особенное письмо къ Карасевскому [1]). Да и въ самомъ назначеніи прибавлено, что онъ нуженъ въ послѣдствіи для занятія высшей должности,—для которой требуется лице монашествующее. Его готовятъ на мѣсто Виѳанскаго инспектора; о. Наѳанаилъ, вѣроятно, не долго будетъ на этомъ мѣстѣ.

Быстрицкій—помощникомъ ректора во Владимірѣ. Я. Беневоленскій—на Библейскую исторію въ Вологду (онъ и теперь еще здѣсь живетъ на кондиціи). Взоровъ—ректоромъ Харьковскихъ училищъ. Тамошній преосв. Филаретъ [2]) просилъ здѣшнюю академію дать на это мѣсто человѣка благонадежнаго. Сначала думали назначить о. Порфирія, потомъ Евдокимова [3]),но о. ректоръ воспротивился сильно

[1]) Александру Ивановичу, директору Духовно-учебнаго Управленія при Св. Синодѣ, скончавшемуся въ 1856 году въ званіи исправляющаго должность Оберъ-Прокурора Св. Синода.

[2]) Гумилевскій, не задолго предъ тѣмъ былъ переведенъ изъ Риги въ Харьковъ.

[3]) Ѳерапонта, въ монашествѣ Ѳеодотія, о которомъ см. выше, въ „Хроникѣ“ за 1847 годъ.

1850 г. предложенію касательно Евдокимова, опасаясь, чтобы его тамъ не постригли въ монашество. Во время вакаціи онъ здѣсь очень придерживался прежнихъ своихъ обычаевъ, такъ что его нѣсколько разъ просили уѣхать изъ академіи. Такимъ родомъ вмѣсто Евдокимова о. ректоръ предложилъ Взорова.

Въ академію баккалаврами назначаются: Смирновъ[1])—на Библейскую исторію; Лебедевъ[2])—на логику; Сергіевскій[3]) баккалавръ Петербургской академіи,—нашъ товарищъ по семинаріи, переводится сюда на мѣсто Платона Иваныча[4]).

Смотрителемъ Ярославскихъ духовн. училищъ—Воздвиженскій,—а Барскій—прежній смотритель—переводится въ Ярославскую семинарію. Во Владиміръ—на философію—Терновскій. Въ Калугу на гражданскую исторію—Холминскій. Въ Кострому на словесность—Виноградовъ, а на математику—Любославскій[5]). Въ Вологду на словесность—А. Поповъ[6]).

О. Порфирій пріѣхалъ 7-го числа, поздравляетъ васъ и посылаетъ вамъ поклонъ. Намъ о. ректоръ поручилъ заниматься греческимъ переводомъ одной съ большимъ трудомъ разбираемой рукописи о монашескихъ уставахъ Аѳонской горы. Рукопись привезена Муравьевымъ и въ академію прислана отъ владыки. О. Ѳеодоръ и прочіе вамъ кланяются.

Прошу вашихъ молитвъ о мнѣ грѣшномъ и преданномъ вамъ отъ всего сердца іеромонахѣ Игнатіѣ.

P. S. О. ректоръ говорилъ какъ-то о вашей прекрасной должности со мною и въ письмѣ къ вамъ велѣлъ писать: высшему всѣхъ игуменовъ—Синодальному ризничему.

Слышали ли вы, что г. Вишняковъ вступаетъ въ бракъ съ дочерью Срѣтенскаго протоіерея отъ Спаса на Срѣтенкѣ?“

16-го ч. вечеромъ получилъ я отъ Виѳанскаго ректора

---

[1]) Григорій Петровичъ, скончавшійся 16 февр. 1898 г. въ санѣ Московскаго протоіерея.

[2]) Вас. Ив., выше упомянутый.

[3]) Н. А., также упомянутый выше.

[4]) Капустина.

[5]) Все это магистры XVII курса (вып. 1850 года).

[6]) Въ монашествѣ Павелъ, впослѣдствіи епископъ Тотемскій, викарій Вологодской епархіи, скончавшійся 4 ноября 1874 года.

о. архим. Леонида, пріѣхавшаго по монастырскимъ дѣламъ 1850 г.
въ Москву, записку слѣдующаго содержанія:

„Пріѣзжій изъ Виѳаніи честь имѣетъ извѣстить высокопреподобнѣйшаго отца Синодальнаго ризничаго, что онъ (пріѣзжій) останется сегодня дома безвыходно, не говоря, разумѣется, о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ."

17-го ч. получилъ я письмо отъ Абакумовскаго друга о. Михаила Граменицкаго. Онъ писалъ отъ 9—16 числа:

„Прошедшаго августа 30-го дня, къ несказанному моему удовольствію, получилъ я отъ Липнинскаго крестьянина дражайшее письмо ваше. Искренно благодарю васъ за память вашу и расположеніе. Наконецъ и ваша участь устроилась. Радуюсь, что Господь приводитъ васъ первый шагъ служенія общественнаго послѣ трудовъ учебныхъ сдѣлать на видномъ и славномъ мѣстѣ.

Дай Богъ начать вамъ свое служеніе благополучно и продолжать съ успѣхомъ во славу Божію и пользу общественную. Осмѣливаюсь льстить себя надеждою, что при вашемъ руководствѣ, при случаѣ удастся мнѣ увидѣть такія вещи, которыхъ видѣть безъ случая, конечно, я бы не сподобился во всю жизнь. Пора вамъ, любезнѣйшій, послѣ тяжкихъ переворотовъ жизни, — послѣ трудовъ умственныхъ,—пора насладиться спокойствіемъ. Вотъ Провидѣніе Божіе, испытавши ваше терпѣніе, и приводитъ васъ наконецъ къ мирной пристани и отселѣ, при вашей честной жизни и внимательности къ возлагаемымъ обязанностямъ, конечно, поведетъ васъ отъ силы въ силу, отъ славы въ славу. Изволили писать, что осчастливили своимъ посѣщеніемъ въ вакаціальное время всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. На этотъ разъ я всѣхъ несчастнѣе. Вѣрно, погостъ нашъ слишкомъ вамъ наскучилъ? Вѣрно, что-нибудь имѣете въ вашихъ мысляхъ объ насъ непріятное?—Это дѣло ваше: но мы всѣ желали-бы васъ видѣть какъ ближайшаго роднаго,—насладиться вашею бесѣдою, —какъ умнѣйшаго и добродѣтельнаго человѣка. Теперь Богъ знаетъ, будетъ-ли вамъ время и случай удостоить насъ посѣщенія.... Думаю, что въ Муромѣ было очень чувствительно и для вашего сердца.... А какъ, чай, отрадно было посмотрѣть на васъ роднымъ вашимъ?! Конечно, при такихъ обстоятельствахъ много различныхъ чувствъ и мыслей можетъ взойти въ голову.

1850 г. Новый архипастырь наши предѣлы еще не посѣщалъ; говорятъ, что достается отъ него нашему брату: но гдѣ гроза, тутъ и милость. Не пожалуетъ-ли къ намъ по осени? О, еслибы Господь сподобилъ принять и отправить его по хорошему"!

На письмо это отвѣчалъ я 26-го числа, и вотъ что, между прочимъ, писалъ своему другу:

„Въ должность введенъ я 4-го сентября: но до сихъ поръ не переселился еще въ свою квартиру, и не переселюсь, кажется, до тѣхъ поръ, пока предмѣстникъ не передастъ мнѣ всего, подлежащаго моему завѣдыванію; а эта сдача продолжится еще мѣсяцъ, если не болѣе. Такъ много возлагается на мои слабыя рамена! Въ ризницѣ, до которой теперь доходитъ у насъ очередь, заключается не на одинъ милліонъ рублей. Сердце замираетъ при взглядѣ на сокровища, которыя мнѣ нужно будетъ хранить. Здѣсь же хранится св. муро, которое идетъ отсюда чрезъ руки ризничаго во всѣ епархіи, исключая Кіевскую. Стоитъ взглянуть на серебряные котлы, въ коихъ варится, и на сосуды, въ коихъ хранится это св. муро.—Пріѣзжайте скорѣе въ Москву: съ любовію открою вамъ святыню и всѣ сокровища, поступающія теперь въ мое непосредственное завѣдываніе.—Напрасно вы просите меня не забывать, при высокомъ титлѣ, прежняго къ вамъ расположенія. И безъ вашей просьбы я останусь въ отношеніи къ вамъ такимъ-же, какимъ былъ и прежде. Перемѣна внѣшняго положенія не должна измѣнять нашихъ внутреннихъ взаимныхъ отношеній".

Имѣя нужду въ іеромонахѣ для Синодальной 12-ти Апостоловъ церкви, гдѣ я, съ назначеніемъ на должность ризничаго, былъ настоятелемъ, я обращался еще въ августѣ мѣсяцѣ къ помянутому выше товарищу своему по семинаріи, іеромонаху Владимірскаго архіерейскаго дома Иларіону съ просьбою отрекомендовать мнѣ кого-нибудь изъ извѣстныхъ ему іеромонаховъ на означенное мѣсто. Сначала онъ затруднялся исполненіемъ моего порученія,—о чемъ и сообщалъ мнѣ въ письмѣ отъ 3-го сентября, а теперь, 7-го октября, пишетъ:

„Отъ всей души и отъ всего сердца сообщаю вамъ, какъ истинному своему другу—сослуживецъ для васъ находится,

изъ числа нашихъ сослуживцевъ! Былъ нѣкто въ селѣ Линнѣ 1850 г.
о. Еѳимъ, а нынѣ Ефремъ, котораго, вѣроятно, и вы знаете. Онъ, по сдачѣ своего мѣста, 7-мь лѣтъ былъ въ Введенской Островской пустынѣ, а нынѣшнимъ лѣтомъ угодно было нашему преосвященнѣйшему его вызвать въ свой домъ—къ намъ въ сослуживца.

Качества его я вполнѣ не могу и описать. Человѣкъ и маститый старецъ съ достоинствами души!

Года-же его, хотя и не малые, но крѣпость силъ имѣетъ. Дай Богъ такую легкость хоть и молодому, расторопенъ.

Преподобнѣйшій отецъ! Если угодно,—не опускайте сего почтеннаго старца. Онъ, къ достоинству его, изъ кончившихъ курсъ и лѣтъ 20 былъ благочиннымъ,—и при семъ, если вы рѣшаетесь на принятіе, о чемъ намъ и сообщите и научите, какъ нужно въ семъ дѣлѣ поступить“!

Когда я доложилъ объ этомъ преосв. митрополиту, владыка, узнавши, что рекомендуемый мнѣ іеромонахъ принадлежитъ къ числу братства архіерейскаго дома, не совѣтовалъ мнѣ принимать его, чтобы не огорчить преосвященнаго Владимірскаго.—Въ этомъ смыслѣ я и отвѣчалъ 25-го ноября о. Иларіону на его письмо.

10-го октября получено было мною письмо изъ Мурома отъ родныхъ Царевскихъ. Вотъ что они писали мнѣ отъ 7-го числа:

„Съ чего начнемъ писать вамъ? Изъявлять-ли сперва радость свою, что Богъ устроилъ судьбу вашу такъ хорошо? Благодарить ли васъ за то, что вы такъ скоро, такъ неожиданно, при первомъ своемъ письмѣ съ новаго своего мѣста оказали уже намъ благодѣяніе!

Благодаримъ, благодаримъ Господа за то, что Онъ поставилъ васъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ вы успѣли уже доказать свое доброе сердце новымъ благодѣяніемъ. Да ниспослетъ вамъ Господь силы къ прохожденію новой должности,—да продлитъ жизнь вашу,—и мы увидимъ, что Отецъ небесный не до конца прогнѣвался на насъ!

Примите хотя позднее поздравленіе съ днемъ вашего ангела. Опоздать письмомъ—наше дѣло; но будьте увѣрены, что въ самый день вашего тезоименитства, мы не пропустили молить Бога о ниспосланіи вамъ благъ,—и ангела вашего о сохраненіи васъ. Прощайте!“

1850 г. 17-го ч. получилъ я письмо отъ своего новаго друга, Гр. П. Быстрицкаго. Онъ писалъ съ своей родины, изъ погоста Быстрицъ, Гороховскаго уѣзда:

„Любезнѣйшій и глубокоуважаемый другъ,
отецъ Савва!

Письмо ваше получилъ. Съ нетерпѣніемъ я ждалъ. Мнѣ хотѣлось узнать о назначеніи академическомъ, а главное о васъ самихъ, — порѣшилось-ли ваше тогда не рѣшенное дѣло. И вотъ наконецъ я узналъ. Привѣтствую васъ съ новымъ званіемъ, съ новою должностію. Радуюсь, что начало вашей новой жизни хорошо, и вы начали ее съ спокойнымъ, пріятнымъ, веселымъ расположеніемъ духа (это видѣлъ я изъ тона письма). Счастливое предзнаменованіе для будущаго! Моя участь доколѣ еще не рѣшена; а думаю, уже скоро рѣшится. Наконецъ, я свыкаюсь съ мыслію о моемъ служеніи во Владимірѣ. Мечта и планы, которые долго строились въ воображеніи, видно не увидятъ дѣйствительности. Теперь же это предчувствую. Но это предчувствіе уже переношу спокойно; пусть будетъ, что будетъ. Что будетъ, то дается отъ руки Провидѣнія. Долгъ мудраго и въ немногомъ находить многое, чтобы быть счастливымъ и благодарить Промыслъ.

Вотъ ужъ октябрь, я думаю,—уже менѣе мѣсяца до поступленія на должность. Пора-бы ужъ. Впрочемъ не думайте, что теперь я очень скучаю. Нѣтъ, я чувствую себя хорошо; ни одной тяжелой думы, ни одной заботы, никакой работы для ума, на душѣ покойно, а подъ часъ и вевело. Живу дома, почти никуда не выѣзжалъ, только недѣлю проѣздилъ на праздникъ въ Дунилово; недѣли полторы еще училъ дѣтей помѣщика Шаблыкина, которые теперь въ Москвѣ. Эти полторы недѣли показались мнѣ цѣлымъ мѣсяцомъ; дома жить гораздо лучше. Вотъ какъ я провожу время: встану поутру не очень рано, и не поздно, что-нибудь почитаю, потомъ иду прогуляться по горѣ, или въ поле, потомъ завтракъ, или лучше обѣдъ. Послѣ обѣда или дѣлаю что-нибудь въ домѣ, или такъ сижу, и курю сигару; да,—я нынѣ курю сигары;—новое пріобрѣтеніе! что-нибудь читаю, прогуливаюсь, мечтаю, впрочемъ, не думайте дурно о моихъ мечтахъ; въ моемъ селѣ, которое походитъ на пустыню, гдѣ только и видишься съ природой,

худыя мечты рѣдко идутъ въ голову. Надобно сказать, что 1850 г.
все время проходитъ для меня даромъ, и вотъ почему я желаю скорѣе на должность. Отъ нечего дѣлать занимаюсь лингвистикой, особенно греческимъ языкомъ: перевелъ нѣсколько словъ изъ св. отцевъ, теперь занимаюсь Одиссеей Гомера. Положилъ себѣ непремѣнно въ продолженіи двухъ лѣтъ изучить греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій и еврейскій языки до того, чтобы свободно изъясняться на нихъ. Такъ и думаю, что вы будете смѣяться, прочитавши эти строки, и скажете: эхъ, братъ, не мечтай! Но это не мечта. Я буду изучать ихъ по новой методѣ. Впрочемъ, я много сказалъ: свободно изъясняться; по крайней мѣрѣ не буду-ли въ состояніи писать на всѣхъ этихъ языкахъ, какъ пишу на родномъ. Знакомясь съ Гомеромъ на его діалектѣ, заглядываю по временамъ въ нѣмецкихъ поэтовъ, (потому что у меня есть большое собраніе мелкихъ нѣмецкихъ стихотвореній). Но все это болѣе механическія занятія; мысль остается почти безъ дѣйствія; душа не приходитъ въ живое, одушевленное движеніе. И чувствую вредъ отъ этого. За серьезное дѣло я, кажется, теперь не въ состояніи приняться; мысль стала тяжела, неповоротлива, даже языкъ какъ-то вялъ, неспособенъ для живой рѣчи, какъ это и вы видите изъ письма. Сначала было я дѣятельно принялся за проповѣданіе; всего, кажется, произнесъ поученій пять; но потомъ это благое дѣло разстроилось отъ независящихъ отъ меня обстоятельствъ, впрочемъ, я и не рѣшился возобновить его, потому что оно не совсѣмъ здорово для моего желудка.

Знаете-ли что: не успѣлъ я поосмотрѣться хорошенько, послѣ академич. трудовъ, и меня уже сватаютъ на мѣсто, предлагаютъ невѣсту. Священническое мѣсто, которое мнѣ рекомендуютъ, дѣйствительно выгодно, стоитъ многихъ Московскихъ мѣстъ; священникъ лично говорилъ со мною; какъ видно изъ разговора, ему сильно хочется имѣть меня своимъ зятемъ, онъ убѣждалъ меня, съ жаромъ изображалъ всѣ выгоды и все счастіе, въ которомъ я заживу на его мѣстѣ. Этотъ священникъ—отецъ Яковъ Чернышевъ; это мѣсто—Вязниковскій соборъ. Но невыгоды, которыя должны рѣшить дѣло не въ пользу нарекающаго себя въ моего тестя, также значительны: 1) надобно жениться послѣ новаго года, таково

1850 г. условіе; 2) невѣстѣ, какъ самъ уже священникъ говоритъ, 20 лѣтъ: 3) она не красавица, хоть я ее и не видалъ. Прошу васъ, впрочемъ, молчать объ этомъ и никому не писать.

Отъ души преданный вамъ другъ Григорій Быстрицкій.

Мои родители свидѣтельствуютъ вамъ преглубокое почтеніе и отъ души желаютъ добраго здравія и счастія. Тятинькѣ очень понравилось ваше письмо. „Смотри, говоритъ онъ, Григорій, и ты постарайся написать къ о. Саввѣ какъ можно получше. Но я говорю: вѣдь о. Савва живетъ въ столицѣ,—въ Москвѣ, а я въ деревнѣ; изъ деревни по неволѣ будешь говорить по деревенски. Такъ и случилось.

Если буду служить во Владимірѣ, на святки полечу въ Москву,—въ кремль,—и къ вашей милости. Аминь“.

19 ч. писалъ мнѣ изъ Абакумова о. Михаилъ Граменицкій:

„Въ первыхъ числахъ настоящаго октября имѣлъ я счастіе получить пріятнѣйшее письмо ваше. Отъ искренности сердца радуюсь счастливому начатку вашего общественнаго служенія, подъ бдительнымъ руководствомъ мудраго архипастыря;— дай Богъ вамъ навсегда пользоваться расположеніемъ такого опытнаго пѣстуна. Можно надѣяться, что ваше усердное и вѣрное служеніе не ослабитъ его къ вамъ внимательности. Для вашего братства нуженъ іеромонахъ: есть у меня двоюродный дядя, служащій теперь въ домѣ нашего владыки казначеемъ, — онъ іеродіаконъ Макарій, жизни честной, вина и сикера не употребляетъ, — по вашему письму я и писалъ ему, не будетъ-ли его желанія быть Синодальнымъ іеромонахомъ: но вотъ уже почти три недѣли извѣстія отъ него никакого нѣтъ; вѣрно ему не хочется разстаться съ дочерьми, изъ коихъ одна за дѣвичьимъ діакономъ Ник. Мих. Доброхотовымъ, а другая вдова приказничиха; — съ дѣтьми. Мой дьячекъ просилъ меня представить для сего его брата Борковской пустыни іеродіакона [1]), онъ вышелъ изъ философскаго класса,—хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, жизни, какъ и я знаю, самой скромной и тихой,—онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ;—если угодно вамъ будетъ и если есть возможность ему быть вашимъ іеромонахомъ, то онъ поставитъ это для себя выше всякаго счастія.

Около Покрова ждали мы къ себѣ въ село преосвященнѣйшаго, который обѣщался быть въ городѣ Покровѣ и въ

[1]) Имя его Іоанникій.

Введенской пустыни; трое сутокъ исправникъ дожидался его на станціи, а мой Силычъ три дня смотрѣлъ съ колокольни, — но все тщетно. Преосвященнѣйшій отложилъ свою поѣздку до мая мѣсяца. 1850 г.

Мои домашніе свидѣтельствуютъ вамъ усерднѣйшее почтеніе".

19-го числа получилъ я письмо изъ академіи отъ товарища своего, юнаго инока о. Порфирія:

„Добрѣйшій и любезнѣйшій о. Савва!

Усерднѣйше благодарю васъ за угощеніе. О томъ, что вы доселѣ живете въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, о. ректору я сказалъ, и онъ ничего не замѣтилъ на это. Самъ онъ обѣщается въ монастырь позднѣе 24-го октября: „мнѣ нужно побывать тамъ", сказалъ онъ мнѣ, „когда кончатся уже совсѣмъ работы, а праздникъ проведутъ и безъ меня". Въ академіи новаго ничего, кромѣ того, что явился изъ С.-Петербурга новый баккалавръ [1]) и первой лекціей весьма увлекъ младшихъ студентовъ.

Всеусердно желаю вамъ здравія и всѣхъ возможныхъ благъ, — и прошу васъ не забывать меня въ своихъ молитвахъ".

23-го ч., въ день 59-й годовщины своей жизни, писалъ мнѣ изъ Мурома уѣздный стряпчій А. А. Горицкій:

„Я получилъ почтенное писаніе ваше отъ 20-го сентября. Примите, почтеннѣйшій, глубокую благодарность мою за памятованіе о мнѣ. Не заслуживая вполнѣ такого вниманія, я приписываю это благороднымъ и добрымъ чувствованіямъ вашимъ и тѣмъ болѣе цѣню его и принимаю прямо за искреннее и родственное. Въ самомъ дѣлѣ, мы и по обстоятельствамъ и по отношеніямъ расходимся далеко; но за то старики наши живали близко между собою; я твердо помню это со дней моего младенчества, и вы прямо слѣдуете ихъ завѣту.

Отъ души радовался и радуюсь настоящему теченію вашему и буду молить Господа Бога: да совершаетъ онъ путь вашъ во благое и радованіе всѣхъ любящихъ и знающихъ васъ! Я помню, когда при прощаніи съ вами во храмѣ, коего вы были достойнымъ служителемъ, Григорій Дмитріевичъ Зворыкинъ, замѣтивъ слезы навернувшіяся на

---

[1]) Н. А. Сергіевскій, вышеупомянутый.

1850 г. глазахъ моихъ, спросивъ о причинѣ ихъ и получа удовлетворительный отвѣтъ, вотъ что сказалъ мнѣ: „не плакать, а радоваться мнѣ надлежитъ: онъ будетъ украшеніемъ высшаго духовенства“, — примолвя, что онъ мало видалъ подобныхъ въ духовной іерархіи“. Старикъ изрекъ это отъ простоты души своея; и я счелъ бы себя счастливымъ, еслибы Господь привелъ меня видѣть исполнившимся это искреннее желаніе мое.

Соболѣзнуя, что сверхъ всякаго чаянія моего не удалось мнѣ насладиться бесѣдою вашею, но уповая на неизреченное милосердіе Божіе, я еще не отчаяваюсь видѣть васъ, моего ближняго и искренняго по духу.

Прошу покорнѣйше не взыскивать на рѣдкомъ писаніи моемъ: безпрестанное письмоводство, отвлеченія, старость, а съ нею и недуги ставятъ меня въ крайность въ этомъ случаѣ быть невѣждою противъ многихъ моихъ знакомыхъ; но съ вами мы болѣе нежели знакомые; и я увѣренъ, что вы не будете равнымъ съ ними претендателемъ“.

Наконецъ, въ началѣ ноября я окончилъ пріемъ ризницы и библіотеки и вступилъ во всѣ права своего новаго званія.—А эти права слѣдующія: 1) Синодальный ризничій принадлежитъ къ числу духовныхъ властей и въ церковныхъ процессіяхъ занимаетъ мѣсто выше всѣхъ Россійскихъ игуменовъ; 2) Онъ есть настоятель Синодальной 12-ти Апостоловъ церкви, при которой братство состоитъ изъ 2-хъ іеромонаховъ, іеродіакона и псаломщика, а клиросное пѣніе поочередно исправляютъ Синодальные пѣвчіе; 3) Главная обязанность ризничаго состоитъ въ храненіи древнихъ вещей ризницы и рукописей библіотеки; 4) на Синодальномъ ризничемъ лежатъ обязанность приготовлять св. муро, хранить и раздавать оное въ епархіи, по указнымъ предписаніямъ Синодальной конторы; 5) Синодальный ризничій, совмѣстно съ протопресвитеромъ Успенскаго собора, завѣдывалъ Синодальнымъ пѣвческимъ хоромъ [1]); 6) на Синодальномъ ризничемъ лежала также обязанность завѣдывать, съ помощію одного изъ Синодальныхъ иподіаконовъ, синодаль-

[1]) Впрочемъ эта обязанность, вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность, снята была съ насъ и, по Высочайшему повелѣнію, передана прокурору Синодальной конторы.

ными пѣвческими домами, находящимися между Никольскою 1850 г.
и Ильинскою улицами и отдаваемыми въ арендное содержаніе.

Къ числу обязанностей ризничаго относится и допущеніе любопытствующихъ къ обозрѣнію древностей, хранящихся въ ризницѣ, и ученыхъ къ изученію рукописей библіотеки.

Но мнѣ, сверхъ сего, дѣлаемы были въ разное время разныя порученія какъ отъ ближайшаго начальства, такъ и отъ постороннихъ лицъ.

И прежде всего, возложилъ на меня порученіе, тотчасъ по вступленіи моемъ въ должность, преосвящ. митрополитъ, приказавъ мнѣ заняться описаніемъ болѣе замѣчательныхъ предметовъ Синодальной ризницы и библіотеки. Не имѣя никакой предварительной подготовки къ археологическимъ и палеографическимъ занятіямъ, не безъ затрудненія могъ я приступить къ исполненію этого не маловажнаго порученія. Однакожъ, съ помощію Божіею, я съ успѣхомъ исполнилъ оное, какъ увидимъ далѣе.

Помѣщеніе мое было въ старинномъ Патріаршемъ домѣ, сооруженномъ въ 1655 г. патріархомъ Никономъ. Я занималъ собственно три не большихъ комнаты въ верхнемъ этажѣ, гдѣ у святѣйшаго патріарха была моленная и кабинетъ. Но у меня передняя комната была раздѣлена перегородками на три части.

Я поселился въ своемъ новомъ, историческомъ жилищѣ 13-го ноября, наканунѣ праздника св. апостола Филиппа, имени коего посвященъ не большой придѣлъ въ одной изъ двухъ ризничныхъ палатъ. Совершивши этотъ первый праздникъ на моей новой службѣ, я водворился въ своей квартирѣ и приступилъ къ обычнымъ занятіямъ по своей должности.

Должность моя и для меня казалась довольно не обычною, и для другихъ—странною и несоотвѣтствовавшею моей учебной подготовкѣ. Дѣйствительно, въ прежнее время, когда въ русскомъ обществѣ не была пробуждена любовь къ отечественнымъ древностямъ, Патріаршая ризница была мало кому извѣстна и мало для кого доступна, и потому должность Синодальнаго ризничаго была не очень видною, тѣмъ болѣе, что до 30-хъ годовъ текущаго столѣтія занимали ее люди, не имѣвшіе высшаго духовнаго образованія, а иногда почти и не образованные. Поэтому преосвященный

1850 г. Парсеній—мой рукоположитель и благодѣтель, бывшій нѣкогда членомъ Московской Синодальной конторы и близко знавшій тогдашнее значеніе должности Синодальнаго ризничаго,—когда узналъ о моемъ назначеніи на эту должность, говорятъ, прослезился.

Среди должностныхъ, оффиціальныхъ занятій, не прекращалась у меня и частная корреспонденція съ знакомыми и родными: Такъ —

21-го ноября писалъ я къ роднымъ въ Хотимль:

„Въ послѣдній разъ писалъ я къ вамъ тогда, когда участь моя не была еще окончательно опредѣлена; я былъ тогда только еще въ чаяніи будущихъ благъ. Теперь судьба моя уже устроилась, и, повидимому, очень счастливо. Что ожидаетъ меня впереди, одному Всевѣдущему извѣстно: но теперешнее мое положеніе пока такъ хорошо, что кажется и желать лучшаго на первый разъ нельзя. Все вокругъ меня пока мирно; всѣми почти лицами, съ коими я нахожусь въ соприкосновеніи по службѣ, доволенъ: а миръ и душевное спокойствіе—это было всегда первымъ моимъ желаніемъ. Матеріальныя средства для приличнаго содержанія себя на настоящемъ постѣ очень достаточны. Тысячи три, а можетъ быть, и больше я могу получить въ годъ: чего же лучше? Помѣщеніе имѣю очень достаточное для одинокаго человѣка: кромѣ отдѣльной кухни у меня пять комнатъ. Слава Богу, есть гдѣ принять и помѣстить добрыхъ родныхъ и знакомыхъ, если-бы они когда-нибудь ко мнѣ пожаловали. Одно только неудобство въ отношеніи къ пріѣзжимъ гостямъ: нѣтъ на дворѣ помѣщенія для экипажа.

Служба моя довольно многосложна, но при помощи Божіей и при пособіи добрыхъ людей, большихъ затрудненій по моей службѣ пока еще не вижу. Все идетъ хорошо и стройно. Должность моя тѣмъ особенно примѣчательна, что открываетъ мнѣ случаи входить въ сношенія съ лицами всѣхъ возможныхъ сословій. У меня бываютъ и знатные вельможи и бѣдные ремесленники; купцы и мѣщане, ученые и простые.—Прекрасный случай изучать человѣчество во всѣхъ его постепенностяхъ“.

Въ тотъ же день (т. е. 21 ч.) писалъ я и къ Ивановскимъ роднымъ:

„Конечно, давно ожидаете вы отъ меня обстоятельнаго

увѣдомленія о моемъ положеніи. Давно чувствовалъ и я 1850 г.
обязанность сообщить вамъ такое извѣстіе: но не знаю и самъ, за чѣмъ я медлилъ и отлагалъ со дня на день исполненіе этой обязанности. Вотъ наконецъ рѣшился писать къ вамъ.

Участь моя давно уже рѣшена. Съ 4-го сентября я состою въ должности Синодальнаго ризничаго. Прежде всего, разумѣется, мнѣ надлежало принять отъ моего предмѣстника вещи, подлежащія моему завѣдыванію. Этотъ пріемъ продолжался почти 2 мѣсяца. Въ продолженіе этого времени, можно сказать, я не былъ еще полнымъ хозяиномъ; даже не пользовался и принадлежащей мнѣ квартирой; и только уже съ 12-го числа сего мѣсяца я вступилъ во всѣ права своей власти. Но тутъ предстояли мнѣ хлопоты; нужно было исправить и очистить квартиру, которую мой предмѣстникъ содержалъ довольно неопрятно; надобно было, какъ обыкновенно водится, обзавестись хозяйствомъ. Наконецъ, слава Богу, все это мало по малу устроилъ и привелъ въ порядокъ. Теперь начинаю жить спокойно, и даже пріятно. Осталось одно-трудиться и молить Бога о добромъ здоровьѣ и душевномъ спокойствіи.

Что сказать вамъ о моей должности? Должность, какъ я писалъ вамъ, кажется, и прежде, довольно многосложна, и, потому хлопотлива: впрочемъ, при помощи Божіей и при пособіи добрыхъ людей, въ прохожденіи ея не встрѣчаю пока большихъ затрудненій. Но мое настоящее положеніе имѣетъ ту особенную выгоду, что доставляетъ мнѣ случаи входить въ сношенія съ людьми всѣхъ возможныхъ сословій. У меня бываютъ и знатные вельможи и бѣдные поселяне; ученые и простые, купцы и мѣщане. И это обширное знакомство не обходится для меня даромъ: отъ однихъ я пользуюсь умною и назидательною бесѣдой; отъ другихъ заимствую полезные уроки для жизни практической и проч.

Если найдете удобнымъ, прошу жаловать ко мнѣ на новоселье. Помѣщеніе у меня очень достаточное: есть, гдѣ принять гостей. Поваръ у меня очень исправный, а пива и меду въ Москвѣ много. Искренно говорю: очень радъ былъ-бы я, если бы хоть кто-нибудь изъ родныхъ посѣтилъ меня. Если-же въ скоромъ времени нельзя вамъ пред-

1850 г. принять путешествія въ столицу, по крайней мѣрѣ не забывайте извѣщать меня о своемъ положеніи письменно".

P. S. При благопріятной окказіи прошу переслать мнѣ образъ святителя Николая. Какъ родительское благословеніе, онъ для меня очень дорогъ".

18-го декабря писалъ мнѣ изъ Вязниковъ о. Василій Богородскій:

„Отъ души радуюсь твоему счастливому устроенію судьбы, и благодарю Бога такъ утѣшившаго тебя послѣ скорбей и несчастій. Видно изъ строкъ твоихъ, что ты доволенъ настоящей судьбой своей, а слѣдовательно и счастливъ вполнѣ. Желать доколѣ нечего. Слава Богу!

Дорогой для сердца и жизни моей! я долго ждалъ твоихъ извѣстій; ни одной недѣли не проходило, чтобы я не посѣтилъ почтовой конторы въ нетерпѣніи. И дождался и стану ждать еще и еще пріятнѣйшаго. А о себѣ скажу лишь старое обыкновенное; живу безъ прибыли и убытка по старому, по прежнему. Да и чего ждать здѣсь на пустыхъ и дикихъ горахъ? Вѣкъ живи, ничего не наживешь, кромѣ дѣтей—это своимъ чередомъ. А потому, не находя въ собственной жизни никакихъ высокихъ и отрадныхъ событій, надобно жить, по крайней мѣрѣ, радостію ближайшихъ серцу-друзей. Вѣрьте, что я много разъ перечитывалъ письмо,—и всегда въ часы скорби и тягостной суеты буду браться за него. Такъ всегда вы пишите мнѣ, собственно для моей отрады и утѣшеній. Не думайте, что я просто читаю;—утѣшаюсь вами! И на будущее время въ надеждѣ подобныхъ утѣшеній.

Желаю вамъ провести святки на новомъ житьѣ въ самыхъ лучшихъ и чистѣйшихъ удовольствіяхъ.

Простите дорогой и единственный другъ души моей. Напишите, если будетъ не трудно: каковъ митрополитъ съ вами въ обращеніи, — каковъ вы по всей Москвѣ?—что новаго въ ней? Знаю, что подобнаго рода вопросы для васъ, уже, не кстати; но простите любопытству!"

27-го ч. писалъ мнѣ изъ Ставрополя на Кавказѣ наставникъ семинаріи іером. Моисей:

„Честь имѣю поздравить васъ со днемъ вашего ангела; отъ всего сердца желаю вамъ проводить годъ сей новый въ вашей жизни (я разумѣю окончаніе академич. курса) въ здравіи,

благополучіи и душевномъ спокойствіи, съ которомъ только 1851 г.
и можно быть истинно счастливымъ на земли.

Поздравляю васъ съ блистательнымъ окончаніемъ академическаго курса и съ занятіемъ блистательной въ Москвѣ должности и лучшей въ губерніи Россійской. Радъ и радъ, по прежнему радъ!...

Что касается до моей личности, то она находится теперь въ самомъ хорошемъ состояніи; должность люблю, почему занимаюсь дѣлами съ охотою; здоровье мнѣ служитъ; уваженіемъ пока отъ присныхъ пользуюся и чего-же еще хотѣть человѣку, такъ мало учившемуся въ академіи и за такой трудъ получившему степень кандидата. Слава и благодареніе Господу! судьбой своей я очень доволенъ. За хорошее поведеніе и исправное прохожденіе должностей уже награжденъ набедренникомъ, чего-же еще хотѣть? Такъ-ли мой любезнѣйшій сожитель и другъ?

Скажите-же что-нибудь о себѣ, о Московской академіи, и о всемъ, о всемъ пишите къ любящему васъ по прежнему".

Праздникъ Рождества Христова и первые дни новаго года проводилъ у меня товарищъ по академіи и добрый другъ мой, профессоръ Владимірской семинаріи Гр. Петр. Быстрицкій. Много у меня было съ нимъ разговоровъ о разныхъ ученыхъ и житейскихъ предметахъ, много пріятныхъ воспоминаній о жизни и трудахъ въ академіи.

Новый годъ принесъ мнѣ не мало новыхъ трудовъ и заботъ по случаю мvроваренія, а также по случаю начатыхъ, по Высочайшему повелѣнію, перестроекъ и передѣлокъ въ Синодальномъ домѣ и въ Синодальной церкви, — о чемъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Съ другой стороны, новая должность начала постепенно вводить меня въ новыя знакомства и въ новыя отношенія къ лицамъ разныхъ званій и состояній; такъ:

Съ 14-го февраля 1851-го года начались мои письменныя сношенія съ извѣстнымъ церковнымъ писателемъ и ревнителемъ православія, Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ [1]). Вотъ что онъ писалъ мнѣ на первый разъ изъ Петербурга:

---

[1]) Скончался въ 1874 году.

1851 г. „Приношу благодарность за вашъ отзывъ, честнѣйшій отецъ ризничій, но не сѣтуйте, если остаюсь имъ не удовлетворенъ и паки прошу ваше высокопреподобіе потрудиться о томъ-же предметѣ. Я увѣренъ, что А. В. Горскій, который занимался сими вопросами, можетъ указать, гдѣ именно находится сія рукопись, потому что не можетъ быть, что-бы не сохранились дѣянія соборныя, на коихъ присутствовали восточные патріархи съ нашимъ, когда и при началѣ исправленія книжнаго бывшій соборъ Никоновъ уцѣлѣлъ въ дѣяніяхъ. Не знаетъ-ли о томъ вашъ предмѣстникъ, мнѣ-же справиться здѣсь нѣтъ никакихъ средствъ. Сдѣлайте милость, спросите его и Горскаго, постарайтесь отыскать и сію рукопись и меня благоволите увѣдомить о послѣдствіяхъ.

Съ чувствомъ уваженія остаюсь и проч.“...

21-го ч. писалъ мнѣ изъ Иванова племянникъ, единовѣрческій діаконъ Ѳ. С. Виноградовъ и, между прочимъ, извѣщалъ, что къ Покровской церкви села Иванова, на мѣсто умершаго священника Григорія Розанова, опредѣленъ возвратившійся изъ Иркутска священникъ Василій Гавриловичъ Былинскій—О. Былинскій—мой товарищъ по семинаріи и землякъ, урожденецъ села Дунилова, онъ одинъ изъ числа 10-ти учениковъ Владимірской семинаріи, отправленныхъ въ 1841 г., по распоряженію высшаго начальства, въ Иркутскую епархію для занятія священническихъ вакансій.

2-го марта писалъ мнѣ изъ Вязниковъ о. Вас. Богородскій.

„Любезный другъ! доброта души вашей произвела во мнѣ смѣлое дерзновеніе просить васъ, какъ благопріятеля ближнему.

Вотъ моя просьба!... Родной мой братъ Иванъ волею Божіею, а можетъ быть и своею, недоучился въ семинаріи. Исключенный, поступилъ во Флорищеву пустынь, откуда о. архимандритомъ Іеронимомъ переведенъ и взятъ въ его Спасскій, Муромскій монастырь, и около 8 лѣтъ проживаетъ въ послушническомъ званіи, и кажется вовсе наклонился къ одиночеству. Но у насъ и монашество не скоро дается исключенному изъ словесности, да и что здѣсь въ немъ?

Другъ мой! не откажись его пріять и пріютить гдѣ-либо 1851 г
по Москвѣ. Онъ дѣтина и въ душѣ и въ тѣлѣ хорошій, и по настоящему образу жизни даже очень хорошій. Онъ можетъ быть вамъ и вѣрнымъ слугою, если-бы только нужно, и довольно изрядным письмоводителемъ для облегченія васъ въ многотрудныхъ обязанностяхъ по письменной отчетности (онъ по монастырю и въ Муромѣ занимается письмоводствомъ). Я представляю вамъ и его чистописаніе.

Вникните въ участь моего единокровнаго страдальца, съ коимъ много соединено спокойствіе искренняго вашего друга. Я вызванъ просить васъ вашей добротой и слезами брата. Окажите примѣрно искреннее расположеніе и безъ сего отъ души васъ любящему и уважающему. Свяжите этимъ благодѣяніемъ вѣчно и священно дружбу нашу"!.

4-го ч. писалъ мнѣ изъ Горицъ о. Василій Сапоровскій:

„Находясь очень долгое время въ молчаніи, не знаю, съ чего начать письмо мое. Начинаю такимъ-же извиненіемъ, какимъ вы начали ко мнѣ интересное письмо свое. Оно мною получено 23-го декабря минувшаго 1850-го г., но тогда досужно-ли было отвѣчать? Тогда по благочинію надлежало дѣлать отчеты, которыхъ у насъ до пропасти. Безъ писаря, одинокъ цѣлыя ночи проводилъ безъ сна. Наступили святки и праздникъ Богоявленія Господня, но и тогда и служба церковная и хожденіе по приходу по древнему обыкновенію не оставляли празднаго и свободнаго времени для корреспонденціи нисколько. При томъ же послѣ праздниковъ необходимость заставила ѣхать съ клировыми вѣдомостями во Владиміръ и явиться въ консисторію и лично къ новому архипастырю, который меня еще не зналъ и у насъ не бывалъ. По пріѣздѣ изъ Владиміра, начались свадьбы и богатенькія, то захотѣлось попировать и покомпанировать. Нынѣ богачи и въ селахъ, какъ и въ городахъ пируютъ— вѣжливо, готовятъ поварскія и по модѣ кушанья; у иныхъ бываетъ небольшой оркестръ. Вотъ причины долговременнаго моего молчанія!

Достопочтеннѣйшій отецъ! можетъ быть вамъ любопытно знать, какъ со мною обращался новый преосвященный? Съ прискорбіемъ душевнымъ скажу, только прошу глаголы мои слагать въ сердцѣ вашемъ. Преосвященнымъ на первый разъ я принятъ очень строго. Увидѣвъ меня, онъ началъ

1851 г. дѣлать выговоры и сердиться. Причиною къ тому не что иное было, какъ однѣ жалобы, или лучше ябеды, коварными недоброжелателями сплетенныя, чего я совсѣ не зналъ,—и, по совѣсти говорю, не дѣлалъ. Преосвященный довѣрчивъ, особенно къ дворянамъ; не особенно деликатенъ съ нашимъ братомъ, любитъ колѣнопреклоненіе и пылкаго самаго характера. И архіепископъ Парѳеній такъ же былъ иногда вспыльчивъ, но тогда, когда разберетъ дѣло и узнаетъ несправедливость, онъ зналъ личность; а Іустинъ безъ всякой личности вдругъ запылитъ на всякаго и поставитъ въ тупикъ. Въ такомъ критическомъ положеніи нашли одно спасительное средство—молчать и чаще кланяться въ ноги. Правда, мнѣ не очень лестна должность благочинническая и не съ охотою принималъ я оную. Трудно, очень трудно, особенно въ преклонныхъ лѣтахъ управлять благочиніемъ; ибо настали и дніе лукавіи и много лукавыхъ человѣковъ въ каждомъ почти благочиніи. Иной хвалится премудростію своею и кричитъ: „я умнѣе тебя“. Иной хвалится богатствомъ и не уважаетъ тебя. Иной гордится хитростями и грозитъ: не боюсь никого. Сколько ни старайся по примѣру Апостола быть вся всѣмъ, но студенты мудрецы, богачи и хитрецы, какъ въ синагогѣ іудейской фарисеи и книжники, возмущаютъ причетъ и усиливаются предать благочиннаго Понтійскому Пилату на осужденіе и занять мѣсто благочинническое. Впрочемъ я всю надежду возлагаю на Господа и предаюсь волѣ архипастыря—не бо безъ ума мечъ носитъ. Къ похвалѣ его должно отнести и то, что гнѣвъ его не продолжителенъ. Онъ скоро обдумывается и иногда въ горячности извиняется.

Наша епархія многолюдная и въ ней, какъ въ великомъ дому, не все златые сосуды, но очень много скудельныхъ, заносчивыхъ и занозливыхъ. Какъ не оскорбиться и не побраниться! Простите великодушно, что далеко зашелъ я съ сею матеріей, позвольте обратиться къ письму вашему.

За лестное письмо ваше приношу чувствительнѣйшую мою благодарность, а за подарокъ не знаю вамъ что воздать!.. Пусть оный послужитъ назидательнымъ урокомъ потомкамъ, ежели Господь благословитъ ими, сколь дружество священно и какъ милыя благодѣянія утѣшительны.

Слава всеблагому Богу, благодѣявшему вамъ; вы мирное

снискали пристанище, нашли надежный путь и къ спасенію 1851 г.
и къ славѣ. Такъ—терпѣніе убогихъ не погибаетъ до конца. Усиленные труды никогда не остаются безъ награды. Вы теперь находитесь въ кругу благороднымъ и образованномъ и не теорія, но уже практика еще образуетъ васъ болѣе и тогда.... тогда не забудьте меня грѣшнаго. Вы приглашаете меня въ Москву полюбоваться на сокровища царскія и на ваше счастіе; нѣтъ, достопочтеннѣйшій, едва-ли это случиться можетъ. Здоровье мое стало слабѣть, особенно при этой должности. Аще Господь потерпитъ грѣхамъ моимъ какой-либо годъ, думаю пристроить внучку-сироту и тогда удалюсь въ пустыню и свободнѣе буду. Отъ прихожанъ моихъ всѣ разсказы о вашемъ усердномъ ихъ пріемѣ слушалъ съ удовольствіемъ и восхищался о видѣнныхъ ими рѣдкостяхъ. Я съ малымъ семействомъ доколѣ живу благополучно, только каждый годъ мучусь съ работницами. Очень хочется огородъ огородить, но финансовъ не достаетъ.

За симъ съ совершеннѣйшею преданностію и всегдашнимъ почитаніемъ остаюсь искренно любящій и усерднѣйшій слуга благочинный священникъ Василій Сапоровскій".

8-го ч. получилъ я письмо изъ Владиміра отъ профессора семинаріи, Г. П. Быстрицкаго. Онъ писалъ мнѣ отъ 6-го числа:

„Приношу вамъ искреннюю благодарность за добрые совѣты относительно преподаванія. И здѣсь, кажется, особенно нужна осторожность. Нашъ о. ректоръ имѣетъ обычай посѣщать лекціи наставниковъ; и у меня уже былъ, и слушалъ о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ случившуюся въ то время лекцію. Впрочемъ, чего особенно нужно нашему брату остерегаться? Я думаю, свободной рѣчи относительно вѣры и началъ государственной жизни; но моя наука къ послѣднимъ не имѣетъ приложенія, къ первой относительно мало. А внутри ея собственной области я могу чувствовать себя свободно. Она есть дѣло человѣческое, а все человѣческое измѣнчиво; и потому въ своихъ разсужденіяхъ въ классѣ я не слѣдую никакому авторитету; говорю то, что нахожу послѣ долгихъ размышленій; отвергаю въ лекціяхъ, существующихъ у насъ, то, что нахожу несправедливымъ. И ужели я въ самомъ дѣлѣ за это долженъ под-

1851 г. пасть отвѣтственности? Главное, что нужно избѣгнуть въ нашей наукѣ—это двѣ крайности: матеріализмъ и идеализмъ; но душа моя отвергаетъ ихъ, а между тѣмъ цѣль, которой мнѣ хочется достигнуть въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ—это опять христіанская религія,—приблизиться къ ней, найти основаніе ея и оправданіе ея въ самой душѣ. Вопросы, которые теперь особенно занимаютъ меня—бытіе души, особое, отличное отъ тѣла, участіе нервной системы въ психическихъ отправленіяхъ,—присутствіе въ душѣ высшей, духовнѣйшей стороны ея, которою она сообщается съ Богомъ и міромъ духовнымъ.

Я слышалъ, что Матвѣй Иванычъ[1]) вступилъ въ супружество. Узнавши объ этомъ, я послалъ къ нему поздравительное письмо. Желательно бы знать, кто его жена, какова она по душѣ и тѣлу, и сколько за ней приданаго. Поклонитесь ему отъ меня, при свиданіи, и пожелайте счастливыхъ дней.

Вы спрашиваете меня хорошо-ли принялъ меня архіерей, когда я приходилъ къ нему за благословеніемъ. Отвѣчаю: ни хорошо, ни дурно. Аудіенція продолжалась меньше пяти минутъ. Я только услышалъ отъ него суховатое назиданіе въ слѣдующемъ духѣ: занимайтесь возложеннымъ на васъ дѣломъ; ваше усердіе не останется безъ вниманія и награды".

12-го ч. писалъ мнѣ изъ Виѳаніи профессоръ семинаріи С. Г. Вишняковъ:

„Съ стыдомъ принимаюсь я за перо, потому что много виноватъ предъ вами; я непостояненъ, не состоятеленъ въ своемъ словѣ! Простите меня за чистосердечную мою исповѣдь, хоть для дней великаго поста; но позвольте хоть малую толику принесть вамъ въ свое оправданіе. Въ святки, послѣ личнаго свиданія, я обѣщалъ еще разъ видѣться съ вами и попросить васъ въ домъ тестя; но этого сдѣлать не удалось. Святки, первыя послѣ женитьбы, особенно конецъ ихъ, прошли для меня какъ-то безумно: никакъ я не могъ распорядиться временемъ такъ, чтобы выдержать съ характеромъ свою распорядительность: то гости у насъ, то сами въ гостяхъ по неотступной просьбѣ и въ извѣстные именно дни и часы, то приглашенія въ

[1]) Соколовъ, о которомъ рѣчь была раньше.

театръ, то плата другимъ тою же монетою по принятому 1851 г.
обычаю, отняли у меня все время. Утомленный, въ поздній часъ ѣдешь домой съ мыслію, что завтрашній день будетъ въ моемъ распоряженіи: не тутъ-то было! Смотришь, по утру подаютъ письмо или записку въ просьбою, когда, въ которомъ часу подать лошадь, чтобы быть тамъ-то!... Къ концу святокъ даже сдѣлалось скучно; а выдаться изъ круга заведеннаго, очерченнаго условіями житейскими какъ-то неловко. Опытно теперь узнаешь, и узнаешь по неволѣ что такое житейскій шумъ и разсѣяніе, что такое угаръ отъ исполненія, хоть формальнаго, такъ называемыхъ удовольствій! Прежде теоретически толкуешь объ этомъ то и другое, а самъ ни уха, ни рыла не знаешь, по русской пословицѣ; все приходится испытать, хоть понемногу. Еще мы—малы люди, еще кругъ нашихъ условій ограниченъ: спрашиваешь иногда, въ часы покоя, какъ живутъ люди въ большомъ свѣтѣ? Видно, такая судорожная, тревожная жизнь обратилась имъ въ привычку, сдѣлалась насущнымъ хлѣбомъ. А намъ, воспитаннымъ въ простотѣ сельской жизни, привыкшимъ къ тишинѣ сельскаго уединенія, все это какъ-то дико отзывается на душѣ. И радъ—радешенекъ, что воротился въ свою Виѳанію, хоть и здѣсь женатому меньше свободы, чѣмъ холостому.

Такимъ образомъ, добрый мой отецъ Савва, вина въ моей несостоятельности въ словѣ произошла не отъ какой либо холодности, забывчивости или притворства (чего, конечно, во мнѣ вы едва ли предположите), а отъ того, что въ Москвѣ я еще не научился распоряжаться временемъ, какъ хочется. При томъ же, я не одинъ, а уже съ женою, слѣдоват..... остальное вы можете дополнить сами, потому что сами опытно знаете, что значитъ жизнь въ міру вдвоемъ?

Свой долгъ въ отношеніи къ вамъ я хотѣлъ было заплатить на масляной; но увы, мнѣ и не пришлось попробовать масляничныхъ Московскихъ блиновъ. Непредвидѣнно я вызванъ былъ маменькою въ Васильевское, на родину по семейнымъ дѣламъ, и всю сырную недѣлю, до половины первой, проѣздилъ! Что дѣлать? Нужно было покориться слову родительницы и семейнымъ интересамъ. Такъ. образомъ, въ масляницу, когда молодыхъ обыкновенно честятъ, мы съ женою должны были разлучиться, потому что везти

1851 г. ее зимою,—въ дальнюю дорогу, по неисправному пути, было бы тяжело: она гостила въ Москвѣ, а я вояжировалъ. Къ концу первой недѣли былъ я въ Москвѣ, но сначала отъ усталости, потомъ отъ хлопотъ, не удалось мнѣ быть у васъ. Богъ дастъ, вознаградимъ все въ свѣтлую седмицу: помолимся о семъ!

Что сказать вамъ о себѣ? Я начинаю уже близко сживаться съ своимъ положеніемъ; мое сердце начинаетъ успокоиваться отъ разнаго рода треволненій, происходящихъ отъ причинъ многоразличныхъ. По крайней мѣрѣ съ настоящаго поста мнѣ открылось болѣе свободы для такой дѣятельности, къ которой лежитъ сердце и больше имѣю покоя, который прежде такъ часто нарушался отъ исполненія различныхъ условій воздержанія, для непривыкшаго тягостныхъ.

Пишите мнѣ, добрый мой; съ полною готовностію отвѣчу вамъ всегда; учите меня, совѣтуйте, извѣщайте меня о всемъ интересномъ. За все я буду благодаренъ вамъ".

Во время четыредесятницы я занятъ былъ важнымъ и священнымъ дѣломъ—приготовленіемъ мура.

Дѣло это совершается слѣдующимъ образомъ:

Синодальный ризничій обязанъ заблаговременно доносить Синодальной конторѣ о надобности приготовленія св. мура, а Контора относится въ Казенную палату объ отпускѣ ассигнованной на этотъ предметъ суммы. На покупку потребныхъ для составленія мура матеріаловъ ежегодно назначается изъ казны 414 р. 27 к. сер.; и какъ муровареніе совершается не каждый годъ, то назначенная къ отпуску сумма остается въ казначействѣ до востребованія.

Получивъ отъ Синодальной конторы разрѣшеніе и принявъ ассигнованную сумму, ризничій, съ помощію одного изъ сакелларіевъ Большаго Успенскаго собора, распоряжается покупкою потребныхъ для составленія мура веществъ. Какія именно вещества и въ какомъ количествѣ входятъ въ составъ мура,—это показано въ моей книгѣ: „Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей ризницы, М. 1858 г., стр. 77, прим. а [1]).

[1]) Со временемъ, я постараюсь, на основаніи имѣющихся у меня матеріаловъ, составить обстоятельную записку о приготовленіи и освященіи мура въ древней греческой и русской Церкви.— *Слова преосв. Саввы, к сожалѣнію не осуществившіяся на дѣлѣ, за кончиною его.*

Предварительнымъ приготовленіемъ матеріаловъ для мура 1851 г.
занимаются одинъ или двое свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. При мнѣ были сначала: Московскій мѣщанинъ Алексѣй Гавриловъ (впослѣдствіи монахъ Андрей) и іеродіаконъ Московскаго Новоспасскаго монастыря Гервасій, а потомъ Гервасій и монахъ Высокопетровскаго монастыря Петръ.

На крестопоклонной недѣлѣ, въ среду, Синодальный ризничій съ обоими муроварцами отправляется на Троицкое подворье, для принятія отъ митрополита благословенія на начатіе св. дѣла приготовленія мура, и въ этотъ же день, по совершеніи въ особой лабораторіи водоосвященія и по окропленіи св. водою веществъ и всѣхъ принадлежностей мароваренія, приступаютъ къ постепенному приготовленію веществъ: прежде всего кипятятъ въ котлѣ 6 пудовъ прованскаго масла съ прибавленіемъ одного ведра винограднаго (лиссабонскаго) вина, для предохраненія отъ угару масла. Затѣмъ теплое масло разливается по банкамъ, въ коихъ положены слѣдующіе спеціи: стиракса, розовые цвѣты, базилика, фіалковый корень, имбирь бѣлый, кардамонъ, калганъ, ирный корень, ладаны: росный, гумма и простой бѣлый. Банки эти ставятся, на двѣ недѣли, на теплую лежанку, и спеціи въ нихъ ежедневно или по крайней мѣрѣ чрезъ день перемѣшиваются.

Въ среду вербной недѣли настоенное на стираксѣ и прочихъ веществахъ масло сливается въ особые кувшины или банки. Въ субботу разливаются по кувшинамъ остальные 14-ть пуд. масла и 3 ведра вина.

Въ вербное воскресеніе вечеромъ всѣ вещества переносятся въ такъ называемую Муроварную палату, находящуюся между церковію 12-ти Апостоловъ и присутственною комнатою Синодальной конторы, и тамъ размѣщаются по ступенямъ горки, приличнымъ образомъ украшенной.

Въ Муроварной палатѣ устроенъ каменный очагъ подъ благолѣпнымъ балдахиномъ. Въ очагъ вставляются два серебряныхъ золоченыхъ котла, въ которыхъ окончательно приготовляется муро. Близь очага становится большая, также серебряная вызолоченая кадь, вѣсомъ съ крышкою 11 пуд. 25 ф. и 47 золотн.. Въ нее сливается изъ котловъ приготовленное муро.

Въ понедѣльникъ страстной седмицы, къ 9-ти час. утра

1851 г. собирается въ Мироварную палату старшее духовенство и, по прибытіи митрополита или другаго архіерея, начинается водосвятный молебенъ; по погруженіи въ водѣ креста, митрополитъ окропляетъ св. водою вещества и всѣ принадлежности мироварныя; затѣмъ вливаетъ въ котлы св. воду, не много масла, вина и пр. Наконецъ самъ возжигаетъ подъ котлами огонь; между тѣмъ, діаконы вливаютъ изъ кувшиновъ въ котлы масло и вино. Послѣ отпуста, митрополитъ подходитъ къ аналою, на которомъ лежитъ евангеліе, и начинаетъ чтеніе евангелія, затѣмъ читаютъ по одному или по два зачала архимандриты и затѣмъ, день и ночь, до полудня великой среды, поочередно читаютъ іеромонахи и священники, между тѣмъ какъ діаконы въ стихаряхъ, въ опредѣленные часы, мѣшаютъ въ котлахъ кипящее масло.

Мураваріе продолжается во вторникъ и среду, при чемъ полагаются въ котлы новыя благовонныя вещества, какъ то: сандаракъ, мастика, терпентинъ, мушкатное масло (густое) и перувіанскій бальзамъ. Въ полдень среды огонь подъ котлами погашается; въ 8-мь ч. вечера муро изъ котловъ переливается въ помянутую выше кадь. Въ четвергъ утромъ въ остывшій составъ мура вливаются благовонныя масла, и за тѣмъ оное разливается въ серебряные кувшины, которые ставятся на особо устроенныя скамьи.

Предъ ними на столѣ ставится алавастръ съ прежде освященнымъ муромъ.

Въ 11 час. утра, по начатіи на Ивановской колокольнѣ благовѣста, читаются въ Мироварной палатѣ часы, а около 12-ти часовъ приходитъ въ палату изъ Успенскаго собора, въ полномъ облаченіи, съ крестнымъ ходомъ митрополитъ и прочее духовенство.—По окажденіи алавастра[1]) и сосу-

---

[1]) 1849 г. марта 29 д. митрополитъ собственноручною запискою требовалъ отъ Синод. ризничаго, соборн. іером. Евстаѳія отвѣты на слѣд. вопросы: 1., „что сказано въ описи Синод. ризницы о происхожденіи и древности сосуда, именуемаго алавастромъ?—2., Есть ли о семъ что въ общей или въ частныхъ описяхъ, составленныхъ ранѣе 1812 г.?“ Какіе отвѣты даны были о. Евстаѳіемъ, неизвѣстно.—Но вопросы эти предложены были владыкою, вѣроятно, на случай прибытія въ Мироварную палату Государя Николая Павловича, пребывавшаго въ это время со всею почти фамиліею въ Москвѣ, по случаю освященія Большаго Кремлевскаго Дворца.

довъ съ новоприготовленнымъ мvромъ, митрополитъ благо- 1851 г.
словляетъ алавастръ нести старшему изъ священнослужителей, а прочіе сосуды несутъ по два священника или іеромонаха. По принесеніи въ соборъ, алавастръ поставляется на жертвенникѣ, а прочіе сосуды около жертвенника на скамьяхъ.—На великомъ выходѣ, алавастръ и сосуды впереди св. даровъ вносятся чрезъ царскія врата въ алтарь, и алавастръ ставится на престолѣ, а прочіе сосуды около престола. По освященіи даровъ и по произнесеніи возгласа: *и да будутъ милости великаго Бога....*, совершается, чрезъ троекратное благословленіе каждаго сосуда и чтеніе положенной молитвы, освященіе мvра.—По окончаніи литургіи, новоосвященное мvро переносится тѣми же священниками и іеромонахами въ Синодальную ризницу для храненія. Въ тотъ же, или на другой день, Синодальный ризничій вливаетъ въ каждый сосудъ по нѣсколько капель изъ алавастра прежняго св. мvра въ знаменіе непрерывности таинства въ православной Церкви.

Въ теченіе девятилѣтняго моего служенія на должности Синодальнаго ризничаго, мнѣ суждено было четыре раза приготовлять святое мvро, а именно: въ 1851, 1853, 1856 и 1858 годахъ.

Кромѣ Москвы, мvро приготовляется также и въ Кіево-печерской лаврѣ.

8-го апрѣля, въ день Пасхи, писалъ мнѣ изъ Виѳаніи пріятель и товарищъ по академіи, преподаватель семинаріи, іеромонахъ Порфирій:

„Представляю себѣ, что я взялся за перо для написанія письма вамъ въ самое лучшее время. Я не разъ винилъ себя за то, что доселѣ ничего не писывалъ вамъ. И если вы также вините меня за это забвеніе моего, можно сказать, непремѣннаго долга,—то такъ какъ виновный является къ вамъ съ своей повинной головой въ то самое время, когда свѣтлый праздникъ преисполнилъ всѣхъ радостными чувствами, конечно съ вашихъ устъ, при чтеніи моего письма, не сорвется никакихъ другихъ словъ, кромѣ такъ часто повторяемыхъ нынѣ Церковію: *простимъ вся воскресеніемъ*.

Какъ-то вы встрѣтили Пасху въ своемъ царств. кремлѣ? Конечно, радостно, весело и торжественно. Дай Богъ и

1851 г. всегда такъ встрѣчать и проводить этотъ всесвѣтлый праздникъ до самаго того невечерняго дня, который можно назвать вѣчною Пасхою. Сколько, думаю, приходилось вамъ сегодня сдѣлать поздравительныхъ визитовъ? Но вы никогда не тяготились этой формой. Впрочемъ подивитесь, и я начинаю сродняться съ подобною формальностію. Визиты Лаврѣ и Виѳаніи тягостны были для меня нынѣ только по чрезвычайному неудобству пути отъ Виѳаніи до Лавры. Соборный, обычно-роскошный столъ былъ какъ-бы награжденіемъ за неудобства путешествія. Но кажется мнѣ нужно еще поговорить о своей собственной Виѳанской жизни; вѣдь объ этомъ у меня еще не было слова. Признаюсь, что сначала съ какими-то неопредѣленными предопасеніями смотрѣлъ я на мѣсто своего назначенія. Я воображалъ, что при извѣстной авторитетности Виѳанскихъ наставниковъ (всѣхъ вообще и каждаго порознь), мое положеніе среди ихъ будетъ очень жалкое и трудное. Поводъ къ такому опасенію подали мнѣ случайно еще до утвержденія нашего назначенія дошедшіе до меня ихъ толки о протекторствѣ ко мнѣ акад. о. ректора и о монашествѣ вообще. Но, слава Богу, я ничего не вижу соотвѣтствующаго своимъ опасеніямъ. Тѣ, отъ которыхъ ожидалъ себѣ совершеннаго презрѣнія, до обязательности оказываются добродушно довѣрчивыми ко мнѣ. Такъ. образомъ, если приходится терпѣть какія-ниб. непріятности въ Виѳаніи, то это только со стороны риторическихъ сочиненій. Трудъ чтенія ихъ кажется для меня тягостнѣе Египетскаго плинѳодѣлія. Какъ-бы я радъ былъ всякому другому предмету кромѣ словесности и математики. Но вообще говоря, теперь я рѣшительно убѣдился, что назначеніе въ Вятскую семинарію, куда я самъ просился, было-бы для меня конечно плоше. Одна близость къ академіи какъ много говоритъ за Виѳанію.

Въ академіи новаго ничего кромѣ того, что померъ Филаретъ Никольскій на своей родинѣ, куда уволенъ былъ по болѣзни.

Редакція *Твореній св. отцевъ* скоро издастъ сочиненія Макарія Егип. и Лѣствицу въ русскомъ переводѣ и кромѣ того особою книгою, говорятъ, хочетъ отпечатать правила Василія Великаго о монашествѣ. Но объ этомъ вы, вѣроятно, уже слышали, точно также, какъ и о томъ, что Дми-

трій Григорьичъ [1]) обязанъ докончить „Письма о конечныхъ причинахъ“ вмѣсто Ѳеодора Ал—ча [2]). 1851 г.

Конечно были у васъ преосв. Евсевій [3]) и преосв. Димитрій [4]). Не поговорили-ли они у васъ о чемъ-нибудь особенно интересномъ?—Увѣряютъ, что преосв. Евсевій въ нынѣшній пріѣздъ былъ гораздо откровеннѣе къ акад. властямъ, чѣмъ прежде. Напр. онъ прямо высказывалъ то, что Оберъ-прокуроръ велѣлъ ему поскорѣе оставить СПБ. и и недоволенъ былъ между прочимъ за переписку его съ нашимъ владыкой. Слышали-ли, что нынѣ Войцеховичъ [5]) чуть не главный цензоръ „Христіанск. чтенія“?—Онъ остановилъ мартовскую книжку потому только, что ему не понравилась какая-то каноническая статья о. Іоанна [6]). Прибавляютъ при этомъ, что книжка уже раздана была СПБургскимъ подписчикамъ, и отъ нихъ отобрана назадъ и возвращена уже въ томъ видѣ, въ какомъ дошла и до насъ, т. е. безъ сочиненія о. Іоанна“.

Добрый другъ и товарищъ мой по академіи, наставникъ Владимірской семинаріи Гр. Петр. Быстрицкій написалъ довольно большое стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Божественный страдалецъ въ саду Геѳсиманскомъ“, и вздумалъ посвятить это стихотвореніе мнѣ. Поэтому, впереди стихотворенія онъ написалъ нѣсколько посвятительныхъ стиховъ слѣдующаго содержанія:

„Тебѣ, о милый другъ!
Отъ дѣлъ моихъ досугъ
Съ любовью посвящаю.
Сей даръ любви моей
На память прежнихъ дней,
Когда въ святилищѣ наукъ
Въ обители святой, гдѣ духъ
Святаго Сергія витаетъ
Великаго отца,
Святыней вѣетъ, и вдыхаетъ

[1]) Левицкій.
[2]) Голубинскаго.
[3]) Орлинскій, впослѣдствіи архіепископъ Могилевскій.
[4]) Муретовъ, впослѣдствіи архіепископъ Херсонскій, скончавшійся 14 ноября 1883 года.
[5]) А. И., директоръ Синодальной канцеляріи.
[6]) Соколова, впослѣдствіи епископа Смоленскаго.

1851 г.

Въ отверстыя сердца
Землѣ невѣдомыя чувства;
Когда подъ кроткимъ, тихимъ кровомъ
Отцовъ начальниковъ своихъ,
Вдали отъ всѣхъ суетъ земныхъ,
Мы жили тихо и покойно;
Ученьемъ мудрости питали,
Бесѣдой дружней услаждали
Души священныя стремленья:—
Сей даръ любви моей
На память прежнихъ дней,
О другъ любезнѣйшій! прими
Привѣтомъ дружеской души".—

Въ концѣ главнаго стихотворенія приложено еще нѣсколько строфъ, подъ заглавіемъ: „Думы о смерти".

Подъ стихотвореніемъ рукою поэта написано: „Владиміръ, апрѣля 27 дня, 1851 года".

Стихотвореніе это прислано было мнѣ отъ автора при слѣдующемъ письмѣ отъ 15-го мая:

„Я получилъ ваше письмо, и приношу благодарность. Пріятное и для меня извѣстіе, что многосложныя обязанности ваши поубавятся; лучше, спокойнѣе, если менѣе дѣла. Что теперь какъ себя имѣютъ ваши обстоятельства?—Не началось ли движеніе въ вашей стародавней ризницѣ и библіотекѣ? Гдѣ вы теперь живете?

Вотъ что о. Савва! къ вамъ придетъ человѣкъ, имѣющій до васъ небольшую нужду,—Дмитрій Ивановичъ Сумароковъ, Тамбовскій помѣщикъ. Я предваряю васъ о его личности, потому что видъ его весьма обманчивъ; я и другіе, здѣсь видѣвшіе его, обманулись. Я принялъ его за человѣка, глубоко падшаго нравственно. Но не тутъ-то было. Если узнать его поближе, нельзя не перемѣнить перваго неблагопріятнаго впечатлѣнія; человѣкъ достоуважаемый, по высокому образованію ума и сердца. Человѣкъ религіозный въ высшей степени,—путешествуетъ по святымъ мѣстамъ, но ни копѣйки за душей. Надежда Степановна дала ему 2 р. сер. на дорогу: онъ рубль сер. отдалъ нищимъ, какъ это узнали послѣ. Она предложила ему крѣпкіе сапоги, не принялъ, дала было рубашку, ее скинулъ, и надѣлъ на дорогу свою, изношенную, ветхую.

Человѣкъ многоумный, о чемъ ни заговори съ нимъ, обо всемъ разсуждаетъ. Онъ собираетъ свѣдѣнія—матеріалы для біографіи Мисаила, архіепископа Рязанскаго—мученика [1]), по порученію Рязанскаго архіерея [2]). Ему хочется узнать, нѣтъ ли источника среди рукописей Патріаршей библіотеки. 1851 г.

Знаете ли что о. Савва!—вѣдь я пускаюсь въ литературу, уже не письменную только, а и печатную: сіе стихотвореніе:—„Страданія Спасителя въ саду Геѳсиманскомъ,“ —послалъ при письмѣ къ о. инспектору нашей академіи съ просьбою разсмотрѣть, и, если можно, помѣстить въ журналѣ академіи. Не знаю, какой пріемъ встрѣтитъ тамъ мое сочиненіе; а здѣсь оно понравилось. Я слышалъ самый лестный отзывъ отъ лицъ, которымъ я прочиталъ его. И вотъ что еще: сочиненіе-то я посвящаю вамъ, самое посвященіе написано также стихами. Просилъ о. инспектора, что бы стихи отпечатаны были и съ посвященіемъ.

Хоть надобно сказать правду, я не очень доволенъ академіей,—и вы сами знаете, съ какими прискорбными чувствами я оставлялъ ее. Но я забылъ, оставилъ въ памяти однѣ пріятныя стороны академич. жизни, и вотъ на память этой жизни я посвятилъ вамъ свой трудъ. Переписано сочиненіе, написано и посвященіе, я уже зашилъ его въ холстъ, и что же случилось?... Въ одинъ вечеръ, прогуливаясь съ Николаемъ Ивановичемъ, встрѣчаюсь съ секретаремъ правленія. Онъ сообщаетъ новость,—что къ намъ будетъ новый наставникъ на мѣсто о. Діонисія, и мой товарищъ—Андрей Ив. Боголюбовъ. Какое вы думаете впечатлѣніе произвело на меня это извѣстіе?—самое непріятное. Разумѣется, не то меня огорчило, что меня не перевели на богословскій классъ, чего можно было ожидать, тѣмъ болѣе, что о. инспекторъ писалъ къ о. ректору нашему изъ академіи; да я, сказать по совѣсти, и не желалъ перемѣщенія, потому что такъ уже сроднился съ философіей; но меня огорчило то, что на этотъ классъ назначенъ мой товарищъ, ниже меня окончившій курсъ (вѣдь богословскій классъ выше, философія наша уже и не называется фило-

---

[1]) Архіепископомъ Рязанскимъ былъ съ 1651 по 1655 годъ. Скончался 29 апрѣля 1655 г.

[2]) Архіепископа Гавріила Городкова. Сконч. въ 1862 г. на покоѣ.

1851 г. софіей въ настоящее время; и самъ о. инспекторъ выразилъ преимущество богословск. класса), меня огорчило невниманіе академич. начальства, съ моей стороны, кажется, ни чѣмъ незаслуженное. И теперь сознаю, что достоинъ высшаго мѣста. Такъ вотъ что меня огорчило, и въ движеніи этихъ чувствъ я хотѣлъ уничтожить посвященіе; не рѣшался даже посылать въ академію. Но наконецъ христіанское чувство взяло верхъ, и я забылъ непріятность, сочиненіе отправилъ. Мысль о Промыслѣ для меня всегда была утѣшеніемъ".

4-го мая отвѣчалъ я на письмо племянника своего, единовѣрческаго діакона села Иванова Ѳ. С. Виноградова, въ которомъ онъ, по поводу непонятаго имъ Синодскаго указа относительно домашняго приготовленія дѣтей, просилъ моихъ совѣтовъ и участія въ судьбѣ его дѣтей:

„Со всѣмъ усердіемъ готовъ помочь вашему горю: но мнѣ кажется, вы слишкомъ уже преувеличиваете затрудненія касательно воспитанія дѣтей. Я не читалъ самъ указа: но меня увѣряютъ, что воспитывать дома дѣтей до семнадцатилѣтняго возраста не есть непремѣнная обязанность, а только позволеніе, котораго прежде не было. Итакъ, страшиться много за дѣтей вамъ нечего: вы смѣло можете записать ихъ въ училище и тамъ образовывать. Конечно, если бы вы имѣли возможность сами, или при помощи домашняго учителя, заняться образованіемъ своихъ дѣтей и приготовленіемъ ихъ къ семинаріи дома: это было бы въ нѣкоторомъ отношеніи гораздо лучше. Но если нельзя, то дѣлать нечего—надобно отдать въ школу: только здѣсь нужно имѣть за дѣтьми въ настоящее время гораздо больше надзору, нежели какъ это бывало прежде. Въ самомъ дѣлѣ, помилуй Богъ, если преждевременно исключатъ изъ школы: куда съ ними дѣваться?—

О себѣ скажу вамъ, что я, слава Богу, пока здоровъ и благополученъ. Только впереди ожидаютъ меня страшныя хлопоты по случаю имѣющихъ быть перестроекъ въ нашемъ домѣ: нужно будетъ переносить и ризницу, и библіотеку, и церковное имущество, а наконецъ и самому переселиться. О перемѣщеніи меня я уже получилъ и указъ: мнѣ предоставляется на выборъ помѣститься въ Новоспасскомъ или въ Донскомъ монастырѣ. Вы пишете о намѣреніи родныхъ

посѣтить меня нынѣшнимъ лѣтомъ: какъ я былъ бы радъ 1851 г.
имъ, если-бъ они пожаловали ко мнѣ въ настоящую пору, пока я еще свободенъ и пока живу въ своей кельѣ. Но когда настанутъ у меня хлопоты, о коихъ я упомянулъ выше, и когда я поселюсь въ чужомъ углу: не знаю, будетъ ли мнѣ удобно принять своихъ родныхъ такъ, какъ хотѣлось бы. Поэтому не лучше ли отложить имъ исполненіе своего благого намѣренія до того времени, пока я опять не возвращусь на свое мѣсто".

19-го ч. писалъ я въ Абакумово о. Михаилу Граменицкому:

„Доселѣ я питалъ себя пріятною надеждою въ скоромъ времени видѣть васъ лично, и потому медлилъ отвѣтомъ на ваше послѣднее письмо, не приготовивши онаго въ свое время. Но ваша матушка—теща увѣрила меня, что ваше намѣреніе пріѣхать въ Москву отлагается еще на неопредѣленное время. Очень жаль этого: для меня крайне было бы пріятно, если бы вы посѣтили меня въ настоящую пору, пока я не оставилъ еще своей кельи. Недѣли черезъ двѣ или черезъ три я долженъ буду на время удалиться изъ кремля по случаю перестроекъ въ нашемъ Синодальномъ домѣ. Мѣстомъ моего временнаго пребыванія будетъ Донской монастырь. Какъ ни велики въ настоящемъ случаѣ предстоятъ мнѣ хлопоты и безпокойства, потому что нужно будетъ переносить на время и ризницу и библіотеку, и церковное имущество: не смотря на то, я радъ отчасти этому кратковременному перенесенію. Послѣ кремлевскаго шума и пыли отрадно будетъ насладиться и подышать свѣжимъ воздухомъ. На долго ли я оставлю свое жилище, опредѣленно еще неизвѣстно: можетъ быть, къ осени готова будетъ для меня новая квартира, и тогда я опять возвращусь въ священный кремль. Матушка ваша и сестрица были у меня въ ризницѣ, и конечно не безъ удовольствія разсматривали хранящіяся здѣсь сокровища. И вообще, посѣтителей у меня бываетъ довольно: рѣдкій день пройдетъ, чтобы кто нибудь не побывалъ. Бываютъ не рѣдко и значительныя особы; не мало бываетъ и иностранцевъ.

Въ настоящее время домашнія занятія мои ограничиваются по преимуществу чтеніемъ книгъ, и страсть пріобрѣтать собственныя книги усиливается болѣе и болѣе. Зайдешь мимоходомъ въ книжную лавку; предложатъ посмо-

1851 г. трѣть новенькую книжку: возгорится непремѣнно желаніе узнать ея содержаніе, и двухъ—трехъ рублей серебромъ въ карманѣ нѣтъ какъ нѣтъ; за то въ библіотекѣ новенькая книжка."

24-го ч. писалъ мнѣ изъ Гориц о. Василій Сапоровскій:

„При открывшейся оказіи пишу вамъ краткое письмецо и привѣтствую васъ съ прошедшими высокоторжественными праздниками. Множество дѣлъ и тѣсныя обстоятельства не допускаютъ долго бесѣдовать съ вами. Мы готовимся къ принятію владыки строгаго. Жалко того, что строгость его состоитъ въ предметахъ малозначительныхъ и не нужныхъ. Стараясь сократить дѣла, болѣе оныхъ умножаетъ. Мое теперь положеніе такъ же критическое. Можетъ быть, знаете отца Ѳеодора Крылова, что въ Юрьевскомъ. Прихожане его любятъ и довольны. Помѣщикъ Алалыкинъ, особенно жена его, не поладили съ нимъ и вздумали мѣсто его передать студенту, который въ домѣ ихъ два года обучалъ дѣтей. Новому нашему владыкѣ и на него и на меня, просто сказать, наябедничали и онъ бабьихъ басенъ послушалъ, дѣлалъ словесныя мнѣ приказанія и завелъ на слухахъ дѣла. Чѣмъ оныя кончатся, не знаю,— только служить не намѣренъ съ такимъ архіереемъ. Должно ли смиренному пастырю до такой степени гордиться, чтобы отличенные Монаршими милостями кланялись въ ноги или стояли на колѣняхъ?—Правда, это уничиженіе многихъ спасаетъ и избавляетъ отъ его опалы."

4-го іюня день для меня весьма достопамятный. Я имѣлъ великое утѣшеніе получить въ этотъ день изъ Лавры отъ великаго святителя Филарета собственноручное письмо слѣдующаго содержанія:

„Отецъ Ризничій! — Возмите въ Синодальной библіотекѣ рукопись: Свитокъ собора 1667 года, найдите въ ней правило относительно крещенія латинянъ; спишите и доставьте мнѣ.

Призываю вамъ благословеніе Божіе.

Филаретъ М. М.

Въ Лаврѣ. Іюня 2 дня, 1851 года".

На другой-же день, по полученіи письма, я исполнилъ волю архипастыря и послалъ сдѣланный мною списокъ съ соборнаго правила при слѣдующемъ почтительномъ письмѣ отъ 5-го іюня:

„Ваше Высокопреосвященство, 1851 г
Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Отецъ и Архипастырь!

По приказанію Вашего Высокопреосвященства, нижайше представляю Вамъ копію съ соборнаго (1667 г.) правила относительно крещенія латинянъ. Представляемая копія снята съ возможною точностію.

Вашего Высокопреосвященства, Милостиваго отца и архипастыря нижайшій послушникъ“...

8-го іюня казначей Московскаго Донскаго монастыря, іеромонахъ Мелетій прислалъ мнѣ, по порученію своего настоятеля, записку слѣдующаго содержанія:

„Настоятель мой, Донскаго монастыря архимандритъ Симеонъ [1]) поручилъ извѣстить васъ, что комнаты, избираемыя вами у насъ для жительства, въ настоящее время заняты больнымъ епископомъ — преосв. Елпидифоромъ Вятскимъ [2]) и, по мнѣнію врачей, не ранѣе онъ можетъ отправиться на епархію, какъ мѣсяца черезъ два, а послѣ него займетъ эти комнаты какой-то архимандритъ; а поэтому вы и обратитесь для избранія комнатъ въ Новоспасскій монастырь“.

По поводу предстоящихъ, по Высочайшему повелѣнію, перестроекъ Синодальнаго дома съ церковію и ризницею, мнѣ предписано было Синодальною конторою избрать для себя временное помѣщеніе въ одномъ изъ двухъ ставропигіальныхъ монастырей—Новоспасскомъ или Донскомъ. Я пожелалъ было поселиться въ Донскомъ, но получилъ отказъ, какъ видно изъ изложенной предъ симъ записки іеромонаха Мелетія.—Оставалось искать убѣжища въ Новоспасскомъ, и мнѣ тамъ указано было приличное помѣщеніе. Но и здѣсь я долженъ былъ испытывать не малое неудобство по причинѣ отдаленности отъ кремля, гдѣ требовалось, по моимъ служебнымъ занятіямъ и обязанностямъ, почти ежедневное присутствіе. Но меня вывела изъ этого затрудненія дружба ко мнѣ настоятеля Знаменскаго монастыря и ректора Виѳанской семинаріи, о. архимандрита Леонида. Онъ пред-

---

[1]) Авдуловскій, магистръ Московской духовной академіи, скончался въ 1852 году.

[2]) Скончавшимся въ 1860 году въ санѣ архіепископа Таврическаго.

1851 г. ложилъ мнѣ занять его настоятельскіе покои въ Знаменскомъ монастырѣ, такъ какъ они большую часть года, по причинѣ пребыванія его въ Вифаніи, остаются совершенно свободными. Это братское предложеніе чрезвычайно утѣшило меня и успокоило относительно безпрепятственности занятій моихъ въ кремлѣ, такъ какъ Знаменскій монастырь, находящійся на Варварской улицѣ, отъ кремля въ нѣсколькихъ саженяхъ.—Испросивъ на это соизволеніе и благословеніе Московскаго архипастыря, я водворился въ Знаменской обители и прожилъ въ ней болѣе года.—Между тѣмъ, не малаго труда мнѣ стоило перенести изъ одного помѣщенія въ другое рукописи Синодальной библіотеки и ризничныя вещи. Рукописи помѣщены были во вновь устроенномъ зданіи, служащемъ переходомъ изъ Синодальнаго или бывшаго Патріаршаго дома въ новый Императорскій дворецъ, а ризничныя вещи на время перенесены были въ ящикахъ въ соборъ Николы Гостунскаго, что при Ивановской колокольнѣ.

17-го ч. получилъ я письмо изъ Абакумова отъ о. Михаила Граменицкаго; онъ писалъ мнѣ отъ 11-го числа:

„Какъ ни желательно мнѣ поскорѣе повидѣться съ вами,—но все это желаніе по обстоятельствамъ отлагается еще на нѣсколько времени. Собирался было и теперь отправиться въ Москву: но назначено мнѣ быть при благочинномъ на одномъ слѣдствіи: поэтому отлучиться никакъ невозможно.

24-го числа прошедшаго мая удостоились мы посѣщенія своего архипастыря. По обозрѣніи церквей удостоилъ онъ своего высокаго посѣщенія домъ мой,—благоволилъ закусить коечто,—обласкалъ насъ какъ отецъ родной, обошелся, можно сказать, какъ другъ, просто, ласково, благородно—такъ, что невольно благоговѣешь и внутренно уважаешь такого добраго отца—архипастыря. Вышедши изъ моего дома, зашелъ и къ другимъ священникамъ и даже къ діаконамъ. Узнавши о нѣкоторыхъ по церкви нашей безпорядкахъ, возложилъ на меня обязанность строго смотрѣть и наблюдать за соблюденіемъ всего должнаго.....

И вообще по всему Покровскому уѣзду, какъ слышно, путешествовалъ нашъ владыка съ спокойнымъ духомъ. Дай Богъ, чтобы этотъ духъ пастырской кротости выну былъ присущъ ему!

Я думаю, вы изволили слышать, какое ужасное проис-

шествіе случилось въ Боголюбовѣ въ день хода Божіей 1851 г.
Матери изъ монастыря къ Доброму селу? — Когда несли Божію Матерь и шелъ крестный ходъ, жандармы не давали много стѣсняться народу, и поэтому чрезъ мостъ священношествіе прошло благополучно: но какъ скоро дана была свобода безъ задержки идти всякому, народъ нахлынулъ на мостъ вдругъ, какъ вода, — повалился весь съ обрушившимся мостомъ въ оврагъ, глубина коего простирается аршинъ до 30-ти. Вѣрно никто не опредѣлилъ числа погибшихъ жертвъ, насчитываютъ отъ 400 даже до 600 человѣкъ. Незабвенна будетъ эта плачевная эпоха для жителей Владиміра. Изъ моихъ родныхъ и знакомыхъ, благодареніе Всевышнему, никто не подвергся несчастію. Какой стонъ, какой плачъ былъ, какъ сказываютъ, когда выносили изъ оврага на берега убитыхъ и раненыхъ! — Это было вечеромъ. Отецъ архимандритъ Боголюбовскій съ своею братіею съ зажженными при мракѣ вечера свѣчами, раздавъ оныя и молящимся,—совершалъ по убіеннымъ паннихиду съ горькимъ плачемъ всего собора и присутствующаго народа. Самое жестокое сердце тутъ проливало слезы сожалѣнія.

Вы изволите писать на счетъ готовности вашей снабжать меня книгами для чтенія. Какъ я вамъ за это благодаренъ! Если ваше усердіе будетъ: то не лишите меня снабдить когда-нибудь интересною книжкою; обязуюсь блюсти при чтеніи и въ цѣлости доставить при вѣрной окказіи. На меня возложена обязанность въ приходской свой церкви говорить катихизическія поученія по порядку катихизиса высокопр. Филарета, митроп. Московскаго, изданнаго отъ Св. Синода: такъ вы лучше придумаете, какія книги мнѣ болѣе будутъ необходимы для руководства въ семъ дѣлѣ. Да еще, любезнѣйшій другъ, осмѣливаюсь просить васъ: нельзя ли достать у кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ— занимающагося таковыми поученіями,—плана и расположенія бесѣдъ этихъ?

Не знаю, въ какомъ тонѣ начать сіе дѣло. А хочется какъ-нибудь получше: ибо по окончаніи каждаго года назначено сказанныя поученія представлять чрезъ благочиннаго къ его преосвященству. Не оставьте вашимъ совѣтомъ касательно сего“.

1851 г. На другой-же день, по полученіи этого дружескаго посланія, писалъ я въ отвѣтъ отцу Михаилу:

„Что скажу вамъ на послѣднее ваше письмо, которое имѣлъ я удовольствіе получить?

Сердечно сорадуюсь вамъ, что вы благополучно встрѣтили и проводили своего архипастыря. Дай Богъ, чтобъ и впредь онъ былъ къ вамъ милостивъ и благосклоненъ.

О происшествіи Боголюбскомъ слышалъ я не одинъ разъ уже и каждый разъ съ новымъ сердечнымъ прискорбіемъ. Да,—это истинно—трагическое происшествіе!

По вашему желанію, посылаю вамъ нѣсколько маленькихъ книжекъ, болѣе или менѣе относящихся къ предстоящему вамъ труду. Думаю, на первый разъ довольно и этого. Когда будете сами въ Москвѣ, тогда можно будетъ и еще кое-что выбрать. А между тѣмъ, посылаю вамъ реэстръ духовныхъ книгъ; если въ немъ найдется что-нибь. особенно интересное для васъ, напишите мнѣ: я не замедлю выслать. На цѣну, какая обозначена въ семъ реэстрѣ, не обращайте много вниманія: нѣкоторыя книги можно будетъ купить съ небольшою уступкою. Цѣна за препровождаемыя при семъ книги обозначена на самыхъ книгахъ, частію печатно, частію карандашемъ: всего на 5 р. 90 коп. серебр. Своихъ книгъ теперь не посылаю вамъ потому, что въ настоящую пору, знаю, вамъ не до чтенія: сѣнокосъ на дворѣ. Не посылаю такъ-же и своего сочиненія за тѣмъ, что оно сохранилось у меня только въ черновомъ видѣ, и потому для посторонняго лица, думаю, неудобно будетъ читать оное безъ моего личнаго руководства. Прочитаете мое произведеніе тогда, когда лично посѣтите меня. О планѣ и расположеніи катихизическихъ бесѣдъ навѣдаться еще не имѣлъ времени. Могъ бы я рекомендовать вамъ катихизическія бесѣды, печатаемыя въ Кіевскомъ журналѣ „Воскресное чтеніе“: но для этого нужно выписывать этотъ журналъ за два или за три года, потому что упомянутыя бесѣды начались помѣщаться тамъ, кажется, съ 1849 года и продолжаются доселѣ. По крайней мѣрѣ, если можно, не мѣшало бы вамъ прочитать ихъ. Впрочемъ, и выписать означенные годы журнала на церковную сумму небольшаго стоитъ. Да поможетъ вамъ Господь начать и продолжать священный трудъ проповѣданія слова Божія съ должнымъ усердіемъ

ко славѣ Его пресвятаго имени и къ душевному назиданію 1851 г.
вашей паствы.

Что до меня, то я, слава Богу, пока здоровъ и благополученъ. До сихъ поръ еще не двигался съ мѣста и не знаю, скоро-ли буду переселяться. Все еще продолжаются торги на предполагаемыя у насъ перестройки.

Въ настоящую пору занятія мои ограничиваются по преимуществу пріемомъ посѣтителей съ разныхъ сторонъ. Подъ часъ эти занятія довольно бываютъ скучны.

Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и сердечною преданностію честь имѣю пребыть Синод. ризничій іеромонахъ Савва".

4-го іюля писалъ я въ Иваново къ роднымъ:

„Жалѣлъ, и жалѣю до сихъ поръ, что обстоятельства не позволили вамъ воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ—пріѣхать въ Москву съ Никифоромъ Іасоновичемъ: какъ былъ-бы я радъ вашему посѣщенію! Впрочемъ, съ своей стороны я готовъ принять васъ и теперь, потому-что перестройки, которыя угрожали мнѣ переселеніемъ, пока еще не начинались, да едвали нынѣшнимъ лѣтомъ и начнутся, по крайней мѣрѣ въ моихъ кельяхъ. Итакъ, если вамъ позволятъ обстоятельства, прошу посѣтить меня въ настоящемъ мѣсяцѣ. Говорю: въ настоящемъ, потому что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, то есть въ августѣ предстоитъ мнѣ новое затрудненіе заниматься гостями. Съ первыхъ чиселъ августа, какъ слышно, будетъ постепенно прибывать въ Москву Царская фамилія; а съ нею, разумѣется, и множество знати: поэтому мнѣ нужно будетъ каждый часъ быть въ готовности принимать въ Патріаршую ризницу Высокихъ посѣтителей.

Расположитесь-ли вы пожаловать ко мнѣ въ настоящую пору, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ прошу увѣдомить меня для того, чтобы я могъ сообразно съ обстоятельствами распорядиться своими дѣлами.

О себѣ скажу вамъ, что я, слава Богу, пока здоровъ и благополученъ. Недавно праздновалъ свой главный праздникъ—12-ти Апостоловъ, — праздновалъ не шумно, однакожъ и не скучно.

Главнымъ, и почти исключительнымъ занятіемъ моимъ въ настоящую пору служитъ пріемъ посѣтителей въ риз-

1851 г. ницу.—Чрезъ это я пріобрѣлъ уже не мало и знакомыхъ—людей разнаго званія и состоянія: только не знаю, можетъ-ли къ чему-нибудь послужить для меня это обширное знакомство. Одно развѣ можетъ интересовать меня въ этомъ знакомствѣ—пріобрѣтеніе разнообразныхъ, болѣе или менѣе полезныхъ свѣдѣній".

Въ слѣдствіе сего письма зять и сестра Марья Михайловна посѣтили меня около 20-го числа іюля.

Пріѣздъ въ Москву Царской фамиліи ожидался въ августѣ для празднованія 25-тилѣтія царствованія Государя Императора Николая Павловича.

13-го ч. писалъ мнѣ изъ Владиміра наставникъ семинаріи, Г. П. Быстрицкій:

„Получивши ваше письмо, я замедлилъ отвѣтомъ. Не хотѣлось писать.

Наконецъ, и намъ дается отдыхъ. Владыка пріѣхалъ только что изъ епархіи, да, видно, такой сердитый; публичный экзаменъ отложилъ до 15-го числа, а между тѣмъ семин. правленіе хотѣло и отпускъ сдѣлать 14-го, т. е. въ субботу. А каковъ нашъ публичный экзаменъ? Хуже, нежели академическій того-же рода. О концертахъ, о различныхъ кантатахъ даже и помину нѣтъ; рѣчи изгнаны. Не ожидайте и какихъ-нибудь глубокомысленныхъ или изящныхъ статей,—плода нашей наставнической мудрости,—ничего не бывало. Наши лекціи, большею частію, беззубыя и тощія, будутъ и на публичномъ экзаменѣ предложены почтеннѣйшей публикѣ; вотъ угостимъ! Прибавьте къ этому еще десятка полтора милыхъ выраженій изъ устъ преосвященнаго, котораго раздражаетъ всякая малость, ради котораго и приготовленіе къ экзамену совершается по особенной методѣ (не знаю, какъ и назвать эту методу, развѣ по имени изобрѣтателя). Теперь вы составите себѣ удовлетворительное понятіе о публичномъ экзаменѣ Владим. семинаріи. Объ этомъ довольно.

На вакацію отправляюсь домой; проведу все это время отдыха въ уединеніи своей родины, въ бесѣдахъ съ природой, и съ музами. А вамъ вмѣсто себя посылаю рукопись своего сочиненія. Пустился было въ авторство, и первый-же опытъ не удался. Да, мои стихи изъ академіи возвращены мнѣ.

Вы знаете, что я адресовался къ о. инспектору и про- 1851 г.
силъ его быть посредникомъ у о. ректора. Прошло довольное время, и ни слуху ни духу о моихъ стихахъ. Что дѣлать? Я зналъ, что Субботинъ близокъ къ о. инспектору; написалъ къ нему письмо, и попросилъ его спросить о. инспектора о судьбѣ рукописи. Время опять течетъ своимъ порядкомъ, и опять никакого отвѣта; наконецъ отъ Субботина получаю письмо, и вмѣстѣ рукопись. И вотъ что пишетъ онъ: „ваша рукопись прочтена о. инспекторомъ вскорѣ, но онъ, не видя никакой возможности помѣстить сочиненіе въ журналѣ М. академіи, рѣшился возвратить ее вамъ. Причина, почему не отпечатаны стихи, заключается не въ содержаніи, и не въ формѣ сочиненія (хотя послѣдняя, онъ говорилъ, и представляетъ нѣкоторое неудобство къ помѣщенію въ журналѣ академическомъ, примѣръ Платона Иваныча (Капустина) ничего не доказываетъ), а въ томъ, что честь и вмѣстѣ польза помѣщенія сочиненій въ Твореніяхъ Отцевъ предоставлена только членамъ академіи, да и то не всѣмъ“.—Вотъ причина возвращенія рукописи. Поэтому о. инспекторъ не рѣшился даже и говорить о ней о. ректору. Такъ какъ сочиненіе я посвятилъ вамъ, потому не хорошо-бы было съ моей стороны не послать его къ вамъ въ даръ; хоть скудный даръ, но прошу принять его съ свойственною вамъ снисходительностію. Я увѣренъ, что вы прочтете его, не какъ строгій критикъ,—съ анализирующею мыслію, но какъ человѣкъ глубоко сострадающій Божественному Страдальцу, съ сердцемъ, открытымъ для возвышенныхъ чувствованій.

О. инспекторъ чрезъ Субботина совѣтовалъ мнѣ чрезъ васъ просить о. ректора, который будетъ проводить каникулы въ Москвѣ, о помѣщеніи стиховъ въ журналѣ академіи. Но я теперь не хочу видѣть свой трудъ въ этомъ журналѣ, и не хочу васъ вводить въ хлопоты. А вотъ что лучше: Погодинъ вамъ знакомъ, и потому предложите ему при случаѣ отпечатать мои стихи въ „Москвитянинѣ“. Духовное содержаніе ихъ, кажется, не должно быть препятствіемъ къ этому. Проповѣди напр. преосв. Иннокентія [1]), даже одна проповѣдь Конона Игнатьича Волкова,

[1]) Херсонскаго († 1857 г.).

1851 г. были-же помѣщаемы въ немъ?—Вы покажите ему стихи, пусть онъ приметъ трудъ прочесть ихъ, а мож. быть они ему и понравятся. Только въ случаѣ, если ему будетъ угодно оттиснуть ихъ,—стихи посвященія должны быть уничтожены, а самое посвященіе пусть останется;—мнѣ хочется, что-бы и въ печати сочиненіе было посвящено вамъ.

Отъ всей души радуюсь и благодарю Господа за вниманіе, которое оказываетъ вамъ преосвящ. митрополитъ. Желаю отъ души, чтобъ его благоволеніе къ вамъ возрастало болѣе и болѣе. Вы этого вполнѣ стоите.

P. S. Посылаю вамъ еще другіе стихи; прочтите и ихъ, а если можно, отдайте въ печать; они здѣсь нравятся".

23-го ч. утромъ получилъ я отъ своего добраго товарища и друга, инспектора Московской семинаріи, іеромонаха Игнатія записку слѣдующаго содержанія:

„Поздравляю васъ съ утвержденіемъ въ степени магистра. Опредѣленіе Св. Синода состоялось 22-го іюня. О. ректоръ поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, чтобы нынѣ утромъ явились вы ко владыкѣ въ 8-мь часовъ для полученія магистерскаго креста. Ко владыкѣ мы должны вмѣстѣ представиться тотчасъ послѣ обѣдни. Сначала постоимъ тамъ обѣдню, а потомъ и ко владыкѣ".

Такъ мы и сдѣлали. Послѣ обѣдни владыка, позвавъ насъ обоихъ въ пріемную комнату, изволилъ самъ, своими святительскими руками, прикрѣпить къ нашимъ рясамъ блестящіе магистерскіе кресты и поздравилъ насъ съ этою наградою. Такая награда и особенно такой способъ полученія ея привели меня въ неописанный восторгъ. Въ послѣдствіи никакія, даже болѣе высокія награды, не имѣли для меня такого значенія. Получивъ награду, мы съ о. Игнатіемъ поспѣшили въ кремль и въ церкви 12-ти Апостоловъ, предъ чудотворнымъ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя, ликъ коего изображенъ на магистерскихъ крестахъ, отслужили соборнѣ молебенъ, и за тѣмъ вмѣстѣ отобѣдали.

Такимъ образомъ мое четырехлѣтнее академическое образованіе завершилось этимъ Синодальнымъ утвержденіемъ въ присужденной мнѣ академическою Конференціею ученой степени. Этимъ же пролагался мнѣ и дальнѣйшій путь движенія по службѣ.

Между тѣмъ я все болѣе и болѣе утверждался также и 1851 г.
въ своей новой должности — Синодальнаго ризничаго, въ
которой доселѣ по всѣмъ частямъ дѣлалъ лишь первые
опыты. По мѣрѣ такого утвержденія въ ней разширялся
мало по малу и кругъ сношеній и отношеній моихъ какъ
въ области обязанностей по этой должности, такъ и не-
зависимо отъ нея. Все это будетъ составлять предметъ
дальнѣйшаго повѣствованія „Хроники моей жизни“.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ.

А.

Аверкіевъ М. Аверк., землемѣръ. 100. 107. 217. 220.

Авраамій, іером. ст. ак. 451.

Агапитъ (Введенскій), инсп. сем. 93.

Агавангелъ, іер. бакк. акад. 218.

Аграфена Петровна, зан. торгов. 35.

Аграфена Серѣевна, жена свящ. 2. 100.

Акимовъ Ив. Бор., студ. ак. 372. 427. 444. 445.

Александра Іосифовна, Вел. Княгиня. 407.

Александра Николаевна, В. Княж. 323.

Александръ Невскій, св. Вел. Кн. 245.

Александръ Николаевичъ, наслѣд. прест. 465.

Александръ 1-й, Импер. 245.

Александръ, свящ. 2.

Александръ, сынъ причет. 20.

Алексій (Ржаницынъ), архим. рек. акад. 323 и прим. 1. 340. 368. 381. 386. 388. 450.

Алексѣевичи Іоан. и Петр., цар. 17.

Альбицкій А. В., уч-къ сем. 194. 257.

Аляевдинъ В. Ѳ., инсп. сем. 55.

Алякринскій Гр., уч.-къ сем. 142.

Алякринскій М. Ив., врачъ. 167. 172.

Амвросій, игум. 105. 106. 111.

Аменицкая Над. Ст., жена свящ. 173. 186. 188. 203. 209. 228. 232. 233. 498.

Аменицкій А. Е., сынъ свящ. 229.

Аменицкій Вл. Ев., свящ. 265.

Аменицкій Е. Ѳ., свящ. 186. 204.

Аменицкій Ив., уч-къ уч. 75.

Амфилохій (Ал. Тумскій), рек. сем. 94.

Амфитеатровъ Е. В., проф. ак. 313. 321. 431.

Андреевскій, докт. 38, пр. 1.

Андрей Боголюбскій, В. Кн. 87. 89. 103.

Андрей Григорьевичъ. 206.

Андрей, монахъ, см. *Гавриловъ*.

Андреянъ, стр. мон-ря. 59.

Аничковъ-Платоновъ И. Н., проф. ак. 381. 392. 446.
Анна Васильевна, жена діак. 3. 19. 39.
Анна Михайловна, дочь поном. 180. 459.
Анна Степановна, жена свящ. 12.
Антоній, намѣст. Лавры. 313. 336.
Антоній, патр. Конст. 6, пр. 1.
Антоній (Шокотовъ), еписк. 443, пр. 2.
Аѳимъ (Голаповъ), іером. 454.
Аркадій, архим. 21. архіеп. Ол. 272.—Перм. 361. 428. 439.
Арсеній (Мацѣевичъ), митр. 19, пр. 1.
Арсеній Элассонскій, архіеп. Суздал. 24.
Арсеньевъ К., авт. уч. геогр. 70.
Архангельскій Мат., ст. ак. 312.
Архангельскій С., прот. 92.
Аскоченскій В. Ип., писат. 122. 455.
Астровъ Н., ст. ак. 419.
Астудинъ, уч-къ сем. 101.
Астъ Фр., филос. 113.
Аѳанасій (Соколовъ), еп. (быв. рек. ак.). 461.
Аѳанасій, эк.-мъ арх. дома. 147.
Аэдоницкій, учит. уч. 135. 136.

Б.

Багратіонъ П. Ив., князь. 305. 308.
Байбаковъ А., авт. кн. прав. піитики. 103. 108.
Байронъ, поэтъ. 97.
Бакрадзе Дим., ст. ак. 420.
Балинъ С. И., куп. 18. 19. 61.
Барановы, купцы. 109.
Баратынскій, поэтъ. 96.
Барскій Н. А., пр. сем. 472.
Баумейстеръ, авт. уч. фил. 112.
Беневоленскій Як., ст. ак. 313. 318. 419. 457, пр. 2. 471.
Беневоленскій Петръ, ст. ак. 420.
Бернгардъ, зубн. вр. 237.
Благовѣщенскій І. А., прот. 186, пр. 1. 367.
Богольпъ, іером. 18.
Боголюбовъ Андр. Ив., ст. ак. 420. 499.
Богородскій В. Ем., преп. сем. 129. 132.
Богородскій В. П., уч-къ сем. 106. свящ. 342. 345. 428. 448. 458. 464. 484. 486.
Богородскій Иванъ, послушн. 486.
Богословскій-Платоновъ Ип. М., проф. акад. 313. 357.
Богословскій Вас., ст. ак. 420.
Болотова А. Ив., мѣщ. 34. 66. 67. 73. 459.
Болотова Ал. Аѳ., жена куп. 36. 75.
Болотовъ Я. Е., куп. 36.
Болтинъ, историкъ. 26.
Борисовъ Вл., истор. 2 и пр. 1. 11, пр. 1. 24, пр. 2. 26, пр. 1. 59, пр. 1. 110. 144, пр. 1.
Борисовъ Вл. А., куп. сынъ. 108.
Борисовъ П., куп. сынъ. 109.
Борисоглѣбская Ел. И. (Флоринская). 139.
Борисоглѣбскій Е. Д., свящ. 139.
Борисъ и Глѣбъ, св. муч. 91.
Боровскій, еп. катол. 399.
Броневскій, писат. 157.

Бурсиковъ К., крест. 8.
Бухаревъ (архим. *Θеодоръ*), бакк. ак. 307. 314. 381. 383. 439. 440. 469, пр. 1. 472.
Былинскій В. Г., уч-къ уч. 95. свящ. 161. 171. 172. 486.
Былинскій Пол. Гав., бр. свящ. 172.
Быстрицкій А. П., свящ. 313.
Быстрицкій Гр. П., ст. ак. 312. 318. 331. 332. 338. 356. 362. 365. 369. 418. 437. 457. 458. пр. сем. 471. 476. 478. 485. 489. 497. 508.
Бычичевъ, писатель. 158 и пр. 1.
Бѣлоцвѣтовъ М. В., дьячекъ. 7. 9. 13. 14.
Бѣляевъ В. А., учит. уч. 109.
Бѣляевъ Ив. Гав., учит. уч. 168. 188. эк. семинар. 223.
Бѣляевъ Илья Вас., ст. ак. 419.
Бѣляевъ Θ. Г., окон. кур. сем. 163. 165. 167—169. студ. ак. 171. 178. 327. преп. сем. 383. 387. 399.

В.

Валединскій Ив., уч.—къ сем. 106. священникъ. 299.
Варсонофій, свят. Каз. 427.
Василій Васильевичъ, окольн. 9.
Василій Игнат., свящ. 21. 22.
Васильевскій Ив. Ст., ст. ак. 419.
Варлаамъ, игум. 148.
Велланскій Дим., писат. 172.
Веселовскій, уч.—къ уч. 47.
Взоровъ В., студ. ак. 313. 318. 365. 419. 421. 457, пр. 2. 458. рек. уч. 471. 472.
Вигилянскій Ил., уч.—къ сем. 149.
Викторовъ А. Е., ст. ак. 307. 312, пр. 1. 420. 455.
Винклеръ, фил. 171.
Виноградовъ Ав. Як., прот. 184.
Виноградовъ Викт., ст. ак. 419. пр. сем. 472.
Виноградовъ Іак. В., свящ. 144.
Виноградовъ Кс., свящ. 165.
Виноградовъ Θ. С., діак. 180. 196, пр. 1. 198. 201. 260. 286. 324. 328. 329. 371. 397. 402. 441. 486. 500.
Вишняковъ Гр., свящ. 73. 74.
Вишняковъ С. Г., уч.—къ уч. 73. 74. 312. 375. окон. ак. 385. 392. пр. сем. 415. 446. 449. 472. 490.
Владиміръ (Алявдинъ), вик. Кіев. 82. еп. Костр. 117. 118. Срав. *Алявдинъ*.
Владиміръ, Вел. Кн. св. 85.
Владиславлевъ Вл., уч.—къ сем. 142.
Владыкина О. И., жена проф. 307.
Владыкинъ Я. И., преп. сем. 95. 98. 99. 111. 135. 136. 294. 300. 302. 307. 344. 352. 449. 454. 465.
Воздвиженскій Александръ, ст. ак. 419. 454. 455. см. уч. 472.
Вознесенская Ек. Ст., жена свящ. 187. 205. 211. 215. 226. 232. 238. 248.
Вознесенскіе Викторъ и *Пав.*, дѣти священника. 187.
Вознесенскій Ал., сынъ свящ. 205. 213.
Вознесенскій В. Н., свящ. 187.

203. 209. 225. 234. 236.
Вознесенскій Г. Е., преп. сем. 95. 96. 99.
Вознесенскій Паша, сынъ свящ. 227.
Воиновъ І., прот. 343.
Войцеховичъ А. И., дир. Син. канц. 497.
Волковъ, Кон. Ин. 509.
Волковъ П. А., куп. 66.
Воскресенскій Ив., уч.—къ уч. 63.
Всеволодъ Юрьевичъ, Вел. Кн. 86--88.
Всесвятскій Вик., ст. ак. 420.
Вѣнецкій И. П., учит. уч. 65.
Вяземскій, князь, писат. 125 и пр. 1.

Г.

Гавриловъ Алексѣй, мѣщан. 493.
Гавріилъ, архим., авг. ист. фил. 113.
Гавріилъ, архіеп. Ряз. 499, пр. 2.
Гавріилъ, архіеп. Тв. 367.
Галичъ А., филос. 113.
Гаремынъ Я. П., писат. 144, пр. 1.
Геннадій, еписк. 19, пр. 1.
Геннадій, сынъ діак. 441.
Георгій Влад. Долгорукій, Вел. Кн. 88.
Георгій Всеволодовичъ, благовѣрн. кн. 88.
Гервасій, іерод. 493.
Германъ, свят. Каз. 427.
Геронтій, іер. эк. ак. 306.
Гертцъ А. А., помѣщица. 203.
Герценъ М. Н., дворянка. 225.
Гиббонъ, историкъ. 239.
Гиляровъ, см. *Гиляровъ-Платон.*
Гиляровъ-Платоновъ, Н. П., проф. ак. 381. 382. 386. 410. 468, пр. 1.
Гирсамовъ П. Ст., окон. сем. 200. 207.
Гирсамовъ Ѳ. Емм. 208.
Глинка Ѳ., поэтъ. 97.
Глѣбъ Андреев., благов. кн. 88.
Голицынъ Ал. Бор., князь. 305.
Голицынъ М. М., князь. 305.
Голицынъ С. М., князь. 367.
Голубинскій Іос. П., ст. ак. 420.
Голубинскій Ѳ. А., проф. ак. 94. 128 и пр. 1. 313. 317. 318. 335. 356. 360. 361. 369. 370. 372. 497.
Горбатые Дим. и *Васил.*, удѣл. князья. 11.
Горицкая О. А., дѣвица д. зван. 12.
Горицкій А. А., стряпч. 12. 15. 175. 224. 225. 277, пр. 2. 354. 404. 479.
Горицкій Я., сын. свящ. 21. 196.
Горскій А. В., проф. акад. 307. 323, пр. 1. 381. 386. 393. 395. 452. 486.
Граменицкая Ел., д. свящ. 432.
Граменицкая Ол., дочь свящ. 255.
Граменицкій Д., сынъ свящ. 327. 431.
Граменицкій М. Д., уч.—къ сем. 106. 152. 154. 161. свящ. 165. 168. 171. 177. 191. 215. 220. 234. 254. 296. 326. 332. 413. 421. 422. 424. 429. 431. 436. 440. 442. 445—447. 455. 463. 473. 478. 501. 504. 506.
Грандицкій И. Ѳ., свящ. 187.
Григорій (Миткевичъ), архим. р. ак. 439.
Григорій (Постниковъ), еп. Ряз. 185. арх. Каз. 452 и пр. 1. 461, пр. 1.

Груздевъ Як., ст. ак. 420.
Гундобинъ И. И., купецъ. 26, пр. 2. 33, пр. 1.
Гурій, свят. Каз. 427.
Гуръевъ В., уч.—къ сем. 152.

Д.

Даніилъ, преподоб. 309.
Делицынъ П. Спир., прот. проф. акад. 314. 318. 360.
Державинъ Г. Р., поэтъ. 96.
Державинъ, Кир. Д., ст. ак. 420.
Димитрій (Муретовъ), архим., впосл. архіепископ. 340, пр. 1.
Димитрій Ростовскій, св. 12 68. 76. 431. 438.
Димитрій (Самбикинъ), архим. (послѣ епископ.). 7, пр. 1.
Діевъ М. Я., свящ. 109.
Діонисій (Дм. Аннинскій), іер. преп. сем. 128, 130. 141. 148. 374. 375. 429.
Дмитревскій, авт. изъясн. на литург. 152.
Дмитревскій И. Е., свящ. 1.
Добровольскій Гав., уч.—къ сем. 153. 158. свящ. 160.
Доброхотовъ Ав. М., уч.—къ уч. 95. ст. семин. 156.
Доброхотовъ Дим., ст. ак. 312.
Доброхотовъ Н. М., діак. 478.
Доброхотовъ П., свящ. 154. 155, пр. 1.
Добрынинъ, генер. 232.
Долгорукій И. М., князь. 90. губерн. 184.
Долгоруковъ, князь, помѣщ. 184.
Домашневъ Е. И., помѣщ. 445.
Дроздовъ, Андр. Гр., иподіак. 100.
Дроздовъ Г. М., діак. 25.
Дроздовъ, свящ. рег. арх. хора. 184.

Е.

Евгеній (Казанцевъ), архіепископ 186, пр. 1. 367.
Евгеній (Сахар.-Платоновъ), инсп. ак. 291. 306. 314. рек. сем. и ак. 324. 335. 437. 439.
Евдокимовъ, Ѳер., ст. ак. 349. 350. іером. *Ѳеодотій*. 350. 419. 471, пр. 3. 472.
Евдокія Алексѣевна, вд. свящ. 29.
Евсевій (Орлинскій), рек. ак. 191. 291. 306. епископ. 322. 323, пр. 1., 340. 420. 427. 497.
Евстаѳій, іером. риз. 423. 450. архим. 452. 467. 494.
Евѳимій, архим. рек. сем. 259. пр. 1. 292. 379. 437.
Евѳимій (Бѣликовъ), іер. пр. сем. 145.
Екатерина II, Импер. 87.
Елисавета, доч. діак. 3. 13. 119. 279. 404.
Елпидифоръ, епископ. Вят. 503.
Ермогенъ, свящ. 59.
Ефремъ, свящ. 475.
Евѳимъ, свящ. 475.

Ж.

Жерюзе, филос. 113.
Жукова, помѣщ. 158.
Жуковскій, В. А., поэтъ. 96.

З.

Заболотскій - Платоновъ, протопресв. 467.
Зворыкинъ, куп. 262. 271. 458. 479.
Зенкевичъ Мих., ст. академ. 420.
Зерникавъ Ад., писат. 461.
Зефирова Ан. Тр., жен. діак. 22.
Зефировъ, И. В., діак. 22.
Златоустъ Іоан. св. 190. 446.
Знаменскій Ст. Г., свящ. 133.
Зосима, архим. 18.

И.

Ивановскій, прот. 121.
Иванъ Васильевичъ Грозный, царь 83. 143. 181.
Иванъ Ивановичъ, діак. 1.
Иванъ Ивановичъ, дьячекъ. 1.
Иванъ Петровичъ, сынъ діак. 13. 148. 160.
Игнатій (Брянчаниновъ), архим. 166.
Игнатій (Рождественскій), іером. инсп. сем. 468. 470. 510.
Израиль (Лукинъ Як. Ив.), іером. 77. 92. 93. 97. ректъ. сем 104.
Иконниковъ Гав. Андр., стан. прист. 259.
Иларіонъ (Боголюбовъ), іером. инсп.академ. 324. рек. сем. 365.
Иларіонъ (Сиротинскій), іером. 469. 470. 474. 475.
Илія, архим. 360.
Ильинъ, полков. 450.
Иннокентій, архим. 117.
Иннокентій (Борисовъ), архим. рек. акад. 128 и пр. 2. 132. 190. 262. 265. 340. архіеп. 509.
Исидоръ (Никольскій), митроп. 111.
Исполиновъ Θеод., ст. ак. 420.

І.

Іаковъ, патр. ветхоз. 146.
Іеронимъ, архим. 153. рек. сем. 181. 182. 486.
Іеронимъ, еписк. Влад. 87.
Іоанникій, іерод. 478, пр. 1.
Іоаннъ Златоустъ, см. *Златоустъ*.
Іоаннъ, свящ. 1, монахъ 1. игум. 1.
Іоаннъ (Соколовъ), еписк. Смол. 497.
Іоасафъ, монахъ 1. игум. 1. 24.
Іона, митр. св. 451.
Іосифъ, архим. 33.
Іосифъ, еписк. Дмитр. 421. 433.
Іустинъ (Михайловъ), еп. Влад. 443, пр. 1. 448. 458.

К.

Каблуковъ, помѣщ. 81. 82. 156.
Казанскій П. С., проф. ак. 313.
Калашникова Ек. Б., жена куп. 124.
Калліопинъ, П. Н., ст. ак. 374. 375. 411.
Камышинскій Ал. П., ст. ак. 420. 455.
Капустинъ, Плат. Ив., бакк. ак. 314. 373, пр. 1. 468, пр. 4. 472, пр. 4. 509.
Карамзинъ Н. М., ист. 128.
Карасевскій, Ал. Ив., дир. Духовно-учеб. упр. 471, пр. 1.
Каретникова Евг. Ев., Мос. купчиха. 18.

Карповъ В. Н., проф. ак. 169, пр. 2. 171.
Катенька (Силецкая), доч. свящ. 337.
Каченовскій, авт. греч. хр. 62. 70.
Кедровъ, діак. 44.
Кедрскій, пр. сем. 471.
Кириллъ, еписк. Под. 184, пр. 1.
Киселевъ В. М., куп. 27. 30. 32. 33. 66.
Киселевъ Діом. В., сынъ куп. 31. 60.
Киселевъ Дм. Діом., сынъ куп. 31.
Киселевы И. и *Дм. Діомид-чи*, куп. 61.
Киселевъ Ив. Д., сынъ куп. 31. 32. 75.
Клюшкинъ Ив. Гр., куп. 286.
Козловъ, поэтъ. 97.
Кознсвъ Ев. Ив., куп. 271.
Козьма Васильевичъ, свящ. 19. 79.
Козьма, причет. 20.
Колесниковъ И. Андр., крест. 17.
Кондорскій Вас., ст. ак. 420.
Константинъ, бл. князь Мур. 181.
Константинъ Николаевичъ, Вел. Кн. 323. 407.
Константинъ Павловичъ, Велик. Кн. 6. 140.
Корниловъ Дм. В., куп. 28. 66. 459.
Коробынъ Ив., окольнич. 9.
Корсунскій И. Н., проф. ак. 314, пр. 1.
Косма, осн. мон-ря. 106.
Кохомскій А. Ав., препод. сем. 147. 148.
Краснопѣвковъ В. В., товар. геролдм. 465.
Красовскій С. Анд., ученикъ сем. 95. 152. см. учил. 271. 367.
Кротковъ Ѳ. Ив., препод. сем. 387.
Крыловъ, баснопи. 124. 125, пр. 1.
Кряжовъ, авт. геогр. 169.
Ксенофонтъ (Троепольскій), еписк. Влад. 33. 89. 182. 183. 184, пр. 1.
Кутута И. Эмм., губерн. 140. 149.
Кузьминскій П., письм. уч. 292.
Куликовскій, поэтъ. 121.
Кутневичъ В. Ив., оберъ—свящ. арм. 207, пр. 1. 214. протопр. 461.

Л.

Лавровъ Алекс. Петр., ст. ак. 419. зак. лиц. 454.
Лавровъ П., ст. сем. 258.
Лазаревъ-Станищевъ С. А., помѣщ. 127. 156 — 158. 164. 459
Ландышевъ, учит. уч. 325.
Ланской С. Т., губерн. 99.
Лебедевъ В. Ив., ст. ак. 418. 468, пр. 3. бак. ак. 472, пр. 2.
Лебедевъ М. Т., преп. сем. 111. 113.
Лебединскій Іос., ст. ак. 420.
Левашовъ В. Ал., пономарь. 5. 9. 23. 61. 83. 132. 180. 196. 201. 268. 281. 332. 397. 441.
Левенгауптъ, генер. 305.
Левицкій Дм. Гр., проф. ак. 313. 318. 497.

Левитскій Н. Прок., уч-къ сем. 95.
Левитскій, прот. 439.
Леонидъ (Зарѣцкій), еп. 443, пр. 3.
Леонидъ (Краснопѣвковъ), іером. пр. ак. 381. 386. 437. 438. рек. сем. 439. 449. архим. 465—467. 467, пр. 1. 473. 503.
Лопухина Ев. Ѳеод., царица. 16.
Лопухинъ А. А., прок. Син. к. 450. 467.
Лопухинъ Ѳ. Абр., бояр. 16. 17. 19.
Лыковъ П. Е., крест. 53.
Любославскій Андр., ст. ак. 419. пр. сем. 472.

М.

Магнусъ, Дат. принцъ. 83.
Макарій (Булгаковъ), инсп. ак. 340.
Макарій (Глухаревъ), архим. миссіон. 466.
Макарій, іерод. 478.
Макаръ Трофимычъ, дьяч. 58.
Маковъ Кос. С., городн. 172. 189.
Мануилъ Петровичъ, діак. 203. 459.
Марія Владиміровна, княжна. 83.
Марія, доч. діак. 13.
Марія, княгиня. 87.
Марія Михайловна (Левашева), жена дьяч. 4. 19. 56. 58. 76. 137. 144. 180. 196. 201. 253. 260. 268. 281. 399. 508.
Марія Николаевна, Вел. Кн. 323. 407.
Маричелли, архит. 28.
Маслаковы (Мяздриковы), купцы. 181.
Матвѣевъ Ст., іером. 303, пр. 1. 307. 360. 361. инсп. сем. 412. 413. 425. 426. 428. 438. 444.
Матвѣевъ Харл., крест. 18.
Матвѣй Васильевичъ, врачъ. 368.
Матвѣй, свящ. 12. 22. 68. 69.
Медвѣдевъ Тим., крест. живоп. 18. 32.
Мелетій, іером., казн. Дон. мон. 503.
Милованов П., ст. ак. 421.
Миловидовъ, Ал., ст. ак. 420.
Миловскій Я. В., преп. сем. 55. 122. прот. 458.
Минервинъ Ал. П., свящ. 331.
Минервинъ П. П., ст. сем. 22.
Минервинъ Н. П., пѣвч. 423. 425. 440.
Минервины Н. и А., дѣти свящ. 30. 68.
Мисаилъ, архіеп. Ряз. св. 499.
Митрофанъ (Добропадеждинъ), іер. пр. сем. 105. инсп. сем. 144. 145.
Митрофанъ, еписк. Вор., св. 24. 28. 85. 106. 227.
Митьковъ, помѣщ. 251.
Михайловскій — Дачилевскій, писат. 191.
Михаилъ, зашт. свящ. 40.
Михаилъ Ивановичъ, причет. 30.
Михаилъ и Ѳеодоръ, благ. кн. Мур. 181.
Михаилъ Николаевичъ, Вел. Кн. 459.
Михаилъ Павловичъ, Вел. Кн. 333.
Михаилъ Серѣевичъ, псаломщ. 1. 3.
Михаилъ, сынъ діак. 13.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, Государь. 59.
Моисей (Рыбальскій), іером. 317. 335. 349. 396. 484.
Москательниковъ С., перев. поэмы Тасса. 105, пр. 1.

Музовскій, протопресв. 373.
Муравьевъ Анд. Н., писат. 472. 485.
Муравьевъ, капит. 109.
Муромцевъ А. И., писат. 454, пр. 1.

Н.

Надеждинъ К. Ѳ., преп. сем. 55. 119, пр. 1. 183, пр. 1.
Надеждинъ Ѳ. М, пр. сем. 120. 122.
Надеждинъ, изд. «Молвы». 120.
Надеждинъ, писат. 113.
Назаревскій В. Гр., прот. 128, пр. 1.
Назаретскій В. И., учит. уч. 48.
Наумъ, прор. 7.
Наванаилъ, инсп. сем. 449, пр. 2. 147.
Невскій Ал. Ярослъ., вел. кн. св. 86. Срав. *Александръ Нев.*
Недешевъ А. И., преп. сем. 146. 147.
Неофитъ митр. 454, пр. 1.
Неофитъ (Соспинъ Н.), архим. ректр. 74. 75. 91. 92. 100. 116. 122 еп. 428.
Никита, преподоб.—309.
Никитскій А. Н., прот. 29 и пр. 1. 51. 75. 78.
Никодимъ (Казанц.), еписк. 330, пр. 1.
Никодимъ, стр. пуст. 19, пр. 1.
Николай Алексѣевичъ, уч-къ сем. 79.
Николай Егоровичъ, окруж. нач. 189.
Николай Николаевичъ, В. Кн. 407. 459.
Николай Павловичъ, Импер. 6. 9. 118. 305. 407. 450.
Николай Чудотв. св. 484.
Никольскій В., ст. ак. 421. ок. курсъ. 460.
Никольскій М. Дм., прот. 159. 327. 449 и пр. 1.
Никольскій Ѳеод., ст. ак. 420.
Никонъ, патр. 481.
Нифонтъ (Успенскій Ник. Д.), іер. см. уч. 187. 217. архим. 261. 300. 305 — 307. 309. 322. 335. 365. 371. 415. 436. 460.
Нордовъ, В. И. прот. 299.

О.

Обтемперанскій Ѳ. П., свящ. 458.
Обтемперанскій Я.—196.
Овчининскій М., ст. сем. 155, пр. 1.
Озеровъ, докт. 236.
Олимпіада, доч. діак. 13.
Ольга Николаевна, Вел. Княг. 323. 407.
Омировъ Ѳ. В., ст. акад. 372. 373.
Орлинъ Ст., ст. ак. 420. 422.
Орловъ Косма, свящ. 400.
Орлова-Чесминская А. А. граф. 117.
Орловъ Ив. Ст., свящ. 422. 423.
Орловъ П., уч-къ сем. 195.
Орловъ, прот. 184.
Орловъ Як., И., свящ. 36. 37. 48.
Осовецкій В. А., учит. уч. 48. 49. 65.
Островскій Ив, ст. ак. 420.

Остроумовъ И. И., ректъ. уч. 105. 106.
Остроумовъ И. Т., учит. уч. 191.
Остроумовъ Ѳ., ст. ак. 313. 318. 365. 420. 457, пр. 3. 458.
Орфанова Е. В., жена свящ. 328.
Орфановъ А. И., свящ. 328 406. 411.

П.

Павелъ Абр., свящ. 232. 239.
Павелъ, архим. ректъ. сем. 48. еп. 54 и пр. 1. 92. 101.
Павелъ, еп. Влад. 87.
Павскій Г. П., прот. 147. 217. 335.
Палеховскій А., свящ. 165.
Палеховскій Ил. Ив., врачъ. 144.
Пальмеръ Вил., діак. англ. 461 и пр. 1.
Пальминъ К., уч—къ уч. 95.
Панаевъ И. И., писат. 125, пр. 1.
Пасенко М. М., жена городн. 190. 256.
Паскаль, писат. 245.
Парѳеній (Отеновъ), іером. ст. ак. 396. 453, еп. болг. 453, пр. 1. 454, пр. 1. 482.
Парѳеній (Чертковъ П. В.), еп. Влад. 32. 46. 89 и пр. 1. 90. архіеп. 91. 93. 98. 99. 104. 112. 116. 118. 122, пр. 1. 123 и пр. 1. 145. 149. 153. 154. 155, пр. 1. 177. 180. 182. 192, пр. 1. 202. 223. 291. 292. 331. 443. 446. 488.
Пелагея Петровна, дочь діак. 13. 119.
Пернаткинъ Гавр., ст. ак. 420.
Петровъ, архит. 28.
Петръ Ивановичъ, дьячекъ. 2, діак. 2. 3. 5. 12. 13. 23. 39. 52. 53. 63. 67. 68. 74. 107. 108. 119. 159. 180. 281.
Петръ и Февронія, Мур. чуд. 181.
Петръ, митр. М. 88.
Петръ, монахъ Петр. мон. 493.
Петръ I, Импер. 16. 86. 305. 309.
Петръ, свящ. 20.
Пимень (Никольскій), іером. 101.
Питиримъ, еписк. 10.
Платонъ Алексѣевичъ, причетн. 20. 53. 57.
Платонъ (Левшинъ), митр. Моск. 46. 50 256.
Платонъ (Петрунькевичъ), еп. 86. 89.
Побѣдинскій-Платоновъ Ив. Ив., бакк. ак. 381. 387. 438.
Погодинъ М. П., проф. 190.
Поготовскій Гав. Прох., канд. ак. 138. 139.
Подключниковъ, художн. 87.
Пожарскій Дм., князь. 59.
Покровскій И. Гав., учит. уч. 188.
Покровскій М. В., врачъ сем. 291.
Поливановъ, помѣщ. 254. 256.
Поликарпъ (Гойтанниковъ), ректъ. ак. 62.
Поликарпъ (Тугариновъ), игум. 116. архим. ректъ. сем. 117. 145. 173. 176. 194. 290, пр. 1. 292. 300. 315. 320. 322. 459. 464.
Полисадовъ И. Н. 340.

Полисадовъ Л. И., прот. 84 и пр. 1. 203.
Полотебновъ Е. Ис., прот. 185. 244. 252. 254.
Пономаревъ Дан., студ. ак. 419.
Поповъ Ал., ст. ак. 419. пр. сем. 472. еп. *Павелъ*. 472, пр. 4.
Поповъ Егор. Ив., ст. ак. 419. 453. іером. *Порфирій*. 453. 469, пр. 3. 471. 472. 479 495.
Поповъ, пер. поэмы Тасса. 105, пр. 1.
Поповъ, состав. грамм. 224.
Поповъ Ѳ., ст. ак. 419.
Поспѣховъ Кс. В., ст. ак. 365.
Посылина М. И., купчиха. 31.
Посылина Т. И., купчиха. 31.
Посылинъ Ал., куп. 31. 32. 77.
Посылинъ Н., куп. 31.
Посылинъ Ст., куп. 30. 31. 48.
Потемкина Т. Б., княгиня. 305.
Правдинъ Ев., свящ. 29, пр. 1.
Прасковъя, крест. дѣвиц. 5. 53.
Прасковья Матвѣевна, ж. діак. 100.
Прасковья Михайловна, д. причетн. 58.
Приклонскій В. П., свящ. 171. 172.
Приклонскій Ив. Ив., прот. 425.
Приклонскій Пав., уч—къ сем. 141. 142.
Приклонскій П. В., прот. 327. 425. 440.
Приклонскій, свящ. с. Симы. 256. 305.
Пришлецова А. В., жена свящ. 21.
Пришлецовъ В. М., свящ. 21. 22.
Протасовъ Н. А., графъ, оберъ-прок. Св. Син. 90. 142. 218, пр. 1. 323, пр. 1. 410.
Протопоповъ П. А, секр. сем. 46.
Прудентовъ П. Абр., учит. сем. 173. 180.
Путятинъ Ир., прот. 256.
Пушкинъ А. С., поэтъ. 96.
Пьвницкая Авд. И., жена свящ. 68.
Пьвницкій П. И., свящ. 30. 50. 65. инсп. уч. 70. 75.
Пьвницкій П., сынъ свящ. 68.
Пьхотинъ, уч—къ сем. 121. 123.

Р.

Раевичъ, ст. унив. 121.
Ратшинъ А., писат. 23, пр. 1.
Рафаилъ (Шипулинскій Ст. Дм.), іером. пр. сем. 120. 121. 122. 130. 140. 141. инсп. сем. 145. 146. 154. 292.
Рейнгольдъ, филос. 113.
Ровкинъ А., свящ. 160.
Рождественская Ан. Ир., жена свящ. 374.
Рождественскій Ал., уч—къ сем. 105. 106. 110.
Рождественскій Вик. П., ст. ак. 419.
Рождественскій Дим., свящ. 373.
Рождественскій Н. Дим., ст. ак. 373. іером. *Игнатій*. 374. 419. 422. 453. См. также *Игнатій* (Рожд.).
Розановъ Гр., свящ. 486.
Романовскій, секр. сем. 292.
Ростиславовъ Д. И., проф. ак. 169, пр. 1.

Руберовскій В., окон. кур. сем. 258.
Руднев Н. В., ст. ак. 420.
Руновъ, письмов. сем. 78.
Русиновъ В., уч.—къ сем. 152.
Рыльевъ, поэтъ. 96.

С.

Сабашовъ Ал. В., см. тюр. зам. 445.
Саватьевъ М., крест. 28.
Савва, см. *Тихомировъ Ив. М.*
Сапорооская Ал. М., жена свящ. 12. 20. 440.
Сапоровскій В. В., свящ. 12. 20—24. 49. 64. 69. 108. 119. 120 123. 124. 128. 132. 135—137. 139. 164. 171. 180. 199. 203. 220. 224. 249. 252. 261. 265. 268. 272. 275. 278. 394. 417. 434. 459. 487. 489. 502.
Свирьлинъ А., свящ. 54, пр. 1.
Святославскій Ал. Ник., ст. ак. 372.
Семеновъ Ник. Ив., прот. 20.
Серапіонъ, іерод. ст. ак. 307. 335. 336. 455.
Серафимъ (Глаголевскій), митр. 91. 93. 99. 104. 112. 116. 122. 141. 218, пр. 1.
Серіевскій Н. А., бак. ак. 468, пр. 5. 472, пр. 3. 479, пр. 1.
Серій (Ляпидевскій), инсп. ак. 365. 381. 388, 442.
Серій Никитичъ, діак. 1.
Силецкая Ал. В., жена свящ. 244, пр. 1.
Силецкій Як. Ан., свящ. 244. 254. 265. 328. 336.
Сидонскій Ѳ. Ѳ., прот. 112. 113.
Симеонъ (Авдуловскій), архим. 503.
Симеонъ (Крыловъ Платоновъ), архіеп. Тв. 90.
Скабовскій Фл., уч—къ сем. 152.
Смирдинъ А., изд. 103. 109.
Смиренскій, свящ. 155, пр. 1.
Смирновъ Александръ, окон. кур. сем. 163.
Смирновъ В. И., прот. 33. 33, пр. 1. 42. 51. 73. 74. 124. 125.
Смирновъ, діак. собор. 184.
Смирновъ Іос. Я., преп. сем. 129. 132. 146.
Смирновъ М. Я., преп. сем. 111. 116.
Смирновъ Н. К., окон. кур. сем. 172.
Смирновъ-Платоновъ Г. И., прот. 373, пр. 1. 418. 446. 472, пр. 1.
Смирновъ С. К., проф. ак. 313, пр. 1. 314. 314, пр. 1.
Смирновъ Як., учит. уч. 165.
Снѣжнинскій Л. Я., ст. сем. 168.
Сокаръ Н. 33.
Соколова Люб. М., жен. инсп. уч. 183.
Соколовъ А. Вас., ст. ак. 419.
Соколовъ А. К., проф. ак. 381.
Соколовъ А. И., уч—къ уч., послѣ прот. 64. 79.
Соколовъ Аван., уч—къ уч. 65.
Соколовъ И. Арт., помѣщ. 66. 67. 82.
Соколовъ И. Гр., учит. уч. 189 263.
Соколовъ М. Ив., см. Куман. бог. 287, пр. 1. 288. 289. 291. 293. 316. 425. 490.

Соколовъ П., уч—къ уч. 37. 40. 47.
Сокольскій Пав., уч—къ сем. 142.
Соловьева А. А., жена діак. 80.
Соловьева А. В., жена діак. 23.
Соловьева А. М., дочь свящ. 82.
Соловьевъ А. Ив., прот. 308. 331. 332. 458.
Соловьевъ А. М., ст. ак. 80. 82. 82, пр. 1.
Соловьевъ В. П., діак. 22. 23.
Соловьевъ Вл., ст. ак. 374.
Соловьевъ М. М. уч—къ уч. 25. ст. ак. 78. 80. 82. пр. сем. 111. 115. 116. 117. 120. 133. 136.
Соловьевъ М. Н., свящ. 80—82. 94.
Соловьевъ Н. М., уч—къ сем. 80. свящ. 82 и пр. 1.
Соловьевъ Н. Н., діак. 80.
Соловьевы бр.: *А.* и *М.* уч—ки уч. 25. 80.
Сперанскій В. М., бак. ак. 462, пр. 2.
Сперанскій І. Н., свящ. 64.
Сперанскій М. М., губерн. Пенз. графъ. 118. 142. 184. 191.
Сперанскій П. В., свящ. 305.
Срѣтенскій Ник., ст. ак. 420.
Ставровскій П., прот. 118.
Стефанида Васильевна, ж. свящ. 19.
Стефанида Ивановна, жена псал. 1. 3. 15. 51.
Стефанъ, см. *Матвѣевъ*.
Стефанъ (Яворскій), митр. Рост. 299.
Стразовъ А. А., поном. 14.
Стразовъ Я., сынъ поном. 14. 15.
Стратилатовъ Ал., свящ. 461.
Строгановъ С. Г., графъ. 88.
Строевъ П. М., археографъ. 10, пр. 1. 24, пр. 1. 182, пр. 1.
Стурдза А. Ск., писат. 191. 280.
Субботинъ И. А., свящ. 34. 65.
Субботинъ Н. И., ст. ак. 374. 376. 509.
Сумароковъ Д. И., помѣщ. 498.

Т.

Талантовъ Фл. Тих., свящ. 138. 139.
Татіана Васильевна, жена прич. 19. 51. 57.
Татіана Ивановна, жена діак. 13. 39. 56. 68. 69. 119. 128. 197. 199.
Твердиславъ В. П., свящ. 195.
Твердый Стеф., ст. ак. 420.
Темрюковичъ-Черкасскій А. М., князь. 143.
Терновскій Сер., ст. ак. 419. 472.
Тихомирова Ан. В., жена свящ. 201. 203. 224. 238. 253. 260. 265. 267. 282. 340.
Тихомирова А. М., жена діак. 80. 160.
Тихомировъ Д. Р., учит. сем. 81.
Тихомировъ Е. А., 6, пр. 1.
Тихомировъ Ив. М., сынъ поном. 3. уч—къ уч. 25. 71. 75. 78. 79. 107. 148. свящ. 180. 291. 292. 343. іером. 388.
Тихомировъ И. П., діак. 80. 96.
Тихомировъ М., сынъ свящ. 225. 253.

Тихомировъ М. С., поном. 1. 291.
Тихоновъ Г., иконоп. 27.
Тихонравовъ К., писат. 59, пр. 2.
Тихонъ, іером. 335. 336.
Тихонъ (Якубовскій), еп. Суздал. 29.
Толстой М. В., графъ. 313, пр. 1.
Троепольскій И. М., сынъ прот. 183. 401.
Троепольскій М. Г., прот. 180. 182. 184. 189. 191. 202. 218. 266. 277, пр. 1. 304. 317. 326, пр. 1. 330. 341. 408. 409. 435. 458.
Трофимъ, свящ. 22.
Тумскій Іоан., свящ. 94. 186.
Тумскій Парѳ., свящ. 186. 224.

У.

Удальцовъ, собор. діак. 184.
Успенская М. И., жена діак. 49. 58.—свящ. 159. 459.
Успенскій,—*Будановъ Алекс.*, ст. ак., 420.
Успенскій И. Н., діак. 49. свящ. 58. 80. 159. 203. 282. 340. 402. 459.
Ушаковъ Ал. М., учит. уч. 173.

Ф.

Филаретъ (Гумилевскій), рек. ак. 136. архіеп. 140. 151, пр. 1. 423. 461. 471, пр. 2.
Филаретъ (Дроздовъ), митр. Моск. 15. 50. 54. 89. 90. 109, пр. 1. 122, пр. 1. 123, пр. 2. 132. 145, пр. 1. 190. 218, пр. 1. 313 323, и пр. 1. 330 и пр. 1. 333. 336 и пр. 1. 338. 367 и пр. 1. 368—370. 388. 407. 423, пр. 1. 425. 433. 442. 446. 448. 450. 451. 453. 456—458. 460—463. 465. 466. 470. 502. 505.
Филиппъ, свят. Моск. 421. 481.
Филоѳей (Успенскій), архим. рек. сем. 324.
Флоринскій Н. Ив., ст. ак. 318. 338. 356. 362. 369.
Фортунатовъ Ив. Мак., свящ. 270.
Францискъ де-Саль, еписк. Жен. 157.

Х.

Харизоменова А. Парѳ., жена прот. 186. 224.
Харизоменовъ А. Ст., бр. свящ. 186.
Харизоменовъ В. Ст., свящ. 175. 186. 188. 189. 207. 224. 231.
Харизоменовъ П. Ст., стол. консисторіи. 173. 174.
Хилковъ, князь. 470.
Холминскій Вас., ст. ак. 419.472.
Холуйскій Андрей, ст. ак. 312.
Холуйскій Я. И., свящ. 50. 74. 77. 78.
Хольцевниковъ, крест. 9.
Хомяковъ, писат. 461, пр. 1.

Ц.

Царевская А. В., дочь свящ. 175. 179. 250.
Царевская Пр. Ст., жена свящ. 173. 174. 176. 179. 186. 202. 203. 231. 249. 323. 377. 389. 390. 392.
Царевскій В. В., свящ. 85. 172. 173. 188. 232.
Царевскій В. В., сынъ свящ. 180.
Царевскій Н. В., сынъ свящ. 328.
Царевскій С. В., уч-къ сем. 320. 358. 376. 407. 377. 378. 379. 383. 391. 400. 406. 411. 415.
Цвѣткова А., дочь свящ. 51.
Цвѣткова Евл. М., жена свящ. 51. 77.
Цвѣтковъ В. Я., смотр. уч. 51. 70—72. 75. 77. 78. 459.
Цвѣтковъ Вл., ст. ак. 51. 374.
Цвѣтковъ, докт. 236.
Цвѣтковъ И. П., свящ. 254.
Цвѣтковъ К. Н., ст. сем. 45—48
Целебровскій В. П., преп. сем. 122. 123.
Целебровскій И. Е., свящ. 195.
Целларій, сост. лексик. лат. 78.
Циммерманъ, писат. 109.
Цыгановъ, крест. 9.

Ч.

Чайкина Ѳ. М., крест. 4.
Чайкинъ И. Н., крест. 8.
Чайкинъ М., крест. 8.
Черкасская В. Ал., княжна. 143.
Черкасскій см. *Темрюковичъ—Ч.*
Черныпювъ, свящ. 477.
Чижовъ, Г. М., свящ. 95.
Чистовичъ И. А., проф. ак. 218.
Чихачевъ, діак. 30. 37.
Чужинина А. М., жена крест. 64. 199.
Чужининъ И. И., крест. 199.

Ш.

Шаблыкинъ, помощ. 476.
Шевыревъ, Ст. П. проф. 110.
Шеметовъ М. И ,свящ. 187. 328.
Шереметевъ П. Б., графъ. 143.
Шимкевичъ Сем. К., ст. ак. 306.
Широковъ Еф., крест. 8.
Шишкина О., фрейл. 274.
Шишковъ А. С., пер. поэмы Тасса 105, пр. 1.
Шодчинъ, куп. 85. 259.
Шульце, психологъ. 113.

Щ.

Щегловъ Пав., ст. ак. 421.

Э.

Эсадзе, шт.-капит. 236.

Я.

Языковъ М. В., помощ. 200.
Якиманскій, псал. 156.

Яковлевскій А. И., преп. сем. 129. 132. 149 и пр. 1.
Яковлевскій П. И., свящ. 30. 68.
Яковлевъ Ѳ. Я., смотр. уч. 191. 296.
Ястребовъ Г. В., учит. уч. 188. 225. 351. 352.

Ѳ.

Ѳедоровъ В. Ѳ., проф. ун. 130.
Ѳеодоръ (Бухаревъ), см. *Бухаревъ*.
Ѳеодоръ, еписк. 85.
Ѳеодоръ, свящ. арх. пѣвч. 184.
Ѳеодосій Вел., Импер. 89.
Ѳеофилъ, архим. 262.
Ѳерапонтовъ А. Н., книгопр. 424.